

АРХЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Том 2

МОСКВА
2024

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

АРХЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ТОМ 2

Под общей редакцией д. и. н. А. В. Огорокова,
И. Б. Барышева

МОСКВА
2024

УДК 902.2
ББК 63.48(2)
А87

Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Житенев В. С., доктор исторических наук;
Путрик Ю. С., доктор исторических наук

А87 **Археология Российской Арктики : в 2-х томах** / под общей редакцией А. В. Огорокова, И. Б. Барышева. — Москва : Институт Наследия, 2024. — ISBN 978-5-86443-486-4.
Том 2. — 344 с. — DOI 10.34685/НИ.2024.90.31.001. — ISBN 978-5-86443-485-7.

В монографии приводятся краткие результаты археологических исследований, проводимых в арктическом и субарктическом регионах Сибири и посвящённых изучению истории освоения данных территорий. Рассматриваются проблемы археологической изученности Арктики в контексте освоения Русского Севера, вопросы сохранности археологических памятников. В представленных материалах также отмечены значимость и перспективность изучения археологических памятников освоения Русской Арктики в научном, общественном и политическом контекстах, рассматривается их использование как объектов культурно-туристского характера.

УДК 902.2
ББК 63.48(2)

На обложке: Географическая карта части северного полушария от полюса до широты 60° и 66°. Составлена при чертежной Адмиралтейского Департамента 1820-го года. — [Санкт-Петербург], 1820. Фрагмент.

DOI 10.34685/НИ.2024.90.31.001
ISBN 978-5-86443-485-7 (том 2)
ISBN 978-5-86443-486-4

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024
© Коллектив авторов, 2024

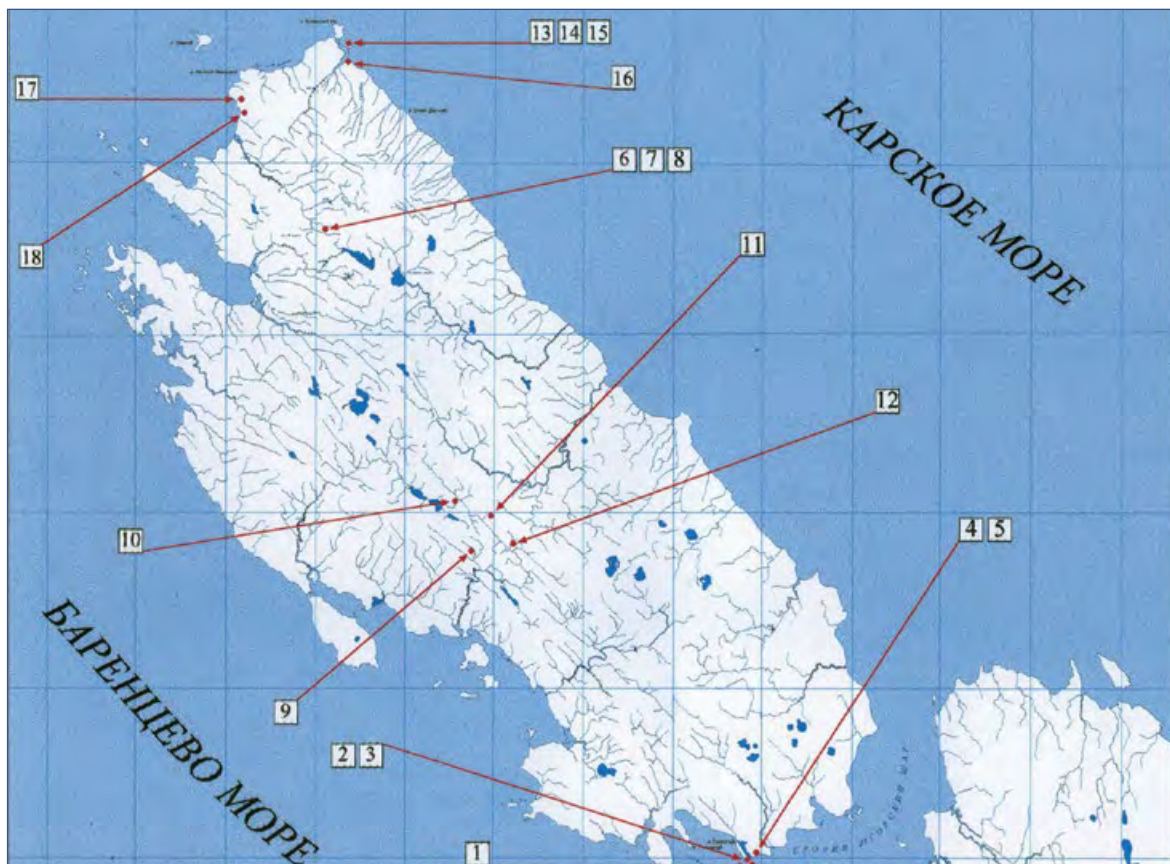
СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Б. Барышев</i> Археологическое наследие острова Вайгач _____	4
<i>В. Н. Карманов</i> Арктическая зона северо-востока Европы в эпоху камня и раннего металла _____	107
<i>Е. А. Окладникова</i> «Таймырская находка»: факты и версии _____	134
<i>В. В. Питулько</i> Археологические памятники арктической Восточной Сибири второй половины позднего плейстоцена и раннего голоцена _____	160
<i>С. Б. Слободин, А. Ю. Зеленская</i> Колыма в эпоху палеолита и мезолита (Магаданская область) _____	231
<i>С. Б. Слободин, А. Ю. Зеленская</i> Палеолит и мезолит Чукотки _____	290
Сведения об авторах _____	336

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОСТРОВА ВАЙГАЧ

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Остров Вайгач находится на границе Европы и Азии, между Новой Землёй и материковым Югорским полуостровом, омывается с запада водами Баренцева моря, а с востока — Карского моря. От материка остров отделён проливом Югорский Шар, а от Новой Земли проливом Карские Ворота (илл. 1).

Илл. 1. Карта о. Вайгач

Остров вытянут с юго-востока на северо-запад на 105 км и имеет ширину 44 км. В акватории близ острова находится более 100 мелких островов и отдельно стоящих скал. В рельефе преобладают грядовые возвышенности с максимальной высотой 157 м над уровнем моря.

Характерными чертами климата острова являются большая влажность воздуха, почти постоянная пасмурность, частые и длительные атмосферные осадки, туманы и сильные ветры.

На Вайгаче развиты многолетнемерзлотные толщи, которые вызывают специфические мерзлотные процессы: термокарст, солифлюкцию, бугры пучения и др.

Наличие мерзлоты влияет на ход почвенных процессов. Почвенный покров острова разнообразен — в горной части почва отсутствует и распространены каменные россыпи, значительную часть занимают тундровые глеевые почвы, на прибрежных равнинах развиты торфяно-глеевые почвы, часто небольшими участками встречаются дерново-луговые почвы (Вайгач, 2011. С. 11).

Растительный покров представлен в основном мхами и лишайниками, встречаются осоки, ягодные кустарнички, карликовая ива. На острове хорошо развита речная сеть, имеется большое количество озёр. В прибрежных и внутренних водах, на побережье и в тундрах острова водятся морские животные (тюлени, морж, белый медведь), ценные породы рыб (голец, омуль), птицы (гусь, лебедь, гага), олень, песец и др. (Остров Вайгач, 1999. С. 50–53; Вехов, Кулиев, 2000. С. 23–26).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые письменные сведения о культовых памятниках населения Вайгача принадлежат английским и голландским мореплавателям, искавшим Северо-Восточный проход из Европы в Китай и Индию вокруг Северной Азии.

Достаточно подробное описание святилища было сделано в 1556 г. английским капитаном *Стивеном Барроу* и его спутником шкипером *Ричардом Джонсоном* (Английские путешественники..., 2007. С. 132–141). Они описали некое святилище, идолов, стоявших на нём, следы религиозных обрядов.

В 1594 г. на острове побывали участники голландской экспедиции под начальством *Корнелия Нея* и *Бранта Эйсбранца*, также искавших проход в Китай и Индию. Хронограф экспедиции *Ян Гюйгенс Ван Линсхотен* описал святилище на мысе, который голландцы называли мысом Идолов (голл. *Afgodenhoek* — Болванский Нос, современный мыс Дьяконова) (Линсхотен, 1915. С. 480–506).

В 1595 г. голландская экспедиция под командованием *Корнелиуса Нея* и *Якоба ван Гемскерка* вновь посетила Вайгач. Кроме Линсхотена записки об этой экспедиции оставил и *Геррит де Фер*. В них он описал встречи с самоедами, их облик, одежду, оружие и некоторые религиозные обряды. Особый интерес в книге Г. де Фера представляют гравюры, иллюстрирующие внешний облик встреченных голландцами аборигенов, их оружие, святилища со стоящими на них идолами. Это были первые изображения идолов, которые стояли на вайгачских святилищах (илл. 2, 3) (Де-Фер, 1936).

В 1671 г. в Париже вышла книга *П. М. де Ламартиньера* «Путешествие в северные страны» (Ламартиньер, 1911), написанная на основе его путешествия 1653 г. в качестве судового врача на корабле датской торговой компании. В ней он описал жилища, одежду, промысловое вооружение народов, населявших остров *Борандай* (п-ов Варандей), Большеземельскую тундру, Новую Землю и остров Вайгач. В книге приведены некоторые сведения о религиозных обрядах и обычаях местных жителей. Однако необходимо отметить, что многие описания Ламартиньера выглядят настолько фантастическими, что до сих пор у исследователей возникает вопрос о реальности описанного путешествия. Наиболее странным кажется упоминание о сосновых лесах, росших на Вайгаче, которые относятся к зонам тундры и арктической пустыни. Однако сравнение сведений Ламартиньера с сообщениями других путешественников даёт основание считать, что большинство его данных реальны.

Русские поморы не раз бывали на святилищах острова задолго до западноевропейских путешественников, они не раз показывали иностранцам святилища.

Илл. 2. Карта о. Вайгач и сопредельных территорий из книги Г. де Фера «Плавания Баренца 1594–1597» (Под ред. В. Ю. Визе. – Л. : Изд. Главсевморпути, 1936. – 310 с. – С. 75)

Илл. 3. Изображение святилища на о. Вайгач из книги Х. де Вейра «Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг.» (Под ред. П. В. Боярского. – М. : Изд. дом «Рубежи XXI», 2011. – 280 с. – С. 60)

С поморами связаны и географические названия этих объектов, где присутствовал топоним, которым они называли идолов — *болван: Болванская гора, Болванский Нос* (помор. — *мыс*). Участники английских и голландских экспедиций не раз отмечали в своих дневниках, что русские мореплаватели были первопроходцами проливов Югорский Шар и Карские Ворота, а остров Вайгач являлся местом стоянок и промыслов поморов. Остров Вайгач упоминался в «*расписных речах*» «*мангазейского морского хода*» первой четверти XVII в. (Отписка..., 2004. С. 97).

Впервые в российской историографии сведения о вайгачских святилищах, религиозных верованиях и обрядах ненцев («*о вере самоедской*») приводится в Атласе Архангельской губернии 1797 г. (Ясински, Овсянников, 2005. С. 370). Именно в нём впервые было сказано, что Вайгач является «*общественным местом жертвоприношения*».

В 1824 г. на Болванском Носу побывал штурман *И. Н. Иванов* и оставил описание ненецкого святилища (Литке, 1948. С. 315–318).

Неоценимый вклад в исследования ненецких традиционных верований и обрядности внёс архимандрит Антониево-Сийского монастыря *Вениамин (Смирнов)*, начальник духовной миссии по обращению в христианство самоедов Архангельской губернии. Именно с его именем связан начальный этап научного изучения культовых мест острова. Уже после смерти архимандрита Вениамина в «*Вестнике Императорского Русского Географического Общества*» была опубликована его работа «*Самоеды Мезенские*» (Вениамин, 1855), которая не потеряла своего значения до сего времени. В ней он очень подробно описал ненецкое святилище на Болванском Носу, ритуалы, происходившие на нём, назвал имена богов, которым поклонялись ненцы. В своей работе он впервые классифицировал ненецких идолов. Кроме этого, он упомянул о других святилищах Вайгача и ненецких тундр, указал их местоположение и имена божеств, которым они посвящены. Архимандрит Вениамин ещё раз после *И. Н. Иванова* в своём описании святилища отметил, что на Вайгаче располагался главный языческий пантеон всех родов самоедов.

Через десять лет после архимандрита Вениамина, в 1837 г., на острове побывал и оставил описание святилища на Болванском Носу *А. И. Шренк*, автор книги о быте и нравах ненцев, которая была опубликована в 1855 г. (Шренк, 1855).

В 1878 г. известный шведский ученый и полярный исследователь *А. Э. Норденшёльд* организует экспедицию для осуществления плавания Северо-Восточным проходом. В экспедиции принимал участие поручик русской гвардии *О. А. Нордквист*, описавший состояние святилища на Болванском Носу спустя 50 лет после уничтожения его архимандритом Вениамином (Нордквист, 1964. С. 186–187).

Интересные заметки о святилищах Вайгача оставил художник *А. А. Борисов* в книге «*У Самоедов. От Пинеги до Карского моря*» (Борисов, 1907). Он первым в конце XIX в. побывал на святилищах Болванской горы во внутренней части острова и на самом северном святилище, на мысе Малый Болванский Нос. *А. А. Борисов* не только описал эти святилища, но и впервые отобразил их на живописных полотнах.

В фондах Музея антропологии и этнографии и Российского этнографического музея в Петербурге есть находки с Вайгача, которые поступили от нескольких собирателей в 1905–1915 гг., но неизвестно, были сами собиратели на Вайгаче или получили экспонаты через вторые руки.

Сведения о существовании «*самоедского капища на о. Вайгач*», на мысе Дьяконова и о поклонении ненцев идолам на святилищах острова имелись в отчёте священника с. Тельвисочного *отца Евгения* о своей поездке в Югорский Шар

в 1902 г. (ГААО. Ф. 6. Л. 10, 11) и в рапорте священника того же села *отца Геннадия* (Юрьева) о посещении острова в 1914 г. (ГААО. Ф. 29. Л. 38–40), обнаруженные в архиве сотрудником МАКЭ *В. П. Столяровым*.

Краткое упоминание о святилище оставил *Р. Амундсен*, совершавший в 1918–1920 гг. плавание на судне «Мод» вдоль северных берегов Азии (Амундсен, 1936. С. 68).

В 20–30 гг. XX в. от геологов и других специалистов, работавших на острове в составе экспедиции ОГПУ, в некоторые музеи поступают отдельные вещи со святилищ (Хомич, 1980. С. 50). В начале 30-х гг. XX в. одно из святилищ острова упомянул в своих воспоминаниях бывший в заключении и работавший на рудниках Вайгача артист Вацлав Янович Дворжецкий (Дворжецкий, 1994. С. 63). После этого сведения о святилищах Вайгача надолго исчезают, во всяком случае, не обнаружены пока письменные упоминания о них.

В 1984–1987 гг. на острове проводятся первые археологические исследования Архангельской арктической комплексной экспедицией (ААКЭ) Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина. В ходе исследований были получены первоклассные коллекции, которые составляют источниковедческую базу для решения кардинальных историко-культурных проблем Крайнего Севера. К сожалению, опубликовать полностью эти уникальные материалы Л. П. Хлобыстин не успел, однако им были даны первые характеристики памятников, сделаны первоначальные выводы. Часть работ по святилищам острова была опубликована уже после смерти исследователя (Хлобыстин, 1990. С. 120–135; Хлобыстин, 1991; Хлобыстин, 1992; Хлобыстин, Питулько, 1996).

Наиболее полно памятники острова описаны в трудах сотрудников МАКЭ, в которых отражены исследования на острове, проведённые в 1986–1997 гг.: «Остров Вайгач (Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа). Природное и культурное наследие. Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения» (М. : Институт Наследия, 1999), «Остров Вайгач. Культурное и природное наследие» (Книга 1 / Под общ. ред. П. В. Боярского, В. П. Столярова. — М. : Институт Наследия, 2000). Сотрудниками опубликованы предварительные итоги историко-культурного изучения языческих культовых мест острова (Скворцов, Склокина, 1990; Иванов, 1990; Боярский, Глазов, 2001; Барышев, 2002; Барышев, Боярский, 2002 б; Боярский, 2004).

Сотрудница МАКЭ *И. Г. Авенариус* в своей монографии (Авенариус, 2009) посвятила геолого-геоморфологическому и морфоструктурному строению острова Вайгач раздел, в котором отражена морфоструктурная приуроченность известных святилищ острова к морфоструктурным узлам.

В 2011 г. вышел том из серии МАКЭ «Острова и архипелаги Российской Арктики», посвящённый объектам культурного и природного наследия острова Вайгач (Вайгач. Остров арктических..., 2011). В издании впервые приводятся описания памятников истории и культуры острова Вайгач, среди которых приведены археологические объекты эпохи неолита, средневековья, ненецкие святилища, поморские приметные, обетные и поклонные кресты, памятники хозяйственной деятельности, места стоянок и захоронений, памятные места, связанные с деятельностью исследователей и первопроходцев. В основу монографии положены материалы многолетних исследований МАКЭ (с 1986 г.) на острове.

В 2011 г. вышла монография *И. Б. Барышева* «Языческие святилища острова Вайгач», в основу которой легли материалы исследований сотрудников МАКЭ и автора как археолога в составе МАКЭ. Работа посвящена святилищам Вайга-

ча, их месту в религиозной жизни средневековых насельников северо-востока Европы и ненецкого народа. Хронологические рамки исследования охватывают средневековый период, новое и новейшее время.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На протяжении многих столетий остров являлся одной из важных промысловых территорий для сменяющих друг друга северных народов. На его берегах, начиная, по крайней мере, с последней стадии верхнего палеолита, люди промышляли морского зверя, занимались рыболовством, охотились на оленя и белого медведя. В позднее время остров служил русским и ненецким промышленникам своеобразным «мостом» для перехода на новоземельские промыслы.

История крайнего северо-востока Европы на основе археологических данных к настоящему времени восстановлена частично. Археологические культуры, непосредственно предшествующие сложению современных северных народов, изучены недостаточно. Как показали исследования, заселение острова и сопредельных территорий началось ещё в конце верхнего палеолита и продолжалось в последующие эпохи. Однако памятников этих времён выявлено крайне мало. В IV–XIII вв. на крайний северо-восток Европы проникают новые поселенцы, приходившие с нижней Оби и Ямала и приносившие с собой особенности своих культур. Этот процесс фиксируется по многочисленным аналогиям в керамике памятников второй половины I — нач. II тыс. н. э. (Мурыгин, 1992. С. 106–162; Хлобыстин, Питулько, 1996. С. 130; Барышев, Боярский 2002а. С. 5–30). Приток нового населения в целом определил облик средневековой культуры на крайнем северо-востоке европейской России. В XII–XIV вв. этот процесс завершается появлением самодийцев-ненцев, постепенно ассимилировавших аборигенное население. По крайней мере, с конца XIV в. на Вайгач и далее на Новую Землю стали проникать русские поморы, однако археологических объектов XIV–XVII вв., относящихся к поморам, на острове пока не найдено.

История археологического изучения острова Вайгач насчитывает всего несколько десятков лет. Начато оно было в 1984 г. ААКЭ ЛОИА АН СССР совместно с управлением культуры Архангельского облисполкома и областным краеведческим музеем под руководством Леонида Павловича Хлобыстина (1931–1988) (илл. 4). Исследования продолжались до 1987 г. и были прерваны смертью учёного. Всего за эти годы Л. П. Хлобыстиным было исследовано пять разновременных памятников, находящихся на побережье и во внутренней части острова. Были раскопаны древние святилища на *Болванском Носу* и *Сиртя-Сале* (ненец. — *мыс Сиртя*), произведены разведочные работы на святилищах *Болванской горы* и *Малого Болванского Носа*, где также найдены стоянки эпохи неолита. Прибрежные культовые памятники исследователь датировал средневековым, а расположенные в глубине острова — новым и новейшим временем. Работы Л. П. Хлобыстина открыли новую страницу в древней истории Арктики. Он выстроил точную хронологию памятников на протяжении нескольких столетий — от рубежа нашей эры до позднего средневековья, впервые появился материал, позволяющий нам судить о духовной и материальной культуре народов, обитавших на крайнем северо-востоке Европы до прихода сюда *ненцев*, о первых контактах местного населения с первыми *русскими*, вероятнее всего, *ладожанами*. Экспедиция Хлобыстина была одной из первых, где в 1985 г. применили металлоискатель для работы на памятниках острова. Оператором и разработчиком

Илл. 4. Леонид Павлович
Хлобыстин

методики поиска при помощи металлоискателя был сотрудник экспедиции А. К. Станюкович (Станюкович, 1990. С. 187–193, 195, 196).

С 1986 по 2011 гг. МАКЭ было выявлено и исследовано на острове 368 объектов историко-культурного наследия. Были обследованы многие участки восточного побережья от мыса *Створный* на юге до мыса *Малый Болванский Нос* на севере острова, внутренняя часть острова, включая районы *Болванской горы* и *горы Идолов*, большая часть северного побережья и почти всё западное и юго-западное побережья.

Наиболее значимыми объектами культурного наследия на острове являются верхнепалеолитическая стоянка *Литосаля*; поселение *Карпова Губа* VII–X вв.; средневековые святилища VIII–XIV вв. (*Болванский Нос I, II, III*; *Хосейто I*; *Сиртя-Сале*; *Малый Болванский Нос III*), ненецкие святилища «Весако» (*Болванский Нос I*), «Ходако» (*Малый Болванский Нос III*), *гора Идолов*; сохранившиеся поморские кресты XIX — нач. XX вв.; сохранившиеся промысловые избы XIX — нач. XX вв. (Вайгач, 2011. С. 15–405).

Большинство объектов культурного наследия на острове находится в зонах активного воздействия природных разрушающих факторов, часть их испытывает отрицательное антропогенное воздействие, и, таким образом, состояние их может рассматриваться как неудовлетворительное, и для большей их части необходимо принятие срочных мер по спасению.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТРОВА

Местонахождения отдельных орудий каменного века. Археологическая разведка МАКЭ в полевой сезон 1989 г. была проведена в северо-западной части острова Вайгач с целью осмотра не только побережья, но и глубинных районов. Маршруты обследования шли радиально от базовых лагерей МАКЭ (бухта Худая губы Долгой, бывший посёлок Дыроватый, бывшая полярная станция Вайгач). Детально исследовались: побережье губы Долгой (на всём протяжении берега); побережье бухты Рогатой и всё побережье многочисленных бухт полуострова Дыроватый; побережье мыса Воронов Нос и бухты Воронова; побережье мыса Ясару-саля; побережье от мыса Ясару-саля до устья реки Хэхэ-яхи; побережье от устья Хэхэ-яхи до мыса Мы-саля; побережье бухты Западной Болванской от мыса Костяной; два полуострова — Дыроватый и Воронов; долины рек: Большой, Зелёной, Янго-яхи и Хэхэ-яхи; берега озера Силян-порнэйто на полуострове Дыроватый и северо-западная часть озера Янго-то; междуречья Хэхэ-яхи и ручья Воронова, рек Янго-яхи и Халян-яхи, Большой Зелёной и Лэмбара-яхи; окрестности гор Айго, Медной, Болванской, мыса Янго. Осмотрен остров Большой Воронов.

Кремневый материал найден на небольшом мысу в пределах залива Воронова (стоянка Литосаля), на берегу бухты Рогатой, у основания горы Силян-порнэй и на северо-западном берегу озера Янго-то (илл. 1).

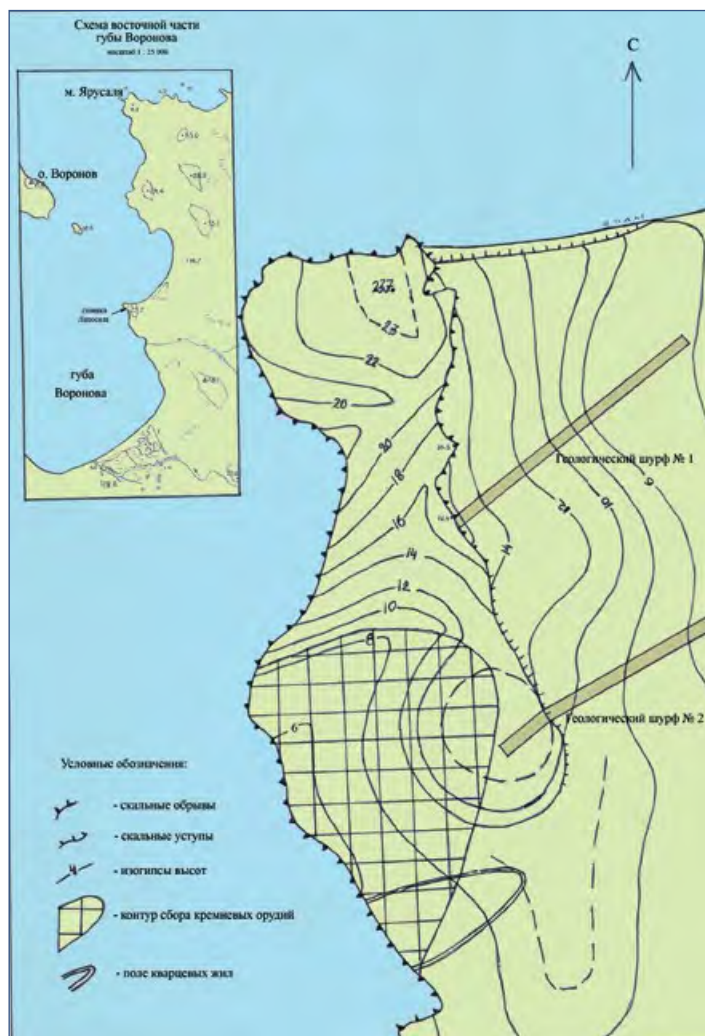
На берегу бухты Рогатой найдено всего одно каменное орудие — на узком (около 30 м) каменистом перешейке между берегом бухты и небольшим озером.

На полуострове Дыроватый близ горы Сиялнг-порнэй (в 50 м от северного берега бухты Утиной) найдено три кремневых предмета — одно орудие и два нуклеуса, один из которых (из серого кремня) был найден на берегу, непосредственно у подножья горы Сиялнг-порнэй.

На севере острова, к северо-западу от озера Янго-то, на небольшом каменистом плато в 50 м от озера найдено 4 кремневых предмета, представляющих собой отдельные орудия и сколы.

Стоянка Литосаля является (на данное время) самым древним объектом археологического наследия на острове. Она обнаружена сотрудниками МАКЭ в 1989 г. и исследована археологом МАКЭ Г. И. Ивановым (Иванов, 2000. С. 77).

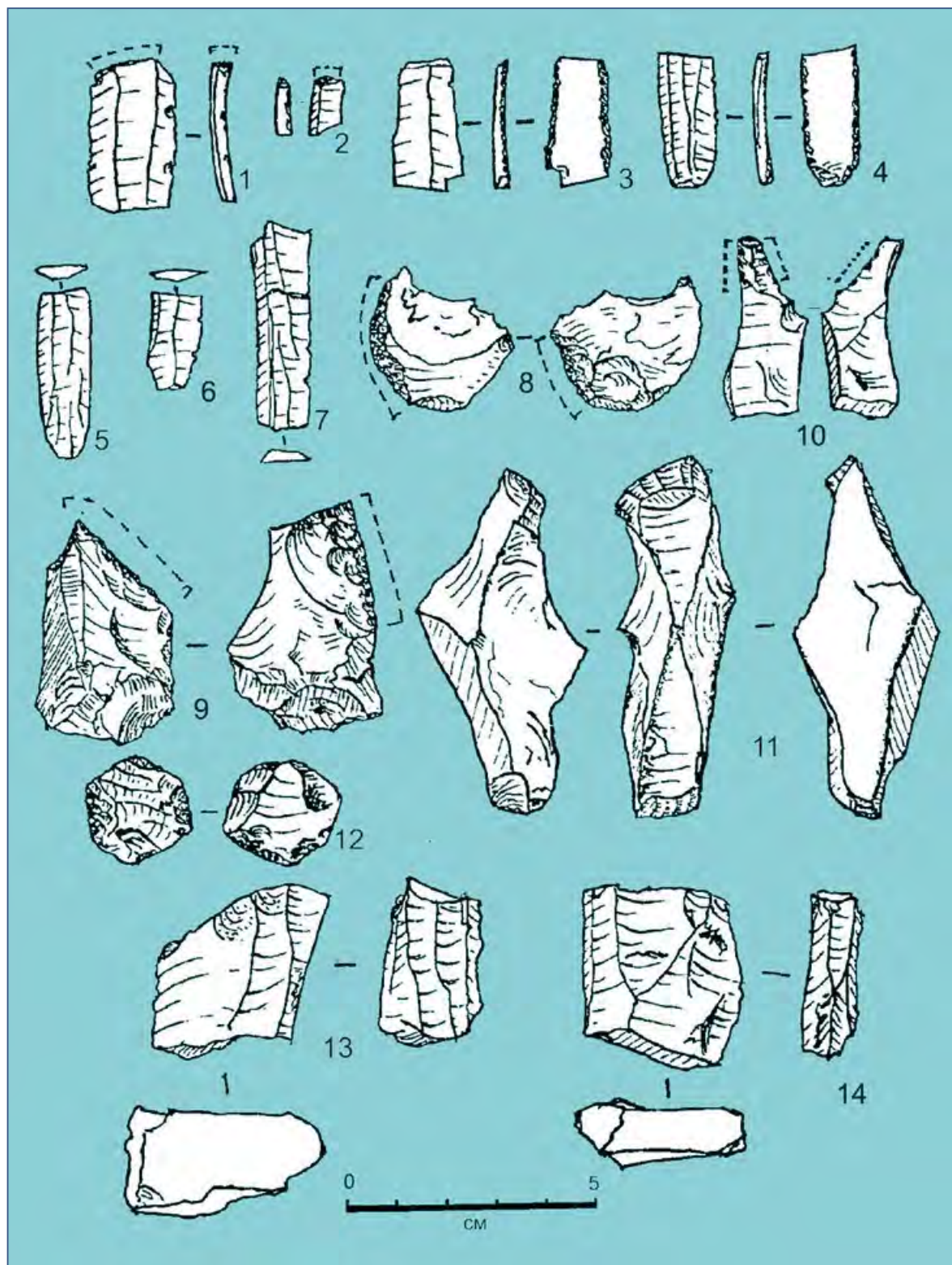
Стоянка (илл. 1; 5) расположена на безымянном мысу в бухте Воронова, в 1 км к северу от устья ручья Воронова. Географические координаты стоянки: 70°19' с.ш., 58°40' в.д. Поверхность мыса каменистая, практически лишённая растительности и каких-либо отложений. В нескольких метрах от стоянки находится геологическая траншея, вырытая в скальном грунте направленными взрывами в 70-х гг. XX в. Ширина траншеи 1,5 м, а отвалов — до 3 м. Поскольку мыс в бухте Воронова не имеет названия, стоянка названа сотрудниками МАКЭ «Литосаля» — каменный мыс.

Илл. 5. Стоянка Литосаля. Топографический план. МАКЭ, 1989

Археологический материал собран в двух метрах от берегового обрыва на площади 4 × 7 м. Каменный инвентарь был распространён практически равно-

мерно, никаких закономерностей в его распределении не наблюдалось. Было найдено 58 кремневых предметов (илл. 6), частью представляющих собой несколько оформленных орудий, и большое количество отщепов со следами использования в качестве орудий (Иванов, 1989. С. 2). Основное количество материала обнаружено на территории стоянки, а вне её зафиксированы лишь единичные находки. Поэтому описание материала даётся в комплексе.

Илл. 6. Стоянка Литосалья. Каменный материал

Комплексное описание кремневого инвентаря стоянки Литосаля (илл. 6) и других мест острова:

1. Концевой скребок из белого кремня шириной 18 мм на сечении призматической пластины. Ретушь основного рабочего края отвесная. По одному из прямых лезвий — фрагментарная ретушь, по обоим лезвиям заметны следы от использования (илл. 6, 1).

2. Концевой скребок из кремня белого цвета шириной 6–7 мм на трёхгранной в сечении микропластине (илл. 6, 2).

3. Сечение ножевидной пластины белого кремня, подтреугольной в профиле, шириной 11–14 мм. Обработка боковых краёв притупляющей ретушью с брюшка, причём обработка одного лезвия произведена отвесной притупляющей ретушью (правый край по спинке), а другого — полукрутой (левый край по спинке) (илл. 6, 3).

4. Сечение ножевидной пластины белого кремня, призматической, шириной 10–12 мм. Притупляющая ретушь нанесена со стороны брюшка (правый край по спинке); противоположный край оформлен полукрутой ретушью с брюшка.

5. Ножевидная пластина из кремнистого сланца, призматическая, дистальная, шириной 9–11 мм, длиной 34 мм. Патинирована (илл. 6, 5).

6. Два фрагмента сечения одной пластины кремнистого сланца, призматической, шириной 11 мм, длиной 26 мм и 15 мм. Материал слегка патинирован (илл. 6, 7).

7. Сечение пластины белого кремня, дистальная часть призматическая, шириной 10 мм, длиной 18 мм. По обоим сторонам заметны выщербины от использования. Слабая патина на спинке.

8. Двойной скребок на округлом уплощённом кремневом отщепе желтовато-коричневого цвета размером 25 × 30 мм. Рабочих краёв два, с противоположной обработкой. Широкое выпуклое лезвие со стороны брюшка частично оформлено двусторонней обработкой. Второе лезвие — узкое, прямое, обработано со стороны спинки. Лезвия не стыкуются и имеют самостоятельное значение, возможно, ножевидное и скребковое. Предположительно, данное орудие было более сложным, так как отщеп представляет собой часть, отслоившуюся от другой части по мерзлотной трещине.

9. Нуклеидный скобель на высоком массивном сколе кремня красновато-розового цвета с отвесной обработкой лезвия и с остриём. Размеры скола 50 × 30 мм. Орудие найдено на каменистом плато между горой Силян-порнэй (илл. 6, 9) и берегом бухты Утиной, в 50 м от берега. Высота плато 10–12 м над урезом воды.

10. Поперечный скол поджигления площадки призматического нуклеуса из серого кремня размером 3 × 22 мм. Хорошо видны негативные следы скалывания пластин.

11. Сечение пластины неправильной формы из белого кремня, шириной 8–14 мм. На одной из сторон заметны выщербины от использования.

11-а. Сечение пластины белого кремня, дистальная часть, шириной 10–15 мм, длиной 12 мм. С одной из сторон заметны следы использования.

12. Орудие на уплощённом отщепе серого кремня с регулярной мелкозубчатой ретушью по прямому рабочему краю. Размеры 30 × 40 мм.

13. Клювовидное орудие на отщепе из окремнённого кварцита размером 30 × 30 мм, с двумя острыми рабочими клювовидными концами, имеющими выщербины от использования. Выщербины от использования идут также по всему протяжённому выпуклому краю отщепа.

14. Клювовидное орудие коричневого кремня на углу проксимальной части уплощённого отщепа. Забитость прилежащей части спинки отщепа была использована при обработке рабочего лезвия. На вогнутой части клювовидного лезвия наложена дополнительная мелкая ретушь. Такая же ретушь идёт по части бокового прямого края отщепа, примыкающего к острому рабочему краю клювовидного орудия. Размеры 25×20 мм.

15. Орудие на крупном утолщённом отщепе серого кремня размером 50×50 мм, с регулярной мелкозубчатой ретушью по слегка выпуклому рабочему краю.

16. Долотовидное орудие из кремня розового цвета с коротким прямым поперечным лезвием (длина 12 мм) на продолговатом кремневом сколе размером 22×50 мм. Рабочий край подработан мелкозубчатой ретушью. С тыльной стороны хорошо заметны выщербины от употребления. Берег озера Янго-то (илл. 1).

17. Орудие двойное скоблевидное из белого кремня, типа *Piece d'ecaille*, на небольшом овальном отщепе, размером 25×25 мм. Лезвия противоположаще оформлены. Прямое желобчатое лезвие многорядно приострено и имеет ладьевидный профиль. Смежный, под углом 90° , прямой долотовидный край оформлен приёмами чешуйчатой подтески — тремя пластинчатыми сколами и многорядной чешуйчатой подтеской самого лезвия (илл. 6, 12).

18. Призматический нуклеус кубовидного характера из белого кремня размером $35 \times 30 \times 20$ мм, со скалыванием отщепов как по длинной, так и по короткой оси исходной заготовки. На нуклеусе использовались все четыре грани. Краевая часть удлинённой торцевой плоскости скалывания подработана поперечным сколом. Скалывание заготовок по короткой плоскости не сопровождалось подправкой площадки. Найден на каменистом плато между горой Силян-порнэй и берегом бухты Утиной, в 70 м от берега (илл. 1; 6, 14).

19. Начальный нуклеус торцевого скалывания из серого кремня размером $30 \times 30 \times 10$ мм с негативными следами двусторонних сколов частично оформленного заднего ребра нуклеуса. Хорошо видны плоскостные негативы («негативы ориентации») боковых поверхностей, ограничивающие торец. Отчётливых следов скалывания ножевидных пластин в торцевой плоскости не наблюдается.

Нуклеус найден у подножья горы Силян-порнэй, на берегу бухты Утиной (илл. 1).

20. Многосоставное орудие на крупном высоком сколе окремнённого кварцита размером $70 \times 20 \times 30$ мм (с двумя короткими поперечными лезвиями типа скребка-стамески и желобчатого тесла, и двумя протяжёнными прямыми лезвиями скребел-скобелей). Одно из прямых лезвий отвесно обработано крупнофасеточной ретушью. Лезвие скребка-стамески утончено в тыльной части за счёт естественного вылома и приострено по углам мелкими фасетками. Короткое желобчатое лезвие на противоположном конце оформлено противоположаще по отношению к лезвию скребка-стамески и имеет крупные выщербины по вогнутому в профиль рабочему краю.

21. Орудие на сколе подтреугольной формы из белого кремня размером 35×35 мм. На приостренном конце — рабочее лезвие протяжённостью 10 мм, подработано мелкозубчатой ретушью.

22. Нуклевидный обломок белого кремня размером $35 \times 30 \times 25$ мм, распавшийся на две части по мерзлотной трещине. Хорошо заметны негативные следы скалывания отщепов в разных плоскостях. Обломок неправильной формы, не исключена его трактовка как нуклевидного скребка. Найден у северо-западной оконечности озера Янго-то (илл. 1).

23. Кварцитовый пластинчатый отщеп размером 25×20 мм с характерной изогнутой в поперечном плане ударной площадкой и заметной впадиной в центре.
24. Крупный массивный скол окремнённого кварцита подтреугольной формы размером $50 \times 50 \times 20$ мм. На одном из концов заметны выщербины, возможно, от употребления.
25. Краевой скол светло-серого кремня размером 55×40 мм.
26. Отщеп белого кремня размером 40×25 мм.
27. Плоский кварцитовый отщеп размером 40×35 мм.
28. Орудие на небольшом сколе из кварцита размером $20 \times 20 \times 7$ мм. Острый конец отщепа подправлен с одной стороны мелкими сколами. По слегка выпуклому краю наложена мелкозубчатая ретушь.
29. Кремневый скол красноватого цвета размером $22 \times 22 \times 10$ мм, покрыт белой патиной. Хорошо прослеживаются негативные следы скалывания.
30. Плоский кремневый отщеп белого цвета размером 15×20 мм.
31. Уплощённый кремневый отщеп белого цвета с характерной изогнутой в поперечном плане ударной площадкой. Размер 25×20 мм.
32. Пластинчатый отщеп белого кремня размером 30×20 мм.
33. Уплощённый кварцитовый отщеп размером 30×20 мм.
34. Фрагмент орудия на высоком отщепе белого кремня размером $25 \times 15 \times 10$ мм. На одной из боковых сторон сохранился фрагмент рабочего края с микро-ретушью.
35. Уплощённый отщеп белого кремня размером 25×20 мм.
36. Мелкий кварцитовый отщеп размером 10×10 см.
37. Отщеп белого кремня размером 20×15 мм со следами использования на одном из краёв.
38. Уплощённый кварцитовый отщеп размером 30×20 мм.
39. Краевой кварцитовый отщеп размером 30×30 см.
40. Комбинированное орудие на кварцитовом сколе типа скребла-стамески размером $40 \times 20 \times 10$ мм. Узкое выгнутое лезвие подработано несколькими направленными сколами. Тыльная сторона оформлена одним сколом. С продольной стороны прямое продольное лезвие обработано двурядной неправильной ретушью.
41. Орудие на кварцитовом отщепе размером 25×20 мм. Округлый рабочий край оформлен крупной крутой ретушью. По оформлению напоминает концевые скребки.
42. Кремневый отщеп из белого кремня размером 50×30 мм.
43. Кремневый отщеп белого цвета размером 20×15 мм.
44. Кремневый отщеп белого цвета размером 20×15 мм.
45. Уплощённый кремневый отщеп белого цвета размером 30×20 мм с характерной изогнутой в поперечном плане площадкой.
46. Уплощённый кварцитовый отщеп размером 20×25 мм. По одной из сторон заметны следы использования.
47. Орудие типа остря-проколки с обломанным острием на кремневом отщепе белого цвета, на длинном, заостряющемся конце (с обломанным острием) подработаны ретушью с «брюшка» противоположные стороны. Размеры орудия по продольной оси 35 мм, у основания 15 мм.
48. Орудие клювовидного типа на кремневом отщепе светло-серого цвета. Два сходящихся под прямым углом рабочих края подработаны мелкой отвесной ретушью. Размеры отщепа 20×25 мм.
49. Плоский кремневый отщеп белого цвета. Размеры 17×12 мм.

50. Пластинчатый отщеп серо-розового кремня. Размеры 35×25 мм.
51. Плоский отщеп светлого кремня. На прямом крае хорошо видны мелкие выщербины, характерные для использования. Размеры 30×20 мм.
52. Плоский отщеп белого кремня. Размеры 35×15 мм.
53. Отщеп белого кремня размером 25×30 см с сохранившейся широкой ударной площадкой и ярко выраженным ударным бугорком.
54. Кремневый скол белого цвета. Размеры 17×23 мм.
55. Плоский кремневый отщеп белого цвета. Размеры 25×13 мм.
56. Пластинчатый отщеп белого кремня подчетырёхугольной формы размером 12×14 мм. На одной из граней заметны следы употребления.
57. Орудие на плоском отщепе белого цвета. На одну из граней нанесена мелкая ретушь. Размеры 18×14 мм.
58. Удлиненный высокий отщеп белого кремня. Размеры $30 \times 10 \times 8$ мм. Покрыт патиной. Возможно, употреблялся в качестве орудия.
59. Плоский кремневый отщеп светло-серого цвета. Размеры 28×19 мм.
60. Остаток клиновидного нуклеуса торцового скалывания из белого кремня размером $22 \times 15 \times 6$ мм. Площадка нуклеуса носит следы подправки. На торцовой стороне хорошо видны следы скалывания микропластин.
61. Крупный обломок светло-серого кремня, высокий, подтреугольной формы размером $120 \times 80 \times 40$ мм с ярко выраженными следами использования на двух острых концах. Можно представить как вариант клювовидного орудия. Со стороны «спинки» носит следы подправок в виде крупных сколов. Приострѐнная вершина орудия уплощена. Рабочий край одного «клюва» имеет долотовидный характер. На спинке частично сохранилась галечная корка. Орудие найдено на узком каменистом перешейке между небольшим озером и берегом бухты Рогатой.
62. Крупный обломок белого мраморовидного кремня неправильной формы размером $110 \times 60 \times 50$ мм с естественно образовавшимся приострѐнным клювовидным концом. Противоположная сторона широкая и гладкая, удобная для захвата рукой. Клювовидный конец и прилегающая к нему сторона носят явные следы утилизации. Никаких негативных следов скалывания или подправки нет. Орудие найдено на небольшом каменистом плато крайней северо-западной точки озера Янго-то.
63. Кремневый отщеп белого цвета размером 20×22 мм.
64. Кварцитовый отщеп размером 32×27 мм.
65. Кремневый отщеп красноватого цвета, уплощенный. На округлой грани заметны следы использования. Размеры 20×30 мм.
66. Кварцитовый скол. Размеры $15 \times 25 \times 15$ мм.

Общая характеристика материала

Всего собрано 66 кремневых предметов. Из них пластин ножевидных — 9 шт., в том числе со вторичной подработкой — 4 шт.; орудий со вторичной подработкой — 18 шт., в том числе комбинированных — 5 шт.; отщепов и сколов со следами использования (явно выраженных) — 7 шт., в том числе орудий с чёткой функцией — 2; нуклеусов — 3 шт.

Археолог МАКЭ Г. И. Иванов на основании изучения материала сделал вывод, что *«кремневый инвентарь стоянки Литосаля и других сборов на о. Вайгач, в целом имеет своеобразный облик. Нетипичность форм изделий, за исключением пластин, затрудняет археологическую датировку материала. Однако, с достаточным основанием можно провести некоторые аналогии с кремневым инвентарем Медвежьей пещеры на Печорском Урале»*, исследованной В. И. Канивцом,

«так как часть специфических орудий и техника изготовления имеют явное сходство» (Остров Вайгач, 2000. С. 80).

Скобель № 9, типологически аналогичен массивному грубому скреблу из верхнепалеолитической коллекции Медвежьей пещеры. Орудие № 17, которое по технологии изготовления характерно для финальной стадии развития верхнего палеолита, также имеет аналог в коллекции Медвежьей пещеры.

Следует отметить кремневые отщепы с характерной изогнутостью в поперечном плане ударной площадки (№ 23, 31, 45), что является свидетельством достаточно архаичной техники расщепления камня. С другой стороны, ножевидные пластины с брюшковой обработкой обоих краёв могут свидетельствовать о мезолитическом компоненте в совокупности каменных изделий острова Вайгач.

Однако Г. И. Иванов уточняет, что «при общей аморфности материала наличие нескольких признаков не может, конечно, гарантировать точности археологической датировки. Однако в качестве рабочего предположения можно говорить об элементах сходства части каменного инвентаря острова Вайгач с северо-уральской палеолитической традицией, и (вполне сознавая дискуссионность этого предположения) можно отнести его к финальной стадии развития верхнего палеолита» (Иванов, 2000. С. 77–80).

КОМПЛЕКС ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ НА МЫСЕ МАЛЫЙ БОЛВАНСКИЙ НОС

В 1986 г. Архангельская арктическая комплексная экспедиция ЛОИА АН СССР Л. П. Хлобыстина продолжила работы на Вайгаче, начатые в 1984 г. Группа экспедиции под руководством В. В. Питулько выполняла изыскания в районе Малый Болванский Нос на северной оконечности острова (илл. 1), на месте расположения полярной станции (п. с.) имени Е. К. Фёдорова (Хлобыстин, 1986. С. 17).

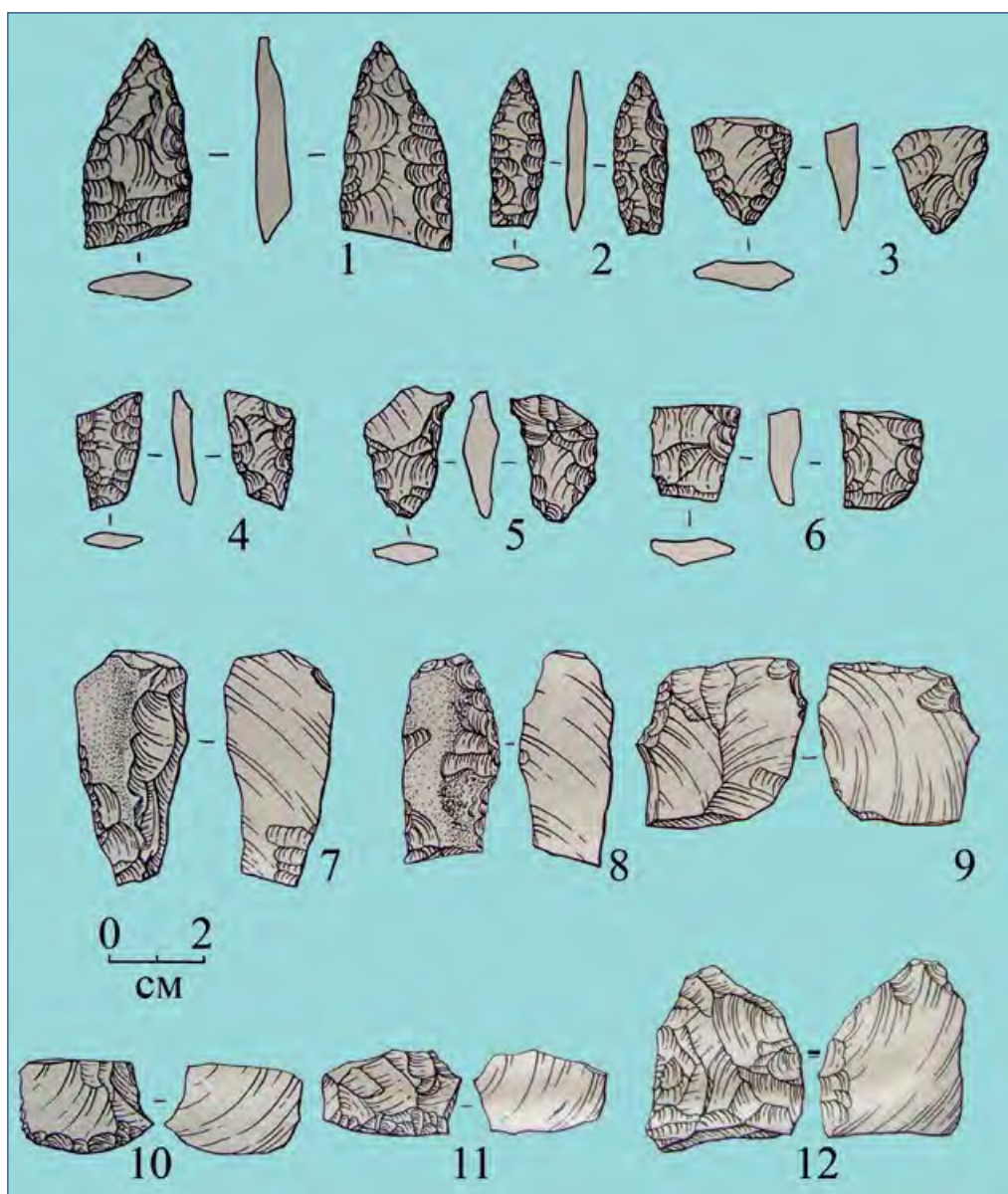
Илл. 7. Малый Болванский Нос. Карта-схема (Хлобыстин, 1985. Илл. 91)

На территории м. Малый Болванский Нос, который соединяется с остальным островом узкой песчаной косой, выявлены остатки позднего ненецкого святилища и три пункта с археологическим материалом — Малый Болванский Нос I, II, III.

На святилище, занимающем почти всю территорию полярной станции, встречались остатки жертвоприношений, среди которых найдены обломки медной посуды, гильзы от различных систем ружей шведского, норвежского и американского производства конца XIX — начала XX вв., обломки топоров, кости морзверя и оленей.

Стоянка Малый Болванский Нос I расположена на берегу Карского моря, примерно в 300 м к востоку от полярной станции (илл. 7). Находки были собраны с поверхности на площади около 100 × 150 м. Они были равномерно распространены по всей площади объекта. У Хлобыстина это вызвало «впечатление остатков развеенного культурного слоя» (Хлобыстин, 1986. С. 18).

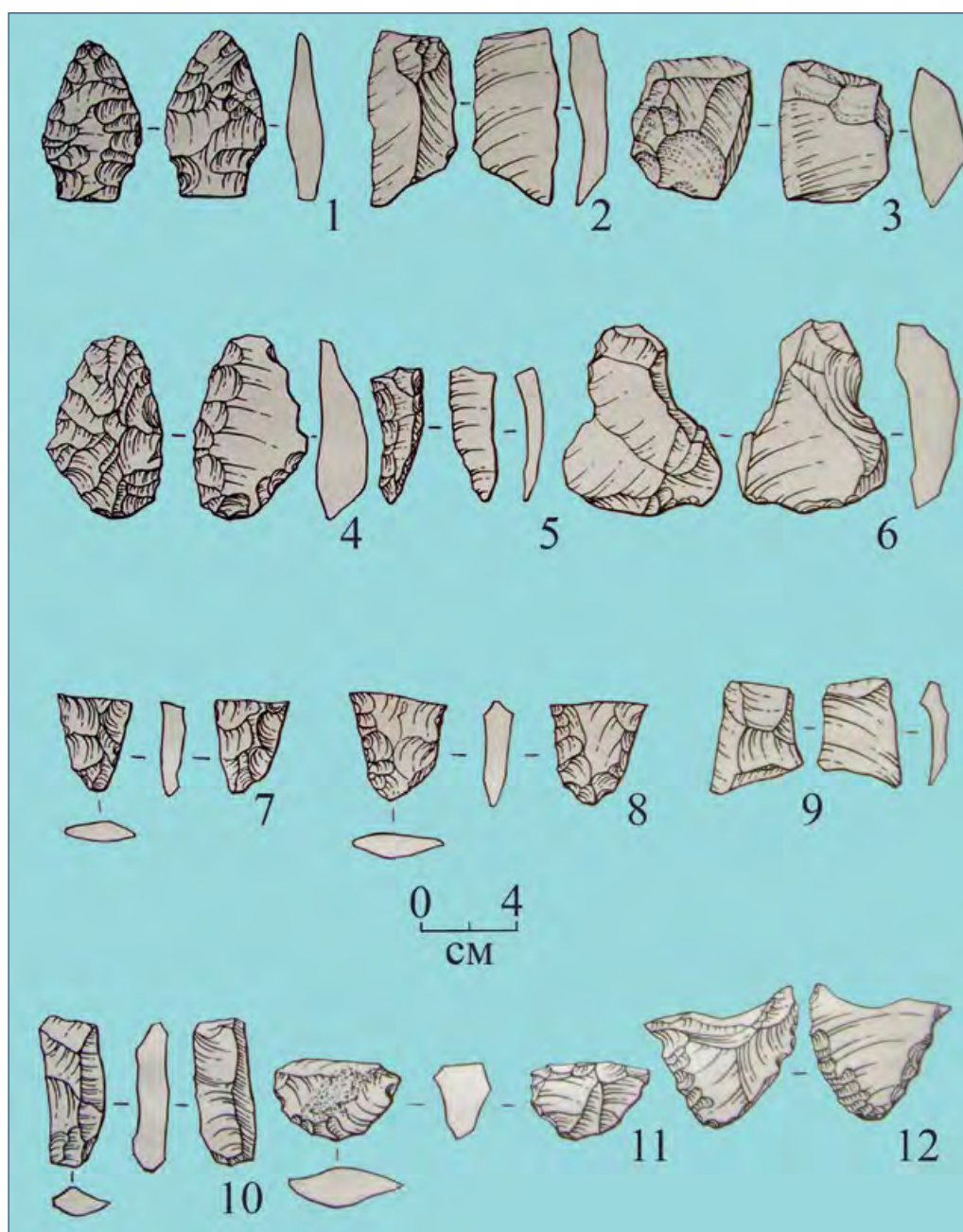
Все находки были изготовлены из светло-серого и желтоватого кремня, единичные были сделаны из кварцита и окремнённого известняка. Находки были

Илл. 8. Каменный материал со стоянки Малый Болванский Нос I (Хлобыстин, 1985. Илл. 93)

представлены отщепами, осколками и обломками (44 шт.); отщепами с ретушью (30 шт.); обломком широкого листовидного наконечника, обломками двусторонне обработанных наконечников или ножей, наконечником стрелы рыбковидной формы, массивным листовидным наконечником со сломанным основанием, двумя массивными пластинами с ретушью, массивным отщепом ромбовидной формы с ретушью по трём сторонам, пластинчатыми отщепами (3 шт.), которые могли использоваться как ножи (илл. 8) (Хлобыстин, 1986. С. 19).

Стоянка Малый Болванский Нос II (илл. 7) находится на оконечности мыса, в 150 м от маяка. Материал собран с площади 70 × 100 м. Территория памятника представлена щебнистой площадкой со скальными выходами. На территории стоянки собрано 137 предметов из камня, среди которых из кремня — 86 предметов, из кварцита — 47 шт., из окремелого известняка — 10 шт. и др. (илл. 9).

Илл. 9. Каменный материал со стоянки Малый Болванский Нос II (Хлобыстин, 1985. Илл. 95)

По типам находки распределяются следующим образом:

- отщепы, осколки и обломки кварцита — 34 шт., отщепы, осколки и обломки кремня — 63 шт., отщепы, осколки и обломки других видов сырья — 9 шт.;
- отщепы со следами использования: 14 из кремня, 1 из кварцита;
- отщепы с подретушовкой: 4 из кремня, 2 из кварцита;
- нуклеидные изделия из кремня — 4 шт.;
- обломки 2 листовидных ножей из кварцита;
- 3 скребка из кремня;
- обломок крупной пластины из кварцита, использовавшейся как нож;
- обломок шлифованного теслаца подпрямоугольной формы из окремнённого известняка зелёного цвета;
- черешковый наконечник стрелы из кремня (Хлобыстин, 1986. С. 20).

Стоянка Малый Болванский Нос III (илл. 7) находится в 80–90 м к северо-востоку от стоянки Малый Болванский Нос II. На щебнистой площадке 3 × 5 м были обнаружены кости нерпы и оленя. Среди них два фрагмента со следами сверления и резания. Найдено сильно окисленное изделие из бронзы с заметной примесью олова.

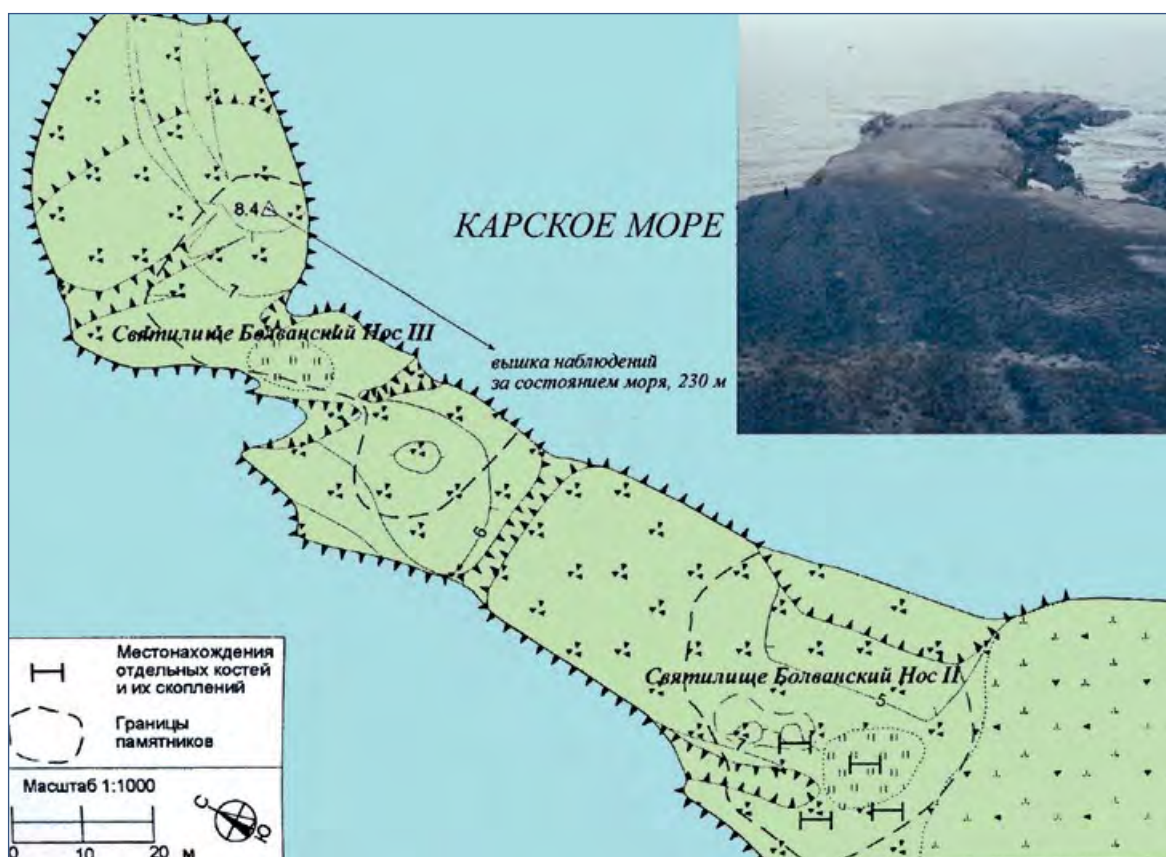
Стоянки Малый Болванский Нос I, II Л. П. Хлобыстин датировал эпохой неолита — началом эпохи бронзы, т. е., исходя из принятых для северо-востока европейской части СССР дат, это II тыс. до н. э. Расположение стоянок на мысе позволило Хлобыстину предположить, что стоянки оставлены охотниками, наряду с другими видами охоты занимавшихся добычей морских млекопитающих (Хлобыстин, 1986. С. 21).

ААКЭ ЛОИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина приступила к археологическим исследованиям на Вайгаче в 1984 г. Непосредственно на острове экспедиция проводила пешие разведочные маршруты небольшими поисковыми группами. Группа самого Л. П. Хлобыстина прошла от м. Гребень до устья р. Варку-яги. От устья р. Варку-яги до м. Дровяного на юго-восточном берегу острова прошла группа Г. В. Иванова (Хлобыстин, 1985. С. 1).

Комплекс святилищ Малый Болванский Нос. В северной части острова Вайгач находится мыс Болванский Нос, состоящий из двух мысов — Малого и Большого Болванских Носов. Отсюда до южной оконечности Новой Земли чуть более 160 км. На Большом Болванском мысе расположена погранзастава. На мысе Малый Болванский Нос расположена полярная станция имени академика Е. К. Фёдорова (илл. 1; 10).

Малый Болванский мыс отделяется от острова длинной узкой песчаной косой, которая заливается во время морского прилива, и мыс превращается в остров. Строения станции расположены на территории бывшего святилища.

Впервые об этом памятнике, который он посетил в конце мая 1898 г., упоминает А. А. Борисов и приводит его ненецкое название — *Арка саля (Нгарка Сале)*. Ко времени его посещения святилище «ничего особенного из себя» не представляло. «...Все предметы приношений растасканы частыми посетителями — промышленниками...». «За триста сажень от священного места стоял необыкновенно ветхий деревянный крест. ... Этот крест поставлен был по крайней мере двести лет тому назад; здесь дерево гниёт чрезвычайно медленно. ... Вокруг креста и в особенности на восток к морю валялось множество остатков от зимовьев самоедов: кости, обрывки ремней, кожи оленей, сани, бочки, бочонки, примитивное деревянное горно для литья пуль и пр.». На святилище художник «написал этюд — жертвенный камень с кучей костей и самих божеств». Борисов здесь обнаружил кладбище, состоявшее из двух самоедских могил (Борисов, 1907. С. 89–90).

Илл. 10. Святылища мыса Малый Болванский Нос. Топографический план.

Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

В 1985 г. мыс был обследован группой ААКЭ. Сотрудники экспедиции «установили, что святылище на Малом Болванском Носу разрушено» (Хлобыстин, 1992. С. 168). В 1986, 1987, 2000, 2007, 2009 гг. здесь проводила свои исследования Морская арктическая комплексная экспедиция.

В 1985 г. группа В. В. Питулько экспедиции Л. П. Хлобыстина на территории м. Малый Болванский Нос выявила остатки позднего ненецкого святылища. На святылище, занимающем почти всю территорию полярной станции, встречались остатки жертвоприношений, среди которых найдены обломки медной посуды, гильзы от различных систем ружей шведского, норвежского и американского производства конца XIX — начала XX вв., обломки топоров, кости морзверя и оленей (Хлобыстин, 1986. С. 2, 17, 18).

В 2000 г. МАКЭ обследовала территорию мыса (Боярский, Барышев, 2001. С. 10–11). По скоплениям жертвоприношений территория памятника поделена на три пункта, получившие соответственно названия жертвенных мест — Малый Болванский Нос 2, 3, 4.

Жертвенное место Малый Болванский Нос 2 расположено в основании узкого каменистого мыса, в 110 м к северу от деревянного маяка-радиовышки (в 2006 г. вышка рухнула под напором ураганного ветра. — И. Б.), в 40 м к югу от жертвенного места Малый Болванский Нос 3 и разделяется с ним расщелиной с отвесными стенами шириной до 3 м и глубиной до 2 м (илл. 10). Микрорельеф памятника сформирован скальными останцами, между которыми располагаются щербистые площадки, частично покрытые слабой моховой растительностью. Именно на участках с моховой растительностью отмечено больше всего фрагментов костей жертвенных животных (илл. 11). Или, вернее сказать, растительность

Илл. 11. Святилище Малый Болванский Нос II. Вид с юга

маркирует места жертвоприношений, где создалась наиболее благоприятная среда для развития биоты. Кости были сильно фрагментированы, покрыты лишайниками и трещинами. Определить принадлежность костных останков какому-либо животному не представлялось возможным. Находки собраны на площади около 120 кв. м. Подъёмный материал был представлен различными железными предметами и их фрагментами, подвергшимися сильной коррозии, гильзами от винтовок иностранного производства, круглыми свинцовыми пулями (илл. 12). По найденным вещам памятник можно датировать XIX — началом XX вв. (Боярский, Барышев, 2001. С. 11).

Илл. 12. Находки со святилища Болванский Нос II: 1–3 – фрагменты котлов; 4–6 – пули; 7 – малокалиберный патрон. 1, 3 – медь, 2 – железо, 4–6 – свинец, 7 – латунь, свинец

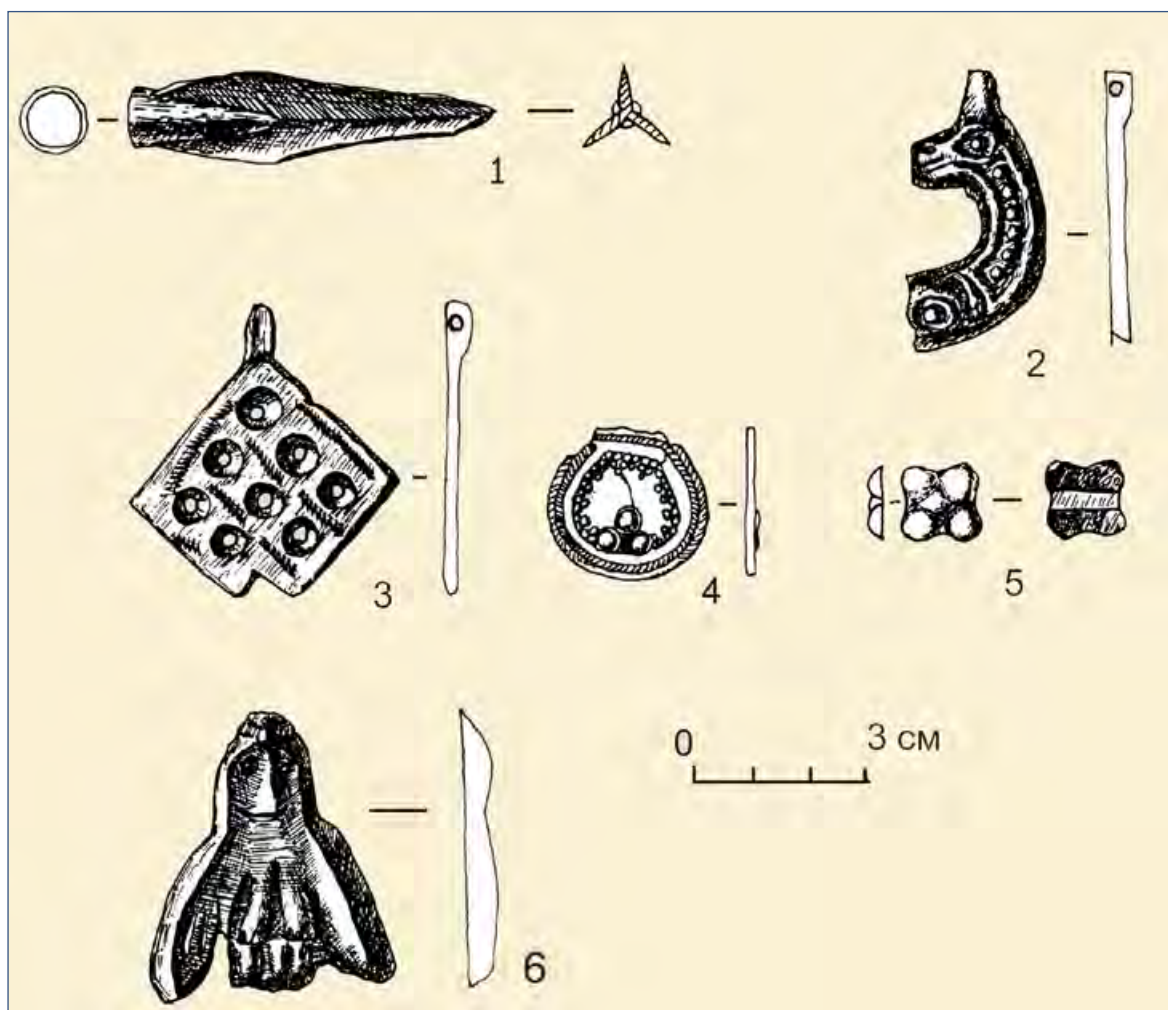
Жертвенное место Малый Болванский Нос III обнаружено МАКЭ в 1987 г. и тщательно исследовано в 2000 г. (Боярский, Барышев, 2001. С. 10–11), находится на маленьком, узком каменистом мысе, который имеет протяжённость с севера на юг около 140 м. Примерно в 200 м к югу от памятника находится маяк-радиовышка, а в 40 м к югу — жертвенное место Малый Болванский Нос II. Жертвенники разделены глубокой расщелиной шириной около 2 м, рассекающей мыс на две части. Покрытая плотным щебнем площадка памятника, на которой отсутствовала какая-либо растительность, расположена между небольшими скальными выступами и имеет площадь около 100 кв. м. Скальные выступы имеют неправильную пирамидальную форму и, скорее всего, использовались в качестве идолов (илл. 13). Видимо, это и есть одно из главных святилищ *Я'Мал Хадако* — *Края Земли Старухи*. Впервые об этом святилище упоминал архимандрит Вениамин: «На северном конце Вайгача главный идол женского пола называется Хадако (бабушка)» (Вениамин, 1855. С. 125).

Илл. 13. Святилище Малый Болванский Нос II. Вид с юго-востока

Площадь памятника определена по распространению находок на его территории, но, скорее всего, святилище занимало всю площадку мыса. Поиск находок проводился как визуально, так и с использованием металлодетектора. Находки были распространены по площадке памятника бессистемно, лежали отдельно. Некоторые находки были обнаружены в слое щебёнки. Самой древней находкой является бронзовый трёхлопастный втульчатый наконечник стрелы (илл. 14, 1) (Барышев, 2011. С. 330), имеющий близкие аналоги в усть-полуйской культуре (Чернецов, 1953. С. 132).

К VI–VIII вв. относится фрагмент плосколитой бронзовой зооморфной подвески, изображающей голову коня или оленя (илл. 14, 2) (Боярский, Барышев, 2003. С. 330). Для украшений такого рода характерно сочетание реализма и схематизма и большая роль орнаментальных мотивов — продольных углублённых полос с «жемчужным» орнаментом. Такого типа художественное литьё было распространено у народов, населявших северное Предуралье и север Западной

Илл. 14. Находки со святилища Болванский Нос II: 1 – наконечник стрелы; 2 – зооморфная подвеска; 3 – ромбовидная подвеска; 4 – серьга фрагментированная; 5 – крестовидная бляшка; 6 – орнитоантропоморфная фигурка. 1, 2, 5, 6 – бронза; 3 – латунь; 4 – серебро

Сибири в эпоху раннего и развитого средневековья (Археология СССР, 1987. С. 132, 141, 174, 206).

Широко распространённой деталью украшения костюма у народов Нижнего Приобья в X–XIII вв. были выпуклые бронзовые крестообразные бляшки с перемычкой на обратной стороне для крепления к основе (илл. 14, 5) (Барсова гора..., 2002. С. 91; Федорова и др., 1998. С. 33). Серебряная серьга (дужка утеряна), выполненная в технике зерни и скани, относится к изделиям русских мастеров, популярным в Уральском регионе и Прикамье, или является подражанием местных мастеров русским образцам (илл. 14, 4) (Боярский, Барышев, 2003. С. 330).

Найдена медная орнитоантропоморфная фигурка, представляющая некий синкретический персонаж (илл. 14, 6) (Боярский, Барышев, 2001. С. 10; Боярский, Барышев, 2003. С. 330).

Крылья у птицы опущены, на них и на хвосте прорезями обозначено оперение, под грудью обозначены поджатые в полёте ноги. На округлой голове птицы изображены черты человеческого лица — круглые глаза, длинный нос и большой рот, будто бы растянутый в улыбке. Наиболее вероятным способом изготовления фигурки была отливка в двух опоках по заранее отформованной модели.

Подобные фигурки птиц с антропоморфными личинами были широко распространены у народов Приуралья и Западной Сибири в кон. I тыс. до н. э. —

I тыс. н. э. Изображения птиц с раскинутыми крыльями бытуют в качестве культовых предметов и в болгарское время (Талицкий, 1951. С. 76). Сочетание орнито- и антропоморфных черт объясняется, видимо, представлением северных народов о душе, в которых большая роль отводилась птице как временномуместилищу души (Чернецов, 1959. С. 144; Прокофьева, 1961. С. 54–74; Яковлев, 1984. С. 28).

В ненецкой мифологии существует «семикрылая» птица *Мишлей*, которая помогает шаманам в путешествии в мир духов. Также ей присущи медиативные функции, о чём говорит её описательное название — «небесная птица, приводящая духов» (ненец. — «нув сармик хэхэ тэврамба») (Мифы..., 2001. С. 171). Вполне возможно, что в орнитоморфных металлических фигурках ненцы видели именно эту священную птицу, чья семикрылость также говорит о её сакральности. Н. В. Фёдорова трактует подобные орнитоморфные фигурки (Фёдорова, 2000. С. 58) как изображение совы. Фигурки птиц у многих народов Сибири обозначали помощников шамана, посредников между ним и сверхъестественными мирами (Барышев, 2011. С. 123–124).

Найдены вещи, которые трудно точно датировать из-за их фрагментарности, в частности обрезки медных котлов, находки которых характерны для ранних святилищ и иногда попадаются на поздних. К XVII–XX вв. относятся свинцовые пули, гильзы от различных систем иностранного и отечественного оружия, различные изделия из железа (Боярский, Барышев, 2000. С. 10–11).

Отсутствие культурного слоя и большого количества находок объясняется тем, что во время сильных штормов, по сведениям работников полярной станции, волны перехлестывают мысок, на котором расположен памятник, поэтому многие вещи могли быть смыты с поверхности, а часть переотложена, что и случилось с найденными нами древними вещами. Они оказались в слое щебёнки на глубине до 15 см. Кроме того, по свидетельству тех же метеорологов, бывшие работники станции собирали вещи со святилища на память. Как не вспомнить А. А. Борисова, который ещё в конце XIX в. отмечал, что «все предметы приношений растасканы промышленниками» (Борисов, 1907. С. 89).

Чумработница бригады В. И. Валейского Тамара Алексеевна Валей (в девичестве Вылко) рассказывала нам в 2000 г., что ещё её отец и дед ходили на Новую Землю на промыслы и всегда приносили на святилище жертву духам, прося помощи в промысле, а по возвращении приносили в благодарственную жертву оленя-дикаря, пойманного на Новой Земле. Именно здесь была расположена одна из главных ненецких святынь — скала-идол *Хадако* (Старуха). Архимандрит Вениамин пишет, что идол Хадако «представляет лице земли, и ему приносят в жертву оленей и вверяют ни сохранение свои промыслы» (Вениамин, 1855. С. 47). Выражение «лице земли» следует, видимо, понимать в том смысле, что идол был не искусственного, а естественного происхождения — скальный выход, являвшийся «вместилищем» (се) хозяйки «края земли» — *Я'Мал Хадако*. В этом отношении чрезвычайно примечательно, что самодийцы-нганасаны считают скалы и каменные останцы причудливых форм детьми Земли-матери и всегда — женского пола (Симченко, 1976. С. 254–255). А. А. Борисов упоминает идола *Хадако*: «...написал этюд — жертвенный камень с кучей костей и самих божеств» (Борисов, 1907. С. 89). Зоолог С. М. Успенский, работавший на Вайгаче, писал, что ненцы считали *Я'Мал Хадако* «матерью Земли» и покровительницей промыслов, и представляла она собой каменную глыбу, напоминавшую «человеческую фигуру с заострённой головой». На святилище он побывал в 1957 г. и «самой “хозяйки” не застал: та каменная глыба почти совсем разрушилась, и остатки её уже нисколько не по-

ходили на человеческую фигуру. Но вокруг них, из-под слоя дресвы, некогда составлявшей глыбу, выглядывали и обломки дерева, и куски металла» (Успенский, 1987. С. 74, 75). В 2000 г. МАКЭ уже не обнаружила рядом с глыбой ни обломков дерева, ни кусков металла. Во время кратковременной высадки МАКЭ в начале ноября 2007 г. на святилище *Хадако*, под скальным выходом, который, видимо, и представлял саму хозяйку (илл. 13), при помощи металлоискателя в смёрзшемся щебне была найдена свинцовая круглая пуля. Рядом со скальным выходом находится развал каменной кладки, который может быть как остатками идола, так и разрушенным основанием приметного креста или геодезического знака. При помощи металлоискателя у подножья кладки было найдено кованое железное изделие в виде небольшой полосы с загнутым в трубочку концом.

По обнаруженным находкам памятник можно датировать концом I тыс. до н. э., X–XIII вв. и XIX–XX вв., учитывая, однако, поправку на то, что древние предметы могут расцениваться как приносной антиквариат, возможный для самоедских святилищ.

Жертвенное место Малый Болванский Нос IV было обследовано в 1985 г. ААКЭ под руководством Л. П. Хлобыстина. Сотрудники экспедиции выяснили, что остатки жертвоприношений встречаются на значительной площади к востоку и северо-востоку от метеоплощадки полярной станции, включая её территорию (илл. 7). Жертвоприношения состояли исключительно из поздних предметов — обломков медной посуды, стреляных гильз от различных систем ружей шведского, норвежского и американского производства кон. XIX — нач. XX вв., обломков топоров, костей ластоногих и северного оленя (Хлобыстин, 1990. С. 130). К северо-востоку от маяка-радиовышки полярной станции, на каменистом берегу, имеющем наклон к морю, археологами были обнаружены две стоянки с кремневым инвентарём, которые Л. П. Хлобыстин датировал эпохой неолита.

В 2000 г. памятник был обследован МАКЭ (Боярский, Барышев, 2001. С. 11). Никаких изменений на памятнике со времени его обследования ААКЭ и осмотра его МАКЭ в 1986–1987 гг. не обнаружено. Площадка памятника ровная, щебенистая, местами покрыта мхом и кустарничковой растительностью. Растительность тяготеет к местам наибольшего скопления органики. Собран подъёмный материал, состоящий из поздних вещей: обломков медной, чугуновой, фаянсовой и фарфоровой посуды, гильз от винтовок различных систем русского и иностранного производства. Было найдено много круглых свинцовых пуль — новых и стреляных, а также кусочки свинца для отливки пуль. А. А. Борисов упоминает о находке им на этом месте примитивной деревянной пулелейки. Были найдены остатки кожаного чехла (*сия'се'*) для хранения точильного камня (*сия*) и старые кожаные ножны (*хар'се'*) в медных обкладках. Оба предмета являются традиционными для ненецких оленеводов и носились на специальном поясе (*ни*). Единственным найденным украшением была подвеска из цветного металла ромбовидной формы с восемью сквозными отверстиями, расположенными в шахматном порядке (илл. 14, 3). Такие ромбовидные украшения могли использовать в числе других в качестве подвесок к женским головным уборам типа капора (ненец. — *совода, судор'*), прикреплялись к наконечникам, а также использовались в качестве деталей традиционного ненецкого мужского пояса (ненец. — *ни*). Подобные украшения изготавливались не ненцами, а русскими или *коми*, но *ненцы* при заказе давали им свои образцы или выбирали готовые изделия. Судя по найденным предметам, мы только можем подтвердить старую датировку памятника: XIX — начало XX в.

Но был ли этот памятник жертвенным местом? А. А. Борисов отмечал, что здесь «*валялось множество остатков от зимовьев самоедов*» (Борисов, 1907.

С. 89). На ровной площадке, где были распространены находки, очень удобно устраивать стойбище. То, что здесь найдено много различных предметов, ещё не подтверждает наличия на этом месте святилища. Да, некоторые вещи, такие как гильзы, свинцовые пули, фрагменты медной посуды, мы встречаем на святилищах, однако сами по себе эти вещи не являются сакральными и не могут быть доказательством наличия на этом месте святилища. Обилие большого количества костей также не может служить доказательством, так как олень являлся основной пищей ненцев. Нет здесь и скальных выходов, которые могли бы служить вместилищем духов. Зато всё это есть на жертвенных местах, обозначенных цифровыми индексами 2 и 3 — есть votивные предметы, скальные выходы, напоминающие человеческие фигуры, расщелина, отделяющая сакральный мир святилища от мира смертных людей. Такие же «отверстия в земле» присутствуют на мысе Дьяконова и Болванской горе и почитались за вход в подземный мир (Фольклор..., 2001. С. 91, 95, 129, 223, 249; Мифы..., 2001. С. 204, 245; Петрухин, 2003. С. 71, 338, 350; Ненецкие..., 1984. С. 141).

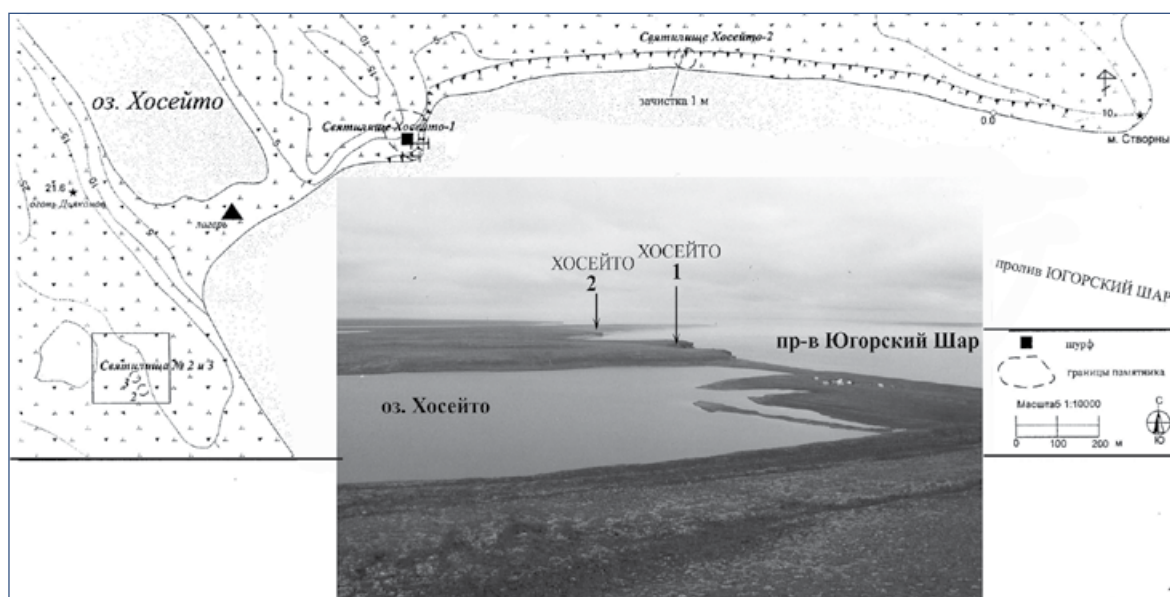
Таким образом, исходя из описаний, оставленных А. А. Борисовым, и находок, обнаруженных научными экспедициями, можно сделать вывод, что святилище Малый Болванский Нос (жертвенное место Малый Болванский Нос IV по нашему варианту. — И. Б.), таковым не является. Это сезонное стойбище, где ненецкие и русские промышленники останавливались перед переходом для промыслов на Новую Землю и обратно.

В 1985 г. экспедиция Л. П. Хлобыстина продолжила исследования на Вайгаче. В работе принимали участие старший научный сотрудник (с.н.с.) Ленинградской части Института этнографии АН СССР, кандидат исторических наук (к.и.н.) Г. Н. Грачёва, задачей которой было изучение культуры коренного населения острова; с.н.с. Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР, кандидат физико-математических наук (к.ф.-м.н.) А. К. Станюкович, с.н.с. Государственного исторического музея (ГИМ) Л. И. Шлионская, а также сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР В. В. Питулько (Хлобыстин, 1986. С. 1).

В результате были произведены раскопки святилищ Болванского Носа (мыс Дьяконова), пройдены разведочные маршруты по юго-западному берегу острова между пос. Варнек и зимовьем Лямчина в бухте Лямчина, проведены разведки в районе горы Болванской, мысов Большой Болванский и Малый Болванский на севере острова. Обнаружены и раскопаны святилище Сиирти-Сале и поселение Карпова губа (Хлобыстин, 1986. С. 2) на западном побережье острова.

Святилище Хосейто 1 (илл. 15). Памятник открыт и обследован археологом МАКЭ И. Б. Барышевым в 2000 г. Он расположен на берегу пролива Югорский Шар, в 300-х метрах к востоку от юго-восточной оконечности озера Хосейто, в 1 км к востоку от мыса Дьяконова (устар. — Болванский Нос), на краю прибрежной равнины, обрывающейся 3–4-метровым абразионным скальным уступом в море. Площадка святилища кочковатая, перерыта старыми ходами леммингов, хорошо задернована мхом и, особенно на периферии памятника, разрушается под воздействием ветровой эрозии. На памятник большое влияние оказывают склоновые и мерзлотные процессы (солифлюкция и мерзлотная сортировка). Южная часть святилища подвергается интенсивному разрушению под воздействием волновых процессов. Кстати, именно это и облегчило поиск памятника, который начал сильно разрушаться: белые кости жертвенных животных были хорошо видны в обнажении чёрно-коричневого культурного слоя (илл. 16). Мысль о возможности существования этого памятника высказывалась П. В. Боярским

ещё до его открытия (Боярский, 2004. С. 74). Такое предположение основывалось на анализе топографической ситуации в районе исследований — низкий пологий берег, сложенный из галечника. На такой пологий берег удобно выезжать на нартах после пересечения пролива Югорский Шар, ширина которого между мысом Дьяконова и материком достигает минимальной ширины — 4 км. Именно здесь с древности существовала переправа, на существование которой указывает также наличие на противоположном материковом берегу святилища, описанного ещё Г. де Фером в 1595 г.: «... против Вайгача, в том месте, которое мы назвали мысом Идолов, мы нашли несколько сот подобных деревянных идолов, довольно грубо сделанных... Мы нашли также перед ними много пепла и кости оленей, из чего можно заключить, что они там совершали свои жертвы» (Де-Фер, 1936. С. 105). Вениамин тоже упоминал об этом святилище: «... никто из них (самоедов. — И. Б.) не отправлялся на Вайгач, не принеши жертвы идолам, находившимся на матёрой земле в Югорском Шаре» (Вениамин, 1855. С. 125). В таких местах, связанных с пересечением какой-либо преграды, в основном водной, в процессе освоения пространства тундры возникали святилища, на которых приносились благодарственные жертвы.

Илл. 15. Святилище Хосейто I. Вид с запада-северо-запада. Топографический план. Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

В юго-восточной прибрежной части святилища была сделана зачистка обнажения культурного слоя, показавшая наличие под тонким дёрном культурного слоя мощностью до 26 см. Культурный слой представлял гумусированную супесь чёрно-коричневого цвета, насыщенную сырыми костями северных оленей, морских животных и птиц, с преобладанием оленьих костей. Слой лежал на материке из глины серо-жёлтого цвета, насыщенной щебёнкой и подстилаемой щебенистым известняком. В слое встречались мелкие фрагменты кальцинированных костей, неидентифицируемых с какими-либо животными, и кусочки древесного угля, являющиеся, видимо, остатками жертвенных костров; найдено несколько разновеликих медных пластин, являющихся фрагментами котлов.

Во время зачистки была найдена уникальная антропоморфная личина (илл. 17), отлитая из оловянистой бронзы, то есть сплава меди с большим содержанием олова, почти не поддающегося коррозии и специфичного для средневековой цветной металлургии лесного Обь-Иртышья. Этот сплав по цвету напоминает

*Илл. 16. Святилище Хосейто I. Обнажение культурного слоя на кромке мыса. Вид с северо-запада.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.*

серебро, изделия из которого особенно ценились среди местного населения в качестве жертвенных предметов (Кузьминых, 1999. С. 46). Изделие имеет подовальную, близкую к кругу, форму размером $5,8 \times 4,3$ см при толщине 0,2–0,3 см. Глаза круглые, переданные двумя углублёнными концентрическими линиями. Нос имеет форму неправильной, вытянутой в сторону лба, пирамиды. Нос и лоб сделаны в одной плоскости и не разделены переносицей. Рот выполнен небольшим выступающим рельефом, похожим на то, как человек вытягивает губы «трубочкой». «Лицо» обрамлено по краям выступающим бортиком. На личине «надет» головной убор с «ушками» или «рожками». Очелье головного убора украшено линией

квадратов, выполненных выступающим рельефом. На правой стороне личины, «на щеке», у самого края, имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см, которое является или дефектом отливки, или специально оставленным функциональным отверстием для крепления к основе. Во всяком случае, не видно следов вторичной обработки, которые возникают при проделывании отверстия на готовом изделии. Интересно, что такое же отверстие имеется у личины, обнаруженной Л. П. Хлобыстиным на святилище Болванский Нос 1 в 1986 г. (Хлобыстин, 1990. С. 127). Лицевая сторона выполнена тщательно, видны следы вторичной обработки после отливки. Обратная сторона слегка вогнута, с грубой поверхностью. Литник у изделия расположен в нижней части личины. На нижней части литника острым инструментом нанесено несколько засечек, образующих многолучевую фигуру. Наиболее вероятным способом изготовления личины была отливка в двух опоках по заранее отформованной модели (Барышев, 2011. С. 118).

Илл. 17. Святилище Хосейто I. Антропоморфная личина. Белая бронза

Антропоморфные личины — довольно характерная и нередкая находка на культовых памятниках северо-востока Европы и севера Западной Сибири периода железного века и раннего средневековья. Однако точной аналогии найденной личины нет ни на святилищах Вайгача, ни на других памятниках. Есть некоторая схожесть в головных уборах с личинами, происходящими из Мало-Юксинского культового места, Мурлинского клада (Косарев, 1984. С. 161, рис. 23, 6, 10) и Елыкаевского клада (Косарев, 1991. С. 285, рис. 69, 2, 7), с Гляденовского костыща (Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 39, рис. 21, 5), однако существует разница в стиле исполнения и технике литья. Много общего во внешнем облике и технике литья имеется с личинами антропоморфных кукол из окрестностей Сургута, которые датируются VIII–IX вв. (Карачаров, 2002. С. 26–50).

Заманчиво провести параллель с костяным гребнем из Заюрчимского 1 поселения VIII–VII вв. до н. э. (Среднее Прикамье), щиток которого украшен антропоморфной личиной. Верхняя часть щитка завершается двумя скульптурными изображениями голов хищных птиц, смотрящих в противоположные стороны.

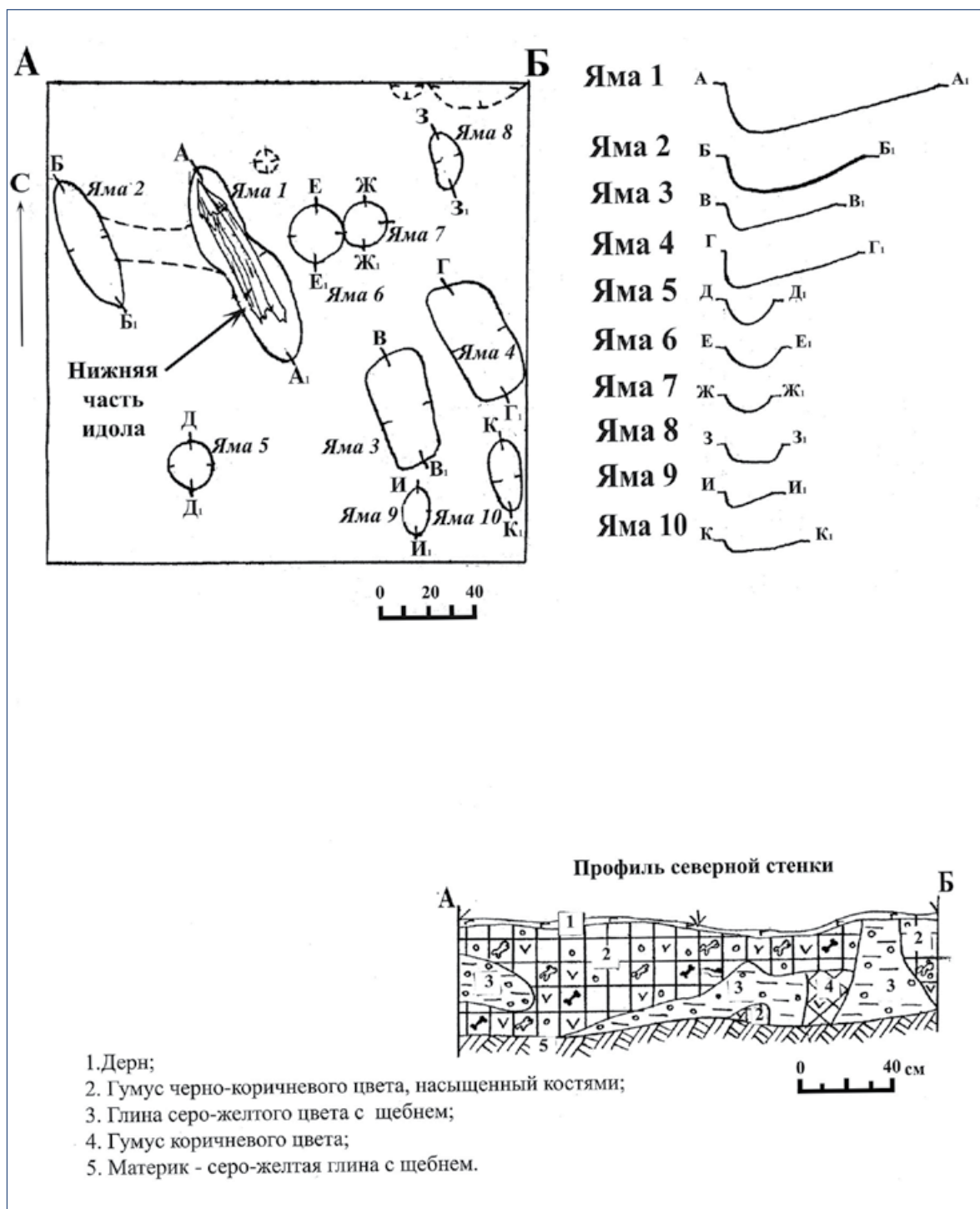
Птицы соединены двумя параллельными линиями с поперечными насечками между ними (Коренюк, 1998. С. 78, 79. Рис. 4, 1). В целом композиция на гребне очень напоминает головной убор, «надетый» на нашей личине, хотя временная разница между ними достигает около 1500 лет. Интересно сообщение М. А. Зенько о присутствии в шаманской атрибутике лесных ненцев головного убора «с рожками» (Зенько, 2001. С. 116). Традиция украшения рогами животных или их имитацией шаманских головных уборов очень древняя. Вполне возможно, что личины подобного типа являются изображениями самого шамана. Личина, несомненно, относится к сакральным изображениям аборигенных языческих культов, является изделием западносибирских ремесленников и датируется концом I тыс. — нач. II тыс. н. э. (Барышев, 2011. С. 119).

В южной, разрушающейся части памятника, недалеко от берегового обрыва, был заложен шурф размером 2×2 м (илл. 18). Под дёрном темно-коричневого цвета, переплетённом корнями кустарничковых растений и являвшимся верхней частью культурного слоя, находился слой гумусированной супеси чёрно-коричневого цвета, сильно насыщенной сырыми костями жертвенных животных. Культурный слой подстилался материком из супеси жёлто-серого цвета. Все слои, особенно материк, насыщены щебнистым материалом и камнями.

При раскопках шурфа, уже на первом штыке (0.00–0.20 м), были выявлены следы небольших ямок, которые затем были хорошо прослежены в материке. Четыре ямки оказались норами леммингов, одна из которых хорошо прослеживалась в профиле северной стенки шурфа. Остальные шесть ямок можно идентифицировать как следы от стоявших на святилище идолов, что подтверждает их строение. Ямки имели вытянутую форму и были ориентированы по оси северо-запад — юго-восток. Все ямки в разрезе имели одинаковый профиль — северо-западная часть углублена под наклоном в материк на глубину до 20 см, а в юго-восточную сторону идёт повышение до уровня материка. В одной из ямок найден фрагмент деревянного кола подтреугольной формы длиной около 60 см и диаметром до 15 см с заострённой нижней частью, который является, видимо, нижней частью идола. Об этом говорит характерная обтёска деревянного кола с трёх сторон. Именно таким «*троегранным*» был идол Вэсако на святилище Болванский Нос, описанный архимандритом Вениамином: «*Идол ... был деревянный, троегранный... Нижняя часть идола состояла просто из трёх граней, к концу вместе соединённых*» (Вениамин, 1855. С. 122). Такой же трёхгранный семиликий идол был найден МАКЭ на святилище *горы Идолов* (Боярский и др., 2000. С. 96).

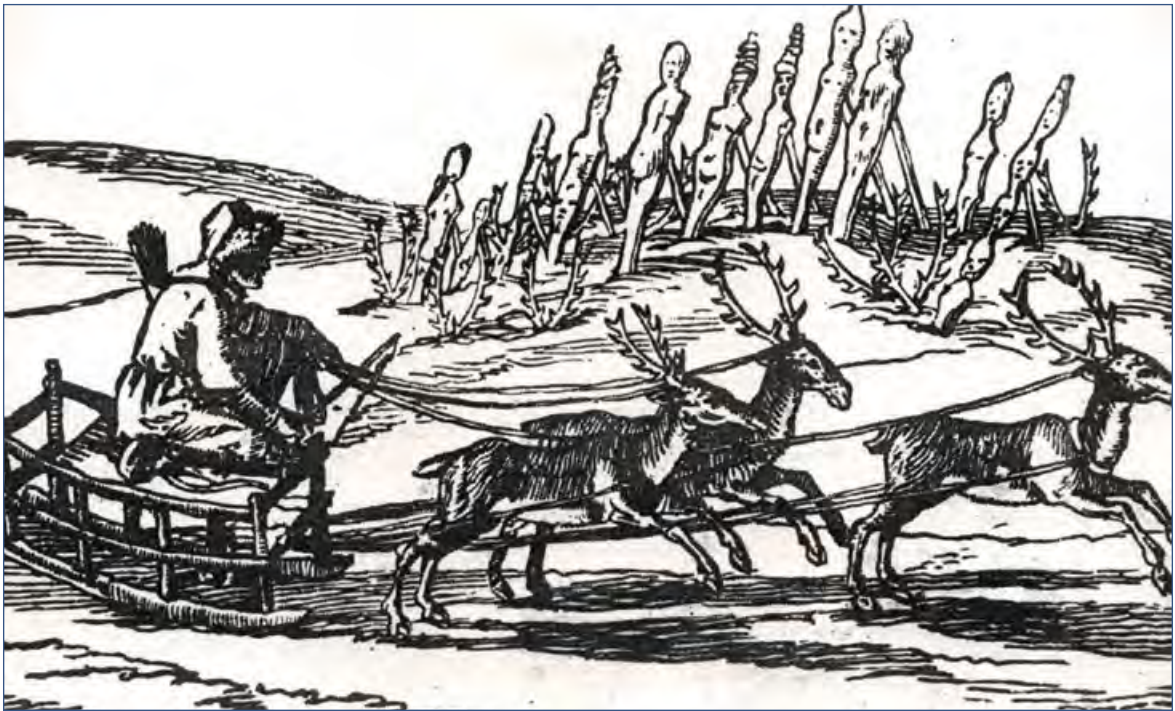
Форма ямок говорит об особенностях конструкции установки идолов на святилище, которая отображена на рисунке к голландскому изданию дневников Г. де-Фера 1598 г. Именно так описывает конструкцию истуканов на *мысе Идолов* (мыс Дьяконова) в своих дневниках Линсхотен, участник голландской экспедиции 1594 г. По его свидетельству, все идолы были изготовлены из грубо обработанного дерева и поставлены под углом, на опорах (Линсхотен, 1915. С. 480–506) (илл. 19), что соответствует конфигурации ямок в шурфе.

В культурном слое найдено много костей оленя, встречаются кости морских млекопитающих, водоплавающих птиц. Некоторые кости расколоты продольно, на некоторых имеются следы от воздействия огня, часть костей кальцинирована. Эти следы на костях являются свидетельством жертвенного обряда. Небольшое количество костей несёт на себе следы от воздействия острыми предметами — зазубрины, щербины, насечки. Видимо, это следы ножей, которыми участники обряда жертвоприношения разделявали туши жертвенных животных.

Илл. 18. Святилище Хосейто I. Планиграфия и стратиграфия шурфа

Из всех костяных изделий, обнаруженных в шурфе, наиболее интересными находками являются четыре ложки. Две из них являются плоскими ложками-лопаточками. По этнографическим данным подобные ложки-лопаточки использовались у северных народов исключительно в культовых целях — употреблялись при жертвоприношениях на святилищах, так как считалось, что именно лопаточками, а не ложками боги едят жертвенную пищу (Гондатти, 1888. С. 42). Первая ложка (илл. 20, 1) имеет черенок подпрямоугольной формы с подтреугольным навершием и сквозным отверстием для подвешивания диаметром 0,3 см. Лоточек сохранился наполовину. Длина сохранившейся части ложки составляет 7,3 см.

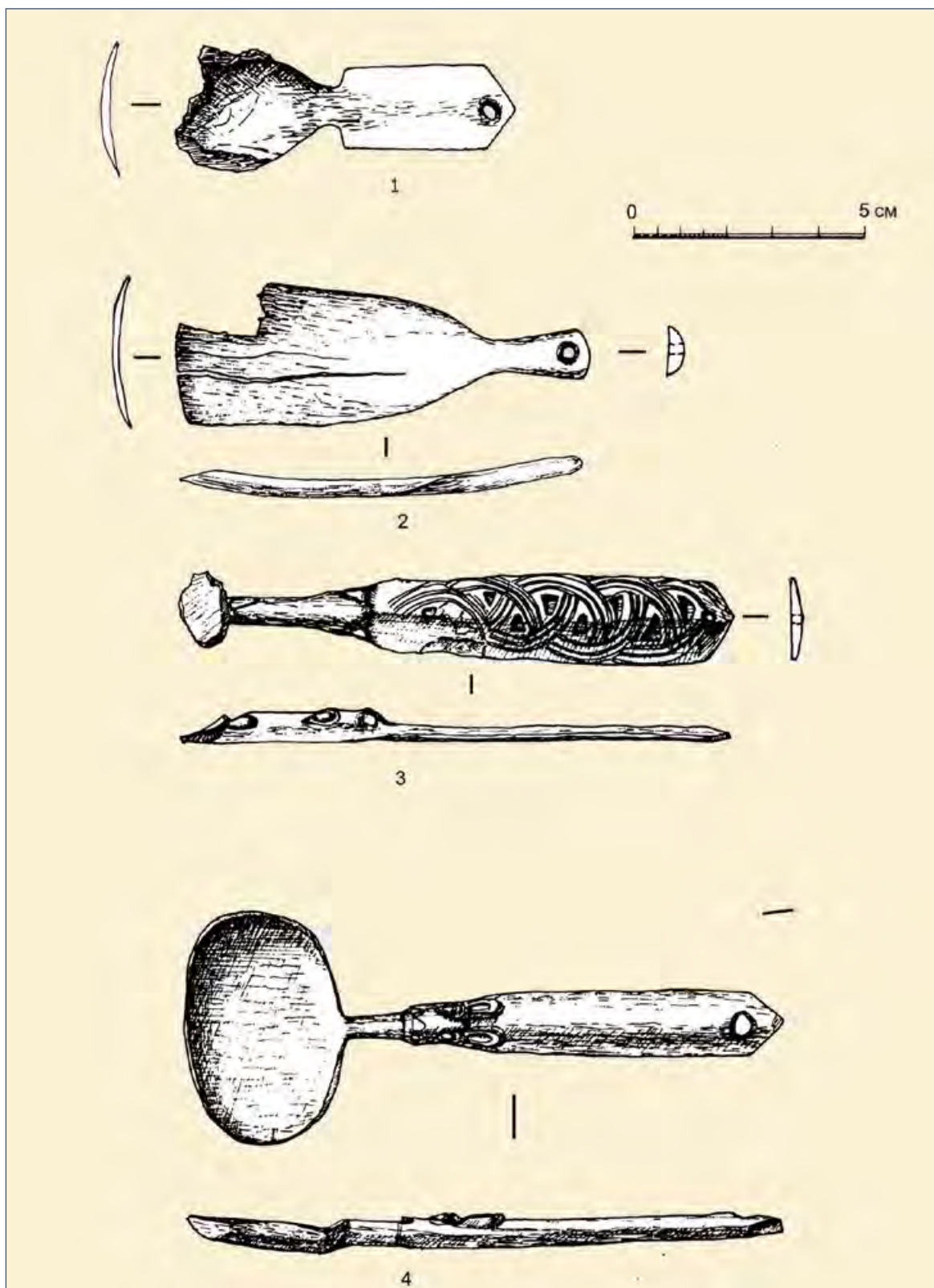

Илл. 19. Святилища на Вайгаче. По старинной голландской гравюре из книги Я. Г. Линсхотена

Ложка *in situ* сопровождалась небольшими пластинками, нарубленными из медных котлов. Почти полностью сохранилась лопаточкообразная ложка с вытянутым лотком, у которого край слабо закруглён, а короткий черенок имеет круглое сквозное отверстие диаметром 0,2 см (илл. 20, 2). Ложка находилась внутри свёрнутого из остатков медного котла «кулёчка», исполнявшего роль своеобразного «мощевика» для ложки (илл. 21). Совершенно идентичный «мощевик» был найден О. В. Овсянниковым на святилище на р. Гнилке недалеко от Пустозерского городка, которое он датировал XII — началом XIV вв. (Ясински, Овсянников, 2003. С. 74, рис. 17). Подобные «мощевики»-конусы зафиксированы на средневековом могильнике *Зелёный Яр* под г. Салехардом. В нескольких захоронениях они находились под стопами погребённых (Фёдорова и др., 2003. С. 177). Наличие схожих культовых атрибутов возможно указывает на тесные, если не родственные отношения населения северо-восточной Европы и севера Западной Сибири. Это подтверждается, кроме прочих данных, распространением у *ненцев* легенд о *сиртя* по обе стороны Уральских гор.

Плоские ложки-лопаточки с Хосейто 1 имеют очень близкие аналогии среди усть-полуйских ложек второго типа. В. И. Мошинская считает лопаточкообразные ложки очень архаичными и датирует их появление временем не позже середины I тыс. до н. э. (Мошинская, 1953 а. С. 94, 95, 97).

Замечательными образцами прикладного искусства являются две костяные ложки, украшенные головами животных. Одна ложка сохранилась не полностью — утерян лоточек (илл. 20, 3). Длина сохранившейся части составляет 12 см. Черенок у ложки вытянутый, узкий, с подтреугольным завершением, в котором имеется сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Верхняя часть черенка украшена резным «плетёным» орнаментом в плоском рельефе. На этой части черенка скульптурно изображена голова лося, на что указывает характерная вытянутая горбоносая морда. Ноздри и уши животного показаны углублениями подовальной формы. Глаза выполнены приподнятыми площадками, оконтуренными двумя каплевидными желобками, вписанными один в другой. В схожей манере исполнено

Илл. 20. Святилище Хосейто I. 1-4 – ложки костяные

скульптурное изображение головы лося из Шигирского торфяника (Мошинская, 1976. С. 65).

Вторая ложка сохранилась полностью и имеет длину 13 см (илл. 20, 4). Черенок вытянутый, гладкий, с подтреугольным завершением, в котором просверлено сквозное отверстие диаметром 0,4 см. На сужающейся к лоточку части черен-

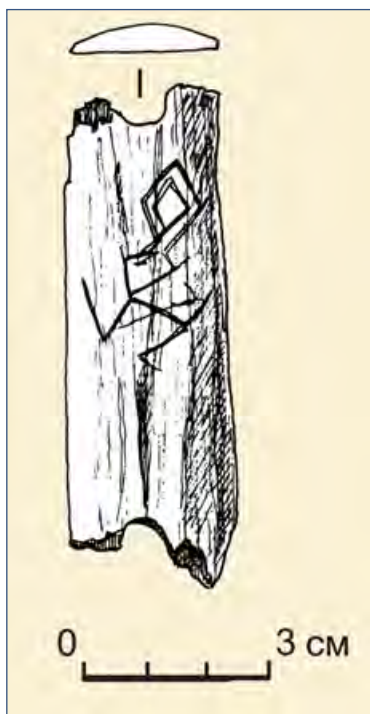
Илл. 21. Святилище Хосейто I. «Мощевик». Бронза

ка чрезвычайно реалистично изображена голова комолого оленя с прижатыми к голове ушами. Ноздри, глаза и уши животного выполнены приподнятыми площадками, оконтуренными двумя желобками. Необходимо отметить полную художественную идентичность голов на ложках и медвежьей бронзовой головы с Ортинского городища, расположенного в низовьях р. Печоры (Ясински, Овсянников, 2003. С. 95). Хорошая сохранность ложки объясняется дополнительной шлифовкой изделия, выполненной после его изготовления. Ложки такого типа характерны для родановской культуры, существовавшей в Верхнем Прикамье в IX–XIV вв. (Археология СССР, 1987. С. 313, табл. LXV, 10). На остров они попали, скорее всего, в результате торгово-меновых отношений. Наличие предметов этой культуры, а также болгарского импорта объясняется тем, что родановцы играли роль посредников в торговле Волжской Булгарии с Приуральем и Зауральем, поставляя туда и свою продукцию (Старков, 1997. С. 100).

М. В. Талицкий предполагал, что найденные на Родановском городище ложки имеют некоторое отношение к культовым обрядам (Талицкий, 1951. С. 64, 65, илл. 32, 1–4). В нашем случае эти ложечки, безусловно, имеют прямое отношение к культовым обрядам, так как известно, что в мифологии народов Севера и Западной Сибири лось и олень имеют схожие функции — они были связаны с культом огня и солнца (Фольклор..., 2001. С. 447). На сакральность ложек указывает и то, что они исполнены в художественном стиле и очень тщательно, имеют небольшие размеры и явно непригодны для утилитарного использования.

Из костяных изделий найдены ещё фрагменты деталей оленьей упряжи, рукоятка ножа. Несколько подобных рукояток были найдены на святилище *Сиртя-Сале* и на поселении *Мыс Входной* экспедицией Л. П. Хлобыстина (Хлобыстин, Питулько, 1996. С. 123).

Уникальной находкой является фрагмент упряжи с гравированным антропоморфным изображением (илл. 22), где голова и туловище изображены в форме ромбов, ноги изображены чёрточками, сходящимися под углом. От ромба-туловища отходят две короткие чёрточки, напоминающие поднятые вверх руки. Изо-

Илл. 22. Святилище Хосейто I. Гравированное изображение на костяной детали оленьей упряжи

бражение создаёт впечатление бегущего на коротких лыжах человека, одетого в характерную для северных народов глухую одежду типа малицы с капюшном. Подобный рисунок на Вайгаче найден впервые не только среди археологических артефактов, но и среди этнографических материалов. Вероятно, это изображение является родовой или личной тамгой. Родовые знаки были широко распространены у северных народов в раннем железном веке и средневековье (Мошинская, 1953 а. С. 100–103; Талицкий, 1951. С. 59–61) и у ненцев в более позднее время — ими клеймили оленей, орудия труда и оружие, хозяйственный инвентарь. В новое и новейшее время родовыми знаками (ненец. — *пидте'мя*) неграмотные ненцы скрепляли различные административные или торговые документы.

На периферийных незадернованных щебенистых участках святилища был собран подъёмный материал, представленный в основном фрагментами медных котлов — специально нарубленные для принесения в жертву кусочки стенок котлов разного размера, стенки с проушинами. Иногда фрагменты котлов имеют отверстия, служившие, видимо, для подвешивания в качестве украшения. Некоторые

пластины играли роль заплаток для починки котлов — у них в отверстиях сохранились заклёпки.

Редкой находкой является почти целый, однако сильно деформированный и треснувший медный котёл, который был найден у подножья берегового обрыва. Высота котла около 13 см, диаметр горловины около 18 см, дно округлой формы (илл. 23). Верхняя часть наращена с помощью холодной сварки «в расщеп». Этот метод холодной сварки известен по письменным источникам с начала XI в. (Руденко, 1991. С. 355). Металлические котлы начали распространяться на севере нашей страны в X–XIII вв., постепенно заменяя керамическую посуду (Археология СССР, 1987. С. 171).

Илл. 23. Святилище Хосейто I. Котёл. Медь

Сакральный характер находок маркирует найденный памятник как святилище. Основная часть находок чётко датирует памятник в пределах X–XIV вв. Возможно, данный памятник входил в комплекс средневековых святилищ, расположенных на м. Дьяконова, который в старину назывался Болванский Нос, так как по времени существования совпадает с ними. Необходимо отметить, что материал со святилища Хосейто 1 отличается от святилищ Болванского Носа наличием костяных ложек и деталей оленьей упряжи. Видимо, разнообразие или, вернее, эклектичность находок на святилищах Вайгача и подчас их уникальность объясняются тем, что большинство из них является импортом, попавшим на святилища в результате меновой торговли или как трофеи, а не произведено на месте. Кроме того, предметы могли изыматься из святилища, обмениваться на жертвенные вещи с других святилищ (Головнёв, 2000. С. 223).

Святилище принадлежало, видимо, легендарным *сиртя (сихиртя)*, и финальное время его существования показывает время прихода на эту территорию *самодийцев-ненцев*.

К большому сожалению, мы не смогли исследовать памятник полностью сразу после его открытия, так как график наших работ зависел от графика полётов арендованного вертолёта. А когда мы вернулись на святилище осенью 2007 г., то увидели, что памятник практически уничтожен — культурный слой смыт штормовыми волнами до щебнистого материка, а часть уничтожена вместе с обвалившимся берегом (Барышев, 2007. С. 23).

Святилище Хосейто 2 было открыто и обследовано сотрудником МАКЭ И. Б. Барышевым в 2000 г. Находится в 700 м к юго-востоку от святилища Хосейто 1, на краю прибрежной равнины, на небольшом мысе, который крутым четырёхметровым уступом обрывается к морю (илл. 15).

Площадь памятника занимает около 50 кв. м. и хорошо задернована. Над дёрном выступают отдельные крупные камни. В прибрежной части, подмываемой морским прибоем, была сделана зачистка обнажения, показавшая наличие культурного слоя — чёрно-коричневой сильно гумусированной супеси мощностью до 14 см. При зачистке были обнаружены три небольших медных пластины, ржавая железная гильза калибра 7,62 мм и свинцовая пуля округлой формы со следами, оставшимися от нарезки ствола. Найдены две бронзовых дисковидных бляхи диаметром 3,5 см, с лицевой стороны украшенные проточенными и выполненными литьём (илл. 24), геометрически очень точными концентрическими кругами. На тыльной стороне находятся ушки для крепления к основе. Бронзовые бляхи, подобные найденным на святилище, не редкость на памятниках северного Предуралья и Зауралья. Однако есть сложности с датировкой этих блях. Ранние по времени аналогии имеются в материалах усть-полуйской культуры (Чернецов, 1953 в. С. 131, 135, 136; Чернецов, Мошинская, 1954. С. 184–185), курганах Потчеваш (Мошинская, 1953 б. С. 199), в древностях гляденовской и кулайской культур (Чернецов, 1953 в. С. 136). Большое количество подобных блях, датированных 2-й пол. I тыс. н. э., было обнаружено в культовом комплексе Айдашинской пещеры (Молодин и др., 1980. С. 65, 167). Аналогичные бляхи по виду и датировке были найдены в Томском могильнике (Комарова, 1952. С. 47–49). Таким образом, подобные изделия связаны с северным таёжным кругом культур. Все эти культуры вмещаются в хронологические рамки конца I тыс. до н. э. — конца I тыс. н. э. Однако точно такие же бляхи встречаются на различных памятниках XVII–XIX вв. по обе стороны от Урала и доходят до этнографической современности (Мурашко, Кренке, 2001. С. 53; Илл. 121, 2; 123; 140, 1). Совершенно идентичны бляшкам бронзовые зеркала, их различают только размеры. Зеркала

имеют большие размеры, варьирующие в районе 10 см (Ясински, Овсянников, 2003. С. 318, 326, 329), и датируются поздним средневековьем — новым временем. Таким образом, между типологически и технологически одинаковыми изделиями существует временная разница в 600 лет. Это можно объяснить или вторичным использованием древних предметов, которые ненцы находили на древних поселениях или культовых памятниках, или возрождением древней ремесленной традиции — такие случаи известны по этнографическим материалам.

Илл. 24. Святилище Хосейто II. Дисквидные бляхи. Бронза

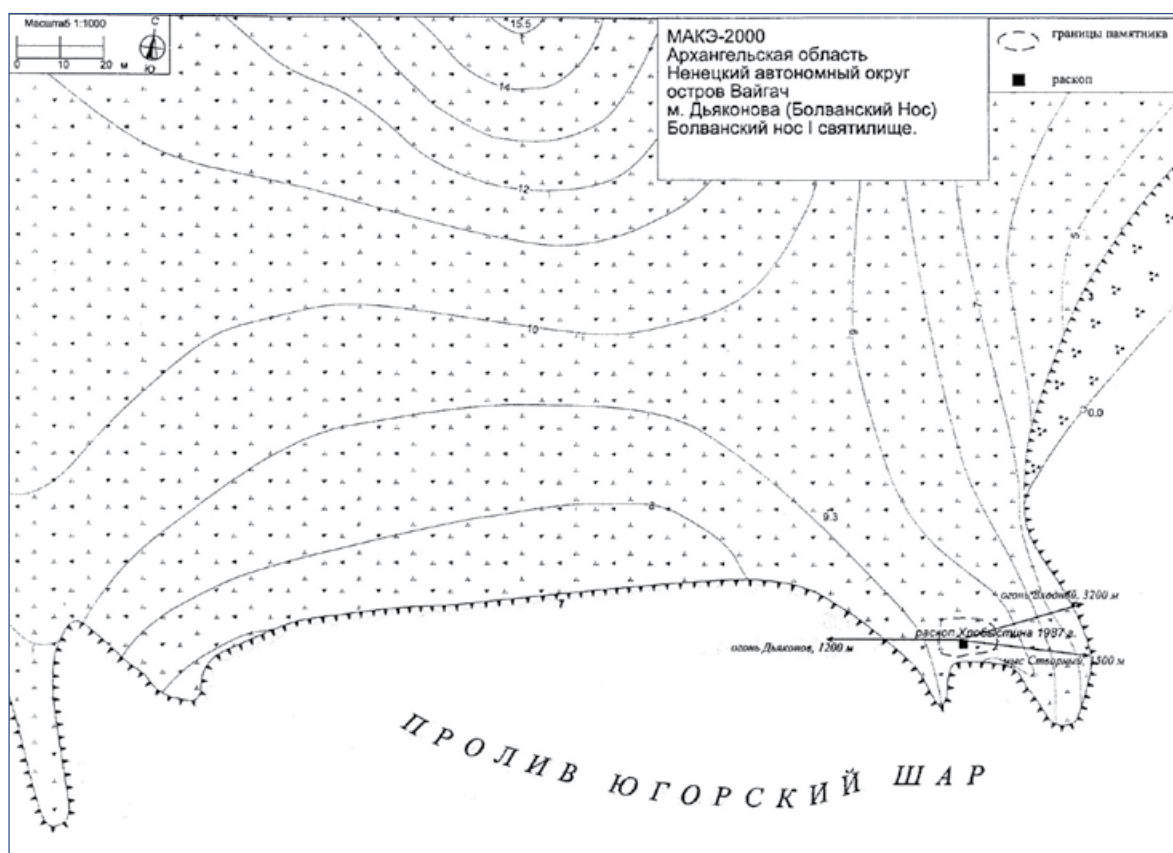
Так же трудно датировать памятник по фрагментам медной посуды, которая бытовала в северных тундрах с начала I тыс. н. э. и продолжает использоваться сейчас. Однако круглая свинцовая пуля от нарезного оружия датирует памятник временем не ранее XVIII в., временем, когда в России появилось нарезное оружие.

Большая часть святилища, видимо, разрушена в результате действия природных факторов — прибойной волны, штормов, что мы видели на примере святилища Хосейто 1 в 2007 г. Если учесть, что часть находок имеет проблемную датировку, то с уверенностью памятник можно датировать только XVII — нач. XX вв.

КОМПЛЕКС СВАТИЛИЩ МЫСА ДЬЯКОНОВА

Комплекс святилищ мыса Дьяконова расположен на юго-западе острова Вайгач, на берегу пролива Югорский Шар, на южной оконечности мыса Дьяконова (илл. 1; 25). В старину поморы называли этот мыс *Болванским Носом*, а иностранные мореплаватели — мысом *Идолов*, за множество стоявших на мысовом святилище «болванов» (идолов). Именно здесь находилось одно из самых почитаемых самоедских святилищ, о котором, видимо, и упоминается в Атласе Архангельской губернии (1797 г.): «А общественное у них [самоедов] место жертвоприношения находится на острове, лежащем между твёрдою и Новою Землёю, называемом Вайгач, где они совершают жертвоприношение свое...» (цит. по: Ясински, Овсянников, 2003. С. 371).

Через пролив с высоты мыса хорошо виден берег Большеземельской тундры — в этом месте самое малое расстояние между островом и материком не более 4 км. С восточной стороны мыса находится пресноводное озеро Хосейто, которое отделяет от моря низкий бар, сложенный из галечника. На такой пологий

Илл. 25. Мыс Дьяконова. Святилище Болванский нос I. Топографический план.
Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

берег удобно выбираться после пересечения пролива. Именно в таких местах, связанных с пересечением какой-либо преграды (в основном водной), в процессе освоения пространства тундры возникали святилища, на которых приносились благодарственные жертвы, «ибо Самоеды, домогавшиеся грозного Весака, считали необходимым приносить жертвы не только по приезду на остров, но и пред отъездом туда» (ГААО. Ф. 6. ОН. 17. Д. 14. Л. 4 об.).

Что характерно, именно густой травянистый покров, который хорошо различим на однообразном пространстве арктической тундры, обозначает места, подвергшиеся антропогенному воздействию, — бывшие стойбища, святилища, стоянки поморов, места, где когда-то стояли ловушки на зверей и тому подобные объекты. На таких местах, вследствие деятельности людей, накапливалась органика: останки животных, пищи, приманки в ловушках, остатки костров, деревянные щепки и другие органические отходы. Эти органические остатки способствовали образованию почвы и произрастанию большого количества различных трав, иногда даже нехарактерных для природной зоны, в которой расположен Вайгач. Такие зелёные островки среди щебнистой поверхности заметны издали.

Традиционно считается, что святилище на Болванском Носу впервые упоминается английским мореплавателем Стивенем Барроу (Barrough), который посетил его в 1556 г. «Среди Вайгачских островов» англичане встретили русских промышленников из Холмогор. Вместе с ними поморы сошли на берег одного из островов в акватории Вайгача и провели их к святилищу с идолами (Английские путешественники..., 2007. С. 132, 133): «Число их было более 300, самой плохой и неуклюжей работы, которую я когда-либо видел. У многих из них глаза и рта

были вымазаны кровью; они имели грубо сделанный облик мужчин, женщин, детей; то, что было намечено из других частей тела, также было обрызгано кровью. ... Тут же, у кучи идолов, лежала одна пара сломанных саней и оленья шкура, загаженная птицами. ... Я видел также приспособления, при помощи которых они жарят мясо...».

Однако в комментариях к сочинению Ламартиньера В. Н. Семенкович упоминает другого мореплавателя — француза Этьена Буруга, который на два месяца раньше, чем С. Барроу, посетил Вайгач (Ламартиньер, 1911. С. XXIII). Он оставил описание какого-то святилища, которое в деталях сходится с описанием С. Барроу. Оба путешественника встретили возле Вайгача русских промышленников, которые рассказали им про жителей острова — самоедов, оба рассказывают о самоедских идолах количеством около 300 штук, изображающих мужчин, женщин и детей. Сходно также описание самих идолов — сделаны грубо, двумя-тремя зарубками, рот и глаза идолов вымазаны кровью (Ламартиньер, 1911. С. XXIV; Английские путешественники..., 2007. С. 132–133). Такие совпадения наводят на мысль, что под разными именами упоминается один человек. Просто Семенкович дал другую транскрипцию французской фамилии *Burrough* — *Буруг*. Вполне возможно, что по происхождению С. Барроу был французом на английской службе. Таким образом, Этьен Буруг и Стивен Барроу — это один человек.

В 1594 и 1595 гг. святилище на Болванском Носу, который они называли мысом *Идолов* — *Afgodenhoek* (илл. 2), посетили участники голландской экспедиции (Gawronski, Boyarsky, 1997. С. 30). Описание святилища оставил участник экспедиции Я. Г. ван Линсхотен. Голландцы насчитали здесь более 400 идолов, изображавших мужчин, женщин и детей. Идолы были сделаны грубо, некоторые имели несколько лиц. Все идолы были установлены под углом на опорах, лицами на восток. Многие из них были очень ветхи, но стояли вперемешку с новыми. Рядом с идолами лежало некое подобие носилок, на которых, по предположению Линсхотена, носили идолов на процессиях. Но, видимо, это были остатки нарт, являвшихся обычным жертвоприношением на святилищах. Вокруг идолов лежали кости жертвенных оленей и других животных (илл. 19). Хотя голландцы никого не встретили, у них сложилось впечатление, что святилище посещается (Линсхотен, 1915. С. 480–506).

Упоминание о святилищах Вайгача оставил ещё один участник этой экспедиции — Геррит де Фер: «... нашли несколько сот ... деревянных идолов, ... перед ними много пепла и костей оленей, из чего можно заключить, что они там совершали свои жертвы» (де Фер, 1936. С. 105). На карте, иллюстрирующей сочинение де Фера, местоположение святилища довольно точно отмечено фигурками нескольких идолов (илл. 2), а на рисунках изображено само святилище и совершение религиозных обрядов (илл. 3).

Описание обрядов, совершавшихся на этом святилище в XVII в., оставил Н. Витсен (1705 г.). В его сочинении впервые упоминается «естественная скальная яма, глубиной в десять футов», вокруг которой «самоеды ставят свои вырезанные идолы обоих полов... Самая большая статуя, размером с мужчину небольшого роста, изображает их вождя — главного идола. С первого животного, которого они поймают или если его убили стрелой, снимают шкуру, мясо бросают в эту яму, а шкуру натягивают на идола. Они ему навешивают на шею ещё сотни когтей различных животных, также и лапы зайцев и куропаток...» (цит. по: Ясински, Овсянников, 2003. С. 361). Указание на яму чётко идентифицирует памятник, так как именно здесь находится пещера с рухнувшим сводом (илл. 26).

Илл. 26. Мыс Дьяконова. Пещера с рухнувшим сводом. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Штурман И. Н. Иванов, который проводил в 1824 г. опись берегов Вайгача, оставил описание Болванского святилища, на котором «с самых древних времён самоеды собираются для жертвоприношений по два раза в год, т. е. перед началом промыслов и по окончании их. Они приносят в жертву оленей и других животных, которых мясо ... съедают сами, оставляя божеству одни только рога и головы. Они жертвуют ему также разные металлические и деревянные вещи, топоры, обрывки цепей, гвозди, петли и рулевые крючья, сани (нарты. — И. Б.)... Жертв этих накопилась годами великая груда, в которой валяются и идолы, которым все эти жертвы приносимы...» (цит. по: Литке, 1948. С. 315–318).

В 1827 г. на Вайгаче побывал глава духовной миссии, настоятель Антониево-Сийского монастыря архимандрит Вениамин, который проводил «обращение и крещение Самоедов в разных местах (Архангельской губернии. — И. Б.), а особливо на берегах Ледовитого моря, при острове Варандее, при реках Коротайхе и при Югорском Шаре» (Вениамин, 1855. С. 113). Результатом миссионерской деятельности была его работа «Самоеды мезенские», в которой подробно описано святилище на Болванском Носу (Вениамин, 1855. С. 122–125). По сведениям Вениамина, «на острове Вайгач было самое древнее и более других чтимое Самоедами место их языческих мольбищ. Здесь более прочих мест приносили в жертву оленей Самоеды Мезенского уезда; сюда даже приезжали многие Самоеды из Тобольской губернии...».

Вениамин указывает, что на южной оконечности Вайгача «мыс, по множеству стоявших на нём идолов, называется Русскими Болванским и был местом первого идола, который имел у Самоедов название Весако». Этот идол «представлял лице сатаны, что видно из» обращения к нему: «Авъ Весаковъ (сатана-старик). Этому идолу, сверх особого местоположения, придавали некоторую важность»

стоявшие полукружием с южной стороны, «в несколько рядов, 420 деревянных идолов, воткнутых в землю. ... На северной стороне от идола Весака возвышалась груда голов, от принесённых в жертву оленей; эта груда, из которой торчало множество рогов. ... Эти головы были складены весьма плотно; около них на земле лежало 30 черепов белых медведей. Вокруг груды на оленьих рогах находились следующие привесы: 22 маленьких топора, ...несколько ушей от медных котлов; пуговицы, железные гвозди и разноцветные суконные лоскутки. В 50 сажнях от груды оленьих голов стояли на земле, в одном месте, 20 каменных идолов...», которые, по предположению Вениамина, «составляли как бы свиту главного идола Весака», как и прочие деревянные идолы.

Вениамин описывает пещеру «на самой оконечности Болванского мыса», о которой упоминал ещё Н. Витсен: «...высокие, каменные, перпендикулярные скалы идут в ней до самой воды сажен на 15. Вой и гул, раздающиеся в пещере во время сильных ветров, внушили Самоедам суеверный страх и ... особенное почтение к чудесному ... утёсу, ... и они ... благоговели перед этим местом и пещерою. В древности Самоеды повергали в эту пещеру своих жертвенных оленей; в последнее время этого не делали, а давили их перед Весаком. Во всех самоедских тундрах ни у каких других идолов не было столько голов приносимых в жертву оленей, как у идола Весака. У Самоедов есть предание, что никто из них не отправлялся на Вайгач, не принеши жертвы идолам, находившимся на матерой земле в Югорском Шаре, против Вайгача, а по переходе на этот остров каждый Самоедин немедленно приносил жертву самому Весаку, чтобы он позволял промышлять около него морских зверей и дал успех в промысле... При отъезде с Вайгача каждый снова приносил жертву Весаку, в благодарность за промысел и за дарование благополучной переправы через Югорский Шар. ... После крещения Самоедов в Югорском Шаре... идол Весака, со всеми прочими истуканами и многочисленными привесками, был сожжён самими Самоедами, при управляющем миссиею, и на самом том месте... водружен Животворящий Крест Христов».

Пещера, упоминаемая у Витсена и Вениамина, сохранилась до сих пор. Она находится в двадцати метрах к юго-западу от бугра, который остался на месте бывшего святилища, и представляет собой воронкообразное отверстие, образовавшееся в результате разрушения кровли пещеры, вход в которую располагается со стороны моря. В прибрежной части кровля сохранилась в виде узкого арочного мостика, перекинутого через провал (илл. 26). Поиск жертвенных вещей на дне пещеры не дал никаких результатов — морской прибой и штормовая волна не способствовали сохранению материальных свидетельств проведения обрядов жертвоприношения.

Необходимо отметить, что описания святилища у И. Н. Иванова и Вениамина разнятся. По описанию Иванова, на святилище находится жертвоприношений «великая груда, в которой валяются и идолы», что очень похоже на устройство святилища Семи Чумов (Сив' Мя), расположенного на самом северном мысе Ямала Хэхэм Саля (Духов Мыс), и других ныне существующих святилищ полуострова. Там жертвоприношения свалены в огромные кучи, из которых торчат сами идолы. У Вениамина же описаны идолы, стоящие на святилище регулярными рядами, а куча черепов расположена рядом с «главным» идолом.

Побывавший на Болванском Носу через десять лет после Вениамина биолог А. Шренк сообщает, что святилище продолжало существовать. Он отмечает, что после сожжения культовых атрибутов на святилище на нём образовалась почва, «удобренная золой сожжённых идолов и костей, принесённых им в жертву сев. оленей», которая «подёрнулась сероватым дёрном из растения *Artemisia borealis*»

(Шренк, 1855. С. 313). Неподалёку от православного креста, воздвигнутого миссией архимандрита Вениамина, Шренк обнаружил новое жертвенное место, на котором стояли деревянные идолы высотой от 30 до 100 см, со схематично вырезанными на верхних концах палок лицами, обращёнными на восток. У некоторых идолов рты были намазаны кровью жертвенных животных. На длинных кольях был повешен целый ряд оленьих черепов, а вокруг на земле валялись оленьи копыта. От старого святилища остались *«только несколько кусков заржавленного железа, принесённых в жертву прежним идолам, ... и два или три черепа белых медведей, которые, не будучи истреблены огнём, выглядывали из травы»*. А. Шренк описывает пещеру рядом со святилищем как *«полость, которая, начиная от подошвы, ведёт вверх по скале, образуя на высоте её круглое отверстие, откуда можно видеть всю внутренность. Эта редкость природы и была причиной, что самоеды, которые ещё в древние времена приписывали этой скале какую-то святость, издавна избрали её общественным местом для жертвоприношений, так что скала эта сделалась известною не только в Большеземельи, но и в соседственных землях»* (Шренк, 1855. С. 312–315).

В 1878 г. на Болванском Носу побывал шведский полярный исследователь А. Э. Норденшёльд. Участник экспедиции русский офицер О. А. Нордквист так описал святилище: *«... на месте этом, расположенном у величественного грота, ... лежала... масса разбросанных по земле костей и возвышался крест, воздвигнутый тут миссионером (архимандритом Вениамином. — И. Б.)»*, а жертвоприношения продолжают совершаться на вершине мыса, где самоеды *«возвели кучу камней, на которой лежали различные железные вещи, множество оленьих черепов с рогами, медвежьих черепов и т. д. ... На юго-востоке от груды на поверхности в несколько квадратных футов были воткнуты более 100 деревяшек с вырезанными на них лицами»* (Нордквист, 1964. С. 186–187).

Оставлено описание *«самоедского капища на о. Вайгач»* на мысе Дьяконова в отчёте священника с. Тельвисочного отца Евгения о его поездке в Югорский Шар в 1902 г.: *«Жертвенный холм, на котором самоеды приносили своим идолам жертвы, представляет страшное и величественное зрелище, особенно в темноте ночи, так как кругом холма лежат сотни оленьих черепов с торчащими кверху большими ветвистыми рогами, а среди них находится “Большой идол”, подножие которого занимали сотни миленьких идольчиков. В настоящее время жертвенный холм находится в запустении и разрушении. ... К этим грубым изделиям и до сего времени некоторые из самоедов, хотя и считающиеся христианами, питают суеверный страх и не прочь принести умиловительную Жертву: я нашел у холма разные предметы, которые носят на себе следы недавнего приношения»* (ГААО. Ф. 6. Л. 10, 11).

В 1908 г. в Кунсткамеру в дар от А. М. Сумарокова поступил *«Мань-пая-хэг. Каменный идол с юго-западного Вайгача»* в виде обломка кварцита. По сообщению дарителя, *«камень отбит от популярного утёса в виде человека»* и является покровителем морского промысла (МАЭ, колл. № 1659-3). Неизвестно, однако, сам А. М. Сумароков побывал на острове или вещи попали к нему через вторые руки.

В отчёте священника Г. Юрьева и псаломщика Г. Игумнова о поездке на остров Вайгач упоминается святилище на Болванском Носу: *«Велико обилие идолов на родине их (ненцев. — И. Б.): Весако-старик, где ныне было более 80 идолов; множество старых и не старых (идолов. — И. Б.), и отвратительные языческие погребения на поверхности земли»* (ГААО. Ф. 29. Л. 39–40).

Р. Амундсен, посетивший святилище в 1918 г., кратко его описал: *«... поднявшись на древний жертвенный курган со вбитым в него деревянным крестом из*

плавника, мы видели почти весь пролив (Югорский Шар. — И. Б.). Эти места... мало... изменились с тех пор, как здесь побывал Норденшельд. И старые могилы оказались точь-в-точь такими же, как он их описывал. Древняя жертвенная пещера, зарисованная лейтенантом Ховгором, тоже не изменилась» (Амундсен, 1936. С. 68).

Святылище Болванский Нос I. Археологическое изучение святылища было начато в 1984 г. экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина. На месте святылища находился бугор площадью 8×15 м и высотой около 1 м над окружающей поверхностью. Склоны бугра были усыпаны старыми костями жертвенных животных с преобладанием оленьих, среди которых попадались рога со следами пиления, кости и клыки белого медведя, крупные птичьи кости (илл. 27).

Илл. 27. Мыс Дьяконова. Святылище Болванский нос I. Вид с северо-востока.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

В 1984–1987 гг. раскопками было вскрыта практически вся площадь памятника. Культурный слой святылища был насыщен большим количеством костей и рогов северного оленя, но также встречались кости морских животных, белых медведей, различных птиц и изредка рыб. Древнейшей находкой, обнаруженной на святылище, была кремневая пластина, обработанная по краям ретушью, датируемая II тыс. до н. э., которая, возможно, была принесена на святылище как жертвенный предмет в позднее время. Немногочисленные фрагменты керамики, найденные на святылище, Л. П. Хлобыстин датирует I тыс. н. э. и относит их к угорским и финно-угорским культурам более южных районов. По его мнению, это позволяет видеть в людях, которые поклонялись на святылище, летописную *югру*, из чего следует, что первоначально святылище принадлежало донецкому населению этих мест.

Раскоп занял почти всю территорию мыса, пригодную для заселения, и площадь раскопа достигла 116 кв. м (Хлобыстин, 1987. С. 3). При раскопках Л. П. Хлобыстиным было выявлено 6 прослоек — культурных слоёв. Культурный слой I был

связан с верхней пачкой погребённых почв. Он содержал немногочисленные следы деятельности людей. В квадрате 23 было отмечено углистое пятно от кострища. В разных местах встречались отдельные разложившиеся кости и обломки рогов северных оленей. Были найдены плохо сохранившиеся фрагменты керамики, несколько осколков кремня, вероятно использованных для высекания огня, а также две обработанные кости и кусок шлака.

В культурном слое II культурные остатки залежали в песке под верхней пачкой погребённых почв, на 10–23 см ниже её. В слое встречено скопление камней, около которого найдены свёрнутый в комок кусок медной проволоки, кремень для высечения огня или скребок и поделка из рога. Около второго скопления камней лежали черепки раздавленного горшка и кусочек медной пластинки, скребловидное изделие, накладка на санный полоз, костяная втулка, костяные наконечники копий.

Культурный слой III имеет радиоуглеродную дату 1080 ± 40 ЛЕ–4054. В южной части раскопа обнаружены выкладки из камней. К северо-востоку от них выявлено много костей и изделий из кости и рога, накладки на полозья саней, острия для рыболовных орудий, гарпун, рукоятка ножа, наконечник копья, игольник из птичьей кости, ручка ложки, стержень вертлюга. Находки керамики немногочисленны.

Культурный слой IV датирован по радиоуглероду 1250 ± 40 ЛЕ–4053. В нём было встречено много камней, образывавших широкую полосу, вытянутую в направлении север – юг. В слое найдены аномально изогнутый рог северного оленя, наконечники копий, остриё для рыболовного орудия, четырёхрожковый наконечник стрелы с втулкой, аналогичный усть-полуйским, рукоятка ножа, заготовки из кости и рога, скребловидное орудие, сделанное на сколе камня. Керамика имеет большое сходство с найденной в культурном слое III (Хлобыстин, 1987. С. 6).

Культурный слой V имеет радиоуглеродную дату 1840 ± 40 ЛЕ–4052. Находки были сосредоточены в виде скопления в юго-восточной части раскопа. Было выявлено много скоплений керамики, которая несколько отличалась от керамики, залежавшей выше. Найдено значительное число изделий из рога и кости: острия рыболовных орудий, рукоятки ножей, накладки на полоз, сломанный блок от упряжи, ручка черпака (?), крюк из рога оленя и заготовки изделий. Встречались находки раковин, в одной из которых сделано отверстие. Найдено несколько камней, принесённых древними поселянами с прибрежной полосы, которые имели следы употребления в качестве абразивов.

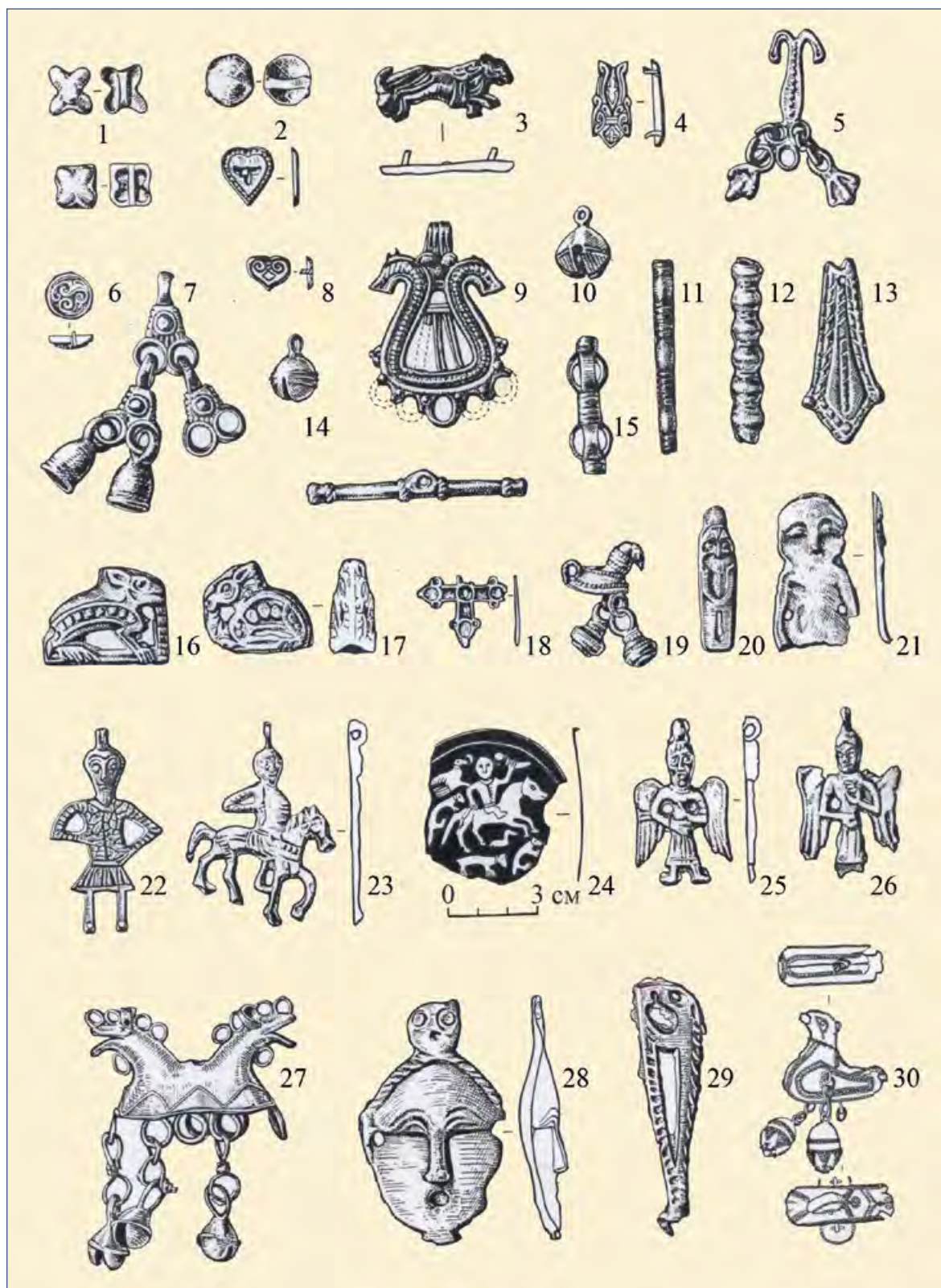
В культурном слое VI было встречено мало находок. Найденная керамика имеет отпечатки шнура. Также обнаружены накладка на полоз саней и наконечник копья (Хлобыстин, 1987. С. 6, 8).

В нижней части культурного слоя, часто прямо на подстилающей щебёнке, залежало большинство изделий из бронзы и серебра, датируемых X–XIII вв. Основная часть изделий происходила с территорий Приуралья и Западной Сибири, населённых финно-угорскими племенами. Это различные шумящие подвески, многочисленные бляшки, фигурки птиц, коньков и других животных, фрагменты браслетов, бубенчики. С болгарским импортом и подражанием ему связаны серебряные украшения, исполненные в технике зерни и скани, со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней.

К изделиям, непосредственно относящимся к культовым, Л. П. Хлобыстин относит антропоморфную личину, фигурки человека-лося, небольшие плосколитые подвесные фигурки, изображающие стоящего бородатого мужчину в кольчуге. Изображение такого же мужчины на коне Л. П. Хлобыстин связывал с об-

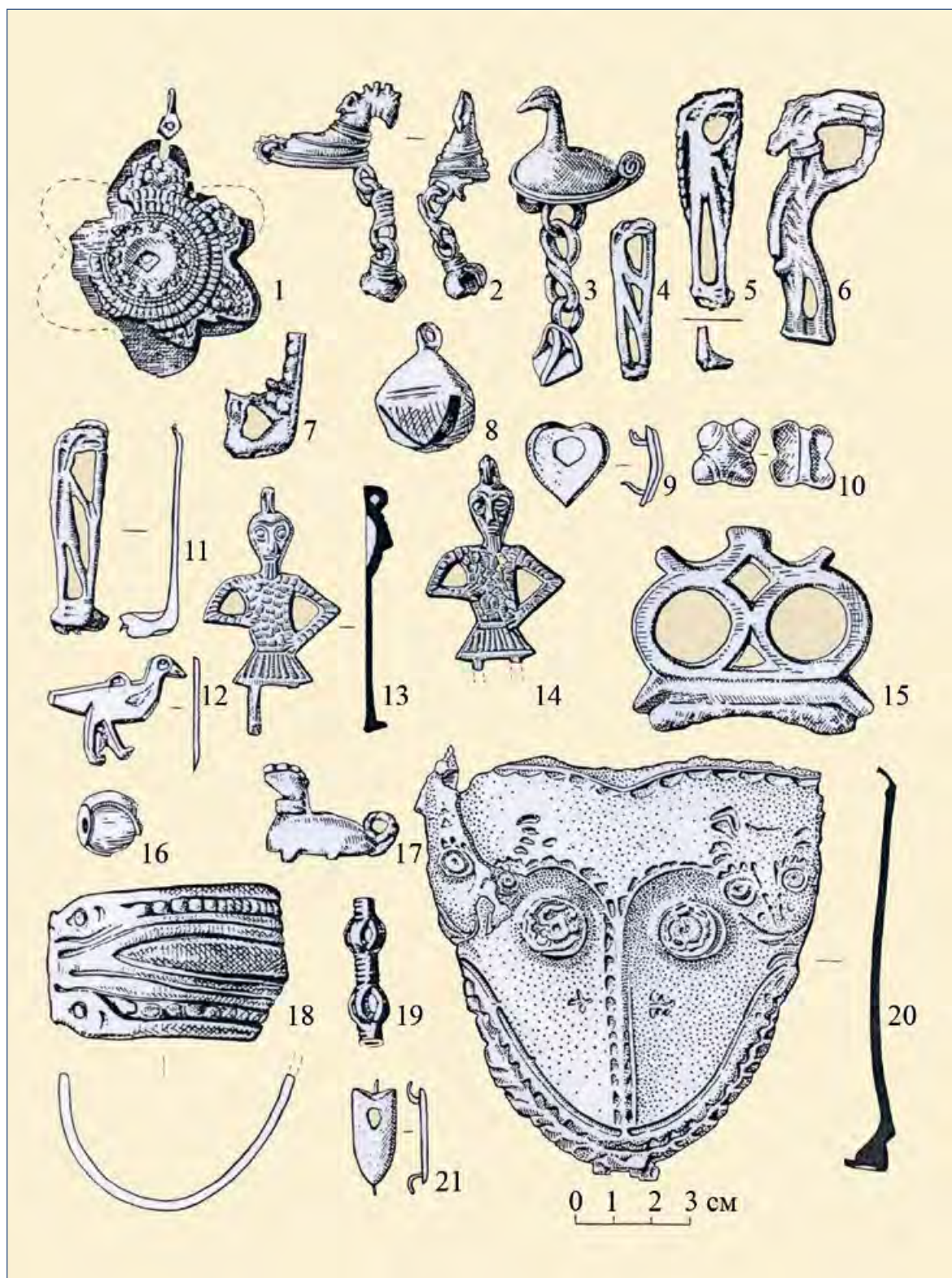
разами языческих божеств разных народов — Перуна, Войтеля, Мир-Сусне-Хума (илл. 28, 29).

Бронзовая личина, найденная на святилище, имела подовальную форму размером около 8×5 см. В нижней части изделия имеется короткий литниковый стержень, глаза переданы полукруглыми секторами, нос прямой с обозначенными

Илл. 28. Святилища Болванский Нос I, II. Находки экспедиции Л. П. Хлобыстина

ми крыльями ноздрей, рот передан округлым углублением. На личине «надет» головной убор в виде шлема с полумаской, с навершием в виде орнитоморфной головы с округлыми глазами и ртом. С правой стороны на щитке личины имеется сквозное отверстие для крепления к основе (илл. 28, 28). (Хлобыстин, 1990. С. 131, рис. 1, 31). Личины со схожими полумасками на шлемах и приёмом обо-

Илл. 29. Находки экспедиции Л. П. Хлобыстина со святилищ Болванский Нос I, II и поселения Сиртя-Сале

значения глаз происходят из Тобольского региона. Почти полностью идентичная личина была найдена на городище Эмдер. В настоящее время ещё не удалось строго определить период их бытования, но предположительно эти личины датируются XIV–XV вв. (Карачаров, 2002. С. 49–50). Л. П. Хлобыстин датировал личину с Болванского Носа I домонгольским временем и однозначно отнёс её к вещам, «непосредственно связанным с куклами» (Хлобыстин, 1991. С. 29).

Небольшой антропоморфный идол, сделанный из цветного металла, (Хлобыстин, 1990. С. 131. Рис. 1, 24) имеет высоту чуть больше 5 см при ширине до 2,5 см и представляет собой непропорциональную фигуру с большой головой и коротким туловищем с прижатыми к нему руками. Нижняя часть фигуры, видимо, отломана. На её туловище имеется два отверстия для крепления к основе (илл. 28, 21).

Фигурки человеко-лося (сульде), были найдены на святилищах Болванский Нос I и Сиртя-Сале Л. П. Хлобыстиным (илл. 28, 29; 29, 4–6). Подобные фигурки в большом количестве были найдены на Хэбидя-Пэдарском святилище в Большеземельской тундре (Мурыгин, 1992. С. 33). Эти фигурки представляют собой вертикальные композиции, основой которых является зоантропоморфный персонаж. Характерной чертой бронзовых фигурок является наличие в нижней части остатков литников, которые идут перпендикулярно общей плоскости фигурных пластинок. Исчезновение из употребления вотивных человеческих фигурок происходит около X в. (Талицкий, 1951. С. 64).

Фигурка «Перун» (илл. 28, 22) изображает подбоченившегося мужчину в полный рост в надетой поверх длинной рубахи и опоясанной ремнём кольчуге (пластинчатом доспехе). Голова и ступни ног рельефны. Лицо удлинённое, бородатое, с большими глазницами и слегка выступающим носом. Правая рука согнута в локте и ладонь лежит на груди, а левая упирается в бедро. Фигурка плосколитая, в верхней части имеется ушко для подвешивания. Фигурка полностью аналогична фигурке, найденной в Новгороде на Троицком раскопе в слоях, относящихся к середине XII в. (Декоративно-прикладное..., 1996. С. 442–443). Подобные фигурки обнаружены в Прикамье (Оборин, 1970. Табл. II). В Приобье и Прикамье также известны подобные фигурки, только в поднятой правой руке они держат рог (Археология СССР, 1987. С. 337, 340). Л. П. Хлобыстин связывает эти изображения с образами Перуна, Войтеля, Перы, Эква-Пырища, Мир-Сусне-Хума (Хлобыстин, 1991. С. 29). Большинство исследователей считает эти фигурки, в частности Перуна, изображениями дружинного божества, расходясь во мнениях о месте их изготовления. На мой взгляд, эти фигурки были изготовлены новгородскими мастерами для населения Приуралья и Зауралья, у которого существовали культы божеств, в чём-то подобных Перуну, а затем они могли быть скопированы местными ремесленниками, как это часто происходило с изделиями русских и болгарских ювелиров (Барышев, 2011. С. 121). Косвенным доказательством того, что фигурки происходят из Новгорода, может служить языческий идол, изображающий Перуна, найденный там же, тоже относящийся к середине XII в. Иконография идола и описанных выше фигурок почти полностью совпадает (Древний Новгород, 1985. С. 108. Рис. 203).

«Перун» на коне найден на святилище Болванский Нос 1 в единственном экземпляре (илл. 28, 23). Фигурка изображает мужчину, едущего на коне. На мужчине поверх длинной рубахи надета кольчуга, опоясанная ремнём. Лицо удлинённое, бородатое, с большими глазницами и слегка выступающим носом. Правая рука согнута, кисть прижата к правой стороне груди. Мужчина сидит на

украшенном богатой сбруей коне; он напоминает всадников на пермских медальонах. В верхней части головы имеется ушко для подвешивания. Фигурка отлита из бронзы в плоской форме. Подобная фигурка ассоциировалась у хантов с культом небесного всадника, «*следящего за миром*» — *Мир-Сусне-Хума*.

Фигурки ангелов и архангела найдены на святилищах Болванский Нос I и Болванский Нос II (илл. 28, 25, 26). Они, несомненно, являются атрибутами христианской религии. Всего за годы исследований найдено четыре фигурки, одна из которых, с копьём, определяется как изображение архангела Михаила. Фигурка плосколитая, с ушком для подвешивания. Архангел изображён одетым в драпированную одежду типа тоги, под которой он одет в доспехи — это угадывается по правой руке, которая защищена доспехом. В правой руке архангел держит копье (частично утеряно). Левое крыло и рука утрачены. Вокруг головы угадывается нимб. Остальные фигурки изображают ангелов со сложенными на груди руками, одна над другой. В левой руке, на уровне груди, ангелы держат чашу или какой-то другой предмет. Учитывая некоторое сходство с «Перунами» в технике изготовления и манере передачи образа, можно высказать предположение, что ангелы тоже сделаны русскими мастерами. Л. П. Хлобыстин предполагает, что они были сделаны «*наподобие “перунов”, чтобы заменить последних при распространении христианства более привычными символами*» (Хлобыстин, 1992. С. 167). Я думаю, что фигурки ангелов не имеют никакого отношения к целенаправленным действиям русских миссионеров по распространению христианства среди северных народов в этот период, т. е. в XI–XIII вв. Скорее всего, это был обычный меновый товар, тем более что крылатые антропоморфные и антропоорнитоморфные культовые фигурки были известны местным народам с раннего железного века и имели сакральный статус. Не исключено, что эти фигурки попали на святилище в качестве трофеев после одного из неудачных походов русских на «*югру и самуюдь*» (Барышев, 2011. С. 122).

Исследователи рассматривают зоантропоморфные изображения как обетные или жертвенные предметы, принесённые на жертвенных местах в дар богам (Збруева, 1947. С. 25), и относят их к шаманскому культу (Смирнов, 1952. С. 263). Образ человека-лося имеет сходные черты с героем саамской легенды о первопредке и культурном герое — человеке-олене *Мяндаша* — и является иллюстрацией к мифологии древних охотников на дикого оленя, отображая их тотемические религиозные представления (Чарнолуский, 1965. С. 105). Л. С. Грибова считает данные фигурки вотивными, относящимися к тотемнородовому культу, выполнявшими роль «вместилищ» инкарнирующих душ, подобных «иттарма» обских угров (Грибова, 1984. С. 101). По мнению Л. П. Хлобыстина, местом изготовления фигурок является Европейский Север (Хлобыстин, 1992. С. 166).

В культурном слое святилища найдены фрагменты медных котлов и много остатков железных изделий, среди которых были фрагмент кольчуги, наконечники стрел и копий, топоры, ушки и ручки котлов. Редки были находки из кости и рога, возраст которых не всегда определим. Было найдено много изделий, относящихся к позднему средневековью и новому времени.

Секирообразный топорик-амулет, относящийся к средневековому времени, найден на святилище Болванский Нос I. Этот бронзовый топорик с солярной и громовой символикой относится к числу изделий древнерусских мастеров (Хлобыстин, 1991. С. 30). У восточных славян и некоторых других народов Европы топор был атрибутом бога-громовержца, имевшего определённое сходство с ненецким *Нум'ом*.

«Якорьковая» подвеска была найдена в единичном экземпляре (илл. 28, 5). География распространения такого типа подвесок чрезвычайно широка — они были распространены в Прикамье, на Вычегде, в Зауралье, встречаются в костромских и приладожских курганах (Талицкий, 1951. С. 58). Точная аналогия этой «якорьковой» подвески найдена на Ортинском городище в дельте р. Печоры (Ясински, Овсянников, 2003. С. 89, 93). Датируются эти подвески X–XIV вв. О сакральном назначении этого шумящего украшения говорят привески в виде лапок водоплавающих птиц, так называемые «утиные лапки», которые олицетворяли связь с небесными духами.

На святилище были обнаружены предметы, относящиеся к атрибутам христианской религии, — три бронзовые подвесные *фигурки ангелов*, обрамление иконки, нательный крестик «скандинавского типа» и крестик с эмалью. Эти вещи были принесены в жертву как трофеи или как сакральные предметы, имеющие «огромную магическую силу».

Нательные кресты в количестве двух штук были обнаружены на святилище Болванский Нос I (илл. 28, 18). Большой интерес представляет эмалевый крестик, относящийся к XI–XII вв. (илл. 28, 18). Л. П. Хлобыстин местом изготовления определяет Киевщину (Хлобыстин, 1990. С. 125). Самые северные места находок таких крестов — Белоозеро и район Чердыни. Также к христианским символам относится крестик «скандинавского» типа. Л. П. Хлобыстин рассматривает атрибуты христианской религии, в том числе крестики, присутствующие на святилищах, как результаты миссионерской деятельности священников, сопровождавших отряды новгородцев и ладожан во время походов «за Югру и Самоядь». Мнение Л. П. Хлобыстина, что эти вещи «появились на святилище, вероятнее всего, не в качестве трофеев, а в виде приношений «обращенных в христианство» аборигенов, продолжавших почитать своих богов» (Хлобыстин, 1991. С. 29–30), к настоящему времени ничем не подтверждается. Скорее всего, эти вещи были принесены в жертву именно в качестве жертвенных предметов, так как на раннем этапе существования святилища, к которому относятся эти вещи, а именно X–XIII вв., об обращении в христианство жителей Крайнего Севера утверждать весьма проблематично. Район Большеземельской тундры, с которым сопредельен Вайгач, в то время только начинал осваиваться русскими. Те, кто сюда приходил, были отнюдь не миссионеры, а промышленники, купцы и воины, и целью их было не привлечение «диких язычников» в лоно православной церкви, а более прозаические дела — добыча драгоценных *рухляди* (мехов), *рыбьего зуба* (моржовых клыков), подчинение местного населения и наложение на него *ясака*. И хотя, как предполагает В. Ю. Вануйто, уже в X в. русские имели в Югре постоянные торговые фактории, конкурирующие между собой (Вануйто, 2001. С. 93), самое раннее свидетельство о крещении местных жителей на Нижней Печоре относится к 1518 г. (Герберштейн, 1988. С. 156). Нельзя не согласиться с Н. А. Макаровым, который считает, что «использование предметов христианского культа в качестве приношений резко противоречит религиозным нормам христианства и может свидетельствовать или о непонимании религиозного значения этих предметов, или о сознательном нарушении христианских обычаев. Но в любом случае эти находки отмечают крайние рубежи распространения символов православного культа в XII–XIII вв. и ...самих носителей этого культа» (Макаров, 1997. С. 45).

По обнаруженным материалам Л. П. Хлобыстин выделил две стадии существования святилища: ранняя стадия — X–XIII вв. и поздняя — XVI–XX вв. На ранней стадии на святилище совершали свои ритуалы люди, отождествляемые Л. П. Хлобыстиным с летописной *югрой*, которую многие исследователи связыва-

ют с легендарным народом *сиртя* из ненецких сказаний. Затем следует хронологическая лакуна, занимающая отрезок примерно в 200–300 лет, во время которой не зафиксировано материальных свидетельств отправления культовых действий на святилище. «Отсутствие украшений последующих веков» Л. П. Хлобыстин объясняет «прекращением их поступления в связи с монгольским нашествием» (Хлобыстин, 1990. С. 126). Поздний этап существования святилища однозначно связан с ненцами.

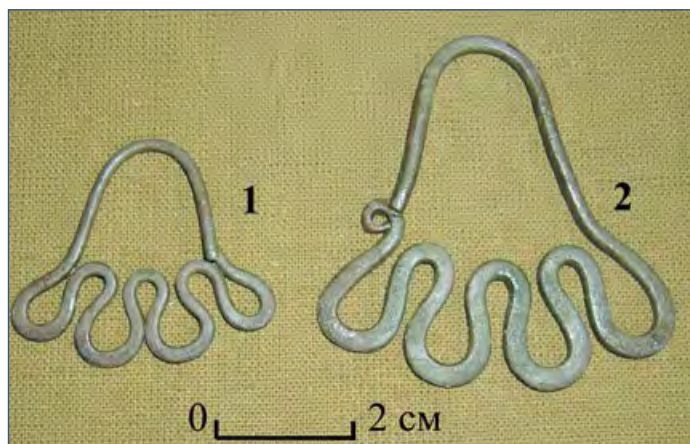
С 1986 г. сотрудники МАКЭ неоднократно бывали на этом святилище, но только в 2000 г. территория святилища была ими тщательно исследована. В результате был собран подъёмный материал, состоявший из целых и фрагментированных изделий из медного сплава: шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью (илл. 30, 2), грушевидные бубенчики с щелевидной прорезью на цепочках от шумящей подвески (илл. 31). Найдена пара разновеликих височных четырёхлопастных подвесок, выполненных из круглого дрота, нижний конец которого расплюсчен в ленту и согнут лопастями (илл. 32). Аналогичные подвески были найдены Л. П. Хлобыстиным при раскопках святилища в 1984–1986 гг. (Хлобыстин, 1992. С. 165, 166). Подобные подвески, с тремя или четырьмя лопастями, сделанные из серебра или медных сплавов, встречаются в археологических комплексах Поволжья, Приуралья и Западной Сибири, относящихся к концу I — началу II тыс. н. э. Наиболее нарядные подвески, украшенные позолотой, зернью и сканью, являются произведениями болгарских мастеров XII–XIV вв. Произво-

Илл. 30. Святилище Болванский Нос I.
Напускная бусина (1) и шаровидный бубенчик
с щелевидной прорезью (2)

Илл. 31. Святилище Болванский Нос I.
Грушевидные бубенчики с щелевидной
прорезью на цепочках от шумящей
подвески

Илл. 32. Святилище Болванский Нос I.
Височные четырёхлопастные подвески.

дились и более простые подвески, без орнамента или украшались лишь оттисками пунсона и циркульным орнаментом. Н. В. Федорова место производства таких подвесок определяет двояко — Волжская Булгария или местное подражание, склоняясь ко второму варианту. Простые подвески, без зерни и скани, без орнамента, с простейшим пуансонным или циркульным орнаментом встречаются на верхнекамских городищах родановской культуры в контексте, указывающем на их местное производство (Сокровища..., 1996. С. 108). В Ликинском могильнике, относящемся к юдинской культуре, подвески такого типа происходят из комплексов XII–XIII вв. (Археология СССР, 1987. С. 173, 319, табл. LXXI, рис. 19; Архипов, 1973. Рис. 17, 5).

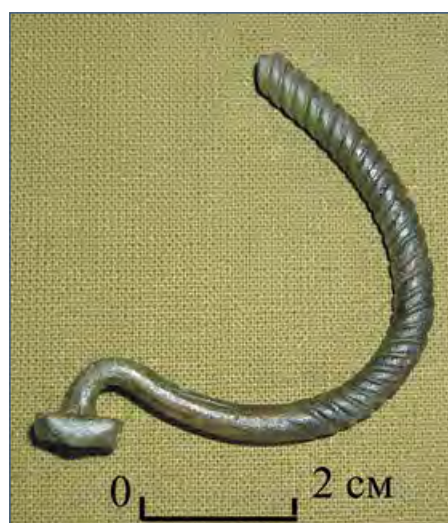
Двумя экземплярами представлены арочные пластинчатые трёхкольчатые подвески, по периметру украшенные рубчатым жгутом, а в центре — композицией сложенной спирали из скрученной проволоки. Центр композиции венчает маленькая, напаянная бронзовая «жемчужина». В нижней части подвесок сохранились по три кольца для шумящих привесок и в верхней части петля для крепления к основе. Размеры щитков 3,7×2,5 см при толщине 0,2 см. (илл. 33). Аналогичная подвеска найдена в низовьях р. Таз на памятнике, который Л. П. Хлобыстин и О. В. Овсянников определили как «ювелирную мастерскую» и датировали X–XIII вв. Испорченный при литье щиток свидетельствует о местном производстве подобных украшений (Хлобыстин, Овсянников, 1973. С. 248–252, рис. 3, 1).

Из других украшений был найден фрагмент бронзового браслета из дрота круглого сечения с гранёной головкой-застёжкой. Ближняя к застёжке часть гладкая, а остальная покрыта спиральной (рубчатой) нарезкой (илл. 34). Изделия подобного типа находят в Восточной Европе в комплексах, относящихся к IX–X вв. (Сокровища..., 1996. С. 107). Многочисленны находки подобных гривен на поселениях и в могильниках в районе р. Чепцы, датировемых IX–X вв. (Археология СССР, 1987. С. 143).

К характерным для северо-востока Европы и запада Сибири X–XIII вв. украшениям относятся три бронзовые крестообразные выпуклые бляшки размером 1,5 × 1,5 см, которые могли нашиваться на одежду или пояс (илл. 35, 2–4). Для крепления к основе на обратной стороне бляшек имеется поперечная петля. Отличались бляшки в двухсторонней форме. Внешняя сторона подполирована и иногда в основании лопастей украшена сдвоенными валиками. На поселении Тиутей-

Илл. 33. Святилище Болванский Нос I.
Арочные пластинчатые трёхкольчатые подвески

Илл. 34. Святилище Болванский Нос I.
Фрагмент бронзового браслета

Илл. 35. Святилище Болванский Нос I.
Бронзовые крестообразные выпуклые бляшки

Илл. 36. Святилище Болванский Нос I.
Полая коньковая подвеска

Сале I на Ямале аналогичные бляшки были найдены вместе со скрепляющими их кожаными ремешками (Федорова и др., 1998. С. 33). Крестовидные бляшки со следами литейного брака найдены на территории «Тазовской мастерской» (Хлобыстин, Овсянников, 1973. С. 248–252, рис. 2, 15, 16). Хотя период их массового изготовления и бытования приходится на X–XIII вв., аналогичные бляшки употреблялись до недавнего времени (Хлобыстин, Овсянников, 1973. С. 254, 255) и, скорее всего, как «антикварный» материал.

Собрано несколько деталей от медных котлов, представленных мелко нарезанными фрагментами, иногда с заклёпками или их следами, с проушинами для дужек. Такие находки характерны для средневековых святилищ острова и их, как справедливо считает большинство исследователей, можно считать маркерами для подобных памятников.

К сакральным предметам, безусловно, относится полая коньковая подвеска, отлитая из бронзы (илл. 36). Морда конька цилиндрическая, схваченная на конце ободком, обозначающим уздечку. Хвост и грива, на которые сверху припаяна проволочка, кольчатые. Уши изображены в виде завитков. По срезу туловища, по всему периметру идёт орнамент из волнообразной проволочки — символ воды. В нижней части туловища находятся остатки восьми петель, по четыре с каждой стороны, для шумящих привесок на восьмёркообразных цепочках — бубенчиков, «бутылочек», «утиных лапок». Носили их на кожаных шнурках, спускавшихся ниже пояса. Подобный тип полых подвесок является характерной особенностью женского наряда финно-угорских племён Восточной Европы и датируется XIII–XIV вв. (Археология СССР, 1987. С. 38; Седов, 1966. С. 248, 249), а их производство связывается с Великим Новгородом (Седова, 1981. С. 31). Зооморфные подвески подобного типа служили амулетами и отражали религиозно-идеологические представления их обладателей.

Ещё сейчас на святилище видны следы от раскопа Л. П. Хлобыстина. Как это ни прискорбно, но в процессе раскопок памятник обычно уничтожается. Здесь же археологи постарались оставить хотя бы некоторые внешние признаки древнего языческого капища — после раскопок памятника отвалы земли с внешних квадратов раскопа были сдвинуты к центру, образовав небольшой холм. На его вершину в кучу были сложены оленьи кости (илл. 26). Лежащие на зелёном, покрытом ромашками бугре, выбеленные солнцем и дождями кости хорошо видны издали и создают впечатление реально существующего святилища. Особенно впечатляюще это выглядит в солнечную погоду.

При обследовании МАКЭ состояния святилища в 2007 г. отмечено, что под воздействием природных факторов выравниваются следы раскопа Л. П. Хлобыстина — стенки раскопов едва угадываются на поверхности. На святилище об-

наружены свидетельства отправления недавних языческих культовых обрядов — в центре отвала, оставшегося от раскопок, воткнут деревянный кол высотой около 140 см, на который надет череп недавно убитого жертвенного оленя, на столбике привязаны разноцветные ленточки, у его подножия лежат олени кости. Рядом находится небольшой идол грубой работы из плавникового дерева.

Интересный материал для реконструкции дают электромагнитные исследования святилища Болванский Нос I, проведённые А. К. Станюковичем (Станюкович, 1990. С. 191–196), на основе которых и описании архимандрита Вениамина я сделал попытку в графическом виде воссоздать облик святилища перед его разрушением летом 1827 г. (илл. 37).

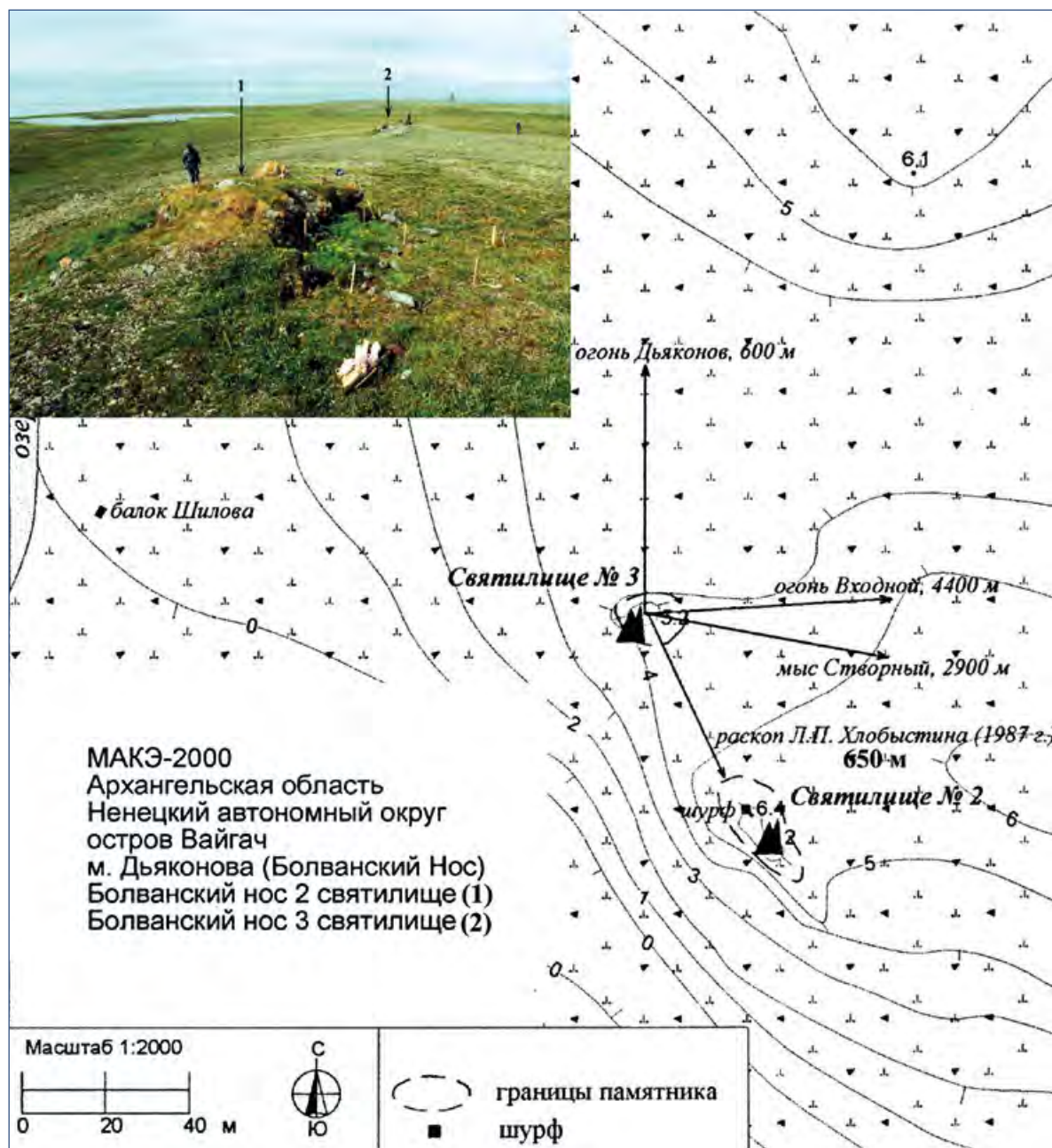

Илл. 37. Графическая реконструкция облика святилища перед его разрушением летом 1827 г. по описанию архимандрита Вениамина. Рис. И. Б. Барышева

Святилище Болванский Нос II. В 1878 г. А. Э. Норденшёльд сделал описание святилища. Он указывал, что это — новое место жертвоприношений, которое самоеды основали после уничтожения святилища *Вэсако* (Болванский Нос I), а жертвоприношения продолжают совершаться на вершине мыса, в 600 м от креста (Хлобыстин, 1990. С. 124). Самоеды «*воздвигли кучу камней, на которой лежали различные железные вещи, множество оленьих черепов с рогами, медвежьих черепов и т. д.*». Недалеко от камней «*были воткнуты более 100 деревяшек с вырезанными на них лицами*» (Нордквист, 1964. С. 186).

В 1985 г. сотрудниками экспедиции Хлобыстина это святилище было найдено и получило название Болванский Нос II. Оно находилось в 375 м на северо-восток от святилища Болванский Нос I и было представлено небольшими известняковыми скальными выходами, вокруг которых на площади 30 × 10 м территория задернована. Территория вокруг святилища покрыта плотным щебенистым грунтом, на котором пучками растёт скудная растительность (илл. 38). У подножья лежало много старых рогов и костей северного оленя (Хлобыстин, 1986. С. 9).

В шурфе, заложенном у края скальных выходов, были найдены более 400 костей от 32 оленей, несколько костей морского зверя и птиц. В шурфе и на поверхности камней найдено много различных предметов.

Илл. 38. Святылище Болванский Нос II. Топографический план. Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г. На врезке – общий вид

К периоду XII–XIII вв. относятся различные медные и бронзовые украшения: арочная шумящая подвеска, пронизка, две лапчатые подвески, коньковая подвеска, фигурки Перуна и архангелов (илл. 28, 25, 26; 29, 2, 13, 14).

К позднему времени относятся такие находки, как детали кремневых ружейных замков, гильзы 1916–1918 гг., железные наконечники стрел, нож, гвозди, кольца, куски цепочек и проволоки, осколки стеклянных бутылок, куски от медных котлов, медные пуговицы и колечки, медная монета 1840 г. и монета в 1/2 копейки серебром, возможно из тех, которые мог, как предполагал Л. П. Хлобыстин, оставить А. Э. Норденшёльд взамен взятых со святилища идолов.

В 2000 г. памятник обследован МАКЭ. У северо-западной подошвы скального выхода, где металлодетектор подавал ясные сигналы, был заложен шурф, показавший наличие культурного слоя, представлявшего чёрно-коричневую супесь. С одного квадратного метра шурфа было собрано более 50 фрагментов костей северного оленя, в основном фрагментированные рога; кости морских животных и птиц единичны. В шурфе были найдены фигурка архангела, сделанная из сплава серебра и меди, и серебряная височная подвеска (илл. 39, 40). Оба изделия лежали лицевой частью вверх. Плоскостная фигурка архангела полностью идентична фигурке, найденной Л. П. Хлобыстиным здесь же в 1987 г. (Хлобыстин, 1990. С. 132, рис. 2, 3). Вполне вероятно, что обе фигурки были отлиты в одной форме, или по одному образцу. В рельефных углублениях крыльев и складок одежды сохранились следы позолоты.

Великолепным образцом болгарского ювелирного искусства XII–XIV вв. (Руденко, 2001. С. 348.) является серебряная височная подвеска с напускной биконической бусиной на дужке, выполненная в технике скани и зерни. В центре щитка расположено гнездо для камня, внутри которого сохранились следы чёрно-коричневого смолистого вещества, закреплявшего камень (илл. 40).

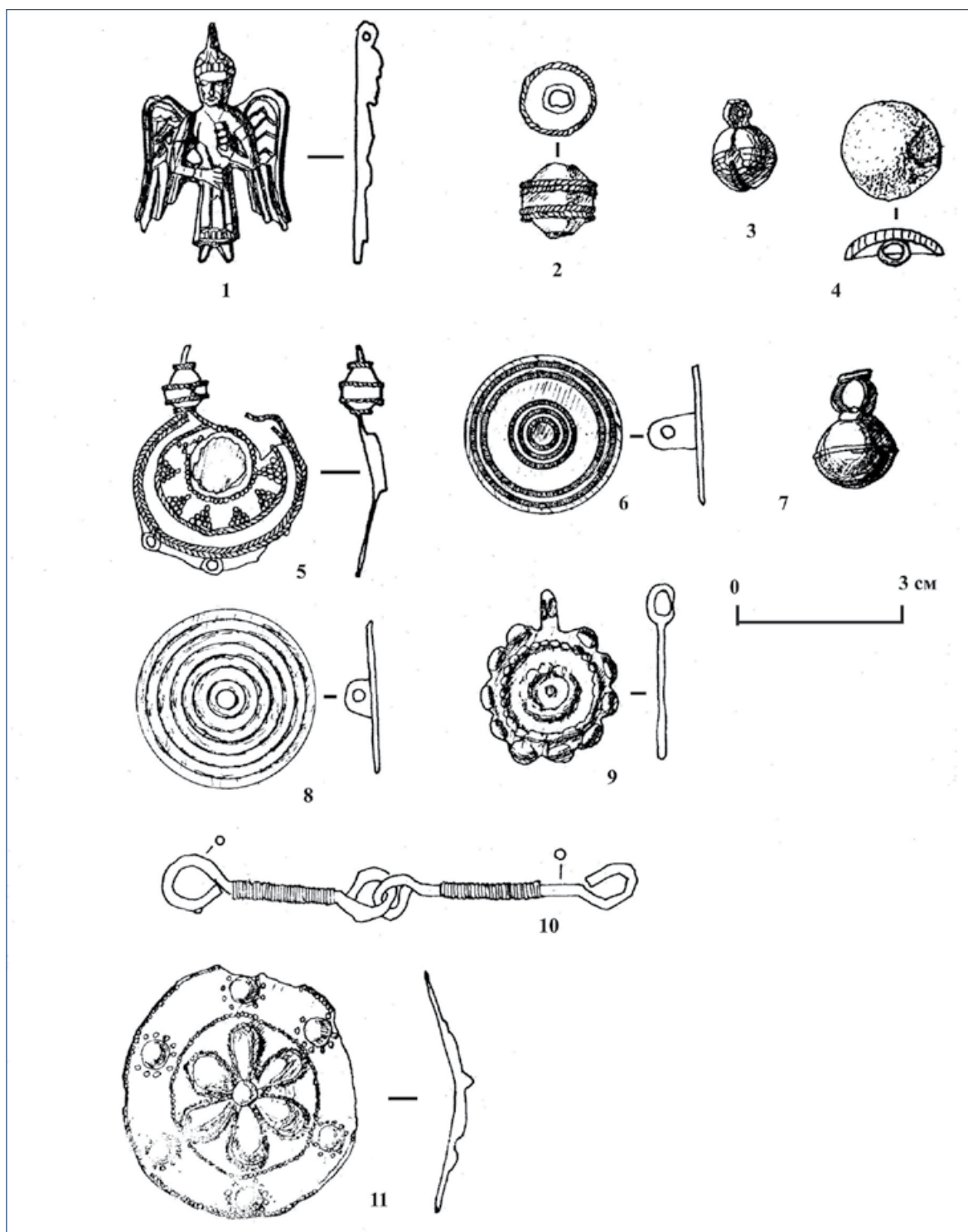
В расщелинах камней и под ними, на периферии задернованной поверхности и на щебёнке был собран подъёмный материал, из которого, прежде всего, нужно отметить круглый медальон диаметром 5,2 см из цветного сплава (илл. 41, 11). В центре медальона изображена шестилепестковая розетка, окаймлённая двумя концентрическими ложнозернистыми поясками. Шесть полушарий в обнизии ложной зерни, идущие по краю медальона, имитируют драгоценные камни. Ушко для подвешивания утеряно. Подобные медальоны, в которых сохраняется домонгольская ремесленная традиция, характерны для новгородского ювелирного ремесла XIII–XIV вв. (Декоративно-прикладное ..., 1996. С. 434, 443–444). Остальные находки относятся к XVII–XX вв., среди них: бронзовая подвеска, медная и железная пуговицы, круглая свинцовая пуля, медные пластины и фраг-

Илл. 39. Святилище Болванский Нос II. Фигурка архангела

Илл. 40. Святилище Болванский Нос II. Серебряная подвеска

Илл. 41. Находки со святилищ Болванский Нос II, III

менты от котлов (илл. 41, 4, 9), медная трёхкопеечная монета 1910 г. (Барышев, 2011. С. 82–84).

Святилище Болванский Нос III было открыто и обследовано археологом МАКЭ И. Б. Барышевым в 2000 г. Находится оно в 40 метрах к северо-западу от святилища Болванский Нос II, рядом с небольшим скальным известняковым останцом (илл. 38, 42). Вполне возможно, что данный останец воспринимался жертвователями как каменный идол — вместилище духа места. Может быть, именно подобные останцы Вениамин называл идолами.

Илл. 42. Святилище Болванский Нос III. Вид с юга

В расщелинах скалы, на поверхности камней и у подножья собран подъемный материал, состоявший из двух бронзовых бубенчиков, напускной бусины, аморфных медных пластин (в основном от котлов) и плоской медной подвески круглой формы с отверстием для ношения. Бронзовый бубенчик грушевидной формы с линейной прорезью и тройным рельефным пояском датируется посл. четв. XI — 2-й пол. XIII в. (илл. 41, 3). Медный бубенчик с линейной прорезью и поперечным литейным швом датируется 2-й пол. XIII — кон. XIV в. (илл. 41, 7). Местом производства таких бубенчиков была Новгородчина. Подобные бубенчики были широко распространены в финно-угорском мире, но, кроме утилитарного назначения, имели и сакральный статус, о чём говорят частые находки этих предметов на святилищах.

Нередкой находкой на святилищах является и бронзовая напускная бусина (илл. 30, 1; 41, 2). Бусина сделана из двух полушарий и средней цилиндрической части. По линии их соединения проходят тонкие витые проволочные пояски. На центральной цилиндрической части сохранились остатки золотой фольги, а на поверхности полушарий и витых проволок сохранились следы лужения серебром. Подобные напускные бусины были элементом височных колец, которые производились в Волжской Булгарии в XI–XIV вв. (Полякова, 1996. С. 168–171) и пользовались большой популярностью у народов, населявших Европейский Север и Западную Сибирь.

Обнаруженные на святилище находки говорят о том, что языческие обряды совершались здесь с нач. II тыс., что позволяет включить этот памятник в единый культовый комплекс на мысе Дьяконова. Если обрядовые действия на первых двух святилищах продолжались в более позднюю эпоху, то святилище Болванский Нос III, судя по археологическому материалу, функционировало только в 1-й пол. II тыс. н. э. По своим территориальным размерам и количеству жертвенного материала оно существенно отличается от остальных святилищ мыса. Вполне возможно, что это было не общее, а родовое жертвенное место. Однако вследствие чрезвычайно малого количества находок, нельзя исключить и более поздней датировки памятника. Известно, что находки ненцами различных «анти-

кварных» предметов на месте древних памятников были нередки. Ненцы считали эти металлические предметы принадлежавшими сиртя и воспринимали как знак об особой благосклонности духов к нашедшему их. Такие «антикварные» предметы в качестве *хэхэ* хранились в священных нартах (ненец. — *хэхэ хан*). Также они могли перемещаться со святилища на святилище. В начале XIX в. существование подобного обычая у остяков отмечал И. Б. Мюллер, который сообщал, что часть металлических идолов, вылитых из бронзы, они унаследовали от своих предшественников — *чуди* (Грибова, 1975. С. 106).

Находки, сделанные экспедицией Л. П. Хлобыстина и МАКЭ, указывают на то, что уже в нач. II тыс. н. э. этот памятник вместе со святилищем на оконечности мыса составляли, видимо, единый культовый комплекс.

Святилище Сиртя-Сале было обнаружено и изучено экспедицией Л. П. Хлобыстина в 1985 г. на восточном берегу Карповой губы (западное побережье Вайгача) (илл. 43). Святилище расположено в устье небольшой речки, на высоком мысовидном участке берега. Высота площадки святилища над уровнем пляжа 7–7,5 м. Местность в районе святилища старые ненцы иногда называли *Сиртя-Сале*, что значит мыс *Сиртя*, поэтому Л. П. Хлобыстин дал памятнику такое название. Название в некоторой степени характеризует сам памятник — ведь он был капищем легендарного народа *сиртя*, обитавшего в этих местах до прихода *ненцев*.

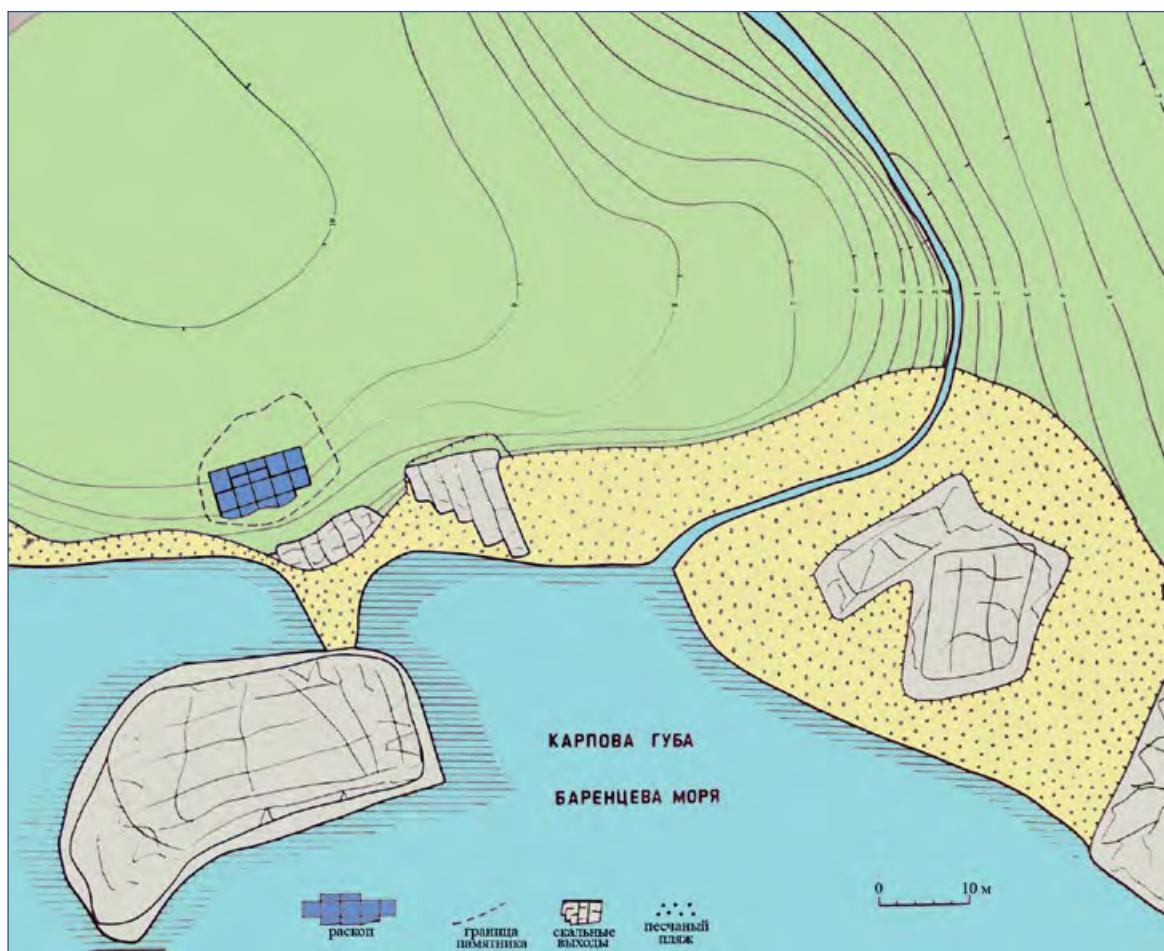

Илл. 43. Святилище Сиртя-Сале.
Вид с востока (Хлобыстин, 1986)

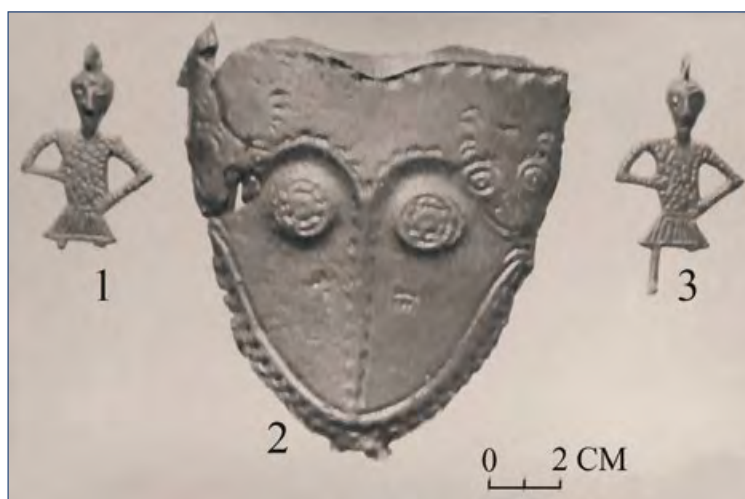
Илл. 44. Святилище Сиртя-Сале.
Вид с востока (Хлобыстин, 1986)

Находки были обнаружены в обнажении склона берега, подмываемого тальми водами, и на поверхности мыса (Хлобыстин, 1990. С. 128, 129, 133). Среди них была бронзовая фигурка *Перуна* (см. святилище Болванский Нос I) — бога грозы и покровителя воинов у древних славян (илл. 46, 1, 3). Подобные фигурки из раскопок в Новгороде датируются сер. XII в. (Колчин и др., 1985. С. 52). Найдены медные подвески с серебряными «индикациями монет», входившие в состав ожерелья вместе с шестилепестковой розеткой (илл. 47, 10). Найдены также фигурки человека-лося (илл. 29, 4–6), фрагменты керамики. Находки концентрировались на краю обрывистого берега, где Л. П. Хлобыстин и заложил небольшой раскоп в 40 кв. м, показавший наличие культурного слоя мощностью до 11 см. В раскопе было выявлено два скопления находок. Одно связано с кострищем, внутри и вокруг которого залежали фрагменты керамики плохой сохранности, фигурка *Перуна* (илл. 29, 14), крестовидная бляшка и большая плосколитая личина с круглыми глазами, напоминающая лягушку (илл. 29, 20; 46, 2). Л. П. Хлобыстин не без оснований предполагал, что личина была прикреплена к стоявшему на святилище идолу. Во втором скоплении была найдена ещё одна фигурка *Перуна*, кресало (илл. 29, 15), поясные бляшки (илл. 29, 10, 21) и остатки ожерелья, в состав которого входили серебряная розетка и шесть подвесок из серебряных

Илл. 45. Святилище Сиртя-Сале. Топографический план. (Хлобыстин, 1986. Илл. 49)

имитаций восточных монет (илл. 29, 1; 47, 2). Одну из монет Л. П. Хлобыстин определяет как иранский дирхем IX в. Здесь же были найдены фигурки *сульде* — мифологического антропоморфного существа со стилизованной лосиной головой. Подобные зоантропоморфные фигурки были обнаружены на *Хэбидя-Пэдарском* жертвенном месте (ненец. — *Хэбидя-Пэдара* — «священный лес». — И. Б.), расположенном в среднем течении р. Море-Ю в Большеземельской тундре (Мурыгин, 1992. С. 33–38). За пределами раскопа с помощью металлоискателя найдены

Илл. 46. Святилище Сиртя-Сале. Находки

полые шумящие подвески конька (илл. 29, 2), уточки (илл. 29, 3) и фигурка человека-лося, бубенчики, пронизки, фрагменты бронзовых и медных изделий, стеклянная бусина, остатки железных изделий.

Илл. 47. Святилище Сиртя-Сале. Находки

Полая подвеска-уточка найдена на святилище в единственном экземпляре (Хлобыстин, 1990. С. 133) (илл. 29, 2). Фигурка со спиральным орнаментом и петлями, к которым подвешивались шумящие привески в виде утиных лапок. Подобные подвески найдены в Новгороде в слое нач. XI в. (Седова, 1981. С. 34), в курганах Приладожья XI в. (Брандербург, 1895. Табл. III, 6), на территории расселения прибалтийских, прикамских финнов, угров и самодийцев Урала и Западной Сибири (Археология СССР, 1987. С. 268, 270, 330). Подвески-уточки могли отражать мифологические представления северных аборигенов об участии водоплавающей птицы в качестве помощницы демиурга в сотворении мира. Подвески отлиты из бронзы по восковой модели методом утерянной формы (Рындина, 1963. С. 243).

Найдено несколько костяных орудий в плохом состоянии, а также кости оленей и птиц: морянки, синьги, гаги, чёрной и белошекой казарок, малого лебеда.

Весь комплекс находок Л. П. Хлобыстин датирует XI–XIII вв. Отсутствие поздних находок он связывает с приходом самодийского населения (*ненцев*), когда святилище перестаёт функционировать (Хлобыстин, 1990. С. 128–129; 1991. С. 31–32).

Основной и очень характерной категорией находок на средневековых святилищах являются металлические предметы (серебряные, бронзовые, медные, железные). Большая часть средневековых металлических изделий происходит из Западной Сибири и Пермской земли. Некоторая часть изготавливалась на ме-

сте, о чём свидетельствуют остатки бронзолитейного производства на «поселении югры» Карпова губа, датируемом VII–X вв. (Хлобыстин, 1991. С. 32).

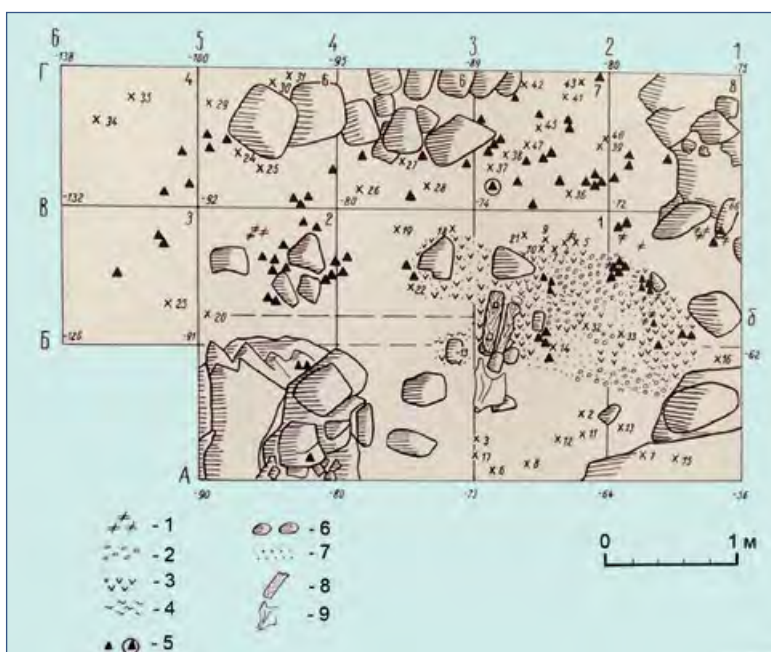
Поселение Карпова губа. Поселение обнаружено и исследовано ААКЭ ЛО ИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина в 1985 г. (Хлобыстин, 1986. С. 2). Находится на западном берегу острова, на побережье залива Карпова губа, на вершине бугра высотой около 9 м над уровнем моря и 2,5 м над окружающей поверхностью (илл. 48). Большая часть территории памятника задернована (илл. 49, 50).

Илл. 48. Поселение Карпова губа. Вид с юга (Хлобыстин, 1986. Илл. 30)

Илл. 49. Поселение Карпова губа. Топографический план. (Хлобыстин, 1986. Илл. 31 а)

Илл. 50. Поселение Карпова губа. Планиграфия раскопа (Хлобыстин, 1986. Илл. 31)

При пешем маршруте на вершине бугра и у его подножия участники экспедиции собрали подъёмный материал, состоявший из разнообразных металлических предметов (железо, медь, бронза, серебро), фрагментов керамики и др.

На вершине бугра был разбит раскоп размером 14 м², который выявил наличие культурного слоя мощностью до 34 см. На площади раскопа было зафиксировано кострище размером 2,3 × 1 м и мощностью до 10 см. По радиоуглеродному анализу кострище было датировано временем 645–915 гг. н. э. Л. П. Хлобыстин определил кострище как остатки конструкции очага с глиняной обмазкой. С северной от кострища стороны была выявлена кладка из камней, которая, возможно, являлась стенкой, защищавшей очаг от ветра.

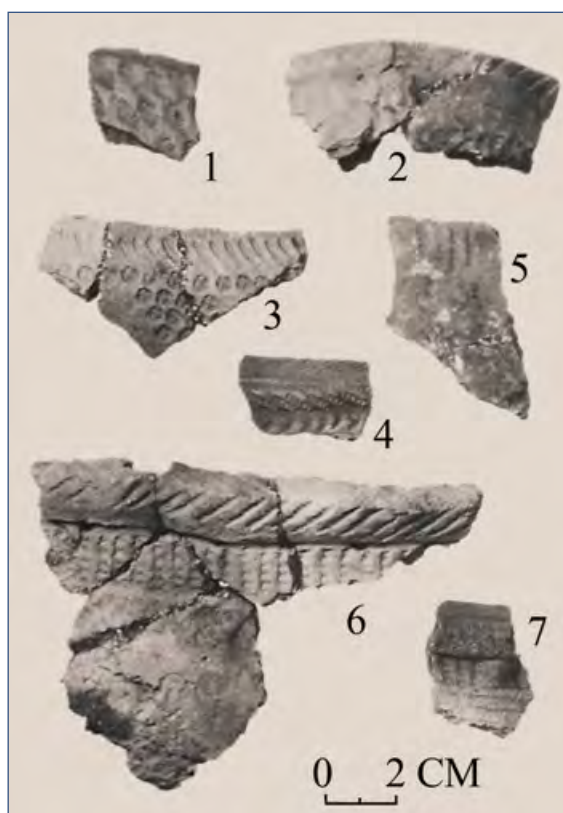
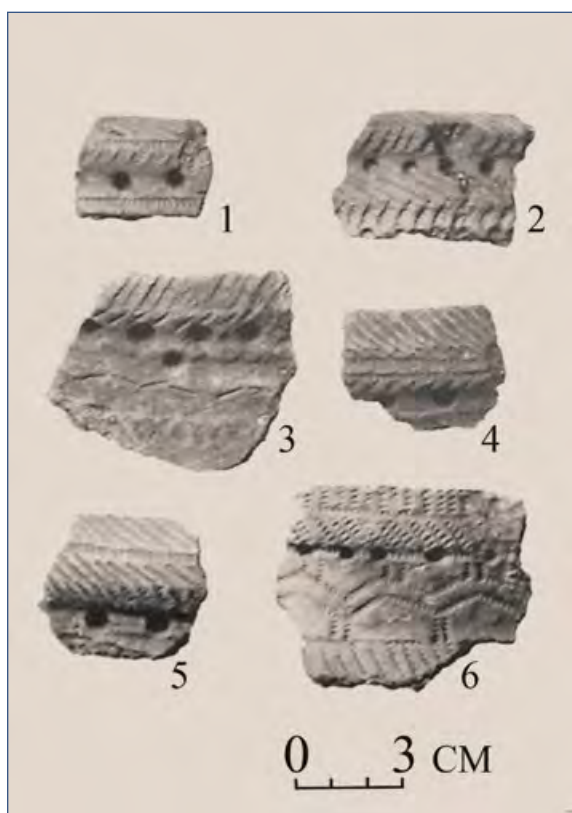
Автор раскопок выявил находки в двух горизонтах. В I горизонте были обнаружены фрагменты крупных и мелких горшков (илл. 51–54), а непосредственно

Илл. 51. Поселение Карпова губа. Миниатюрный горшок (Хлобыстин, 1986. Илл. 35)

Илл. 52. Поселение Карпова губа. Керамика (Хлобыстин, 1986. Илл. 37)

Илл. 53–54. Поселение Карпова губа. Керамика (Хлобыстин, 1986. Илл. 38)

в кострище обнаружены фрагменты льячек. Костяной инвентарь представлен роговыми ручками ножей (илл. 55, 1–6), накладками на полозья нарт, остриями для развязывания кожаных ремней, шильями, деталями оленьей упряжки (илл. 60, 1–3) и другими изделиями из кости и рога, назначение которых не всегда ясно (илл. 55–60).

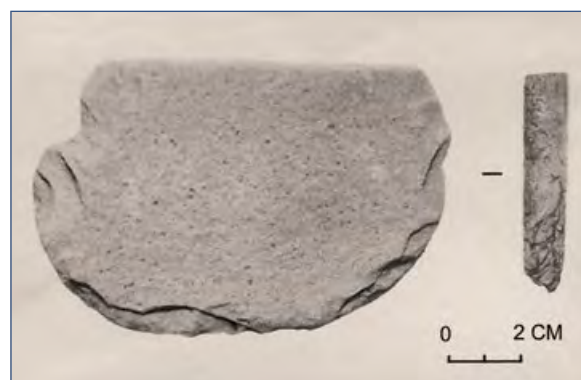
Илл. 55. Поселение Карпова губа.
Ручьятки ножей. Кость
(Хлобыстин, 1986. Илл. 39)

Илл. 56. Поселение Карпова губа.
Изделия из кости (Хлобыстин, 1986. Илл. 40)

Илл. 57. Поселение Карпова губа. 1 –
фр-т льячки; 2 – крестообразная бляшка,
бронза; 3 – бронзовая зооморфная фигурка;
4–6 – фр-ты керамики
(Хлобыстин, 1986. Илл. 41)

Илл. 58. Поселение Карпова губа.
Скребок. Камень (Хлобыстин, 1986. Илл. 42)

Во II горизонте, около кострища, была найдена плосколитая бронзовая зооморфная фигурка с изображением «линии жизни», которая, похоже, схематично показывает пищевод и желудок (сердце?) животного (илл. 57, 3).

Остеологический материал из раскопа представлен костями оленя, волка (собаки?), зайца, белого медведя, ластоногих и различных птиц.

Поселение датируется VII–X вв. (Хлобыстин, 1985. С. 12–14; Хлобыстин, 1991. С. 36; Хлобыстин, 1992. С. 168).

*Илл. 59. Поселение Карпова губа.
Изделия из кости (Хлобыстин, 1986. Илл. 44)*

*Илл. 60. Поселение Карпова губа.
Детали оленьей упряжи*

Ненецкая могила расположена на вершине возвышенности, отстоящей на 800 м к северо-востоку от северного края галечной косы лагуны в глубине губы Белушьей. Из четырёх склонов возвышенности северный имеет наиболее крутой уклон — 35–40°. В 400 м северо-восточнее вершины протекает ручей, впадающий в лагуну. Особенностью вершины является наличие трёх параллельных гребней скальных выступов, имеющих направление запад — восток. В небольшой ложине между средним и южным гребнями находятся остатки ненецкого захоронения (Остров Вайгач, 1999. С. 31. № 155).

Могила ориентирована по оси запад — восток. Контуры могилы очерчены кладкой плоских сланцевых камней в количестве 15 штук, частично покрытых мхом. Камни уложены по периметру ровной, засыпанной мелким щебнем, подпрямоугольной площадки. Размеры каменной кладки 250 × 140 см, размеры щебёночной площадки 170 × 75 см. Под камнями северной и южной сторон могилы уложены листы берёсты, частично выступающие из-под камней.

В пределах контура кладки и рядом с ней, по склонам холма лежат доски от погребального сооружения. Особенностью этих деревянных элементов является сочетание трёх типов конструктивного крепления между собой: деревянными диагональными угловыми нагелями диаметром около 10 мм; коваными четырёхгранными плоскими гвоздями; соединением в клинчатую «лапу». Отдельные грани некоторых досок затёсаны «на ус».

Среди щебня в пределах контура кладки и в непосредственной близости вокруг неё разбросаны осколки фаянсовых чашек, железные кованые гвозди, ви-

димо, крепившие доски ящика гроба, проржавевшие остатки железной полосы, человеческие зубы (5 шт.). Под камнями западной части кладки обнаружен фрагмент цепочки. Около северной стороны кладки под доской лежала часть сломанной медной пряжки (*ни мара*) от традиционного ненецкого мужского пояса (*ни*), украшенной с растительным орнаментом. В 60 см от юго-восточного края кладки камней, во мху, обнаружено медное поясное украшение с тремя петельками на оборотной стороне для крепления к основе. Внутренняя прорезная часть имеет форму «сердечка». Подобные нашивные бляхи характерны для традиционных поясов угро-самодийцев. Около южной стороны кладки обнаружена бронзовая дисковидная бляха диаметром 7,5 см, с лицевой стороны украшенная проточенными концентрическими кругами. В верхней части имеется ушко для подвешивания. Бронзовые бляхи подобного типа не редкость на памятниках северного Предуралья и Зауралья. Ранние по времени аналогии имеются в материалах Усть-Полуйской культуры (Чернецов, 1953. С. 131, 135, 136; Мошинская, 1953 б. С. 184–185.), курганах Потчеваш (Мошинская, 1953 б. С. 199), в древностях Гляденовской и Кулайской культур (Чернецов, 1953. С. 136). Все эти культуры вмещаются в хронологические рамки конца 1 тыс. до н. э. — конца 1 тыс. н. э. Однако точно такие же бляхи встречаются на различных памятниках XVII–XIX вв. по обе стороны от Урала и доходят до этнографической современности (Мурашко, Кренке, 2001. С. 53, рис. 121, 2; 123; 140, 1). Совершенно идентичны бляшкам бронзовые зеркала, их различают только размеры. Зеркала имеют большие размеры, варьирующие в районе 10 см (Ясински, Овсянников, 2003. С. 318, 326, 329).

Таким образом, погребение можно датировать временем не ранее XVII и не позже XIX вв.

На восточной части южного скального выступа находится небольшая кладка из трёх камней, уложенных один на другой, и завершающая естественное возвышение скального выступа. Два нижних камня плоские. Между ними уложено несколько кусков берёсты. Третий камень, имеющий неправильную форму, венчает кладку.

В двух метрах к юго-западу от гурия находится остаток деревянного колышка длиной 34 см, диаметром 5 см с заострённой нижней (вкопанной) частью. Основание колышка обложено двумя широкими плоскими камнями. Возможно, это был небольшой идол.

Северо-западнее могилы находятся два небольших гурия. Один из них менее старый, если судить по отсутствию лишайника на камнях. В его центре вертикально установлен отрезок металлической трубы. Примерно в 50 м от последнего находится гурий из четырёх рядов плоских камней, поверхность которых сильно поросла мхом и лишайником.

В районе описанной могилы, а также по берегам губы Белушьей и лагуны был собран разнообразный подъёмный материал (Вайгач, 2011. С. 210).

Святылище острова Большой Цинковый

Остров Большой Цинковый находится в бухте Лямчина и отделён от побережья Вайгача проливом шириной около 500 м. Этот остров является самым большим из 111 мелких островов, находящихся в акватории Вайгача (илл. 1). В 1986 г. на скалистой вершине острова группой МАКЭ под руководством П. В. Боярского было обнаружено святылище, о котором ему рассказал ненецкий охотник Н. Р. Вылко. Вот как описывает момент открытия святылища П. В. Боярский: «... *Перед нами стояла укреплённая большими камнями полуметровая фигура*

идола с округлым лицом, вытесанная из бревна и покрытая зеленоватым мхом. Чётко прорезаны глаза, нос. Под идолом лежит перекладина, к ней кованым гвоздём прикреплен идол поменьше, более грубый, как на Болванской горе, и валяются ещё четыре. ... Одного маленького идола не хватает. Это перекладина, которая крепилась посреди болвана. По бокам большого идола на ней торчали ещё по три небольших с каждой стороны» (Боярский, 2003. С. 484). В том же году святилище было исследовано, изучение его было продолжено в 1997 г. (Боярский, 1990 б. С. 17, 30, 36; Боярский, 1990 в. С. 174–175; Боярский, 2004. С. 72).

Центром памятника был деревянный идол, стоявший «лицом» на восток (илл. 61–63). Основание идола было закреплено в частично разрушенной каменной кладке высотой около полуметра. Вокруг идола лежали кости жертвенных животных — северного оленя и белого медведя. У основания каменной кладки, в которой был закреплён идол, лежали его недостающие части. Камни кладки, перекладина и маленькие идолы, лежавшие у подножия основного идола, были на 80% покрыты лишайниками. На идоле заметны следы ремонта, о чём свидетельствуют вбитые для крепления его частей кованые железные гвозди.

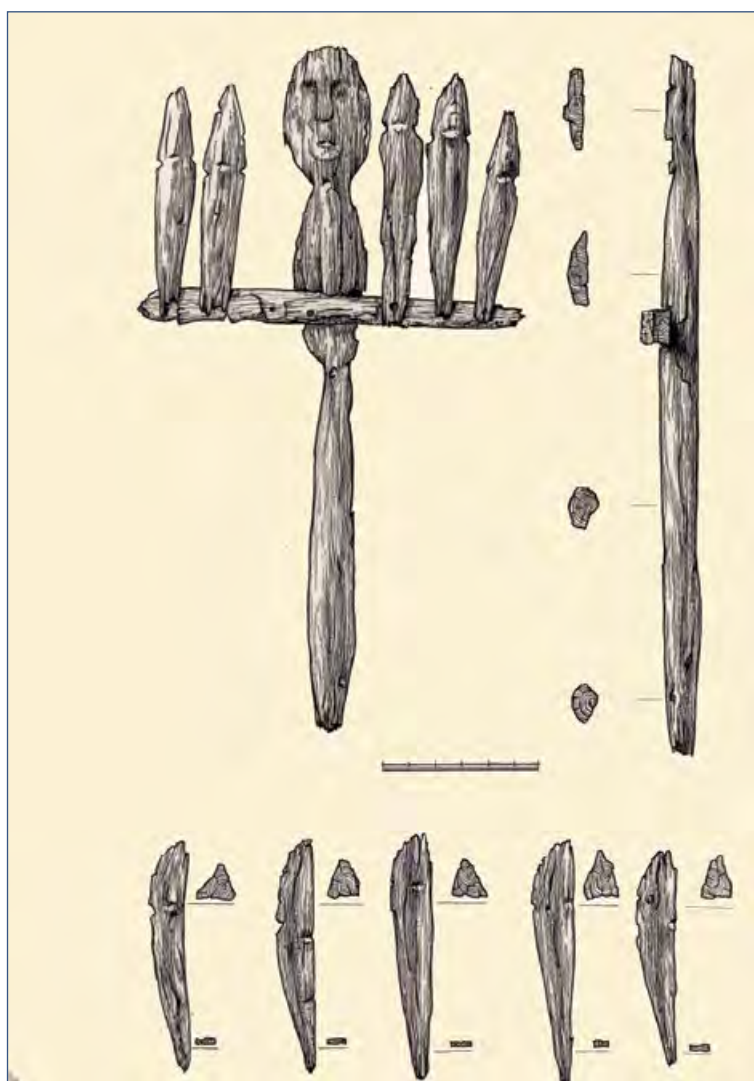
Илл. 61–62. Остров Большой Цинковий. Фрагмент идола. Фото МАКЭ, 1986 г.

Идол был изготовлен из лиственницы и имел высоту 128 см от поверхности земли. Нижняя его часть до высоты 68 см имеет округлую, слегка кеглеобразную форму, диаметром 6–8 см, затем плавно переходит в продолговатый овал длиной 35 см, шириной в средней части 14 см. Лицевая сторона овала плоская, а тыльная закруглена. Овал является стилизованной передачей туловища и заканчивается в верхней части овальным изображением человеческой головы. Высота головы 26 см, ширина 17 см. Щёки и глаза идола изображены одной плоскостью, уходящей под нависающие брови. Мелкими углублениями показаны рот и глаза. Рельефно выделен подбородок. Затылочная часть идола слегка скошена и переходит в плоскость. Фигура идола безрукая, безногая. В средней части туловища, на высоте 78 см от основания, находился паз для поперечной планки шириной 8 см со скошенными внутрь боковыми стенками (расширяющийся клин). Глубина паза 2,8 см. Поперечная перекладина подпрямоугольного сечения длиной 73 см, боковые грани слегка скошены наружу и повторяют клиновидную форму паза, на лицевой стороне перекладины имеется шесть скошенных внутрь пазов. В эти пазы крепились найденные тут же пять небольших антропоморфных идолов веретенообразной формы. Шестой идол, паз от которого остался на планке, отсутствовал. Антропоморфные идолы имеют высоту от 42 до 47 см. Лицевая сторона

верхней части представляет собой две сходящиеся под углом плоскости. Шея передана двумя боковыми зарубками. Головы в верхней части заострены трёхгранником, зарубками переданы рот, иногда нижняя часть носа. Помимо пазового крепления идолы у основания крепились к перекладине нагелями диаметром 12–15 мм. Древесина, из которой был сделан идол, находилась в плохом состоянии. На поверхности имелись многочисленные трещины, сколы, расщепления, утраты. В результате выветривания мягкие слои древесины пострадали сильнее, поэтому поверхность приобрела слоистый характер.

Принимая во внимание явное влияние на форму идола христианских мотивов, которые усиленно начали распространяться на Вайгаче в начале XIX в., учитывая качество древесины и степень её деградации, большой процент покрытости мхом и лишайниками каменной кладки идола, П. В. Боярский датирует этого идола XIX в. (Боярский, 1990 а. С. 35; Боярский и др., 2000. С. 86).

Уникальная фотография была получена П. В. Боярским, в числе других материалов, от бывшего узника Вайгачской экспедиции ОГПУ К. П. Гурского (1911 г. р.) (Боярский, 2004. С. 73). На этой фотографии, сделанной в 1936 г., запечатлён идол с Большого Цинкового острова. Видны сильные изменения в худшую сторону, которые произошли с идолом за прошедшие 60 лет. У подножья идола просматриваются остатки кровавых жертвоприношений — голова оленя

Илл. 63. Остров Большой Цинковый. Реконструкция МАКЭ, 1986 г.

и части скелета, остатки шкуры. Два идола, составлявшие культовую скульптуру, отвалились от крестовины и воткнуты в расщелины камней по сторонам от центральной фигуры. Справа от идола в расщелине камня стоит маленький сядэй с заострённой головой и обозначенной зарубками шеи. Этого божка в 1986 г. на святилище не обнаружено.

В 1997 г. по согласованию с ненецкими охотниками, которые были хозяевами святилища, в связи с явным ухудшением состояния идол был взят П. В. Боярским на реставрацию, экспонировался в музее Института Наследия, а в 2002 г. был возвращён на место.

Святилище горы Идолов

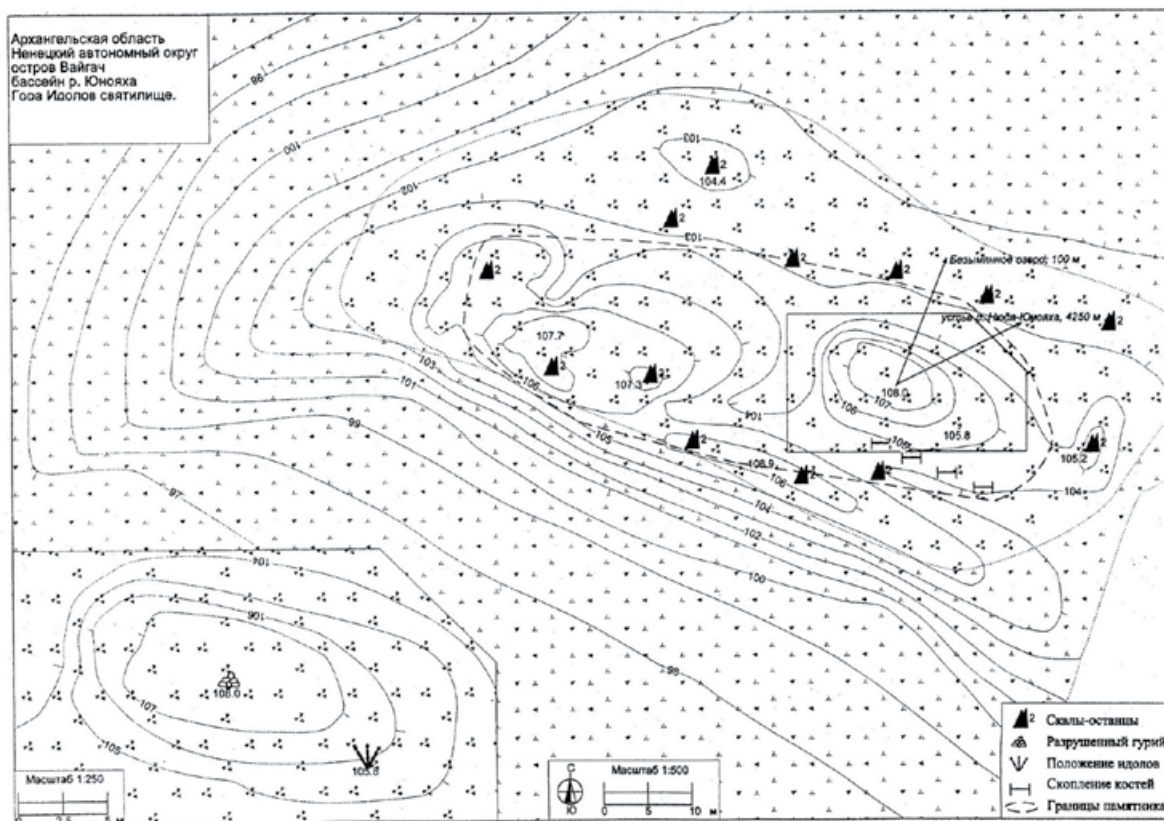
Открыто и обследовано МАКЭ в 1987 г. Повторно обследовано в 2000 г. (Боярский, 1990 а. С. 15; Боярский и др, 2000. С. 81; Боярский, Барышев, 2001. С. 7). Гора является одной из вершин в скалистой гряде, расположенной во внутренней части острова в бассейне р. Юнояхи (илл. 1; 64, 65).

От протекающего под горой ручья к вершине, в направлении на северо-восток, тянется ложбина. Она создаёт впечатление своеобразной ритуальной дороги к святилищу. В начале подъёма, у подошвы горы, «дорога» имеет ширину около 15 м и, поднимаясь к вершине, сужается до 5 м. Поверхность ложбины покрыта камнями различной величины, заросшими мхом и лишайниками, между которыми валяется большое количество старых замшелых оленьих костей и черепов с рогами.

Экспедиция 1987 г. обнаружила у вершины, на северной стороне, медвежий череп, несколько металлических предметов и вертикальный сильно подгнивший шест с насаженным на него оленьим черепом с рогами. У основания главной вершины, в расщелинах между скал было ещё одно скопление оленьих костей:

Илл. 64. Святилище горы Идолов. Вид с юго-запада. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 65. Святылище горы Идолов. Топографический план.
Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 66. Святылище горы Идолов. Деревянные идолы в расщелинах скальных выступов. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 67. Святылище горы Идолов. Деревянный семипалекий идол. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

челюсти и расколотые кости (Боярский и др., 2000. С. 81). Расколотые кости, как всегда, свидетельствуют о поедании костного мозга жертвенных животных непосредственно на святылище.

В 2000 г. осмотр святилища дал дополнительный материал. Обнаружены несколько сильно корродированных железных колокольчиков, которые рыбаки используют для донок. На ушках колокольчиков сохранились тонкие суконные ленточки неопределённых цветов, которыми они раньше были привязаны на рога жертвенных оленей. Найдены круглое в сечении бронзовое кольцо и медное обрубальное кольцо, фрагменты бронзовой 8-образной цепочки, гладкие выпуклые медные пуговицы XVIII–XIX вв., медные пуговицы с английским государственным гербом относятся, видимо, к периоду гражданской войны и интервенции 1918–1920 гг. Найдены четыре советские монеты 20–30 гг. XX в. (илл. 68, 1–12) (Боярский, Барышев, 2001. С. 7).

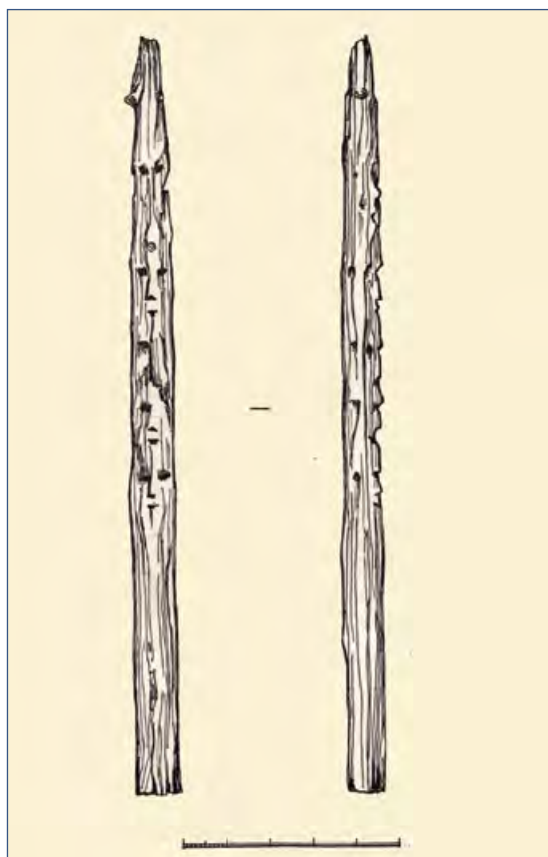

Илл. 68. Святилище горы Идолов. Находки: 1 – звенья цепочки; 2,4–8 – пуговицы от униформы; 3 – кольцо; 9–12 – российские монеты 1-й четв. XX в.

При сравнении состояния святилища в 2000 г. с его состоянием в 1987 г. особых изменений не отмечено. Только исчез кол с рогатым оленьим черепом — видимо, он подгнил и упал.

На вершине горы находятся девять деревянных антропоморфных *идолов-сядэев* (илл. 69). Ранее эти идолы были разбросаны по склонам горы. В 1987 г. местный оленевод А. Валейский собрал их и установил в расщелинах камней у вершины горы (Боярский, 1990 а. С. 15). Первоначальное расположение идолов на святилище неизвестно.

Идолы составляют единый комплекс, единственный достаточно хорошо сохранившийся из всех, на данный момент зафиксированных на острове. Они разделяются на два типа (по С. В. Иванову): первый уральский тип и западно-арктический. Восемь идолов, относящихся к первому уральскому типу, сделаны из лиственничных обрубков высотой от 30 до 100 см и диаметром от 7,8 см до 12 см. Личины идолов выполнены в традиционном стиле — глаза, рты и носы обозначены зарубками. Только один идол имеет длинный нос, выдающийся над плоскостью личины. У всех идолов чётко профилированы шеи — стёсаны по всей окружности, благодаря чему выделяется голова, что придаёт им более антропоморфный облик.

Илл. 69. Святилище горы Идолов.
Деревянный семиликий идол. Рис. МАКЭ, 1989 г.

Илл. 70. Святилище горы Идолов.
Деревянные идолы. Фото МАКЭ, 1987 г.

У семи идолов основание горизонтально отпилено и только у одного затёсано для втыкания в землю. Верхняя часть идолов также горизонтально отпилена. Судя по состоянию древесины, они сделаны в разное время: один — несколько лет назад, другие — десятки лет назад. Судя по срезам, сделанным пилой, эти идолы являются самыми поздними по времени изготовления из всех, найденных на Вайгаче.

Наибольший интерес из образцов деревянной скульптуры с горы Идолов представляет *многоликий идол*, являвшийся когда-то главным идолом святилища (илл. 67; 69). Сделан идол из топкого, сильно подгнившего и покрытого местами коркой почерневших лишайников бревна длиной 173 см, диаметром у основания 12 см, а у вершины 4 см. Вершина идола обломана. Основание отпилено горизонтально. Бревно почти по всей длине подтёсано с трёх сторон. На двух передних гранях обозначены одно над другим пять лиц. На ребре граней сделаны надрезы, обозначающие рты и носы. На гранях вырезанными углублениями показаны глаза и уши. Недостающие две личины, возможно, утеряны вместе с обломанной верхней частью. Многоликий идол с горы Идолов точно, кроме высоты, подходит под описание идола Вэсако со святилища на Болванском Носу I, сделанное архимандритом Вениамином в 1827 г.: «Идол этот был троеграшый, тонкий, весьма ветхий, вышиною в два аршина, верхняя часть его имела семь лиц. Все лица вырезаны были на двух лицевых, отлогих гранках, одно над другим...» (Вениамин, 1855. С. 122–125). Судя по физическому состоянию дерева, из которого сделан идол, ему около 100 лет.

Недалеко от вершины на гряде возвышается каменный гурий. Такие кладки пирамидальной или любой другой формы в качестве навигационного или памятного знака использовались поморами и арктическими исследователями.

Ненцы оформленные кучи камней, дёрна или рогов (*хэкуры*) использовали как ориентиры на маршрутах *ямданий* (кочёвок). Этимологически слово *хэкур* происходит от *кекур* — обозначения естественной отдельно стоящей скалы (Пермь, Сибирь, Дальний Восток), бугра, ледяного тороса (Поморье). Интересно, что некоторые исследователи выводят его из финского *keko* — «копна» (Мурзаев, 1984. С. 268, 269).

Иногда сложенные в кучу камни изображали идолов — они зафиксированы МАКЭ на некоторых святилищах Вайгача. Вполне возможно, что именно таких идолов описывал архимандрит Вениамин на святилище Болванский Нос на мысе Дьяконова. Гурий, сложенный из плоских камней размером от 15 × 15 см до 20 × 40 см, имеет плоскую вершину и высоту около 70 см. Камни гурия на 80 % покрыты лишайниками и мхом, что говорит о достаточно большом возрасте гурия (сложен около 100 лет назад). У его подножия лежит груда камней (вероятно, его же упавшая вершина).

По найденным материалам существование святилища можно датировать XVIII–XX вв.

Святилище с каменным идолом находится в верховьях р. Сармик, в 4,5 км от горы Идолов по направлению к северо-востоку (илл. 1), и расположено на небольшом каменистом возвышении в болотистой тундре (илл. 71). Открыто и обследовано МАКЭ в 1987 г. (Остров Вайгач, 1999. С. 28).

Каменный идол представляет собой гурий, сложенный из плоских камней с вертикально вставленным в его вершину плоским и длинным, приострѐнным на конце камнем высотой около 87 см от уровня кладки (илл. 72). Общая высота сооружения 170 см. С южной стороны к каменному идолу примыкает площадка подовальной формы около 120 см в диаметре, обложенная по периметру камнями. На площадке на поверхности мха находятся многочисленные остатки жертвоприношений — жертвенные предметы, олени рога и кости (илл. 73).

С северо-восточной стороны к идолу примыкают три длинных камня, уложенных «покоем». Вполне возможно, что эти камни являются своеобразной площадкой для неких ритуальных действий. Чем вызвана такая уникальная форма культового сооружения неизвестно, так как оно пока не имеет аналогий. Время сооружения идола, судя по его состоянию и по состоянию костей жертвенных животных, можно ограничить XIX в.

Уникальность памятника заключается в том, что это пока единственный искусственно сложенный каменный идол со специально оформленным жер-

Илл. 71. Святилище с каменным идолом.
Топографический план. МАКЭ, 1987 г.

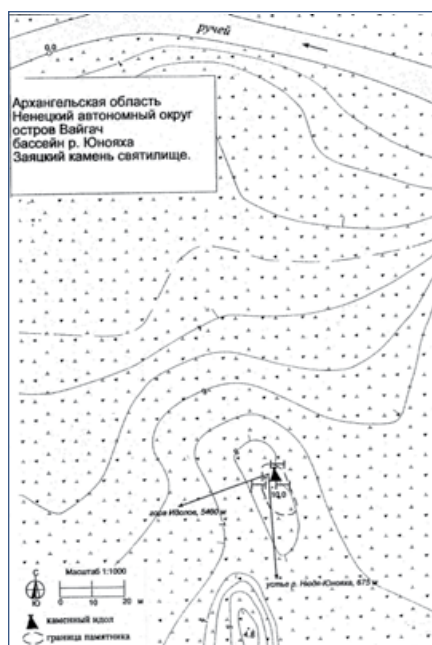
Илл. 72. Святилище с каменным идолом.
Вид с юго-запада. Фото МАКЭ, 1987 г.

венником в виде площадки, оконтуренной камнями (Боярский и др., 2000. С. 81–82).

Илл. 73. Святилище с каменным идолом.
Жертвенные вещи с памятника. Фото МАКЭ, 1987 г.

Святилище Заяцкий камень известно ненецкому населению Вайгача именно под этим названием. Памятник находится на расстоянии около 5,4 км от горы Идолов по направлению 83° на северо-восток (Боярский и др., 2000. С. 82), в 675 м к северу от устья р. Нюдя-Юнояха. В 130 м к северу от святилища протекает безымянный ручей. Расположено святилище среди ровной болотистой

Илл. 74. Святилище Заяцкий камень.
Топографический план. Выполнен
И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 75. Святилище Заяцкий камень.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

тундры, на скалистой гряде, средняя высота которой от уреза воды в ручье составляет 10 м (илл. 1; 74).

Каменный идол святилища представляет собой выступ скалистой гряды высотой 2,4 м и шириной у основания около 4 м. Имеет с трёх сторон почти вертикальные стенки. На его вершукке в расщелину вставлен плоский камень, который по форме напоминает человеческую голову. Издалека идол напоминает антропоморфную фигуру (илл. 75).

Святилище было обследовано МАКЭ в 1987 г. (Боярский и др., 2000. С. 82). Вокруг скалы-выступа в радиусе пяти метров среди мха лежали отдельные фрагменты костей и черепов оленей, олени рога с лобиками, медвежий череп. Найдены фрагменты сгнивших деревянных кольев, возможно, являющиеся остатками идолов и шестов, на которые вешались шкуры и головы жертвенных животных. У восточного подножья идола найден железный топор (илл. 73). Подобные топоры найдены на Нижней Оби, в Пустозерске (Мурашко, Кренке, 2001. С. 42; Ясински, Овсянников, 2003. С. 124) и датируются XVIII–XIX вв.

В 2000 г. МАКЭ провела дополнительные исследования святилища для установления более точной датировки существования памятника. При помощи металлодетектора в расщелинах и у подошвы скалы, под камнями, во мху были найдены железная пластина, фрагмент медной пластины, фрагмент обоймы от винтовки Мосина, круглые свинцовые пули от охотничьего оружия, бронзовое звено от цепочки и фрагмент железной скобы (илл. 77, 1–3). Найден сломанный железный крюк (ненец. — *па'*) для подвешивания котла над очагом; такие крюки используются в чумах ненцев до сих пор (илл. 77, 4).

Весь комплекс найденных вещей и степень состояния костей позволяют датировать памятник XVIII–XX вв. (Боярский, Барышев, 2001. С. 7).

Илл. 76. Святилище Заяцкий камень.
Жертвенные предметы *in situ*.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

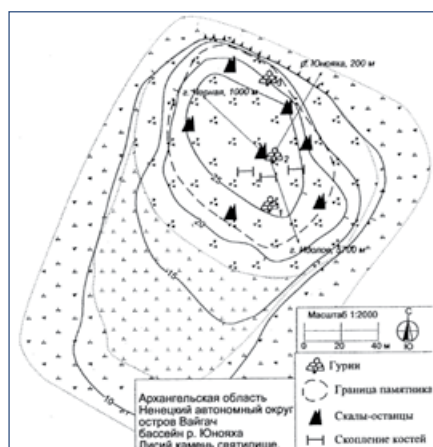
Илл. 77. Святилище Заяцкий камень.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

Святилище Лисий камень. Во время полевых исследований МАКЭ на острове в 2000 г. оленеводы В. Валейский и А. Вылко рассказали, что в нескольких километрах от горы Идолов на высокой горе находится святилище, которое называется Лисий камень (илл. 1; 78). По их словам, на этом святилище стояло несколько каменных идолов в виде гуриев и несколько деревянных идолов.

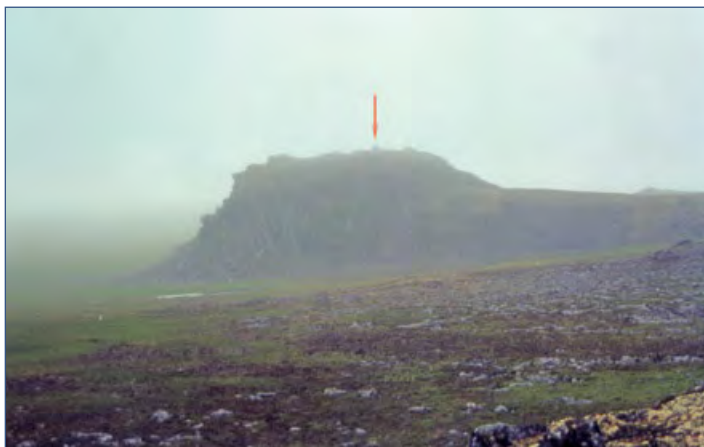
Святилище находится на горе, в 5700 м к северо-северо-западу от горы Идолов, в 1000 м к юго-востоку от горы Черной. Гора, где расположено святилище,

является составной частью гряды, которая тянется с северо-запада на юго-восток. К северу от горы расположена долина р. Юнояхи.

Вершина горы, высота которой от подошвы составляет около 25 м, представляет довольно плоскую площадку, заваленную грубообломочным материалом, местами поверхность покрыта моховой растительностью. На площадке горы найдено три гурия, расположенных на одной воображаемой линии по оси юг — север. Эти гурии в принципе не могут быть приметными, так как их не видно на горе издали. Да и нет смысла ставить приметные гурии на горе, которая сама по себе является прекрасным ориентиром. По аналогии со святилищем с каменным идолом, которое находится также в районе горы Идолов и недалеко от горы Лисий камень, я ассоциировал эти гурии с каменными идолами (илл. 80). Камни кладок развалены и на 80 % покрыты лишайниками.

Илл. 78. Святилище Лисий камень. Топографический план. Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 79. Святилище Лисий камень. Общий вид

Илл. 80. Святилище Лисий камень. Каменный гурий

Каменный идол № 1 расположен на южном крае площадки. Кладка идола в виде *гурия* находится на небольшом скальном основании и состоит из больших плоских камней. К сожалению, кладка развалилась и лежит на земле кучей камней, вытянутой в юго-западную сторону на расстояние в 150 см.

В 24 м к северу от каменного идола № 1, в центре площадки святилища, расположен каменный идол № 2. Идол сложен на скальной основе в виде *гурия* из больших и плоских камней известняка на высоту около 130 см от уровня. Диаметр кладки 80–90 см.

В 40 м к северу от каменного идола № 2, на северном краю площадки святилища, на небольшом скальном выступе расположен развал кладки идола № 3 из больших плоских камней. Развал вытянут в юго-западную сторону на расстояние около 100 см.

То, что кладки развалившихся *гуриев-идолов* рухнули в юго-западном направлении, свидетельствует, что причиной их разрушения является таяние снега, набивавшегося в щели между камнями — солнце сильнее греет южную сторону кладки, снег и лёд быстрее тают, вызывая деформацию кладки, что постепенно приводит к её разрушению. Такие развалы каменных кладок-*гуриев*, вызванные неравномерным таянием снега в летнее время, наблюдаются и на Новой Земле (Барышев и др., 2000. С. 41–50).

В центре площадки, к югу от идола № 2, найдены старые и довольно свежие кости северного оленя. Осмотр площадки святилища не дал никаких вещественных находок. Не было обнаружено и деревянных идолов, о которых говорили оленеводы.

По плохой сохранности части костей, по большому количеству отмерших лишайников на кладках идолов, святилище можно широко датировать в рамках XIX в. (Боярский, Барышев, 2001. С. 7). Необходимо также отметить, что жертвоприношения на святилище, видимо, *возобновились*. Об этом можно судить по свежим сырým оленьим костям, обнаруженным на святилище.

Святилище Медвежьих головы. Открыто и обследовано МАКЭ в 2000 г. Святилище расположено вокруг небольшого скального выступа, находящегося на невысокой вытянутой гряде посреди болотистой тундры, в 6200 м к северо-востоку от горы Идолы, в 3000 м к северу от святилища Заяцкий камень (илл. 1; 81).

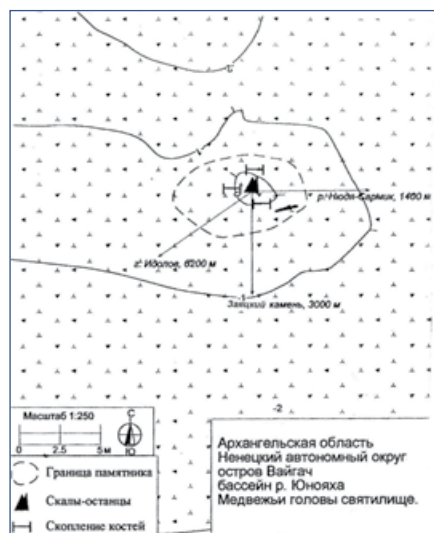
Внутри радиуса в 8–9 м от скального выступа были найдены 12 черепов белых медведей. Черепа покрыты лишайниками, вросли в мох, растрескались (илл. 83). Интересно то, что на святилище не найдено ни одной оленьей кости. Видимо, то, что здесь приносили в жертву только медведей, могло быть вызвано какой-то специализацией святилища. Такие случаи известны из этнографических наблюдений. Ненецкое название святилища неизвестно, так как сами оленеводы бригады В. И. Вaleyского о нём ничего не знали. Название было дано по характерной черте памятника — наличию только медвежьих черепов.

В нескольких метрах к юго-востоку от камня лежали два деревянных кола. Один был необработанным стволом маленькой лиственницы длиной около 110 см, второй был фрагментом бруса или доски длиной около 85 см. Об обычае возить с собой в нартах и устанавливать на святилищах хвойные деревья, на которые навешивались различные подношения, сообщали многие исследователи. Вторым кол мог служить для насаживания на него головы жертвенного животного или развешивания шкуры.

Вокруг камня были найдены кованый железный шкворень, кованый железный гвоздь, медные гильзы от ружья системы Бердана, круглая свинцовая пуля, железный топор (илл. 84). Подобные топоры были найдены при археологических

раскопках в Архангельске и Пустозерске в слоях XVII–XVIII вв. (Ясински, Овсянников, 1998. С. 19; Ясински, Овсянников, 2003. С. 124). Круглую свинцовую пулю можно датировать XVIII – началом XX вв., а гильзы – последней четв. XIX – нач. XX вв. Кстати, нам приходилось видеть на Севере у охотников винтовки системы Бердана, произведённые в 80-е гг. XIX в., которыми они до сих пор изредка пользуются, экономя редкие патроны (Барышев, 2002).

Таким образом, исходя из датировки найденных предметов, можно определить существование святилища временем не ранее XVIII – начала XX вв. (Боярский, Барышев, 2001. С. 8).

Илл. 81. Святилище Медвежьей головы. Топографический план. Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 82. Святилище Медвежьей головы. Общий вид. Жертвенные предметы *in situ*. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

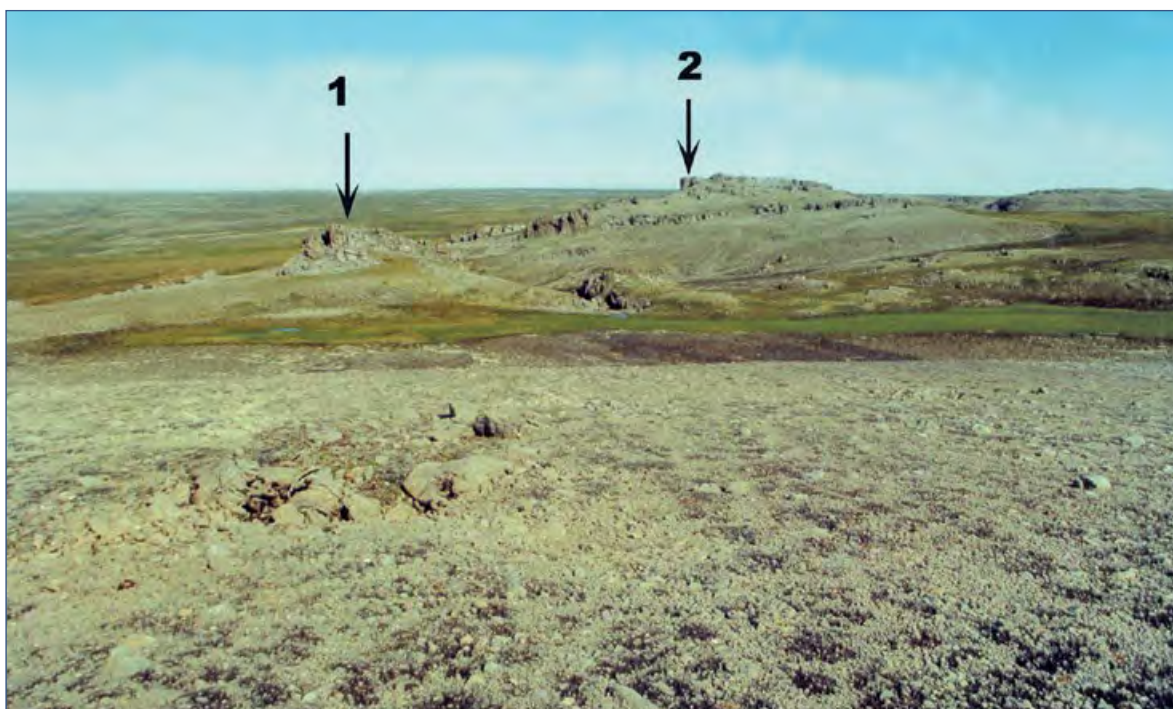
Илл. 83. Святилище Медвежьей головы. Черепа жертвенных медведей *in situ*. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

*Илл. 84. Святилище Медвежьей головы. Жертвенные предметы in situ.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.*

Святилища горы Болванской

Вдоль восточной части острова тянется хребет Вайгачский, высшей точкой которого и всего острова является гора Болванская, высотой 157 м. Западные склоны горы опускаются к каньону реки Хэхэ-яха (река Духов) (илл. 1). Гора Болванская получила своё название от ненецких святилищ на Большой и Малой Болванских горах (илл. 85), где стояло много языческих идолов, которых

Илл. 85. Святилища Болванской горы. Общий вид. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

русские называли «болванами». Название памятников Малая Болванская гора и Большая Болванская гора было дано этим возвышенностям П. В. Боярским (Боярский и др., 2000. С. 82–85). Эти названия более точно отражают и ландшафтные особенности памятников, и их сакральную соподчинённость, чем научные названия, которые дал памятникам Л. П. Хлобыстин — Болванская гора I и Болванская гора III.

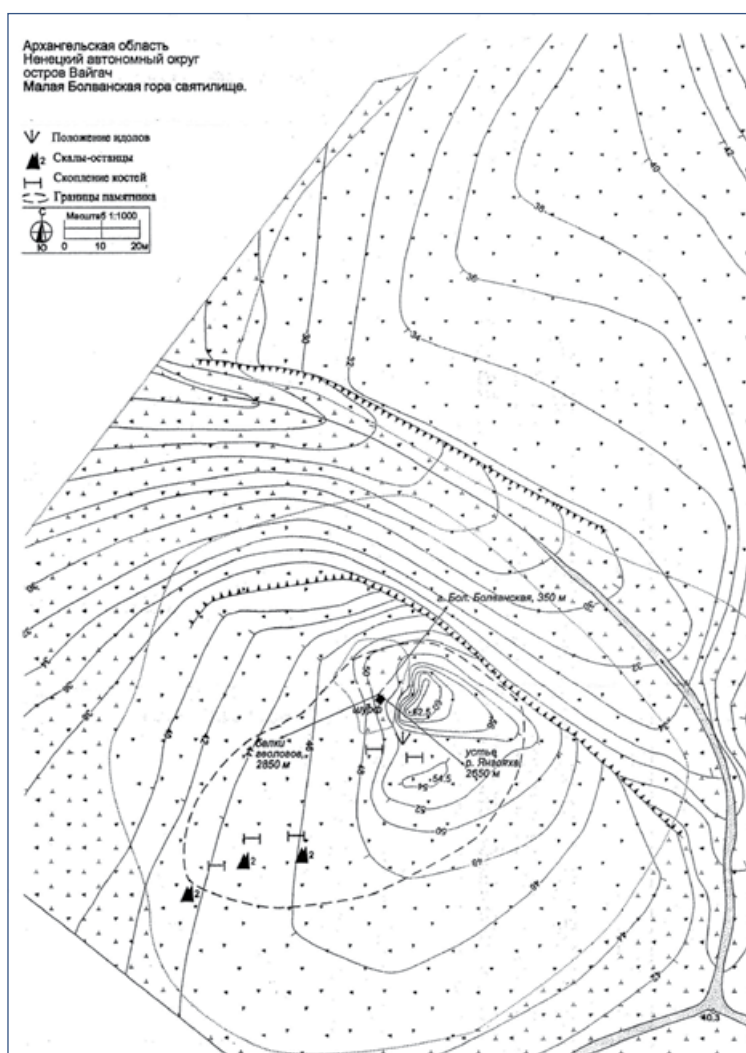
Среди уникальных фотографий, полученных П. В. Боярским от бывшего политзаключённого К. П. Гурского, есть фотография идолов горы Болванской, сделанная в августе 1935 г. (илл. 86).

Илл. 86. Святилище Малая Болванская гора. Прорисовка И. Б. Барышева по фотографии 1935 г. К. П. Гурского

Святилище Малая Болванская гора находится на левом берегу р. Хэхэ-яхи на горе Малая Болванская, которая сложена из известняковых пород тёмно-серого цвета. Своё название она получила по горе Болванской, которая расположена недалеко (илл. 87).

Впервые святилище на Малой Болванской горе описал художник А. А. Борисов в 1897 г. К святилищу его доставил ненец-проводник. Путешественник «бросился осматривать эти интересные места и наткнулся между двух скал на огромную кучу идолов», для перевозки которых потребовалось бы «30–40 возов (Борисов имеет в виду нарты. — И. Б.). *Кругом божеств... лежало множество оленьих черепов с рогами и черепов белого медведя. За несколько шагов от них попадались огромные кучи топоров, ножей, цепей, обломков якорей, ... гарпунов, обломков от ружей и замков, пуль и проч.*». Борисов увидел свидетельства жертвоприношений: «...глаза, уши и губы только что убитых оленей и кровь, только что засохшая на богах. Шагах в двадцати валялись три оленьих желудка и недавно погасшие священные костры». Художник собрал на святилище «коллекцию

Илл. 87. Святилище Малая Болванская гора. Топографический план.
Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

... идолов и разных предметов как приношение для одного из общественных музеев» и «нагрузил ими трое саней» (нарт. — И. Б.) (Борисов, 1907. С. 93). Часть коллекции, собранной А. А. Борисовым на святилище, хранится в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург). О посещении святилища в последнее время сообщений не обнаружено. Пока единственным документом того времени является любительская фотография 1935 г. (илл. 86), запечатлевшая идолов, которых ни экспедиция Л. П. Хлобыстина, ни экспедиция П. В. Боярского уже не обнаружили.

В 1985 г. святилище было обследовано ААКЭ под руководством Л. П. Хлобыстина (Хлобыстин, 1990. С. 130). Гора, на которой находится святилище, состоит из двух гребней, разделённых проходом шириной около 6 м (илл. 88). В трещинах более высокого северо-восточного гребня археологи обнаружили идолов плохой сохранности и палки, на которые были нанизаны олени рога. В проходе между гребнями было отмечено большое скопление оленьих костей и рогов, обломки шестов, а также двенадцать черепов белых медведей. В центре и с юго-восточной стороны скопления среди рогов было найдено несколько идолов разных форм, которых Л. П. Хлобыстин подробно не описывает. В Музее антропологии и этнографии (МАЭ) хранится коллекция идолов, собранная Л. П. Хлобыстиным на Севере, часть из которых происходит с Вайгача (МАЭ, колл. № 6977).

Илл. 88. Святилище Малая Болванская гора. Общий вид. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

С западной стороны, у подножья скалы, были обнаружены обломки священных нарт (ненец. — *хэхэ хан*). Среди рогов были обнаружены несколько скопленных головёшек, являвшихся, по предположению Л. П. Хлобыстина, остатками священных костров. Примечательно, что среди таких головёшек археологи обнаружили небольшого идола. Вполне возможно, что именно немцы использовали идола как простые дрова. По этнографическим источникам известны случаи довольно свободного отношения к сядэям. Их могли наказывать за невыполнение какой-то просьбы (Фольклор..., 2001. С. 367), поменять на нового идола, а старого использовать в утилитарных целях (Головнёв, 2000. С. 234). С юго-западной стороны более высокого гребня было найдено три скопления железных изделий, которые состояли из гвоздей, обрезков стволов и фрагментов замков кремневых ружей, ушек и ручек котлов и других изделий. В одном из скоплений археологи насчитали одиннадцать топоров. Были отмечены отдельно лежащие находки идолов и жертвоприношений у подножья гребней.

На юго-западном склоне горы Малой Болванской был найден сползший с вершины идол, небольшое количество оленьих рогов. Местонахождение идола названо Л. П. Хлобыстиным Болванская гора IV.

Л. П. Хлобыстин, сопоставляя свои наблюдения с записями А. А. Борисова, находит полное сходство Болванской горы III с его описанием жертвенного места «*между двух скал*». Также Л. П. Хлобыстин отметил, что жертвоприношений на святилище его экспедицией обнаружено гораздо меньше, чем в описании А. А. Борисова. Он объясняет это тем, что за прошедшие годы часть вещей могла быть растащена (в чём он совершенно прав) и, кроме того, он пишет, что «*следует учитывать и эмоциональную натуру художника, поражённого увиденным*». То есть, А. А. Борисов, по мнению Л. П. Хлобыстина, просто мог преувеличить количество жертвоприношений, находясь в состоянии большого эмоционального возбуждения. Однако с этим трудно согласиться, так как художник оставил не только словесное описание памятника, но и рисунки, на которых запечат-

лены эти приношения в виде больших куч оленьих рогов, деревянных идолов и шестов.

Изделия, которые были обнаружены на святилище Малой Болванской горы, Л. П. Хлобыстин датирует XVIII–XX вв. (Хлобыстин, 1990. С. 130; Хлобыстин, 1991. С. 36).

В 1986, 1987, 1989, 1991, 2000, 2007 гг. исследования на святилище проводила МАКЭ. В 1986 г. П. В. Боярский так описал исследования святилища в своём дневнике: «Через ущелье и речку... вернулись к подошве Малой Болванской. ... Тщательно облазил по склонам и расщелинам всю Малую Болванскую гору.

На очень крутом склоне, взлетевшем вверх из пропасти и забитом на самой вершине упавшими глыбами, заметил большое скопление расщеплённых людьми оленьих костей. Они белели на зелёном мху...

Начал осматривать склон. Чуть выше, из расщелины камня вытащил два деревянных загнутых конца полозьев нартов с чётко обработанными отверстиями (круглым и квадратным). На ковре мха увидел три небольших квадрата — вскрытия... В квадратах видны обгорелые остатки дерева. Вокруг склона горы нашёл и другие следы священных костров. Жертвенные костры когда-то разводили неподалёку от мест, где лежат раздробленные кости» (Боярский, 2003. С. 457).

Было определено, что вершина горы Малой Болванской состоит из трёх равных по высоте (около 35 м над верхним уровнем каньона) скальных выступов, разделённых неширокими расщелинами. Южный скальный выступ отделён от вершины пологой ложбиной, шириной около 20 м у подошвы горы 6 м у вершины. Была осмотрена поверхность ложбины, которая была покрыта несколькими слоями оленьих рогов и костей мощностью около 60 см (илл. 89). О значительном возрасте скопления рогов свидетельствовала сильная покрытость их лишайниками, сильная выветренность. Среди оленьих рогов лежали кости скелетов и черепа белых медведей. Некоторые черепа лежали отдельно на камнях, находящихся по сторонам ложбины. В расщелинах скальных выступов на всей площади Малой Болванской горы встречаются отдельные фрагменты старых оленьих рогов и их скопления, а также остатки кострищ. Многие кострища так сильно поросли

Илл. 89. Святылище Малая Болванская гора. Останки рогов жертвенных оленей. Вид с запада. Фото МАКЭ, 1986 г.

Илл. 90. Святылище Малая Болванская гора. Останки жертвенных оленей. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

лишайниками и мхом, что их присутствие угадывалось только по тёмному цвету окалины известняковых камней, побывавших в огне.

Илл. 90. Святылище Малая Болванская гора. Останки жертвенных оленей. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 92. Святылище Малая Болванская гора. Деревянные идолы-сядэи и рога жертвенных оленей. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

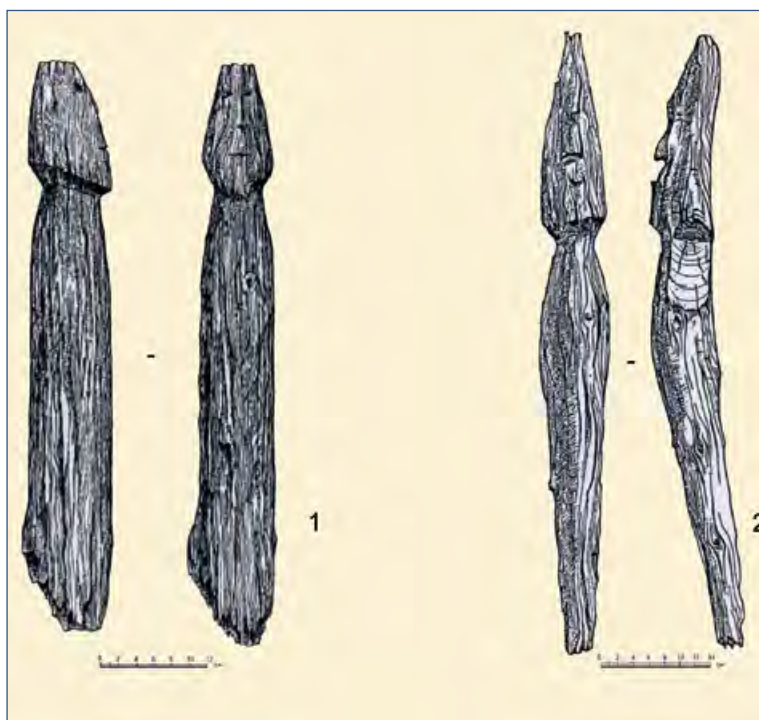

Илл. 93. Святылище Малая Болванская гора. Деревянный идол и останки жертвенных животных. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

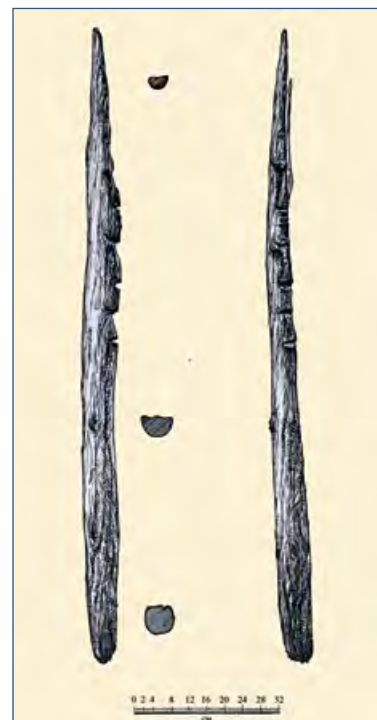
На периферии основного скопления костей были обнаружены три лежащих на земле деревянных идола, одни из которых многоликий (илл. 92). Два идола имели размеры 79 и 75 сантиметров, были сделаны из необработанных стволов дерева, толщиной 4–8 см. Идолы остроголовые, лицо сделано двумя сходящи-

Илл. 94. Святылище Малая Болванская гора. Находки: 1 – скоба; 2 – колпачок; 3 – бляха-пуговица; 4 – крючка фрагмент; 5-7 – ружейного ствола фрагменты; 8 – наконечник лучкового сверла. 1, 3-8 – железо; 2 – цветной металл

Илл. 95. Святылище Малая Болванская гора. Идолы.
Рисунок МАКЭ, 1986 г.

Илл. 96. Святылище Малая Болванская гора. Многоликий деревянный идол.
Рисунок МАКЭ, 1986 г.

мися срезами. Древесина идолов очень старая, имеет многочисленные трещины и частичные утраты (сколы), покрыта лишайниками (илл. 95).

Третий идол был сделан из деревянного кола диаметром 7 см и высотой 137 см. Верхняя часть кола заострена, боковые грани стёсаны под острым углом друг к другу. На сходящихся гранях, в средней части кола, вырезаны два лица, расположенные одно над другим. Возможно, лиц было больше, но верхняя часть дерева сохранилась хуже, да и вся древесина идола сильно деградировала, имеет многочисленные трещины и сколы, покрыта накипью лишайников. Этот многоликий идол, относящийся к западно-арктическому типу культовой скульптуры, изображал, видимо, *Вэсако* (илл. 96). Встречены сильно выветренные и почти

потерявшие какие-либо антропоморфные черты идола у подножия скал и на вершине седловины.

Основная масса находок, изготовленных из дерева, металла и кости, была расположена в ложбине между скалами. Изделия из дерева встречались в различных местах ложбины, в расщелинах и трещинах камней, у подножья скал.

Чаще всего это были фрагментарно сохранившиеся деревянные предметы, назначение которых осталось невыясненным. Однако все они имели явные следы обработки, причём довольно сложной — сверление, прорези сложной конфигурации, искусственные изгибы и тому подобное. Возможно, часть из них является остатками нарт.

В седловине между скальных выступов, на камнях с северной стороны было зафиксировано 9 скоплений жертвенных предметов, изготовленных в основном из железа. В скоплениях представлены топоры и их фрагменты с клеймами и без них, то есть фабричные и кустарные. Все топоры по аналогиям чётко датируются XVII–XIX вв. Остальные целые и фрагментированные предметы представлены орудиями труда и инструментами, боеприпасами и оружием, скобяными изделиями, крепёжными элементами, гвоздями, утварью и неопознанными железными предметами, которые уместаются в обозначенные хронологические рамки.

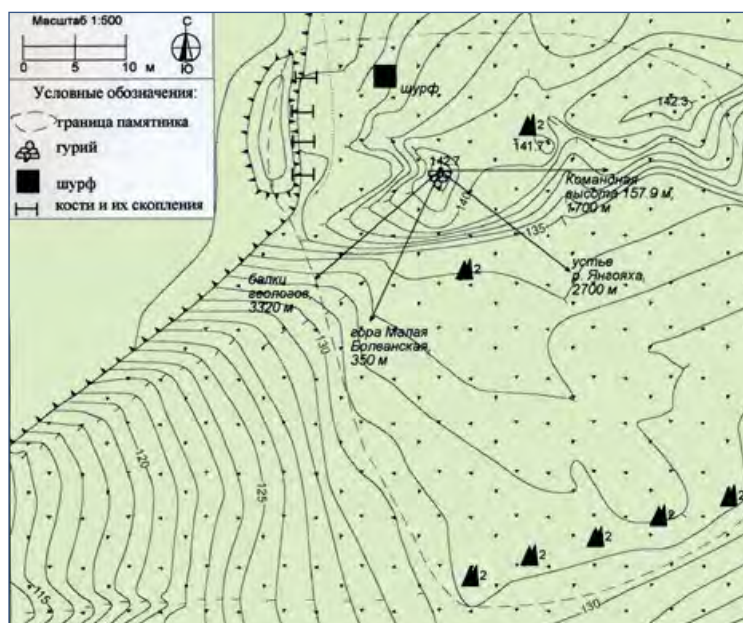
Чаще всего в качестве жертвоприношений использовались гвозди, топоры, крепёжные элементы и скобяные изделия (илл. 94, 1–8) (Боярский и др., 2000. С. 82–84). Практически все вещи, приносимые на капище, были уже испорчены. Их порча происходила или в процессе эксплуатации, или намеренно. Например, части ружейных стволов распилены специально на множество мелких кусков (илл. 94, 5–7). В этом видится некая рачительность или даже наивная хитривость жертвователя — один ствол старого ружья мог обеспечить его на много лет благосклонностью духов и удачей в промыслах. Эта же особенность характерна для средневековых святилищ сиртя — большую часть находок на них составляют мелкие фрагменты медных котлов. Мы встречали такие находки и на Вайгаче, и на святилищах Большеземельской тундры (*Кобылиха, Моховая Лахта, Гилка*).

В 2000 г. было проведено обследование святилища с целью установления более точного времени его существования, в частности была предпринята попытка найти предметы, относящиеся к доненецкому периоду в истории острова, т. е. средневековью; такие предметы, по предположению Л. П. Хлобыстина, должны были находиться на святилище. Вся территория памятника, особенно расщелины в камнях, подножья скал, скопления рогов были проверены металлодетектором. Однако все предметы, что были обнаружены, уместались в рамки существующей датировки памятника — XVIII — нач. XX в.

На северо-западном склоне святилища, покрытом почвой, недалеко от выходов скал был заложен шурф, раскопки которого показали наличие нестратифицированного культурного слоя мощностью до 7 см в виде гумусированной супеси чёрно-коричневого цвета. Культурный слой был насыщен большим количеством сырых костей и рогов северного оленя. В шурфе был найден фрагмент восьмигранного кованого ружейного ствола калибром 10 мм, который можно датировать XVII–XVIII вв. Огнестрельное оружие появилось в северо-восточных тундрах Европы, видимо, ещё в XVII в. Во всяком случае саамы и селькупы в это время уже были знакомы с ним (Ушаков, 1972. С. 105; Народы..., 2005. С. 323), а в XVIII в. это оружие почти повсеместно вытеснило луки (Хомич, 1995. С. 61).

Святилище Большая Болванская гора расположено в северной части острова вблизи озера *Янго-то*, в 3 км к юго-востоку от озера *Хэхэ-то* (озеро Духов) (илл. 1), в 1700 м к западу от высшей точки острова — г. Болванской, в 350 м к се-

веро-северо-востоку от святилища на Малой Болванской горе, на правом берегу реки Хэхэ-яхи. Святилище расположено на скальных выступах, идущих грядами вдоль крутого и высокого борта долины одного из притоков р. Хэхэ-яхи. Среди этих выступов возвышается скальный массив, на верхней площадке которого расположено главное святилище. Скалы образуют высокий обрыв, обращённый в сторону долины реки. Главной святыней считается трещина, сужающаяся книзу, высотой более 24 м, шириной 2,2 м и длиной 6 м, образованная отделившимся от основной горы столбообразным скальным блоком (илл. 98; 99).

Илл. 97. Святилище Большая Болванская гора. Топографический план.
Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

Илл. 98. Святилище Большая Болванская гора. Общий вид.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

Илл. 99. Святилище
Большая Болванская гора. Вид
на отдельный скальный массив.
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000

Первое упоминание об этом культовом месте встречается у В. А. Иславина (Иславин, 1847. С. 116). Со слов ненцев он пишет, что посреди Вайгача есть ка-

мень по имени «Мать-хэхэ», которая является женой Вэсако-хэхэ и ему жертвуют «монеты, ружья, топоры, ножи, пуговицы и т. д. и что у него, как у матери, все это хранится в утробе». Вполне возможно, что именно об этом святилище упоминал путешествовавший по Северу в 1856–1857 гг. писатель С. В. Максимов, когда писал, что «самоед... остров Вайгач и на нём гору Уэсако считает жилищем самого невидимого Нумы» (Максимов, 1984. С. 443).

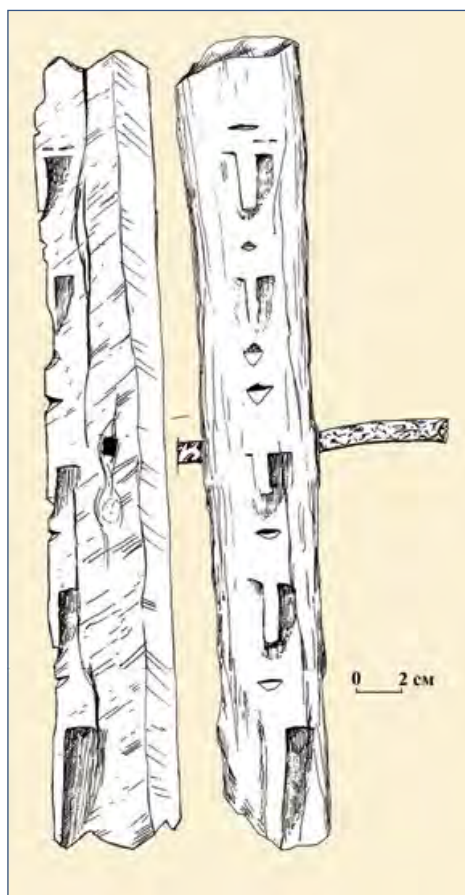
В начале июня 1898 г. на памятнике побывал художник А. А. Борисов и впервые описал его (Борисов, 1907. С. 89–103). Когда он в сопровождении ненца подходил к святилищу, ему стали попадаться «груды топоров, ножей и проч. Сальные идолы лежали на двух высоких, огромных, известняковых столбах», которые отделялись от основного горного массива «расщелиной, шириной в сажень» (1 сажень = 2,1336 м. — И. Б.), над которой «образовалось из камней что-то вроде арки». Борисов удивился, что на жертвеннике «божеств и костей меньше (чем на Малой Болванской горе. — И. Б.), и это... поразило». Самоед-проводник объяснил ему, что на этом святилище приносить в жертву домашнего оленя нельзя, что «здесь дом “Хая” (бога) и сюда можно приносить только голову ошкуня (белого медведя), да голову “дикаря” (дикого оленя). А с тех пор, как... дикари перевелись... ходить сюда нельзя». А. А. Борисова как личность творческую и незаурядную поразили «причудливые формы грота отвесных скал, вертикальные столбы, весь этот волшебный каменный лабиринт». И действительно, человека, впервые попавшего на этот памятник, не оставляет ощущение сказочности пейзажа, настолько всё фантастично выглядит. Кажется, это не скальные останцы, а разрушенные временем и ветрами стены и башни древнего замка. По мнению А. А. Борисова, «причудливые формы грота отвесных скал, вертикальные столбы, весь этот волшебный лабиринт» могли показаться самоедам, привыкшим к «ровным обширным пространствам тундры», «чем-то из ряда вой выходящим, сверхъестественным». Он назвал святилище «самоедской Меккой», так как «сюда самоеды едут за тысячи вёрст, чтобы здесь, у подножия жилища властелина полярных пустынь, принести в жертву оленя и кровью его окропить святыню» (Борисов, 1907. С. 93).

Под впечатлением всего увиденного он написал две картины. На первой А. А. Борисов запечатлел два высоких известняковых столба, отделённые от массива горы трещиной шириной чуть более двух метров. На её вершине видны идолы и олени череп с рогами. Под картиной сделана подпись: «Главная самоедская святыня на острове Вайгач» (Борисов, 1907. С. 90–91). На другой картине изображена «груда самоедских идолов в нескольких сажнях от главной святыни на острове Вайгач» (Борисов, 1907. С. 94–95). Эти картины сейчас экспонируются в числе других произведений А. А. Борисова, посвящённых Русскому Северу и Арктике, в Музее художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова (г. Архангельск).

В начале XX в. о святилище упоминает Т. Лехтисало. Он приводит рассказ некоего канинского самоеда, «что на острове Вайгач есть дыра, якобы ведущая внутрь земли, где живёт “какой-то чёрт”... Из сказаний также следует, что... здесь живёт старуха — дух земли и Мать земли». Он утверждает, что эта гора ненцами «воспринимается как мировая гора» (Лехтисало, 1998. С. 66). Без сомнения, Т. Лехтисало также описывает святилище на Большой Болванской горе. На это указывает и наличие «дыры», и сакральная принадлежность святилища духу Матери-Земли, которая в ненецкой мифологии выступает под именем Я-Небя, Небя-Хэхэ.

В 1985 г. памятник был обследован сотрудниками Архангельской арктической комплексной экспедиции ЛОНА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина.

Объекту присвоили научное название — святилище Болванская гора I. Археологи убедились, что за время, прошедшее со времени посещения А. А. Борисовым, святилище сильно изменилось: рога жертвенных оленей и идолы, лежавшие на верхушках скал, провалились в трещину или упали к подножью скал. По сторонам прохода среди скал, с южной стороны ведущего на площадку святилища, и на самой площадке небольшими кучками лежали жертвоприношения: железные топоры, кованые гвозди, ручки котлов, части капканов, детали ружейных замков и т. п. Здесь же находились тряпочки, оленьи рога с лобиками, в которых были сделаны отверстия для насаживания на шесты, сгнившие основания которых были кое-где видны в трещинах скал. На площадке святилища было обнаружено несколько деревянных идолов, один из которых был семиликим. У другого многоликого идола, от которого остался только обломок, сохранился железный стержень, изображавший руку (илл. 100). Среди каменных глыб массива находки были редки, но в одном месте на старых приношениях были обнаружены вырезанные с мясом челюсти песка — свидетельство современного почитания святилища каким-то местным охотником.

Илл. 100. Святилище Большая Болванская гора.
 Восьмиликий идол из сборов Л. П. Хлобыстина. МАЭ, колл. № 6977–15.
 Рис. И. Б. Барышева

В невысоких скальных грядах, идущих параллельно друг другу, с южной стороны от горы на расстоянии 65 и 110 метров было найдено несколько жертвенников, расположенных в нишах скал. На этих жертвенниках на поверхности камней и в трещинах между скал лежали различные железные изделия и их фрагменты в очень плохом состоянии, трухлявые оленьи рога и кости, истлевшие остатки деревянных палок, бывших когда-то идолами или шестами для надевания голов

и шкур жертвенных животных. На них было выявлено, соответственно, пять и три пункта жертвоприношений, обозначенных как Болванская гора I А и Болванская гора I Б (Хлобыстин, 1990. С. 130). Эти пункты, скорее всего, являлись родовыми или семейными жертвенниками.

По обнаруженным на жертвенных местах памятника вещам Л. П. Хлобыстин датировал святилище XVIII–XX вв. Однако он высказал предположение, что это культовое место возникло не в связи с разгромом Вениамином святилища *Вэско* на Болванском Носу, а раньше, ещё до прихода ненцев-оленеводов на остров (Хлобыстин, 1991. С. 36).

В 1986, 1987, 1989, 1991, 2000 гг. исследования памятника проводились Морской арктической комплексной экспедицией. Вот как описал святилище в своём дневнике П. В. Боярский, когда впервые побывал на нём в 1986 г.: *«Перешли теснину реки Хэхэяхи, поднялись к первому хребту горы, затем перелезли через второй хребет с навалом глыб-камней. В расщелинах первого и второго хребта лежат оленьи рога и торчат растрескавшиеся палки — то ли остатки идолов, то ли шесты, на которые во время жертвоприношений надевали оленьи головы.*

Влезли по скалам на вершину к гурию. ... Затем пересекли площадку и подошли к узкой расщелине-провалу между скал. Там, внизу, все глыбы усеяны оленьими черепами и отдельными рогами. Настоящий вход в подземное царство...» (Боярский, 2003. С. 457). Участники экспедиции описали гурий, находящийся на небольшой плоской площадке, на вершине горы (илл. 11), почему-то не упоминавшийся в публикациях Л. П. Хлобыстина. Он был сложен из крупных камней, покрытых мхом и лишайниками, особенно густо с южной стороны, что говорит о его достаточно старом возрасте. Гурий имел высоту 0,8 м и овальное в плане основание размером 1,2–1,3 м. В центральную часть кладки был вставлен круглый в сечении шест, выступавший над верхним краем кладки на 1,49 м. Древесина шеста сильно разрушена. По аналогии со святилищами Болванского Носа, Малого Болванского Носа, Лисьего камня, Каменного идола (Боярский и др., 2000. С. 81; Боярский, Барышев, 2001. С. 9), можно предположить, что этот гурий мог быть каменным идолом. Приметный знак — *хэкур* (такие знаки оленеводы делали на Вайгаче для лучшей ориентировки) — был бы уместен в однообразной местности, где не за что уцепиться глазу, а Большую Болванскую гору хорошо видно издалека и без приметного гурия. Вполне возможно, однако, что эта каменная кладка являлась всего лишь частью знака геодезической сети.

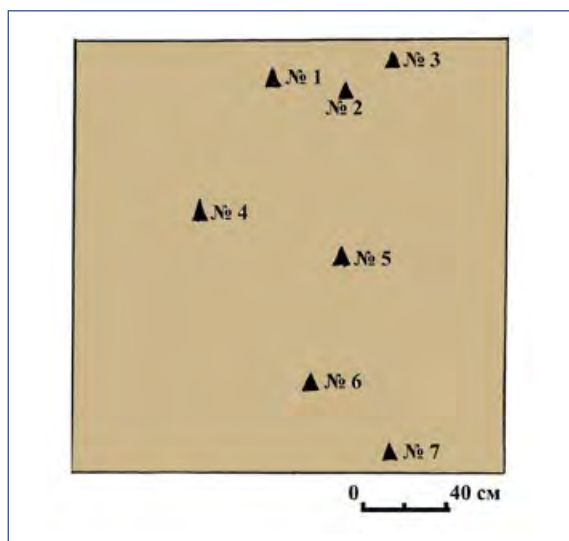
МАКЭ обнаружила все места жертвоприношений металлических предметов, находившихся на площадке святилища, которые описал Л. П. Хлобыстин. На западной стороне площадки святилища были обнаружены три деревянных антропоморфных идола, воткнутых в трещину скалы. Два идола из-за ветхости сломались у основания, а третий стоял вертикально. Все три идола находились в очень плохом состоянии — древесина сильно выветрена, потрескалась.

Был сделан осмотр вертикальной расщелины (*«утробы»*, как её называл В. А. Иславин), забитой от вершины до середины высоты оленьими рогами (илл. 101). Среди рогов, находящихся в расщелине, визуально наблюдались фрагменты деревянных предметов, назначение которых не выяснено. Судя по величине и форме части этих фрагментов, они могут являться остатками нарт.

На западной стороне святилища *Большой Болванской горы* находились три антропоморфных идола, воткнутых в трещину скалы. *Первый идол* изготовлен из необработанного ствола хвойного дерева длиной 61 см и диаметром 5–9 см. Голова идола отделена от туловища двумя глубокими засечками, обозначающими шею. Глазные впадины и щёки показаны двумя срезами на одной плоскости (илл. 103).

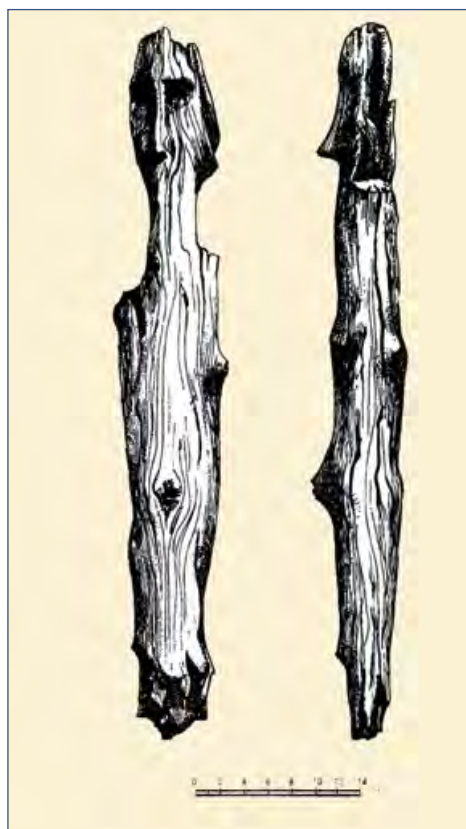
Илл. 101. Святылище Большая Болванская гора. Раскопки шурфа.
 Фото В. Н. Шумилкина. МАКЭ, 2000

Илл. 102. Святылище Большая Болванская гора. Раскопанный шурф.
 Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Второй идол также сделан из необработанного ствола длиной 38 см и диаметром 4–5 см. Шея не обозначена, а лицо трактуется как у первого идола. Сучки, выступающие на необработанных туловищах идолов, придают им большую схожесть с человеком: они как бы означают руки, пупок и другие части тела. Скорее всего, это сделано намеренно. Подобным образом оформлена центральная фигура на святылище *Сэр Ири* (Белого дедушки) на острове Белом (Евладов, 1992. С. 151; Лар, 2003. С. 20, 21).

Третий идол, сохранивший своё первоначальное положение в расщелине скалы, сделан на необработанном куске дерева длиной чуть более 52 см и диаметром

Илл. 103. Святилище Большая Болванская гора.
Многоликий идол из сборов А. А. Борисова. РЭМ, колл. № 156–1.
Рис. И. Б. Барышева

около 8 см. Древесина прогнила и имеет сильную трещиноватость. Хотя физическое состояние идола очень плохое, всё же можно определить выделенную шею и проработанный подбородок. Идолы были оставлены в прежнем положении.

В 2000 г. МАКЭ предприняла дополнительные исследования на святилище, чтобы более точно выяснить датировку памятника. Осмотр памятника выявил некоторые изменения, произошедшие со времени исследований 1991 г. Шест, который был закреплён вертикально в кладке гурия, сгнил, и его остатки лежали у подножия кладки. Идолы, которые находились на западной стороне площадки, валялись на земле, и в них с трудом можно было угадать бывшие антропоморфные черты. Кучки различных металлических жертвенных предметов лежали на прежних местах, только вещи ещё более проржавели.

В образованном двумя скальными блоками северо-западном углу площадки, где имелась почва, был заложен шурф, показавший наличие нестратифицированного культурного слоя мощностью до 20 см, представленного сильно гумусированной супесью чёрно-коричневого цвета, жирной на ощупь (илл. 101; 102). В шурфе было найдено большое количество сырых костей жертвенных животных (только северного оленя), причём это были в основном фрагменты рогов, рёбра, лопатки и другие кости, кроме костей ног, т. е. в основном кости тех частей тела, которые съедались участниками жертвенного обряда.

Среди костного материала было найдено несколько металлических жертвенных вещей: медное обручальное кольцо, железная проушина от котла, фрагмент стенки медного котла с заклёпками, железная стяжка, фрагмент железного ножа, фрагмент замка от кремневого ружья, литая бронзовая пуговица-подвеска. В результате сбора подъёмного материала были найдены фрагменты ружейных зам-

ков, медные пластины, звенья бронзовой цепочки, медное обручальное кольцо (илл. 104; 105). Все найденные вещи имели массовый характер и датируются XVIII–XX вв. Можно отметить находку пуговицы в шурфе; производство таких пуговиц было распространено в европейской России в XVIII–XIX вв. Находки таких пуговиц не редкость для севера европейской России и Западной Сибири (Мурашко, Кренке, 2001. С. 54). Интересной находкой является плоская медная подвеска неправильной ромбовидной формы. Подобные украшения характерны для Волжско-Камского региона в позднем средневековье (илл. 106).

Таким образом, предположение Л. П. Хлобыстина о более древнем времени существования святилища на Большой Болванской горе пока не подтверждается. Может быть, более древние находки, относящиеся ко времени, когда ненцы ещё не пришли в европейские тундры, похоронены под многометровыми осыпями, которые покрывают подножье скалы. Сомнительно, однако, что древние охотники и зверобои, располагавшие свои святилища на морском побережье, воздвигли своё капище во внутренней части острова, тем более что при сборе подъёмного материала и шурфовке не было найдено древних предметов. Необходимо также напомнить, что находка на позднем святилище *отдельных* древних вещей не даёт достаточного основания удревять его датировку, так как у ненцев существовал и существует обычай приносить на свои святилища «антикварные» предметы, специально или случайно найденные ими на местах древних поселений или святилищ.

Любопытна находка на Большой Болванской горе оловянного колпачка от тюбика с краской, на верхней части которого вытеснено изображение грифона

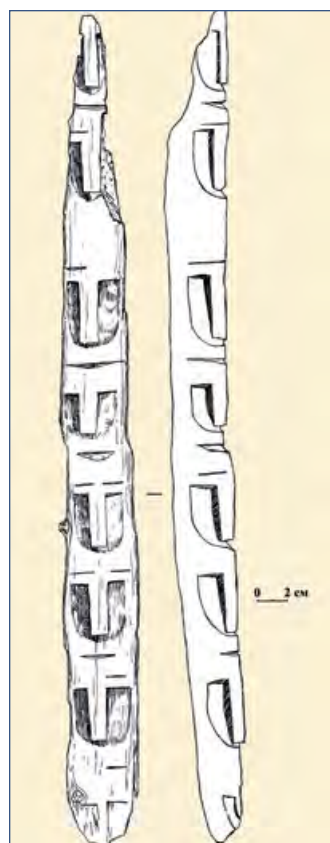
Илл. 104. Святилище Большая Болванская гора. Находки: 1–3 – детали ружейных замков; 4–5 – кованые гвозди; 6 – крепление судовое; 6, 7 – ножи. 1–7 – железо

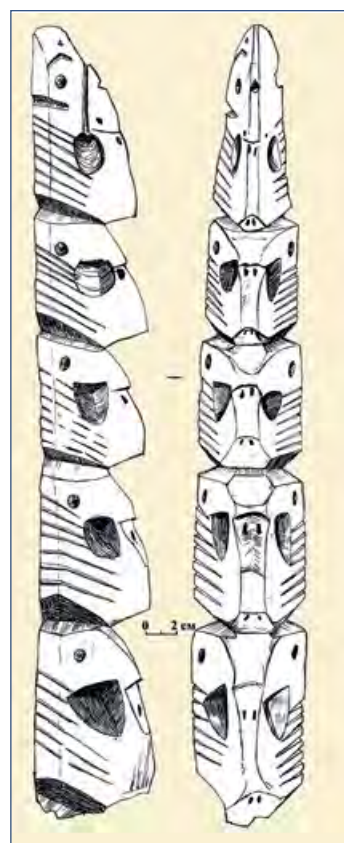
Илл. 105. Святилище Большая Болванская гора. Находки:
1 – колпачок от трубы из-под красок; 2 – звенья цепочки;
3 – монета «2 копейки 1855 г.»; 4, 6 – кольца;
5 – пуговица. 1–6 – цветной металл

Илл. 106. Святилище
Большая Болванская гора. Подвеска.
Железо, цветной металл

Илл. 107. Святилище Большая Болванская гора.
Идол. Рис. МАКЭ, 1986 г.

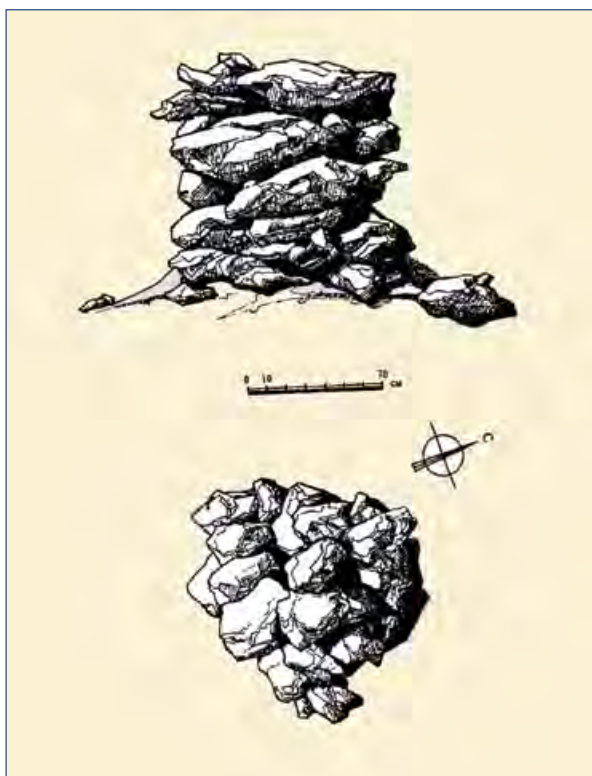

Илл. 108. Святилище Большая Болванская гора.
Восьмиликий идол из сборов Л. П. Хлобыстина.
МАЭ, колл. № 6977–16. Рис. И. Б. Барышева

(илл. 105, 1). Безусловно, это вещественное свидетельство пребывания здесь художника А. А. Борисова в 1898 г. Именно с того места, где был найден колпачок, он писал картину «*Главная самоедская святыня на острове Вайгач*». Вполне возможно, что медная монета в 2 копейки 1855 г. оставлена тоже им (илл. 105, 3).

Судя по тому, что рядом с главным жертвенником, расположенным на вершине Большой Болванской горы, в скальных нишах у её подножья присутствуют небольшие жертвенники, можно предположить, что святилище имело сложную структуру. На главном жертвеннике совершались обряды «*самоедами всех тундр*», а небольшие жертвенники могли принадлежать отдельным родам и семьям, подобно тому, как на общественном святилище «*Ямал (Сив'Мя) рядом друг с другом находится семь родовых жертвенных мест*» (Лар, 2003. С. 25–26; Головнёв, 2000. С. 209, 222–225).

Святилище Болванская гора II. К северо-востоку от святилища Большой Болванской горы в долине возвышается отдельный скальный массив (илл. 109). У подножья одной из скал Л. П. Хлобыстин нашёл группу из трёх сильно обветшавших от времени деревянных идолов, обращённых лицами на юго-восток. Это место получило наименование Болванская гора II (Хлобыстин, 1990. С. 129–130; Хлобыстин, 1991. С. 34–35). В 2000 г. мы осмотрели этот жертвенник и нашли идолов в том же состоянии, какими их описал Л. П. Хлобыстин (илл. 110). Этот памятник, судя по его небольшой площади и небольшому количеству костей жертвенных животных, является ярким примером родового (семейного) святилища.

Илл. 109. Святилище Большая Болванская гора. Гурий. Рис. МАКЭ, 1986 г.

Необходимо отметить, что на удалении в пределах от нескольких сотен метров до нескольких километров от главного жертвенника Большой Болванской горы, по периметру, встречались небольшие по площади и количеству костей скопления, которые также можно интерпретировать как семейно-родовые жертвенники.

Комплекс святилищ в районе горы Болванской возник, судя по находящимся на них материалам, видимо, не раньше XVII в. А в XIX в., в связи с уничтожением

Илл. 110. Святилище Болванская гора II. Общий вид. На вставке – идолы

в 1827 г. «самого древнего и более других чтимого» святилища Вэсако на Болванском Носу, его сакральное значение ещё больше выросло, и он превратился, говоря словами А. А. Борисова, «в самоедскую Мекку». Перенос языческих капищ в глухие места, создание новых святилищ были характерны для многих языческих народов Восточной Европы и Западной Сибири при обострении борьбы с христианством (Головнёв, 2000. С. 230, 231; Зыков, 2001. С. 38; Шутова, 2001 а. С. 34).

Святилище Олений камень. Открыто и обследовано в 2000 г. сотрудниками МАКЭ (Боярский, Барышев, 2001. С. 10). Святилище находится среди болотистой тундры, на небольшом узком поднятии высотой до 2 м от общего уровня

Илл. 111. Святилище Олений камень. Топографический план. Выполнен И. Зеленцовым. МАКЭ, 2000 г.

тундры. В 1400 м к северо-востоку-востоку от балков геологов у горы Медной, в 950 м к востоку от озера *Хэхэ-то* (озеро Духов), в 1500 м юго-западнее-западнее от Большой Болванской горы (илл. 111).

Площадка святилища покрыта моховой дерновиной, поросшей мхами, кустарничковыми растениями. Святилище устроено у скального выступа высотой около 2 м (илл. 112). На вершине выступа, в расщелине, намеренно закреплён большой плоский камень, изображавший, видимо, сядэя. У подножья скалы лежали старые, потрескавшиеся и покрытые лишайниками олени рога. Никаких вещей вокруг камня не обнаружено, но по состоянию костей можно датировать памятник XIX в. Скальный выход, видимо, являлся небольшим жертвенным местом, на котором жертвоприношение приносилось единожды или несколько раз в преддверии главного самоедского святилища на Болванской горе. Название дано автором произвольно, по наличию у подножья камня пары оленьих рогов.

Илл. 112. Святилище Олений камень. Общий вид. Фото И.Б. Барышева. МАКЭ, 2000 г.

Святилище Медной горы находится на юго-западе от горы Болванской, с западной стороны оз. *Хэхэ-то* (илл. 1), за балками геологов. Здесь находятся две скальные возвышенности, которые со времён работы здесь Вайгачской экспедиции ОГПУ носят названия гора Медная и гора Никелевая (Хлобыстин, 1990, с. 130). В 1986 г. сотрудниками МАКЭ П. В. Боярским и А. П. Скворцовым здесь были обнаружены полусгнившие деревянные идолы (личное сообщение П. В. Боярского). При обследовании МАКЭ гор Медной и Никелевой в 2000 г. не было обнаружено никаких находок, относящихся к религиозным обрядам. Возможно, на этих горах ранее существовали святилища, однако при активных геологоразведочных работах в этом районе они могли быть уничтожены.

Святилище горы Никелевой найдено и исследовано в 1984–1987 гг. Л. П. Хлобыстиным. Находится на западном берегу озера *Хэхэ-то*. Экспедиция Л. П. Хлобыстина нашла на южной стороне горы Никелевой, у скалы, плохо сохранившегося деревянного остроголового идола и жертвенные предметы. Датировается памятник XIX–XX вв. (Хлобыстин, 1990. С. 130; Остров Вайгач, 1999. С. 27).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь вещевой материал с известных объектов археологического наследия острова Вайгач хронологически подразделяется на четыре группы, которые раскрывают наличие четырёх временных периодов. К первому периоду относятся памятники каменного века и раннего металла, датируемые финальной стадией палеолита — рубежом эпох неолита-бронзы. Второй период включает время VIII–X вв. с единичными предметами более раннего времени, но не раньше рубежа эр. Это время характеризуется большим количеством изделий из Западной Сибири, Пермской земли и местными изделиями, и отсутствием массового русского и болгарского материала. К третьему периоду относятся вещи X–XIV вв. с наличием большого количества русского и болгарского импорта, единичных предметов из Западной Европы и Средней Азии. К четвёртому периоду относятся вещи XVII–XX вв. Последние три периода соответствуют существованию средневековых святилищ доненецкого населения, тому времени, по словам О. В. Овсянникова, *«когда арктические тундры крайнего северо-востока Восточной Европы ещё не были заселены пришедшими из-за Полярного Урала самодийскими племенами, известными нам как “ненцы”»* (Ясински, Овсянников. 2003. С. 298).

Таким образом, явственно видна хронологическая лакуна между XIV и XVII вв., включающая приблизительно в две сотни лет. Пока памятников данного периода на Вайгаче не зафиксировано. При этом мы имеем исторические свидетельства иностранных и русских мореплавателей, что в середине XVI в. и в последующее время население и такие объекты, как святилища, на острове существовали. Причём путешественники описывали присутствие на святилищах ветхих идолов и жертвенных предметов, что говорит об их длительном существовании.

Пока не найдено никаких памятников XV–XVI вв., которые мы можем связать с ненецким этносом, а точнее сказать, памятников этого периода не обнаружено вовсе. Л. П. Хлобыстин отмечает, что *«чётко определяемые предметы XIV–XV вв. отсутствуют»* на святилищах (Хлобыстин, 1991. С. 30). *«Отсутствие украшений последующих веков»* он объясняет *«прекращением их поступления в связи с монгольским нашествием»* (Хлобыстин, 1990. С. 126). Однако такое объяснение можно считать верным только для русского (да и то не всего) и частично болгарского импорта, количество которого на исследованных святилищах составляет меньшую долю по сравнению с пермскими и западносибирскими изделиями. Археологические находки на памятниках Верхнего Прикамья, через которое шёл болгарский импорт на Европейский Север, свидетельствуют о том, что связи с болгарскими городами не прерываются и в XIV в. (Талицкий, 1951. С. 34). Также необходимо учесть и то, что главным поставщиком русских ремесленных товаров на Север в домонгольский период был Великий Новгород, который избежал монгольского завоевания, и новгородцы продолжали свои связи с Севером в XIII–XV вв., о чём свидетельствует сообщения русских летописей. Мало того, на XV — 1-ю пол. XVI в. приходится особенно интенсивное развитие русско-сибирской торговли, которая охватила *«не только все северорусские города, вплоть до московских, но и все этнические группы коренного населения Обского Севера»* (Вануйто, 2001. С. 93) и северо-востока Европейского Севера. Особенно важно подчеркнуть, что изделия нижнеобского и пермского регионов также исчезают со святилищ, что уже никак не объяснишь монгольским нашествием. Эта картина характерна и для материковых памятников.

Исторические документы говорят о продолжении русской экспансии на северо-восток Европы и далее на нижнюю Обь в XIV в., и в более позднее время. Новгородцы, вплоть до потери независимости, продолжали торговать с аборигенным населением северных областей Восточной Европы (Перхавко, 2006. С. 94). Активную торговую и колонизационную деятельность на крайнем северо-востоке Европы проводила и Москва, особенно после присоединения Новгорода. В конце XV в. на нижней Печоре был заложен форпост и опорная база продвижения русских на восток — Пустозерск. В XVI–XVII вв. Русскую Арктику одна за другой посещают западноевропейские экспедиции. Например, Ламартиньер пишет, что в торговую поездку по Северному Уралу датские купцы, наряду с другими товарами, взяли с собой много «золота, серебра и меди» (Ламартиньер, 1911. С. 49). Безусловно, от торговых операций у местного населения должны были оставаться предметы, которые обменивались на пушнину. Это были в основном орудия труда, монеты, оружие, украшения и другие металлические изделия. Однако вещей, чётко маркирующих период с XV в. по XVI в., нет.

Чем же вызвано наличие хронологического разрыва между средневековыми и ненецкими святилищами? Ещё в начале XX в. А. М. Тальгрэн, изучивший территорию между Финмарком, Ладожским озером, Кольским полуостровом и р. Печорой, отмечал отсутствие памятников и находок эпохи средневековья во многих районах Севера. Он объяснял это подвижным образом жизни местного саамского населения и малым количеством металлических вещей в его обиходе (Макаров, 1997. С. 11). Такую точку зрения можно принять, но с весьма значительным замечанием. Даже если кочевники-самоеды, сменившие охотников сиртя в тундрах Европейского Севера, вели «подвижный образ жизни» и имели в обиходе «малое количество металлических вещей», какие-то из этих вещей всё же должны были попасть на святилища в качестве жертвенных, остаться на местах поселений. Однако пока этого не отмечено.

В.Н. Чернецов датировал проникновение *самодийцев* в Приобье X–XII вв., а на север Ямала — лишь 2-й пол. II тыс., а именно, не ранее, чем XVI в. (Чернецов, 1957. С. 241). Исходя из этого, на север европейской части они могли проникать в рамках обозначенного времени, но не ранее X в. Л. П. Лашук на основе изученных данных пришёл к выводу, что «в полосе Канинской и Печорской тундры древняя культура морских зверобоев и бродячих охотников на дикого оленя сменилась культурой кочевых оленеводов уже в первой половине II тыс. н. э.» (Лашук, 1968. С. 55). О. В. Овсянников отмечает, что «время между рубежом X–XI вв. и началом XIV в. было временем исчезновения в этом регионе одного народа и появления другого, временем резкой смены хозяйственного и бытового уклада местного населения» (Ясински, Овсянников, 2003. С. 62).

Хочется отметить, что наиболее сильно эта тенденция проявляется в XIII–XIV вв. — времени наиболее интенсивного проникновения *ненцев* на Европейский Север, о чём свидетельствуют данные археологии. Причём проникновение самодийских племён происходило, скорее всего, мелкими группами. Самодийцы, владея оленным транспортом, должны были за достаточно короткое время освоить просторы европейских тундр и добраться до берегов Белого моря. На Ямале верхняя граница существования культуры древних охотников и зверобоев датируется также XIV в. (Фёдорова, 2000. С. 64).

Смена населения в тундре не была отмечена в русских письменных источниках. Видимо, внешний облик и хозяйственный уклад пришельцев и аборигенов не очень различались, что позволяло им долгое время жить совместно. Возможно, и этноним «самоди», «самоядь» относился первоначально не к *ненцам*, а к аборигенам.

ригенам-*сиртя*, а потом перешёл и на новое население. Г. А. Аксакова, В. И. Васильев, С. В. Лёзова считают, что в процессе продвижения *русских* по Европейскому Северу и Зауралью название «*самоед*» было перенесено ими с *саамов* на всё остальное тундровое население, с которым они вступали в контакт (Народы..., 2005. С. 388), а в контакт с *сиртя* они вступили раньше, чем с *ненцами*. Такая же картина наблюдается на нижней Печоре, где до сих пор ненцев местное коренное русское население (с. Тельвисочное, д. Устье) называет «лопарями». Интересно, что И. Г. Георги ещё в 1799 г. высказывал предположение о том, что «слово *семоядь... происходит... может быть, от Самейды — названия Лопарской страны*» (Георги, 2007. С. 287).

Спокойной смене этносов на данной территории способствовала и их малочисленность, некоторое сходство хозяйственных укладов, а может быть, и антропологическая схожесть. Скорее всего, этноним *сиртя*, которым называли аборигенов севера *пришельцы-самодийцы*, относился не к какому-то одному народу (племени), а был общим названием для всех автохтонов, населявших северо-восток Европы и север Западной Сибири до прихода сюда ненцев. Что касается самого этнонима «*самоеды*», то он вообще не появляется на страницах письменных источников в период XIII–XV вв. (Булатов, 1997. С. 252), т. е. как раз в то время, когда происходит смена населения в северо-восточных тундрах Европы.

О том, что в конце XV в. аборигенное население ещё сохранялось в Большеземельской тундре, как считает О. В. Овсянников, говорит то, что русские основали городок на Пустом озере возле «*Усташа града*». Филологи название «*Усташа*» выводят из угорского «*Ус-тоос*», которое в свою очередь в транскрипции на языке коми звучит как «*Пуз-ты*». От этого слова, по мнению О. В. Овсянникова, и произошёл топоним «*Пустое озеро*» (Ясински, Овсянников, 2003. С. 101), а отсюда название городка на берегах этого озера — Пустозерск. Название городка русские могли узнать только от местного населения, а значит, в это время оно ещё не было ненецким. О наличии некоего несамодийского населения на о. Вайгач и даже на Новой Земле свидетельствуют западноевропейские путешественники, побывавшие в этом регионе в XVI–XVII вв.

Главной же причиной отсутствия вещевого материала, датируемого XV–XVI вв., является не монгольское нашествие, которое могло повлиять только на изменение вещевого ассортимента на памятниках, а какое-то более масштабное событие, которое должно было произойти непосредственно в данном регионе. Этим событием, видимо, могло стать пришествие *самодийцев*, которые сменили и ассимилировали автохтонов Европейского Севера *сиртя*. Интересным фактом является то, что подобная «безынвентарная» двухсотлетняя лакуна отмечена Н. И. Шутовой для территории Удмуртии. Она объясняет это явление происходившей сменой двух археологических культур, что приводит к периоду «*дестабилизации обстановки, кризиса в социально-экономической, политической и идеологической сферах древнего общества*». В результате этого процесса появляется новая археологическая культура, в носителях которой фиксируются одновременно черты преемственности и инновации (Шутова, 2001. С. 17–18).

Если оценивать перспективы археологического исследования острова, то они весьма положительны. Совершенно не обследован восточный берег Вайгача, который может принести новые открытия. Много работы предстоит сделать во внутренней части острова. Есть сведения о наличии древних грунтовых погребений, о чём свидетельствует полая фигурка конька, найденная в случайно обнаруженном средневековом мужском погребении в пос. Варнек на Вайгаче. В 2000 году житель пос. Варнек подарил начальнику МАКЭ П. В. Боярскому полуоу двугла-

вую коньковую подвеску в идеальном состоянии, датируемую средневековым временем. Подвеску, по словам дарителей, они нашли в погребении, на которое наткнулись при рытье ямы под фундамент школы (Боярский, Барышев, 2003. С. 331). По рассказам очевидцев, захоронение принадлежало мужчине средних лет и высокого роста, европейского типа, с бородой, одетому в меховую одежду типа малицы. На его одежде и находилась эта подвеска. Если всё это соответствует действительности, то мы имеем факт, указывающий на наличие средневековых грунтовых захоронений на территории острова (Барышев, 2011. С. 129). Исходя из описания информаторов, захоронение в пос. Варнек имеет сходство с мумифицированными захоронениями средневекового времени на нижней Оби, открытыми Н. В. Фёдоровой в 1997 г. (Фёдорова и др., 2003. С. 176).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авенариус И. Г.* Морфоструктурный анализ при изучении культурного и природного наследия Западно-Арктического региона России. – М.: Paulsen, 2009. – 190 с.
2. *Амундсен Р.* Северовосточный проход. Экспедиция на «Мод» вдоль северного побережья Азии 1918–1920. – Л. : Главсевморпуть, 1936. – 449 с.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. – Рязань : «Александрия», 2007. – 399 с.
4. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М. : Наука, 1987. – 509 с.
5. *Архипов Г. А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973. – 196 с.
6. Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А. Я. Труфанова и Ю. П. Чемякина. – Сургут : МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – 223 с.
7. *Барышев И. Б.* Средневековые культовые памятники о. Вайгач // Отечественная история. – 2002. – С. 441.
8. *Барышев И. Б.* Отчет об исследованиях объектов культурного и природного наследия на территории островов, архипелагов и побережья Баренцева, Карского морей и моря Лаптева Ледовитого океана (сентябрь – ноябрь 2007 г.) // Архив Института Наследия. – М. : 2007.
9. *Барышев И. Б.* Языческие святилища острова Вайгач. – М.: Институт Наследия, 2011. – 319 с.
10. *Барышев И. Б., Боярский П. В., Вехов Н. В., Кулиев А. Н.* Памятники истории освоения Северного острова Новой Земли // Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Кн. 2. Ч. 2. – М. : Институт Наследия, 2000.
11. *Барышев И. Б., Боярский П. В.* Отчёт об археологической разведке в окрестностях Пустозерского городка Ненецкого АО Архангельской области и 2001 г. // Архив ИА РАН. – М. : 2002 а.
12. *Барышев И. Б., Боярский П. В.* Святилища острова Вайгач // Северный археологический конгресс. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002 б.
13. *Борисов А. А.* У самоедов. От Пинеги до Карского моря. – СПб. : А. Ф. Девриен, 1907. – 104 с.
14. *Боярский П. В.* Комплексное изучение историко-культурной и природной среды Крайнего Севера // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М. : 1990 а.
15. *Боярский П. В.* Морская арктическая комплексная экспедиция. Комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. – М. : НИИК, 1990 б. – 80 с.
16. *Боярский П. В.* Введение в памятниковедение. – М. : Центр «Культура и Мировой океан», 1990 в. – 218 с.

17. *Боярский П. В.*, Экспедиция на остров Вайгач в 1986 г. Дневник П. В. Боярского // Полярный архив. Т. 1. Труды морской арктической комплексной экспедиций (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : 2003.
18. *Боярский П. В.* Сакральный Вайгач // Арктическая идея. – № 1. – 2004.
19. *Боярский П. В., Барышев И. Б.* Отчёт об археологической разведке на острове Вайгач Архангельской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. № 24510. – М. : 2001.
20. *Боярский П. В., Глазов М. В.* Святилища Вайгача // Природа. – № 7. – 2001.
21. *Боярский П. В., Барышев И. Б., Кудрявский В. М.* Фотоархив МАКЭ // Полярный архив. Т. 1. Труды морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Институт Наследия, 2003.
22. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР, 18, табл. III, 6. – 1895.
23. *Булатов В. Н.* Русский Север. Книга первая: Заволочье (IX–XVI вв.). – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. – 350 с.
24. Вайгач. Остров арктических богов / Под общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Paulsen, 2011. – 576 с.
25. *Вануйто В. Ю.* Торгово-обменные связи народов Обского Севера и русскоязычного населения в XVIII–XIX вв. // Самодийцы : Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск, 2001.
26. *Вениамин*, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник ИРГО. Ч. 14, кн. 3–4. – СПб. : 1855.
27. *Вехов Н. В., Кулиев А. Н.* Физико-географическая характеристика острова Вайгач // Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Кн. 1 / Под общ. ред. П. В. Боярского и В. П. Столярова. – М. : Институт Наследия, 2000. – С. 21–27.
28. ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 3757. Л. 39–40.
29. ГАО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 99. Л. 10, 11.
30. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб. : 2007.
31. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М. : 1988.
32. *Головнёв А. В.* Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. I. – Екатеринбург – Салехард, 2000. – С. 208–236.
33. *Гондатти Н. Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. – М. : Тип. Е. Г. Потапова, 1888. – 91 с.
34. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). – М. : Наука, 1975. – 148 с.
35. *Грибова Л. С.* Культурная бронзовая пластика Хэбидя-Пэдары // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. ТИЯЛИ. Вып. 33. – Сыктывкар, 1984. – С. 90–106.
36. *Дворжецкий В. Я.* Пути больших этапов: записки актёра. – М. : Возвращение, 1994. – 118 с.
37. *Де-Фер Г.* Плавание Баренца (DIARIUM NAUTICUM). 1594–1597 / Под ред. проф. В. Ю. Визе. – М. – Л. : Изд-во Главсевморпути, 1936. – 308 с.
38. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Редактор-составитель И. А. Стерлигова. – М. : Наука, 1996. – 511 с.
39. Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. – М. : Искусство, 1985. – 167 с.
40. *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. – Тюмень : Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. – 281 с.
41. *Збруева А. В.* Идеология населения Прикамья. ТИЭ, I. – М. – Л. : 1947. – С. 25–54.
42. *Зенько М. А.* «Этническое лицо» лесных ненцев: проблемы нормирования традиционной культуры // Самодийцы : Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск : 2001. – С. 114–118.

43. *Зыков А. П.* Холмогорский «клад»: проблемы интерпретации // Самодийцы : Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск — Омск : 2001. — С. 37–40.
44. *Иванов Г. В.* Вайгач — век каменный / Рукопись. Архив МАКЭ. — М. : 1989. — 8 с.
45. *Иванов Г. В.* Стоянка каменного века на острове Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. — М. : НИИ культуры, 1990. — С. 113–119.
46. *Иванов Г. В.* Находки каменных орудий на островах Европейской Арктики (1989–1992) // AD POLUS : Сборн. статей / Под ред. Г. Н. Грачёвой. — СПб. : «Фарн», 1993. — 132 с.
47. *Иванов Г. В.* Орудия каменного века // Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Кн. 1 / Под общ. ред. П. В. Боярского и В. П. Столярова. — М. : Институт Наследия, 2000. — С. 77–80.
48. *Иславин В. А.* Самоеды в домашнем и общественном быту. — СПб., 1847. — 142 с.
49. *Карачаров К. Г.* Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 1. — Екатеринбург, 2002. — С. 26–52.
50. *Корешок С. Н.* Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–VII веках до н. э. // Исследования по археологии и истории Урала. — Пермь, 1998. — С. 70–83.
51. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. — М. : Наука, 1984. — 245 с.
52. *Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. — М. : Наука, 1991. — 298 с.
53. *Кузьминых С. В.* К предыстории цветной металлообработки у обских угров // Обские угры : Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск — Омск, 1999. — С. 44–46.
54. *Ламартиньер де П. М.* Путешествие в Северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, ново-земельцев и исландцев, со многими рисунками. — М. : Издание Московского Археологического Института, 1911. — 229 с.
55. *Лар Л. А.* Культурные памятники Ямала. Хэбидя Я. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — 169 с.
56. *Лашук Л. П.* «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологической и исторической этнографии Азии. — М. : 1968. — С. 178–193.
57. *Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев). — Томск : Изд-во Томского государственного университета (ТГУ). — 135 с.
58. *Литке Ф. П.* Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 гг. — М. : Географгиз, 1948. — 335 с.
59. *Линсхоттен Я. Г.* Первое путешествие на корабле Яна Гюйгенса ван Линсхоттена с севера через пролив Носсау к устью Оби на Вайгач в 1594 г. // Записки по гидрографии. Том 39. Вып. 3. — Пг., 1915.
60. *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. — М. : Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. — 368 с.
61. *Максимов С. В.* Год на Севере. — Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. — 605 с.
62. МАЭ, колл. № 1659-3.
63. МАЭ, колл. № 6977.
64. Мифы и предания ненцев Ямала / Автор-составитель Лар Л. А. — Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2001. — 290 с.
65. *Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н.* Адашинская пещера. — Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1980. — 208 с.
66. *Мошинская В. И.* Материальная культура Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35. — М., 1953 а. — С. 72–106.

67. *Мошинская В.И.* Городище и курганы Потчеваш // Древняя история Нижнего Приобья. – МИА. – № 35. – М. : 1953 б. – С. 189–220.
68. *Мошинская В.И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М. : Наука, 1976. – 132 с.
69. *Мурашко О.А., Кренке Н.А.* Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М. : Наука, 2001. – 154 с.
70. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.
71. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М. : Наука, 1992.
72. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М. : Наука, 2005. – 804 с.
73. Ненецкие сказки / Составитель А. М. Щербакова. – Вологда, 1984.
74. *Нордквист О. А.* Отчет Русскому Географическому обществу об экспедиции профессора А. Э. Норденшельда на пароходе «Вега» // Русские арктические экспедиции XVII–XX вв. – Л. : 1964.
75. *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. – ВАУ. – Вып. 9. – Свердловск, 1970.
76. Остров Вайгач (Хэбидя Я – священный остров ненецкого народа). Природное и культурное наследие : Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения / Под ред. П. В. Боярского и А. А. Лютого. – М. : Институт Наследия, 1999. – 128 с.
77. Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Книга 1 / Под общ. ред. П. В. Боярского, В. П. Столярова. – М. : Институт Наследия, 2000. – 372 с.
78. Отписка тобольского воеводы М. М. Годунова в Москву с известием о том, что в Обскую губу и устье Енисея пройти вокруг полуострова Ямал нельзя, а также с описанием экспедиций по Мангазейскому морскому ходу до его запрещения // Обдорский край и Мангазея в XVII в. : Сборник документов. – Екатеринбург, 2004.
79. Вайгач. Остров арктических богов : Монография / Под. общ. ред. П. В. Боярского. – М. : Paulsen, 2011. – 576 с.
80. *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. – М. : Academia, 2006. – 607 с.
81. *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2003. – 463 с.
82. *Полосьма Н. В., Шумакова Е. В.* Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск : Наука, 1991. – 88 с.
83. *Полякова Г. Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. – Казань, 1996.
84. *Прокофьева Е. Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. – Т. 20. – Л. : 1961. – С. 54–74.
85. *Руденко А. К.* К вопросу об изготовлении медной посуды Поволжья и Прикамья в X–XIV вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. – Нижний Новгород, 1991.
86. *Руденко К. А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001.
87. *Рындина И. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. – № 17. – 1963.
88. *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. – М. : 1966. – С. 246–251.
89. *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М. : Наука, 1981. – 195 с.
90. *Симченко Ю. Б.* Основные черты культуры охотников на дикого оленя в Северной Евразии. – М., 1976.
91. *Сворцов А. П., Склокина Е. Н.* Остров Вайгач – историко-культурный и природный комплекс // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. – М. : 1990. – С. 190–192.

92. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. — МИА. — № 28. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — 276 с.
93. Сокровища Приобья / Ред. Б. Маршак, М. Комаровский. — СПб. : Формика, 1996. — 227 с.
94. *Станюкович А. К.* Применение металлоискателей на памятниках археологии Арктики // Проблемы изучения историко-культурной среды. — М., 1990. — С. 187–196.
95. *Старков А. В.* Городища Верхнего Прикамья и система их обороны // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург, 1997.
96. *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. — МИА. — № 22. — М., 1951. — С. 33–96.
97. *Успенский С. М.* Живая Арктика. — М. : Мысль, 1987. — 268 с.
98. *Ушаков И. Ф.* Кольская земля. — Мурманск : Кн. изд-во, 1972. — 672 с.
99. *Фёдорова Н. В.* Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. — Екатеринбург — Салехард, 2000. — С. 54–66.
100. *Фёдорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В.* «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. — Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. — 180 с.
101. *Фёдорова Н. В., Алексашенко Н. А., Ражев Д. И., Брусницина А. Г.* Археологический комплекс эпохи средневековья Зелёный Яр на севере Западной Сибири // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. — Пермь, 2003.
102. Фольклор ненцев / Сост. Е. Т. Пушкарёва, Л. В. Хомич. — Т. 23. — Новосибирск, 2001.
103. *Хлобыстин Л. П.* Отчёт о работе Югорского отряда Архангельской арктической экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 10143. — Л. : ЛОИА АН СССР, 1985.
104. *Хлобыстин Л. П.* Отчёт о работах Архангельской комплексной арктической экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 10694. — Л. : ЛОИА АН СССР, 1986.
105. *Хлобыстин Л. П.* Отчёт о работах Заполярной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 11821. — Л. : ЛОИА АН СССР, 1987.
106. *Хлобыстин Л. П.* Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. — М. : 1990. — С. 120–135.
107. *Хлобыстин Л. П.* Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. — Архангельск, 1991.
108. *Хлобыстин Л. П.* Святилища острова Вайгач // Древности славян и финно-угров. — СПб., 1992.
109. *Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В.* Древняя «ювелирная» мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М., 1973. — С. 248–257.
110. *Хлобыстин Л. П., Питулько В. В.* Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского Севера. Вып. 1. — Вологда, 1996.
111. *Хомич Л. В.* Коллекция МАЭ по этнографии ненцев // Собрание музея антропологии и этнографии. — СМАЭ. — XXXV. — Л., 1980.
112. *Хомич Л. В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. — СПб. : Рус. двор, 1995. — 334 с.
113. *Чарнолуский В. В.* Легенда об олене-человеке. — М. : Наука, 1965. — 140 с.
114. *Чернецов В. Н.* Бронза Усть-Полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. — МИА. — № 35. — М., 1953. — С. 121–178.
115. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии новой эры // Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — МИА. — № 58. — М., 1957. — С. 136–245.
116. *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров. — ТИЭ: Новая серия. Т. 51. — 1959.
117. *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. — М., 1954.
118. *Шренк А. И.* Путешествие к северо-востоку Европейской России. — СПб., 1855.
119. *Шутова И. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. — Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2001 а. — 301 с.

120. *Шутова И. И.* Ритуальные функции железных предметов в традиционной культуре удмуртов // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001 б. – С. 123–133.
121. *Яковлев А. Я.* Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 9–31.
122. *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север : проблемы и источники. Т. II. – СПб., 1998.
123. *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2003. – 399 с.
124. *Gawronsk J. H. G., Boyarsky P. V. (et al.)* Northbound with Barents. Russian-Dutch Integrated Archeological Research on the Archipelago Novaya Zemlya. – Amsterdam, 1997.

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ В ЭПОХУ КАМНЯ И РАННЕГО МЕТАЛЛА

ВВЕДЕНИЕ

Арктическая зона северо-востока Европы — самая проблемная территория Европейской Арктики для изучения эпохи камня и раннего металла. Большая часть местонахождений представляет собой сборы подъемного материала на разрушенных поверхностях вне связи с отложениями и структурами. При этом эти сборы в большинстве случаев проведены непрофессиональными археологами, полевая и научная документация, как правило, отсутствует или скудна. Более того, с точки зрения современного законодательства, такие места не могут быть учтены и поставлены на государственную охрану как объекты археологического наследия.

Исходя из этого, при отборе материалов для исследования руководствовались следующими принципами:

- местонахождение памятников в арктической части тундры и лесотундры или близость их к Северному полярному кругу — не более 50 км южнее;
- выявление и изучение памятников профессиональными археологами или изучение ими коллекций — сборов с поверхности неархеологами;
- информативность коллекций: наличие массового инвентаря и/или предметов, позволяющих их атрибутировать с позиций современных представлений;
- публикация сведений.

Особенности источниковой базы по истории освоения изучаемого региона по данным археологии определили структуру и вид подачи сведений о выявленном археологическом наследии, его познавательных возможностях и доказательной интерпретации. Сведения изложены согласно археологической периодизации, и представлена информация о памятниках археологии, наиболее значимых для характеристики периодов.

ПАЛЕОЛИТ

Известно три местонахождения: Харутинское, Мамонтова курья и Пым-Ва-Шор I (илл. 1), материалы которых детально опубликованы (Павлов, 1997. С. 53–56; Pavlov et al, 2001; Павлов, 2008; Павлов, 2014).

Харутинское местонахождение

Расположено на правом берегу р. Адзвы, напротив впадения р. Харутаю, в 1,6 км к юго-юго-западу от пос. Харута Ненецкого АО (илл. 2).

Илл. 1. Местонахождения палеолита. 1 – Мамонтова курья; 2 – Харутинское; 3 – Пым-Ва-Шор I

Выявлено геологом Б. И. Гуслицером в 1988 г. и исследовалось П. Ю. Павловым в 1988–1989 гг. Остатки палеофауны и расщеплённые предметы залежали на глубине 5 м от поверхности и были приурочены к контакту гравийного песка и галечника (Павлов, 1997. С. 54).

Коллекция, помимо остатков палеофауны, содержит всего 7 предметов из кварцитопесчаника — чопсер и отщепы. Они найдены в раскопе и на бичевнике, а их интерпретация как артефактов неоднозначна (Павлов, 1997. С. 56). Если в результате дальнейших исследований подтвердится факт их изготовления человеком, то Харутинское местонахождение может быть отнесено к нижнему палеолиту и считаться древнейшим памятником в этой части арктической зоны.

Илл. 2. Харутинское местонахождение. Снимок с левого берега р. Адз'вы, с юго-юго-востока

Стоянка Мамонтова курья

Находится на левом берегу р. Усы, точнее, на берегу её залива Мамонтова курья, в 7 км от пос. Мескашор городского округа «Воркута» Республики Коми.

Как памятник археологии выявлена в 1992 г. П. Ю. Павловым и изучалась им же на площади 54 кв. м. Однако само место было известно ещё с конца XVIII в. как местонахождение костей мамонта. Культуровмещающие отложения здесь не выявлены, и находки — 5 каменных предметов и орнаментированный бивень мамонта (илл. 3) — залегали в аллювиальных отложениях в переотложенном состоянии.

Информативный предмет — бифас из зеленовато-серого андезита (?) — позволяет отнести каменный инвентарь стоянки к индустриям селетоидного технокомплекса ранней поры верхнего палеолита (Павлов, 2014. С. 133).

Уникальная находка — бивень мамонта с парными насечками, нанесёнными, возможно, разными орудиями (илл. 3).

Находки артефактов и обработанного бивня на местонахождении, насыщенном костями мамонта, позволяет предположить, что Мамонтова курья — стоянка у природного кладбища мамонтов, существовавшая около 33 тыс. л. н.

Илл. 3. Мамонтова курья. Бивень мамонта с насечками

Стоянка Пым-Ва-Шор I

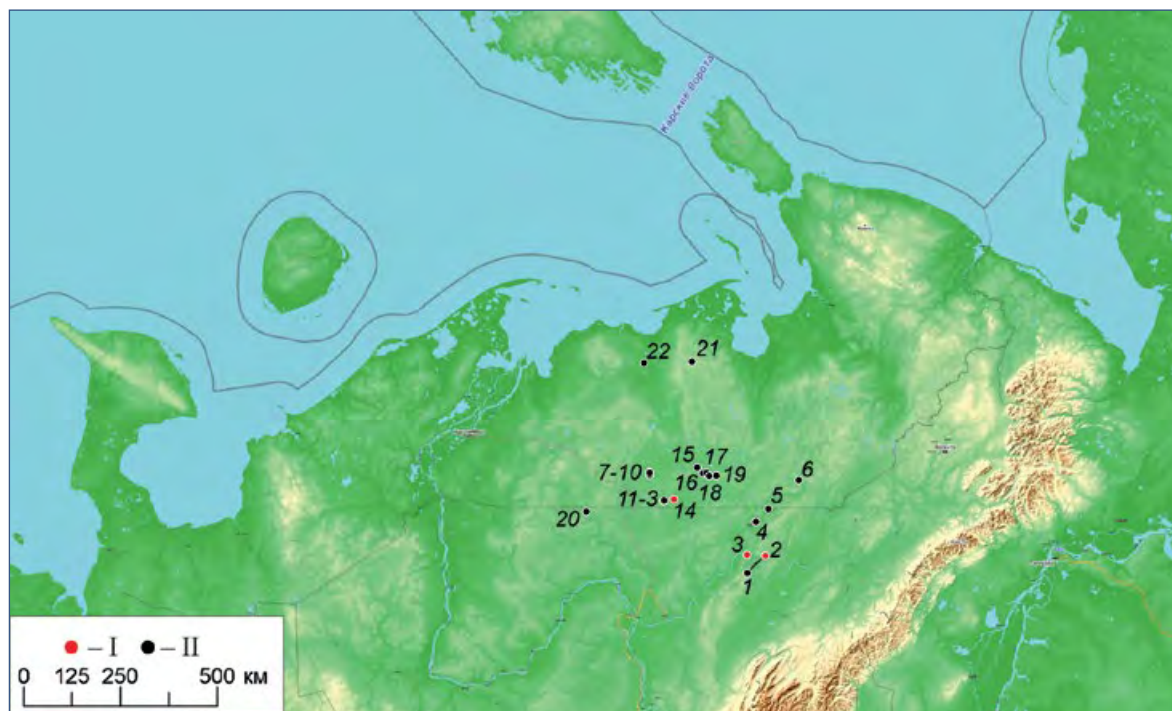
Находится на правом берегу руч. Пым-Ва-Шор, в 2,4 км к юго-юго-востоку от места его впадения в р. Адзьву, в 67 км к северо-востоку от пос. Харута Ненецкого АО. Занимает площадку перед входом в разрушенный грот. Выявлена и исследовалась в 1994–95 гг. П. Ю. Павловым на площади 32 кв. м.

Культуровмещающие отложения — нижняя часть мелкозернистого песка — залегали на глубине 1,0–1,2 м от современной поверхности. Три образца из этого слоя датированы по ^{14}C в интервале 11 460–10 255 л. н. и, таким образом, стоянка Пым-Ва-Шор I может быть отнесена к финальному палеолиту.

Было обнаружено 26 кремневых предметов: 14 отщепов, 6 пластин и 5 осколков (Павлов, 2014. С. 140). По данным другой публикации П. Ю. Павлова: «Орудийный набор представлен крупными скреблами с высоким рабочим краем, угловыми резцами, призматическими пластинами и микропластинками с мелкой краевой иррегулярной ретушью. Сырьем для изготовления изделий служил плитчатый кремнь, практически идентичный каменному сырью стоянки Медвежья пещера» (Васкул и др., 2015. С. 90). Остатки фауны представляют немногочисленные кости северного оленя, овцебыка, бизона, лошади, песка и зайца.

МЕЗОЛИТ

К этому периоду достоверно относятся лишь три местонахождения: стоянки Адак II, Адзьва I (Ларваник) и Сандибей-ю 1, содержащие информативные предметы, позволяющие их атрибутировать (илл. 4). Атрибуция остальных памятников — стоянок с микролитическим инвентарем (Верещагина, 1973) — неоднозначна. С позиций современных представлений (Карманов, 2019), их коллекции могут быть с равной степенью вероятности отнесены как к мезолиту, так и раннему неолиту.

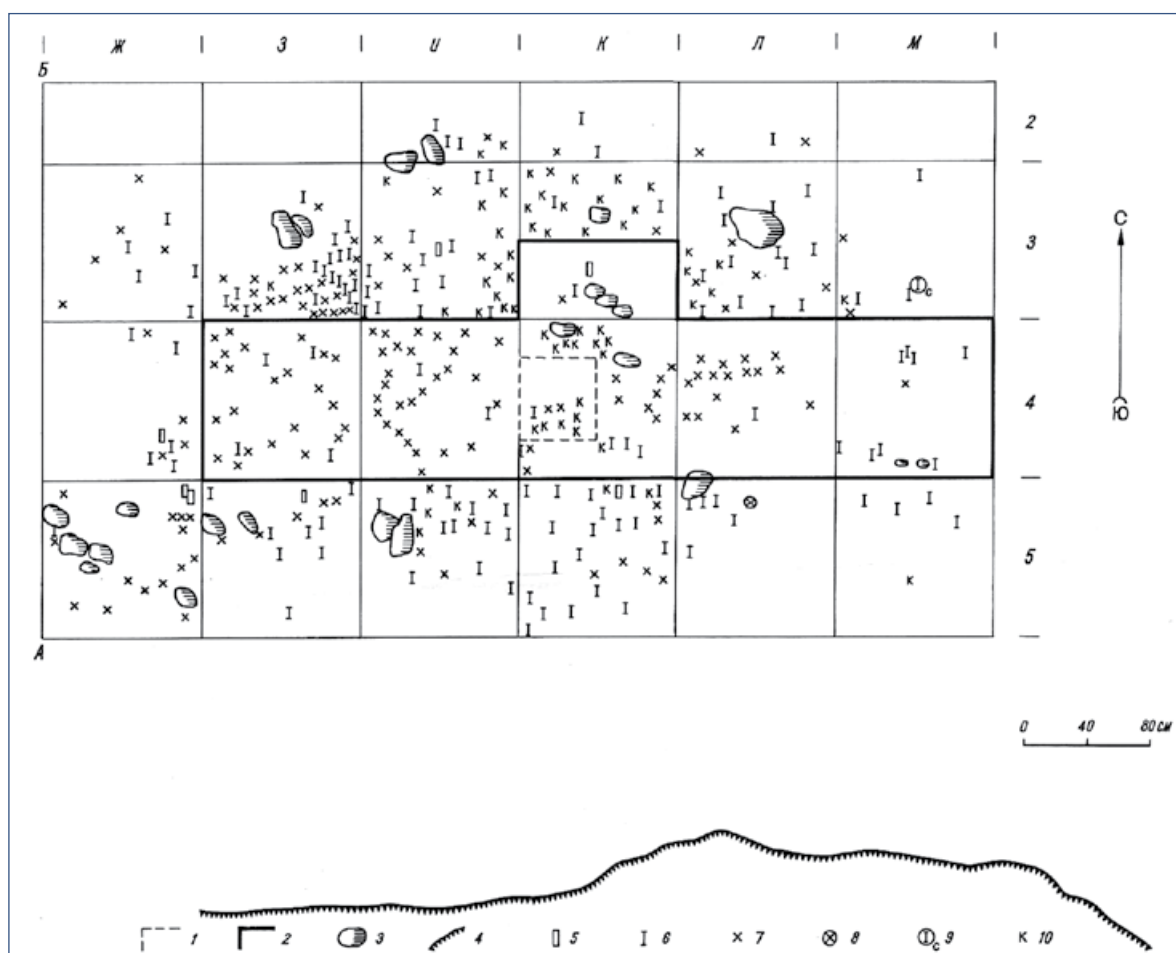
Илл. 4. Карта памятников мезолита (I) и мезолита или раннего неолита (II). 1 – Адак I; 2 – Адак II; 3 – Адзьва 1 (Лавраник); 4 – Адзьва 13; 5 – Адзьва 19; 6 – Адзьва 42; 7 – Колва 10; 8 – Сандибей-ю 6; 9 – Сандибей-ю 7; 10 – Сандибей-ю 8; 11 – Сандибей-ю 4; 12 – Сандибей-ю 3; 13 – Сандибей-ю 5; 14 – Сандибей-ю 1; 15 – Колва-Вис 30; 16 – Колва-Вис 13; 17 – Колва-Вис 14; 18 – Колва-Вис 16; 19 – Колва-Вис 20; 20 – Лая 2; 21 – Науляха III; 22 – Черная 1

Стоянка Адак II

Расположена на правом берегу р. Усы, на поверхности скалы Юра-Щелье, в 600 м к западу-северо-западу от нежилой деревни Адак городского округа «Инта» Республики Коми.

Выявлена и исследовалась в 1969–1970 гг. В. И. Канивцом. Изученная площадь 21 кв. м (илл. 5). Культуровмещающие отложения — суглинок — рыхлые отложения мощностью 0,25–0,30 м на поверхности скалы.

Коллекция представлена кремневыми предметами (306 экз.), обломками кальцинированных костей и камнями без обработки. Среди кремневых изделий информативны нуклеусы и их сечения, пластинки, в т. ч. с резцовыми сколами и ретушью (Канивец, 1973. С. 18). Отсутствие наконечников стрел и характерных для парчевской культуры технологических приёмов позволяет отнести памятник к приуральской традиции мезолита и сопоставить материалы стоянки Адак II с инвентарём стоянки Лек-Леса на р. Ижме (Волокитин, 2005).

Илл. 5. Стоянка Адак II. План раскопа. Из полевого архива В.И.Канивца. 1 – геологический шурф; 2 – раскоп 1969 г.; 3 – камни; 4 – обрыв; 5 – нуклеус; 6 – кремневая пластинка; 7 – кремь; 8 – кремневый скребок на отщепе; 9 – кремневый скребок на пластинке; 10 – кальцинированные кости

Стоянка Адзья I (Ларваник)

Находится на правом берегу р. Усы, в 3 км выше устья р. Адзья, на надпойменной террасе, в 1 км к северо-востоку от д. Адзья городского округа «Инта» Республики Коми.

Обнаружена в 1956 г. Г. А. Черновым, которым на поверхности собраны 228 кремневых предмета, в том числе 2 обломка черешковых наконечников стрел на пластинах (Чернов, 1985. С. 65). В 1969 г. осмотрено В. И. Канивцом (Канивец, 1973. С. 15, 16). Было собрано 60 предметов, включая целый наконечник стрелы (илл. 6) и концевой скребок на пластине.

Илл. 6. Адзья I (Ларваник). Наконечник стрелы. Кремь

Сандибей-ю 1

Находится на правом коренном берегу р. Сандибей, в 1 км выше устья руч. Вычегшор (Чернов, 1985. С. 45), в 46 км к востоку-юго-востоку от вахтового посёлка Харьягинский Ненецкого АО.

Сборы подъёмного материала на этом месте проводил Г. А. Чернов в 1939 и 1975 гг. В начале 1970-х гг. материал 1939 г. изучен И. В. Верещагиной (1973. С. 4–7).

По данным И. В. Верещагиной, коллекция включает 648 кремневых предмета, среди которых информативны 4 нуклеуса и орудия на пластинах: обломок черешкового наконечника стрелы, резцы, ножи и вкладыши (Верещагина, 1973. Рис. 2). В результате сборов 1975 г. коллекция пополнилась на 2 302 предмета, включая орудия на пластинах: 4 наконечника стрелы, резцы, ножи, вкладыши; увеличилось число нуклеусов и технологических сколов (Чернов, 1985. С. 47, 48). Таким образом, в настоящее время материалы Сандибей-ю 1 представляет наиболее многочисленный и качественный по составу инвентарь мезолита в Большеземельской тундре. По представительному числу черешковых наконечников стрел на пластинах, морфологии ядрищ и пластин, она с высокой степенью вероятности атрибутируется как памятник бутовской (Кольцов, Жилин, 1999) или «бутовской» (Сорокин, 2008. С. 146–163) культуры и её аналога на северо-востоке Европы — парчевской культуры (Волокитин, 2006).

НЕОЛИТ

Памятники с древнейшей керамической посудой, сопоставимой с ранне-неолитической керамикой северной и средней тайги в арктической зоне, пока неизвестны. И состояние источников таково, что не позволяет достоверно определить кремневые инвентари раннего неолита. Возможное исключение — материал стоянки Сандибей-ю 8 (по Г. А. Чернову) или Шренк-ярей (по А. В. Журавскому). Здесь найдены наконечники стрел на пластинах — унифасы (Верещагина, 1973. Рис. 3: 37, 38), аналогичные артефактам Черноборской III стоянки (Лузгин, 1972. С. 27–39; Карманов, 2019). Ещё одно такое орудие (Верещагина, 1973. Рис. 3: 36)

Илл. 7. Карта памятников неолита (I), финального неолита и энеолита (II). 1 – Кортаиха 1981/8; 2 – Нерчей II; 3 – Колва-вис 25; 4 – Лая 1; 5 – Кыско; 6 – Ружникова; 7 – Алексахина; 8 – Печорская; 9 – Ортинская; 10 – Индига 1

сопоставимо с наконечниками стоянки Дугово I (Карманов, 2019). Но вместе с тем присутствует и микропластинчатый инвентарь, который для этих двух традиций нехарактерен, что указывает на возможную примесь материалов мезолита или раннего неолита иной традиции.

Более определённо о присутствии в арктической зоне неолитического населения свидетельствует гребенчато-ямочная керамика, сопоставимая с посудой льяловской культуры. Она обнаружена как в составе сборов с поверхностями котловин выдувания (Сандибей-ю 8 (Шренк-ярей), Лая I (Мишваньская), Печорская, Ортинская (илл. 7)), так и в коллекциях раскопок (Ружникова, Алексахина, Кыско, Коротайха 1981/8). Наиболее информативные материалы добыты В. Е. Лузгиным

Илл. 8. Печорская. Кремневые наконечники стрел и их заготовки. По Н. Н. Гуриной (1957. Рис. 1)

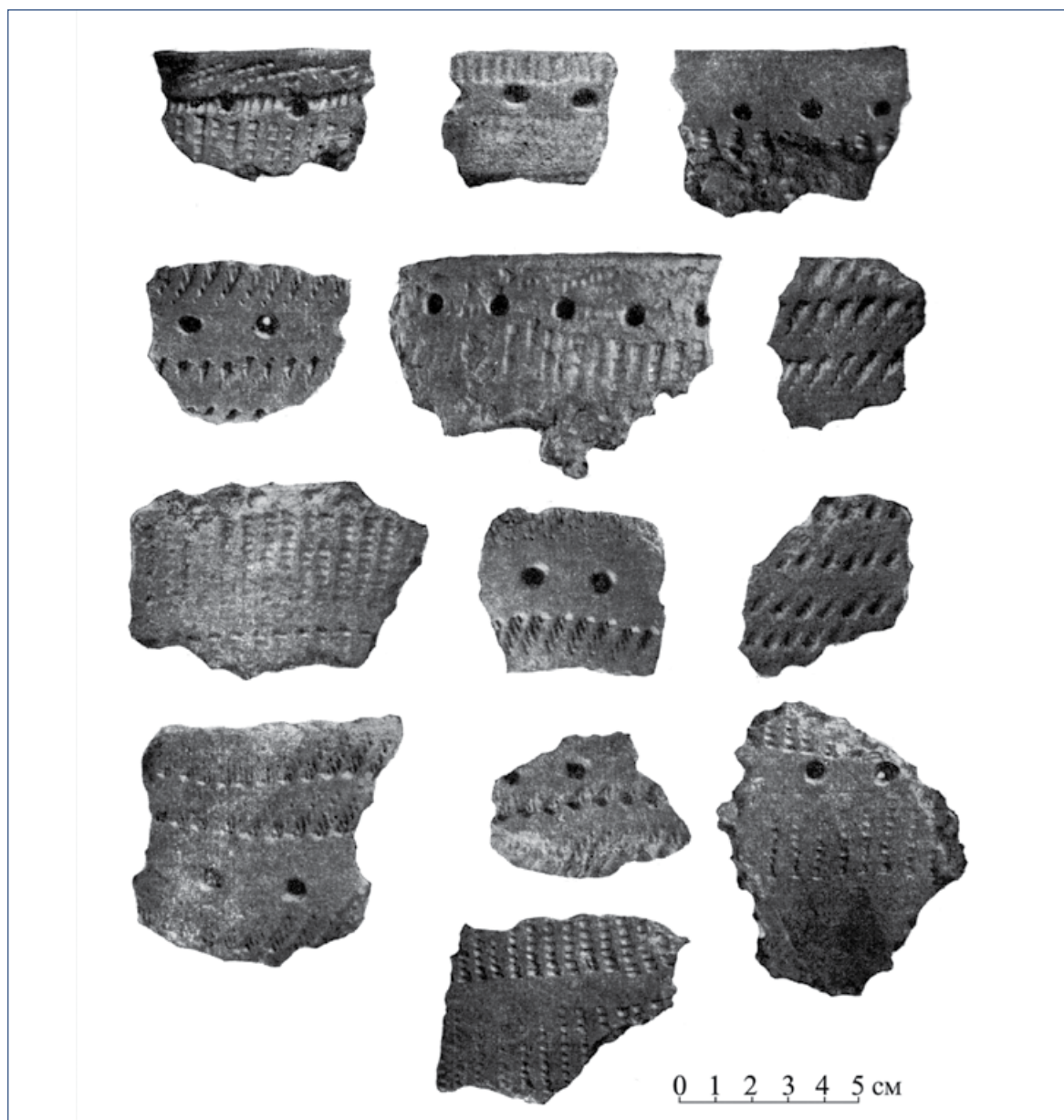
на оз. Косминское (Лузгин, 1973 б. С. 22–34; 1973 а. С. 40–44). Кроме того, показательна коллекция подъёмного материала стоянки Печорская, которая, если не грамотно сортирована, представляет собой аналог инвентаря однократных жилищных комплексов долины р. Вычегды (Карманов, 2008. С. 45–54).

Стоянка Печорская

Находится на левом берегу р. Печоры, примерно в 30 км от г. Нарьян-Мара, точное расположение места сбора материала неизвестно.

Коллекция передана в 1955 г. «достаточно квалифицированными специалистами» Н. Н. Гуриной, сведения опубликованы ею же в 1957 г. (Гурина, 1957. С. 115–120).

Материал стоянки представлен кремневыми предметами и обломками керамической посуды. Наиболее информативна серия наконечников стрел и их заготовок — ромбовидной и листовидной форм (илл. 8), а также фрагменты не менее

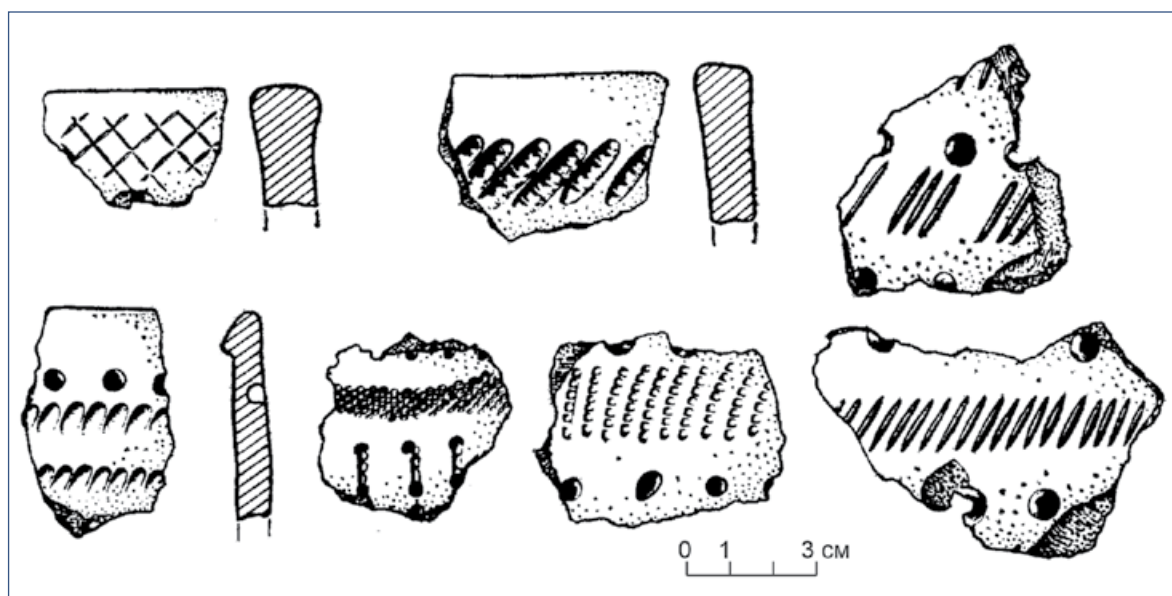
Илл. 9. Печорская. Фрагменты керамической посуды. По Н. Н. Гуриной (1957. Рис. 3)

5 сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы и украшенных гребенчато-ямочным орнаментом (илл. 9). Инвентарь памятника, особенно керамика, находит полное соответствие в материалах льяловской культуры на р. Вычегде (Карманов, 2008. С. 45–54).

Коротаиха 1981/8

Находится на правом берегу р. Коротаихи, выше впадения в нее р. Хэяхи, 204 км к северо-востоку от пос. Харута Ненецкого АО.

Открыта и исследовалась В. С. Стоколосом в 1981 г. раскопом площадью 36 кв. м. Помимо комплекса с керамикой йоркутинского типа (см. ниже) обнаружены обломки 5–6 сосудов льяловского типа (илл. 10) без достоверного контекста (Стоколос, 1988. С. 54).

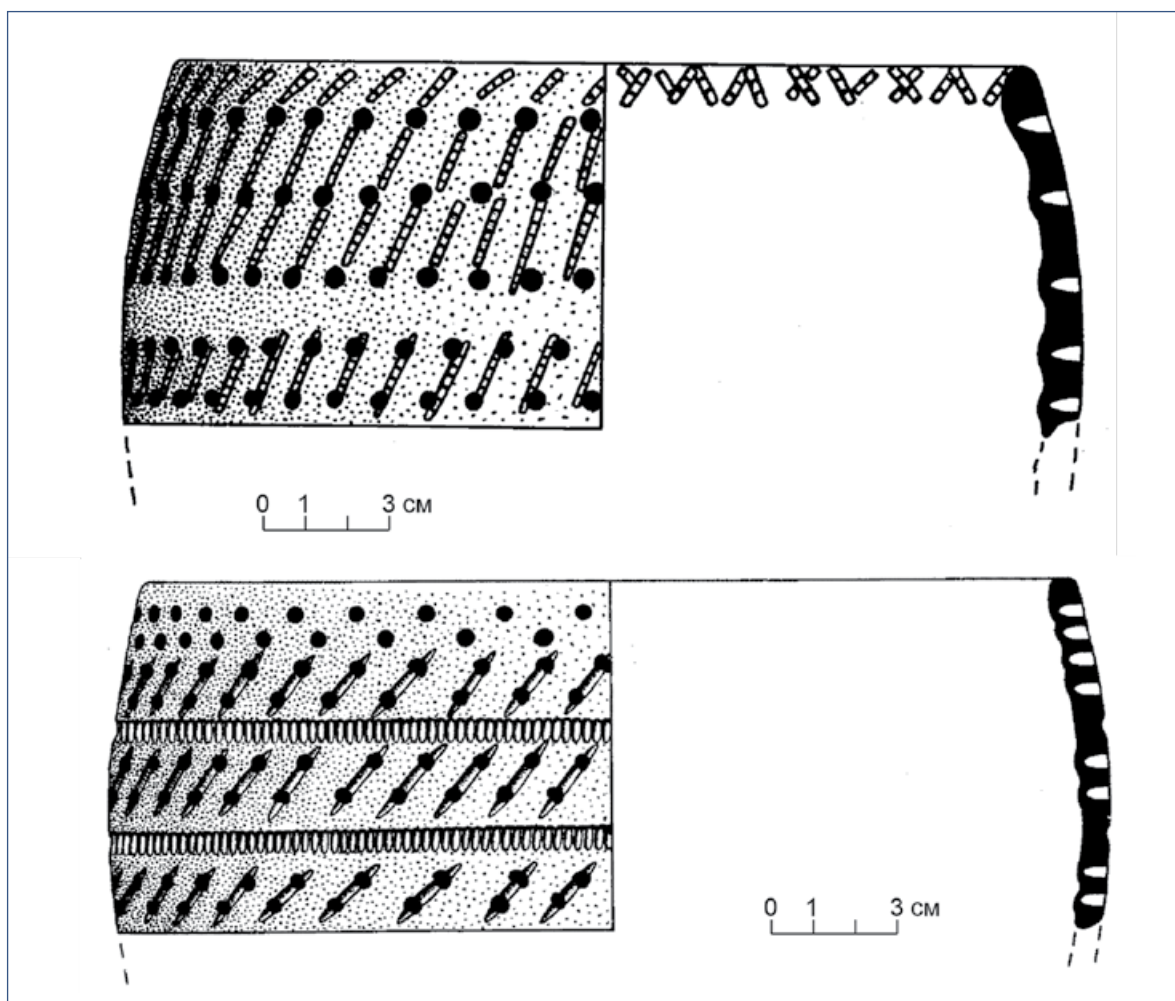
*Илл. 10. Коротаиха 1981/8. Фрагменты керамической посуды льяловского типа.
По В. С. Стоколосу (1988. Табл. 12)*

Стоянки Косминского озера: Ружникова, Кыско, Алексахина

Расположены на берегах оз. Косминское, в 48 км к юго-востоку от д. Волоковая Ненецкого АО, в 44–46 км к югу от Северного полярного круга.

Выявлены В. Е. Лузгиным в 1970 г. и исследовались им же в 1972 г. Изучались раскопками и шурфами разной площади: на стоянке Кыско вскрыто 32 м², Алексахина — 6 м² (три шурфа), Ружникова — 100 м².

Эти места посещались неоднократно, начиная с мезолита или раннего неолита и до эпохи железа включительно (Лузгин, 1973 а, б; Стоколос, 1973; Королев, 1973). Поэтому достоверно неолит представляют лишь коллекции керамической посуды, изготовленной из глины с примесью дресвы и украшенной оттисками гребенчатого и гладкого штампов, шнура и ямками (илл. 11). Наиболее представительна коллекция Ружникова, в которой присутствуют обломки не менее чем от 75 сосудов (Лузгин, 1973 б. С. 24). На остальных стоянках, изученных на меньшей площади, инвентарь менее представительен: Кыско — 10, Алексахина — 5 сосудов. Таким образом, спустя более полувека, это наиболее массовые коллекции неолита в изучаемом регионе.

Илл. 11. Керамические сосуды. Графическая реконструкция. По В. Е. Лузгину (1973. Рис. 1: 11, 3: 9)

Изучив орнаменты на посуде, В. Е. Лузгин счёл возможным определить льяловский и балахнинский типы керамической посуды (Лузгин, 1973 б. С. 33), указывая тем самым на возможный генезис неолитических культур региона. Работы сер. 1970-х — 2000-х гг. показали, что, действительно, посуда стоянок Косминского озера отличается от таковой памятников бассейна р. Вычегды техникой нанесения орнамента и большим разнообразием применяемых орнаментов. Однако интерпретация этого разнообразия в настоящее время неоднозначна: данные о множестве культур ямочно-гребенчатой керамики в Волго-Окском междуречье пока не подтвердились, и речь идёт о локальных вариантах, сформировавшихся в отдельных озёрных котловинах на поздних этапах льяловской культуры (напр.: Сидоров, 2009). Кроме того, удивительное сходство типов керамической посуды описанных памятников обнаруживается на памятниках других регионов Российской Арктики, например, Кольском п-ове.

Единичные фрагменты и обломки небольшого числа сосудов, характеризующих расселение носителей льяловской культуры и их потомков в Российской Арктике, найдены среди коллекций сборов Лая I (Мишванская) (Чернов, 1985. С. 41; табл. 10: 3, 4), Колвинская 13 (Чернов, 1985. С. 54; табл. 10: 5), Ортинская (Пядышев, Хлобыстин, 1962. С. 73; рис. 24: 6).

Время пребывания в арктической зоне носителей льяловской культуры не определено. С учётом аналогий в материалах сопредельных территорий, наиболее вероятное время — первая половина V тыс. до н. э.

ФИНАЛЬНЫЙ НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ

Финальный неолит и энеолит или период IV — перв. пол. III тыс. до н. э. в средней и северной тайге характеризует чужьяельская культура, изученная преимущественно в долинах рр. Мезени, Выми и Вычегды (Стоколос, 1986. С. 7–112; 1988. С. 25–47; Семенов, Несанелене, 1997; Карманов, 2018, 2020; Карманов, Белицкая, 2023), а также на поселениях вблизи оз. Синдорское — Вис I, II, III. В коллекциях последних Г. М. Буров, основываясь, в том числе на сборах подъёмного материала на стоянке Ортинская, определил синдорский тип керамики (Буров, 1967. С. 95–97), характеризующий галичско-уральскую или синдорскую историко-культурную общность (Буров, 1986. С. 18, 19; 1992). В Большеземельской тундре В. С. Стоколос выделил «при- и заполярную группу чужьяельских памятников» (Стоколос, 1997. С. 222–228). В неё также входят выборки из коллекций раскопок Ружникова и Нерчей II (Стоколос, 1988. С. 38–47), сборы подъёмного материала на стоянках Ортинская, Колва-вис 25, Море-Ю. Если таёжные памятники представлены преимущественно жилищными комплексами, то в арктической тундре изучены лишь следы одного сооружения — на стоянке Нерчей II (илл. 12). Свидетельства знакомства чужьяельского населения с металлом пока не выявлены.

Генезис культуры в регионе связан с большей степенью вероятности с населением финального неолита и энеолита севера Западной Сибири. В последнее время получены серии валидных ¹⁴C определений возраста таёжных памятников чужьяельской культуры в пределах IV — перв. пол. III тыс. до н. э. (Карманов, Зарецкая, 2021), но насколько они соотносятся с возможным возрастом тундровых стоянок, сказать трудно.

Стоянка Ортинская

Находится на правом берегу р. Печоры, на эоловой дюне, разрушенной ветровой эрозией, примерно в 70 км к северу от г. Нарьян-Мара или между пос. Ортино и Красное Ненецкого АО. Эпонимный памятник ортинского типа или ортинской культуры (Хлобыстин, 1973. С. 61, 62; Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 44, 45).

Коллекция собрана в 1960 г. сотрудником Нарьян-Марской сельскохозяйственной станции Н. П. Пядышевым, изучена и опубликована Л. П. Хлобыстиным в 1962 г. Инвентарь представляют наконечники стрел из кремня и обломки 9 керамических сосудов (Пядышев, Хлобыстин, 1962. Рис. 23, 24).

Стоянка Колва-вис 25

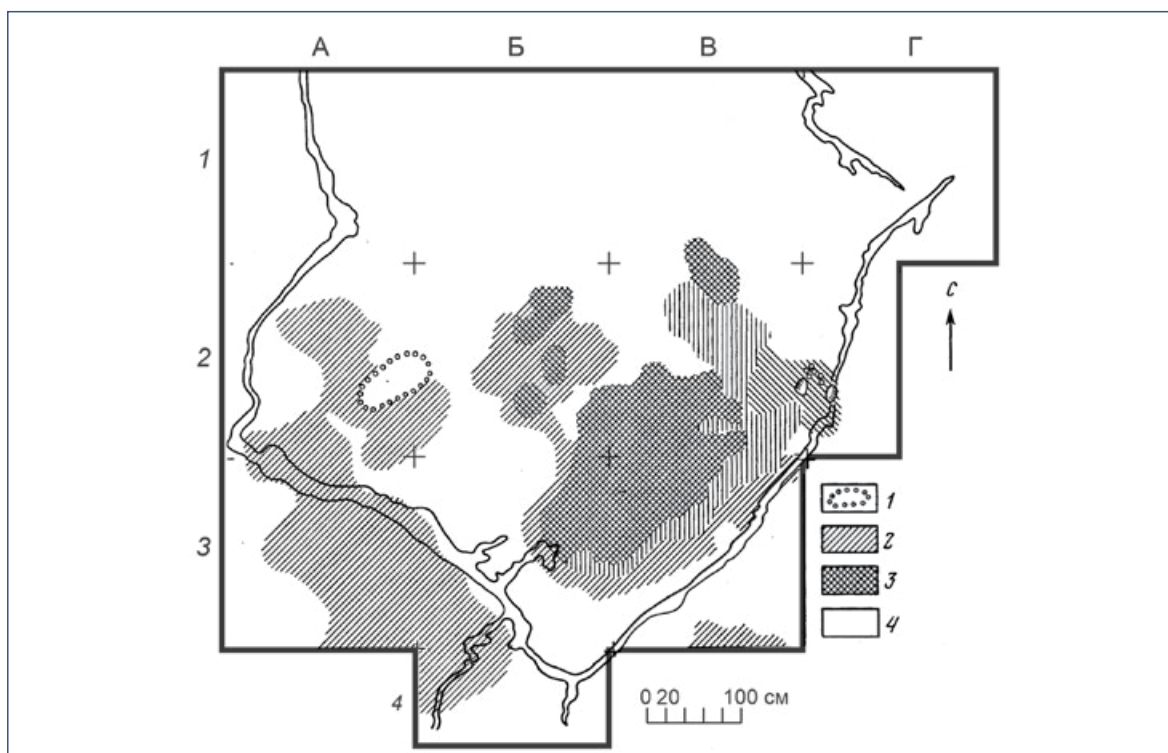
Находится на правом берегу р. Колва-вис, к югу от оз. Войяты, выше устья руч. Помлесшор, 61 км к северу от пос. Харута Ненецкого АО.

Место поверхностного залегания артефактов обнаружено в 1939 г. Г. А. Черновым (1985. С. 60, 61), в 1984 г. обследовано В. С. Стоколосом (1988. С. 41, 42).

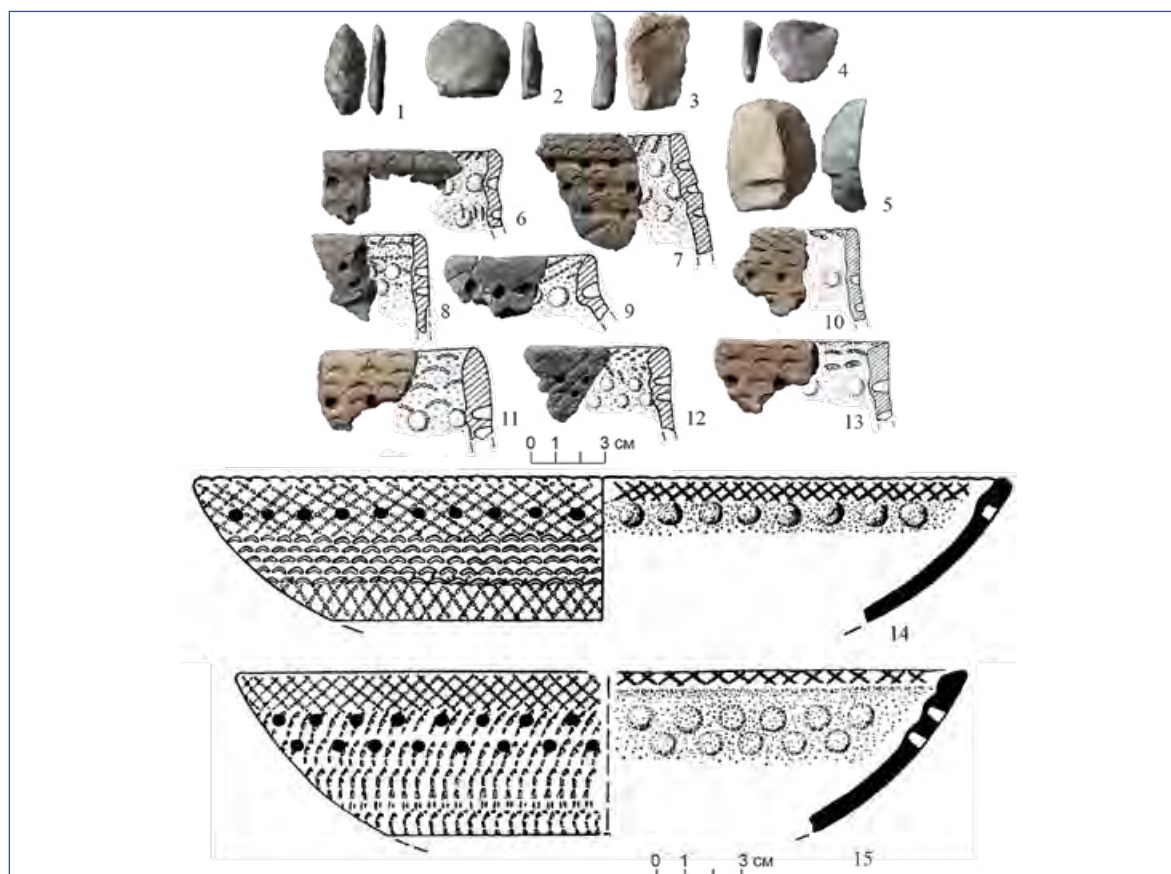
Коллекция В. С. Стоколоса включает 261 кремневый предмет и 664 обломка не менее 8 керамических сосудов (Стоколос, 1988. Табл. 5, 6).

Стоянка Нерчей II

Расположена на правом берегу р. Колва-вис, на её участке, соединяющей два озера — Колваты и Войяты, 66 км к северу от пос. Харута Ненецкого АО.

Илл. 12. *Нерчей II. План раскопа 1984 г. По В.С. Стоколосу (1988. Рис. 14, 15). 1 – скопление обломков керамики; 2 – красноватый песок; 3 – буро-коричневый песок; 4 – серо-зеленоватый песок*

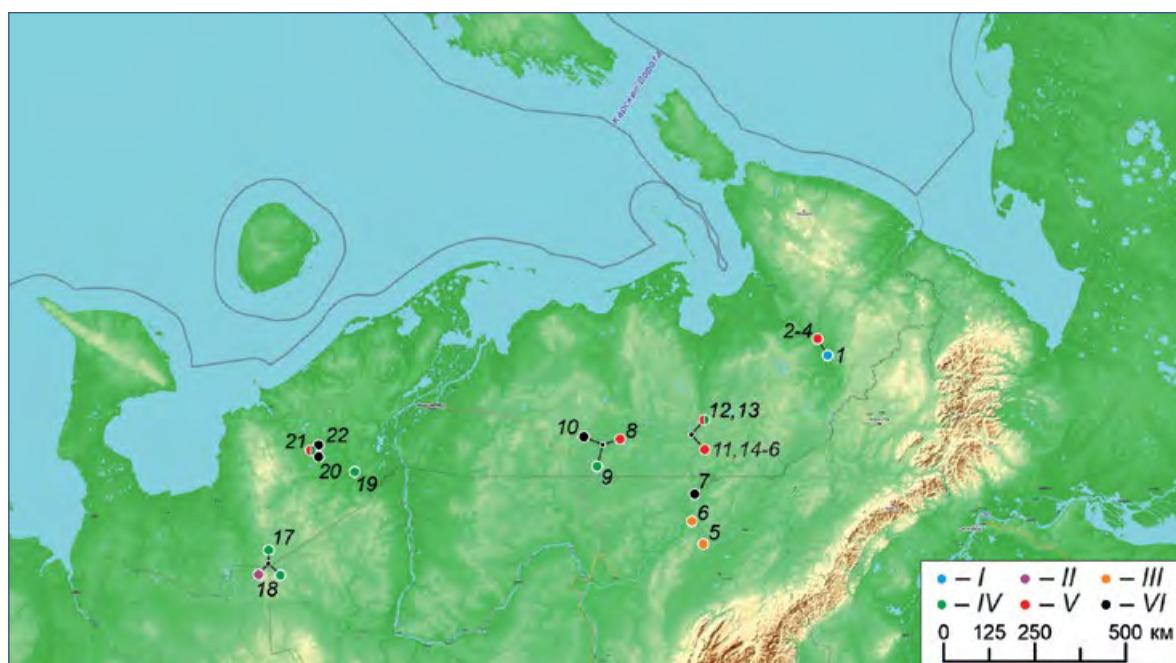

Илл. 13. *Нерчей II. 1-5 – кремневые изделия, 6-13 – фрагменты керамики, 14, 15 – керамические сосуды, графическая реконструкция. Рисунки по В. С. Стоколосу (1988. Рис. 16, табл. 7), фото В. Н. Карманова*

Открыта в 1984 г. В. С. Стоколосом и изучалась им раскопом площадью 44 кв. м (илл. 12). В раскопе исследованы следы и остатки жилища, деформированного в плане и по глубине криогенными трещинами. За пределами жилища изучены три кострища, вероятно, следы наземных построек (Стоколос, 1997. С. 222, 223). Коллекция памятника представлена 381 предметом из кремня и обломками 15–17 керамических сосудов чужьяельской культуры (илл. 13).

ЭНЕОЛИТ — ЭПОХА БРОНЗЫ

Возможно, к энеолиту относятся памятники йоркутинского типа (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 44; История Ямала, 2010. С. 48 (илл. 4), керамику которого В. С. Стоколос выявил в раскопе на стоянке Коротайха 1981/8.

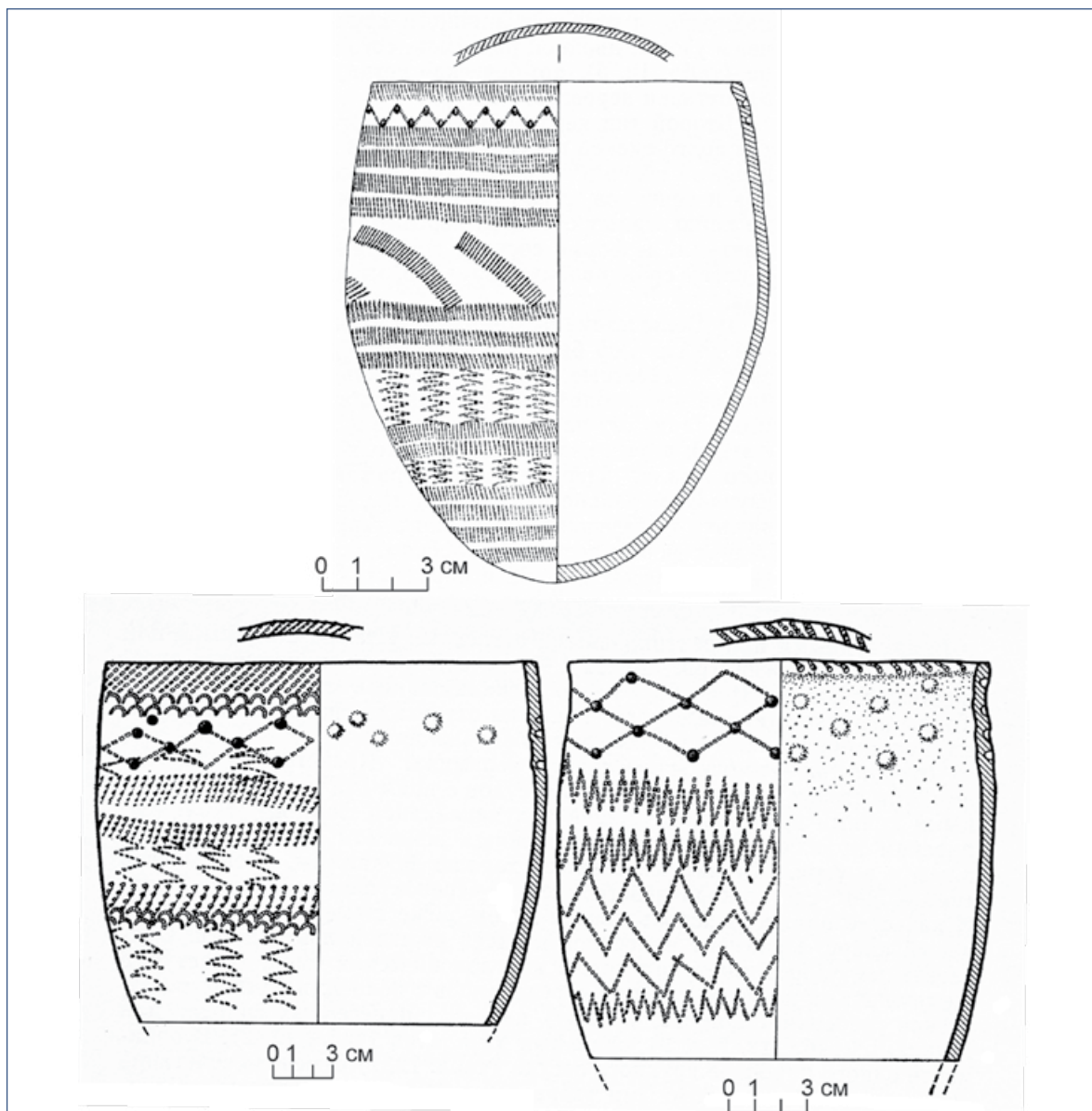
Илл. 14. Карта памятников энеолита и эпохи бронзы. I – йоркутинский тип; II – гаринская (чойновтинская) АК; III – атаманнюрская АК; IV – лебяжская АК; V – коршаковская АК; VI – эпоха бронзы (атрибуция точно не определена)

Коротайха 1981/8

Информация о памятнике представлена выше.

В раскопе площадью 36 м² В. С. Стоколос изучил следы и остатки двух кострищ и обнаружил обломки 13–14 керамических сосудов, изготовленных, в отличие от неолитических, из глины с примесью шамота, и гребенчатым орнаментом, в т. ч. нанесённым в технике «шагания», мелкими наколами или «уголковыми вдавлениями» (илл. 15). Это единственный памятник в европейской тундре, представивший специфическую керамику, аналогичную таковой, стоянки Йоркутинская, расположенной на юге п-ова Ямал (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 44; История Ямала, 2010. С. 48).

Обширные ареалы средней и северной тайги в эпоху раннего металла в III тыс. до н. э. занимали гаринская (по В. С. Стоколосу — чойновтинская) культура и памятники с чирковско-сейминским или фатьяноидным типом керами-

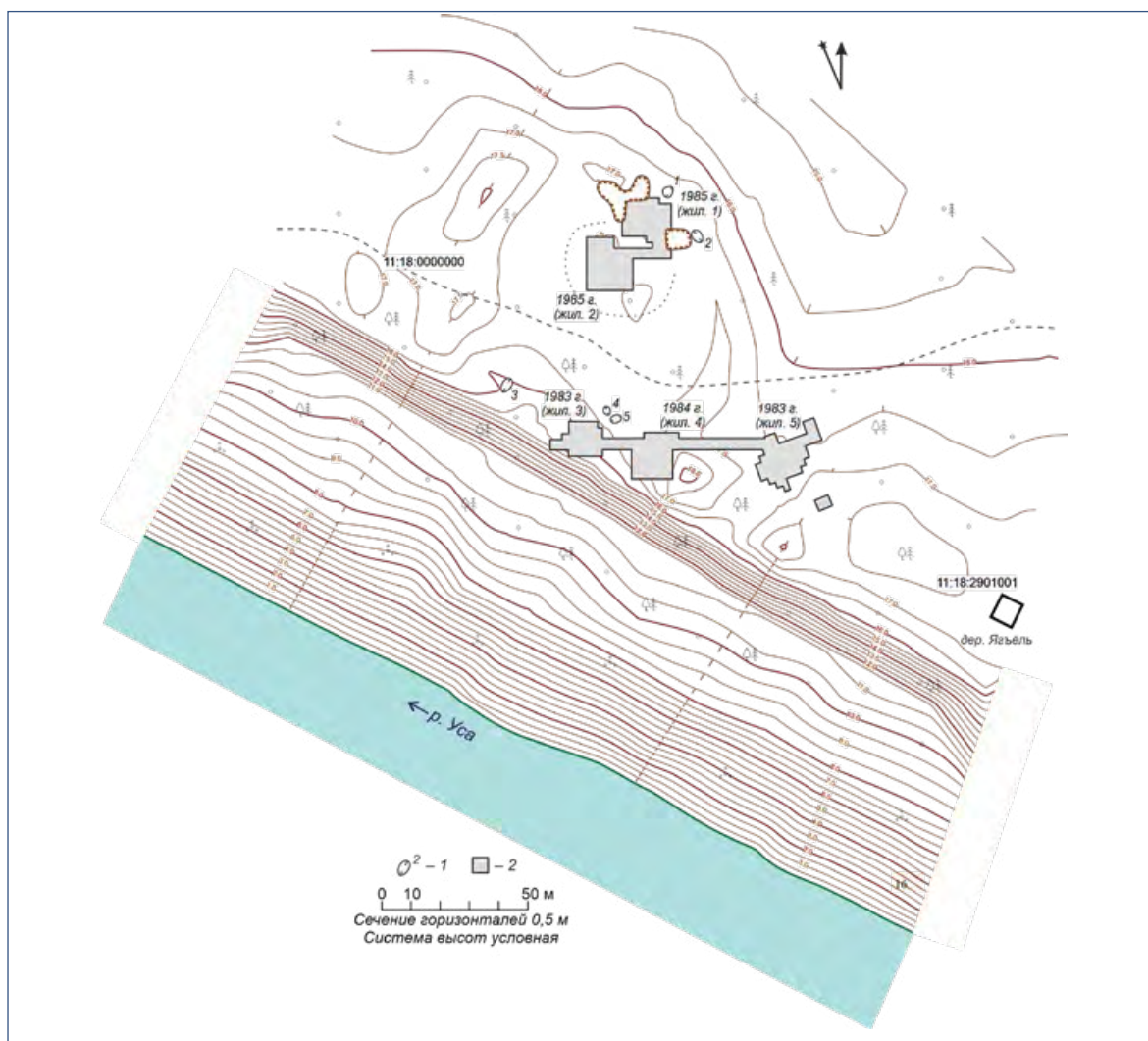

Илл. 15. Кортаиха 1981/8. Керамические сосуды йоркутинского типа. Графическая реконструкция. По В. С. Стоколосу (1988. Рис. 20–22)

ческой посуды. Их возраст определяется C^{14} методом в пределах 4100–3800 ВР (Карманов, 2023).

В арктической части достоверные источники по гаринской культуре пока не выявлены. Даже характерные для неё кремневые наконечники стрел с вогнутыми основаниями крайне слабо представлены в сборах подъёмного материала. Керамическая посуда, принадлежавшая её населению, выявлена только в коллекции поселения Ружникова (Стоколос, 1973. С. 41, 42), расположенного немного южнее Северного полярного круга.

Более отчётливо определяются в арктической лесотундре и тундре свидетельства обитания носителей керамической посуды т. н. «чирковско-сейминского» типа и бифасиальных черешковых наконечников стрел. В регионе эти материалы сопряжены в жилищных комплексах с посудой атаманнюрской культуры, в состав которой они были включены В. С. Стоколосом. Опорные памятники — поселения Ягъель и Адзьва II — включают остатки жилищ и хозяйственных построек, выраженных на современной поверхности в виде впадин (илл. 16).

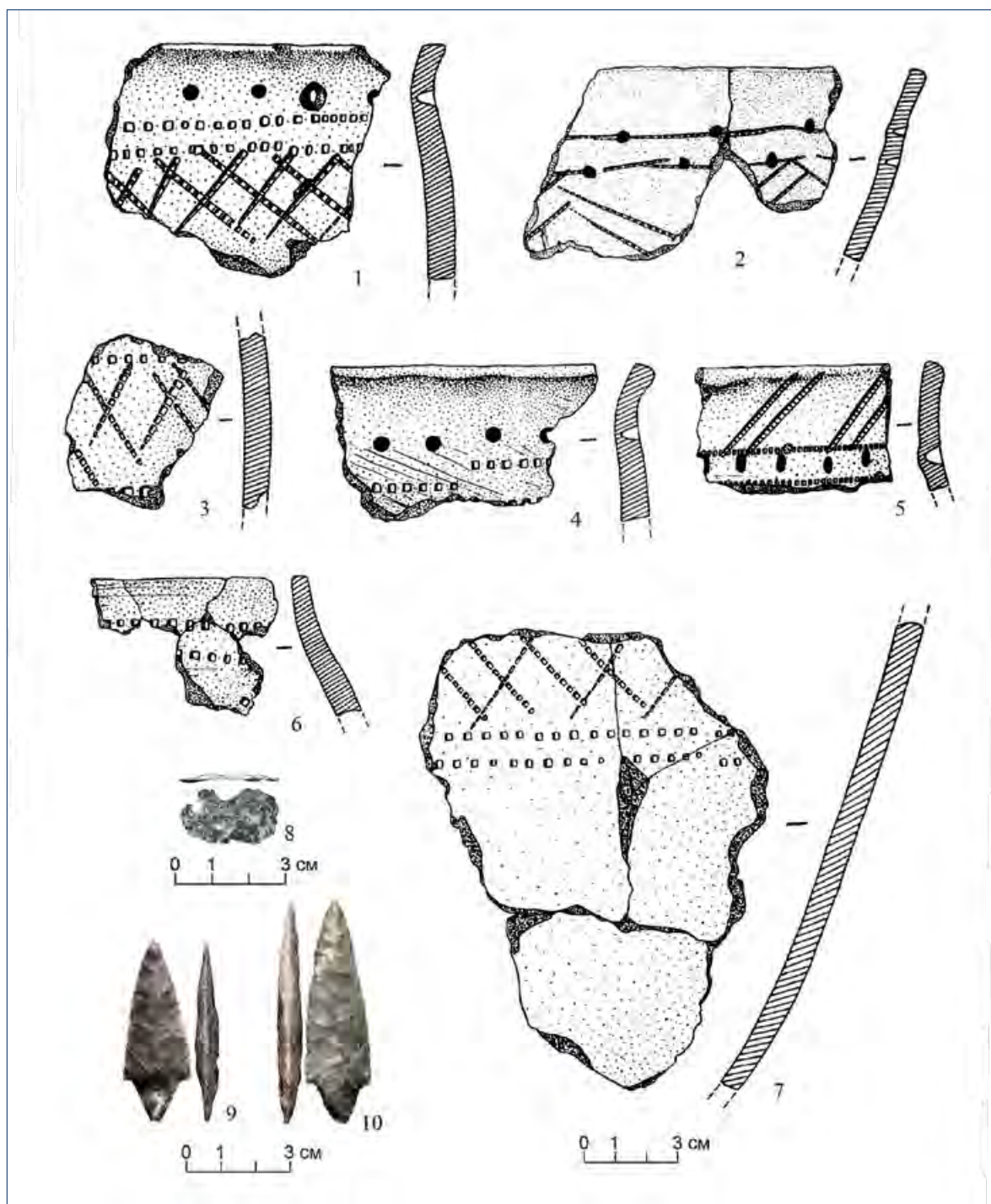
Илл. 16. Поселение Ягэль. Ситуационный план. 2019 г.

1 – впадины – остатки оплывших котлованов углублённых построек; 2 – раскопы 1983–85 гг.

Стоянка Адзьва II

Расположена на правом берегу р. Усы, в 1 км к северо-востоку от нежилой деревни Адзьва городского округа «Инта» Республики Коми, на надпойменной террасе, примыкающей ныне к заболоченной старице р. Усы, вблизи Северного полярного круга.

Открыта В. И. Канивцом в 1969 г., исследовалась им же в 1970–1971 гг. Раскопом 145 м² изучены остатки кострища, найдены обломки керамических сосудов, кремневые изделия, включая черешковые наконечники стрел (илл. 17, 9, 10), галька-отбойник, медная пластинка с отверстиями по краю (илл. 17, 8). В 1986 г. изучалась С. Ю. Васильевым, которым вдоль края террасы выявлены 8 жилищных впадин, включая частично раскопанную В. И. Канивцом. Раскопом площадью 204 кв. м изучены остатки жилища шестиугольной формы в плане размерами 8,44 × 12,32 м; найдены обломки керамических сосудов, кремневые изделия и фрагменты кальцинированных костей. В 2001 г. обследована И. О. Васкулом. Установлено, что памятник находится в хорошем состоянии и перспективен для исследований (Канивец, отчёты за 1969–1971 гг. Васильев, Отчёт за 1986 г.; Стоколос, 1988; Селезнева, 1999; Васкул, Отчёт за 2001 г.).

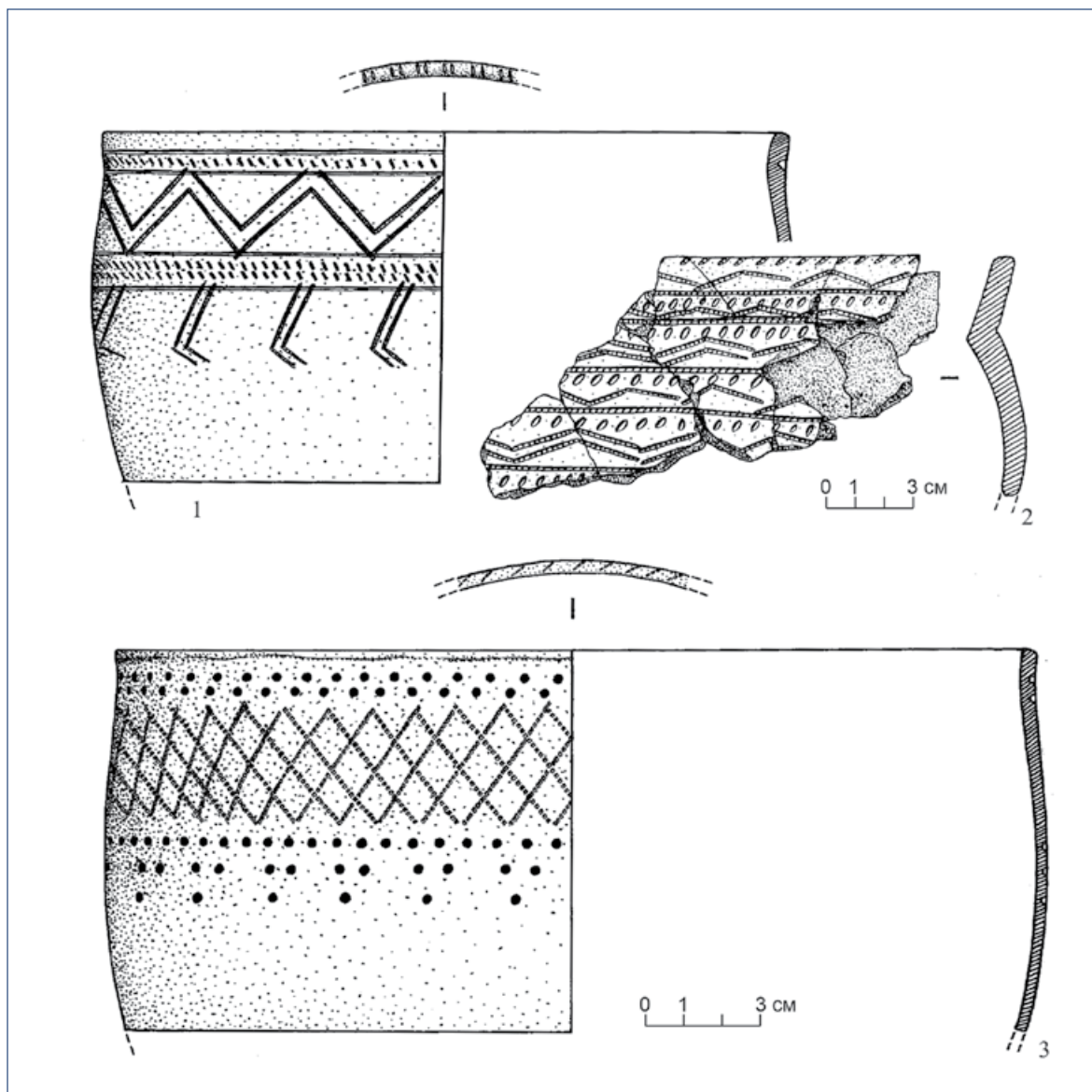
Илл. 17. Адзьва II. 1-7 – обломки керамической посуды (из архива В.И. Канивца), 8 – фрагмент медной пластины, 9, 10 – наконечники стрел из кремня. Фото В.Н. Карманова

Поселение Ягъэль

Находится на правом берегу р. Усы, 40 м к северо-западу от д. Ягъэль городского округа «Инта» Республики Коми, поверхность рельефа сложена эоловыми песками на надпойменной террасе, как и прикраевой участок последней; 24 км южнее Северного полярного круга.

Памятник открыт В. И. Канивцом в 1969 г., исследовался им же в 1970 г. и С. Ю. Васильевым в 1981–1985 гг. Обследовано в 2019 г. В. Н. Кармановым.

Выявлены 7 жилищных впадин. Раскопами общей площадью 563 м² изучены 5 жилых построек четырёх-, пяти- и шестиугольной формы в плане и 2 хозяйственных сооружения (илл. 16). Коллекция включает кремневые изделия, каменное грузило, фрагменты керамических сосудов (илл. 18), бронзовый вотивный предмет (Канивец, отчёты за 1969–70 гг.; Васильев, отчёты за 1981–1983, 1985 гг.; Стоколос, 1988; Селезнева, 1999; Васильев, Тимушева, 2018. С. 86–97).

Илл. 18. Ягъель. Керамические сосуды. Графическая реконструкция (1, 3). Из архива В. И. Канивца

Описанные комплексы Арктики и сопряжённые с ними таёжные памятники (Атаманнюр I, Шиховское I, Чудгудорьяг) уникальны для Северной Евразии сочетанием традиций, явно имеющих разные истоки: шестиугольные в плане крупные жилища, керамическую посуду двух типов — «чирковско-сейминскую» (фатьяноидную) и «атаманнюрскую» гребенчато-ямочную, бифасиальные черешковые наконечники стрел из кремня, медные предметы и свидетельства металлообработки. Если гребенчато-ямочная керамика могла попасть в комплексы в результате многократного посещения мест обитания, то связь керамической посуды, черешковых наконечников стрел и шестиугольных в плане жилищ доказана раскопками поселения Чудгудорьяг на р. Вычегде (Логинова, 1993). Будущие

исследования должны быть направлены на изучение этого явления, к которому не обращались с 1988 г.

Эпоху бронзы на северо-востоке Европы с большей определённой характеризуют две культуры — лебяжская (Стоколос, 1988. С. 152–156; 1997. С. 256–259) и коршаковская (Канивец, 1974. С. 18–32; Стоколос, 1988. С. 159–187; 1997. С. 259–262), характеризующиеся особыми типами керамической посуды, традиции изготовления которой имеют разное происхождение. Напротив, их каменные инвентари по своим технико-типологическим характеристикам имеют сходства: это бифасиальные индустрии, нацеленные на производство наконечников стрел и копий (дротиков или кинжалов), а также особых видов скребков — унифасов и бифасов. Поэтому в случае отсутствия керамической посуды в коллекциях затруднительно различать их комплексы. Тем более, что на некоторых местах поверхностного залегания оба типа посуды обнаружены совместно. Пока определено, что коршаковская керамика характеризует в большей мере арктическую и субарктическую зоны, а лебяжская — таёжную. Скрепки-унифасы и скребки-бифасы в большем числе найдены в контекстах тундры, в меньшей мере — тайги (Майстренко, Карманов, 2022). Это указывает на то, что правобережье бассейна р. Печоры в Арктике было контактной зоной или территорией совместного обитания носителей разных керамических традиций.

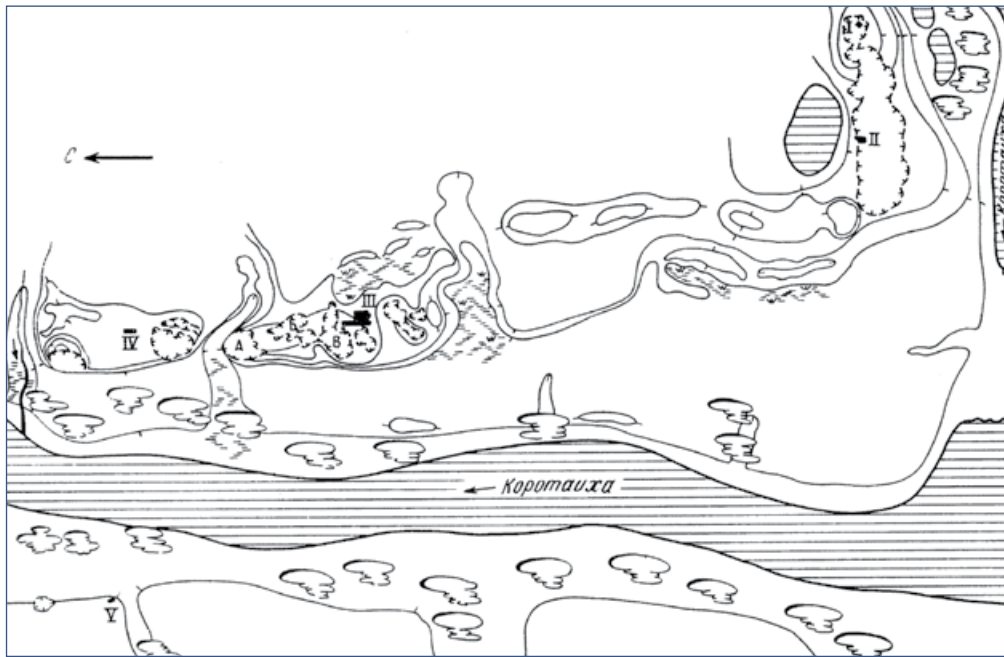
Эпонимный памятник коршаковской культуры — поселение Коршак I (Канивец, 1974. С. 18–32) — находится на левом берегу р. Печоры в 136 км к югу от Северного полярного круга. Особенность — тонкостенная керамическая посуда, непрофилированная, украшенная прокатанной волной и оттисками гребенчатых штампов, ямками; плотная орнаментация покрывает большую часть поверхности сосуда. В арктической зоне памятники с коршаковским типом керамической посуды представлены стоянками Коротаиха 1979/1, 1979/2, 1979/3, 1979/4, 1979/5, 1981/10, Войты I, II, Нерчей I, Колва-вис 17, 18. Кроме того, она есть в разновременных коллекциях стоянок Минина Виска I, Сударма I (Лузгин и др., 2015), Роща-Вис I, II, Сандибей-Ю 6, 8, Роговская I, Коротайская 53, 57, 61, Хейягинская, Усть-Хейягинское поселение (Стоколос, 1988. С. 183).

Опорные комплексы культуры — стоянки Коротаиха 1979/3, 1979/4, изученные раскопками, давшими информативные коллекции.

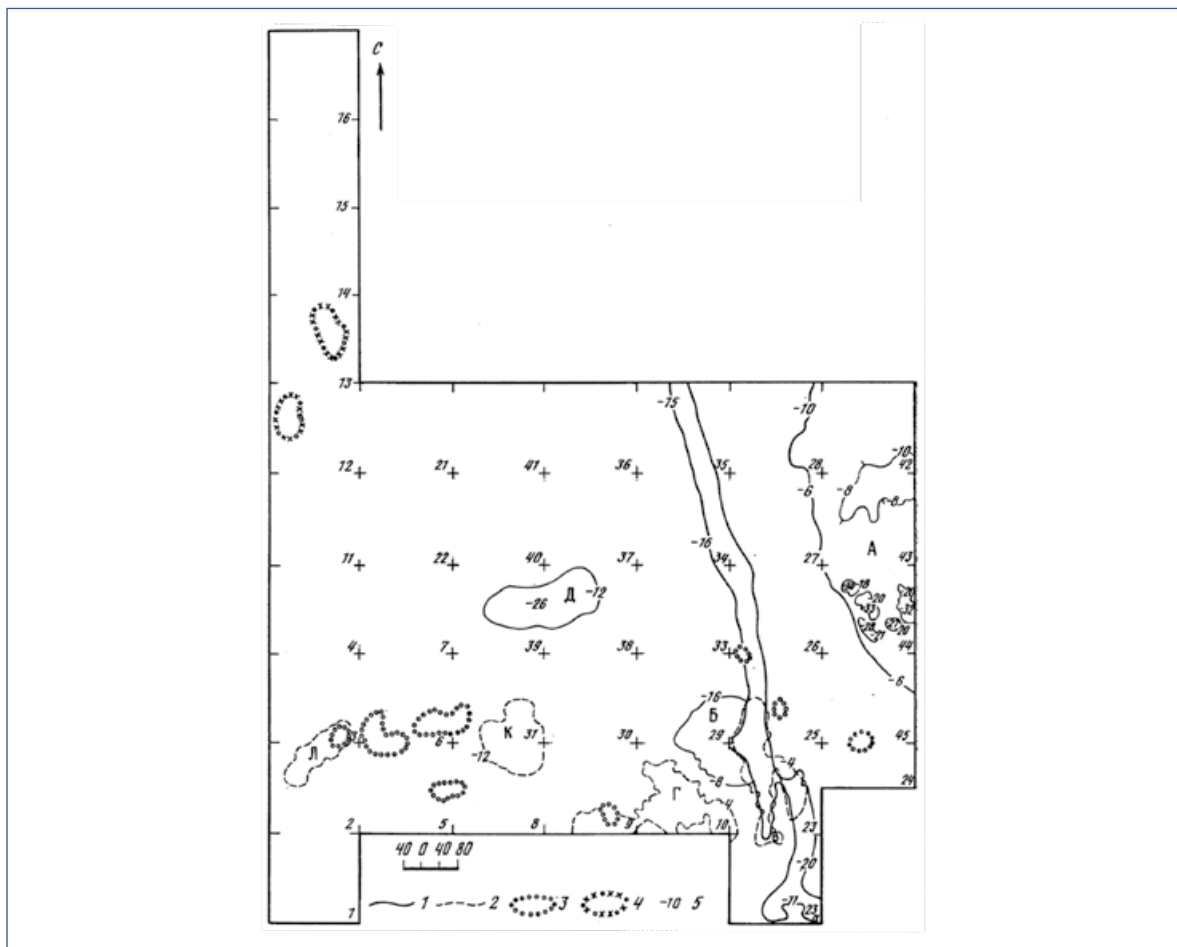
Стоянки Коротаиха 1979/3, 1979/4

Находятся на правом берегу р. Коротаихи, в 200 км к северо-северо-востоку от пос. Харута Ненецкого АО, на эоловых дюнах на поверхности надпойменной террасы (илл. 19). Обе стоянки расположены недалеко друг от друга и разделены лишь ложбиной, по дну которой протекает безымянный ручей. Открыты В. С. Стоколосом в 1979 г., исследовались им же в 1981 г. раскопами 170 (Коротаиха 1979/3) и 56 м² (Коротаиха 1979/4) (Стоколос, 1988. С. 160–178).

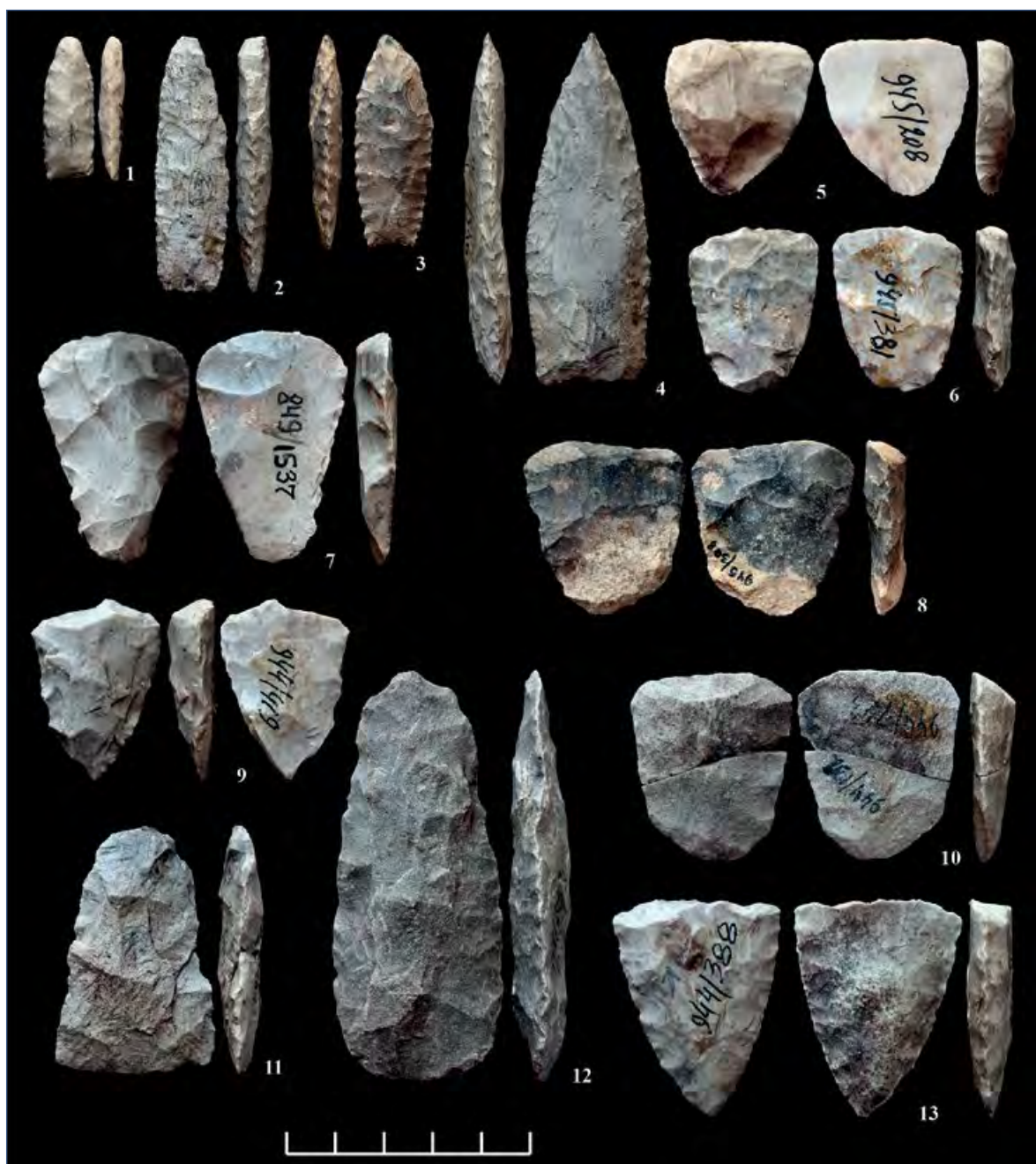
На стоянке Коротаиха 1979/3 изучен комплекс из 5 углублений — остатков очагов (?), двух участков неоднородного грунта и ровика шириной 0,3–0,5 м и протяжённостью 12 м, глубиной до 0,2 м (илл. 20). Эти структуры были заполнены перегоревшей органикой и артефактами. По наблюдениям В. С. Стоколоса, они откладывались последовательно (Стоколос, 1988. С. 164, 165), что указывает на неоднократность посещения места обитания одной группой населения.

Илл. 19. План-схема расположения стоянок на р. Кортаихе, вблизи устья р. Хейхи.
По В. С. Стоколосу (1988. Рис. 59), 1 – Кортаиха 1979/1; 2 – Кортаиха 1979/2;
3 – Кортаиха 1979/3; 4 – Кортаиха 1979/4; 5 – Кортаиха 1981/10

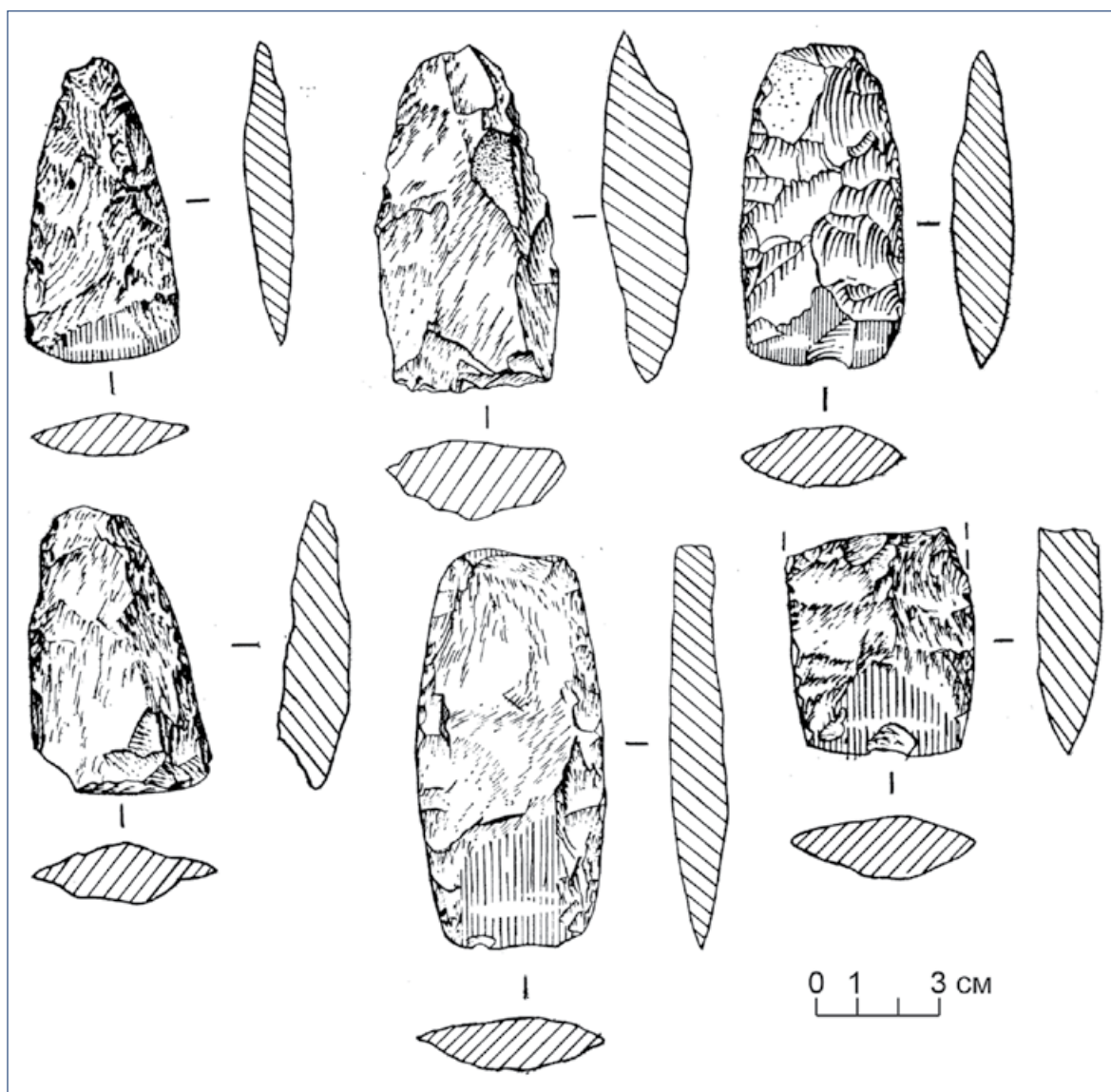
Илл. 20. Стоянка Кортаиха 1979/3. План раскопа. По В. С. Стоколосу (1988. Рис. 60),
1 – углубления с чёткими границами; 2 – мелкие расплывчатые углубления; 3 – скопления обломков
керамики; 4 – скопление обломков керамики и кремней; 5 – отметка глубины

Илл. 21. 1-4 – наконечники; 5 – скребок-унифас, 6-10, 13 – скребки-бифасы; 11, 12 – рубящие орудия или заготовки бифасов; 1, 2, 7, 9-13 – Коротайха 1979/3; 3-6, 8 – Коротайха 1979/4; 1-9, 11, 13 – кремнистые породы; 10, 12 – кварцитопесчаник

Коллекция стоянки Коротайха 1979/3 содержит 1157 предметов из кремня и кварцита (илл. 21, 22), обломки 82 керамических сосудов (илл. 23), литейное сопло и шишку (илл. 24, 1, 2), возможно, костяные и роговые изделия, кости птиц и крупных млекопитающих. Материал детально описан В. С. Стоколосом (1988. С. 165–172).

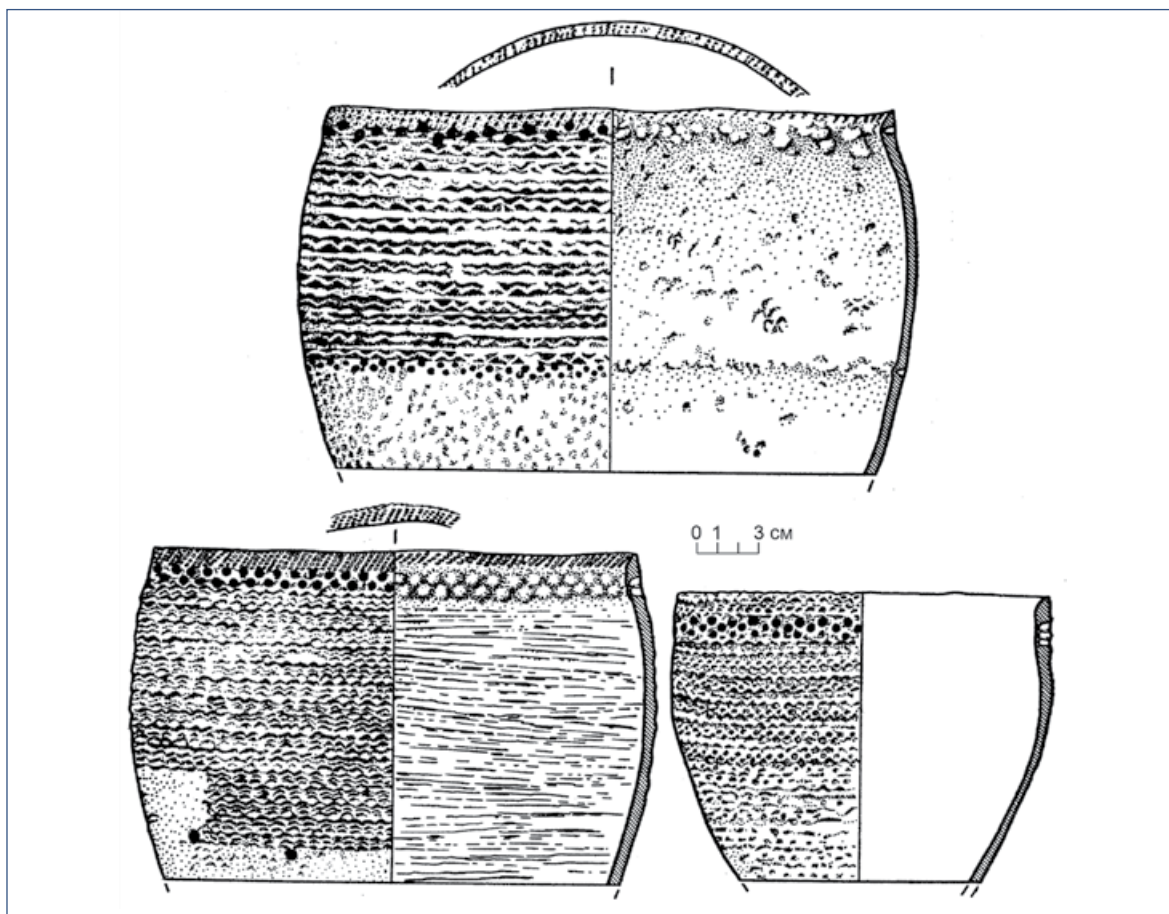
В раскопе стоянки Коротайха 1979/4 изучены 5 углублений, заполнение которых содержало артефакты и обломки древесных углей. Вероятно, по виду протекавшей на ней деятельности этот памятник аналогичен предыдущей стоянке. Коллекция включает обломки от 19 керамических сосудов, кремневые и кварцитовые изделия (илл. 21), фрагменты трёх тиглей (илл. 24, 3–5), на одном из которых сохранились остатки бронзы (Стоколос, 1988. С. 176, 177).

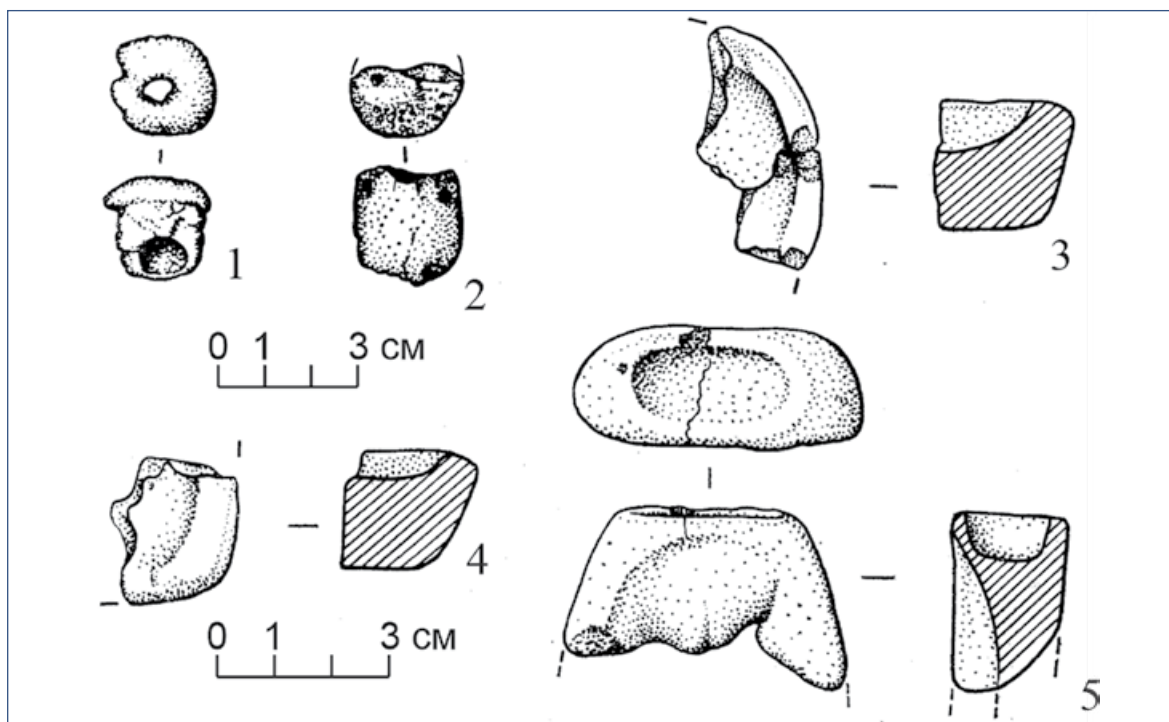
*Илл. 22. Коротайха 1979/3. Рубящие орудия из некремнистых пород.
По В. С. Стоколосу (1988. Табл. 46)*

Информативные предметы, позволяющие атрибутировать стоянки Коротайха 1979/3 – 1979/4, помимо описанной выше керамики коршаковского типа, представляют листовидные наконечники стрел с прямой или слегка вогнутой базой и серии скребков-бифасов, реже унифасов (илл. 21). Аналогичные комплексы предметов найдены на близлежащей стоянке Коротайха 1981/10 (илл. 25) и присутствуют в сборах на стоянках Войтыты I, II (Стоколос, 1988. Табл. 50), Рощавис I, II (Стоколос, отчёт за 1984 г.). Керамическая посуда коршаковского типа, но без сопровождения информативным каменным инвентарем, найдена также в раскопе площадью 42 кв. м на стоянке Нерчей I. Здесь изучены остатки кострища, к которому были приурочены обломки 5–6 сосудов и 66 отщепов и осколков кремня (Стоколос, 1988. С. 182, 183).

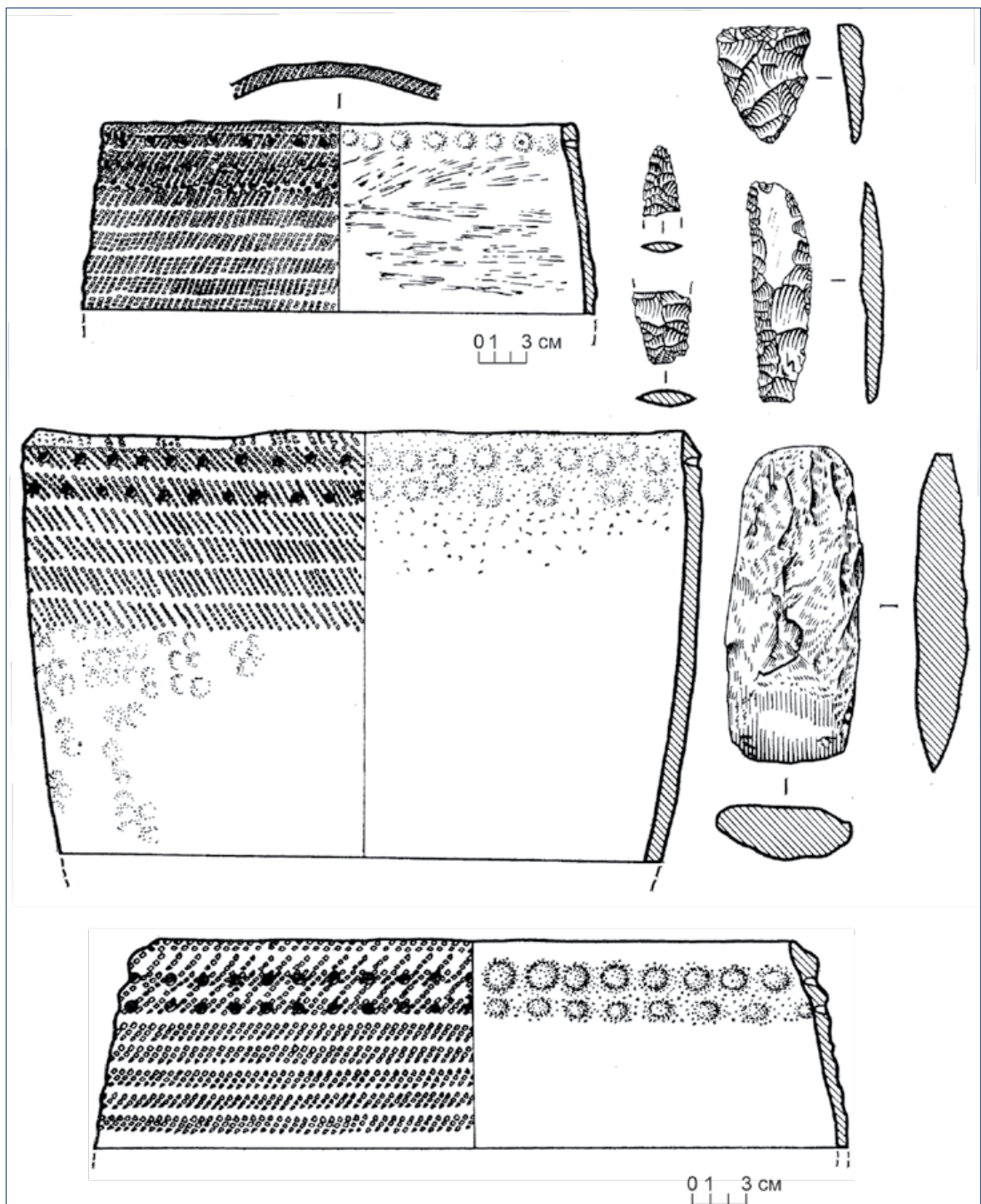
Эпонимный памятник лебяжской культуры — стоянка Лебяжская — находится на правом берегу р. Печоры, в 300 км к югу от Северного полярного круга (Канивец, 1965. С. 71–86; Стоколос, 1988. С. 152–156). Посуду этой культуры характеризуют широкогорлые и круглодонные чаши с выпуклым туловом и венчиком с прямым торцом. Примеси в глиняном тесте — минеральные. Орнамент занимает

Илл. 23. Коротайха 1979/3. Керамические сосуды коршаковского типа. Графическая реконструкция. По В. С. Стоколу (1988. Рис. 62)

Илл. 24. Свидетельства металлообработки в коршаковской культуре. 1 – сопло; 2 – литейная шишка (?); 3–5 – обломки тиглей. Глина. По В. С. Стоколу (1988. Рис. 45, 49).
1, 2 – Коротайха 1979/3; 3–5 – Коротайха 1979/4

Илл. 25. Инвентарь стоянки Кортаиха 1981/10. 1-3 – керамические сосуды, графическая реконструкция; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – скребок-бифас; 7 – нож; 8 – топор; 4-7 – кремь; 8 – некремнистая порода (ближе не определена). По В. С. Стоколосу (1988. Табл. 52)

только верхнюю часть сосудов и представляет собой несложные разреженные композиции, составленные ямками и оттисками гребенчатых штампов. В арктической зоне посуда этой культуры определена среди материалов стоянок Минина Виска I, Малый Гусинец, Коткино 2 (Лузгин и др., 2015), Сандибей-ю 6, 7 (Верещагина, 1973. С. 9; Чернов, 1985. С. 50, 51), Роща-Вис I, II (Стоколос, отчёты за 1984 г.). Найдена она и на поселениях оз. Косминского – Ружникова и Кыско (Стоколос, 1973. Рис. 4, 10–15; 5, 1–4), расположенных немного южнее Север-

ного полярного круга. Так, в коллекции Ружникова В. С. Стоколос определил не менее 103 сосудов (Стоколос, 1973. С. 43).

Таким образом, источники по лебяжской культуре в арктической зоне ограничены сборами на разрушенных поверхностях или выборками из разновременных коллекций, гомогенные комплексы отсутствуют. Это, возможно, указывает на слабое присутствие носителей этой культуры в тундре и на её приуроченность к таёжной зоне.

Совсем слабое присутствие в эпоху бронзы характерно и для носителей поздняяковского типа керамики, которая представлена преимущественно всё в той же коллекции Ружникова — 56 сосудов (Стоколос, 1973. С. 44, рис. 6). Она определена по ямкам, нанесённым изнутри, отогнутому венчику, оттискам гребенчатых штампов. Текстильный или, по выражению В. С. Стоколоса, «рогожный» орнамент найден только на 4 сосудах и ещё 69 обломках стенок (Стоколос, 1973. С. 45).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние источниковой базы в настоящее время таково, что не позволяет представить в полной мере самобытные культуры эпох камня и раннего металла в арктической зоне северо-востока Европы. В лучшем случае можно говорить о фрагментах культур, носители которых населяли обширные пространства тайги, лесотундры и тундры. И их следы, и остатки получены в основном с мест поверхностного залегания артефактов на разрушенных эоловыми процессами участков. Раскопки памятников каменного века и раннего металла и целенаправленные сугубо научные разведки (нехоздоговорные) по их поиску не проводились с конца 1980-х гг. (Стоколос, 1988). Отсутствуют данные естественных наук, в т. ч. радиоуглеродного датирования. Поэтому все выводы предварительны и обоснованы исключительно аналогиями артефактам из хорошо изученных контекстов таёжной зоны. В отличие от тайги, в изучаемом регионе неизвестны углублённые жилища, а их поиск перспективен, что показывают исследования автора и опыт изучения тундр Кольского п-ва (Шумкин и др.).

Основываясь на аналогиях, можно говорить о присутствии в Арктике мобильных (бродячих) охотников-собирателей известных культурных образований: мезолита западной и приуральской традиций (Волокитин, 2014), раннего неолита (Карманов, 2019), льяловской культуры среднего неолита (Карманов, 2008), чужьяельской культуры финального неолита и энеолита (Стоколос, 1986); атаманнюрской культуры (Стоколос, 1997) или носителей фатьяноидных типов керамики, коршаковской и лебяжской культур эпохи бронзы (Стоколос, 1988). Из этого перечня культур лишь коршаковская культура может претендовать на роль автохтонной культуры Арктики, но это должно быть подтверждено дополнительными исследованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буров Г. М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э., I тысячелетии н. э.). — М. : Наука, 1967. — 220 с.
2. Буров Г. М. Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла : автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — Новосибирск : 1986. — 37 с.

3. Буров Г.М. Рецензия на книги: Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. — М. : Наука, 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. — М. : Наука, 1988 // РА. — 1992. — № 3. — С. 236–246.
4. Васильев С. Ю. Отчёт о работе комплексной экспедиции в Интинском и Усинском районах Коми АССР в 1981 г. Инта, 1981 / Архив ИКМ. Д. 46; НА ИА РАН. Р-1. № 8738, 8738 а.
5. Васильев С. Ю. Отчёт о работе комплексной экспедиции Интинского краеведческого музея в Коми АССР в 1985 г. Инта, 1985 / Архив ИКМ. Д. 65; НА ИА РАН. Р-1. № 11235, 11235 а.
6. Васильев С. Ю. Отчёт о работе комплексной экспедиции Интинского музея в бассейне р. Большая Роговая в 1982 г. Инта, 1982 / НА ИА РАН. Р-1. № 9003.
7. Васильев С. Ю. Отчёт о работе комплексной экспедиции Интинского музея в бассейне р. Уса Коми АССР в 1983 г. Инта, 1983 / Архив ИКМ. Д. 47; НА ИА РАН. Р-1. № 9903, 9903 а.
8. Васильев С. Ю. Отчёт о работе Усинского археологического отряда Сыктывкарского государственного университета и Интинского краеведческого музея в бассейне реки Уса в Коми АССР в 1986 г. Инта, 1986 / НА ИА РАН. Р-1. № 11440.
9. Васильев С. Ю., Тимушева И. М. Поселение бронзового века Ягъель: планиграфия и структурные элементы // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. — Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. — С. 86–97 (МАЕСВ; Вып. 20).
10. Васкул И. О. Отчёт о полевых исследованиях в Интинском, Сысольском и Троицко-Печорском районах Республики Коми. Сыктывкар, 2002 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 623 38 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 26136. (Отчёт за 2001 г.).
11. Васкул И. О., Волокитин А. В., Жеребцов И. Л., Карманов В. Н., Кленов М. В., Мурыгин А. М., Павлов П. Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) // Известия Коми НЦ УрО РАН. — 2015. — № 1 (21). — С. 84–94.
12. Верещагина И. В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Археологические исследования в бассейне Печоры. — Сыктывкар : 1973. — С. 3–21 (МАЕСВ; Вып. 5).
13. Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. — Сыктывкар : Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. — 126 с.
14. Волокитин А. В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. — М. : ACADEMIA, 2005. — С. 198–205.
15. Волокитин А. В., Грибченко Ю. Н. Север Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : Атлас-монография / Отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. — М. : ГЕОС, 2014. — С. 73–98.
16. Гурина Н. Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. — 1957. — № 2. — С. 115–120.
17. История Ямала : в 2-х томах. Т. I : Ямал традиционный. Кн. I. Древние культуры и коренные народы. — Екатеринбург : Издательство «Баско», 2010. — 416 с.
18. Канивец В. И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчёты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. — Сыктывкар, 1965. — С. 3–100 (МАЕСВ; Вып. III).
19. Канивец В. И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. — Сыктывкар, 1973. — С. 3–23 (МАЕСВ; Вып. IV).
20. Канивец В. И. Отчёт о работах I Печорского археологического отряда в 1970 г. — Сыктывкар, 1971 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 14, 15. 48, 60 лл.; НА ИА РАН. Р-1. № 4282, 4282 а.
21. Канивец В. И. Отчёт о работах I Печорского археологического отряда за 1971 г. — Сыктывкар, 1972 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 47, 48. 33, 41 лл.; НА ИА РАН. Р-1. № 4447, 4447 а.

22. *Канивец В.И.* Отчёт о работах I Печорского отряда в 1969 г. – Сыктывкар, 1970 / НА ИА РАН. Р-1. № 3962, 3962 а.
23. *Канивец В.И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М. : Наука, 1974. – 150 с.
24. *Карманов В.Н.* Ваднюр I/7 – памятник финального неолита и энеолита на р. Вычегде // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 4 (51). – С. 63–72. – DOI: 10.20874/2071–0437–2020–51–4–6.
25. *Карманов В.Н.* Древнейшая керамическая посуда на крайнем северо-востоке Европы: контексты и пути распространения // Археологические записки. Вып. 10. – Ростов-на-Дону : Издательство «Альтаир», 2019. – С. 155–189.
26. *Карманов В.Н.* Каменные индустрии энеолита на крайнем северо-востоке Европы: явление новой сложности // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 1. – С. 26–37.
27. *Карманов В.Н.* Неолит европейского Северо-Востока. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 226 с.
28. *Карманов В.Н.* Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. – Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 55–85 (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; Вып. 20).
29. *Карманов В.Н., Белицкая А.Л.* Мучкас-1 – новый опорный комплекс чужьяёльской культуры на р. Мезени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – № 1. – С. 21–31.
30. *Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е.* Радиоуглеродная хронология чужьяёльской культуры // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 55–69. – DOI: 10.24852/ра2021.3.37.55.69.
31. *Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Шумкин В.Я.* Древние жилища Восточной Лапландии – парадокс заполярной археологии // Археология Арктики. Вып. VII. – Омск : Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – С. 278–299.
32. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). – М. : Наука, 1999. – 155 с.
33. *Королев К.С.* Керамика гляденовского типа на многослойных памятниках Центрального Тимана // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар, 1973. – С. 53–62 (МАЕСВ; Вып. 5).
34. *Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П.* Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. – № 185. – М. : Наука, 1986. – С. 43–50.
35. *Логина Э.С.* Поселение Чудгудорьяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1993. – С. 41–59 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 12).
36. *Лузгин В.Е.* Древние культуры Ижмы. – М. : Наука, 1972. – 127 с.
37. *Лузгин В.Е.* Неолитические стоянки Центрального Тимана // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. – Сыктывкар, 1973 а. – С. 24–46 (МАЕСВ; Вып. IV).
38. *Лузгин В.Е.* Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар, 1973 б. – С. 22–34. (МАЕСВ; Вып. 5).
39. *Лузгин В.Е., Мурыгин А.М., Карманов В.Н.* Археологические памятники бассейна реки Сула (Малоземельская тундра) // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока / Отв. ред. А.В. Волокитин. – Сыктывкар, 2015. – С. 53–70 (МАЕСВ; Вып. 19).
40. *Майстренко Д.А., Карманов В.Н.* Каменная индустрия рубежа эпох бронзы и железа (по материалам поселения Ораловское озеро II на реке Вишере) // Поволжская археология. – 2022. – № 3 (41). – С. 170–187. – URL: <https://doi.org/10.24852/ра2022.3.41.170.187> (дата обращения: 14.10.2024).
41. *Павлов П.Ю.* Палеолит // Археология Республики Коми. – М. : ДиК. – 1997. – Ч. 3. Гл. 1. – С. 44–90.

42. Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – Вып. 1 (33). – С. 33–45.
43. Павлов П. Ю. Средний и верхний палеолит северо-восточной части Восточно-Европейской равнины // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : Атлас-монография / Отв. ред. В. М. Котляков, А. А. Величко, С. А. Васильев. – М. : ГЕОС, 2014. – С. 128–140.
44. Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. – № 92. – М. : Наука, 1962. – С. 71–75.
45. Селезнева О. М. Каталог археологических коллекций. – Инта, 1999 / НА ИКМ. Р. 569.
46. Семенов В. А., Несанелене В. Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета) : Учебное пособие. – Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 1997. – 172 с.
47. Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. – М. : ТАУС, 2009. – 215 с.
48. Сорокин А. Н. Мезолитоведение Поочья. – М. : ИА РАН, 2008. – 328 с.
49. Стоколос В. С. Древние поселения Мезенской долины. – М. : Наука, 1986. – 191 с.
50. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. – М. : Наука, 1988. – 256 с.
51. Стоколос В. С. Отчёт о полевых исследованиях Печоро-Мезенского археологического отряда в 1984 г. – Сыктывкар, 1985 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 332, 333; 22, 44 лл.
52. Стоколос В. С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар, 1973. – С. 35–52 (МАЕСВ; Вып. 5).
53. Стоколос В. С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. – М. : ДиК, 1997. – С. 213–246.
54. Хлобыстин Л. П. Крайний северо-восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. – 1973. – № 172. – С. 54–65.
55. Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. – М. : Наука, 1985. – 169 с.
56. Pavlov P., Svendsen J-I., Inderlied S. Human Presence in European Arctic nearly 40 000 years ago // Nature. Vol. 413. – № 43. – 2001. – P. 64–67.

«ТАЙМЫРСКАЯ НАХОДКА»: ФАКТЫ И ВЕРСИИ

ИСТОРИЯ «ТАЙМЫРСКОЙ НАХОДКИ»

Информация о «Таймырской находке» научным сообществом была получена случайно. Это произошло в результате открытия стоянки русских мореходов XVII в. на безлюдном о. Фаддей Северный членами экипажа гидрографического судна (далее — г/с) «Норд», осуществлявшими работы Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции в море Лаптевых 12 сентября 1940 г. Памятник на о. Фаддей Северный был обнаружен членами команды г/с «Норд» 14 сентября 1940 г. во время рекогносцировки побережья о. Фаддей Северный (илл. 1).

Илл. 1. Остров Фаддей Северный и залив Симса. Современная карта

Первооткрывателями памятника XVII в. на о. Фаддей Северный 14 сентября 1940 г. стали члены топографического отряда Восточно-Таймырской экспедиции ГУСМП в составе топографа Н. И. Линника, гидрографа А. С. Касьяненко, матроса П. Я. Кирина и моториста Е. В. Истомина (Окладников, 1948). За два дня до этого события они высадились с г/с «Норд» на западном берегу о. Фаддей Северный и разбили лагерь.

В этот день отряд направился в рабочий маршрут от своей палатки, поставленной на западном берегу острова, на северо-восток. На расстоянии 2 км от начала маршрута матрос П. Я. Кирилин заметил блестящие на солнце на узком пространстве между разрушенными каменными глыбами и тундрой торчащие из земли медные котлы» (Окладников, 1948. С. 118).

Сначала отряд хотел двинуться дальше, решив, что котлы оставили члены экспедиции Амундсена в 1919 г., но передумали и обследовали находку П. Я. Кирина. 17 сентября 1940 г. отряд вернулся на судно. 25 сентября Н. И. Линник и А. С. Касьяненко написали рапорт о находке заместителю начальника Восточно-Таймырской экспедиции Л. И. Сеньковскому. В рапорте они перечислили находки и приложили к ориентировочной схеме расположения найденного (Окладников,

1948. С. 118). В настоящее время оригиналы рапортов топографов нам обнаружить не удалось, но мы продолжаем поиски.

26 сентября 1940 г. по распоряжению Л. И. Сеньковского члены отряда в расширенном составе — Н. И. Линник, А. С. Касьяненко, старпом Л. А. Высоцкий, завхоз г/с «Норд» П. Н. Кузьмин, геодезист В. П. Ступак, рабочий Е. В. Безбородов — вторично обследовали место обнаружения котлов. Раскопки на месте памятника на о. Фаддей Северный заняли у исследователей целый день. В рапорте от 26 сентября 1940 г. на имя Л. И. Сеньковского А. С. Касьяненко и Н. И. Линник описали свои находки и сообщили, что выбрали всё, что смогли, выворотив камни. На месте работ они установили гурий¹ (Окладников, 1948. С. 119–120). С 27 по 28 сентября члены отряда занимались заготовкой дров и моржового мяса, а 29 сентября 1940 г, вернувшись на судно, составили опись найденных вещей (Окладников, 1948. С. 121).

Вскоре судно встало на зимовку около мыса Фаддея. Во второй половине апреля 1941 г. Н. И. Линник, матрос И. Г. Малыгин и каюр Л. П. Рыкалов отправились на заготовку дров на берег залива Симса, расположенного в 70 км от мыса Фаддея. В заливе Симса они обнаружили остатки избушки. Отрядом Линника она была разобрана на дрова. Сохранились только два нижних венца, и то потому, что они были сложены из мокрых и промёрзших бревен (Окладников, 1948. С. 121). Раскопки пространства внутри избушки не производились, так как вся местность была покрыта снегом, а земля промёрзшей.

30 июня 1941 г. в залив Симса, где стояла избушка, пришли два топографических отряда: 1) Н. И. Линника и 2) А. С. Касьяненко. В отряд Н. И. Линника входили матросы И. Г. Малыгин, П. Я. Киринов и Е. В. Безбородов. В отряд А. С. Касьяненко — моторист Ф. В. Саблуков и ещё три человека. Ф. В. Саблуков, отправившись на охоту на уток, снова заметил остатки избушки. Около входа в неё лежали медные котлы, аналогичные тем, которые топографы обнаружили на о. Фаддей Северный.

С 30 июня по 1 июля 1941 г. раскопки в избушке производили Н. И. Линник, И. Г. Малыгин, Е. О. Безбородов и П. Я. Киринов. 2 июля был составлен акт о проведённых работах и опись находок. Некоторые вещи, как указал Б. О. Долгих, в этот акт не были внесены и были обнаружены в составе «фаддеевской коллекции» в музее Арктики им позднее (Окладников, 1948. С. 122). 12 июля отряд Линника покинул залив Симса и перешёл на полуостров Ласиниуса.

В 1944 г. экипаж г/с «Якутия» продолжил работы в районе залива Симса. В 1944 г. член экипажа г/с «Якутия» каюр А. А. Широких самостоятельно посетил место раскопок на острове, извлёк из гальки счётный жетон, как позднее выяснилось, работы немецкого мастера Краувинкеля, а также, *«разгребая руками песок, извлёк куски синего мундирного сукна»* (Окладников, Якунина, 1947. С. 23).

В августе 1945 г. на о. Фаддей Северный высадился археологический отряд Ленской экспедиции Института истории материальной культуры и Института Арктики и Антарктики, который возглавил молодой археолог А. П. Окладников. Именно ему удалось провести здесь единственные в истории этих памятников профессиональные археологические раскопки.

Впервые мысль о выдающемся значении «Таймырской находки» высказал её первый музейный регистратор, этнограф-сибиревед Б. О. Долгих (Долгих, 1942. С. 23). Он был уверен, что гидрографы много сделали для сохранения «Таймырской находки». Они первыми, пусть и непрофессионально с археологической

¹ Гурий — пирамида из каменных плиток.

точки зрения, провели раскопки. Гидрографы, а точнее, члены топографического отряда Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции составили план сделанного ими раскопа (он не сохранился), сделали список находок, передали собранные вещи в Музей АНИИ². На двух памятниках (о. Фаддей Северный и залив Симса) в 1941 г. было собрано более 4000 исторических артефактов русской и европейской материальной культуры XVII в., и это в условиях, когда историческая наука располагала весьма скудными сведениями о культуре русских полярных мореходов этого времени. Б. О. Долгих также первым высказал версию о том, что оба памятника были оставлены членами одной и той же торгово-промышленной экспедиции. Его мысль поддержал археолог А. П. Окладников. Он писал: *«Вследствие кораблекрушения или по какой-то иной причине они высадились на материке — заливе Симса, где и остановились в рубленой избушке. Часть их здесь погибла, т. к. в избушке оказались останки двух человеческих костяков. Судьба остальных неизвестна. Но они, очевидно, побывали на о. Фаддея, где найдены также вещи»* (Окладников, 1943. С. 112–126). Вслед за Б. О. Долгих и А. П. Окладниковым историко-культурное и научное значение открытых в 1941 г. на о. Фаддей Северный и в заливе Симса памятников с помощью разнообразных аргументов доказывалось в трудах отечественных историков, археологов, этнографов и источниковедов.

Именно А. П. Окладникова, как одного из первых исследователей, которые занимались историей торгово-промышленной экспедиции XVII в., следы которой сохранились на о. Фаддей Северный и в заливе Симса, волновали вопросы: кто были эти люди, каков был их маршрут и какие цели преследовала их экспедиция, какие страны и народы они посетили и с какими целями они рисковали своими жизнями (илл. 2). Он также обратил внимание на то, что эта экспедиция сегодня

Илл. 2. А. П. Окладников (справа) на развалинах избушки в заливе Симса. Август 1945 г.

² АНИИ — Арктический научно-исследовательский институт.

может рассматриваться как крупное историческое событие. А. П. Окладников первым понял, насколько важен тот культурно-исторический и природный контекст, в системе которого происходило освоение русскими полярными мореходами побережья Северного Ледовитого океана в XVII в.

Внимательно исследовав условия расположения артефактов на местности, А. П. Окладников пришёл к выводам, которые во многом противоречили умозаключениям гидрографов и даже идеям Б. О. Долгих. Сегодня мы можем выделить два наблюдения, приближающие нас к разгадке тайн, которые скрывают памятники на о. Фаддей Северный и в заливе Симса.

Во-первых, это мысль о том, что о. Фаддей Северный — это место временной вынужденной стоянки только одной группы полярных землепроходцев. Люди приплыли на остров на лодке, явно меньшей по размеру, чем коч³ (фрагменты этой лодки были в 1945 г. обнаружены А. П. Окладниковым рядом с участком земли, вскрытым гидрографами). Это был временный лагерь полярных первопроходцев. Обустроить стоянку, даже поставить лёгкий навес от ветра и разжечь костёр, которые позволили бы хоть как-то обжиться на берегу, они не успели. Подкрепить силы они смогли только съеденной крупной морской рыбой, две чешуйки которой А. П. Окладников нашёл в 1945 г. Он писал: *«О том, что люди здесь действительно были, хотя бы небольшое время, подтверждают найденные в культурном слое чешуйки рыб; совершенно невероятно, чтобы эти чешуйки были доставлены издалека вместе с вещами. Скорее всего, они остались после ловли рыбы на этом же месте, тем более что тут же оказались и полавки рыболовной сети, которой могли бы эту рыбу поймать»* (Окладников, Якунина, 1947. С. 83). Далее он указывал в тексте «Описания...»: *«Таким образом устанавливается с полной ясностью, что все эти вещи были разбиты, частично рассеяны по всей площади мыска ещё в старину, задолго до раскопок, произведённых в 1941–1941 гг. и в 1944 г. этот вывод подтверждается и тем обстоятельством что в щелях между камнями, где находились кусочки меха, рос мох. Мхом были покрыты и некоторые кусочки меха; их, следовательно, ничем не закрывали, а оставили прямо на поверхности между камнями»* (Окладников, Якунина, 1947. С. 41). Оценив сложности обстановки, в которой они оказались, мореходы не стали организовать тайник: укрывать часть ценных вещей каменными плитами, кусками плавника или досками от разбившейся лодки: *«Сверху лежали обломки досок в том числе один, хорошо сохранившийся со сверленными дырками и забитыми в них деревянными гвоздями от лодки»* (Окладников, Якунина, 1947. С. 38). Мореходы просто разложили вещи для просушки. Но собрать своё имущество они не смогли. Ветра, дожди, животные разметали оставленные без присмотра на галечном валу вещи. Часть вещей была замята галькой, часть укрыта разрушившимися за столетия плитками сланца, отломившимся от гребня возвышенности. В отличие от памятника на о. Фаддей Северный, избушку в заливе Симса со всей уверенностью можно считать долговременным жилищем членов той экспедиции. Сегодня, судя по снимкам места, где была избушка, от неё осталось только одно большое бревно, лежащее поодаль (Филин, 2020. С. 1–7). Вопрос о том, как могло случиться, что почти 400 лет простояло зимовье, которое в 1941 г. описали в рапорте топографы, сегодня ничего не осталось, пока загадка для науки. Но именно так исчезают археологические памятники в Арктике, которых касается рука исследователей (например, зимовье В. Баренца).

³ Коч — это русское морское парусно-гребное судно поморов и сибирских промышленников; деревянное, однопалубное, промысловое, размерами меньше ладьи, использовавшееся в XI–XIX вв.

Во-вторых, авторы «Описания...» (Окладников, Якунина, 1947) пришли к заключению, что после совместного пребывания в избушке в заливе Симса члены экспедиции разделили имущество на две почти равные половины. Часть членов экспедиции уплыла на о. Фаддей Северный, а другая осталась в избушке. Приплывшие к о. Фаддей Северный мореходы везли с собой орудия промысла: рыболовные сети, грузила, ловушки, стрелы, колчан, а также военное снаряжение: пицаль (притом не одну пицаль, а, как выяснилось позднее, три пицали). Одну из трёх фрагментарно сохранившихся пицалей обнаружил геолог и полярный историк В. А. Троицкий на берегу о. Фаддей Северный в 1971 г. Тот факт, что на памятниках побывали члены одной экспедиции XVII в., подтверждает наличие однотипной по составу «денежной казны». Часть монет, обнаруженных на о. Фаддей Северный, вероятно, была зашита в пояс или вложена в какую-то часть одежды. *«Особенно много меха у самого ребра плиты, там же сосредоточены и различные изделия: бусы, часто вдавленные и как бы втоптаннные в глинистую почву, лежащую под камнями и между ними, один орнаментированный костяной предмет в виде половинки набалдашника, кусок свинца — сырьё для изготовления пуль, имеющий форму усеченной пирамидки и довольно много монет. Монеты мелкие, серебряные. Они лежали кучкой, на самом дне “культурного слоя” непосредственно на глинистом полу. Расчищая их, можно было убедиться, что монетки располагались прядкой, плотно прижатые друг к другу так, как они должны были бы помещаться, будучи зашитыми в пояс, или в чем-либо другом. Никаких следов ткани при них, тем не менее не обнаружено»* (Окладников, Якунина, 1947. С. 39). Как полагал А. П. Окладников, часть «денежной казны» — это личное имущество одного из членов той экспедиции.

Научная литература о памятниках на о. Фаддей Северный и в заливе Симса. Начиная с эпохи географических открытий, интерес мирового научного сообщества к геополитическому, экономическому и военному статусу российской Арктики усиливался. Иностранцами источниками по Русской Арктике остаются дневник Г. де-Фера, спутника В. Баренца (De Veer, G., 1975), труды Н. Витсена (Витсен, 1996), С. Герберштейна (Герберштейн, 1988), Дж. Шиллинглоу (Shillinglaw, 1850), а также статьи британского ежегодника по истории картографии «Imago mundi», в котором публиковались работы Л. Барроу (Bagrow L., 1958; 1962; 1975). В основном, это публикации информационного толка, основанные на переводных русских источниках об истории русских географических открытий в Арктике, в которых бегло упоминается историческое значение «Таймырской находки» (Armstrong T. E., 1958).

С момента появления первых газетных статей о памятках в заливе Симса и на о. Фаддей Северный до научно-просветительных публикаций 2020-х годов историография о материалах «Таймырской находки» исчерпывалась русскоязычной литературой. Отсутствие иностранных монографических источников по этой теме, как нам представляется, имеет два объяснения.

Во-первых, Сибирь широко известна на Западе исключительно как место расположения ГУЛАГа.

Во-вторых, у иностранных историков не сложилась традиция воспринимать русских землепроходцев, промышленников, торговцев, служилых людей (казаков), осваивавших крайний север Сибири, как людей, которые совершали географические открытия (Интервью с Р. Блан, 2022). За исключением монументальной коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951), небольшой серии научных трудов разных авторов, в публицистической литературе преобладают беглые упоминания об этих памятниках, порождая ошибочное представление

о достаточной изученности «Таймырской находки» и невозможности однозначно ответить на ряд важных вопросов о маршруте экспедиции, её социальном составе и дате её осуществления. В силу того, что эти вопросы остаются без ответа, необходим краткий обзор научной литературы, представленный ниже в хронологическом порядке.

Борис Осипович Долгих. Первым, кто опубликовал научно-документированную информацию об открытии памятников на о. Фаддей Северный и в заливе Симса, был красноярский этнограф, специалист по культуре нганасан **Борис Осипович Долгих** (Долгих, 1942). Результаты первой научной обработки этих археологических артефактов он изложил в статье, написанной для публикации в журнале «Проблемы Арктики» (№ 2, 1943). Но журнал вышел без статьи Б. О. Долгих. Нам пока неизвестно, как так получилось, что полный текст статьи был опубликован в приложении к монографии А. П. Окладникова «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра» (Окладников, 1948). Начинается статья Б. О. Долгих (Долгих, 1948. С. 117–156) информацией об условиях обнаружения находок членами Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции, которую они осуществляли на г/с «Норд» на о. Фаддей. Б. О. Долгих изложил подробности обнаружения и раскопок, которые провели гидрографы, на основании их устных свидетельств (Окладников, 1948. С. 187–193).

В фондах РГМАА хранится рукопись описания «Таймырской находки», сделанная Б. О. Долгих, вероятно, ещё в Красноярске, так как артефакты, составившие «Таймырскую находку», были сначала доставлены в Красноярский краеведческий музей. В рукописи Б. О. Долгих есть отсылки к рапортам топографов, сообщавшим руководству ГУМПС о своих находках. Б. О. Долгих писал, что 1) «Таймырская находка» настолько значительна, что позволяет пересмотреть историю освоения русскими побережья Ледовитого океана и Северной Азии в целом; 2) работа с артефактами ставит 14 трудноразрешимых вопросов их атрибуции и происхождения. На основании расспросов гидрографов, он первым из историков сформулировал версию об одной-единственной торгово-промышленной экспедиции XVII века, оставившей оба памятника (на о. Фаддей Северный и в избушке в заливе Симса). Эту версию он основывает на предположении, что в избушке в заливе Симса были найдены вещи, принадлежавшие заболевшему и умершему в ней вместе с женой/наложницей-нганасанкой руководителю промышленной артели, члены которой, бросив его, ушли в поисках людей вглубь Таймыра. В рукописи Б. О. Долгих (Долгих, 1942. С. 6) указано, что в избушке было найдено 2000 монет. Как он полагал, эти монеты принадлежали руководителю промысловой артели XVII в., зимовавшей в заливе Симса. Именно этому человеку, как предположил Б. О. Долгих, принадлежал кафтан, ювелирные украшения (серебряные перстни) и солнечные часы. Он писал, что из рапортов о работах членов Восточно-Таймырской экспедиции следует, что 26 сентября 1940 г. на о. Фаддей Северный гидрографы в 8–10 метрах от берега моря начали раскопки на месте искусственной насыпи, на которой заметили 2–3 медных котла, топор и торчащее из гальки дуло ружья. Раскопав место находок на 0,5 м, гидрографы собрали найденные вещи, зарыли яму, соорудив из подручных плит гурий.

29 сентября был написан акт о проведённых раскопках. Л. И. Сеньковский в акте от 29 сентября 1940 г. оставил пометку, что забитые досками в бочке 8 котлов и одна сковорода — «котлы, сковороды и миски» — были сданы на ледокольной пароход «Сибиряков», а по прибытию судна в Архангельск эти археологические артефакты с о. Фаддей Северный были переданы в переплавку как утиль. Но Б. О. Долгих привёл не совсем точную информацию: часть медной

кухонной посуды сохранилась. В Музей Арктики были доставлены 1 сковорода, 2 котла и 2 «тазика» (миски). Один из котлов и сегодня хранится в фондах РГМАА, а сковорода и два котла — в Музее ИАЭТ СО РАН в Новосибирске. Из информации Б. О. Долгих о начальном этапе изучения коллекции, т. е. в момент составления списка предметов, уже проявились сложности с учётом археологических артефактов, добытых на месте расположения памятников. Памятнику в заливе Симса не повезло ещё больше. Отряд Н. И. Линника разобрал брёвна, из которых была сложена избушка-зимовье, на дрова, добавив к ним остатки плоскодонной лодки, лежавшие рядом. Всю эту древесину они сожгли в костре, чтобы согреться.

Б. О. Долгих далее писал, что в марте 1941 г. гидрографический отряд с г/с «Норд» возобновил работу, а во второй половине апреля 1941 г. Н. И. Линник, матрос И. Г. Малыгин и каюр Л. П. Рыкалов, отправившись на берег залива Симса, в 70 км от зимней стоянки судна «Норд» обнаружили избушку 2 × 2 м, стоявшую на возвышении из гальки: её внутреннее пространство было разделено двумя брёвнами. Справа от входа была печь из каменных плит. Вернувшись 30 июня 1940 г. к месту, где располагалась избушка, отряд Н. И. Линника у входа в неё нашел медные котлы. Были проведены раскопки, и вещи, которые нашли члены отряда, были описаны в акте от 1 июля 1940 г. Сравнивая списки вещей, указанные в акте от 1 июля 1940 г., со списками вещей, который были доставлены в Музей Арктики в начале 1942 г., Б. О. Долгих увидел, что в тот акт были внесены не все вещи. Кроме того, он указал, что большая часть вещей была обнаружена топографами в отгороженном двумя брёвнами пространстве около печки. В акте от 2 июля о проведённых в избушке раскопках и в устных сообщениях о находках Н. И. Линник указал, что топографы собрали всё, что обнаружили, оставив только остатки саней и три медных котла. Б. О. Долгих составил список найденных артефактов, разделив их на «денежную казну» и археологические предметы. В число археологических предметов вошли 496 (о. Фаддея) и 512 (залив Симса) единиц музейного хранения (Окладников, 1948. С. 135). Самую большую группу артефактов «Таймырской находки» составили монеты: 1386 (о. Фаддея) и 2018 (залив Симса) (Окладников, 1948. С. 135). Среди их были серебряные монеты Ивана III, Ивана IV, Фёдора Иоанновича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Романова. В избушке на восточном берегу залива Симса было найдено, примерно, 700 артефактов. На основании анализа состава «денежной казны», Б. О. Долгих ещё в 1942 г. сделал два вывода.

Во-первых, вещи, найденные гидрографами на обоих памятниках, предлежали людям, целенаправленно (неслучайно) двигавшихся к северной оконечности полуострова Таймыр. Он также назвал пункты, которые могли быть, по его мнению, либо пунктами назначения, либо отправления экспедиции: Белое море, Холмогоры, Пустозерск, рр. Лена, Енисей, Хатанга (Окладников, 1948. С. 149). Наличие пушнины, немецких счётных жетонов, голландских навигационных приборов среди артефактов, найденных на о. Фаддей, наводило его на мысль о том, что землепроходцы двигались с запада на восток (Окладников, 1948. С. 50). Б. О. Долгих создаёт реконструкцию событий крушения судна полярных мореходов XVII в. на о. Фаддей Северный и дальнейшего перехода людей в залив Симса.

Во-вторых, экспедиция состоялась в первые годы царствования Михаила Фёдоровича Романова. Всю совокупность артефактов Б. О. Долгих разделил на функциональные группы: 1) товары для обмена; 2) снаряжение, включая огнестрельное оружие, инструменты. Вывод учёного гласил: землепроходцы были знакомы со вкусами сибирского туземного рынка.

Абрам Исаакович Косой. В 1944 г. информацию об открытии памятников на о. Фаддея и в заливе Симса опубликовал **Абрам Исаакович Косой**, астроном, геодезист, исследователь архипелага Норденшельда и восточного побережья Таймырского п-ова, руководитель гидрографических экспедиций на судах «Торос» (1938 г.) и «Норд» (1940–1941 гг.). Истории открытия обоих памятников в его книге посвящена отдельная глава «Археологические находки» (Косой, 1944). А. И. Косой изложил обстоятельства открытия членами экипажа судна «Норд» места стоянки полярных мореходов, потерпевших крушение у берега о. Фаддей Северный, — избушки в заливе Симса. Он сопроводил описание событий выдержками из рапортов членов команды, которые не сохранились в архиве АНИИ, а также сообщением о плане «раскопок», который осуществили гидрографы, также не сохранившемся. В этой главе он привёл уникальные фотографии членов команды места обнаружения ими археологических артефактов на о. Фаддей Северный, найденных ими ножей, бронзового зеркала, нательных крестов; перечень монет из «денежной казны». На основании описания монет он сделал вывод о том, что оба памятника оставлены членами одной группой полярных мореходов, а также выразил согласие с мнением Б. О. Долгих о том, что оба памятника могут быть датированы двадцатыми годами XVII в. А. И. Косой полагал, что экспедиция совершала путешествие морем с запада на восток, т. е. из российских европейских портов, стараясь обходить таможенные заставы.

Коллективная монография «Исторический памятник русского полярного мореходства XVII века». В 1951 г. свет увидела монументальная коллективная монография, в которой были опубликованы результаты камеральной и аналитической обработки археологических материалов из раскопок на о. Фаддей Северный и в заливе Симса (Исторический памятник ..., 1951). Сразу отметим, что научные работы советских историков отличаются от публицистики последующих периодов идеологической направленностью и методикой изучения фактологического материала. С точки зрения методики эти труды весьма точны. Конкретность исследования обусловлена установкой на тщательный источниковедческий анализ всей доступной информации об артефактах «Таймырской находки». Именно так работали авторы коллективной монографии, которые сделали много ценных научных выводов. Это позволило в середине XX в. составить представление о принадлежности обоих памятников (о. Фаддей Северный и залив Симса) к одной группе русских полярных землепроходцев первой половины XVII в.

Эта публикация обобщила несколько междисциплинарных исследований уникальных памятников землепроходцев XVII в., начатых гидрографами Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции в 1940 г. Их труд был завершён десять лет спустя специалистами разных научных областей: от историков и археологов до химиков. Это было сложное послевоенное время, камеральное изучение «Таймырской находки» велось под эгидой крупнейшей народно-хозяйственной организации, разрабатывавшей стратегические проекты освоения и изучения Арктики, — Главного управления Севморпути и аффилированного с ним АНИИ. Большую организационную роль в деле изучения и публикации материалов памятников сыграло руководство АНИИ 1940-х — начала 1950-х гг., возглавляемое директорами АНИИ В. Х. Буйницким (1942–1947 гг.) и В. С. Антоновым (1947–1950 гг.) (Арктический и Антарктический ..., 1995. С. 6–32), а также исторический отдел АНИИ. В 1960-е гг. этот отдел АНИИ был закрыт, а материалы отдела истории в настоящее время не сохранились (Интервью с директором ..., 2022). Поэтому пока нам не удалось найти документы о том, как именно было принято решение

о начале работ по изучению материалов «Фаддеевской коллекции», по какому принципу и кем выбирались учёные, осуществлявшие эту работу, на каких условиях они работали, кем и когда было принято решение о публикации результатов их работы.

Тем не менее в Архиве РАН (СПб.), в фонде А. П. Окладникова мы разыскали документы, которые проливают свет на подготовку статей коллективной монографии к печати. Первоначально в монографии планировалось опубликовать 30 научных статей. Но, согласно найденным нами документам, коллективная монография в 1951 г. была подготовлена к изданию как сборник 29 научных статей. В статьях содержалось описание артефактов и выводы учёных. Монография сопровождается научными указателями, рисунками и таблицами иллюстраций. Работа по подготовке коллективной монографии прошла длительный путь редактирования и согласований на уровне дирекции и редакционного совета АНИИ. Эта работа была направлена на поддержку духа социального оптимизма у читателей, охватившего страну после победы в Великой Отечественной войне, пусть даже в ущерб фактологии.

В «Предисловии» к коллективной монографии указывалось, что археологические материалы, добытые усилиями двух экспедиций (1940 и 1945 гг.), два года (1946–1947 гг.) тщательно изучались большим коллективом специалистов — археологов, историков, этнографов, нумизматов, ботаников, антропологов, зоологов, специалистов по истории техники. Всестороннее изучение предметов коллекции полярных мореплавателей XVII в. позволило коллективу авторов сформулировать следующие заключения. Археологические находки на о. Фаддей Северный и в заливе Симса: 1) доказывают первенство русских полярных мореходов XVII в. в деле прокладки Северного морского пути, а также высвечивают ту важную роль, которую играли русские полярные мореходы в географических открытиях в приполярной Азии; 2) подтверждают прогрессивную роль великого русского народа в освоении Севера; 3) доказывают направление движения торгово-промышленной экспедиции с запада на восток, в обход с севера Таймырского полуострова в направлении района р. Хатанги и низовья р. Лены; 4) устанавливают датировку археологических материалов первой половиной XVII века; 5) доказывают факт, что члены экспедиции были опытными моряками, владевшими мореходной культурой; 6) подтверждают важную экономическую и даже политическую миссию членов экспедиции, распространявших в ходе обменных операций с аборигенным населением влияние русской культуры (бронзовое зеркало); 7) выявляют вклад русских полярных мореходов в расширение границ Московского государства в XVII в. (Исторический памятник..., 1951. С. 3). Также в «Предисловии»:

1) дано достоверное описание истории открытия обоих исторических памятников XVII в. (А. П. Окладников, Б. О. Долгих);

2) представлено подробное описание археологических работ на обоих памятниках (1945 г.), которое сопровождалось фотографиями и планами расположения памятника (о. Фаддея) и раскопов (о. Фаддей и залив Симса) (А. П. Окладников), поквдратным описанием находок на обоих раскопах. Работы на обоих памятниках (1945 г.) показали, что исторический материал, обнаруженный на месте раскопок, оказался богаче и интереснее, чем его описывала не только народная молва, но и Б. О. Долгих, первым их опубликовавший (Окладников, 1951. С. 28);

3) датировка памятников обозначена периодом 1615–1617 гг., т. е. можно считать её доказанной по составу «денежной казны» (Окладников, 1951. С. 27);

4) обломки судна и наличие навигационных приборов позволяют признать это доказательством движения экспедиции морем (Окладников, 1951. С. 28);

5) сочетание в находках трёх групп предметов: а) *европейской* (английские оловянные тарелки, немецкие часы-компасы, счётные немецкие жетоны, б) *аборигенной* и в) *русской*. Это доказывает широту русского культурного влияния на севере Азии (Окладников, 1951. С. 28).

Итак, сегодня листая пожелтевшие страницы коллективной монографии, мы понимаем, что это фундаментальное научное издание, в основе которого лежат материалы профессионального археологического исследования, осуществленного отрядом А. П. Окладникова в 1945 г. Сегодня, спустя более 80 лет с момента открытия стоянки русских полярных мореходов на о. Фаддей Северный, необходимо отдать должное усилиям учёных, которые в трудное для страны военное время в крайне стеснённых материальных и человеческих условиях совершили научный подвиг — раскопки на о. Фаддей Северный и в заливе Симса.

Материалы, которые в настоящий момент находятся в собраниях российских музеев (ГИМ⁴ (Москва), РГМАА⁵ (Санкт-Петербург), ИАЭТ СО РАН (Новосибирск)), представляют необыкновенный интерес. Этот интерес не угасает и сегодня, ибо, чем более тщательно обрабатывались за последние годы материалы этих двух памятников, тем возникало больше вопросов, связанных с ними.

То, почему до сих пор остаются неразрешёнными эти вопросы, сопрягается с другим комплексом проблем, которые высвечивают исторический фон освоения русским населением северных территорий. Эти вопросы следующие: какие причины мотивировали людей из центральных и южных районов Русского государства двинуться в негостеприимные и холодные просторы, освоить побережья морей Северного Ледовитого океана? Откуда шли эти люди и каковы были их маршруты? Как складывались их взаимодействия с местным населением? Какова была картина мира и каков был состав этих социальных групп? Какими особенностями обладала их материальная и духовная культуры?

На одной из исторических конференций, где были озвучены идеи, связанные с материалами «Таймырской находки», прозвучал вопрос: почему к открытым 1940–1941 гг. стоянкам на о. Фаддей Северный и в заливе Симса была организована только одна-единственная специальная археологическая экспедиция (1945 г.), а по случаю эти памятники посетили члены ещё двух экспедиций (1970 г. и 2020 г.) с ознакомительными целями? Почему эти уникальные памятники русской культуры XVII в. не раскапывали так же планомерно в течение многих лет, как, например, Новгород?

Тому есть несколько причин. *Первой* из них является суровая природа Арктики и расположение памятников на побережье одного из морей Ледовитого океана — моря Лаптевых. Полярные климатические условия способствуют развитию крайне неустойчивых особенностей ландшафта, то обнажая большие участки берега, то закрывая их галькой, сковывая ледниками на долгие годы. Первооткрывателям памятника очень повезло с климатической ситуацией. В XVII в. освободились ото льда те части прибрежной линии, на которых и были обнаружены следы стоянок землепроходцев.

Вторая причина заключается в том, что археологические исследования в этих северных широтах, как и в прошлые десятилетия, сегодня затруднены не только климатическими условиями. Эти работы требуют больших финансовых вложений и усовершенствованных технических возможностей. Поэтому сравнение с многолетними систематическими раскопками Новгорода или Пскова, ни по площадям,

⁴ ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.

⁵ РГМАА — Российский государственный музей Арктики и Антарктики.

ни по количеству артефактов для столь компактных памятников, по сути дела, временных стоянок, нам представляется некорректным. Выбрать все находки на месте стоянок на о. Фаддей Северный и в заливе Симса, наверное, никогда не удастся, так как подвижный галечный покров будет постоянно выдавливать на поверхность монетки и голубые стеклянные бусины или даже крупные предметы, такие как пицаль, которую нашёл и привёз в Ленинград полярный исследователь В. А. Троицкий в 1970-е гг.

Третья причина заключается в том, что обоим памятникам повезло много больше, чем аналогичным местонахождениям на берегах Ледовитого океана (о. Котельный, о. Б. Бегичев др.), о материалах которых сохранились только полуполюгендарные сведения. Напомним, что именно на о. Фаддей Северный и в заливе Симса работали четыре экспедиции (1940–1941 гг.; 1945 г.; 1971 г.; 2019 г.), только одна из которых была археологической (1945 г.). Тем не менее вокруг памятников на о. Фаддей Северный и в заливе Симса сложился свой местный фольклор. Одной из легенд стал рассказ жителей пос. Хатанга о кладе золотых монет, которые топографы нашли на о. Фаддей Северный. На этот факт обратил внимание геолог С. В. Обручев.

Сергей Владимирович Обручев. В 1973 г. увидела свет его книга «Таинственные истории» (Обручев, 1973). Известный геолог, полярный исследователь, а в будущем и академик, С. В. Обручев в 1920–1940-х гг. работал на Колыме, Индигирке, в Якутии, будучи сотрудником Всесоюзного Арктического института. В одной из глав этой научно-популярной книги, посвящённой пребыванию русских полярных мореходов на Таймыре в XVII в., Обручев обобщил имеющуюся в его распоряжении информацию о находках на о. Фаддей Северный и в заливе Симса. Критический анализ источников по истории открытия и изучения этих памятников, в частности, опубликованный в коллективной монографии (Исторический памятник ..., 1951), заставил С. В. Обручева разделить исторические факты на две группы: **достоверные** и **недостоверные**. К достоверным он отнёс: 1) датировку плавания торгово-промышленной экспедиции, следы которой были обнаружены на о. Фаддей Северный и в заливе Симса (1618–1619 гг.); 2) факт того, что экспедиция, оказавшись на восточном побережье Таймыра, разделилась на две группы. Одна группа оставалась в зимовье на берегу залива Симса, а вторая уплыла на о. Фаддей Северный; 3) основной рацион тех, кто жил в избушке, составляли песцы. Три человека, которые остались в зимовье, умерли в ноябре — декабре, когда песцы в ходе ежегодных миграций ушли, и для зимовщиков наступил голод; 4) шкурки соболя составляют меньше половины всех найденных шкур животных, включая фрагменты шкур собак, оленя и песцов. Это указывает на то, что зимовщики, обосновавшиеся в избушке в заливе Симса, пришли из долины Енисея, возможно, из Мангазеи, где совершали обменные операции с местными жителями.

К историческим фактам, которые требуют объяснения, т. е. являются недостаточно достоверными, С. В. Обручев отнес следующие: 1) отсутствие следов коча (крупного судна длиной 16–17 м) около избушки в заливе Симса, на котором члены экспедиции пришли в залив. Отсутствие следов коча на о. Фаддей Северный, а наличие только фрагментов лодки (карбаса, шлюпки, шитика), которую ставили на коч, и на которой, вероятно, на о. Фаддей и были доставлены найденные там вещи мореходов XVII в.; 2) исходное количество кочей С. В. Обручев старался определить по количеству часов-компасов. Так, трое часов и два компаса были найдены в заливе Симса, и только одни компасные часы — на о. Фаддей Северный. Это, по мнению С. В. Обручева, свидетельствует о том, что кочей было несколько

(два и более), а на берег о. Фаддей Северный имущество экспедиции было доставлено только на одном карбасе, спущенном на воду с коча после того, как его затёрло льдами или он сел на камнях рядом с островом; 3) если бы в избушке зимовали более трёх человек, по весне отправившихся на о. Фаддей Северный, то следов их пребывания в зимовье должно было остаться больше. Поэтому, как полагал С. В. Обручев, делёж имущества состоялся в заливе Симса, куда с запада, обогнув Таймыр, приплыла экспедиция. Экспедиция проделала путь от Тобольска или от устья Северной Двины до Мангазеи за одно лето. Далее, как и промышленник-двинянин Кондрашка Курочкин в 1610 г., шедший от Туруханска к устью Енисея, они смогли выйти к Ледовитому океану. Кондрашка Курочкин сообщал, что «...проезд с моря к енисейскому устью есть... большими кораблями в Енисей пройти можно» (Обручев, 1973. С. 289). На каждой реке, освоенной русскими, на Лене, на Оби; в Туруханске, в Енисейске, сооружались верфи, где строили кочи. Члены экспедиции могли купить там кочи или построить самостоятельно. Строительство коча обходилось от 60 до 300 рублей (Белов, 1977. С. 41–53); 4) без ответа остаётся вопрос о том, почему оружие, рыболовные снасти и охотничьи принадлежности оказались в абсолютном большинстве на о. Фаддей Северный, «денежная казна» была разделена между двумя группами людей в пропорции 3/4, притом большая часть монет оказалась, опять-таки, на о. Фаддей Северный. Возможно, что те, кто остался в избушке в заливе Симса, тоже разделились, и по первому снегу осенью, взяв всё оставшееся оружие и охотничьи снасти, ушли на санях на юг полуострова; 5) полатей в избушке быть не могло, так как дым в таких зимовьях, которые топились по-чёрному, стелется очень низко. Следовательно, в избушке не могло зимовать более пяти человек. Останки трёх человек были вытаснены дикими зверями за пределы избы; 6) фрагменты бумаги с текстом были втиснуты в ножны «кортика» для того, чтобы укрепить нож в расшатавшихся ножнах; 7) условия первичных раскопок, восстановленные Б. О. Долгих, указывают на то, что многие ценные вещи так и не попали в коллекцию Музея Арктики в начале 1940-х гг.

Юрий Викторович Чайковский. В книге Ю. В. Чайковского памятникам на о. Фаддей Северный и в заливе Симсе посвящён отдельный очерк (Чайковский, 2015. С. 33–61) и приложение к нему (Чайковский, 2015. С. 274–284). В начале очерка автор даёт географическое определение п-ва Таймыр как северной оконечности Евразии, до 1932 г. лишённой каких бы то ни было поселений. Тем не менее со стороны океана, как он писал, север Евразии осваивался русскими первопроходцами: на крайнем юго-западе Северной Земли, на мысе Неупокоева в XVI в. (?) был установлен деревянный столб, а в 60 км от м. Фаддей (северо-восток Таймыра) в XVII в. погибли землепроходцы, потерпевшие кораблекрушение на о. Фаддей Северный (Белов, 1951. С. 34). Описывая состав обнаруженных на о. Фаддей Северный и в заливе Симса артефактов, он писал, что меховой одежды, кроме вязаных рукавиц и носков, обнаружено не было, зато были найдены фрагменты шёлковой ткани, английское сукно, золотое шитьё, фрагменты мужских сапог на высоком наборном каблуке, изящные ювелирные украшения, серебряные наперсные кресты, немецкие часы-компасы, английские тарелки. Это указывает на то, что обладателями этих вещей были не простые охотники и рыболовы, а состоятельные люди, возможно, иностранцы (Чайковский, 2015. С. 35). Также были найдены вещи местных жителей тундры. Особое внимание Ю. В. Чайковский уделил деревянной казачьей атаманской «булаве»⁶, подтверждавшей его мысль

⁶ Этот артефакт не сохранился в «фаддеевской коллекции», но, возможно, был томаром.

о том, что участники экспедиции не были охотниками и даже торговцами, а были беглецами, уходившими от погони, т. е. «воровскими казаками» (Чайковский, 2015. С. 35). Ю. В. Чайковский составил их «финансовый портрет», который подтверждал его мысль, что обладатели 34-х рублей, даже при условии наличия « меховой казны» и других ценных вещей в XVII в., не принадлежали к числу богатых русских торговцев. Служилый человек мог вернуться в Россию из Сибири только двумя путями: через Тобольск или через «Камень» (этот путь был уже заброшен в то время) в составе торговой экспедиции, где были стрельцы, или ватаги разбойников. Автор очерка предложил свою версию социального состава экспедиции, описав его так: небогатый служилый (ему принадлежала «казённая грамота», разрешавшая членам экспедиции проезд по Сибири); разнородная «ватага», которую этот служилый называл своими работниками; владелец товаров, который за всё платил; богатый разбойник, командовавший всеми и указывавший путь к морю; мореходы (Чайковский, 2015. С. 42; 53–54).

Ю. В. Чайковский отверг несколько высказанных более ранними исследователями гипотез о происхождении памятников, раскритиковал «дутый патриотизм» эпохи позднего сталинизма, которым, как он полагал, были проникнуты статьи авторов коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951) (Чайковский, 2015. С. 51–53). Он отверг версию Б. О. Долгих и А. П. Окладникова о западном направлении движения экспедиции, назвав её *«неоправданной и догматической, сделанной в угоду идеологическому заказу того времени»*. Ю. В. Чайковский описал ситуацию по подготовке сборника (Исторический памятник..., 1951) к печати как яркий пример борьбы с *«космополитизмом и возвеличивания исторической миссии русского народа и продвижения патриотических идей»*. Он также оспорил выводы историков о прогрессивном влиянии русских людей на автохтонное население Северной Азии, утверждая, что экспансия русских на побережье Северного Ледовитого океана принесла с собой разорение природы и вымирание местных жителей. Автор очерка обратил внимание на то, что в первые годы после открытия памятников формирование «фаддеевской коллекции» происходило случайно и не отличалось системностью. Ю. В. Чайковский выступил с собственной версией целей экспедиции, полагая, что её члены двигались с юга, вероятно, из южной части бассейна р. Хатанги, а именно: от слияния Хеты и Котуя. Беглецы были не подготовлены к столь сложному путешествию (Чайковский, 2015. С. 99). В целом же Ю. В. Чайковский не отрицает, что люди, продвинувшиеся столь далеко на север, осуществили подвиг (Чайковский, 2015. С. 274–284).

Павел Анатольевич Филин. В 2020 г. историк Русской Арктики П. А. Филин опубликовал статью о результатах посещения экспедицией Северного флота и РГО при участии Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) о-ва Фаддей Северный и залива Симса. Он подчеркнул, что материалы двух памятников русской культуры XVII в. являются доказательствами поэтапного освоения русскими полярными мореходами высоких широт уже в XVII в. Он также сетовал, что до сих пор осталось много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: неизвестны имена этих мореходов, направление их движения, количество членов экипажа и др. За более чем 80 лет, прошедшие с момента открытия памятника на о. Фаддей Северный, геологические процессы и климатические явления изменили ландшафт местности, что затруднило обнаружение следов раскопов не только гидрографов, но и экспедиции А. П. Окладникова (1945). На северной части острова П. А. Филин обнаружил два фрагмента шитой лодки и обтёсанное по плоскостям перо руля лодки (Филин, 2020. С. 3). На месте избушки в заливе

Симса Филин и его спутники увидели свежий след от вездехода, в котором нашли железный топор, девять монет-чешуек, датированных эпохой Ивана Грозного, а также Бориса Годунова, голубые бусы, фрагменты изделий из цветного металла (Филин, 2020. С. 5). Эти находки были сделаны в том месте, куда, по предположению П. А. Филина, гидрографы, первыми раскопавшие избушку, выкидывали галечник в 1940 г. В 70 м к северо-востоку он нашёл фрагменты нарт (один целый полоз и фрагмент второго). находка навела П. А. Филина на мысль, что избушка, действительно, стала последней стоянкой экспедиции. Также он высказал идею о том, что на месте избушки планомерные раскопки А. П. Окладниковым не производились. Всё, что заметил на месте раскопа А. П. Окладникова П. А. Филин, — это следы «выборки из центра бывшей избушки» (Филин, 2020. С. 6).

Мир артефактов «Таймырской находки». Количество артефактов, составивших «Таймырскую находку», оказалось несравненно большим, чем предметов, которые упоминались полярными исследователями на других местонахождениях, например, на месте русского зимовья на о. Бегичев. Первый музейный регистратор вещей этой «находки» Б. О. Долгих условно разделил все артефакты на две крупные группы: 1) «личные вещи мореходов и товары меновой торговли»; 2) «денежная казна».

Обе группы предметов обладают важной для нас коммуникативно-символической составляющей. Артефакты выступают в роли коммуникативных посредников между их владельцами и самой исторической ситуацией, связанной с условиями торговых обменов, в которых эти вещи принимали участие. Иными словами, люди имеют «внешние расширения» — одежду, окружающие их предметы быта, постоянно используют такие каналы коммуникации, как устная речь, и др. Каналы социальных и торговых коммуникаций поддерживают эти внешние расширения, включая практики демонстративного (статусного) поведения. Многие экстраординарные предметы «Таймырской находки» подтверждают эту идею, например, портативные часы-компасы. Шесть таких часов-компасов, сделанных немецкими мастерами XVII в., русские полярные землепроходцы везли с собой в качестве престижного товара. Приобретая такой статусный товар, покупатели демонстрировали свой материальный достаток и вряд ли использовали часы-компасы как навигационные приборы. Станный факт, но портативные часы-компасы пока не были до сих пор найдены среди имущества при раскопках кочей⁷. Для историков находка этих артефактов обладает высокой степенью фиксации информации о путях и размерах торговых коммуникаций, в систему которых были включены русские полярные мореходы XVII в.

Археологические предметы, как известно, немые, в отличие от письменных документов. Заговорить они смогут и тем самым дать нам ответы на пока ещё закрытые вопросы о «Таймырской находке», только будучи подвергнуты источниковедческому анализу. Работая с вещами из этой «фаддеевской коллекции» как историческими источниками, исследователи разных лет старались получить ответ на вопрос о происхождении, условиях обнаружения и датировке «Таймырской находки». Они справедливо полагали, что осуществлённый ими источниковедческий анализ откроет перспективы для получения ответов не только на конкретные вопросы о том, как звали полярных землепроходцев, чьи вещи вошли в «фаддеевскую коллекцию», сколько было экспедиций, оставивших эти памятники XVII в., и каков был их маршрут, но и ответы на более общие историко-культурные вопросы.

⁷ Коч — крупное морское парусное судно.

Основываясь на научных наблюдениях, связанных с изучением артефактов, историки прошлых лет рассматривали вещи «фаддеевской коллекции» с двух критических позиций источниковедческого анализа, а именно: с «*внешней*» и «*внутренней*». Внешняя позиция учитывает сохранность предмета, его подлинность и условия находки. Забегая вперёд, укажем, что недавно применённая палеографом А. Г. Авдеевым в изучении надписей на именных ножах внешняя критика источника позволила ему предложить новое прочтение имен владельца этого ножа (Авдеев и др., 2022. С. 280–294).

Внутренняя позиция акцентирует внимание исследователя на соотношении артефактов с общим историческим контекстом его эпохи, концептуальными моделями его научного описания. С позиций внутренней критики, например, был составлен отзыв литературного редактора коллективной монографии «Исторический памятник русского арктического мореплавания» (1951) С. М. Сергеева о содержании статей авторов.

Обобщая наблюдения историков и археологов, которые изучали «фаддеевскую коллекцию» многие годы, сегодня можно говорить о том, что более чем 600 вещей, ныне хранящихся в трёх музеях РФ и составляющих эту коллекцию, а также «денежная казна» (более 4 000 монет) в неё входящая, разделяются на две крупные группы. К первой группе относятся вещи *личного пользования* членов экспедиции XVII в. Это, как правило, шахматы, поплавки рыболовной сети, свёрла, предметы личной гигиены и благочестия — костяные гребешки, щипчики, а также складень с иконами и ювелирные изделия. Ко второй группе относятся изделия, предназначенные для *продажи и обмена* (колокольчики, медные котлы, сковороды, бусы, топоры, некоторые виды охотничьих принадлежностей и т. п.).

Наличие больших объёмов артефактов в составе «фаддеевской коллекции», полученных в результате работы нескольких экспедиций, начиная с 1941 г., из которых только одна (экспедиция 1945 г.) была сугубо археологической, потребовало их грамотного описания и систематизации. Эту огромную работу выполнял междисциплинарный коллектив авторов в трудные послевоенные годы (1946–1951 гг.) (Исторический памятник..., 1951). На основании проделанной предшественниками работы, а также наших изысканий в архивах, сегодня мы можем, используя принцип функциональной принадлежности артефактов «фаддеевской коллекции», разделить артефакты на следующие группы.

1. **Орудия охоты, оружие, утварь, средства передвижения:** стрелы, кусочки колчана, ножи, фрагменты ножен, части саней (нарт) и обшивки лодки, пицаль, пули, пулелейка, кусочек свинца, утварь (металлические тарелки, железные иголки в деревянной коробочке, металлические ручки от предметов (сундучков?), фрагменты деревянных сосудов, поплавки рыболовных сетей, плотницкие инструменты (топор, долото, рукоятка скобеля, сверло); замки, ключ от замка и др.

2. **Ювелирные изделия и навигационные инструменты:** бронзовое зеркало с изображением Китовраса, православные серебряные нательные кресты, серебряные кольца с камнями, кольца-печати, стеклянные, каменные и металлические бусы, гребешки, шахматы, медные пластины, пуговицы, солнечные часы-компасы.

3. **Одежда:** остатки обуви, фрагменты сукна, из которого был сшит мужской кафтан и сумочка, куски полотна и шелковой ткани; каблуки и подковка от сапог, тканые пояса, фрагменты кожаного ремня и др.

4. **«Денежная казна»:** серебряные монеты разного времени: от правления Ивана III до Михаила Фёдоровича Романова.

5. **Письменные документы:** «грамота» на тряпичной бумаге французского производства с текстом, выполненным московской приказной скорописью начала XVII века (Петров, 1951. С. 154–156), рукоятки именных ножей.

Сегодня артефакты, составившие «Таймырскую находку», хранятся в РГМАА (Санкт-Петербург), ГИМ (Москва) и ИАЭТ СО РАН (Новосибирск). В мае 2023 г. 475 предметов, переданные на хранение из «фаддевской коллекции» РГМАА в Новосибирск в 1980 г., были представлены на выставке ИАЭТ СО РАН «Остроги Сибири» (2023). Среди них на экспозиции оказались уникальные предметы, которые считались утраченными, а именно: орнаментированная суконная сумочка для огнива, до этого времени известная только по акварели М. В. Фармаковского (Архив РАН, Санкт-Петербург), две орнаментированные рукоятки ножей, медные котлы и сковороды, монеты времён Ивана Грозного, красный шёлковый пояс и др.

В целом материалы «фаддеевской коллекции» демонстрируют сочетание находок западноевропейского, аборигенного и русского типов, на что обратили внимание авторы коллективной монографии (Исторический памятник ..., 1951). К числу находок русского типа исследователи относят ювелирные изделия, включая бронзовое зеркало, походные складни, фрагменты одежды, оружие (стрелы, пищали, пули и пулелейку), охотничье снаряжение и хозяйственную утварь, именные ножи с надписями славянской вязью, «денежную казну» (Окладников, 1951. С. 28–29). Согласно общему мнению авторов коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951), большая часть этих предметов составляла обменный фонд торговых операций членов экспедиции. Источниковедческий анализ артефактов может привести к неожиданным выводам. Для их демонстрации нам бы потребовался более развёрнутый анализ предметов «фаддеевской коллекции», чем это возможно, например, в рамках одной статьи.

Тем не менее выскажем некоторые общие идеи, актуальные для формирования представлений о «Таймырской находке» в целом сегодня.

Что касается **фактов**, то сегодня ясно, что материалы из раскопок этих двух памятников XVII в. на побережье моря Лаптевых помогли историкам нашего времени восполнить недостаток информации о включении русскими побережья Ледовитого океана в сферу интересов политики Московского государства в XVII в. В российской историографии XVIII — начала XX вв. этот процесс получил название «русская колонизация» Севера Азии и Сибири. Этот процесс был частью «освоения северных территорий», который реализовался в уходе их «под московскую руку». М. В. Ломоносов именовал его «прирастанием российского могущества Сибирью и Северной Америкой». Начало этого процесса уходит в IX–XIII вв. Информация об этом историческом периоде в летописях скудна. Все доступные историку сведения о бурных событиях, огромной, как разрушительной, так и созидательной деятельности поколений русских первопроходцев, промышленников, крестьян, торговцев, а затем и служилых людей может поместиться «на несколько летописных листах». Для того чтобы создать полную картину, историкам необходимо обладать гораздо большим количеством фактов, чем это написано в древних документах. Памятники на о. Фаддей Северный и в заливе Симса предоставили уникальные материалы, которые могут поведать о реальном содержании этих процессов XVII в. на Севере Азии, в частности освоения русскими Арктики.

Находки на о. Фаддей Северный и на берегу залива Симса показали, что сегодня мы можем рассматривать арктические территории Русского Севера не только как географическое, но и как культурно-историческое понятие. Свидетельство тому — артефакты «Таймырской находки». В. Н. Татищев в «Истории Россий-

ской» даёт им такое определение: *«Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по части овладевали и к Руси приобсчали»* (Татищев, 1994–1996).

Описание континуума исторического знания, в системе которого осуществлялось изучение «Таймырской находки», позволило выявить две исторические школы. В 1930-е годы в СССР формируются две школы научной мысли: **славянофильская** и **партийно-государственная**. Три базовые идеи, лежавшие в основе **славянофильской модели** исторического знания начала XX в.: *почвенность, народность и цивилизационный подход*, возникли в системе имперского сознания учёных и публицистов XIX в. В СССР во главе славянофильской научной школы стояли академики Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров. Влияние этой школы в 1930–1950-е гг. распространилось на этнографию, языковедение и археологию. В силу прямой связи между славянофильством и партийным заказом на народную историю, широкий простор открывался перед цивилизационным подходом в исторической науке. При этом исторический процесс трактовался под государственным углом зрения, т. е. с позиций изучения народной жизни, её социально-экономической хозяйственной составляющей, включая социокультурный и политико-экономический её аспекты. В этой связи проблема освоения русскими торговыми, промышленными (охотниками) и служилыми людьми, а затем и крестьянами северорусских земель с выходом в Арктику обрела в 1940–1950-е гг. идеологическое звучание в этнографии, истории и археологии. Поэтому открытие памятников, оставленных русскими полярными землепроходцами XVII в. в акватории Таймыра, сразу получило широкий научный резонанс. Например, это археологическое открытие заинтересовало создателя школы геологии четвертичного периода и биостратиграфии мезозоя Арктики В. Н. Сакса. В процессе полевых исследований ему удалось воссоздать целостную картину её геологической истории в четвертичном периоде, описать последовательность оледенений, которые чередовались с периодами межледниковья, выявить основные закономерности образования арктических морей и изменений климата. В своей статье В. Н. Сакс отметил, что от опытного взгляда археолога А. П. Окладникова не ускользнули свидетельства того, что на о. Фаддей Северный происходили разительные изменения климата в третичный и четвертичный периоды. *«А. П. Окладников в 1945 г. на о. Фаддея, имеющем высоту 20 м., нашёл эрратические валуны гранита и отшлифованные льдом скалы со шрамами меридионального направления. Здесь же были обнаружены крупные залежи ископаемого льда до 4 м видимой мощности, а также зуб мамонта и предположительно остатки арктического палеолита (типа Кольского полуострова). Открытые на острове следы стоянки русских мореплавателей начала XVII столетия позволяют предполагать последующие поднятие берега на 1 м (судя по положению плавника)»* (Сакс, 1945. С. 90).

Концепция **партийно-государственной модели** исторического знания представлена документами, связанными с предпечатной подготовкой рукописи коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951). Работа литературного редактора С. М. Сергеева и комиссии АНИИ, принимавшей решение о возможности публикации этого фундаментного научного труда, убедительно показывает воздействие идеологической обстановки 1940–1950-х гг. на формирование единого взгляда на происхождение «Таймырской находки» как суммы вещей, принадлежавших членам одной-единственной русской полярной морской торгово-промышленной экспедиции XVII в. Политика «социального оптимизма», связанного с победой советского народа в войне, была созвучна трактовке

членов этой экспедиции как морской и первопроходческой, а цель продвижения полярных землепроходцев толковалась как распространение русской культуры среди коренного населения Северной Азии и Сибири. Несмотря на крайне тяжёлую в финансовом плане ситуацию, сложившуюся в конце войны, для изучения «Таймырской находки» государством были изысканы необходимые ресурсы. В те же годы была осуществлена всесторонняя камеральная обработка уникальных артефактов.

Основные выводы, к которым пришли историки и археологи 1940–1950-х гг., изучавшие артефакты «фаддеевской коллекции» с позиций партийно-государственной модели исторического знания того периода, можно свести к следующим положениям.

Во-первых, анализ материалов раскопок дополнил историческую картину освоения северо-восточного побережья Таймыра, показав, что русские полярные мореходы были первыми, кто прошёл морским путём вдоль побережья Таймыра за два с половиной столетия до экспедиции Н. А. Норденшёльда (1878 г.). Русские же люди первыми проникли в акваторию моря Лаптевых. Они шли к побережью Ледовитого океана, вероятно, из Мангазеи в то время, когда температурный график указывал на пик Малого ледникового периода, который приходится на период 1600–1660-х гг. (Раскопки за полярным...). В реальности это было очень маловероятно. Теория Малого ледникового периода не исключает возможность для русских полярных мореходов первого десятилетия XVII в. обогнуть Таймыр с запада, если учесть периодические локальные флуктуации ледовой ситуации. Так, например, 1932–1935 гг. были вполне благоприятными для мореплавания и способствовали быстрому освоению Северного морского пути. Эта благоприятная ледовая обстановка дала повод В. Ю. Визе заявить о потеплении в Арктике, что даже несколько «расслабило» руководство ГУСМП. На практике это обернулось большой трагедией 1937 г., когда практически весь флот Главсевморпути, включая ледоколы, был заморожен на трассе Северного морского пути.

Во-вторых, совместные усилия археологов и историков Русской Арктики вписали историю освоения побережья Северного Ледовитого океана и Таймыра в глобальную картину мировых географических открытий. Сегодня памятники русских полярных землепроходцев XVII–XIX вв. определяют степень участия Русского государства в мировых географических открытиях в целом. Основные виды исторических памятников и связанные с ними комплексы археологических предметов, которые служили опорой для освоения этих суровых пространств, уже сегодня образуют устойчивые группы. Среди них выделяются: остроги, монастыри Русского Севера, поселения, часть которых стала впоследствии городами, зимовья промысловиков. Открытие и археологическое обследование этих памятников сформировало представление о «культуртрегерской» миссии русского народа, а также определило всемирно-историческое значение роли русских людей в освоении суровых арктических областей земного шара и их вклад в историю великих географических открытий.

Открытие памятников XVII в. на о. Фаддей Северный и в заливе Симса поставило также вопрос о наличии сети опорных пунктов продвижения русских по побережью Северного Ледовитого океана, включавших о-ва Бегичева, Котельный и Фаддей. При всём том, однако, историческое значение «Таймырской находки» в чём-то даже превосходит значение зимовки В. Баренца. Место зимовки Баренца даёт меньше новых материалов для освещения культуры и быта населения Западной Европы в конце XVI в., чем артефакты «фаддеевской коллекции» предоставляют для понимания характера культуры и быта населения Заполярья

XVII в. Находки на о. Фаддея и в заливе Симса открывают новую, ранее неизвестную страницу в истории освоения Арктики, тогда как обстоятельства, связанные с остатками зимовки В. Баренца, хорошо известны благодаря, например, дневниковым записям его спутников.

В-третьих, историки 1940–1950-х гг. пришли к общему заключению, что, как полагал А. П. Окладников, в XVII в. пушной промысел, к которому были причастны члены экспедиции, потерпевшие крушение на о. Фаддей Северный, содействовал развитию всероссийского рынка, за которым последовало сокращение неэквивалентной торговли с местными племенами (Яковецкий, 1958. С. 421). Экспедиции новгородцев за Каменный пояс к побережью Северного Ледовитого океана в течение пятисот лет (XI–XVI вв.) были формой частного предпринимательства и организовывались частными лицами — купцами и боярами. В конце XVI в. началось продвижение на северо-восток промысловых артелей — сначала охотников и торговцев, а затем служилых людей, санкционированное Российским государством. В первой половине XVII в. пушной промысел в Восточной Сибири процветал. Если в Западной и Южной Сибири на смену ему пришло земледелие и торговля хлебом, то на севере охота продолжала занимать приоритетное положение в экономической деятельности населения.

Кроме этого, изучение памятников XVII в. на о. Фаддей Северный и в заливе Симса вписали очень важную страницу в общую панораму освоения человеком Русской Арктики. Полностью эта информация вошла в капитальный труд А. П. Окладникова по истории Якутии. На основании его научных трудов стало возможным описать социально-экономический (вид занятий членов экспедиции, цель их путешествия, половозрастной состав, социальный статус, этнокультурная принадлежность) и духовный («картина мира») уклад жизни русских полярных землепроходцев XVII в. Это были русские люди, которые на свой страх и риск пускались в экспедиции не только с прагматической целью приумножить свой доход. Но такого рода экспедиции XVII–XVIII вв. реализовали и гораздо более далеко идущие цели: изменяли государственную развёрстку северных территорий Евразии (от Норвегии до Берингова пролива) за счёт включения новых пространств в сферу политического, экономического и духовного влияния России, выполняли функции распространения русского культурного влияния. Шло проникновение технических новаций на вновь освоенные русскими территории, о чём свидетельствуют находки солнечных часов-компасов (голландская или немецкая работа), счётных жетонов (немецкая работа), шахмат, письменных документов и артефактов с надписями. В ходе торговых связей с автохтонным населением Северной Азии уже к началу XVII в. возникли мосты контактов между культурными мирами коренного населения Севера Евразии и славянским миром Северной и Московской Руси. Знаки-символы, украшавшие предметы декоративно-прикладного искусства из раскопок А. П. Окладникова, свидетельствовали о включении территорий Северной Азии и Сибири в «картину мира» русских полярных землепроходцев.

Музеи хранят немного вещей из дерева, металла, кости или так называемых волокнистых материалов XVII в.: тканей, вязаных изделий, повседневной одежды даже жителей Московского царства, не то что русских полярных землепроходцев (Интервью с сотрудниками..., 2022). Извлечённые из вечной мерзлоты археологические предметы делают более ясной пока всё ещё плохо изученную страницу истории освоения Арктики русскими в XVII в. Известно, что археологические предметы содержат не более 15% сведений о том обществе, в системе которого они использовались как орудия труда, промысла, ювелирные украшения и пред-

меты культуры. На о. Фаддей Северный и в избушке на берегу залива Симса были обнаружены многие «говорящие» артефакты. Ими стали фрагменты, предположительно, «проезжей грамоты» и ножи, на деревянных рукоятках которых было вырезано имя владельца. Новое прочтение его имени как Акакия Иванова, сына Карзайя, сделанное московским палеографом А. Г. Авдеевым в 2022 г., изменило направление и расширило рамки поиска происхождения владельца ножей, зимовавшего в начале XVII в. в избушке на берегу залива Симса.

Другой пример — это изображения на предметах декоративно-прикладного искусства. Так, историко-культурный анализ образа Китовраса на бронзовом зеркале, найденном на стоянке мореходов на о. Фаддей Северный, позволил А. П. Окладникову рассказать о «мостах» торговых и связанных с ними культурных контактов русских полярных землепроходцев, простиравшихся от Англии и Германии до Средней Азии и Китая. Историко-культурный анализ образов декора ювелирных изделий «фаддеевской коллекции» позволил осуществить опыт реконструкции «картины мира» русских полярных землепроходцев XVII в. Наш опыт показал, что рамки этой «картины» были достаточно широки, а сама картина сложна. Такой её сделал опыт их путешествий к берегам «Студеного моря» из Северной и Центральной России и обширных торговых обменов, включая коренное население Арктики.

Исследовательский фокус настоящей статьи был направлен на изучение истории открытия, подходов к источниковедческому анализу материалов и осмысление их исторического значения учёными прошлых лет, а также на то, как эти учёные описывали этнокультурные особенности археологических артефактов, указывающих на место их изготовления. Но «Таймырская находка» обладает и другими свойствами. У каждого из предметов «фаддеевской коллекции» РГМАА есть свои этнокультурные особенности, технологические и эстетические характеристики. Интерес для историков и археологов прошлых лет представляли не только вещи «фаддеевской коллекции», но и исторический контекст бытования артефактов, её составивших, а также версии, объясняющие их происхождение. На процесс изучения «Таймырской находки» и формирование взглядов авторов относительно исторического значения находок повлияло несколько факторов: 1) случайные обстоятельства открытия; 2) технические возможности проведения полевых исследований в суровых условиях Арктики; 3) политическая и идеологическая обстановка.

Версии, связанные с «Таймырской находкой», возникали тогда, когда историки обращались ко всё ещё требующим ответов следующим спорным вопросам, связанным с историей этих памятников XVII века: маршрут, датировка, социальный состав экспедиции.

Сегодня нет однозначного ответа на вопросы о том, сколько раз и кто именно останавливался в избушке в заливе Симса, кому принадлежал каждый из найденных артефактов. Существуют несколько конкурирующих друг с другом версий: 1) Б. О. Долгих и авторов коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951); 2) М. И. Белова, предполагавшего, что «Таймырская находка» — это следы экспедиции И. Толстоухова, которая в 1686 г. из Енисейского залива шла на Лену, огибая Таймыр с запада (Белов, 1951. С. 15–17); 3) В. А. Троицкого о движении одной торгово-промышленной экспедиции XVII в. с востока из устья Лены на запад, в Енисейский залив, но потерпевшей крушение на о. Фаддей Северный и зазимовавшей в избушке в заливе Симса (Троицкий, 1973. С. 62–67). Наконец, на основании историографического анализа возникла наша версия о том, что в избушке в заливе Симса останавливались не одна, а в разное время, возможно,

несколько экспедиций (Авдеев и др., 2022). Так, под влиянием изменения политической ситуации, героическая версия о подвиге полярных землепроходцев 1940–1950-х гг. сменилась другой идеей о группе беглецов, уходивших от фискального преследования.

Затруднения вызывает определение происхождения многих вещей, составивших «Таймырскую находку». Весь вещевой комплекс «фаддеевской коллекции» делится на артефакты русского типа, европейского и аборигенного. Например, среди артефактов русского типа, которые ныне хранятся в собрании РГМАА в Санкт-Петербурге, есть ювелирные украшения, в число которых входят фрагменты серебряных серёг-«единцов». Поиск аналогов с целью выяснения происхождения этих артефактов уводит нас в Центральную Россию, в самый западный город Тверской области — Торопец; серебряные перстни-печатки с изображением «лютого зверя» на щитках имеют прямые аналогии в ювелирном искусстве Пскова XII в.; пышно оформленный скандинавской плетёнкой серебряный перстень с «пупышком», очень похожий на более скромный вариант такого перстня из Новгорода, датированный X в.; бронзовое зеркало, сработанное новгородскими мастерами; перламутровый крестик — аналог перламутровых тельников, которые привозили паломники из Афона в XII в. в Псков. Среди европейских вещей имеются часы-компасы, сделанные из «заморного зуба» (бивня мамонта) в Германии; шахматы из того же материала, фигуры которых по дизайну аналогичны шахматам из Готского раскопа в Новгороде; счётные немецкие жетоны, датские монеты; английские латунные тарелки. Комплекс аборигенных вещей представлен сумочкой из разноцветного сукна с ненецким орнаментом, медными трубочками для украшения одежды, а также, вероятно, металлическими крестиками, колокольчиками, металлическими пластинами.

Наличие предметов английской и немецкой работы, подбор предметов, предназначенных для обмена, сделанный со знанием вкусов аборигенного населения, количественный состав вещей, денежная и меховая казна, безмен — всё это указывает, скорее, на торговый, чем промысловый характер экспедиции. Эта экспедиция была организована людьми «бунташного» века, готовыми отразить разбойное нападение, а для этой цели экипированными огнестрельным и холодным оружием. Но даже их уникальные умения как промысловиков, знание судового дела, навигационные навыки каботажного плавания не спасли им жизнь на берегу «Студеного моря» в условиях пика Малого ледникового периода. Если бы они отправились в путь, как мы полагаем, из устья Енисея к берегам Таймыра в более тёплых климатических условиях, у них был бы шанс успешно завершить свой поход.

Загадкой остаётся состав экспедиции. Известны минимум три версии о количестве экспедиций, которые могли посещать, притом не один раз, избушку в заливе Симса. Одна из этих экспедиций оставила следы своего пребывания как в избушке на берегу залива Симса, так и на о. Фаддей Северный. Ситуация, в которой эта торгово-промышленная экспедиция сначала обосновалась на берегу залива Симса, а потом, разделившись, отправилась на северо-восток, потерпела крушение около о. Фаддея Северный, также остаётся загадкой. Потерпевшие крушение люди успели вытащить на берег вещи, разложили их для просушки, но вернуться и собрать их, включая меха и денежную казну, не смогли. Позднее аналогичный случай описал охотник Н. А. Бегичев в своих записках. *«4 ноября 1908 г. Со всем грузом на оленях выехали на материк. На середине пролива встретили непроходимый торос. Бились в нем 12 часов и уже стали выходить на ровный лед, как при начавшемся большом приливе лед начало*

взламывать. Я выбрал высокий торос, мы сложили туда все из нарт, поставили на торос и самые нарты, а оленей отпрягли и пустили на лед. Сами налегке, на трех санках, взяв с собой только одежду, быстро помчались на материк. Олени без упряжки сами пошли за нами. Только что мы достигли залива — Нордвика, как пролив взломало весь. Все, что было найдено за лето на острове, все осталось на торосе, и не было никакой надежды, что наше имущество уцелеет. Так налегке мы и добрались до материка в глубине залива Нордвика. Разложили большой костер из плавника. Сварили мясо, вскипятили чай и отдали честь тому и другому, так как не ели целые сутки. Запоздай мы только на час и нас унесло бы со льдом в море — навсегда. Мне повезло и на этот раз. Но все-таки страшно жаль всего, что брошено на торосе» (Из записок..., 1935. С. 156). Рассказ Н. А. Бегичева может служить вариантом описания события, которое случилось в XVII в. на о. Фаддей Северный. Возможно, так же как Бегичев со спутниками, члены торгово-промышленной экспедиции XVII в., сгрузив имущество на остров, спасаясь от растущего на глазах тороса, устремились на материк, но запоздали на час и их унесло льдами в море.

Пока историкам не удалось подтвердить или опровергнуть любую из версий относительно направления маршрута экспедиции: 1) с запада на восток или 2) с востока на запад пролегал её путь. На основании источниковедческого анализа сегодня нам представляется, что большинство артефактов указывает на то, что полярные землепроходцы шли с запада на восток. Направляясь к побережью «Студеного моря» из южных районов Таймыра, возможно, со стороны Мангазеи, только небольшую часть пути от залива Симса до о. Фаддей Северный они прошли по морю. Центры, в которых вещи, составившие «Таймырскую находку», были изготовлены, начиная с «денежной казны» и кончая немецкими навигационными приборами, счётными жетонами и тарелками английской работы, располагались в Европе, Центральной России или в Поморье.

Сомнение историков Севера, например, В. А. Троицкого в том, что полярные землепроходцы двигались с запада к побережью Северного Ледовитого океана, вызывало лишь наличие соболиного меха в их имуществе. На Таймыре соболь не водился, а к XVII в. промысловые угодья, где его добывали, сместились к востоку — в долину Лены и Индигирки. Поэтому мысль о продвижении экспедиции из района устья Лены по морю Лаптевых на запад, например, к Енисею, представлялась сторонникам этой версии вполне реальной.

Приняв во внимание особенности обнаружения и последующего изучения вещей, составивших «Таймырскую находку», сегодня можно высказать предположение о том, что найденные памятники были оставлены людьми не одной, а нескольких торговых и промышленных экспедиций, посещавших о. Фаддея и зимовье на берегу залива Симса в разное историческое время. Среди этих экспедиций могла быть и та, члены которой оставили в 1617 г., судя по составу «денежной казны», следы своего пребывания на обоих памятниках. Но и тут не всё ясно. Так, ещё в 1940-х гг. уже невозможно было определить место находки конкретных монет из «денежной казны», так как: 1) во время первичной музейной обработки монеты были разделены по дате выпуска и разложены по разным мешочкам без учёта из залегания в слое ещё Борисом Осиповичем Долгих; 2) люди, открывшие памятники в 1941 г., вынимали монеты из слоя, не фиксируя место находки. Только зафиксированное А. П. Окладниковым во время раскопок на о. Фаддей Северный расположение 25 монет прядкой привело к выводу о том, что имущество артельщиков — членов торгово-промышленной экспедиции XVII в. не было единообразно. В состав экспедиции входили и люди, причастные не только

к артельным финансам, но и обладавшие личным имуществом. Нельзя исключить и возможность того, что соболиные шкурки полярные землепроходцы могли везти с собой именно как « меховую казну » вдобавок к « денежной казне » и с запада, купив её, например, на Мангазейской ярмарке. Многие черты сближают артефактные комплексы Мангазеи и « Таймырской находки ». Нельзя исключить, что цель экспедиции — не промысел, а торгово-разведывательная. Случаи посылки такого рода разведывательных экспедиций богатыми сибирскими купцами, например, Строгановыми, историкам известны.

Отдалённое географическое расположение памятников, суровый и нестабильный климат, экономические и политические катаклизмы современной истории нашей страны вот уже более 80 лет не способствуют целостному и исчерпывающему их изучению в полевых условиях. Согласно устному сообщению П. А. Филина, одного из современных историков, земля на месте того, что осталось от избышки в заливе Симса, буквально звенит под щупом металлоискателя, а если приглядеться, то в серой мелкой гальке легко можно различить многосменные « чешуйки » — старинные серебряные монеты. Это факт, что оба памятника, и на берегу залива Симса, и на о. Фаддей Северный, ещё недостаточно изучены и ещё ждут своих исследователей. Даже прославленная Мангазея, несмотря на гораздо более длительные систематические раскопки несколькими археологическими экспедициями, раскопана только на одну треть.

Собранные на месте раскопок археологические материалы впечатляют своим количеством и разнообразием. Понятно, что не все изъятые из слоя артефакты попали в музейные собрания, а именно: РГМАА (Санкт-Петербург), ГИМ (Москва), ИАЭТ СО РАН (Новосибирск). Несмотря на фундаментальную источниковедческую работу с этими артефактами, проведённую в конце 1940-х гг. специалистами разного профиля самыми передовыми на то время научными методами, каждая из групп вещей « Таймырской находки », сегодня ставит перед внимательным исследователем больше вопросов, чем даёт ответов.

Обилие и разнообразие артефактов, изготовленных как русскими, так и иностранными мастерами, образующие как по своей функции, так и по времени бытования разные группы вещей: от ювелирных украшений, денег, мехов до инструментов и оружия, обнаруженных на обоих памятниках, привели историков, например, М. И. Белова к мысли о том, что на о. Фаддей Северный и в избышке в заливе Симса оставили следы своего пребывания участники не одной, а нескольких промышленных и торговых экспедиций XVII в. В пользу этой версии свидетельствует похожий состав находок, территориальная близость двух памятников (о. Фаддей Северный и избышка в заливе Симса), а также отсутствие следов даже временного жилища на о. Фаддей Северный.

В пользу гипотезы о многократном посещении избышки в заливе Симса полярными землепроходцами XVII в. свидетельствует факт, что зимовья бывали местами временного пристанища не только тех промысловиков, которые их строили, но и других охотников, включая, например, мангазейских промысловиков. Предположение о том, что на о. Фаддей Северный потерпели крушение кочи полярных мореходов, представляется маловероятной. Например, с учётом того, что в Мангазее и на берегу залива Симса были найдены резные рукоятки ножей с инкрустацией оловом, схожие шелковые красные пояса, кожаная обувь, часы-компасы, можно посчитать это доказательством того, что русские полярные мореходы, потерпевшие крушение в море Лаптевых, вышли в свой последний поход из Мангазеи. Притом двигались они не морским, а традиционным водно-волоковым путём с юга на северную оконечность Таймыра.

Предметы «фаддеевской коллекции» позволяют воссоздать историческую реальность, представленную артефактами. За каждой вещью стоят люди — полярные землепроходцы XVII в., использовавшие предметы этой коллекции в своём повседневном быту. Как показали авторы коллективной монографии (Исторический памятник..., 1951), каждая из этих вещей связывала посредством торговых обменов полярных землепроходцев XVII в. с новгородскими, ростово-суздальскими, московскими торговыми людьми, европейскими моряками и купцами, а также с автохтонным населением Сибири. Поэтому источниковедческий анализ артефактов «фаддеевской коллекции», который сделали авторы этой монографии, приближает нас к ответу на вопросы о том, кем были эти землепроходцы, откуда и куда они направлялись в своём рискованном путешествии, тем самым приближая нас к пониманию того, какой была их «картина мира»⁸.

Подводя итог сказанному выше, мы склоняемся к версии о движении таких экспедиций, включая ту, которая потерпела кораблекрушение на о. Фаддей Северный, даже не с запада на восток, и не в обход Таймыра по морю, а с юга Таймырского полуострова по реке Таймыр. Судя по большому количеству найденных монет, составу обменного фонда (дубликатам изделий из металла, включая ювелирные изделия), соболиных и песцовых шкурок, полярные землепроходцы были даже не торговцами, а группой людей с разными навыками, которые плохо представляли, куда они держат свой путь в своём стремлении к берегам «Студеного моря». Они не приплыли на о. Фаддей Северный и в залив Симса на кочах. Скорее всего, эта группа людей, двигаясь по водно-волоковым путям Таймыра, несла с собой не только предметы охоты, пушнину, деньги, но и лодки-шитики. Такие лодки-шитики часто входили в состав необходимого имущества землепроходцев того времени. Покинув избушку на берегу залива Симса, именно на таких лодках часть этой группы отправилась в плавание к о. Фаддей Северный. Мы также предполагаем, что они, стремясь на запад в направлении новгородских земель или даже Северной Европы, ошибочно взяли курс на о. Фаддей Северный, или их к нему отнесло штормом. Мы также склонны отвергнуть версию о том, что это были герои — полярные мореходы XVII в., первыми обогнувшие Таймыр с запада. Тем не менее, судя по составу артефактов «фаддеевской коллекции», это были русские люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев А. Г., Окладникова Е. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. Ю., Коршун В. Е. Владельческие надписи на ножах, найденных на берегу залива Симса: чтение, интерпретация, датировка // Археология Подмосквья : Материалы научного семинара. Выпуск 18. — М. : Институт археологии РАН, 2022. — С. 280–294.
2. Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт — центр российской полярной науки / Г. А. Баскаков и др. // Проблемы Арктики и Антарктики : Сб. ст.: (К 75-летию ААНИИ). — СПб., 1995. — Вып. 70. — С. 6–32.
3. Белов М. И. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. — М. — Л. : Изд-во Главсморпути, 1951. — С. 41–53.
4. Белов М. И. По следам полярных экспедиций. — Л. : Гидрометеиздат, 1977. — 144 с.

⁸ Мы рассматриваем понятие «картина мира» как модель мироздания полярных мореходов XVII в.

5. *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник / Н. Витсен: пер. со староголланд. В. Г. Трисман. – СПб. : Симпозиум, 1996. – 265 с.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М. : Изд-во МГУ, 1988 – 430 с.
7. *Долгих Б. О.* Описание предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса, 1942. – С. 23 (Рукопись) // Архив РГМАА (Санкт-Петербург).
8. *Долгих Б. О.* Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII в. // *Окладников А. П.* Русские полярные мореходы у берегов Таймыра. – М. : Изд. Главсеморпути, 1948. – С. 117–156.
9. Из записок боцмана Бегичева // *Сибирские огни.* – 1935. – № 2. – С. 150–169.
10. Интервью с директором Научного архива АНИИ. 2022 // Архив автора (Санкт-Петербург).
11. Интервью с Р. Блан. 2022 // Архив автора (Санкт-Петербург).
12. Интервью с сотрудниками отдела тканей ГИМ. 2022 // Архив автора (Санкт-Петербург).
13. Исторический памятник русского арктического мореплавания. – М. – Л. : Изд-во Главсеморпути, 1951. – 245 с.
14. *Косой А. И.* На восточном побережье Таймырского полуострова: Опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрогр. упр. Главсеморпути. – М. : Изд-во ГУСМП, 1944. – 159 с.
15. *Обручев С. В.* Таинственные истории. – М. : Мысль, 1973. – 108 с.
16. *Окладников А. П.* Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. – М. – Л. : Изд-во Главсеморпути, 1951. – С. 7–41.
17. *Окладников А. П.* К археологическому изучению советской Арктики // *Проблемы Арктики.* – 1943. – № 2. – С. 112–126.
18. *Окладников А. П., Якунина Л. И.* Описание условий нахождения одежды и снаряжения древнерусской полярной экспедиции XVII века (передана в музей Арктики 25/II 1947 г.) на берегу залива Симса, сделанное гидрографическим отрядом ГУСМП с судна «Норд» в 1940–1941 гг. – С. 1–102 (Рукопись) // Архив РГМАА (Санкт-Петербург).
19. *Окладников А. П.* Русские полярные мореходы и берега Таймыра. – М. : Изд. Главсеморпути, 1948. – 157 с.
20. *Долгих Б. О.* Описание предметов, найденных на о. Фаддея и в заливе Симса, 1942. – С. 23 (Рукопись) // Архив РГМАА (Санкт-Петербург).
21. *Петров В. А.* Анализ материала документа // Ист. памятник рус. аркт. мореплавания. – М. – Л. : Изд-во Главсеморпути, 1951. – С. 145–147.
22. Раскопки за Полярным кругом. Версия о причинах исчезновения древнего города Мангазея. – URL: <https://dzen.ru/media/sibved24/raskopki-za-poliarnym-krugom-versiia-o-pri-chinah-ischeznoeniia-drevnego-goroda-mangazeia-604c9ff1011181447b3736dd> (дата обращения: 11.07.2024).
23. *Сакс В. Н.* Четвертичные отложения Таймырского полуострова и прилегающих островов // *Проблемы Арктики.* – 1945. – № 2. – С. 89–114.
24. *Сергеев С. М.* Замечания по сборнику «Археологические находки на о. Фаддей и на берегу залива «Симса» // Архив РАН (Санкт-Петербург). Ф. 757. Оп., 3. Д. 145.
25. *Татищев В. Н.* История российская. Ч. 1. Собрание сочинений : в 8 томах. – М. : Ладомир, 1994–1996. – 481 с.
26. *Троицкий В. А.* Новые находки на острове Фаддея // *Изв. РГО.* Т. 105. Вып. 1. – М., 1973. – С. 62–67.
27. *Филин П. А.* Исследование следов русской экспедиции XVII века на острове Фаддея Северный и в заливе Симса // *Культурологический журнал.* – 2020. – № 4. – С. 1–7.
28. *Чайковский Ю. В.* Мысы Ледовитого напоминают. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2015. – 400 с.
29. *Яковецкий В. Н.* Роль неэквивалентного обмена в процессе первоначального накопления в России // К вопросу о первоначальном накоплении в России. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 554 с.

30. *Armstrong T.E.* The Russians in the Arctic. Aspects of Soviet exploration and exploitation of the far north, 1937–57. – London : Methuen, 1958. – 182 p.
31. *Bagrow L.* (ed.). The atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – Gravenhage : Mouton, 1958. – 20 p., 172 leaves.
32. *Bagrow L.* (ed.). At the sources of the cartography of Russia. *Imago Mundi*. – 1962. – № 16. – P. 33–49.
33. *Bagrow L.* (ed.). A history of Russian cartography up to 1800. Castner, H. W. (ed.). – Wolfe Island, Ontario : Walker Press, 1975. – 140 p.
34. *De Veer G.* The three voyages of William Barents to the Arctic regions (1594, 1595 and 1596). *Beke C. T.* (ed.). Second edition, with introduction by K. Beynen. – London : Hakluyt Society, 1879. – 289 p.
35. *Shillinglaw J. J.* A Narrative of Arctic Discovery, from the Earliest Period to the Present Time; with the Details of the Measures adopted by Her Majesty's Government for the Relief of the Expedition under Sir John Franklin / J. J. Shillinglaw. – London : William Schoberl, 1850. – 399 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРКТИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА И РАННЕГО ГОЛОЦЕНА¹

ВВЕДЕНИЕ

Более двухсот лет назад, 22 [по ст. ст.] июля 1787 г. лейтенант Российского Императорского флота Г. А. Сарычев, командир судна «Ясачная» в составе гидрографической экспедиции Джозефа Биллингса (Пасецкий, 2000), произвёл рас-

Илл. 1. Изученность арктической Восточной Сибири на рубеже 1960-х и 1970-х гг. Археологические объекты различного возраста, для которых были получены радиоуглеродные определения возраста (за исключением памятников древнеэскимосских культур последних 2000 лет), с запада на восток показаны: Тагенар VI (6020 ± 100), Берелёх (12930 ± 80; 13420 ± 200), поселение Большой Баранов мыс (1690 ± 165), Чёртов овраг (3360 ± 155), по материалам Н. Н. Дикова, Н. К. Верещагина, Ю. А. Мочанова, Л. П. Хлобыстина (Диков, 1977; Верещагин, Мочанов, 1972; Хлобыстин, 1998)

¹ Исследование поддержано проектом РНФ № 24-68-00031 «Первые в Арктике: комплексный анализ среды обитания древнего человека и его культуры в контексте палеогеографических изменений плейстоцена и голоцена арктической Восточной Сибири».

копки читаемых с поверхности остатков жилища на древнем поселении близ мыса Большой Баранов к востоку от устья р. Колымы в Восточно-Сибирской Арктике (Сарычев, 1802) (илл. 1). Это были не случайные находки, извлечённые в ходе земляных работ, а материал, впервые полученный в результате целенаправленных археологических раскопок. Так родилась мировая арктическая археология (Хлобыстин, 1990), а само поселение, отмечающее границу продвижения эскимосской культуры в западном направлении от зоны Берингова пролива, полтора столетия спустя исследовал А. П. Окладников, один из пионеров изучения региона (Окладников, Береговая, 1971).

Несмотря на то что арктическая Восточная Сибирь является, в некотором роде, её «колыбелью», о древнем прошлом региона на протяжении столетий было известно крайне мало. Начальный этап его изучения затянулся на почти 150 лет, результаты его были более чем скромными (Питулько, 2023 а) и заметно уступали знаниям о прошлом субарктических и арктических территорий Северо-Востока Европы. Тем не менее на основании немногих случайных находок стало понятно, что пространства арктической Восточной Сибири были обитаемы, возможно, ещё в пору существования мамонтов (Толль, 1897; Черский, 1891). Никаких археологических находок сопоставимого возраста, однако, обнаружено не было. В то же время присутствие в регионе на протяжении, по крайней мере, нескольких тысяч лет населения, предшествующего современному, было очевидным. Последующее заметное приращение объёма археологических коллекций связано с разносторонней изыскательской деятельностью на протяжении послевоенного (советского) этапа изучения территории и немногими специализированными археологическими исследованиями, тогда же проведёнными в регионе. Однако, несмотря на несомненный прогресс в данной области, материалы доголоценового возраста в археологической летописи региона практически отсутствовали.

Со времени открытия вблизи Берелёхского костяка (Григорьев, 1957) археологической «стоянки» Берелёх (Верещагин, 1977; Верещагин, Мочанов, 1972), этот комплекс геоархеологических объектов оставался единственным в своём роде памятником каменного века Восточно-Сибирской Арктики, относящимся к концу позднего плейстоцена, облик культуры которого археологически был более-менее понятен. Дополнительно, вблизи южной границы региона была известна стоянка Чагинская (Окладников, 1950), однако в силу малой диагностичности материала это свидетельство проникновения человека в Арктику в позднем плейстоцене было, скорее, лишь указанием на факт расселения людей палеолита в позднеледниковье (Кашин, 2003). Археологическую карту обширных арктических территорий приморских низменностей Восточной Сибири дополняли немногие стоянки эпохи неолита, образующие небольшие кластеры в дельтовых областях Индигирки и Колымы (Мочанов, 1977; Федосеева, 1980), и памятники более поздних отделов археологии, включая эскимосские поселения предысторического времени на мысу Большой Баранов и о. Четырёхстолбовой в архипелаге Медвежьих островов (Окладников, Береговая, 1971). Данные об этих объектах были систематизированы в фундаментальных сводных публикациях (Диков, 1977; Диков, 1994; Кирьяк, 1993; Мочанов и др., 1991; Хлобыстин, 1998), из которых следует, что в подавляющем большинстве выявленные памятники оказались представлены сборами подъёмного материала, тогда как археологические контексты, происходящие из раскопок, прежде всего датированные, единичны (илл. 1) (Питулько, 1998; Питулько, Павлова, 2010; Pitulko, Pavlova, 2016).

Трудно переоценить значение новейшего этапа исследований, проведённых в регионе в течение последних тридцати лет (Питулько, 2023 а), в результате

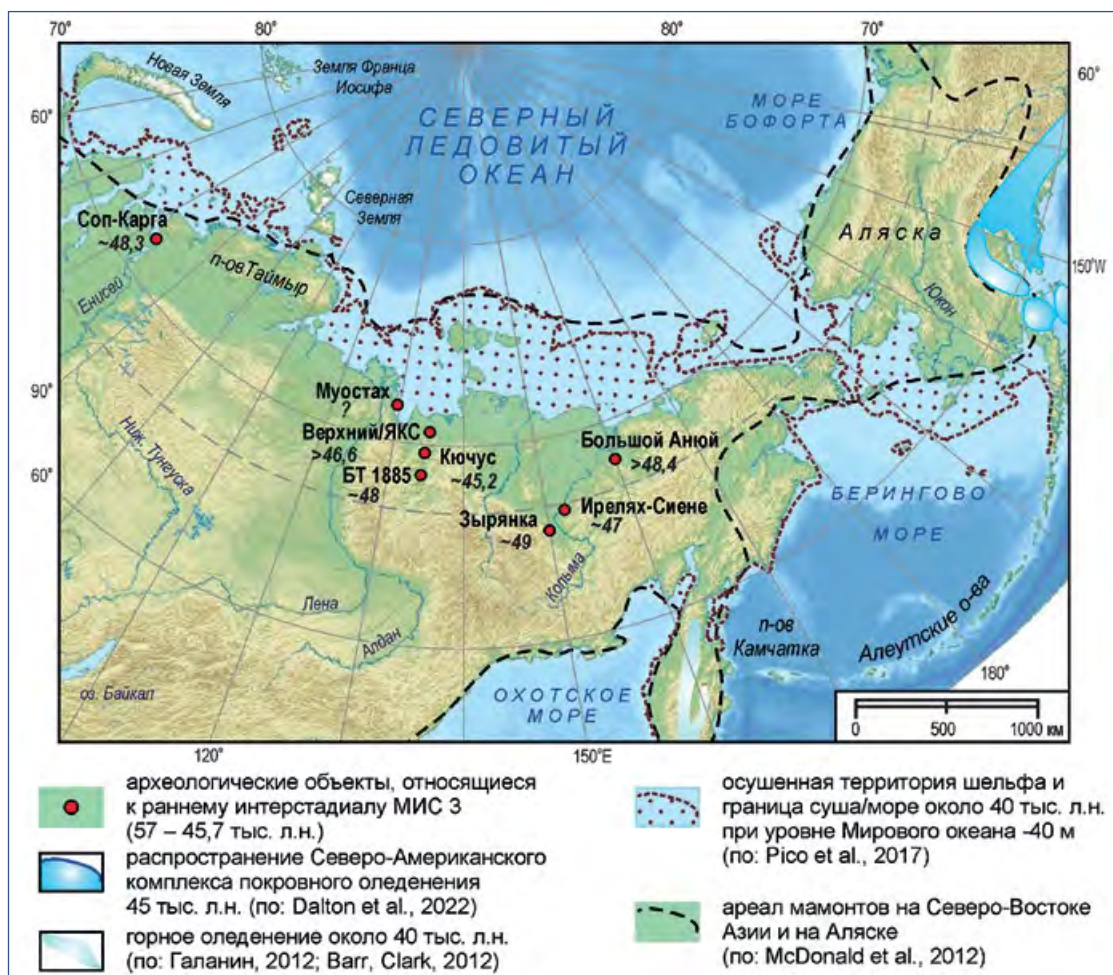
которых произошло заметное наполнение археологической карты материалом, относящимся к позднему плейстоцену и раннему голоцену (Питулько и др., 2015 а). Так, в 1989 г. на о. Жохова, Новосибирские о-ва, под 76° с.ш., было начато изучение древнейшего памятника каменного века высокоширотной Арктики — Жоховской стоянки (Pitulko, Makeyev, 1993). Начиная с 2001 г., на севере Яно-Инди-гирской низменности и Новосибирских о-вах были предприняты масштабные поиски памятников каменного века (Питулько, 2011 а). В их результате были открыты Янская стоянка (Pitulko et al., 2004; Питулько и др., 2012 в) и Янское «кладбище» мамонтов (Basilyan et al., 2011; Nikolskiy, Pitulko, 2013), проведено изучение Аччагый-Аллаиховского местонахождения мамонтов (Nikolskiy et al., 2010) и Берелёхского георхеологического комплекса (Питулько, 2011 б; Питулько и др., 2023; Pitulko, 2011; Pitulko et al., 2014 а), а также открыты новые местонахождения, связанные с деятельностью человека (Питулько, 2019 а; Питулько, Павлова, 2014; Питулько и др., 2013; Pitulko et al., 2014 b; Pitulko et al., 2014 с; Pitulko et al., 2016 b; Pitulko et al., 2017). В течение последнего тридцатилетия в различных областях региона были выявлены несомненные свидетельства пребывания человека, относящиеся к ключевым рубежам археологической летописи (см., например: Кандыба и др., 2015; Кандыба и др., 2022; Павлов, Судзуки, 2020; Питулько, Павлова, 2019 б; Чепрасов и др., 2015; Чепрасов и др., 2018; Pavlova, Pitulko, 2020; Pitulko et al., 2016 b; Pitulko et al., 2017; Sulerzhitsky, Romanenko, 1999). Ниже приведён их конспект.

1. СВИДЕТЕЛЬСТВА РАННЕГО ЭТАПА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (~50 000–29 000 л. н.)

Подобные находки в пределах региона крайне редки (илл. 2); среди них отсутствуют полноценные археологические объекты («стоянки»), материалы которых позволили бы судить о материальной культуре этого населения. В то же время имеется ряд свидетельств прошлой деятельности человека, относящихся, в том числе, к раннему этапу освоения территории. В качестве таковых рассматриваются костные останки фауны позднего плейстоцена с достоверными следами человеческого воздействия, отвечающими геологическому возрасту находок, и некоторые другие материалы, которые на основании возраста и/или морфологии могут предположительно относиться к данному интервалу.

1.1. Таймыро-Североземельская область (западная часть региона Восточно-Сибирской Арктики)

В 1960-х — 1980-х гг. в различных районах территории Л. П. Хлобыстиным были проведены масштабные поиски памятников археологии каменного века (Хлобыстин, 1998); в результате системных поисков были открыты десятки археологических объектов. Несмотря на то что были выявлены некоторые признаки, допускающие предположение о заселении этой территории около 14 000–13 000 л. н. (Хлобыстин, 1998), наиболее ранним из них оказался пункт Тагенар VI с радиоуглеродной датой 6020 ± 100 л. н. (ЛЕ 884), т. е. около 7000 л. н. (илл. 1). В то же время на основании радиоуглеродного возраста костных останков различных

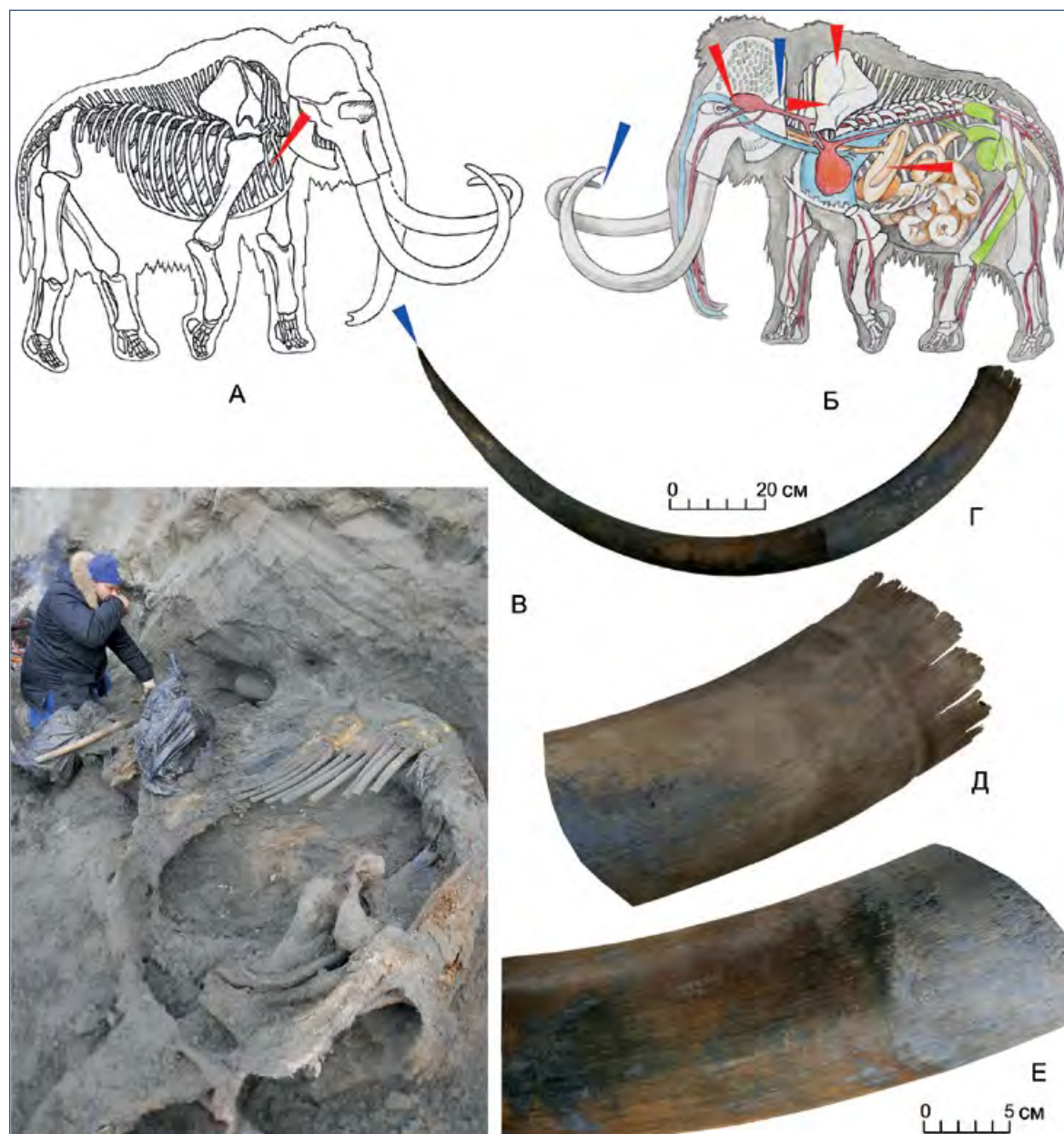
Илл. 2. Археологические объекты арктической Восточной Сибири, характеризующие начальную фазу раннего этапа расселения человека во второй половине позднего плейстоцена (ранний МИС 3). Примечание: цифрами обозначен возраст объектов в тысячах лет назад. Сокращение: БТ 1885 – стоянка Бунге – Толля –1885

видов фауны позднего плейстоцена (Сулержицкий, 1995; MacPhee et al., 2002), было очевидно, что эти районы могли быть обитаемы человеком на протяжении более 40 000 лет, начиная с ранней фазы Морской изотопной стадии 3 (МИС 3). Фактически местная (таймырская) популяция мамонтов, представлявшая собою, по выражению Л. Д. Сулержицкого, «субстрат» для расселения человека палеолита, прекратила своё существование лишь в начале голоцена (Сулержицкий, 1997; Сулержицкий, Романенко, 1997). Первые свидетельства присутствия человека в этих районах, имеющие глубокий возраст, были получены относительно недавно.

П-ов Таймыр является одной из территорий Российской Арктики, где находки трупов мамонтов не являются большой редкостью (Vereschagin, Tikhonov, 1999; Lister, Bahn, 2007). В большинстве своём они принадлежат к МИС 3, хотя среди них встречаются и более молодые экземпляры, относящиеся, в том числе, к эпохе последнего ледникового максимума (Mol et al., 2003; Mol et al., 2006).

Очередная находка такого рода была сделана на восточном берегу Енисейского залива под 71° 54' 19.2" с. ш. и 82° 4' 23.5" в. д. в 1,8 км к северу от метеорологической станции **Сопочная Карга** (илл. 2; 3). Останки трупа мамонта (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)) были обнаружены в береговом обрыве многолетнемерзлых отложений, постепенно разрушаемом термоэрозией и волноприбойной деятельностью. Раскопки были проведены осенью 2012 г. (Maschenko et al.,

2014). Останки мамонта из Сопочной Карги (далее — Сопкаргинский мамонт, СК мамонт) были доставлены в Санкт-Петербург в блоке мёрзлого грунта и затем изучены археологически (Pitulko et al., 2016 b).

Илл. 3. Тафономия Сопкаргинского мамонта и инвентаризационная карта перимортальных (красные стрелки) и постмортальных повреждений (синие стрелки), обнаруженных на костях.
 А — скелет мамонта, вид справа; Б — скелет и внутренние органы мамонта, вид слева;
 В — раскопки туши из русловых отложений; Г — правый бивень мамонта с обработанным кончиком;
 Д — неповреждённая альвеолярная часть бивня с обширной вивианитовой коркой; Е — бесцветные следы на поверхности правого бивня, оставленные твёрдыми частицами вмещающих отложений

Береговой обрыв восточного берега Енисейского залива в месте находки туши мамонта имеет высоту 12 м от водной поверхности. Нижняя часть склона до высоты 5,2 м н. у. р. покрыта осыпью. В интервале 5,2–7,1 м н. у. р. аллювиальные осадки представлены закономерно сменяющимися по вертикали отложениями фаций руслового и пойменного аллювия.

Скелет мамонта с остатками тканей был обнаружен служащими полярной станции в безупречной *in situ* позиции, извлечён из вмещающих аллювиальных

отложений (илл. 3, В), в которых отчётливо видны признаки двух этапов ископаемого криогенеза, что сразу же говорит о его существенной древности. По берцовой кости мамонта получено значение возраста $44\,570 \pm 950 / -700$ С¹⁴ л. н. (GrA 57723), в календарных значениях — около 48 300 л. н., что полностью отвечает позиции образца в разрезе и контролируется вышележащими датировками. При осмотре на костях скелета мамонта были выявлены многочисленные перимортальные и единичные постмортальные повреждения. Они подробно задокументированы и описаны (Pitulko et al., 2016 b).

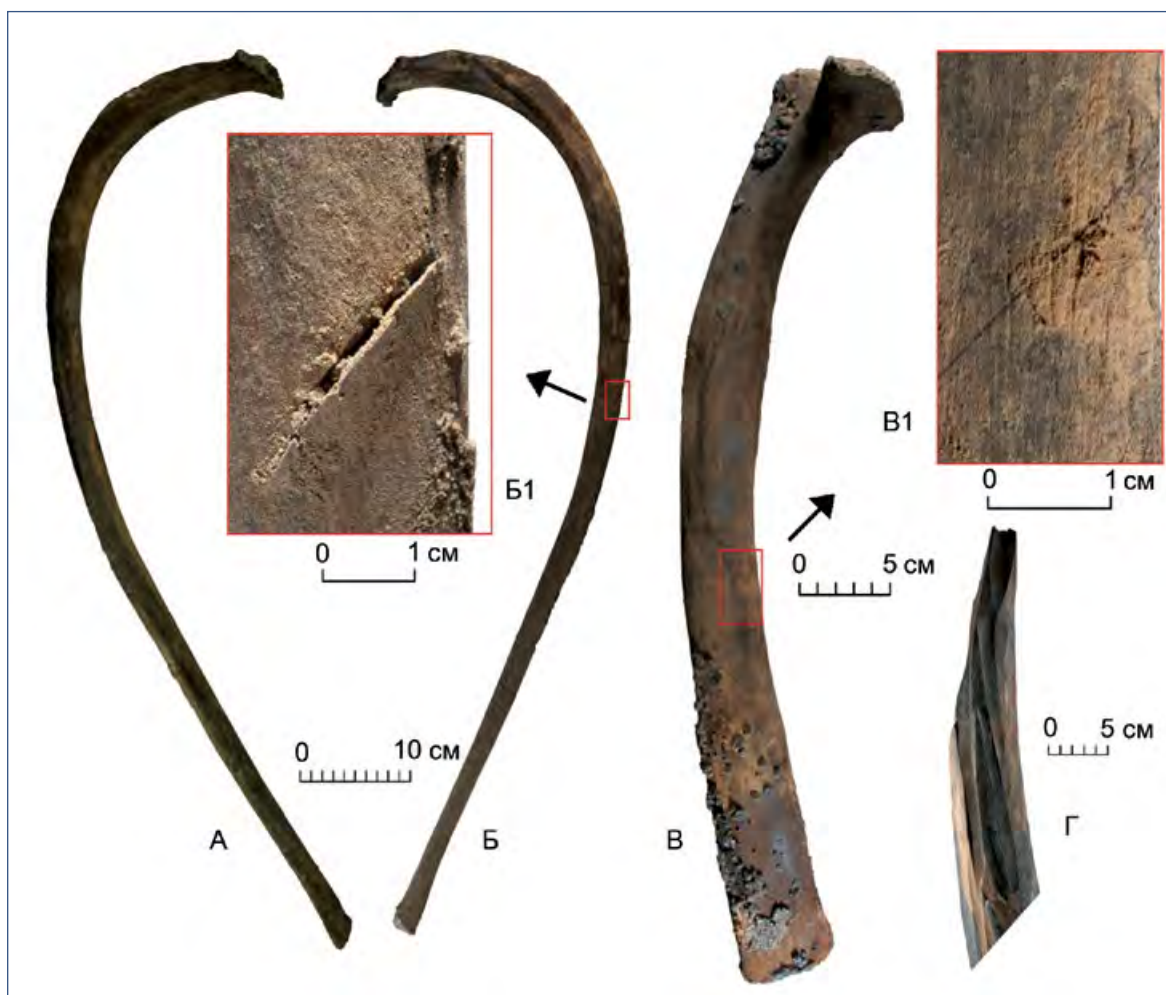
Ни одно из ранений не было смертельным, однако их было много и этого оказалось достаточно, чтобы убить молодое, но достигшее половой зрелости животное, находившееся в хорошей физической форме. Зверь имел патологию развития, выразившуюся в отсутствии левого бивня, что, предположительно, связано с травмой в раннем возрасте и возможной слепотой. Этот дефект не был критичным — судя по объёмным запасам жира в горбе (Maschenko et al., 2014 c), зверь был убит в начале зимы или осенью. Среди перимортальных повреждений (на черепе, левой лопатке и рёбрах грудного отдела) два достойны особого внимания. Характерно, что все перимортальные повреждения находятся с левой стороны тела (илл. 3, А, В), возможно, это случилось именно вследствие слепоты на левый глаз — с этой стороны к зверю было легко подойти на ударную дистанцию.

Упомянутые повреждения, наиболее выразительные, локализованы на скуловой кости (пробоина, оставленная массивным прочным орудием с несильно заострённым боевым концом), и рассечение на внешней поверхности пятого левого ребра примерно в средней его части (илл. 4, А, В, В1), оставленное скользящим ударом каменного орудия/острия с острым боковым лезвием. Последнее совершенно идентично тем, что наблюдаются на рёбрах со следами охотничьего воздействия из стоянки Озеро Никита (Pitulko et al., 2016 a) или из янской коллекции, где такие повреждения встречаются во множестве (Pitulko et al. 2016 b). Повреждение на скуловой кости, по-видимому, связано с неудачной попыткой нанести мощный удар в основание хобота, подобный тем, что практикуют африканские охотники на слонов (Turnbull, 1983). Интересно, что подобный же след был зафиксирован на обломке черепа из Буор-Хаинского костяка (Pitulko et al., 2014 c).

Среди постмортальных повреждений идентифицированы следы разделки на втором правом ребре (илл. 4, В, В1). Наиболее интересны следы антропогенного воздействия, отмеченные на правом бивне (илл. 3, Г-Е). Они локализованы на кончике бивня, с которого снято несколько сравнительно тонких щепок, в основном с внутренней стороны и с боков (илл. 4, Г), т. е. на поверхностях, наиболее удобных при положении бивня в альвеоле.

Фасетки, образованные несколькими последовательными снятиями, перекрывают друг друга. Эти следы не могут быть результатом никакого естественного процесса или тафономии. Межфасеточные ребра не имеют следов сглаживания, а остаточная толщина бивня на оконечности обработанной части настолько мала (~3 мм), что он не мог бы сохраниться в таком виде, если бы повреждение было прижизненным, а животное продолжало бы свою жизнедеятельность ещё какое-то время после того, как такое повреждение было получено.

Можно предположить, что целью такой операции являлось получение тонких длинных щепок бивня, имеющих острый край и пригодных в качестве разделочных орудий в местности, где каменное сырьё надлежащего качества не всегда доступно. Кончик бивня имеет относительно более толстый слой цемента, который достаточно прочен и образует острый режущий край при отделении отщепа,

Илл. 4. Повреждения на костях Сопкаргинского мамонта, имеющие антропогенное происхождение: А – пятое левое ребро с охотничьим поражением, вид сзади; Б – пятое левое ребро с охотничьим поражением, вид спереди; Б1 – увеличенный вид участка с рассечением; В – второе правое ребро с рассечением; В1 – увеличенный вид повреждённого участка; Г – модифицированный человеком бивень мамонта с множествами негативами продольных снятий на кончике (приводится по: Pitulko et al., 2016 b.)

который далее может быть использован в качестве режущего инструмента и/или скребла. Подобные предметы встречаются, хотя и нечасто, на стоянках каменного века Сибирской Арктики, причём именно в тех районах, где каменное сырьё для крупных режущих орудий является большой редкостью. В любом случае, это единственное разумное предположение, с помощью которого можно объяснить наличие участка бивня, модифицированного в таком стиле.

Имеющиеся свидетельства не оставляют сомнений в том, что мамонт из Сопочной Карги погиб в результате встречи с человеком. Этот факт был бы интересен даже сам по себе, однако в данном случае он указывает, в том числе, на несомненный факт расселения человека в Арктике в начальные этапы МИС 3 и свидетельствует о заселении южной окраины Таймыро-Североземельской области в геологическую эпоху, для которой подобные свидетельства в арктическом регионе вообще единичны (Pitulko et al., 2016 b; Pitulko et al., 2017).

Огромный хронологический разрыв между этим свидетельством раннего заселения территории и временем распространения микропризматической индустрии около 7000 л. н. со временем, вероятно, будет заполнен соответствующими материалами, однако на данный момент их нет — систематические работы на

Таймыре не возобновлялись на протяжении 40 лет. Надежду на появление таких материалов даёт обнаружение так называемого Кастыхтахского мамонта, погибшего в конце МИС 3 (26830 ± 430 С¹⁴ л. н., ИЭМЭЖ 1409) в верхнем течении р. Дудыпты (Kirillova et al., 2012); кости животного также несут следы человеческой деятельности (Pitulko et al., 2016 b).

Немногие известные свидетельства раннего присутствия человека в арктической Восточной Сибири рассеяны на огромной площади. Данное обстоятельство, скорее всего, в значительной степени связано с неравномерной изученностью территорий. Наиболее обследованным, на данный момент, является северо-западный район Яно-Индигорской низменности и Новосибирских о-вов, лежащий далее к востоку; расстояние от точки находки Сопкаргинского мамонта до следующего пункта, находки из которого говорят о раннем присутствии человека в Арктике, составляет около 1500 км.

1.2. Север Яно-Индигорской низменности, северная часть её горного обрамления и Новосибирские о-ва (центральная часть Восточно-Сибирской Арктики)

До начала масштабных поисков, предпринятых за последнюю четверть века (Питулько и др., 2015 а), для всей этой территории и Восточно-Сибирской Арктики в целом здесь был известен единственный объект археологии каменного века возраста финального плейстоцена — «стоянка» Берелёх (Верещагин, Мочанов, 1972). Ранее практически необследованный, в настоящее время указанный район изучен намного лучше прочих территорий арктической Восточной Сибири.

В 1884 г. Российской академией наук и Русским Географическим обществом была направлена экспедиция для исследования побережья Северного Ледовитого океана в Восточной Сибири в окрестности рек Лены и Яны, и Новосибирских островов, лежащих к северу от этих мест, а также далее на восток вплоть до р. Колымы. Её работы были проведены в 1884–1886 гг. Возглавил экспедицию доктор (врач) А. А. Бунге, а в качестве геолога был приглашен барон Э. В. Толль (Bunge, Toll, 1887). В обязанности Толля входили, в том числе, разведочные работы в левобережье р. Яны на её левом притоке р. Бытантай (для выяснения условий залегания трупа носорога, описанного ранее Л. И. Шренком) и далее от устья р. Бытантай вниз по течению р. Яны.

В ходе этих работ в 1885 г. Э. В. Толлем были описаны скопления черепов плейстоценовых бизонов на р. Баки (левый приток р. Яны ниже устья р. Бытантай) и на небольшом безымянном ручье вниз по течению от р. Баки, ныне известном под названием Юниген. Обнажение в момент посещения его Э. В. Толлем было хорошо вскрыто. Из него было получено полтора десятка черепов бизона, а на месте работ была установлена бронзовая табличка с названием экспедиции и датой. Попытки установить точное местоположение этого скопления остатков бизонов в ходе археологических работ на Янском комплексе стоянок, проводящихся с 2001 г. (Питулько, 2019 б; Питулько и др., 2012 в; Pitulko et al., 2004; Pitulko et al., 2013), оказались безуспешны, но в 2009 или 2010 г. местными жителями была найдена табличка, оставленная Э. В. Толлем. Место находок Э. В. Толля, таким образом, оказалось идентифицировано; его координаты: 68° 55' 05.2" с. ш., 134° 28' 46.2" в. д.

Впоследствии на этом ручье, где встречаются костные останки плейстоценовой фауны, местными жителями для поисков бивней мамонтов были устроены

масштабные размывы мёрзлых отложений, в которых была вскрыта значительная концентрация костей позднеплейстоценовой фауны. По состоянию на 2023 г., местонахождение полностью разрушено в результате техногенного воздействия. Среди костных останков мамонта (немногочисленны), шерстистого носорога и бизона (преобладают), оказались в заметном количестве кости других видов животных, в том числе северного оленя, благородного оленя, сайги, россомахи и волка. Находки фауны происходят из верхней части толщи многолетнемёрзлых отложений, заполняющих понижения скального цоколя на высоте около 50 м над уровнем реки. В 2013–2014 гг. удалось изучить часть коллекции фаунистических останков и организовать их датирование. Местонахождение получило название **стоянка Бунге — Толля — 1885** (Pitulko et al., 2014 a) (илл. 2).

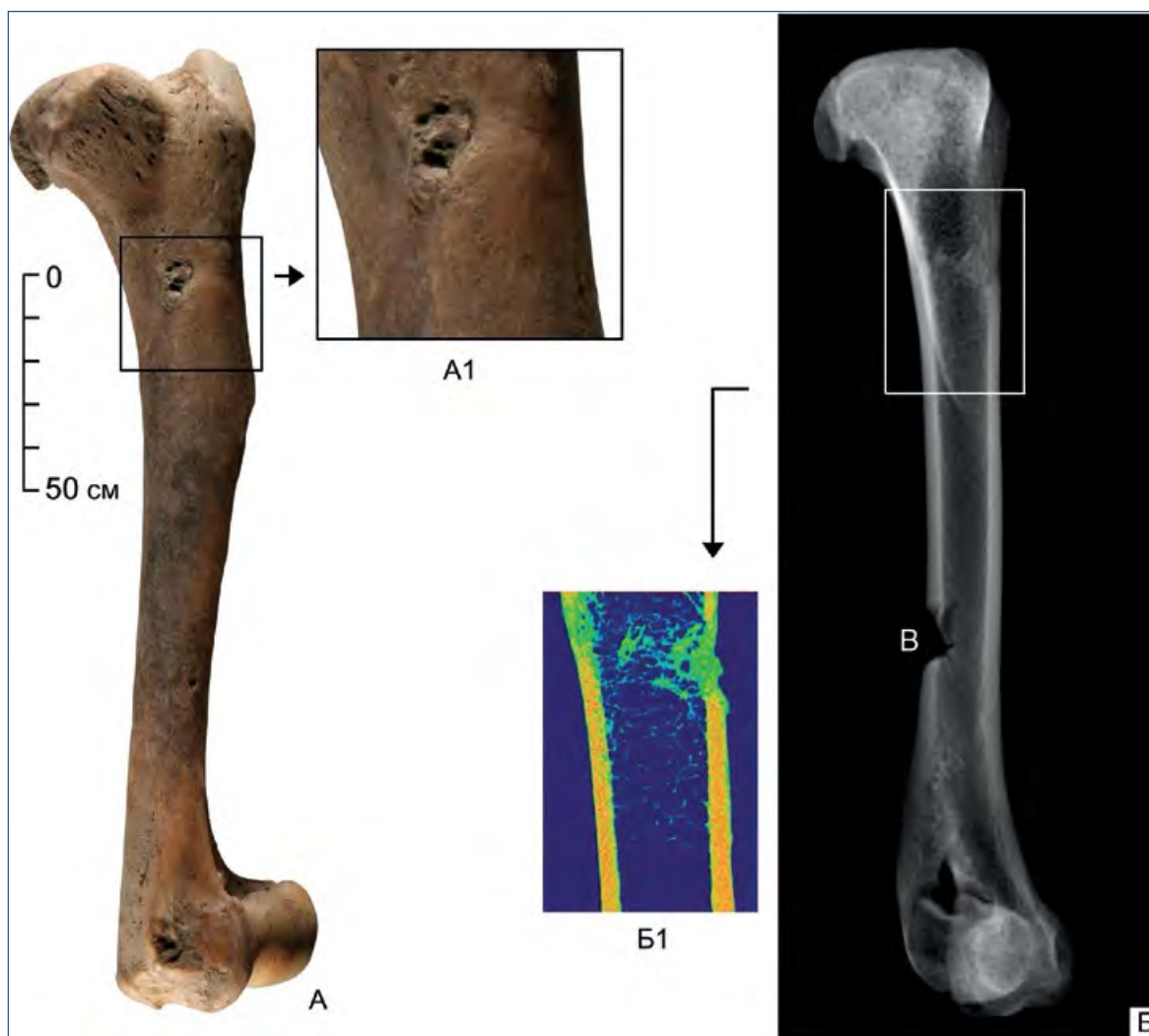
Результаты радиоуглеродного датирования указывают на то, что в размывах, сделанных местными жителями в поисках бивней мамонтов, вскрыта, вероятно, верхняя часть отложений III террасы р. Яны. Датировки получены по коллагену кости, большинство из них древнее 40 тыс. л. н., в двух случаях возраст измерен с асимметричным отклонением (Питулько, 2016; Pitulko et al., 2016 b). На основании самой молодой даты накопление костеносного горизонта могло продолжаться на протяжении длительного времени, до 36 000 л. н. (Питулько, 2016; Питулько, Павлова, 2019 б).

При осмотре коллекции с археологической точки зрения удалось заметить, что некоторые кости имеют признаки, которые можно рассматривать как свидетельство их модификации человеком. Таковы лопатка носорога, у которой отбит гребень и удалена часть поверхности по краям, и специфический фрагмент вскрытой в нижней части нижней челюсти северного оленя (обломок с серединой зубного ряда). По опыту археозоологических наблюдений, данный тип повреждений чрезвычайно характерен для костей северного оленя из археологических стоянок, где связан с пищевой утилизацией и никогда не встречается в природе (Питулько и др. 2013 а).

Наиболее интересной находкой в плане археологии является левая плечевая кость взрослого некрупного плейстоценового волка (илл. 5). Её возраст ($44\,650 \pm 950 / -700$ C¹⁴ л. н. (GrA 57022), или около 48 000 л. н.) определён индивидуально, для чего был выпилен фрагмент диафиза. В верхней трети поверхности внешней стороны кости в её проксимальной области заметна патология, связанная с заживлением полученной травмы (илл. 5, А, А1). На этом участке не имеется никаких точек крепления мышц или питательных отверстий, таким образом, можно предполагать травматическое происхождение патологии, вызванной воздействием, направленным почти под прямым углом к оси плечевой кости. Симметричный дефект на обратной поверхности кости отсутствует, что исключает появление патологии вследствие повреждения кости в результате глубокого укуса.

Для выяснения характера отмеченного повреждения двумя методами было проведено рентгеновское исследование образца на стандартном оборудовании и затем средствами компьютерной томографии (илл. 5, Б, Б1). Было установлено следующее.

В проксимальной трети плечевой кости животного в зоне перехода метафиза в диафиз (метадиафизарная зона) имеется нарушение целостности кортикальной пластинки округлой формы с пористой структурой на ограниченном участке размерами 12 × 8 мм. Отсутствуют нарушения костной формы (деформации) и избыток костной ткани, которые встречаются на месте сросшихся типичных переломов со смещением отломков. Таким образом, данное повреждение может являться признаком перелом-дефекта на ограниченном участке кости.

Илл. 5. Местонахождение Бунге – Толля – 1885, плечевая кость плейстоценового волка с патологией на внешней поверхности в проксимальной области (след заживления в зоне поражения острым предметом): А – плечевая кость с патологией, общий вид; А1 – зона склероза крупным планом; Б – рентгеновская фотография плечевой кости волка, та же сторона, что и вид (А), с насечкой в дистальной области, обозначающей место отбора образца на датирование АМС ^{14}C -методом (В); Б1 – рентгеновский компьютерно-томографический срез повреждённой части кости

На рентгенограммах в двух проекциях в проксимальной трети плечевой кости животного в зоне перехода метафиза в диафиз (метадиафизарная зона) отмечаются невыраженные изменения структуры кортикальной пластинки на ограниченном участке. Имеется зона склероза, границы её приблизительно треугольной формы. Зона склероза распространяется на всю ширину кости. На томограмме имеются признаки нарушения структуры кортикальных пластинок. Некоторые кортикальные пластинки оказались вдавлены во внутреннюю область кости (илл. 5, Б1).

Внутри кости структура костной ткани изменена. На ограниченном участке имеется несколько участков неравномерного уплотнения костной ткани (склероза) неправильной формы, распространяющееся до противоположной кортикальной пластинки, изменения которой менее выражены. Представляется возможным заключить, что перечисленные признаки указывают на хорошую естественную регенерацию костной ткани животного на месте нетипичного перелом-дефекта. Можно предположить колото-рубленный механизм повреждения кости ка-

ким-либо немассивным, острым ранящим предметом, в результате нанесённого с большой силой удара, пробившего кость на глубину около 10 мм. Повреждение кости ранящим предметом несквозное. Форма острия предмета, на основании 3D-реконструкции по результатам проведённого томографического исследования, охарактеризована как сильно заострённая коническая с уплощением. Посттравматические изменения в костях современного животного, подобные наблюдаемым на образце из стоянки Бунге — Толля — 1885, происходят ориентировочно через 6 месяцев и более после получения травмы.

Колото-рубленая рана в правой плечевой кости волка, нанесённая острым предметом с большой силой, могла быть получена животным только в результате контакта с человеком. Реконструированная форма орудия позволяет предположить, что это было достаточно острое изделие, скорее всего, наконечник из кости или бивня мамонта. Таким образом, находка из стоянки Бунге — Толля — 1885 (БТ-1885) на руч. Юниген является прямым свидетельством расселения человека в Восточно-Сибирской Арктике около 50 000 л. н. или несколько ранее, в любом случае — в начальной фазе интерстадиала МИС 3, примерно в то же время, что и событие, связанное с гибелью Сопкаргинского мамонта. В какой мере прочие костные останки из местонахождения БТ-1885 связаны с деятельностью человека, сказать невозможно, и как долго они накапливались, осталось неясным и не будет установлено никогда, поскольку данный объект полностью разрушен в результате бивнеискательской деятельности, подобно многим другим археологическим объектам региона (Питулько, Павлова, 2017).

На западе Яно-Индигорской низменности имеется ещё несколько местонахождений близкого возраста, два из них расположены в долине р. Яны. Первое из них, **местонахождение Кючус**, открыто в 2009 г. на 492 км р. Яны, на правом берегу, в 3 км ниже впадения в р. Яну её левого притока р. Кючус. В основании берегового склона обнаружено три концентрации каменных артефактов, представляющих отщеповую индустрию архаичного облика, основанную на расщеплении галек местных пород, доступных на бечевнике. В одной из них был собран правый передний метаподий плейстоценового бизона с зарубкой выше нижнего сустава, хорошей сохранности, без признаков выветривания и окатанности. Определение возраста этой кости показало значение $41\,400 \pm 1700 \text{ C}^{14}$ л. н. (LE-10053), или ~45 000 л. н. (Питулько, 2016). Связь археологического материала и датировки возможна, но необязательна.

В Янском комплексе стоянок на 195 км р. Яны, на её левом берегу, в 2003 г. было открыто **местонахождение Пункт Верхний** (Pitulko et al., 2013). На бечевнике собрана коллекция каменных изделий архаичного облика, сходная с находками из точки Кючус — ядрища из галек, массивные сколы, скрёбла, изделия с выемкой, а также фрагменты костей плейстоценовой фауны, встречающиеся в области распространения находок каменного материала. Фауна разнообразна, находки включают в себя стандартизированные обломки костей северного оленя и зайца, типичные для антропогенных комплексов, а также рукотворные отщепы бивня мамонта с открытой датой $> 43\,500 \text{ C}^{14}$ л. н. (Beta-348306, Beta-362935). Несмотря на то что использование человеком сырья (бивня мамонта), несомненно, временному моменту деятельности, всегда возможно, в данном случае, исходя из представлений о геологии отложений, предположительно вмещающих культурные остатки, которые несомненно попали на бечевник в оползневых массах, возраст археологического материала должен быть оценён древнее 40 000 л. н. В этой связи показательно, что единственная датировка из пункта Кючус практически идентична тем, что получены для Пункта Верхний Янского комплекса стоянок.

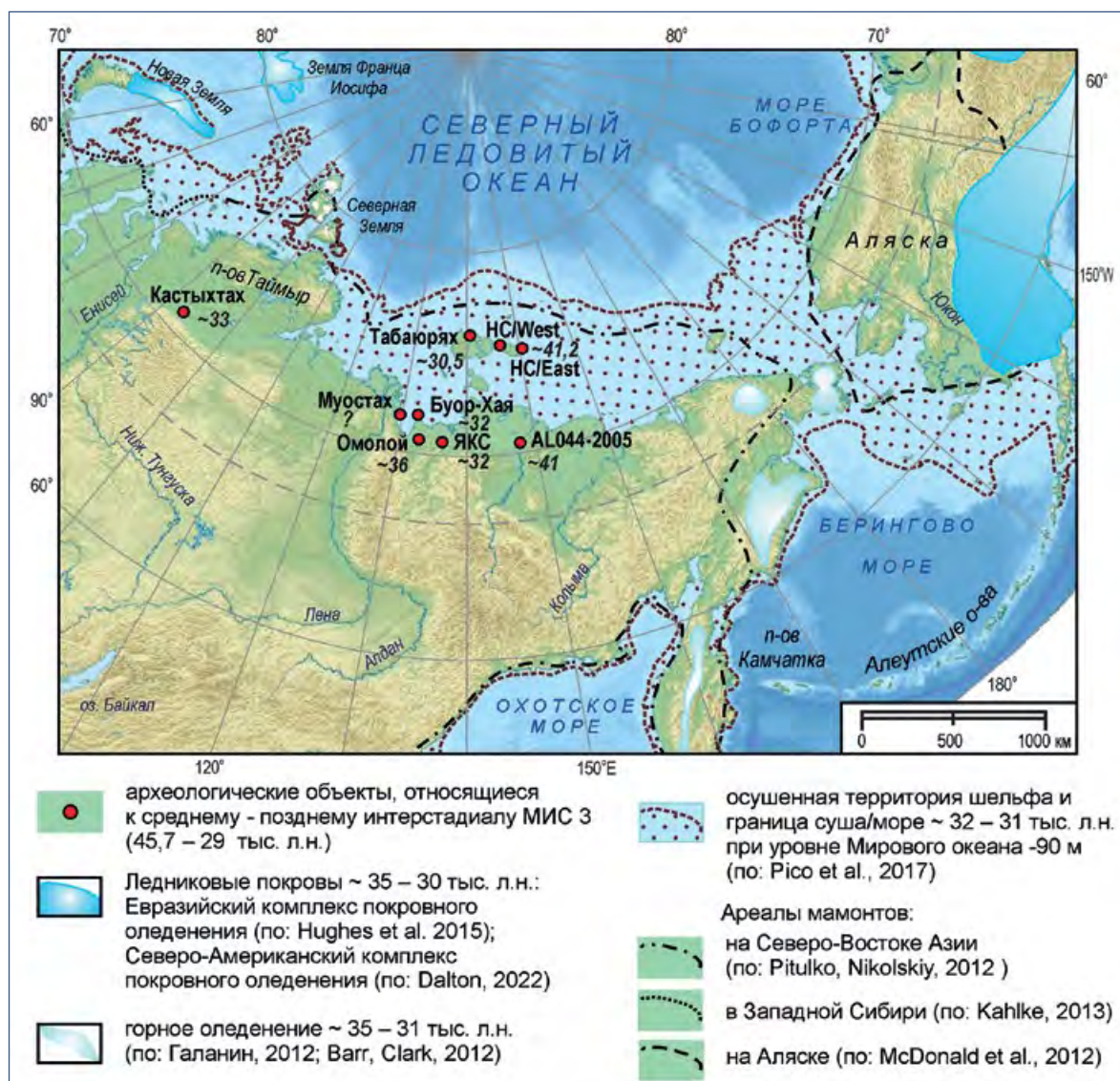
Перечисленные находки из западной части Яно-Индибирской низменности дополняют сборы из местонахождения мыс Муостах (п-ов Быковский) (илл. 2), где был собран обильный палеонтологический материал, представленный костными останками позднеплейстоценовой фауны — восемь видов, среди них мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц и овцебык (Кандыба и др., 2020). В коллекции определены фрагменты костей со следами человеческого воздействия различной степени достоверности, для нескольких образцов радиоуглеродным методом определён геологический возраст. В том числе он установлен для фрагмента черепа плейстоценового волка (наиболее молодая датировка в серии, показавшая возраст ~19 500 л. н.). Данная находка примечательна укороченными пропорциями черепа, что довольно обычно для янской субпопуляции мелких позднеплейстоценовых волков, обитавших вблизи человеческого жилья и эксплуатировавших отходы людского хозяйства в качестве специфической пищевой ниши (Никольский и др., 2018).

На основании датировок предполагается (Кандыба и др., 2022), что человек мог посещать эту местность в различные периоды времени в интервале от > 50 000 до ~19 500 С¹⁴ л. н., или от 50 000 до 23 500 л. н. Подобное предположение вполне допустимо, поскольку приведённые значения возраста, которые могут быть сопоставлены с деятельностью человека, вполне соответствуют разработанным для территории моделям расселения человека (Питулько, Павлова, 2023; Pavlova, Pitulko, 2020; Pitulko, Pavlova, 2020).

Вблизи местонахождения на мысе Муостах находятся фундаментально изученные разрезы едомы Быковского п-ва (см., например: Andreev et al., 2002; Schirrmeyer et al., 2002 a; Schirrmeyer et al., 2002 b; Sher et al., 2005), фаунистическая характеристика которых на основании результатов массового радиоуглеродного датирования образцов позднеплейстоценовой фауны детально изучена Т. В. Кузнецовой (Кузнецова и др., 2019). В этой связи в отношении упомянутых датировок (Кандыба и др., 2022) стоит, однако, заметить, что среди четырёх дат, полученных по костным останкам мамонта из местонахождения Муостах, только одна попадает в интервал основной группы датировок из разреза Мамонтовъй Хайата (36 000–23 000 С¹⁴ л. н.), но зато остальные три отвечают крайне малочисленной группировке древних конечных и открытых дат от ~40 000 С¹⁴ л. н. и древнее. Интересной чертой палеонтологической коллекции из разреза Мамонтовъй Хайата является необычно высокий процент останков хищников, отмеченный Т. В. Кузнецовой (Кузнецова и др., 2019) как особенная черта выборки. Повышенный процент костей хищных всегда сопутствует иным свидетельствам проявления человеческой деятельности, и в этом смысле материалы из разрезов Мамонтовъй Хайата и мыса Муостах, возможно, косвенным образом указывают на присутствие человека, предположительно включая ранний этап первоначального расселения человека в арктической Восточной Сибири в раннем интерстадиале МИС 3 (Pitulko, Pavlova, 2023).

Значительная группа объектов, заключающих в себе свидетельства пребывания человека в арктической Восточной Сибири, относится к среднему и позднему интерстадиалу МИС 3 — основной фазе раннего этапа освоения этих территорий (илл. 6). На двух островах архипелага Новосибирских о-вов, представляющих собой останцы Берингийской суши позднего плейстоцена, обнаружены такие свидетельства. Специфические изделия, характерные для верхнего палеолита Северо-Восточной Сибири, были найдены на о. Новая Сибирь, в западной и восточной частях острова в 2003 г. (Pitulko et al., 2015 a). Эти предметы (бивневые нуклеусы) представляют собой бивни мамонтов, специально подготовленные

для производства длинных стержней — острий или копий, наподобие найденных в Сунгире (Бадер, 1998) или Берелёхе (Верещагин, 1977). Данная технология подготовки к снятию бивневых заготовок может быть реализована только на добытом («свежем», green condition) бивне и неисполнима на ископаемом; таким образом, возраст находки **Новая Сибирь** / **WEST** непосредственно документирует присутствие человека. Вследствие специфики геологического развития территории, отложения молотковского возраста (МИС 3) на водораздельных участках в большинстве случаев залегают от поверхности; обе находки были встречены в этих условиях, одна из них датирована и имеет возраст $36\,600 \pm 500$ С¹⁴ л. н. (ГИН 11248), т. е. ~41 000 л. н.

Илл. 6. Археологические объекты арктической Восточной Сибири, относящиеся в среднему и позднему интерстадиалу МИС 3, основная фаза раннего этапа расселения человека в регионе. Цифрами обозначен возраст объектов в тысячах лет назад

На севере о. Котельный, Новосибирские о-ва (75° 42' 30" с.ш., 140° 9' 42" в. д.) было обнаружено скелетное залегание не крупного мамонта, известного как **Табаюряхский мамонт** (Павлов, Судзуки, 2020). В переднем крае клювовидного отростка левой лопатки было замечено повреждение, которое возникло в результате ранения метательным орудием из бивня или кости. Повреждение было при-

жизненным, поскольку вокруг обломка острия сформировалась костная мозоль, подобное наблюдалось и в материалах из Янского комплекса стоянок (Nikolskiy, Pitulko, 2013). Возраст события определён прямым датированием — $26\,244 \pm 224$ (IAAA 190392), т. е. $\sim 30\,500$ л. н., рубеж последнего ледникового максимума. Вместе с костями мамонта найдено несколько изделий из бивня, о которых трудно судить по публикации (Павлов, Судзуки, 2020).

В восточной части Яно-Индибирской низменности, в нижнем течении р. Аллаихи, в 2005 г. открыт **пункт AL044–2005** (илл. 6), где в скоплении костей зайца из осыпи берега был обнаружен отщеп горного хрусталя. Эта местность крайне бедна каменным сырьём, а горный хрусталь вообще является редкостью (Питулько и др., 2015 а). Так, на Янском комплексе стоянок он встречается исключительно в культурных отложениях, куда попал как ценное сырьё, специально перемещённое на дальнейшее расстояние от места находки. Возраст концентрации костных останков в пункте AL044–2005 составляет $36\,500 \pm 350$ C¹⁴ л. н. (AAR–18750), или $\sim 41\,000$ л. н.

В западной части Яно-Индибирской низменности известно несколько пунктов с археологическим материалом. Наиболее ранним из них является, вероятно, **местонахождение Омолой**, открытое в 2005 г. в низовьях р. Омолой, ниже пос. Хайыр, в верхней части разреза с миоценовой флорой, открытого К. А. Воллосовичем (Сукачев, 1910). В котловине выдувания, разрезающей каргинские отложения высокой плосковершинной поверхности > 30 м высотой, собраны крупный отщеп и скребло на массивном отщепе кварцитопесчаника. Вместе с ними найдены фрагменты стружки бивня мамонта, радиоуглеродный возраст которой $32\,070 \pm 210$ C¹⁴ л. н. (Beta–309153), или $\sim 36\,000$ л. н.

Другое местонахождение обнаружено далее к северу в низовьях р. Орто-Стан на западной стороне п-ва Буор-Хая, разделяющего губу Буор-Хая и Янский залив, где была собрана коллекция костных останков плейстоценовой фауны, преимущественно мамонтов (Strauss et al., 2011). Впоследствии материал был изучен с точки зрения его значения для археологии (Pitulko et al., 2014 с).

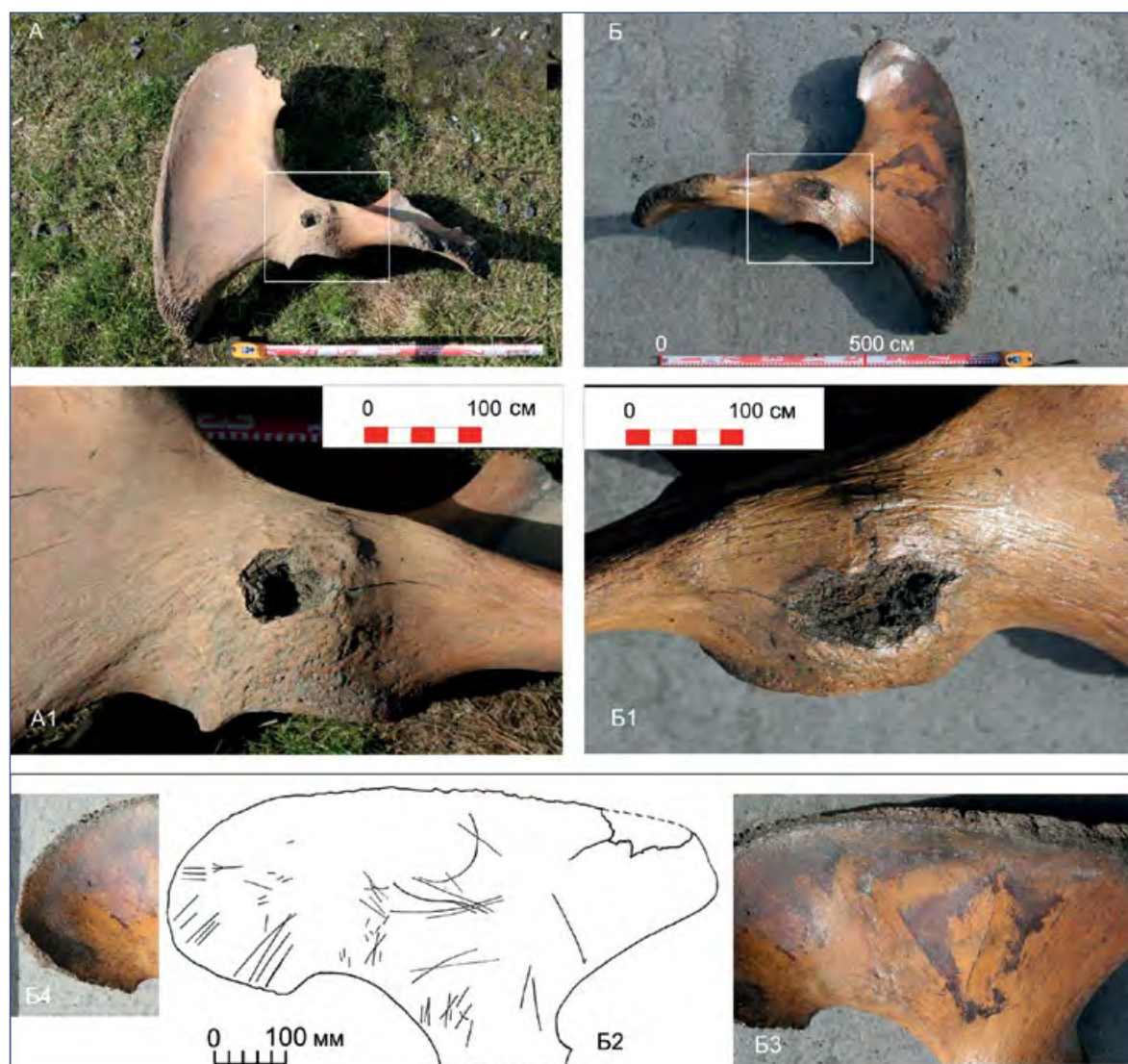
Местонахождение Буор-Хая/Орто-Стан находится на одном из безымянных термокарстовых озёр правобережья р. Орто-Стан (илл. 6). Координаты местонахождения: $71^{\circ} 56' 38''$ с. ш., $132^{\circ} 47' 38''$ в. д. Костеносный горизонт принадлежит отложениям ледового комплекса, слагающим северный берег небольшого остаточного озера в северо-западной части обширного аласа, вложенного в отложения 30 м геоморфологической поверхности, являющейся одним из основных черт топографии п-ва Буор-Хая. Превышение поверхности над днищем аласа около 12 м. Ледяной обрыв имеет южную экспозицию и активно разрушается. Костные останки происходят из размывов, сделанных в нижней части обнажения местными жителями в поисках бивней мамонтов, и были собраны вблизи уреза озера.

Радиоуглеродные датировки местонахождения указывают, что оно относится к середине МИС 3 и имеет возраст $\sim 32\,000$ л. н. Две датировки костей мамонтов со следами человеческого воздействия показали возраст $27\,080 \pm 140$ C¹⁴ л. н. (Beta-362946) и $27\,430 \pm 150$ C¹⁴ л. н. (Beta-362947); ещё одна дата $28\,790 \pm 160$ C¹⁴ л. н. (Beta-362948) получена по кости лошади. На их основании можно предполагать, что данное костяк формировалось на протяжении некоторого времени, примерно 500 лет или более, при условии, что кость лошади относится к горизонту находок костей мамонтов со следами разделки или убоя.

В коллекции резко преобладают костные останки мамонтов, среди которых имеются останки как молодых, так и взрослых зверей с небольшой примесью других видов животных, обитавших в позднем плейстоцене на севере современ-

ной Яно-Индибирской низменности (северный олень, плейстоценовая лошадь и, вероятно, бизон). Судя по костным останкам мамонтов, на основании разницы в их размерных классах, можно предполагать, что здесь представлены останки примерно 6–7 зверей, включая молодых. Так, тазовые кости принадлежат не менее чем четырем различным животным.

Две из них имеют идентичные следы воздействия человека в прошлом (илл. 7), в момент, когда животные были убиты (?) и затем разделаны. Подобный тип повреждений ранее не был отмечен в литературе, однако следует указать, что на Янском кладбище мамонтов (Basilyan et al., 2011) подобные повреждения встречаются спорадически и имеют вид слепого отверстия, пробитого в стенке вертлужной впадины. Однако чаще тазовые кости в районе вертлужной впадины оказываются разрушены существенно больше, фактически в таких случаях треть или половина её окружности отсутствуют, что характерно для останков животных мелкого (полувзрослых) и взрослых среднего размера. В данном случае это существенно более крупные взрослые мамонты, и отбить часть кости вертлужной впадины оказалось, видимо, невозможно.

Илл. 7. Местоположение Буор-Хая/Орто-Стан. А – левая тазовая кость с повреждением в районе вертлужной впадины; А1 – крупный план для А; Б – правая тазовая кость с повреждением в районе вертлужной впадины; Б1 – крупный план для Б; Б2 – гравированные линии на поверхности тазовой кости Б; Б3 и Б4 – крупные планы поверхности тазовой кости Б с гравировкой

Тем не менее в целях разделки туши имелась необходимость отделить бедренную кость, скреплённую с тазовой прочной связкой, находящейся внутри сустава. Его можно было разрезать, но для этого было необходимо сначала вывернуть головку бедренной кости из сустава. Слепое отверстие, пробитое каудодорсально относительно вертлужной впадины с каудальной поверхности тазовой кости, вызвало растрескивание кости и ослабление скрепления бедренной и тазовой кости, после чего было относительно легко выполнить разъединение костей. Таким образом, эти повреждения являются свидетельством разделочной операции и указывают на стремление к максимально полной утилизации как мяса, так и скелетных элементов мамонтов, в том числе костей конечностей, которые могли служить, в том числе, топливом.

На поверхности одной из тазовых костей отчётливо видны гравированные линии, нанесённые каким-то острым инструментом с асимметричным профилем, вероятно, отщепом камня. К сожалению, поверхность кости существенно повреждена чьей-то неудачной попыткой отреставрировать её, однако сохранились и неповреждённые участки, благодаря чему очевидно, что линии были нанесены в древности (сохранность поверхности и патина на их дне идентичны таковым для поверхности кости в целом). Ширина линий 1,5 мм, глубина 1 мм или чуть более (Pitulko et al., 2017). Различные гравировки на костях животных из палеолитических стоянок время от времени встречаются, однако их содержание, чаще всего, остаётся непонятным. В данном случае можно утверждать, что их появление не связано ни с разделкой в прошлом, ни с процессом извлечения костей во время добычи бивней (в нём вообще не участвуют никакие инструменты, кроме мощного насоса), они не являются также следом волочения, поскольку не выглядят свежими повреждениями. Более всего они напоминают какие-то пометки, сделанные для визуализации элементов объяснения чего-то, например, элементов рельефа местности и пространственного соотношения расположенных на ней объектов. Подобные знаки встречались изредка на некоторых плоских костях (лопатках) из Янского кладбища мамонтов.

Помимо выразительных следов разделки мамонтов, Буор-Хаинское костяше даёт не менее выразительные примеры охотничьего воздействия на кости хоботных, которые вообще известны в очень немногих объектах. Так, кроме Янского «кладбища мамонтов» (Basilyan et al., 2011), можно назвать Костёнки (Праслов, 1995; Синицын и др., 2019), Краков-Спадзиста (Wojtal et al., 2019), Луговское (Зенин и др., 2006) и Манис (Waters et al., 2011). В Янском комплексе стоянок они наиболее многочисленны и выразительны (Nikolskiy, Pitulko, 2013; Pitulko et al., 2016 b), что дало возможность изучить топологию повреждений и оценить стратегию и тактику охоты на этих животных, которая, скорее всего, напоминала стратегию «копейного дождя», описанную этнографически у африканских охотников-собирателей (Agam, Barkai, 2018; Livingstone, 1956; Turnbull, 1983). В этой связи следует отметить, что на обломках черепов мамонтов имеются повреждения, отражающие какое-то действие. Они локализованы вблизи края назального отверстия (вблизи основания хобота) и могли быть оставлены в результате разделки, что было бы необычно, поскольку известно, что следы разделки на костях мамонта весьма редки. Скорее, эти повреждения являются следствием проникающего ранения копьём при нанесении «удара милосердия» с целью добить раненое животное, лежащее на земле, этот специфический приём, вызывающий смертельное кровотечение, описан С. Ф. Куликом (Кулик, 1971) в охотничьей практике пигмеев. Подобное повреждение отмечено на костях Сопкаргинского мамонта (Pitulko et al., 2016 b).

Таким образом, костяк Буор-Хая/Орто-Стан содержит кости мамонтов со следами убоя и разделки. Весьма вероятно, что данный объект является, как и Янское «кладбище мамонтов» (Basilyan et al., 2011; Pitulko et al., 2013), частью пространственной структуры крупного археологического объекта, сформированным в результате хозяйственной деятельности древнего человека с целью хранения сырья (костей и бивней) и их подготовкой к дальнейшему использованию (Pitulko et al., 2015 а).

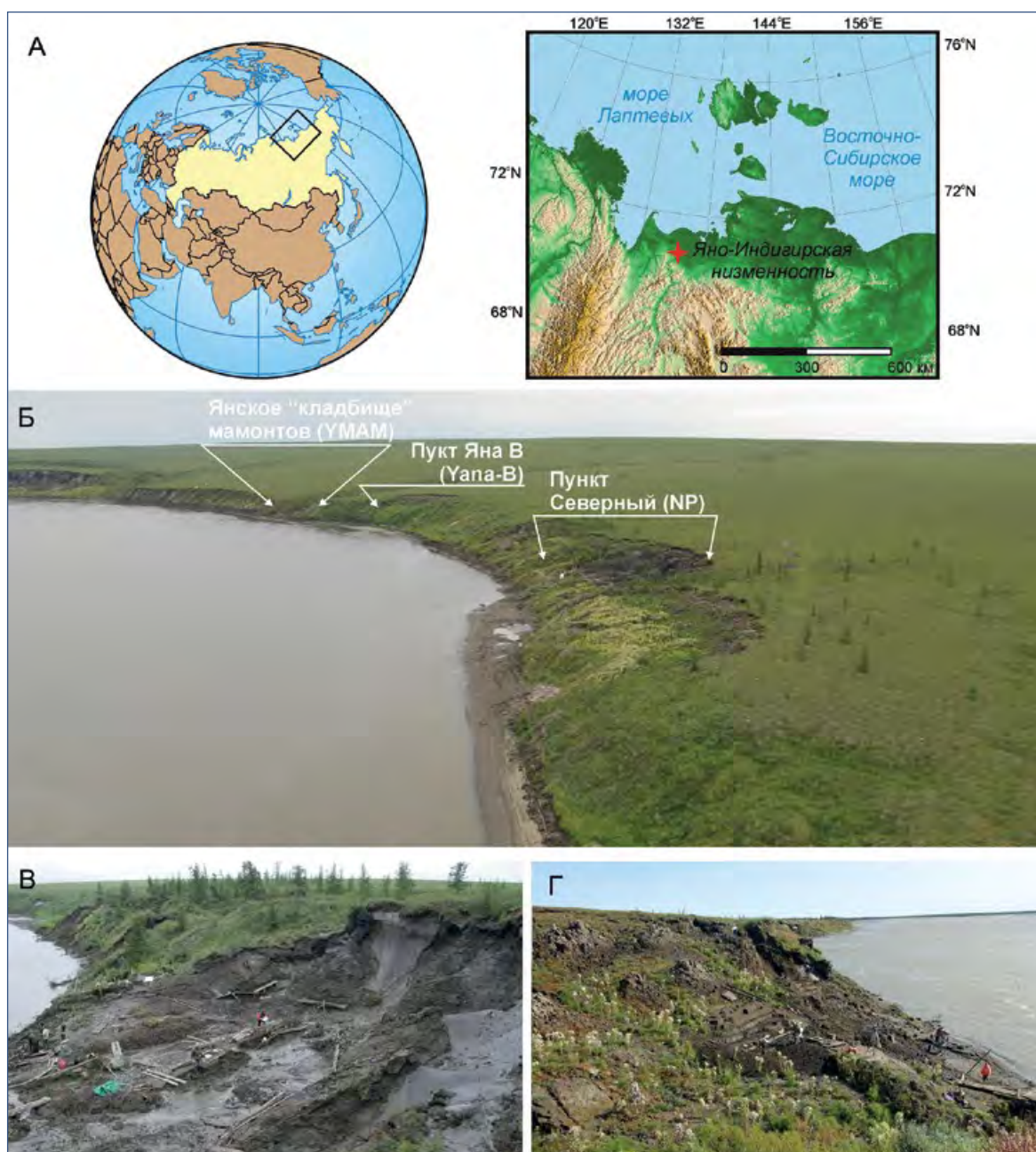
Янская стоянка является важнейшим объектом из числа относящихся к заключительной фазе раннего этапа освоения человеком арктической Восточной Сибири (илл. 6). Археологический памятник, расположенный в нижнем течении р. Яны в западной области Яно-Индибирской низменности, был открыт в 2001 г. (Pitulko et al., 2004). Он расположен в географических координатах 70° 43' с. ш. и 135° 25' в. д. (илл. 8). В палеогеографическом смысле, данная территория находится в западном пределе Западной Берингии, природного феномена позднего плейстоцена Северной Евразии и северо-запада Северной Америки.

На участке современного левого берега р. Яны, где находится этот уникальный объект эпохи верхнего палеолита, река, несущая свои воды на север, почти под прямым углом делает резкий двойной поворот и течёт на этом отрезке с запада на восток, затем снова возвращаясь к северному направлению. В данной части долины хорошо выражен комплекс аллювиальных форм рельефа, включая косы, осередки и пойму, высокую пойму и три уровня террас, представленных фрагментами поверхностей, формировавшихся в плейстоцене и голоцене (Питулько и др., 2011 б; Питулько и др., 2012 а; Питулько и др., 2012 в).

Фрагменты высоких поверхностей, принадлежащие, соответственно, уровням 40–45, 16–18 и 10–11 м над урезом реки (м н/у), рассматриваются как уровни третьей (Т3), второй (Т2) и первой террас (Т1). Их отложения находятся в многолетнемёрзлом состоянии и содержат сингенетичные повторно-жильные льды нескольких генераций (Питулько и др., 2007; Басилян и др., 2015; Basilyan et al., 2011). Объёмное содержание льда в этих отложениях варьирует от 30 до 70%, подобные отложения характерны для арктической Сибири и известны как отложения ледового комплекса (Романовский, 1993).

Все геоморфологические поверхности, чья высота не превышает 9–10 м н/у, относятся к современной зоне аккумуляции. Указанные поверхности сложены отложениями преимущественно аллювиального генезиса. Археологические объекты принадлежат отложениям второй террасы. Установлено, что её формирование началось ~40 000 л. н. (Питулько, Павлова, 2010; Basilyan et al., 2011). Условия аллювиального осадконакопления сменились на субаэральные около 14 000 С¹⁴ л. н. (Pitulko, Pavlova, 2016).

Вся толща отложений Т2, за исключением верхнего метра, представляет собой сингенетично-мёрзлые осадки с высоким содержанием льда различного генезиса и тремя взаимоналоженными генерациями повторно-жильных льдов (ПЖЛ). Основная генерация ПЖЛ (до 3 м ширины) имеет молотковский возраст (МИС 3), вторая — маломощные ПЖЛ (до 0,5 м ширины) — формировалась в сартанское время (МИС 2), наконец, тонкие жилки имеют голоценовый или современный возраст (Питулько и др. 2007; Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko, Pavlova, 2022 а). Многолетнемёрзлые условия являются специфической археологической средой (Pitulko, 2021; Pitulko, 2019), обеспечивающей превосходную сохранность изделий из недолговечных материалов, но диктующей необходимость формирования особых раскопчных стратегий (Питулько, 2008; Питулько, 2012 а; Pitulko, 2015). В то же время сами такие объекты чувствительны к климатическим и гидрологи-

Илл. 8. Местоположение Янской стоянки. А – географическое положение Янского комплекса стоянок (использован фрагмент модели рельефа земной поверхности ETOPO®); Б – пространственное взаимоотношение объектов Янской стоянки на левом берегу р. Яны, вид с востока; В – раскоп участка Северный, вид с востока; Г – раскопки на участке Яна В, вид с запада

ческим изменениям (Hollesen et al., 2018) и нуждаются в неуклонном изучении во избежание полной потери информации в результате таких изменений, что можно легко видеть на примере Янской стоянки.

Пространственная организация объектов, составляющих Янский комплекс стоянок, как и вопросы её геологии, неоднократно обсуждались ранее (Питулько и др., 2012 в; Basilyan et al., 2011; Pitulko et al., 2013; Pitulko, Pavlova, 2016). Несмотря на то что в литературу данный памятник вошёл как «стоянка», фактически это комплекс примерно одновременных, близкорасположенных археологических объектов, функции которых были различны (Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015 а). В составе этого комплекса выделяется несколько (не менее семи)

известных отдельных участков («стоянок»), принадлежащих отложениям Т2, из которых лучше всего сохранились и изучены пункт Северный и участок Яна В.

Некоторые из них охарактеризованы только подъёмным материалом (пункт Верхний, Яна АСН, пункт Южный), тогда как другие (пункт Северный, участок Яна В, участок ТУМС1 и янское «кладбище» мамонтов, УММ) имеют хорошо сохранившийся культуросодержащий горизонт, представленный более или менее протяжёнными участками. Массовое скопление костных останков мамонтов УММ (Basilyan et al., 2011; Pitulko et al., 2015 a) представляет собой важнейший элемент пространственной структуры Янского комплекса стоянок (илл. 8) и едва ли не его стержень. Как было показано, данный участок служил хранилищем и технологическим пространством для первичной обработки бивней мамонтов (илл. 9) и, в более широком смысле, для прочих видов деятельности, связанных с использованием костных останков мамонтов (Pitulko et al., 2015 a).

Культуросодержащий горизонт Янской стоянки залегает в середине тела второй террасы с относительным превышением 7,5–8 м н/у и имеет широкое распространение. Многолетнемёрзлые условия обеспечивают великолепную сохранность изделий из недолговечных материалов. Культурный слой памятника имеет мощность 12–15 см и хорошо выраженный красно-коричневый окрас (на пункте Северный), а на участке Яна В — несколько меньшую мощность (5–10 см) и бурый цвет. Горизонт насыщен чрезвычайно многочисленными костными останками позднеплейстоценовой фауны, изделиями из кости, рога и бивня мамонта, десятками тысяч единиц каменных изделий и дебитаж (Pitulko et al., 2013).

Повсеместно характерной чертой культуросодержащего горизонта является его разделённость на отдельные участки, приуроченные к мерзлотным полигонам, которая возникла вследствие разрастания клиновидных тел повторно-жильного льда, и массовое наличие криотурбаций (Питулько, Павлова, 2010; Питулько и др., 2012 в). Наиболее существенной разновидностью последних является так называемый «задир», т. е. резкое изгибание горизонта в краевых областях полигонов на расстоянии примерно одного метра от жилы и выжимание материала культурного слоя вверх вдоль контакта (Питулько, Павлова, 2010; Питулько и др. 2011 б). Данный эффект, составляющий важную структурную характеристику многолетнемёрзлых отложений (Pitulko, Pavlova, 2022 a), многократно зафиксирован инструментально, а его проявление можно наблюдать в свежих мёрзлых стенках береговых обнажений.

На участках берега между наиболее мощными концентрациями материала (например, пункт Северный и участок Яна В), благодаря рассеянному артефактам и костным останкам животных, в естественных обнажениях и техногенных размывах, возникающих в результате добычи бивней мамонтов местными жителями (Питулько, Павлова 2017; Pitulko 2014), отчётливо трассируется уровень древней дневной поверхности (Basilyan et al. 2011). Оба участка, несомненно, связаны с ней. Фактически данный уровень представляет собой сплошной горизонт обитания, слабо насыщенный фаунистическими останками и редкими артефактами в промежутках между интенсивно использовавшимися участками («стоянками»).

Многократные определения возраста культурных остатков стоянки радиоуглеродным методом надёжно обосновывают хронометрию и хронологию событий (Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015 a; Pitulko, Pavlova, 2016). Возраст культурного горизонта определён, в целом, в интервале 28 900–26 900 радиоуглеродных лет назад множественными C^{14} датировками, полученными по фаунистическим останкам, очажным массам и прямым датированием артефактов из органических материалов. Их возраст контролируется датированием подстилающих и пере-

Илл. 9. Янское «кладбище» мамонтов (УММ). А – общий вид в начале разрушительной деятельности по добыче бивней мамонтов, предпринятых местными жителями в 2008–2014 гг.; В, Г – изучение выборки бивней мамонтов из УММ, предпринятое авторами; Г – бивневый нуклеус; Д – взрослые, молодые и детские бивни мамонтов, извлечённые из УММ

крывающих отложений разреза стоянки. Датировки, полученные по разным материалам, не противоречат друг другу и находятся в согласии с их положением в разрезе, т. е. они синхронны осадконакоплению (Pitulko et al., 2004; Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko, Pavlova, 2022 a).

Датировано четыре отдельных области Янского комплекса стоянок (пункт Северный, участок Яна В, «кладбище мамонтов» УМAM-SP, местонахождение ТУМС1). Ранее (Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015 a) было показано, что культурный горизонт Янского комплекса стоянок сформировался в результате нескольких (трёх) циклов использования территории памятника древним человеком, соответственно, несколько ранее 30 000 С¹⁴ л. н., затем в интервале ~28 500–28 000 С¹⁴ л. н. и, наконец, ~27 500–27 000 С¹⁴ л. н. (Pitulko, Pavlova, 2016; Pitulko et al., 2017), в промежутках между которыми местность посещалась спорадически. Для всех четырёх структурных элементов установлен близкий возраст ~32 000 л. н. (calBP), который соответствует времени основного эпизода обитания на Янской стоянке, принадлежащего к заключительной фазе древнейшего этапа расселения человека в Восточно-Сибирской Арктике на протяжении МИС 3, материалы которого дают полное представление о культуре палеолита в арктической области планеты.

Основной изучаемой площадью на протяжении многих лет работ оставался пункт Северный. В течение раскопочных кампаний, последовательно проведённых в 2003–2018 гг., здесь сплошным раскопом изучено около 3500 м² культурного слоя, а общая площадь раскопа, с учётом пространства, занятого повторно-жильными льдами, превысила 5000 м².

Отличительной чертой раскопок на Янской стоянке является достаточно высокая скорость боковой эрозии реки, в результате которой материалы этого уникального объекта мирового культурного наследия постоянно находятся под угрозой уничтожения. Работы на пункте Северный удавалось вести с опережением темпа движения эрозионного фронта, который на протяжении многих лет составлял 6–8 м/год (Питулько и др. 2012 a). В последние годы (2014–2023 гг.) динамика эрозионных процессов на участке от УМAM до пункта Северного (с захватом области берега ниже его по течению реки) резко ускорилась, и начиная с 2015 г. скорость отступления берега на отдельных его участках стала достигать десятков метров в год, что, к сожалению, довольно обычно для многолетнемерзлых отложений в подобных условиях (см., например: Kanevskiy et al., 2011; Kanevskiy et al., 2016).

Небольшие по объёму работы на участке Яна В эпизодически проводились в разные годы (2015–2018 гг.) и только в последнее время осуществляются на постоянной основе после завершения основной части раскопок на пункте Северный, где культурный слой оказался со временем исчерпан, либо в его пространственном распространении имеется существенный перерыв (Питулько, 2019 б).

К настоящему моменту раскопки на пункте Северный Янской стоянки доставили более 120 000 закартированных артефактов, целых костей животных и фрагментов костных останков, и огромное количество мелких предметов, полученных промывкой материала культурного слоя на сите после расчистки слоя, в том числе изделий из кости и бивня мамонта (бус, подвесок, фрагментов различных изделий). Фаунистические останки особенно многочисленны, их количество многократно превышает число изделий (Pitulko et al., 2013). Фаунистическая коллекция содержит останки различных травоядных (мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, плейстоценовых бизонов и лошадей) и хищных животных (бурый медведь, россомаха, волк, песец), а также зайцев и куропаток.

Наиболее многочисленны останки лошади, бизона, северного оленя и зайца (Pitulko et al., 2004; Pitulko et al., 2013), тогда как останки мамонтов относительно редки, за исключением определённых участков Янского комплекса стоянок (Basilyan et al., 2011; Pitulko et al., 2015 a). Как было показано, этих животных добывали не столько ради мяса, сколько ради их бивней (Nikolskiy, Pitulko, 2013; Pitulko et al., 2015 a).

Основным источником мясной пищи для обитателей стоянки служили бизон, лошадь и северный олень (Pitulko et al., 2013). Они же, в особенности северный олень, служили важным источником мехового сырья. С той же целью, очевидно, добывали и зайца, который является источником лёгкого и тёплого меха. Для останков зайцев характерны случаи скелетных залеганий, что говорит именно о пушном промысле с помощью силков (Pitulko et al., 2012) при очевидном слабом вкладе в мясную диету обитателей стоянки, а также указывает на сезон промысла (осень), когда шкура имеет наилучшее качество.

Материальные культурные остатки Янской стоянки, добытые при раскопках, весьма разнообразны и представлены каменными и костяными (в широком смысле) артефактами. В целом, открытая здесь индустрия включает в себя четыре основных технологических контекста: 1) производство полифункциональных орудий (скрёбел), служивших для обработки охотничьей добычи и различных материалов (Питулько, 2010 а; Питулько и др., 2012 в); 2) производство микроорудий для обработки кости, рога и бивня мамонта, а также для создания элементов охотничьего инвентаря (Pitulko et al., 2013); 3) производство артефактов из бивня мамонта, кости и рога (Питулько, Павлова, 2019 а; Питулько и др., 2014; Pitulko et al., 2015 а); 4) производство красной «охры» (Pitulko et al., 2012). Видимые жилищные структуры отсутствуют, однако имеются очаги и связанные с ними свидетельства деятельности человека, или «контекст использования огня».

Сырьём для производства орудий в янской индустрии служили гальки кремнённых пород (алевролитов), образующих наиболее заметную группу в петрографическом составе русловых галечников поблизости от стоянки. Использовались гальки различных размерных классов; судя по крупным ядрищам, отщепам и готовым изделиям, заметно стремление использовать гальки и мелкие валунчики до 10–15 см, а также мелкие гальки размера 5–7 см, предпочтительно с уплощением одной из сторон и ветрогранники, последние особенно характерны для пункта Яна В (Питулько, 2019 б). Кремнеподобное сырьё в коллекции представлено слабо и, возможно, является результатом транспортировки из какого-то другого источника. Заметную роль в производстве микроорудий играл горный хрусталь, но в общем составе коллекции его доля незначительна. Кристаллы горного хрусталя могли быть собраны из речных галечников, но, скорее всего, их источником служили склоны ближних отрогов Куларского хребта в 15–20 км к югу от стоянки (Питулько и др., 2012 в).

Для Янского комплекса стоянок характерна выдержанная технологически и морфологически индустрия с выраженным галечным расщеплением. Характер каменной индустрии подчёркнуто отщеповый. Отщепы составляют более 70% коллекции каменного инвентаря, что нормально для любой индустрии, в которой доступ к сырью неограничен, а качество его разнообразно и в среднем не очень высоко. Имеются удлинённые сколы, однако ни их количество, ни оформление не позволяют говорить о намеренности получения таких заготовок в качестве серийных форм. Скорее можно предполагать стремление к получению жёстким отбойником относительно коротких и широких заготовок с заметной массивностью.

Пластины и пластинки (почти исключительно двухгранные, хотя есть и фрагменты сколов с негативами пластинчатых параллельных снятий) составляют 1,5% находок и практически никогда не используются в качестве заготовок, насколько об этом позволяет судить огранка дорсальных поверхностей готовых изделий.

Расщепление в ряде случаев можно определить как ситуационное (или бессистемное), но в целом индустрия основана на принципах радиального и ортогонального расщепления (Питулько, 2010 а). Соответственно, ведущими формами являются ортогональные (часть из которых может быть классифицирована как чопперы и чоппинги) и дисковидные ядрища (моно- и бифронтальные), а также пирамидальные и бессистемные. Параллельное расщепление обитателям Янской стоянки было определено известно, однако использовалось значительно реже, преимущественно в торцовом варианте.

Характерной чертой янской индустрии является долечная техника, направленная на получение заготовок для обушковых скрёбел — одной из наиболее часто встречающихся в инвентаре Янской стоянки форм. Несмотря на несомненное использование приёмов двусторонней обработки, в целом индустрия Янской стоянки является унифасиальной. Среди её формальных орудий абсолютно преобладающей является категория скрёбел (Питулько, 2010 а), в которой представлены как простые, так и многолезвийные разновидности. Наиболее обычны простые однолезвийные обушковые скрёбла с прямым или слабовыпуклым лезвием. Часто они изготовлены на массивных долечных сколах и сохраняют на обушке естественную поверхность. Имеется также значительная группа скрёбел, обушки которых сформированы крутой или отвесной ретушью, а рабочий край ретуширован с брюшка на спинку. Эти крупные массивные орудия с асимметричным поперечным сечением составляют, пожалуй, наиболее характерную группу орудий янской индустрии.

Некоторое количество скрёбел (в основном многолезвийных) изготовлено на значительно менее массивных заготовках, часто округлой или овальной формы, с лезвиями, созданными в различных вариантах обработки — дорсальной, вентральной и противоположающей, а также двусторонней. Характерной формой являются также угловатые и многолезвийные скрёбла с тщательно оформленным приострением, образованным стыком двух конвергентных лезвий, а также скрёбла с дугообразным лезвием и остроконечники.

Единичными предметами представлены двухконечные односторонневыпуклые острия, а также скребки, комбинированные орудия, рубящие и крупные долотовидные орудия. В коллекции имеются округлые в плане бифасиальные изделия; это остаточные дисковидные ядрища. Для крупных орудий в целом можно отметить, что вклад операций вторичной обработки в их формообразование был минимальным. Чаще всего можно говорить о формировании лезвий и обушков, иногда просто на подходящей по форме и размеру гальке. Соответственно, основным приёмом вторичной обработки является преимущественно краевое ретуширование (двустороннее и одностороннее) и, возможно, фрагментация сколов простейшими способами. Техника резцового скола нехарактерна и представлена единичными (возможно, и случайными) образцами. Как весьма характерный, следует отметить приём вентральной подтески.

Микроорудия представлены в индустрии Янской стоянки довольно значительной серией. Их часто изготавливали из горного хрусталя или кремнеподобного сырья с высокой твёрдостью, существенно реже — из обычных для данной индустрии разновидностей кремнёвых пород (аргиллитов и алевролитов). Среди них представлены долотовидные орудия, микроскребки, изде-

лия с притуплённым краем, изделия со скошенным лезвием и микроострия. Последние являются ведущей формой и представляют собой удлинённо-треугольные изделия, сформированные крутой притупляющей ретушью, нанесённой по краям стандартных сколов удлинённо-треугольных очертаний. Резцы единичны и, скорее всего, являются результатом случайного формообразования. Для долотовидных орудий и микроскребок использовался достаточно редкий, но характерный приём — оформление рабочего края на месте ударной площадки.

О форме заготовок для большинства микроорудий судить трудно, но, скорее всего, были использованы удлинённые или пластинчатые сколы, а также фрагменты отщепов. Форма микроострий образована путём нанесения по одной из сторон отвесной ретуши и приострения противоположного края, иногда притупляющей ретушью по обоим краям. Связь этой категории инвентаря с контекстом производства предметов из бивня и кости доказывается их планиграфией — они всегда присутствуют на участках, характеризующихся наличием осколков, щепок и стружки бивня, часто в сопровождении незавершённых предметов или их заготовок, находящихся в различной стадии обработки.

Количество изделий из кости в Янском комплексе стоянок огромно. В целом, они принадлежат четырём основным категориям. Это охотничий инвентарь — острия и форешафты (удлинители древка копья в боевой части) (илл. 10, 3–5), обычные в каменном веке Северной Америки, но в Евразии встречающиеся только в Восточной Сибири (Питулько и др., 2012 в; Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2015 а), орудия повседневного бытового назначения, среди них иглы, игольнички, проколки и шилья (илл. 11, 6–8, 12, 13), посуда (илл. 10, 1) (Питулько, Павлова, 2019 а), личные украшения, т. е. бусы, подвески (илл. 12), диадемы (илл. 11, 1–4) (Питулько, Никольский, 2014; Питулько и др., 2012 в; Питулько, Павлова, 2014 а; Питулько и др., 2014), и, наконец, символические объекты (илл. 10, 2) (Питулько, 2012 б). Некоторые из изделий не имеют аналогий в мировой археологии палеолита, а другие, наоборот, принадлежат к распространённым типам (Питулько, 2012 б; Pitulko et al., 2012). Интересно, что количество изделий из костеподобных материалов превышает число каменных изделий со вторичной обработкой (Pitulko et al., 2013). Таким образом, высокоразвитая костяная индустрия Янской стоянки, что типично для памятников средней поры верхнего палеолита, находимых повсеместно, является одним из лучших примеров высокого значения кости в эту эпоху.

Из пункта Северный, участка Яна В и «кладбища мамонтов» УМAM получена коллекция изделий, на основании которой реконструирована технология производства длинных стержней — основ для производства крупных наконечников и копий из бивней мамонтов (илл. 10, 3–5) (Pitulko et al., 2015 а). Далее, из Янской стоянки получена крупнейшая в мире коллекция игл с ушком ($n = 198$); в коллекции представлены все этапы технологической последовательности производства игл и шильев (илл. 11, 6–8, 12, 13) (Питулько, Павлова, 2019 а). Подобные технологические цепочки представлены для производства бус обоих типов ($n = 5888$, простые круглые бусы из бивня мамонта (илл. 12, 3), и около 300 предметов — бусы-пронизки с нарезкой (илл. 12, 6, 7), изготовленные из кости зайца), диадем ($n = 248$), подвесок из зубов животных ($n = 81$) (илл. 12, 1, 2, 4, 5), а также для производства длинных стержней из бивня мамонта — заготовок для острий и форешафтов. Эти технологические контексты, морфология и типология изделий рассмотрены в соответствующих работах (Питулько и др., 2014; Питулько, Павлова, 2014; Pitulko et al., 2015 а).

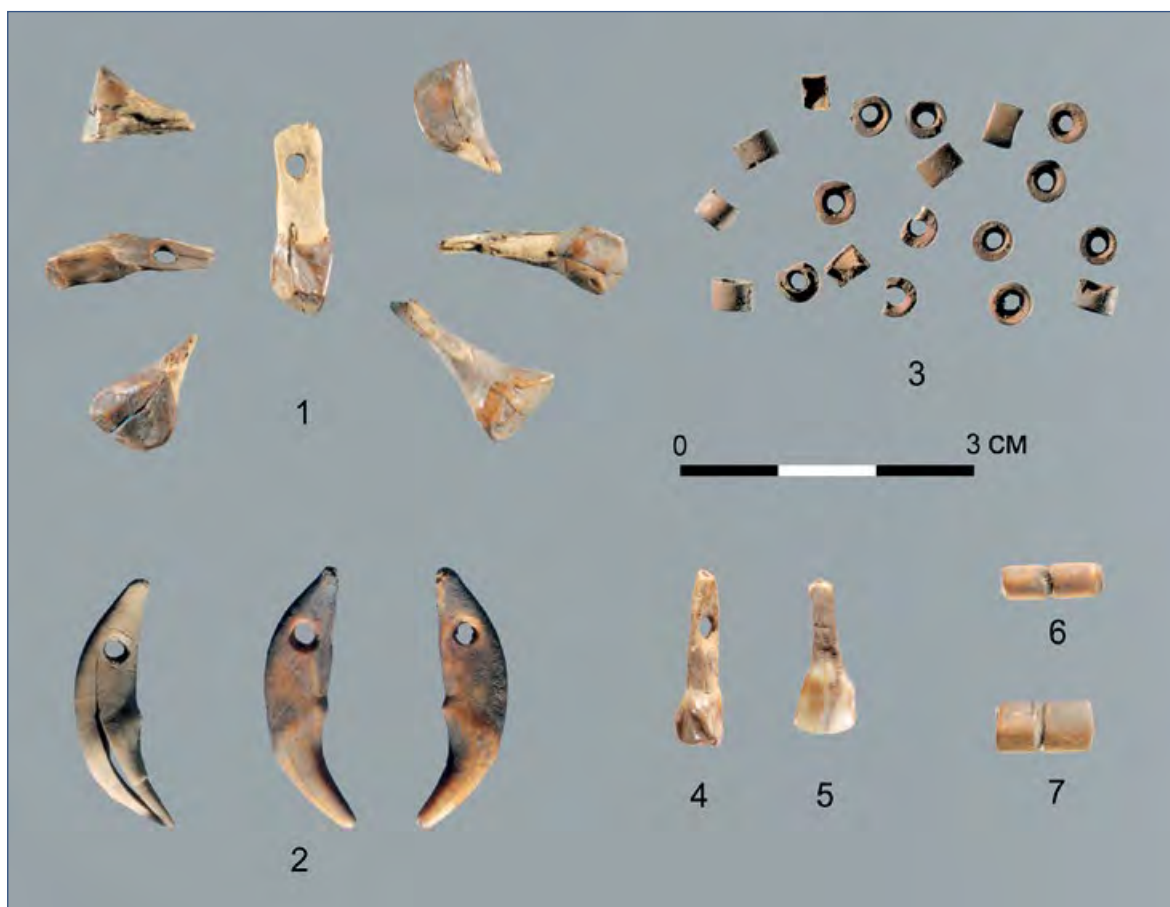
Илл. 10. Янский комплекс стоянок, пункт Северный. Декорированные предметы и функциональные орудия из кости и бивня мамонта: 1 – орнаментированный ковш; 2 – бивень мамонта со сложной композиционной гравировкой, возможно, мнемонической записью. Предметы охотничьего вооружения: 3 – остриё с односторонне уплощённой базальной частью (*sagaie*); 4, 5 – стержни с односторонне уплощёнными концами – форешафты (*foreshafts*). (1), (3), (4) – из бивня мамонта; (5) – из рога шерстистого носорога

Для каждой из категорий можно указать особые находки. Так, бусы часто образуют линейные концентрации, крупнейшая из них была составлена из 148 предметов, образуя композицию из бус 1 типа (простых круглых из бивня мамонта) и пронизок с нарезкой (из кости зайца), которые размещались на нитке в последовательности 3–1–3 и так далее. Подвески из зубов часто образовывали композиции из семи зубов (обычно из резцов северного оленя). Использование резцов травоядных для этих целей характерно для Янской стоянки и Сибири в целом (Питулько, Никольский, 2014), тогда как в западной области Северной Евразии, наоборот, использовали зубы хищных.

Исключительный интерес представляет собой коллекция диадем (илл. 11, 1–4). Это, по-видимому, крупнейшая выборка изделий такого рода ($n = 248$), указанное число включает заготовки и незавершённые изделия. Целых или почти целых изделий среди них немного, в основном, это фрагменты, которые принадлежат как минимум 233 различным предметам. Наличие заготовок и незавершённых

Илл. 11. Костяные орудия и декорированные изделия из бивня мамонта из раскопок Янского комплекса стоянок, пункт Северный: 1-4 – фрагменты орнаментированных диадем; 5, 11 – фрагменты орнаментированных браслетов (11 – с антропоморфным изображением); 6-8, 12 – иглы с ушком и их фрагменты со знаками собственности на боковых поверхностях; 9, 10 – тонкие стержни с разреженными кольцевыми нарезками; 13 – шило с тонкими регулярными нарезками на боковых поверхностях; 14 – кость волка (?) со спиральным орнаментом из коротких параллельных узких нарезок; (1) – (13) – из бивня мамонта, (14) – кость

Илл. 12. Личные украшения из раскопок на пункте Северный Янского комплекса стоянок:
 1 – группа зубов северного оленя со сверлёнными отверстиями для подвешивания;
 2 – просверленные клыки песца; 3 – бусы типа 1 (простые круглые из бивня мамонта с биконическим сверлением); 4 – подвеска из просверленного зуба северного оленя;
 5 – подвеска из зуба северного оленя с круговой нарезкой для подвешивания в корневой части;
 6, 7 – пронизки с кольцевой нарезкой в центральной части (бусы типа 2)

изделий и особенности готовых предметов позволяют понять технологию производства диадем. Коллекция диадем характеризуется заметным разнообразием орнаментов. Выделено девять типов орнаментации, определяющими признаками для которых являются число, расположение, графическое исполнение и конфигурация линий орнамента (Питулько, Павлова, 2014). Разрезные и наборные браслеты встречены в малом количестве и во всех случаях имеют уникальный орнамент (илл. 11, 5, 11). Среди изделий с неутилитарной функцией имеется серия плоских кольцеобразных подвесок типа Куртак (Питулько и др., 2012 в).

Высокому уровню социокультурного развития людей Янской стоянки соответствуют признаки тотемного (?) культа волка, о наличии которого можно судить по находкам остатков голов этих животных (именно голов, черепов в сборе с нижней челюстью), обнаруженных при раскопках. Эти черепа помещали в центр очага, огонь в котором впоследствии не возобновлялся (Питулько и др., 2012 в).

Интересно, что тафономия таких находок указывает на то, что для этой цели использовали черепа погибших (но не убитых) животных, уже в течение какого-то времени находившихся на поверхности. Останков волка в материалах стоянки очень немного. Однако те, что имеются, позволяют рассматривать местную популяцию волков, обитавшую вблизи стоянки, как группу животных, практикующих комменсализм. Морфология и морфометрия изученных остатков костей

краниальной области плейстоценовых волков Янской стоянки даёт основания рассматривать их как свидетельство первой стадии процесса одомашнивания, протекающей в режиме самодоместикации (Никольский и др., 2018).

Между пунктом Северный и участком Яна В Янской стоянки, при всём сходстве материалов и их композиции, имеются фундаментальные различия, которые, скорее всего, могут быть объяснены с точки зрения сезонности. Так, если пункт Северный служил летним (весенне-летне-осенним) лагерем, то участок Яна В использовали в зимнее время. Об этом говорят различия в составе фаунистических останков, наличие на пункте Яна В мощных скоплений жжёных костей животных, служивших топливом, а также различия в видах деятельности, читаемые через категориальный состав коллекции. В нём отсутствуют любые украшения и следы их производства, крайне малочисленны находки игл с ушком, обычные для пункта Северный, присутствие большого количества костей мамонтов, служивших, в том числе, топливом. Основными видами деятельности на этом участке, насколько можно судить по его раскопанной части, являлись производство и ремонт предметов охотничьего вооружения из бивня мамонта (острий и форешафтов), обработка деревянных предметов для той же цели (производство древков) и производство микроострий для оснащения оружия (Питулько, 2019 б).

Наконец, в материалах Янского комплекса стоянок имеются древнейшие в регионе антропологические остатки, относящиеся к позднему плейстоцену (МИС 3), — молочные зубы, оказавшиеся пригодными для полногеномного генетического исследования (Sikora et al., 2019). Показано, что люди Янской стоянки представляли собой особую группу древнего северосибирского населения, происхождение которого связано с западноевразийской ветвью популяции анатомически современных людей, заселивших Восточно-Сибирскую Арктику в начале МИС 3. Однако уже в то время эти люди испытывали заметное влияние со стороны восточноазиатского населения, вклад которого в геноме людей Янской стоянки составляет около 30%.

1.3. Колымская низменность и Чукотка (восточная область Восточно-Сибирской Арктики)

Самые ранние датированные материалы, известные на этой территории прежде, относятся в основном к раннему голоцену. Они крайне немногочисленны. Среди них можно упомянуть комплекс стоянок на оз. Тытыль (Кирьяк и др., 2003) и некоторые датированные памятники Восточной Чукотки — например, Челькун IV (Диков, 1993 а) и Найван (Gusev, 2002). Среди местонахождений Восточной Чукотки, материалы которых представлены исключительно подъёмными сборами, Н. Н. Диковым выделялась, на основании присутствия в них признаков клиновидного расщепления (ядрищ, микропластинок, технологических сколов), группа памятников, относящихся к ушковской палеолитической культуре (Диков, 1993 б).

В целом, доголоценовый возраст материалов из поверхностных контекстов представляется в любом случае спорным (Питулько, Павлова, 2010), кроме того, показано, что технология клиновидного расщепления существует в Восточной Сибири и на Северо-Западе Америки достаточно долго, доживая до второй половины голоцена (Инешин, Тетенькин, 2006; Slobodin, 2011), что делает некорректным даже грубое предположение о возрасте открытого контекста на основании морфологии изделий. Тем не менее присутствие в регионе материалов плейстоценового возраста вполне ожидаемо; возможно, к таким находкам относится ме-

тательное остриё из бивня мамонта с р. Большой Анюй (илл. 2) (Pitulko et al., 2015 a; Pitulko et al., 2017); изделие имеет индивидуальную дату $> 45\,000\text{ C}^{14}$ л. н. ($\sim 48\,000$ л. н.).

Свидетельства присутствия человека на территории Колымской низменности открыты недавно в окрестностях пос. Зырянка (Чепрасов и др., 2015; Chlachula et al., 2021). В местонахождении **Зырянка** на одноимённой речке и на р. Колыме ниже устья ручья **Ирелях-Сиене** (илл. 2) собраны модифицированные кости плейстоценовых животных, в том числе бивни мамонтов с несомненными следами человеческой деятельности. Горизонты, к которым предположительно относятся эти материалы, имеют радиоуглеродный возраст, соответственно, $45\,700 \pm 2\,500$ и $44\,000 \pm 2\,000\text{ C}^{14}$ л. н., или $\sim 49\,000$ и $\sim 47\,000$ л. н. (Chlachula et al., 2021). На основании строения разрезов и хронометрии отложений для местонахождений Зырянка и Ирелях-Сиене предполагается возраст, сопоставимый с возрастом пункта Бунге — Толля — 1885, пункта Верхний Янской стоянки и местонахождения Сопочная Карга в устье Енисея, т. е. около $50\,000$ л. н.

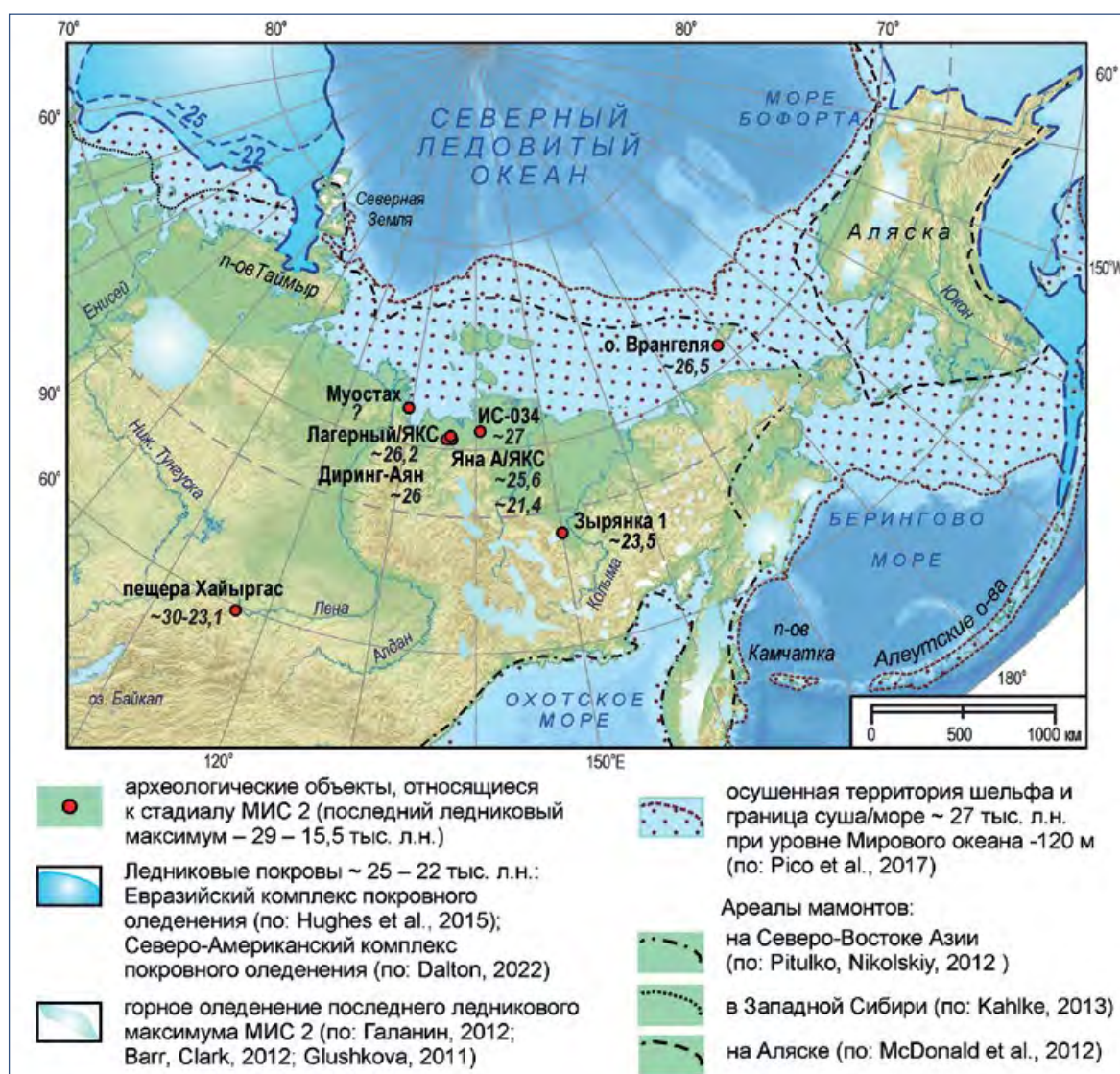
Свидетельства, связанные с человеческой деятельностью, на Колымской низменности (местонахождения Зырянка, Ирелях-Сиене, Большой Анюй) указывают на первоначальное проникновение человека на эту территорию на раннем этапе расселения в начале интерстадиала МИС 3.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВА СРЕДНЕГО ЭТАПА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ АРКТИКЕ, МИС 2 ($\sim 29\,000$ – $11\,700$ л. н.)

Более сорока лет назад С. М. Цейтлин, впервые обобщивший данные по геохронологии палеолита Сибири, включая её арктическую область, заключил, что в эпоху последнего ледникового максимума условия окружающей среды были для человека настолько некомфортны, что эти территории могли быть временно оставлены людьми (Цейтлин, 1979). В немалой степени этот вывод был обоснован крайне малым количеством радиоуглеродных датировок, однако уже вскоре, по мере их накопления (Синицын, Праслов, 1997; Vasil'ev et al., 2002), стало понятно, что человеческая депопуляция Сибири вряд ли имела место. Тем не менее эта концепция оставалась достаточно популярна (например: Goebel, 1999; Hoffecker, 2005; Graf, 2005 и др.). Её последовательным оппонентом на протяжении ряда лет является Я. В. Кузьмин (Кузьмин, 2021; Kuzmin, 2009; Kuzmin, Keates, 2004), а к настоящему моменту, в связи с появлением соответствующих археологических материалов, в том числе по субарктической и арктической Восточной Сибири (Кузьмин, 2021; Питулько, Павлова, 2010; Kuzmin et al., 2017; Pavlova, Pitulko, 2020; Pitulko, Pavlova, 2020 a; Pitulko et al., 2017), вопрос постепенно утратил актуальность.

Археологических свидетельств, относящихся к данному этапу, немного, и это именно свидетельства, так как полноценного археологического памятника, относящегося к МИС 2, в Восточно-Сибирской Арктике по ряду причин пока обнаружить не удалось (илл. 13). Прежде всего, это труднодоступный, малоизученный район, гигантская территория с самой низкой среди регионов России плотностью населения, где исторически поисками памятников археологии занимались еди-

нические исследователи. Далее, памятники стадиала МИС 2 могут во множестве принадлежать к верхней части отложений речных террас, преимущественно вторых. В связи с этим шанс на сохранность таких материалов крайне мал, ибо отложения вторых террас в наибольшей степени страдают от современных русловых процессов; их материал служит источником для формирования молодых генераций форм рельефа долины (Маккавеев, 1955; Шанцер, 1950; Щукин, 1960). Кроме того, в арктической Восточной Сибири отложения вторых террас находятся в многолетнемёрзлом состоянии и, следовательно, подвержены разрушению под воздействием атмосферного тепла и влаги в ходе активно протекающих термоденудационных, термоэрозионных, термокарстовых процессов. В позднеледниковье и голоцене (после 15 000 л. н.) произошли масштабные преобразования этих отложений, вызванные широким развитием площадного термокарста (Каплина, 1981; Каплина, 2009). В результате верхняя часть отложений вторых террас испытала существенную переработку вместе с археологическими материалами, которые в них могли быть заключены; такие процессы, в частности, задокументированы на Янской стоянке (Питулько, Павлова, 2010). Наконец, население территорий

Илл. 13. Свидетельства среднего этапа расселения человека в Восточно-Сибирской Арктике во время последнего ледникового максимума МИС 2 (~29 000 – 15 500 л. н.). Цифрами обозначен возраст объектов в тысячах лет назад

Восточно-Сибирской Арктики, хотя и не покинуло их в эпоху последнего ледникового максимума, но испытало серьёзный демографический стресс, отчётливо видимый в палеогенетической летописи (Sikora et al., 2019). Все вместе, эти обстоятельства указывают на то, что шансы на обнаружение памятников, относящихся к последнему ледниковому максимуму, крайне малы.

2.1. Свидетельства заселения Восточно-Сибирской Арктики в эпоху последнего ледникового максимума

Важнейшим результатом, полученным к настоящему моменту, является открытие следов деятельности человека на северо-западе и севере Яно-Индигирской низменности, относящихся к стадиям МИС 2, эпохе последнего ледникового максимума. Это довольно отчётливый сигнал, проявляющийся в прямых C^{14} датировках предметов из бивня, непосредственно связанных с деятельностью человека (контролируемых датировками разрезов, из которых они получены).

В Янском комплексе стоянок к этому времени относится находка *in situ* фрагмента нуклеуса из бивня мамонта в **пункте Лагерный**; изделие датировано напрямую $22\,040 \pm 100 C^{14}$ л. н. (Beta-362949), возраст находки контролируется датами по разрезу (Pitulko et al., 2017). Из разрезов отложений второй террасы вблизи массового скопления костных останков мамонтов УММ, из пункта Яна А, происходит несколько датировок по костным останкам медведя, северного оленя, плейстоценовой лошади и модифицированного бивня мамонта, которые дают уверенный хронологический сигнал, отвечающий пребыванию человека на территории Янского комплекса стоянок в интервале $24\,000\text{--}19\,000 C^{14}$ л. н., т. е. в интервале $28\,000\text{--}23\,000$ л. н.

В протоке Диринг-Айан, ответвляющейся от русла р. Яны в районе Янской стоянки, в 8 км вниз по течению открыто скопление костных останков плейстоценовой фауны **Диринг-Айан**. Находки из этого местонахождения представлены костными останками шерстистого мамонта, шерстистого носорога, плейстоценового бизона, плейстоценовой лошади, северного оленя (скелетные элементы, а также характерные «колотушки» из сброшенных рогов). Имеющиеся находки модифицированных обломков бивня мамонта демонстрируют использование технологии обработки, идентичной Янскому комплексу стоянок. Радиоуглеродные датировки отражают длительное накопление материала, сходное с картиной по Янскому «кладбищу» мамонтов УММ (Pitulko et al., 2015 a). Серийные радиоуглеродные даты указывают на пик активности людей на этом памятнике около $\sim 26\,000$ л. н.

Облик каменной индустрии этого этапа можно оценить лишь провизорно. Скорее всего, к этому времени относится малочисленный каменный материал (всего 13 предметов), собранный на костице Диринг-Айан. Его состав отражает наличие навыков призматического расщепления, в ходе которого с ядрищ призматической формы получали пластины длиной 7–8 см.

Пункт Илин-Сылах 034 открыт на севере центральной части Яно-Индигирской низменности в 2011 г. в среднем течении небольшой речки Илин-Сылах — правого притока р. Сылах, впадающей в Янский залив с востока (илл. 13). Местонахождение находится ниже по течению от «кладбища мамонтов» Илин-Сылах, обнаруженного в результате действий по добыче бивня, практикуемой местными жителями; его координаты: $70^{\circ} 47'$ с. ш. и $140^{\circ} 45'$ в. д.

В 3 км вниз по течению от «кладбища» Илин-Сылах, по тому же правому берегу реки, был обнаружен небольшой шлейф подъёмного материала, представ-

ленный костными останками плейстоценовой фауны. Данный участок берега образует протяжённый меандр, подрезающий останец высокой (14–16 м) поверхности, являющейся, по-видимому, фрагментом второй н/п террасы (Питулько и др., 2013 а).

Собрано 15 обломков, принадлежащих мамонту, бизону, лошади, северному оленю. В ходе поисков источника материала было собрано дополнительно 22 фрагмента костей перечисленных животных, к которым добавились находки лося. Находки костных останков в целом немногочисленны и представлены обломками рёбер, единичными позвонками, мелкими костями конечностей. Они встречаются на узком фронте, полосой около 7–8 м.

В расчистке 034 выявлен слабонасыщенный костеносный горизонт, в котором встречены фрагменты рога лося (в осыпи), ребра и нижняя челюсть мамонта. Её возраст составил $22\,700 \pm 300$ л. н. (ЛЕ–9506). Часть рёбер мамонта имеет искусственные повреждения. Скопление, вероятнее всего, связано с деятельностью человека — оно компактно, содержит останки довольно большого количества видов животных, скелетные элементы представлены вполне хаотично (и они относятся к различным размерным классам — от нижней челюсти мамонта до пяточной кости северного оленя). Тафономия этих останков не предполагает возможности их переноса потоком с последующей концентрацией в естественной ловушке. На основании прямой датировки нижней челюсти мамонта $22\,700 \pm 300$ С¹⁴ л. н. (ЛЕ 9506), и данных по разрезу можно полагать, что данный материал свидетельствует о присутствии человека на Яно-Индигорской низменности в эпоху МИС 2, около 27 000 л. н. (Питулько и др., 2013 а).

Далее на восток, в бассейне р. Индигорки, находится известное **местонахождение Берелёх** (70° 30' с. ш., 144° 02' в. д.), впервые описанное Н. Ф. Григорьевым (Григорьев, 1957) и изученное Н. К. Верещагиным (Верещагин, 1977); в настоящее время его целесообразно рассматривать как Берелёхский комплекс геоархеологических объектов (Pitulko et al., 2014). Здесь Н. К. Верещагиным был найден стержень из бивня мамонта — незавершенное копыё или длинное остриё, по которому получена прямая датировка $18\,920 \pm 80$ л. н., Beta–243743 (Pitulko, 2011). Этот возраст отличается от основного массива датировок костища, однако теоретически может указывать на синхронный датировке акт деятельности человека в эпоху последнего ледникового максимума около 23 000 л. н.

На территории Колымской низменности, вблизи пос. Зырянка, на одноимённой речке на месте размывов, устроенных для поисков бивней мамонта местными жителями, М. Ю. Чепрасову удалось собрать некоторое количество модифицированных костей плейстоценовых животных и бивней мамонта. Местонахождение названо **Зырянка 1** (илл. 13). Среди этих находок выделяется крупный нуклеус для получения длинных стержней из бивня мамонта, заготовок копий, подобных вышеописанной находке из Берелёха (Чепрасов и др., 2015; Чепрасов и др., 2018). Прямая датировка этого изделия — $19\,270 \pm 120$ лет (Poz–91848), или ~23 500 л. н.

На **о. Врангеля** (илл. 13) Ф. А. Романенко обнаружил лопатку не крупного мамонта с округлой пробоиной в дистальной части (верхней по положению в скелете). Сохранность кости по краям отверстия соответствует остальным поверхностям, а его диаметр (~2 см) позволяет предполагать, что пробоина образовалась в результате проникающего ранения, нанесённого массивным копыём из бивня; такие изделия есть в янской коллекции (Nikolskiy, Pitulko, 2013; Pitulko et al., 2017). Локализация зоны поражения соответствует наблюдениям, сделанным по находкам из Янской стоянки. Возраст находки — $22\,400 \pm 200$ С¹⁴ л. н., или ~26 500 л. н. Вероятно, в это время люди расселялись вплоть до о-ва Врангеля

(Sulerzhitsky, Romanenko, 1999). Ясно, что они охотились на различных представителей фауны позднеплейстоценовых травоядных, включая мамонта, и умели обрабатывать бивни этих животных теми же приёмами, которые известны в Янской стоянке. Приведённые свидетельства закрывают вопрос о возможной человеческой депопуляции Сибири в эпоху последнего ледникового максимума.

2.2. Свидетельства расселения человека в арктической Восточной Сибири в позднеледниковье (~15 000–11 700 л. н.)

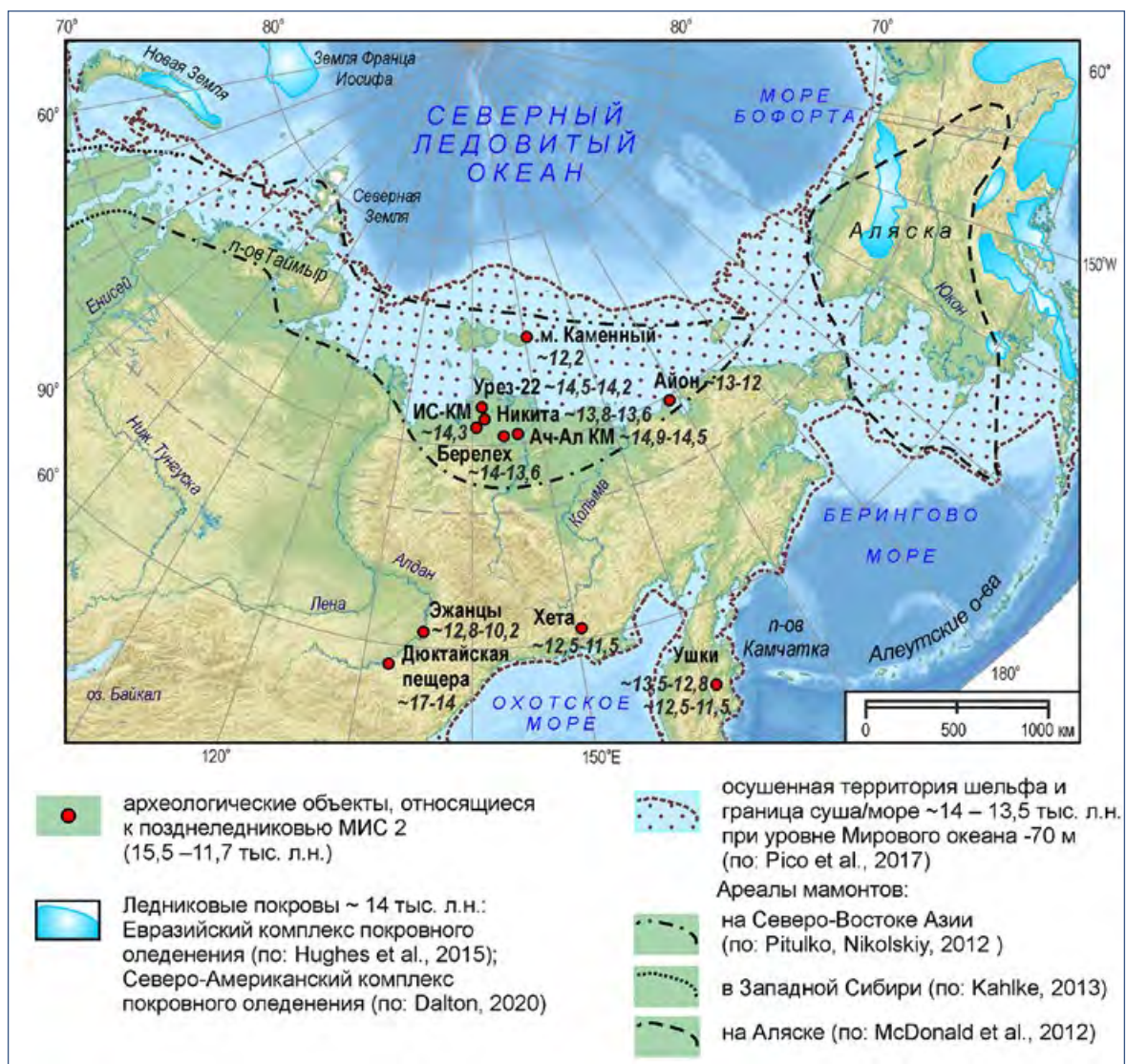
Позднейшая позднеплейстоценовая группировка материала представлена довольно большим количеством местонахождений (илл. 14). Её составляют восемь объектов, три из которых — Аччагый-Аллаиховское местонахождение костных останков мамонтов (Лазарев, Томская, 1987), Берелёх (Верещагин, 1977) и Айон-72 (Диков, 1977; Слободин, 2015) — были известны ранее. Археологический материал представлен на них в различном объёме, часто — в очень небольшом количестве находок, однако он весьма выразителен.

Костище Илин-Сыалах (70° 47' с.ш. и 140° 45' в.д.) открыто в долине одноимённой речки — правого притока р. Сыалах, впадающей в Янский залив с востока (илл. 14). Оно было обнаружено в результате действий по добыче бивня, практикуемой местными жителями. Местонахождение изучено в 2011 г. (Питулько и др., 2013 а; Pitulko et al., 2017).

Костеносная линза на р. Илин-Сыалах вскрыта в вершине одной из излучин свободно меандрирующей реки. Это подбойный участок правого берега реки, образованный массивом древних осадков, относительно устойчивых к размыву. Гипсометрически — это наиболее высокий уровень, с максимальными превышениями 12–13 м н. у. р., постепенно повышающийся к востоку в направлении склона водораздельной поверхности. Он сложен многолетнемёрзлыми отложениями с полигональной сетью повторно-жильных льдов, в кровлю которых вложены обширные термокарстовые котловины голоценового возраста (аласы, котловины спущенных термокарстовых озёр).

Представления о строении всех тел, слагающих разрез излучины правого берега р. Илин-Сыалах, получены на основании изучения отложений, вскрытых в расчистках в месте обнаружения «кладбища» мамонтов. Были проведены поиски археологического материала и просмотрена коллекция костных останков плейстоценовой фауны, извлечённой из штолен бивнейскими. Здесь, как и на Берелёхском и Янском «кладбищах», встречены кости почти исключительно мамонтов, с небольшой примесью иных видов — северного оленя, лошади, бизона и носорога, а также зайца; по словам добытчиков бивня, встречались изредка кости птиц. Часть «кладбища», причём неизвестно какая, размыва ранее рекой, на подводной части берегового склона костные останки видны в ясную тихую погоду. На основании сделанных наблюдений можно предполагать, что в 2011 г. были извлечены костные останки примерно десяти животных небольшого размера. Подлинное их количество было, безусловно, существенно большим.

Для оценки возраста костища получено шесть датировок костных останков мамонтов и иных зверей, представленных в материале. Результаты датирования довольно разнообразны и, в целом, видимо, отражают общую композицию материала, в котором представлено несколько хронологических групп (Питулько и др., 2013 а). На основании предварительных результатов изучения разреза можно предположить, что «кладбище» мамонтов приурочено к отложениям тылового

Илл. 14. Археологические объекты Восточно-Сибирской Арктики и прилежащих территорий, относящиеся к позднеледниковью (МИС 2, интервал 15 500 – 11 700 л. н.). Цифрами обозначен возраст объектов в тысячах лет назад

шва второй н/п террасы р. Илин-Сылах. Судя по датировкам костных останков плейстоценовой фауны, основной материал костеносной линзы накапливался чуть ранее 12 000 л. н. Датировки костных останков некрупных мамонтов — $12\,260 \pm 220$ С¹⁴ л. н. (ЛЕ-9507) и $12\,300 \pm 85$ С¹⁴ л. н. (ЛЕ-9494) — отвечают времени формирования костяка. Помимо датировок, синхронных осадконакоплению, имеется ряд более древних дат, свидетельствующих об обогащении костеносной линзы существенно более древними останками, поступавшими из размываемых рекой отложений, а также об использовании людьми в прошлом материала, заведомо более древнего, чем момент формирования костяка (> 43 500 л. н., Beta-309154).

Можно предполагать, что костяке формировалось около 14 300 л. н. на участке русла р. Илин-Сылах вблизи крутого подбойного берега в вершине меандра. После перехвата меандра данный участок русла находился, по-видимому, в старичных условиях, а затем оказался быстро заполнен материалом, поступавшим со склона.

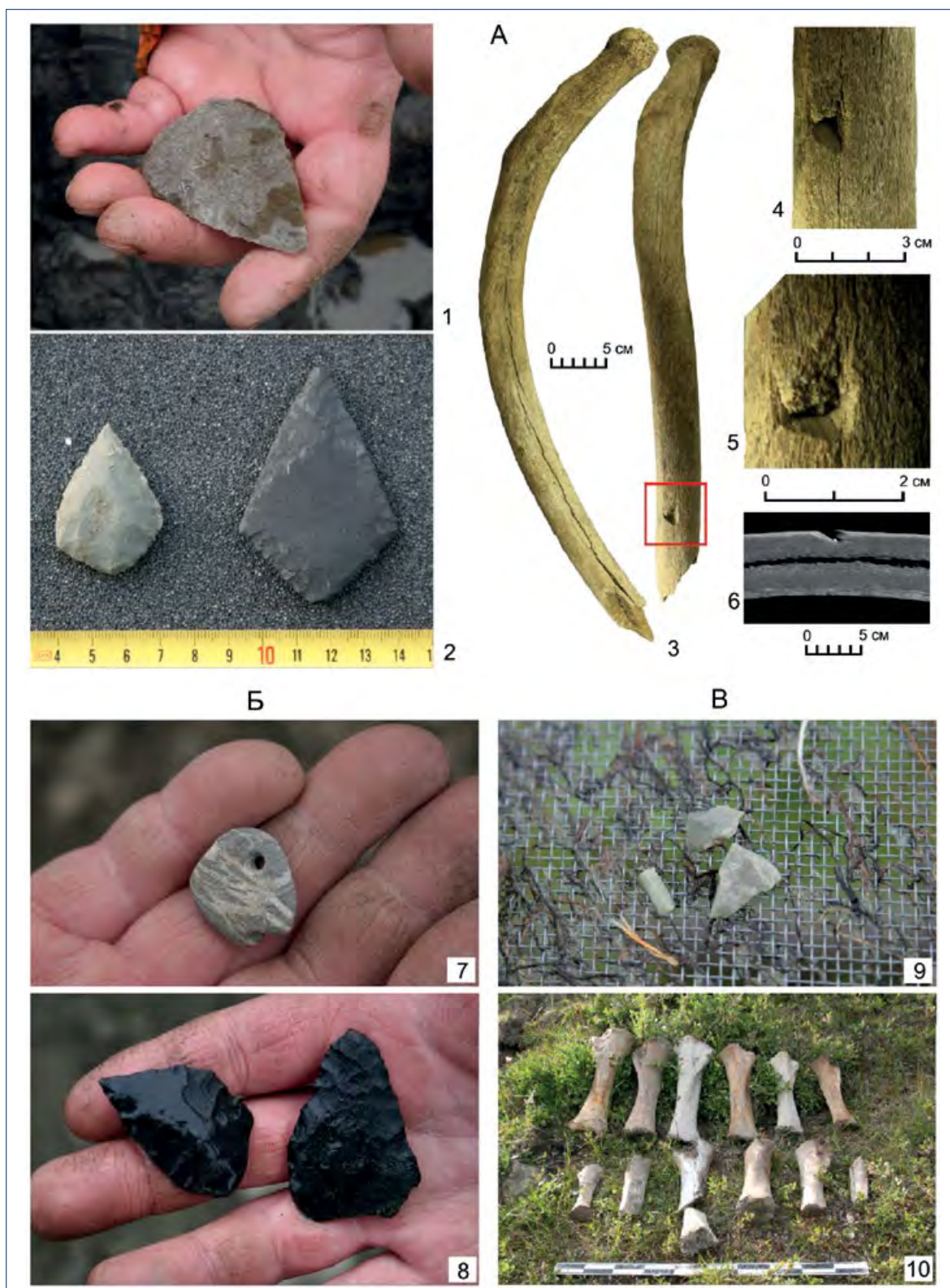
Археологический материал в ближайшей окрестности памятника отсутствует, однако в материалах самого «кладбища» Илин-Сылах выявлены следы про-

шлой человеческой деятельности в виде специфических заготовок колющих орудий (наконечников копий?) из бивня мамонта — трёхгранная стержневидная заготовка длиной 27 см, выполненная по янской технологии расщепления бивня (Pitulko et al., 2015 a). Отсутствие или малое количество артефактов, извлечённых непосредственно из костища, вполне обычно. Так, непосредственно в Берелёхском костище археологического материала нет вообще, а в Янском — такие находки единичны, хотя и выразительны (Basilyan et al., 2011; Nikolskiy, Pitulko, 2013). В то же время сам по себе характер костных останков мамонтов, извлечённых из Илин-Сыалахской костеносной линзы, указывает на определённую избирательность в размерном классе животных. Это некрупные молодые особи. Как показано (Nikolskiy, Pitulko, 2013), подобная избирательность может служить указанием на антропогенный характер скопления, либо отмечать заметный вклад людей в накопление костных останков, т. е., в любом случае, указывает на прошлую человеческую деятельность, связанную с формированием «кладбища».

Местонахождение Урез-22 (MKR/UR22) открыто на севере Яно-Индибирской низменности (илл. 14) и расположено в верховьях ручья Бульчут-Юрюете, небольшого левого притока р. Максунуохи, впадающего в неё примерно в 7 км от местонахождения; его координаты: 71° 2' 44,5" с.ш. 141° 2' 48,4" в.д. (Питулько, Павлова, 2014 б; Pitulko et al., 2016 a). Оно приурочено к левому борту ручья, где на протяжении ряда лет местными жителями велись поиски бивней. Узкая оврагоподобная долина ручья характеризуется асимметричным V-образным поперечным профилем с крутым правым берегом и относительно пологим левым. Асимметрия долины задана южной экспозицией левого борта ручья на данном участке. В результате деятельности, связанной с поисками бивня, в основании склона появились следы размывов различной степени давности.

При первичном осмотре участка нами были собраны и систематизированы фаунистические останки, найденные на поверхности и в приповерхностном залегании в области старых размывов. Встречены останки почти исключительно мамонтов (илл. 15, В, 10). Фрагменты диафиза бедренной кости волка (?) и проксимальный обломок лучевой кости северного оленя отличаются от других костей по типу сохранности и, возможно, к комплексу находок плейстоценового возраста не относятся (оба вида обитают на данной территории и в настоящее время). Всего учтено около 200 крупных фрагментов и целых костей, среди которых необходимо отметить присутствие заметного количества фрагментов бивней, рёбер, фрагментов длинных и плоских костей, с одной стороны, и крайне малое количество позвонков (только фрагменты), костей стопы, и единичные фрагменты черепа, с другой. Для коллекции характерна высокая степень фрагментации большинства длинных и плоских костей. Наблюдается определённая стандартизация размера крупных обломков (30–40 см), что отмечается в значительной серии находок.

Наиболее сохранившимися являются большие берцовые кости мамонтов (илл. 15, В 10), из которых 10 частично поддаются промерам, а ещё одна относительно крупная кость представлена дистальным обломком. На основании их учёта по сторонам тела животного и по несовпадению размерных классов костей можно заключить, что в доступной для изучения выборке представлено не менее 11 животных, среди которых имелись единичные крупные звери. Большинство, однако, принадлежит средним и мелким особям, об этом же говорят и брошенные обломки, и щепки бивней — это, преимущественно, относительно прямые бивни некрупных животных, скорее всего, самок.

Илл. 15. Артефакты из археологических объектов севера Яно-Индиговской низменности. А – артефакты из местонахождения Озеро Никита (NKL): 1–2 – острия на отщепах (острия Чиндадн); 3 – ребро мамонта со следами охотничьего воздействия и 4, 5 – крупные планы повреждения; 6 – продольный профиль повреждения (рентгеновский снимок). Б – артефакты из Берелёхского геоархеологического комплекса (работы 2009 г.): 7 – каменная подвеска с биконическим сверлением; 8 – острия на отщепах (острия Чиндадн). В – археологический материал из местонахождения Урез-22 (MKR/UR-22): 9 – микропластинки и мелкие отщепы; 10 – целые и почти целые большие берцовые кости мамонтов, принадлежащие как минимум 11 некрупным особям

Очень немногочисленный археологический материал и концентрации мелких фрагментов костей мамонтов были выявлены в основании склона и в отложениях днища оврага в присклоновой области. При расчистке таких шлейфов материала встречаются отщепы кварцита хорошего качества. Это крайне малочисленные находки, представленные отщепами/чешуйками размерностью 10 мм и менее, вместе с которыми залегают мелкие фрагменты костей, костная крошка, фрагменты современных растений и их корни, что вполне типично для оползневой массы.

В результате отмывки на 2 мм сите объёмных проб грунта (в общей сложности около 3 куб. м) было получено около 30 предметов. Помимо мелких отщепов, встречены обломки микропластинок с трапециевидным сечением, изготовленные из сырья хорошего качества (кварцитоподобный тонкозернистый материал зеленоватого или жёлтого цвета) (илл. 15, В 9). В общей сложности найдено 42 единицы каменного материала. Материал, несомненно, был доставлен из какого-то внешнего источника, при этом можно утверждать, что это было сырьё из коренного источника в форме плитчатых отдельностей, а не галька. В отложениях ближайшей окрестности местонахождения Урез-22 каменное сырьё отсутствует в любой возможной форме.

Микропластинки представлены проксимальными, медиальными и дистальными фрагментами, все имеют трапециевидное сечение, тонкие (1 мм) и узкие (около 2 мм), прямые в профиль, и, очевидно, были довольно короткими (~30 мм). По размерным характеристикам и морфологии индустрия напоминает несколько более молодой материал из Жоховской стоянки (Питулько и др. 2012 в). Отщепы/чешуйки все малого размера, как правило, 10 мм и менее, редко больше, тонкие, короткие, более всего похожи на продукт модификации ядрищ и/или приострения рабочих краёв орудий. Многие из них фрагментированы. Единственный относительно крупный предмет из камня представляет собой осколок плитки кварцита, на которой двусторонней ретушью было оформлено ребро или лезвие; это изделие допустимо интерпретировать как лыжевидный скол. В этом случае можно предполагать здесь наличие юбецoidного торцово-клиновидного расщепления.

Эта небольшая, но интересная коллекция получена, к сожалению, из вторичных или даже «третичных» концентраций материала, последовательно перемещавшегося от оригинального источника вниз по склону, где он оказался включён в делювиально-пролювиальные отложения днища оврага вместе с костными останками мамонтов.

С целью поиска первоначальной концентрации материала и изучения геологии отложений на левом борту оврага была поставлена серия из пяти расчисток, которыми пройдено в общей сложности 15,5 м разреза по вертикали. Расчистками вскрыты молотковские отложения основного тела водораздельной поверхности и вложенные в них отложения термокарстовых образований более молодого возраста.

На основании полевых наблюдений, оценки взаимоотношений элементов современного рельефа, оценки взаимоотношений элементов разреза, вскрытых расчистками, и имеющихся результатов датирования может быть реконструирована постдепозиционная история археологического материала, найденного в пункте МКР/U22, и предложена оценка его возраста. Можно заключить, что оригинальное положение горизонта с находками не может быть установлено, поскольку сам горизонт прекратил своё существование в финальном плейстоцене на раннем этапе преобразования многолетнемёрзлых отложений термическими процессами, после 11 700 л. н. В голоцене формировались отложения, в которые был включён уже переотложенный археологический материал (Питулько, Павлова, 2014 б).

Несмотря на невозможность определения первоначального положения культурного слоя *in situ*, возраст и облик археологического материала понятны, и в этом смысле изученное местонахождение Урез-22 представляется весьма важным источником информации о расселении человека в Сибирской Арктике и особенностях его культуры. На основании датировок костных останков мамонта можно заключить, что, вероятнее всего, комплекс сформировался в интервале $12\,420 \pm 50$ (Beta-362950) — $11\,700 \pm 160$ (JE-10189) С¹⁴ л. н. (Pitulko et al., 2016 а), или 14 500–14 200 л. н. На данный момент это наиболее северный памятник эпохи палеолита из известных, однако гораздо важнее то, что в его материалах впервые для Сибирской Арктики документировано распространение микропластинчатой индустрии доголоценового возраста, предположительно связанной с торцово-клиновидным расщеплением.

Местонахождение Озеро Никита (NKL) находится в 400 м к северо-западу от северного берега оз. Никита на правом берегу р. Максунуохи (илл. 14); географические координаты: 71° 34' 56,5" с.ш. и 141° 7' 03,5" в.д. (Питулько и др. 2013 а).

Река Максунуоха в верхнем течении сильно меандрирует, имеет узкую, относительно глубокую долину с V-образным поперечным профилем, что указывает на наличие водоупорного горизонта и на быстрый врез, совершившийся в течение короткого времени. Это тихая травянистая речка со слабым течением и канавообразным руслом. В вершинах меандров часто имеются ложбины, образованные короткими временными водотоками, в естественных обнажениях бортов которых вскрываются аллювиальные отложения, выдержанные по уровню залегания. Такая ложбина разделяет местонахождение Озеро Никита на северный и южный участки, в её бортах открыты костеносные отложения, сильно пострадавшие в результате бивнейскательской деятельности, фактически оно в значительной степени уничтожено размывами, сделанными на нём местными жителями в основном в 2011–2013 гг. Вблизи размывов как на северном, так и на южном участках на поверхности во множестве встречаются костные останки мамонтов и других животных. Это специфически организованная выборка, в которой отсутствуют кости стопы мамонта (почти не представлены), чрезвычайно мало рёбер, преобладают крупные (длинные и плоские) кости и их фрагменты, довольно много щепок бивня. Таким образом, выборка имеет признаки предварительной сортировки, напоминающие закономерности, найденные при работе с костными останками мамонтов из Янского «кладбища» УММ (Basilyan et al., 2011).

Следы прошлого антропогенного воздействия на костные останки мамонтов вполне выразительны (илл. 15, АЗ–6). Повреждения на рёбрах, по крайней мере, частично связаны с охотой и/или разделкой животных, а одно из рёбер имеет сохранившийся в нём фрагмент каменного орудия (Pitulko et al., 2016 а). Прочие скелетные элементы также имеют многократно повторяющиеся следы повреждений. Так, характерной формой повреждения тазовых костей является ударное разрушение зоны вертлужных впадин, задокументированное в регионе и на других объектах палеолитического возраста, в частности, на местонахождении Буор-Хая и в Янском «кладбище мамонтов» (Pitulko et al., 2014). На основании учёта наиболее многочисленных костей по сторонам тела, в данном случае тазовых, можно предположить, что в южной и северной зонах местонахождения представлено не менее семи животных различного размера, в основном некрупных.

Особенно важной для понимания возраста объекта является датировка ребра мамонта с пробоиной, оставленной каменным орудием, фрагмент которого сохранился внутри кости (илл. 15, АЗ–6). Данное стечение обстоятельств позволяет датировать этот эпизод человеческой деятельности фактически впрямую —

11920 ± 50 C¹⁴ л. н. (Beta-362945). В целом, время человеческой активности вблизи местонахождения NKL на основании приведённых датировок может быть ограничено интервалом 12050 ± 50 C¹⁴ л. н. (Beta-309157) — 11840 ± 50 C¹⁴ л. н. (Beta-362943), т. е. 13800–13600 л. н.

В южной части местонахождения размывами оказались удачно вскрыты, во-первых, отложения, в которые вложена пачка аллювиальных осадков, вмещающих костные останки мамонтов и артефакты (размыв NL13-2), а во-вторых — сами эти осадки, благодаря чему удалось реконструировать сложную геологическую историю местонахождения (Питулько, Павлова, 2014 б). В этих стенках были *in situ* зафиксированы культурные остатки — ребро мамонта с частично сохранившимися мягкими тканями, с нарезками и следами скобления, и каменные острия (илл. 15, А1, 2). Попытка увеличить коллекцию за счёт отмывки материала на сите оказалась безрезультатна. На местонахождении NKL полностью отсутствуют какие-либо следы производства или модификации орудий, здесь были встречены только законченные изделия.

Археологический материал на местонахождении Озеро Никита представлен единичными находками. В дополнение к полученным в 2011 г. предметам, в 2013 г. найдено дополнительно два каменных предмета и стержневидная с трапециевидным поперечным сечением заготовка из бивня мамонта.

Симметричное каплевидное остриё NL13-4/4 (илл. 15, А1) изготовлено из серо-жёлтого тонкозернистого кварцита на массивном отщепе сырья двусторонней плоской ретушью, захватывающей значительную часть плоских поверхностей. Орудие имеет небольшой скол (вылом) в основании, кончик обломлен. Профиль прямой. Полная реконструируемая длина 68 мм, наибольшая ширина 42 мм, толщина в средней части 3 мм (несколько уменьшается к острию и несколько возрастает к основанию, что ещё раз указывает на то, что в качестве заготовки был использован отщеп, площадка которого совпадает с основанием острия, на одной из плоскостей которого виден фрагмент вентральной поверхности заготовки, незатронутый вторичной обработкой).

Другой предмет, найденный в ходе работ 2013 г., небольшое остриё NL13-3/5 (илл. 15, А2 справа), представляет собою в плане асимметричный ромб. Оно изготовлено на относительно массивном отщепе тонкозернистого сероватого кварцита, морфология поверхностей заготовки читается отчётливо — виден остаток ударного бугорка, не до конца снятого при оформлении основания. Изделие практически прямое в профиль, двусторонняя вторичная обработка затрагивает только края. Основание острое. Полная длина 38 мм, максимальная ширина 33 мм, толщина 2 мм (в основании чуть больше). Данные изделия весьма характерны, имеют аналогии в коллекции из Берелёха и из Аччагый-Аллаихи, а также известны на Северо-Западе Америки как острия Чиндадн.

В ходе работ Восточно-Сибирской (Яно-Индибирской) экспедиции ИИМК РАН в 2005 г. было организовано изучение **Аччагый-Аллаиховского костяка**, сведения о котором были ранее опубликованы П. А. Лазаревым (Лазарев, Томская, 1987); была собрана фаунистическая коллекция и изучены условия его формирования. Установлено, что оригинальный контекст утрачен (спроецирован с высокой поверхности, протаявшей в голоцене). Новых археологических материалов, в дополнение к ранее известным (Мочанов, Федосеева, 2002), обнаружить не удалось, однако впервые была получена серия радиоуглеродных датировок (Nikolskiy et al., 2010), на основании которых можно оценить время накопления костных останков. Установлено, что формирование костяка произошло за очень короткое время, около 200 лет, в интервале 14900 — 14500 л. н.

Были проведены исследования **Берелёхского геоархеологического комплекса**. Со времени открытия вблизи Берелёхского костяка Н. К. Верещагиным «стоянки» Берелёх (Верещагин, 1977; Верещагин, Мочанов, 1972), этот комплекс геоархеологических объектов долгое время оставался единственным в своём роде памятником каменного века Сибирской Арктики, относящимся к концу позднего плейстоцена.

В процессе изучения круга вопросов, связанных с Берелёхским геоархеологическим комплексом, было установлено (Pitulko, 2011), что, несмотря на длительную историю изучения, эти объекты удивительным образом оказались фактически неизученными в геологическом смысле. Соответственно, взгляды на формирование костеносного горизонта носили преимущественно гадательный характер. То немногое, что было задокументировано исследователями, позволяло лишь судить о том, что отложения, вмещающие кости мамонтов, (1) находятся в многолетнемёрзлом состоянии и (2) включают в себя генетически различные крупные тела ископаемого льда. В связи с этим были предприняты определённые шаги по изучению этого интересного и важного объекта, а параллельно проведена программа датирования костных останков костяка для уточнения хронологии и хронометрии отложений.

На основании изучения естественных обнажений, расчисток и результатов C^{14} датирования удалось получить исчерпывающее представление об особенностях строения разреза четвертичных отложений Берелёхского комплекса памятников (Питулько и др., 2011 а; Питулько и др., 2023; Pitulko, 2011; Pitulko et al., 2014 а). В результате проделанной в 2004 и 2009 гг. работы были (1) опознаны основные элементы разреза; (2) выявлена пространственная взаимосвязь объектов; (3) составлена, на основании инструментальной съёмки, геоморфологическая карта Берелёхского геоархеологического комплекса; (4) расчистками и визуальными наблюдениями на естественных обнажениях выделены, описаны и подробно датированы радиоуглеродным методом основные элементы разреза — толщи отложений различного генезиса и установлен характер их взаимоотношений, при этом были детально изучены геокриологические характеристики отложений; (5) на основании полученных данных установлено, что отложения, вмещающие костеносную линзу — «кладбище мамонтов» и культуросодержащий горизонт — «стоянку», слагают вторую н/п террасу и прислонены к аллювию третьей н/п террасы, при этом скопление костей мамонтов принадлежало участку русла реки в момент его преобразования в старицу.

С целью уточнения возраста костных останков «кладбища мамонтов» и археологического материала, корреляции вмещающих разнофациальных отложений и выявления хронологии геоморфологических изменений изученной части долины реки Берелёх был применён радиоуглеродный метод датирования. В общей сложности получена 51 датировка. Все датировки (кроме четырёх «конвенциональных», выполненных в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН), получены AMS C^{14} методом в лаборатории Beta Analytic (Майами, Флорида, США).

Наряду с множеством C^{14} датировок, характеризующих возраст четвертичных отложений, получена значительная серия C^{14} дат, связанных с деятельностью человека — костей мелких животных, очажной массы, — значения которых непосредственно характеризуют возраст этих эпизодов. Наблюдается хорошая сходимости между результатами C^{14} датирования образцов, происходящих как из расчисток культуросодержащего слоя, так и из сборов подъёмного материала, встречающегося на берегу в виде шлейфов. На основе совместного анализа датировок, связанных с археологическим материалом и опубликованных ранее из

костеносного горизонта кладбища мамонтов, выявляется два отчётливых временных интервала в истории Берелёхского комплекса объектов: 12 600–12 180 С¹⁴ л. н. (14 800–13 800 л. н.) — период интенсивного накопления костных останков в пределах «мамонтового кладбища» и 12 100–11 800 С¹⁴ л. н. (~14 000–13 000 л. н.) — время активности людей (Pitulko, 2011; Pitulko et al., 2014 a). На основании анализа серий радиоуглеродных датировок, особенностей тафономии материалов и реконструированной истории формирования Берелёхского геоархеологического комплекса сделан вывод о несомненном антропогенном вкладе в его формирование, т. е. о рукотворном происхождении данного объекта (Питулько и др., 2023).

Во время работ на Берелёхе был собран археологический материал, существенно увеличивший прежнюю коллекцию. Коллекция содержит все типы предметов и изделий, отмеченные на памятнике прежними сборами и раскопками (Верещагин, Мочанов, 1972, Верещагин, Украинцева, 1985, Мочанов, 1977), за исключением каких-либо следов торцово-клиновидного расщепления, о котором пишет Ю. А. Мочанов (Мочанов, 1977).

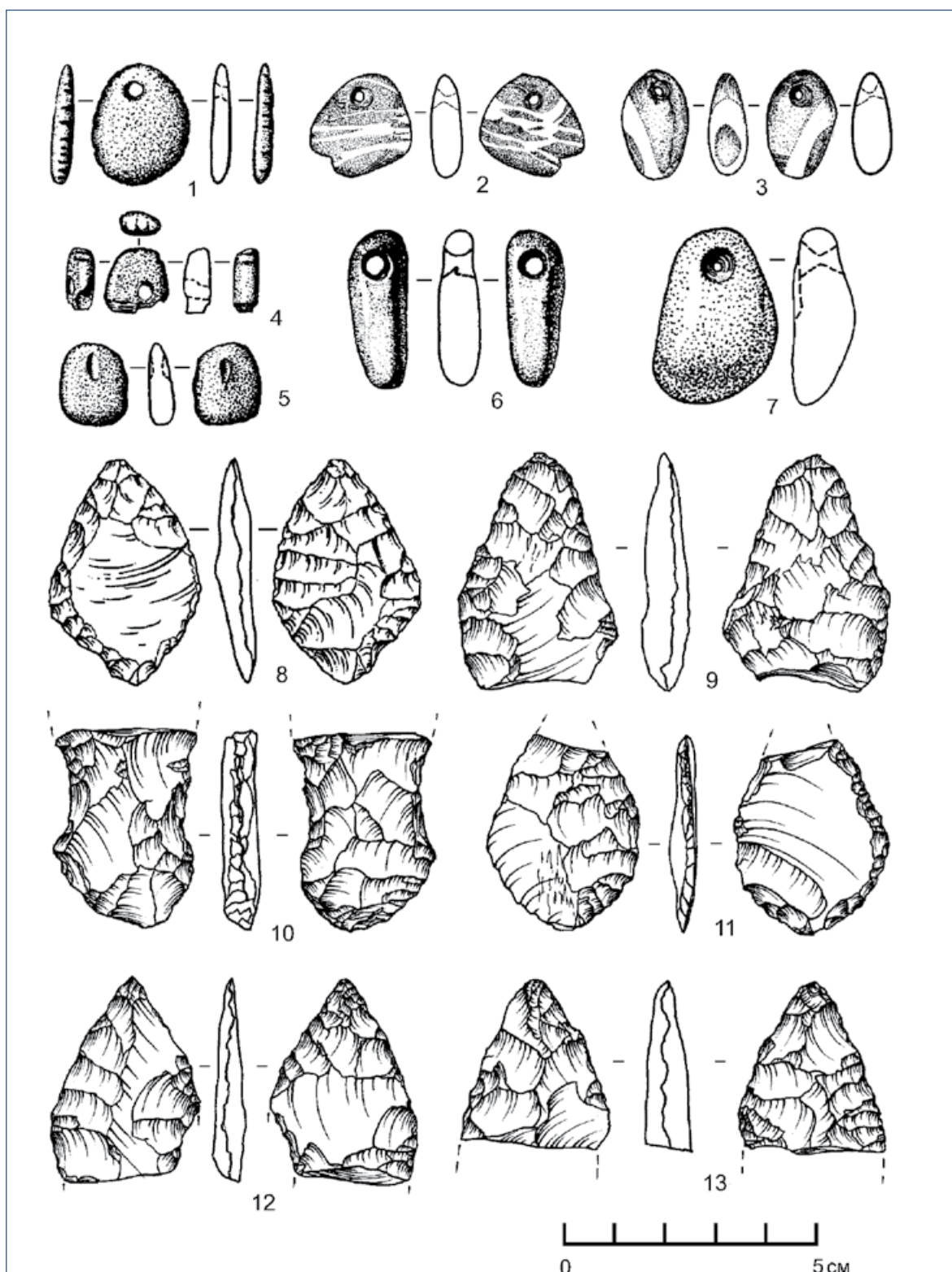
Все основные типы изделий, включая диагностичные каменные острия и подвески (илл. 15, Б7, 8; 15), а также долотовидные орудия на фрагментах рёбер мамонта (илл. 17, 2–4) представлены и в материале из расчистки, и из сборов материала на поверхности берега. Все изделия небольшого размера. Отщепы и чешуйки не превышают 2 см по максимальному измерению и получены при переоформлении каких-то изделий либо при их производстве из плитчатых отделённостей окремнённого аргиллита, взятого из выхода сырья близ стоянки.

Какую-либо технологию первичного расщепления и/или получения сколов диагностировать невозможно. В любом случае, очевидно, что здесь не представлены следы какого-либо пластинчатого (параллельного) расщепления, в том числе и торцово-клиновидного. Ввиду того, что эта технология отличается специфическими отходами производства, даже при отсутствии ядрищ можно судить о её наличии или отсутствии. В собранных материалах её признаки отсутствуют полностью. Все изделия, в том числе и подвески, изготовлены из местного сырья (выходы аргиллитов в щётке на перекате чуть ниже по течению от стоянки, примерно в 200 м).

В материале стоянки, полученном сборами и из расчисток, выделяются предметы и изделия из камня и кости. Среди первых, помимо отщепов, они представлены подвесками с биконическим сверлением, изготовленными шлифовкой из окремнённого аргиллита с прожилками кальцита (?), фрагментами двусторонне обработанных орудий, выразительными целыми изделиями (илл. 15). С учётом ранее собранных Н. К. Верещагиным и Ю. А. Мочановым (Верещагин, Мочанов, 1972; Верещагин, Украинцева, 1985; Мочанов, 1977), можно выделить серийные формы.

Так, типичной формой для памятника являются острия на относительно крупных отщепах, использовавшиеся как ножи или резчики (илл. 15, Б8; 16, 8–13). Остриё сформировано двумя сходящимися двусторонне ретушированными краями. Аналогичным образом изготовлено острие каплевидной формы, сформированное неполной двусторонней ретушью. Подобные изделия имеются в прежних сборах (Мочанов, 1977; Мочанов и др., 1991; Верещагин, Украинцева, 1985).

Типичной формой являются подвески из камня, известные и в прежних сборах (илл. 15, Б7; 16, 1–7). Новые предметы этого рода позволяют видеть, что для их производства не использовались гальки (их нет в реке), а плитчатые отделённости скального цоколя, из которых эти формы были получены шлифовкой (Питулько, 2011 б).

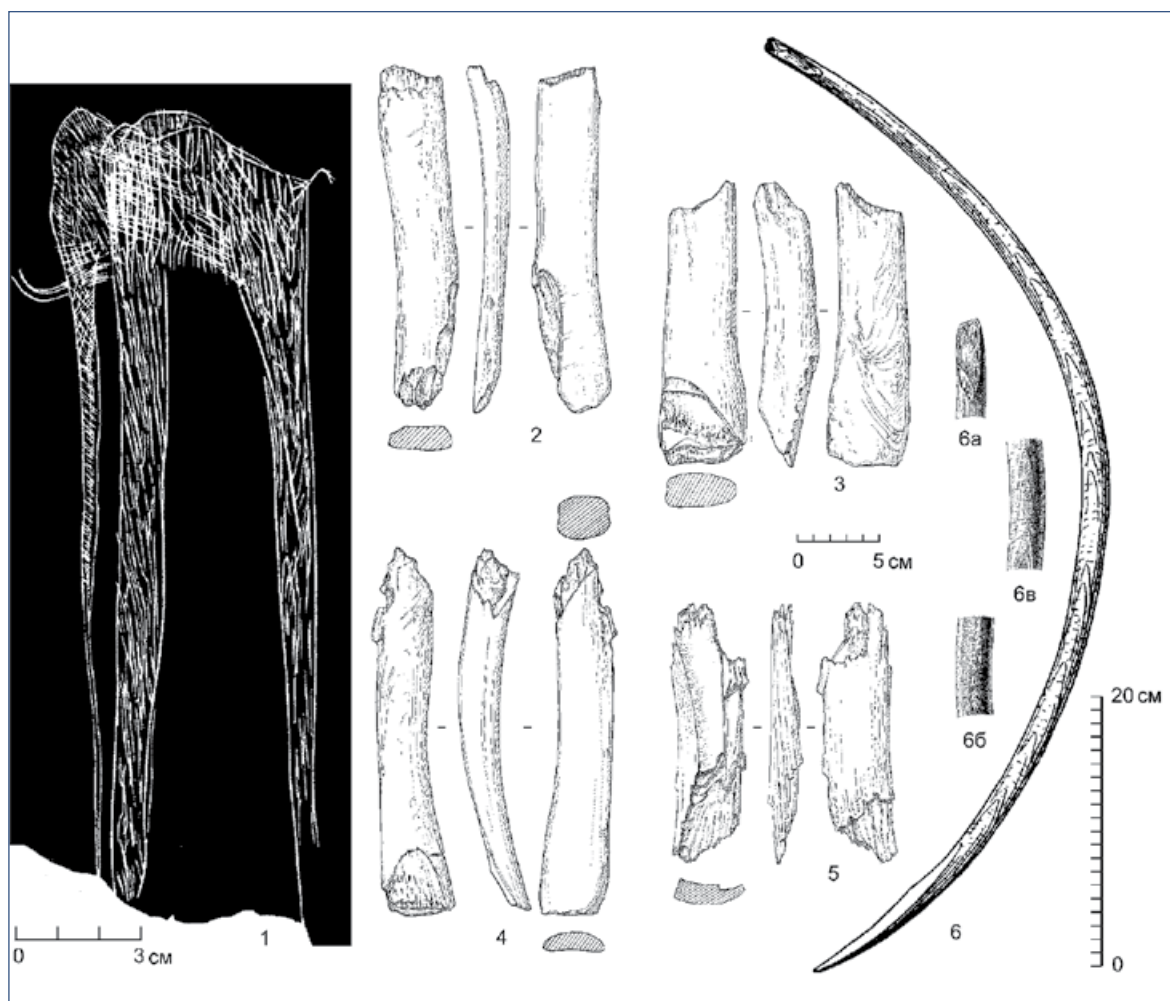

Илл. 16. Каменные артефакты стоянки Берелёх: 1, 4, 6, 7 – каменные подвески с биконическим сверлением (1 и 2 – с насечками по краю); 2, 3 – сверлёные подвески из окремнённой породы камня с прожилками кальцита, сформированные шлифовкой; 5 – каменная подвеска с насечками по краю; 8 – неполный бифас, изготовленный на массивном отщепе; 9 – неполный бифас, изготовленный на отщепе (бифасиальное острие); 10 – двусторонне обработанный фрагмент базальной части черешкового острия (черешок); 11 – каплевидный бифас с обломленным остриём, изготовленный на отщепе; 12, 13 – фрагменты бифасиальных орудий. Примечание: № 8, 9, 11 – острия типа Чиндадн; № 1, 4–8 приведены по Ю.А. Мочанову с соавторами (Мочанов и др., 1991); № 2, 3, 9–13 приведены по: Pitulko et al., 2014

Изделия из бивня и кости также продолжают серии находок, известные по прежним работам (илл. 17). Среди них обычны осколки бивня со следами обработки и долотовидные орудия на обломках рёбер мамонта. Размер кусков бивня произвольный. Изделия на рёбрах, напротив, имеют довольно выдержанный размер около 20 см, что, видимо, следует связывать с удобством захвата при работе.

Комплекс берелёхских находок — как прежних, так и новых, из сборов 2009 г., не даёт никаких оснований для помещения его в контекст дюктайской культуры. В любом случае, в берелёхской коллекции следы производства микропластинок отсутствуют и не имеется признаков торцово-клиновидного расщепления. Изделия с двусторонней обработкой присутствуют, как правило, в виде неполных бифасов.

Свидетельство пребывания человека в районе Новосибирских островов было обнаружено на о. Новая Сибирь. В окрестности **мыса Каменный**, к сожалению, вне контекста были найдены изделия из бивня мамонта, представляющие собой заострённые куски бивня с оформленной площадкой для привязывания к рукояти/черенку, напоминающие более поздние предметы из Жоховской стоян-

Илл. 17. Изделия из кости и бивня мамонта со стоянки Берелёх: 1 — гравировка на бивне мамонта (цит. по: Флинт, 1972); 2–4 — орудия, изготовленные на фрагментах рёбер мамонта (Pitulko et al., 2014); 5 — обработанный фрагмент бивня мамонта (Pitulko, 2014); 6 — стержень из бивня мамонта, найденный Н. К. Верещагиным в 1970 г. (Верещагин, 1977): 6 а — крупный план обломленного кончика изделия; 6 б — крупный план обратной стороны поверхности изделия; 6 в — поверхность изделия с видимой конусовидной структурой (приведено по: Верещагин, Мочанов, 1972). Находки 2009 г. (№ 3, 4) происходят из расчистки ВА1, вблизи которой собран подъёмный материал (№ 2, 5, 6)

ки. Датировка одного из таких предметов показала возраст $10\,340 \pm 40$ С¹⁴ л. н. (Beta-514073), или 12 200 л. н.

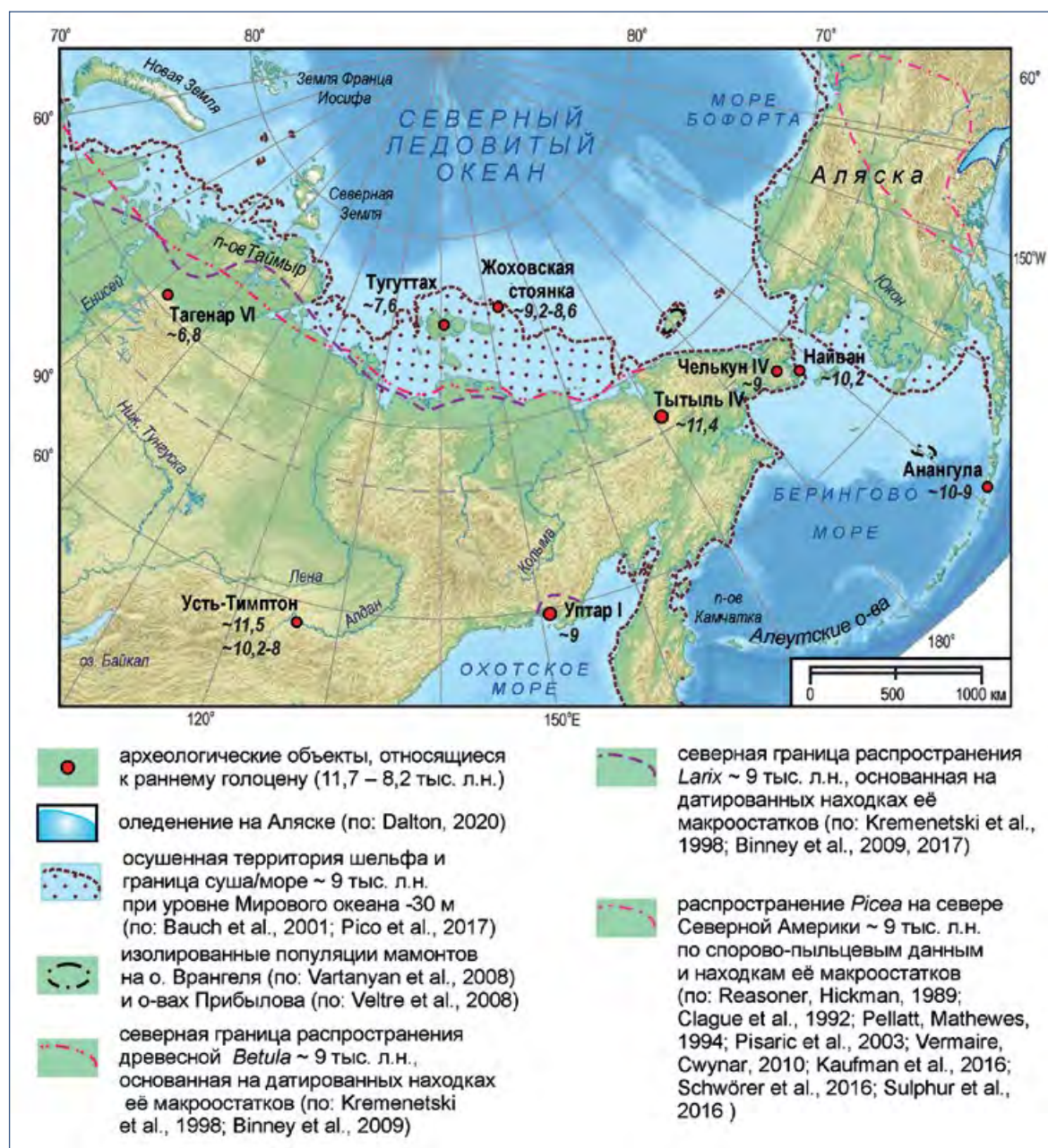
Группировку свидетельств расселения человека в арктической Восточной Сибири в позднеледниковье дополняют находки на о. Айон (Западная Чукотка) (илл. 14). Здесь Н. Н. Диковым открыто местонахождение Айон-72 (Диков, 1977), контекст которого содержит материал, документирующий юбецоидную технологию расщепления, идентичную ушковской на Камчатке (Слободин, 2015). На этом основании возраст местонахождения предположительно может быть оценён 13 000–12 000 л. н., однако иные основания для его датирования отсутствуют.

Таким образом, позднейшая позднеплейстоценовая группировка материала представлена весьма выразительно (~15 000–12 000 л. н.). Примечательно, что пять объектов связаны с формированием и эксплуатацией массовых скоплений костных останков мамонтов — Аччагый-Аллаиховского, Берелёхского, Илин-Сылахского, Никитского костяк и местонахождения Урез-22 (Pitulko et al., 2016 a; Pitulko et al., 2017). Археологический материал присутствует в этих памятниках в разном объёме, часто — в очень небольшом, однако он хорошо узнаваем. Так, находки из Берелёха, Озера Никита и, возможно, из Аччагый-Аллаихи представлены остриями Чиндадн — характерными неполными бифасами на отщепках, известными в Восточной Берингии на североамериканском континенте (стоянки Nealy Lake, Chugwater, Walker Road и другие (West, 1996)). Они были отмечены Т. Гейблом в качестве *fossile directeur* для финально-плейстоценовых памятников Берингии (Goebel, 1992). На настоящий момент острия Чиндадн являются единственным археологически зримым доказательством существования трансберингийских культурных связей в конце плейстоцена. О широте таких связей, по крайней мере, в Западной Берингии, говорит анализ подвесок из камня, найденных в Берелёхе и некоторых других памятниках Северо-Востока (Питулько, 2011 б).

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЗДНЕГО ЭТАПА РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (~11 700–8000 л. н.)

Для данного хронологического интервала наличие значительного по объёму фонда источников было бы логически ожидаемым, однако в реальности оно не очень велико, несмотря на обилие подъёмных материалов во многих районах, особенно на западной и восточной периферии региона, соответственно на Таймыре и Чукотке (Диков, 1993 а; Хлобыстин, 1998). Датированные контексты, которые используются в настоящем исследовании, особенно малочисленны. Эта картина во многом связана с историей изучения территорий, однако заметную роль играют также тафономические факторы, в особенности связанные с деградацией многолетней мерзлоты, многократными изменениями гидрологических режимов и с новейшим положительными тектоническими движениями в этих областях, в связи с чем снос преобладает над аккумуляцией, что в условиях медленного субаэрального осадконакопления ведёт к замедлению процессов формирования захороненных культуросодержащих горизонтов (Питулько, Павлова, 2010) и к разрушению ранее существовавших. Удалённость и малонаселённость территорий влечёт за собой удорожание работ и сложную логистику, что также вносит свой вклад в замедленное формирование источниковедческой базы. Тем

не менее определённый прогресс в последние годы был достигнут, было открыто и изучено несколько памятников, среди которых важное место занимает уникальный объект мирового культурного наследия — стоянка древнего человека на о. Жохова (Pitulko, Makeyev, 1991).

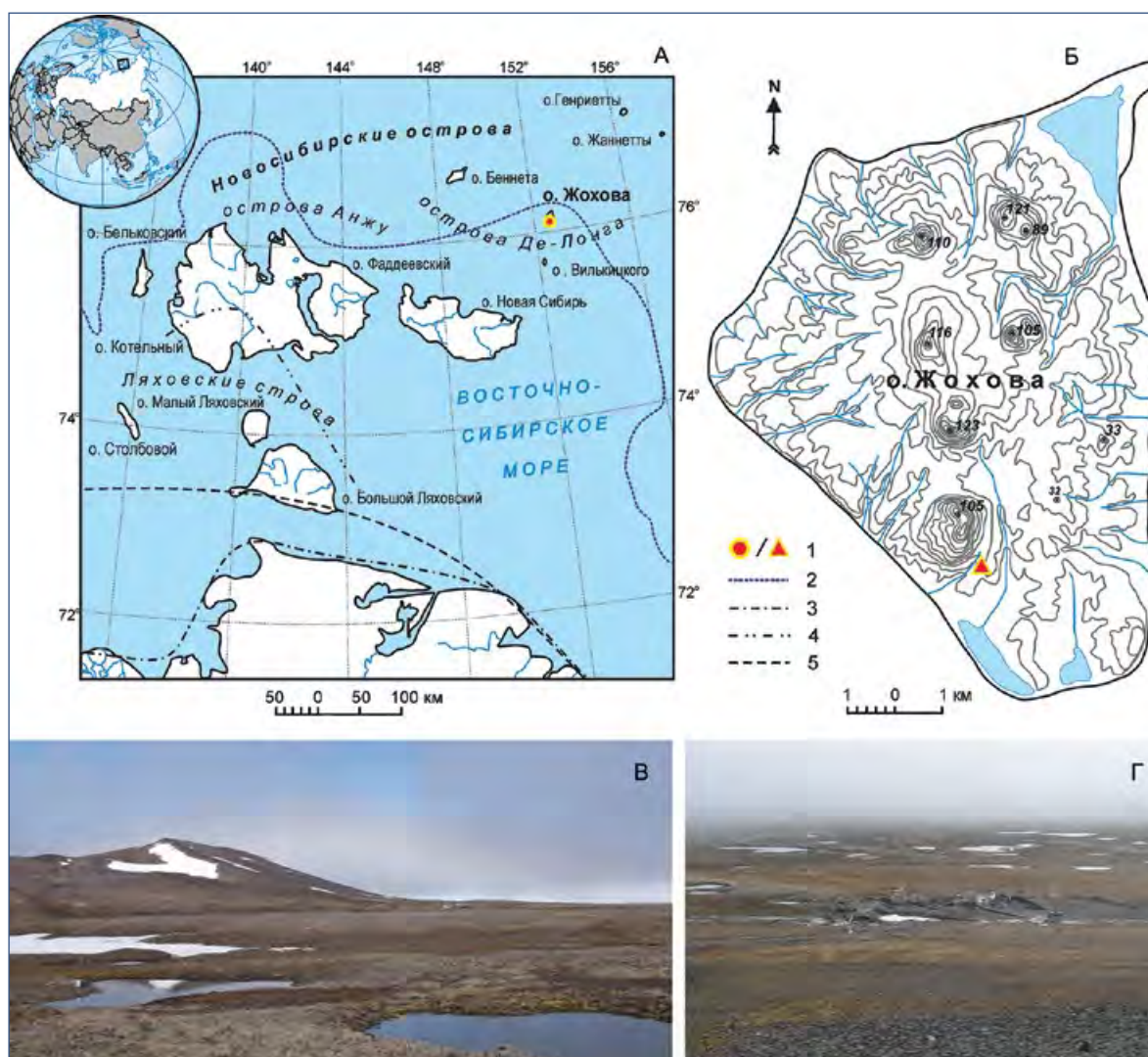

Илл. 18. Памятники позднего этапа расселения человека в Восточно-Сибирской Арктике (ранний голоцен). Цифрами обозначен возраст объектов в тысячах лет назад

Жоховская стоянка, расположенная под 76° с.ш. в Сибирской Арктике (на о-ве Жохова, о-ва Де Лонга, Новосибирские о-ва), является одним из наиболее северных археологических памятников мира (илл. 18; 19) и древнейшим следом пребывания человека в высоких широтах, свидетельствующим об освоении человеком этих территорий ещё в эпоху раннего голоцена, около 9000 л. н. (Pitulko, 1993). Исследования стоянки проводились в 1989, 1990 и 2000–2005 гг. (Питулько, 1998; Питулько, 2001 а; Питулько, 2011 а) в рамках многолетнего междисциплинарного научно-исследовательского проекта; тогда же были проведены

масштабные работы на о-вах Новосибирского архипелага (Анисимов и др., 2009 а; Анисимов и др., 2009 б; Питулько, 2016; Питулько, 2023; Питулько, Павлова, 2015; Питулько и др. 2012 б; Питулько и др., 2013 б; Питулько и др., 2015 б; Питулько и др., 2017; Lee et al., 2018; Makeyev et al., 2003; Pavlova, Pitulko, 2020; Pitulko, 2001; Pitulko, 2013; Pitulko, Kasparov, 2017; Pitulko, Pavlova, 2022 б; Pitulko et al., 2015 б; Pitulko et al., 2019).

В результате исследований стоянки в 2000–2005 гг. (илл. 20) объём коллекции, по сравнению с материалами раскопок 1989 и 1990 гг., значительно увеличился (Питулько и др., 2012 б; Питулько и др., 2013 б; Pitulko, Kasparov, 2017; Питулько и др., 2018). В дополнение к изученному ранее участку площадью 144 м²

Илл. 19. Местоположение Жоховской стоянки и наиболее существенные черты её палеогеографии. А – карта-схема архипелага Новосибирские о-ва, Восточно-Сибирская Арктика; Б – карта-схема о. Жохова; В – вид на стоянку с юга; Г – вид на стоянку с севера со склона возвышенности. Прочие обозначения: 1 – Жоховская стоянка; 2 – граница суша/море около 9000 лет назад при уровне Мирового океана – 31 м относительно современного (приведено по: Lambeck et al. 2014); 3 – северный предел распространения древесной растительности около 9000 лет назад на основании датировок древесной формы *Betula* (приведено по: Никольский, Базилян, 2004; Binney et al. 2009; Kremenetski et al. 1998); 4 – северный предел распространения кустарниковой растительности около 9000 лет назад на основании датировок кустарниковых форм *Alnus* и *Betula* [Makeev и др. 1989; Украинцева и др. 1989; Makeyev et al. 2003]; 5 – северный предел распространения лиственницы около 9000 лет назад (приведено по: Zimmermann et al. 2017)

сплошной площадью было раскопано 427 м², итого общая раскопанная площадь на Жоховской стоянке составила 571 м². Общая площадь распространения культуросодержащих отложений, на основании визуальных оценок, составляет около 8000 м² (хотя в реальности может быть и большей). В её пределах отмечаются концентрации, первоначально воспринимавшиеся как отдельные жилые площадки, захороненные на незначительной глубине. Зрительно они распознаются благодаря криогенному выпучиванию длинномерных предметов и каменных артефактов на современную дневную поверхность (Pitulko, 1993). Несмотря на то что механизм процесса был определён верно, подлинные причины формирования этого планиграфического рисунка оказались несколько иными.

Илл. 20. Раскопки Жоховской стоянки, 2000 г. А – кровля культуросодержащих отложений, насыщенных обломками дерева, часто торчащими вертикально; Б – фото- и видеофиксация культурного слоя (слева направо: Д. П. Одесс, В. В. Фитцхью, А. В. Головнев); В – первичная расчистка культуросодержащих отложений, залегающих от поверхности; Г – находки нижней челюсти белого медведя и обломка нарточного полоза

Раскопки проводились с использованием методики, разработанной для условий многолетнемёрзлых отложений (Питулько, 2008; Питулько, 2012 а). Общий объём коллекции за все годы работ на Жоховской стоянке составляет десятки тысяч единиц материала. Наиболее многочисленны каменные артефакты ($n > 19000$). Это преимущественно микропластинки, предназначенные для производства вкладышей для составных орудий и фрагменты пластинок,

вкладыши, а также микропризматические ядрища и дебитаж, связанный с индустрией производства микропластинок. Имеются шлифованные рубящие орудия, немногочисленные трёхгранные метательные острия (илл. 21) (Питулько, 1998; Питулько и др., 2012 б), а также абразивные камни из песчаника и пемзы. Впервые для высокоширотной Арктики были получены антропологические останки (илл. 22), разрозненные и сильно фрагментированные, но пригодные для молекулярно-генетического исследования (Питулько и др., 2015 б; Lee et al., 2018).

В культурно-историческом плане микропризматическая индустрия Жоховской стоянки входит, безусловно, в круг памятников раннего голоцена Северо-Востока России, которые традиционно связываются с так называемой сумнагинской культурой (Мочанов, 1977; Питулько, 1998; Gusev, 2002), характеризующейся широким распространением подобных технологий расщепления камня. Как считалось (Мочанов, 1977), её памятники составляют единый культурный феномен, распространённый на пространстве от Таймыра на западе до Берингова пролива на востоке и от долины Алдана на юге до арктических побережий на севере. Это не вполне так, поскольку накопленные материалы по каменному веку раннего голоцена Северо-Востока России позволяют выделить как минимум две культурные традиции (технокомплекса?) — уолбинскую (Слободин, 1996; Слободин, 1997) и арктическую (Pitulko, 2001) или две фации «сумнагинской традиции». Однако правильнее рассматривать эти памятники в рамках концепции поздней Берингийской микропластинчатой традиции, предложенной Ф. Вестом (West, 1996).

К её арктической фации на основании морфологии ядрищ и вероятного сходства основных технологических принципов могут быть отнесены очень немногие памятники, известные в основном на востоке Чукотки (Питулько, 1998; Pitulko, 2001). Это прежде всего стоянки Путурак, Чулькун IV, Ульхум (нижняя) и Итхат IV (Диков, 1993 а), а также материал со стоянки Мыс Безымянный на Валькарарайской низменности северного побережья Чукотки (Кирьяк, 1989). Как считается, с находками на о-ве Жохова могут быть сопоставлены также и материалы со стоянки Найван (Gusev, 2002), однако здесь, скорее, можно говорить о принадлежности этих объектов к одному хронологическому диапазону и генерально, к кругу памятников с микропризматической традицией расщепления, не более, поскольку морфологически внятных изделий со стоянки Найван не опубликовано.

За пределами российского Северо-Востока похожие формы представлены достаточно широко на побережьях и прибрежных островах, в частности на юго-востоке Аляски — например, GNB2, Чак Лейк (Askerman, 1996), и в Британской Колумбии, в особенности на о-вах Королевы Шарлотты — стоянки Ричадсон Айленд, Лилль Бэй, Эхо Бэй (Fedje et al., 1996; Magne, 1996). Определённое сходство с жоховскими имеют материалы Анангулы (Aigner, 1970), где есть и клиновидные формы, а также в Галлагер Флинт Стейшн (Dixon, 1975). Детальный технологический анализ индустрии Анангулы привёл Т. Дел Бене (Del Bene, 1982) к выводу о наличии выразительной позитивной связи между формой исходных отдельных сырьевых (галек и плиток) с формой и технологией производства пластинок. Подобные ограничения, налагаемые материалом на конечный продукт, отмечается для комплекса Москито Лейк на Аляске (Wenzel, Shelley, 2001).

Данный вывод, очевидно, правилен и для перечисленных памятников, в которых выявлены следы технологий получения пластинок, в наибольшей степени похожие на жоховские. Наблюдаемое между ними сходство вряд ли может быть

Илл. 21. Жоховская стоянка, раскопки 2002. Найденный *in situ* в кв. АА-130 трёхгранный метательный наконечник, сохранивший соединение с боевым концом деревянного древка стрелы (А). Прямым датированием по древесине ^{14}C AMS-методом определён возраст 7960 ± 70 л. н. Б – лицевая сторона; В – обратная сторона

Илл. 22. Два черепа *Homo sapiens* в культуросодержащих отложениях Жоховской стоянки в кв. NN-220 *in situ*: А – череп NN220-2; Б – череп NN-220-1; В – фрагменты черепов (лабораторная съёмка): 1-3 – череп NN220-2; 4, 5 – череп NN220-1

истолковано как проявление культурных влияний (миграций, родственности и пр.). Между тем эти памятники имеют между собой нечто общее — все они расположены либо на морских побережьях, либо на островах, однако наблюдаемые черты сходства нельзя «списать» и на идентичность (по крайней мере, близость) моделей жизнеобеспечения.

Анангула (Aigner, 1970) является классическим примером развитой раннеголоценовой морской адаптации на севере Тихоокеанского региона, то же самое можно, видимо, говорить о стоянках на о-вах Королевы Шарлотты или юго-восточной Аляски и даже про Найван. Чукотские памятники, открытые Н. Н. Диковым, не имеют материала, который мог бы пролить свет на основы систем обеспечения их обитателей. Жоховская стоянка никак не может быть упомянута в этом ряду, поскольку люди, оставившие её, обладали резко выраженным континентальным типом системы жизнеобеспечения и добывали северного оленя и белого медведя (Питулько, 2023 б; Питулько и др., 2018; Pitulko, 2003; Pitulko et al., 2015 b).

Общим для всех этих памятников является исходная форма сырья, использованного для производства микропластинок в микропризматической технике. На всех перечисленных памятниках местное сырьё наиболее многочисленно, представлено мелкими гальками или плитчатыми отдельностями, происходящими из морских или флювиогляциальных галечников (на о-ве Жохова, например, гальки кремнеподобных пород немногочисленны, хотя и встречаются, а много их на северном побережье о-ва Новая Сибирь в районе мыса Каменный, примерно в 180 км к югу). В результате приспособления технологии к имеющемуся сырью получается закономерный результат, выражающийся для нас в зримом морфологическом сходстве ядрищ, обусловленном конвергенцией, что не позволяет рассматривать его в качестве культурного идентификатора.

Нельзя не отметить в этой связи, что подобный экологически обусловленный механизм, в частности, предлагается Дж. Диксоном (Dixon, 2010) в качестве общей причины распространения микропризматических индустрий в первой половине голоцена в Арктической области и в Северной Пацифике. В качестве внешнего управляющего фактора рассматриваются увеличение мощности снегового покрова и удлинение периода, в течение которого он сохраняется. Это простое обстоятельство, несомненно, имеет значение, поскольку ограничивает или серьёзно затрудняет доступ к сырью, в связи с чем людям приходилось ориентироваться на запасы и их глубокую переработку, и неслучайно обитатели Жоховской стоянки перерабатывали в ядрища испорченные шлифованные тёсла (с переменным успехом, поскольку сырьё для тёсел изначально выбиралось более прочное, вязкое).

Существенную часть коллекции составляют предметы и изделия из недолговечных материалов. Прежде всего, это предметы комплекса охотничьего вооружения из кости, рога северного оленя, а также ископаемых костей и бивней мамонтов. В коллекции представлена серия вкладышевых орудий (илл. 23, 24), намного превосходящая по численности все известные в пределах Восточной Сибири находки, относящиеся к тому же к различным эпохам (Питулько, 1998). Изделия из дерева представлены значительной серией различных предметов, их обломков и отходов производства (Питулько, 1998; Питулько и др., 2018), включая конструктивные элементы нарт (полозья, копылья) (илл. 25), посуду, разнообразные рукояти и приспособления. Среди изделий из древесных материалов уникальны находки плетёных изделий (корзин или сумок), а также контейнеров из коры берёзы (илл. 26).

Илл. 23. Охотничий инвентарь Жоховской стоянки. А – однолезвийный вкладышевый нож (приведено по: Питулько, 1998); Б, В – базальные части однолезвийных наконечников с плосковыпуклым поперечным сечением (Б – моржовый клык, В – рог северного оленя, приведено по: Питулько, 1998); Г – комбинированный вкладышевый наконечник-гарпун из кв. СВ14, находка 2001 г. (№ Ж-2001/ кв. СВ15/63); Д – вкладышевый наконечник из кв. DC13, находка 2003 г. (№ Ж-2003/ кв. DC13/111); Е – кремневый трёхгранный наконечник в сочленении с древком (№ Ж-2002/кв. Аа130/12); Д1 – крупный план к Д; Е1 – крупный план к Е

Сохранность большинства изделий хорошая, что связано с их пребыванием в многолетнемёрзлых условиях с момента формирования культуросодержащих отложений стоянки, на короткое время прерванных интенсивной термоденудацией, завершившейся формированием псевдоморфоз по плейстоценовым повторно-жильным льдам, в которых культурный материал оказался повторно захоронен и вновь заморожен. Сформировавшиеся толщи культуросодержащих отложений достигают мощности 3 м, а их плановое положение повторяет рисунок полигональной сети плейстоценовых повторно-жильных льдов. Их большая часть находилась в мёрзлом состоянии до начала раскопок, отдельные участки отложений стоянки подверглись термоэрозии в последние ~2500 лет (Питулько и др., 2012 б; Питулько, Павлова, 2015).

Для Жоховской стоянки получено большое количество радиоуглеродных определений возраста (Питулько, Павлова, 2015). В качестве их интегрального значения принят возраст ~9000 л. н., однако фактически археологический контекст памятника был сформирован в результате нескольких крупных циклов

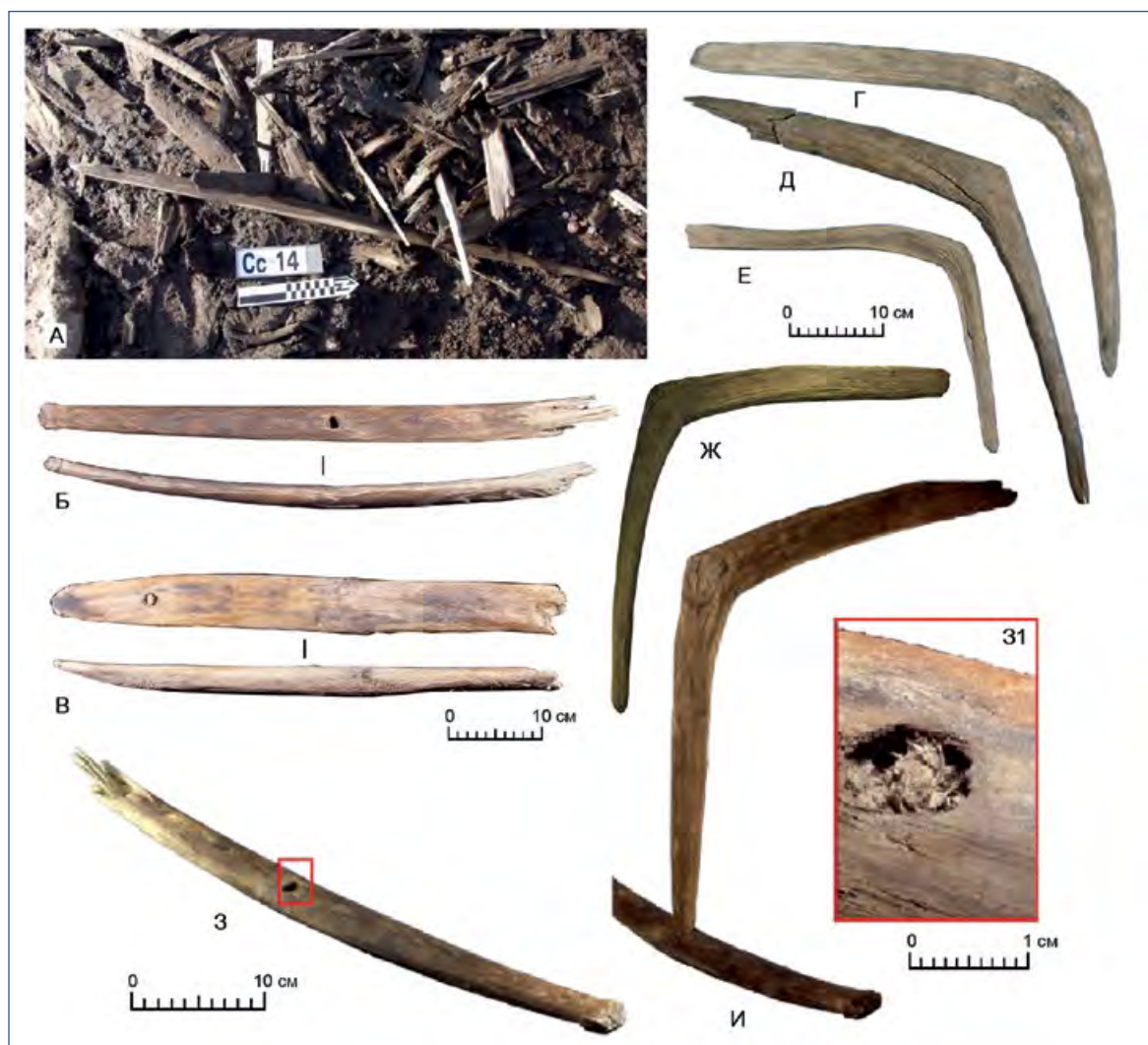

Илл. 24. Предметы вооружения жоховских охотников. 1 – наконечник из бивня мамонта с двумя прорезными пазами из кв. Nn230, находка 2004 г. (№ Ж–2004/ кв. Nn230/230); 2 – наконечник из длинной кости крупного плейстоценового животного, возможно, мамонта (раскопки 1989 г., приведено по: Питулько, 1998), 3 – заготовка острия из рога северного оленя; 4 – переоформленное острие из рога северного оленя (3, 4 – раскопки 1990 г., приведено по: Питулько, 1998)

обитания, охватывающих около полутысячи лет, внутри которых, несомненно, имеются скрытые эпизоды посещения, неразличимые на уровне разрешающей способности метода (Pitulko, Pavlova, 2022 b). Указанные особенности истории формирования культуросодержащих отложений не оказали влияния на степень гомогенности комплекса материалов Жоховской стоянки, в которых отсутствует какая-либо инокультурная примесь.

Настойчивые поиски памятников каменного века на Новосибирских о-вах к югу от о. Жохова существенных результатов в 2000–2005 гг. не принесли, хотя и были выявлены следы пребывания древнего человека на о. Котельном (**стоянка Тугутгах**, возраст около 7300 л. н., в среднем течении р. Балыктах). В этом пункте собран материал, в котором читается присутствие микропризматической индустрии, и есть его датировка, однако более никакой информации не имеется.

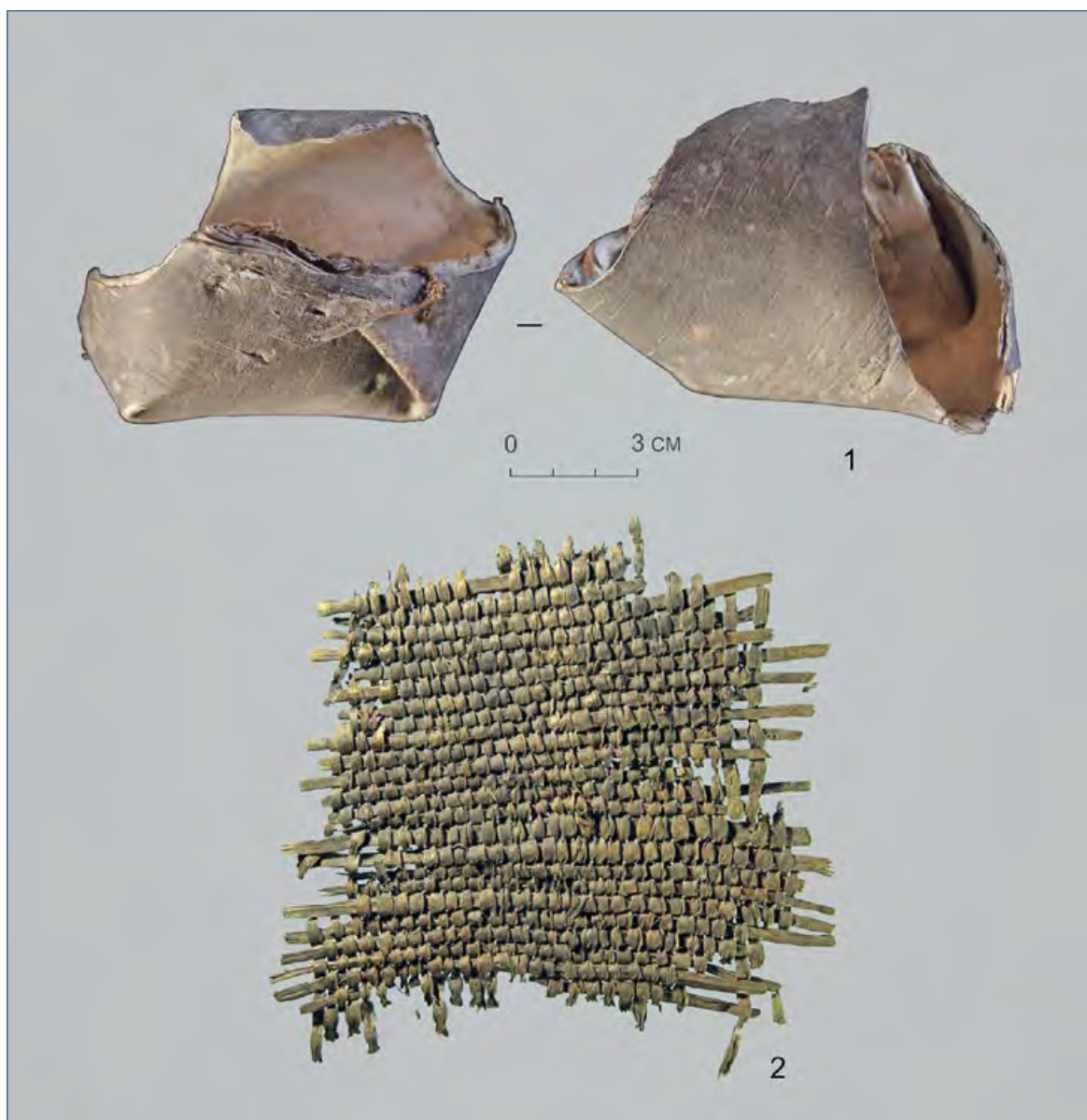
За пределами центральной области восточно-сибирского региона Арктики достоверные материалы, относящиеся к финальному плейстоцену – раннему голоцену, представлены слабо или отсутствуют. Так, на п-ве Таймыр этот этап документирует единственный памятник – **стоянка Тагенар VI** (70° 30' с. ш.)

Илл. 25. Части саней (нарт) из Жоховской стоянки. А – полозья, найденные в культурном слое; Б, В – фрагменты полозьев; Г, Д, Е, Ж – копылья-стойки саней; З – фрагмент передней части саночного полоза с отверстием для копыля-стойки; 31 – отверстие с обрывком верёвки из шерсти внутри (увеличенная деталь для З); И – реконструкция части саней, в которой стойка совмещена с санным (нарточным) полозом

в бассейне р. Хатанги, на одном из небольших притоков р. Хеты в её верховьях. Радиоуглеродный возраст памятника — 6020 ± 100 л. н. (ЛЕ-884), или около 6800 л. н. (Хлобыстин, 1998). В археологическом контексте стоянки представлено микропризматическое расщепление (микропластинки и ядрища для их производства), изделия простейших типов выполнены исключительно на пластинках. Материалы памятника рассматривались в контексте памятников «мезолитической сумнагинской культуры» (Мочанов, 1977; Хлобыстин, 1998).

В восточной области Восточно-Сибирской Арктики к востоку от р. Колымы (Западная Чукотка и Чукотский п-ов) археологические материалы финального плейстоцена — раннего голоцена происходят преимущественно из подъёмных сборов (Мочанов и др., 1991; Кирьяк, 1989; Кирьяк, 1993; Диков, 1993 а). Среди них имеются единичные датированные субповерхностные контексты. К ним относятся **стоянки Подгорная** и **Тытыль IV** в группе тытыльских стоянок (Кирьяк и др., 2003), располагающихся вблизи оз. Тытыль (долина р. Тытыльваам, правого притока Малого Анюя в его верхнем течении), и стоянки Челькун IV (Диков, 1993 а) и Найван (Gusev, 2002) на востоке Чукотского п-ва.

Илл. 26. Предметы быта из Жоховской стоянки. 1 – фрагмент берестяной коробочки (№ Ж-2002/ кв. Bb13/1, находка 2002 г. в кв. Bb13); 2 – фрагмент плетёной корзинки (№ Ж-2001/ кв. FE120-F120, находка 2001 г. в кв. FE120-F120)

Памятники тытыльской группы, кроме стоянки Подгорная, приурочены к разновысоким останцам поверхностей, сложенных флювиогляциальными отложениями. Руководствуясь сведениями, сообщаемыми исследователями (Кирьяк и др., 2003), можно заключить, что последняя, по-видимому, является единственным датированным объектом ранней группы тытыльских стоянок — 9725 ± 40 л. н. (SAMS-80788), 9820 ± 40 л. н. (SAMS-80789), или $\sim 11\,400$ л. н., однако связь датировок именно с этим контекстом в работе (Кирьяк и др., 2003) прямо не обозначена. Примечательно, что комплексы, описанные М. А. Кирьяк с соавторами (Кирьяк и др., 2003), содержат материалы, связывающие их с дюктайской культурой; отмечаются признаки сходства в технологиях расщепления (клиновидная и призматическая, микропластинчатая и техника крупных пластин), форме изделий (иволистные двусторонне обработанные наконечники). Перечисляя эти параллели, М. А. Кирьяк особо подчёркивает и сходство открытых ею комплексов с материалами из слоя VI ушковских стоянок на Камчатке.

Памятники **Челькун IV** и **Найван** ценны тем, что в них представлены культурные остатки, демонстрирующие присутствие микропризматической технологии расщепления. Возраст Челькун IV — 8150 ± 450 , МАГ 719 (Диков, 1993 а), или около 9000 л. н. Датировки стоянки Найван довольно разнообразны, в связи с чем можно говорить лишь об ожидаемом среднем возрасте ~9000 л. н. (Питулько, Павлова, 2010), при этом в материалах данного памятника можно увидеть лишь присутствие микропризматической технологии расщепления. Челькун IV в этом плане более информативен, поскольку в коллекции из этого пункта имеются микропризматические ядрища с уверенно читаемой морфологией, идентичной находкам из Жоховской стоянки (Питулько, 1998). Наравне с некоторыми другими, оба объекта (Найван и Челькун IV), на основании морфологии ядрищ и вероятного сходства основных технологических принципов, рассматривались в контексте «арктической фации сумнагинской культуры» (Питулько, 1998; Питулько и др., 2012 б; Pitulko, 2001).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеуказанными материалами исчерпывается существующая археологическая летопись арктической Восточной Сибири для примерно 50 000 лет, от ранней фазы МИС 3 (поздний плейстоцен) до раннего голоцена (начало МИС 1). Тем не менее, несмотря на их малочисленность, можно уверенно выделить три хронологических группировки: раннюю (~50 000–29 000 л. н., МИС 3); среднюю (~29 000–11 700 л. н., МИС 2) и позднюю (ранний голоцен, от 11 700 до ~8000 л. н.). Освоение человеком арктической Восточной Сибири и расселение в этом регионе, в особенности на его наиболее северных территориях в зоне Великих арктических равнин, занимавших осушённые области арктического шельфа, имело важнейшее значение для последующего заселения Западного полушария (Hoffecker et al., 2019; Hoffecker et al., 2023).

Люди, которые впервые пришли в Восточно-Сибирскую Арктику, принадлежали к популяции носителей древнего северо-сибирского генома, в формировании которого основная роль принадлежала западноевразийской генетической линии анатомически современных людей. Однако уже тогда был замечен вклад восточноазиатской ветви (30%), значение которого возрастало со временем (Sikora et al., 2019). Рубежные изменения в материальной культуре древнего населения Восточно-Сибирской Арктики, по-видимому, связаны с притоком новых волн населения с юга как проявление обратной связи в системе «природа — человек», т. е. миграций, предопределённых изменениями природно-климатических условий в глубинных материковых районах (Pitulko, Pavlova, 2023).

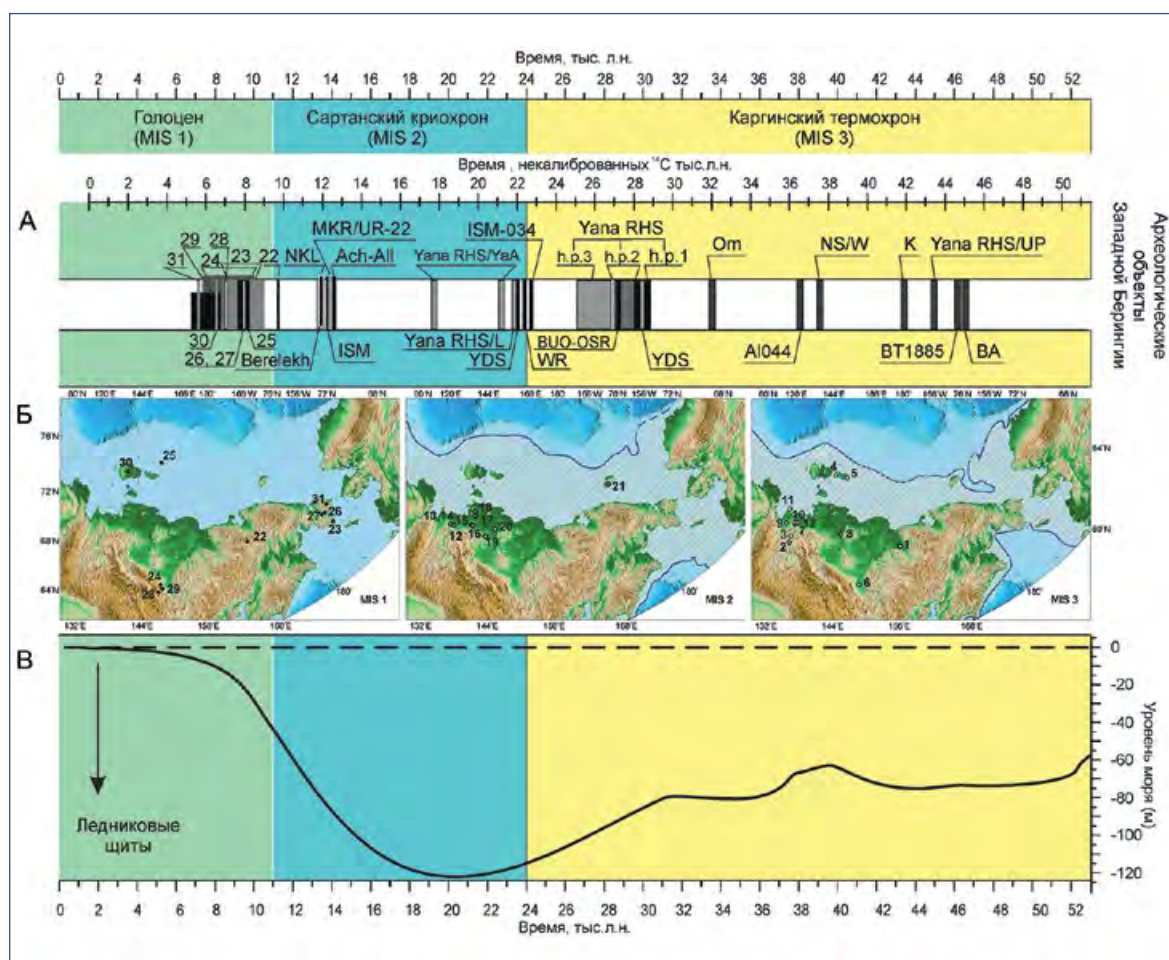
По приведённым материалам видно, что люди, впервые появившиеся в Восточно-Сибирской Арктике около 50 000 л. н., уже никогда её не покидали, хотя в определённые интервалы времени и испытывали демографический стресс (последний ледниковый максимум и рубеж голоцена) (илл. 27). Начиная с раннего этапа, территория была обитаема широко, видимо, вплоть до самых северных её пределов. Археологические свидетельства, относящиеся к ранней фазе расселения человека в арктической Восточной Сибири, известные на западе Таймыра, Яно-Индигирской и Колымской низменности, демонстрируют определённую изохронность. В их хозяйственных практиках уже тогда заметную роль играла охота на мамонтов. Однако на протяжении всего периода совместного суще-

ствования с человеком эти животные оставались объектом охоты, о чём говорят прямые свидетельства, наблюдаемые на костных останках шерстистых мамонтов, например, обнаруженные в местонахождениях Сопочная Карга, УММ в Янском комплексе стоянок, Табаюрях, Озеро Никита, т. е. представлены во всех хроносрезх. Им одновременна технология производства длинных острий из бивней мамонтов.

Многие из местонахождений раннего и среднего этапов расселения (не менее 11) связаны с массовыми скоплениями костных останков мамонтов; эти скопления имеют антропогенное происхождение и возникли в результате охоты человека на этих животных, что привело к формированию «складов» (запасов сырья). Пищевое значение этого зверя, скорее всего, было ограниченным, поскольку эти люди во множестве добывали животных прочих видов фауны позднего плейстоцена — плейстоценовых бизонов, лошадей, северного оленя, зайца, и хищников — медведя, волка, песца, росомаху. Использование этих животных характерно для всего позднего плейстоцена, однако на рубеже голоцена ресурсная база сократилась до северного оленя и лося, возможно, овцебыка, в связи с чем люди осваивали и экзотические ресурсы, например, белого медведя на участках расположения родильных берлог. Ранние следы морского промысла (древнее 4000 л. н.) в арктической Восточной Сибири отсутствуют, поскольку формирование морской экосистемы Восточной Арктики началось после 9000 л. н. и продолжалось до середины голоцена.

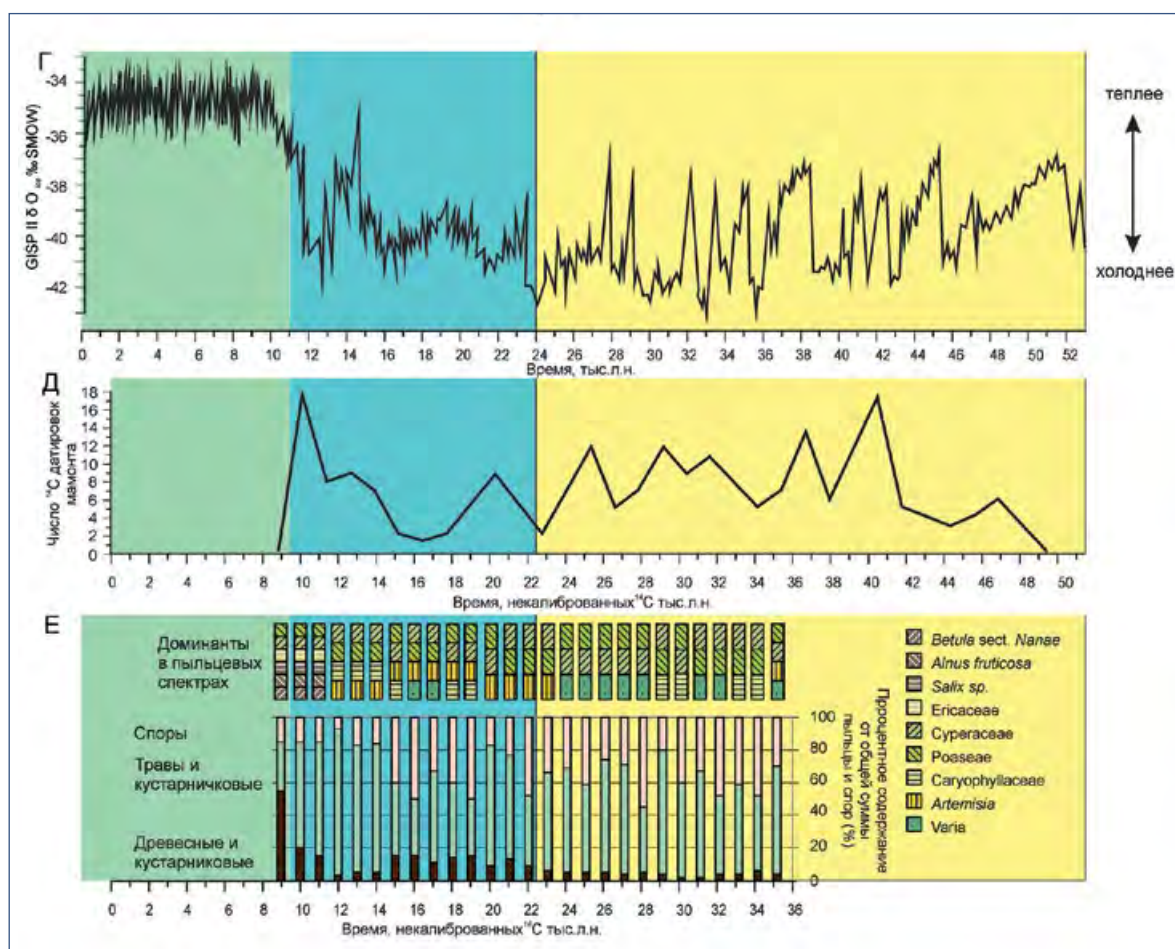
В плане развития каменной индустрии между памятниками различных этапов очевидны фундаментальные различия, совпадающие во времени с основными климатостратиграфическими рубежами (Питулько, 2023 в). Так, для раннего этапа характерно наличие отщеповой индустрии архаичного облика, основанной на расщеплении галек и сохраняющей некоторые среднепалеолитические элементы, даже скорее идею расщепления по упрощённой схеме (Питулько, 2010 а). Эти черты представлены в янской индустрии на заключительном отрезке раннего этапа, однако нет оснований думать, что ей предшествовал какой-то продвинутый вариант с получением пластин. Материалы эпохи последнего ледникового максимума охарактеризованы лишь собственными свидетельствами присутствия человека, которое в тот момент было, по-видимому, эфемерным. Единственный объект (местонахождение Дириг-Айан), контекст которого содержит каменные изделия этого времени, позволяет думать, что в Восточно-Сибирской Арктике в то время распространяется индустрия мелких пластин, для получения которых использовали ядрища с круговой системой снятий.

На заключительной стадии этого этапа в регионе появляется технология торцово-клиновидного расщепления, представленная в редких памятниках на Западной Чукотке и, возможно, на севере Яно-Индибирской низменности (Питулько, 2010 б; Pitulko et al., 2016 а). Яркой характеристикой данного хроносреза является распространение в арктической Восточной Сибири (арктической Западной Берингии) комплексов с остриями Чиндадн (мелкими неполными бифасами преимущественно каплевидной формы), которые широко представлены на Северо-Западе Америки (Восточная Берингия). Фактически наличие таких изделий по обе стороны Берингова пролива представляет собой единственный археологически зримый факт связи между этими территориями. На рубеже голоцена эти изделия исчезают, а технология расщепления вновь изменяется — в пределах всего региона, от Таймыра до Чукотки и от его южных районов до высоких широт происходит быстрое распространение технологии микропризматического расщепления (Pitulko, 2001).

Илл. 27. Расселение человека и природные условия в арктической Восточной Сибири (Западной Берингии) в конце позднего плейстоцена и в раннем голоцене. Хронология (А) и местоположение (Б) археологических объектов: позднплейстоценовые: 1 – местонахождение Большой Анюй (BA); 2 – местонахождение BT-1885 (BT1885); 3 – местонахождение Кючус (К); 4 – о. Новая Сибирь/West (NS/W); 5 – о. Новая Сибирь/East; 6 – местонахождение Зырянка; 7 – Янская стоянка, пункт Верхний (Yana RHS/UP); 8 – р. Аллаиха, пункт ALO44–2005; 9 – местонахождение Омолой, низовья р. Омолой (Om); 10 – Янская стоянка (Yana RHS), пункты Северный, Яна-В и Янское «кладбище» мамонтов (YMAN); 11 – местонахождение Буор-Хая/Орто-Стан (BUO-OSR); 12 – местонахождение Диринг-Айан (YDS); 13 – Янская стоянка, пункт Лагерный (Yana RHS/L); 14 – Янская стоянка, пункт Яна-А (Yana RHS/YaA); 15 – Илин-Сылах 034 (ISM-034); 16 – Илин-Сылахское «кладбище» мамонтов (ISM); 17 – местонахождение Озеро Никита (NKL); 18 – местонахождение Урез–22 (MKR/UR–22); 19 – стоянка Берелёх (Berelekh); 20 – местонахождение Ачкагый-Аллаиха («кладбище» мамонтов) (Ach-All); 21 – о. Врангеля (WR); раннеголоценовые: 22 – Тытыльваамский комплекс стоянок; 23 – Найван; 24 – Уи; 25 – Жоховская стоянка; 26 – Челькун IV; 27 – Ананайвеем; 28 – Зима; 29 – Придорожная; 30 – местонахождение Тугуттах, о. Котельный; 31 – Коольень III (приведено по: Верещагин, 1977; Питулько, Павлова, 2010; Питулько, Павлова, 2014; Питулько и др., 2013 б; Pitulko et al., 2013; Pitulko et al., 2014 а), с дополнениями

Материалы изученных памятников показывают, что в культуре населения Восточно-Сибирской Арктики огромное место занимала обработка кости и иных материалов, прежде всего, бивня мамонта, что типично для памятников верхнего палеолита. Эти люди владели важными сложными критическими технологиями — в частности технологией получения длинных острий из бивня мамонта, технологией охоты на него и швейной технологией (производство игл с ушком и шильев). Данные технологии являются важнейшими в культуре верхнего палеолита евразийской северной области Голарктики и сыграли, по-видимому, ключевую

Илл. 27(продолжение). (Г) изотопно-кислородная кривая GISP II (приведено по: Stuiver, Grootes, 2000); (Д) относительные изменения численности местной популяции мамонтов, наблюдаемые в частотах ¹⁴C дат (приведено по: Nikolskiy et al., 2011); (Е) обобщённая диаграмма процентного соотношения пыльцы и спор и доминанты в пыльцевых спектрах для запада Яно-Индибирской низменности (приведено по: Павлова и др., 2012)

чевую роль в освоении этих территорий человеком. Археологические материалы позволяют видеть сложную социокультурную организацию древнего населения Восточно-Сибирской Арктики уже на раннем этапе, документированную находками из Янской стоянки.

На рубеже голоцена люди арктической Восточной Сибири завершили процесс доместикации волка / собаки и освоили наземные транспортные технологии. Благодаря этой важнейшей инновации рубежа голоцена (Pitulko, Pavlova, 2020 b) стало возможным быстрое перемещение на дальние дистанции. Вероятным следствием использования собачьих упряжек стало быстрое распространение технологии микропризматического расщепления, которое имело взрывной характер. Несомненным результатом обладания этой технологией является становление крупных социокультурных систем, документируемых свидетельствами развитого дальнего обмена (Pitulko et al., 2019). В географическом плане, эти системы занимали площадь в первые миллионы квадратных километров.

Завершая обзор результатов современного этапа исследований арктической Восточной Сибири, актуальный на сегодняшний день, следует отметить, прежде всего, что объём знаний о позднечетвертичной истории и культурно-историческом развитии региона заметно возрос (Питулько, 2023 а). В первую очередь, это касается археологической летописи, которая охватывает теперь примерно 50 000 лет.

В ней имеются некоторые разрывы, которые ещё предстоит заполнить. Наиболее яркими её компонентами являются уникальные объекты мирового культурного наследия — Янская и Жоховская стоянки, материалы которых позволяют видеть культуру и поведение древнего человека во многих деталях. Продолжение исследований указанных памятников, а также дальнейшее изучение древнего прошлого арктической Восточной Сибири является актуальной задачей на долгие времена. Нет сомнений, что приложенные усилия будут щедро вознаграждены новым знанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов М.А., Павлова Е.Ю., Питулько В. В.* Голоцен Новосибирских островов / Контрорвич А. Э., Волкова В. С., Хазина И. В., Хазин Л. Б. (ред.) // *Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований* : Материалы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. — Новосибирск : СО РАН, 2009. — С. 38–41.
2. *Анисимов М.А., Иванова В.В., Пушина З.В., Питулько В.В.* Лагунные отложения острова Жохова: возраст, условия формирования и значение для палеогеографических реконструкций региона Новосибирских островов // *Известия РАН. Сер. геогр.* — 2009. — № 5. — С. 107–119.
3. *Бадер О.Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения / Бадер О. Н., Лаврушин Ю. А. (ред.) // *Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)*. — М. : Научный мир, 1998. — С. 5–164.
4. *Басилян А.Э., Анисимов М.А., Дорожкина М.В., Павлова Е.Ю., Питулько В.В.* Цикличность осадконакопления четвертичных отложений Яно-Индибирской низменности как следствие колебаний климата (опорный разрез Яна-195 км (Сопливая Гора), р. Яна) / Рыжов Ю. В., Лаврушин Ю. А., Опекунова М. Ю., Макаров С. А., Голубцов В. А., Шеховцов А. И. (ред.) // *Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований* : Материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Иркутск, 15–20 сентября 2015 г. — Иркутск : Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. — С. 43–45.
5. *Верещагин Н.К.* Берелёхское «кладбище» мамонтов // *Труды ЗИН.* — 1977. — Т. 72. — С. 5–50.
6. *Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита // *Советская археология.* — 1972. — № 3. — С. 332–336.
7. *Верещагин Н.К., Украинцева В.В.* Происхождение и стратиграфия Берелёхского «кладбища» мамонтов // *Труды ЗИН.* — 1985. — Т. 131. — С. 104–113.
8. *Галанин А.А.* Возраст последнего ледникового максимума на Северо-Востоке Азии // *Криосфера Земли.* — 2012. — Т. XVI. — С. 39–52.
9. *Григорьев Н.Ф.* Находки мамонта. Обзор поступивших в редакцию материалов // *Природа.* — 1957. — № 5. — С. 104–106.
10. *Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. — М. : Наука, 1977. — 391 с.
11. *Диков Н.Н.* Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). — СПб. : Наука, 1993 а. — 304 с.
12. *Диков Н.Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. — Магадан : СВКНИ ДВО РАН, 1993 б. — 68 с.
13. *Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарёв К.В., Грутес П.М., Надо М.Х.* Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // *Археология, этнография и антропология Евразии.* — 2006. — № 25. — С. 41–53.

14. *Инешин Е. М., Тетенькин А. В.* Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. — Новосибирск : Наука, 2010. — 267 с.
15. *Кандыба А. В., Григорьев С. Е., Тихонов А. Н., Никольский П. А., Обадез Т. Ф., Чепрасов М. Ю., Макаров В. С., Новгородов Г. П.* Полевые исследования на острове Большой Ляховский (Российская Восточная Арктика) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2015. — Т. 21. — С. 82–85.
16. *Кандыба А. В., Дьяконов В. М., Павлов И. С., Зоткина Л. В., Протопопов А. В., Симокайтис Т. Б.* Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. — Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2020. — С. 107–112.
17. *Кандыба А. В., Зоткина Л. В., Павлов И. С., Дьяконов В. М., Пархомчук В. В., Петрожицкий А. В., Кулешов Д. А., Павлова Н. И., Протопопов А. В.* Комплексное изучение палеолитических объектов Арктической зоны (местонахождение Муостах, Булунский район, Республика Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2022. — № 2 (39). — С. 24–34.
18. *Каплина Т. Н.* История мёрзлых толщ Северной Якутии в позднем кайнозойе // История развития многолетнемёрзлых пород Евразии. — М. : Наука, 1981. — С. 153–181.
19. *Каплина Т. Н.* Аласные комплексы Северной Якутии // Криосфера Земли. — 2009. — Т. XIII (4). — С. 3–17.
20. *Кашин В. А.* Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований 1940–1980-х гг. — Новосибирск : Наука, 2003. — 235 с.
21. *Кирьяк М. А.* Отчёт о полевых археологических исследованиях на Западной Чукотке в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11736. — Магадан : СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1989. — 87 с.
22. *Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки. — М.: Наука, 1993. — 219 с.
23. *Кирьяк М. А., Глушкова О. Ю., Браун Т. А.* Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 3 (15). — С. 2–15.
24. *Кузнецова Т. В., Тумской В. Е., Ширрмайстер Л., Веттерих С.* Палеозоологическая характеристика позднелепистоцен-голоценовых отложений Быковского полуострова (Северная Якутия) // Зоологический журнал. — 2019. — Т. 98 (11). — С. 1268–1290.
25. *Кузьмин Я. В.* Радиоуглеродная хронология людей современного анатомического типа эпохи палеолита Восточной Европы, Сибири и Восточной Азии // Camera praehistorica. — 2020. — № 2 (5). — С. 122–146.
26. *Кулик С. Ф.* Сафари. Путешествия в Восточной, Центральной и Южной Африке. — М. : Мысль, 1971. — 336 с.
27. *Лазарев П. А., Томская А. И.* Млекопитающие и биостратиграфия позднего кайнозоя Северной Якутии. — Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1987. — 170 с.
28. *Макеев В. М., Арсланов Х. А., Барановская О. Ф., Космодамианский А. В., Пономарева Д. П., Тертычная Т. В.* Стратиграфия, геохронология и палеогеография позднего плейстоцена и голоцена о-ва Котельного // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. — 1989. — № 58. — С. 58–69.
29. *Маккавеев Н. И.* Русло реки и эрозия в её бассейне. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. — 346 с.
30. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск : Наука, 1977. — 264 с.
31. *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Константинов И. В., Антипина Н. В., Аргунов В. Г.* Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. — М. : Наука, 1991. — 224 с.
32. *Никольский П. А., Басилян А. Э.* Святой Нос — опорный разрез четвертичных отложений севера Яно-Индибирской низменности / Никольский П. А., Питулько В. В. (ред.) // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. — М. : ГЕОС, 2004. — С. 5–13.

33. Никольский П. А., Сотникова М. В., Никольский А. А., Питулько В. В. Взаимоотношения волка и человека в Восточной Сибири 30 000 лет назад по материалам Янской палеолитической стоянки: ранняя стадия одомашнивания // *Stratum plus*. – 2018. – № 1. – С. 231–262.
34. Окладников А. П. Ленские древности (Вып. 3). – М. – Л. : Наука. – 1950. – 195 с.
35. Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова Мыса. – Новосибирск : Наука, 1971. – 156 с.
36. Павлов И. С., Судзуки Н. Табаюрхский мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum., 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // *Природные ресурсы Арктики и Субарктики*. – 2020. – Т. 25 (2). – С. 56–66.
37. Павлова Е. Ю., Дорожкина М. В., Питулько В. В. Природно-климатические изменения на западе Яно-Индигирской низменности в конце позднего неоплейстоцена (реконструкции на основе палеоботанических данных) / Жиров А. И., Кузнецов В. Ю., Субетто Д. А., Тиде Й. (ред.) // Сборник материалов Международной конференции «Геоморфологические и палеогеографические исследования полярных регионов», Санкт-Петербург, СПбГУ, 9–17 сентября 2012 г. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2012. – С. 310–312.
38. Пасецкий В. М. Русские открытия в Арктике. Часть 1. – СПб. : Адмиралтейство, 2000. – 606 с.
39. Питулько В. В. Жоховская стоянка. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 1998. – 189 с.
40. Питулько В. В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2008. – № 2 (34). – С. 26–33.
41. Питулько В. В. Расселение и адаптации древнего человека на Северо-Востоке Азии в позднем неоплейстоцене / Деревянко А. П., Куделин А. Б., Тишков В. А. (ред.) // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*. – М. : РОССПЭН, 2010 а. – С. 38–46.
42. Питулько В. В. Мегафауна и микропластинки (микропластинчатые традиции позднего палеолита Сибири в контексте проблемы вымирания мамонтов) // *Записки ИИМК РАН*. – 2010 б. – Вып. 5. – С. 90–104.
43. Питулько В. В. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект «Жохов-2000») на Новосибирских о-вах в 2000–2005 гг. / Алиев Р., Бурлаков Ю. (ред.) // *Полярный альманах*. – М. : Паульсен, 2011 а. – С. 77–91.
44. Питулько В. В. Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // *Записки ИИМК РАН*. – 2011 б. – Вып. 6. – С. 85–103.
45. Питулько В. В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // *Методика полевых археологических исследований*. Вып. 7. – Исследования памятников эпохи палеолита. – М. : ИА РАН, 2012 а. – С. 45–77.
46. Питулько В. В. Древнейшее искусство Арктики (объёмные изделия из Янской стоянки) / Фёдорова Н. В. (ред.) // *Археология Арктики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй»*. Салехард, 27 ноября – 1 декабря 2012 г. – Екатеринбург : Издательство «Деловая пресса», 2012 б. – С. 153–160.
47. Питулько В. В. Древнейшие свидетельства расселения человека в Арктике // *Российские полярные исследования*. – 2016. – № 1 (23). – С. 17–21.
48. Питулько В. В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики / Виноградов Ю. А., Васильев С. А., Степанова К. Н. (ред.) // *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии)*. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2019 а. – С. 103–136.
49. Питулько В. В. Участок Яна В, Янские стоянки: некоторые наблюдения, сделанные в ходе раскопок 2015–2018 годов // *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. – 2019 б. – № 1. – С. 64–91.

50. Питулько В. В. Очерки археологического изучения каменного века российской Восточной Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета: История. – 2023 а. – № 4. – С. 991–1038.
51. Питулько В. В. Земля Санникова каменного века: человеческое измерение // *Camera praehistorica*. – 2023 б. – № 1 (10). – С. 30–83.
52. Питулько В. В. Палеоклиматические рубежи позднего неоплейстоцена – раннего голоцена и расселение человека в Восточно-Сибирской Арктике // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023 в. – № 51 (3). – С. 116–123.
53. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб. : Наука, 2010. – 264 с.
54. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) / Фёдорова Н. В. (ред.) // Археология Арктики. Вып. 2. – Екатеринбург : Деловая пресса, 2014 а. – С. 140–161.
55. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене // Записки ИИМК РАН. – 2014 б. – Вып. 10. – С. 7–34.
56. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК РАН. – 2015. – Вып. 12. – С. 27–55.
57. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Проблемы изучения и сохранения древностей Восточно-Сибирской Арктики / Филин П. А. (ред.) // Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Полярные чтения – 2016. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2016 г. – М. : Паульсен, 2017. – С. 173–192.
58. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, арктическая Сибирь // *Stratum plus*. – 2019 а. – № 1. – С. 157–224.
59. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Расселение человека в Арктике в позднем неоплейстоцене – первой половине голоцена: основные события / Тупахин Д. С., Фёдорова Н. В. (ред.) // Археология Арктики. Вып. 6. – Салехард : Департамент внешних связей ЯНАО ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2019 б. – С. 22–50.
60. Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю. Результаты изучения Берелёхского геоархеологического комплекса объектов в 2009 году // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена (Материалы Всероссийской научной конференции «Марковские чтения 2010 года»). – 2011. – Вып. 3. – С. 437–453.
61. Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю. Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сылах, север Яно-Индибирской низменности) // Записки ИИМК РАН. – 2013. – № 8. – С. 34–52.
62. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 2 (42). – С. 6–18.
63. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Крицук С. Г. Строение и динамика развития аллювиального комплекса долины нижнего течения р. Яна (в районе Янской палеолитической стоянки) / Жиров А. И., Кузнецов В. Ю., Субетто Д. А., Тиде Й. // Сборник материалов Международной конференции «Геоморфологические и палеогеографические исследования полярных регионов». Санкт-Петербург, СПбГУ, 9–17 сентября 2012 г. – СПб. : СПбГУ, 2012. – С. 313–316.
64. Питулько В. В., Каспаров А. К., Павлова Е. Ю. Система жизнеобеспечения и годовой хозяйственный цикл древнейших охотников высокоширотной Арктики (раннеголоценовая Жоховская стоянка, Новосибирские о-ва) / Федорова Н. В. (ред.) // Археология Арктики. Вып. 5. – Омск : Научный центр изучения Арктики ГКУ ЯНАО, 2018. – С. 39–62.
65. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., Гиля Е. Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // *Stratum plus*. – 2012. – № 1. – С. 211–256.

66. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 33–102.
67. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Басилян А. Э., Крицук С. Г. Особенности вертикального распределения вещества в краевых областях мерзлотных полигонов и его значение для датирования четвертичных отложений криолитозоны / Корсакова О. П., Колька В. В. (ред.) // Материалы VII-го Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода: «Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». 12–17 сентября 2011 г., г. Апатиты. Том 2. – Апатиты : Геологический институт Кольского научного центра РАН, 2011. – С. 149–153.
68. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Басилян А. Э., Анисимов М. А., Никольский П. А. Геоархеологические объекты комплекса низких террас района Янской палеолитической стоянки (низовья р. Яна, Сибирская Арктика), их возраст и взаимоотношение с рельефом и вмещающими осадками / Шурыгин Б. Н., Лебедева Н. К., Горячева А. А. (ред.) // Палеонтология, стратиграфия и палеогеография мезозоя и кайнозоя бореальных районов. Том II. Кайнозой (Материалы научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. Н. Сакса. 18–22 апреля 2011 г.). – Новосибирск : ИНГ СО РАН, 2011. – С. 133–136.
69. Питулько В. В., Иванова В. В., Каспаров А. К., Павлова Е. Ю. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) // Археологические вести. – 2013. – № 19. – С. 26–74.
70. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Кузьмина С. А., Никольский П. А., Басилян А. Э., Тумской В. Е., Анисимов М. А. Природно-климатические изменения на Яно-Индибирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на Севере Восточной Сибири // ДАН. – 2007. – Т. 417 (1). – С. 103–108.
71. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Дорожкина М. В., Никольский П. А., Басилян А. Э. Берелех: полная перезагрузка / Питулько В. В., Фёдорова Н. В. (ред.) // Археология Арктики. Вып 8. – Салехард-Уфа : Книга-принт, 2023. – С. 29–82.
72. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., Басилян А. Э., Анисимов М. А., Ремизов С. О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене : новые материалы к археологической карте / Чаиркина Н. М. (отв. ред.) // IV Северный археологический конгресс : доклады. Ханты-Мансийск, 19–23 октября 2015 г. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск : Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. – С. 152–176.
73. Питулько В. В., Хартанович В. И., Тимошин В. Б., Часнык В. Г., Павлова Е. Ю., Каспаров А. К. Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские о-ва) // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 62–73.
74. Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Дорожкина М. В., Никольский П. А., Басилян А. Э. Берелех: полная перезагрузка / Питулько В. В., Фёдорова Н. В. (ред.) // Археология Арктики. Вып 8. – Уфа : Книга-принт, 2023. – С. 29–82.
75. Праслов Н. Д. Мамонт в жизни палеолитического человека // Цитология. – 1995. – Т. 37 (7). – С. 634–635.
76. Романовский Н. Н. Основы криогенеза литосферы. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 335 с.
77. Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом капитана Биллингса с 1785 по 1793 год : в 2 ч. Ч. 1. – СПб. : Типография Шнора, 1802. – 187 с.
78. Сеницын А. А., Праслов Н. Д. (ред.) Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. – СПб. : ИИМК РАН, 1997. – 143 с.

79. *Синицын А. А., Степанова К. Н., Петрова Е. А.* Новое прямое свидетельство охоты на мамонта из Костёнок // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. — 2019. — № 1. — С. 149–158.
80. *Слободин С. Б.* Археологические комплексы Охотско-Колымского нагорья / Лебединцев А. И. (ред.) // Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1997. — С. 18–66.
81. *Слободин С. Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — 233 с.
82. *Слободин С. Б.* Палеолитическая стоянка на о. Айон (Чукотка) // Чтения памяти академика К. В. Симакова : материалы докладов Всероссийской научной конференции (Магадан, 22–24 ноября 2015 г.). — Магадан : ООО «Типография», 2015. — С. 238–241.
83. *Сукачев В. Н.* Некоторые данные к доледниковой флоре севера Сибири // Труды геологического музея им. Петра Великого Имп. Академии наук. — 1910. — Т. 4. — Вып. 4. — С. 55–62.
84. *Сулержицкий Л. Д.* Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) Сибири и севера Восточной Европы // Труды ЗИН. — 1995. — Т. 263. — С. 163–183.
85. *Сулержицкий Л. Д.* Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) / Величко А. А., Соффер О. А. (ред.) // Человек заселяет планету Земля. — М. : ИГ РАН, 1997. — С. 184–202.
86. *Сулержицкий Л. Д., Романенко Ф. А.* Возраст и расселение «мамонтовой» фауны азиатского Заполярья // Криосфера Земли. — 1997. — № 4. — С. 12–19.
87. *Толль Э. В.* Ископаемые ледники Ново-Сибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и к ледниковому периоду: на основании работ двух экспедиций, снаряженных Императорской Академией наук, в 1885–1886 и 1893 годах (Записки Императорского Русского географического общества по общей географии; т. 32, № 1). — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1897. — 139 с.
88. *Украинцева В. В., Арсланов Х. А., Белорусова Ж. М., Устинов В. Н.* Первые данные о раннеголоценовой флоре и растительности острова Большой Ляховский (Новосибирский архипелаг) // Ботанический журнал. — 1989. — Т. 74. — № 6. — С. 782–793.
89. *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск : Наука, 1980. — 215 с.
90. *Филлипов А. К.* Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите // Советская археология. — 1978. — № 2. — С. 23–31.
91. *Хлобыстин Л. П.* 200 лет арктической археологии // КСИА. — 1991. — Вып. 200. — С. 3–8.
92. *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья. — СПб. : «Дм. Буланин», 1998. — 340 с.
93. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. — М. : Наука, 1979. — 288 с.
94. *Чепрасов М. Ю., Обадэ Т. Ф., Григорьев С. Е., Новгородов Г. П., Марарескул В. А.* Новые местонахождения мамонтовой фауны и палеолитические стоянки в бассейне среднего течения реки Колымы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2015. — № 6 (50). — С. 53–68.
95. *Чепрасов М. Ю., Хлагула И., Обадэ Т. Ф., Григорьев С. Е., Новгородов Г. П.* Новые данные по палеолиту бассейна средней Колымы, Якутия // Человек и Север: Антропология, археология, экология : Материалы всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. — Тюмень : ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. — Вып. 4. — С. 263–267.
96. *Черский И. Д.* Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885–1886 гг. // Записки Академии наук. — 1891. — Т. 65 (1). — С. 1–706.
97. *Шанцер Е. В.* Основные закономерности образования и строения аллювия равнинных рек умеренного пояса и его положение среди других типов аллювиальных отложений // Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 2. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — С. 206–220.

98. *Щукин И. С.* Общая геоморфология. Т. 1. – 2-е изд. – М. : МГУ, 1960. – 615 с.
99. *Ackerman R. E.* Cave I, Lime Hills / West F. H. (ed.) // *American Beginnings: The Prehistory and Palaeoecology of Beringia.* – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – P. 470–477.
100. *Agam A., Barkai R.* Elephant and Mammoth Hunting during the Paleolithic: A Review of the Relevant Archaeological, Ethnographic and Ethno-Historical Records // *Quaternary.* – 2018. – Vol. 1. – P. 3. – URL: <https://doi.org/10.3390/quat1010003> (дата обращения: 14.10.2024).
101. *Aigner J. S.* The Unifacial, Core and Blade Site on Anangula Island, Aleutians // *Arctic Anthropology.* – 1970. – Vol. 7 (2). – P. 59–88.
102. *Andreev A. A., Schirmermeister L., Siegert C., Bobrov A. A., Demske D., Seiffert M., Hubberten H.-W.* Palaeoenvironmental changes in northeastern Siberia during the Late Quaternary – evidence from pollen records of the Bykovsky Peninsula // *Polarforschung.* – 2002. – Vol. 70. – P. 13–25.
103. *Barr I. D., Clark C. D.* Late Quaternary glaciations in Far NE Russia; combining moraines, topography and chronology to assess regional and global glaciation synchrony // *Quaternary Science Reviews.* – 2012. – Vol. 53. – P. 72–87.
104. *Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *Journal of Archaeological Science.* – 2011. – Vol. 38 (9). – P. 2461–2474.
105. *Bauch H. A., Mueller-Lupp T., Taldenkova E., Spielhagen L. F., Kassens H., Grootes P. M., Thiede J., Heinemeier J., Petryashov V. V.* Chronology of the Holocene transgression at the North Siberian margin // *Global and Planetary Change.* – 2001. – Vol. 31. – P. 125–139.
106. *Binney H. A., Willis K. J., Edwards M. E., Bhagwat S. A., Anderson P. M., Andreev A. A., Blaauw M., Damblon F., Haesaerts P., Kienast F., Kremenetski K. V., Krivonogov S. K., Lozhkin A. V., MacDonald G. M., Novenko E. Y., Oksanen P., Sapelko T., Välranta M., Vazhenina L.* The distribution of late-Quaternary woody taxa in northern Eurasia: evidence from a new macrofossil database // *Quaternary Science Reviews.* – 2009. – Vol. 28. – P. 2445–2464.
107. *Binney H., Edwards M., Macias-Fauria M., Lozhkin A., Anderson P., Kaplan J. O., Andreev A., Bezrukova E., Blyakharchuk T., Jankovska V., Khazina I., Krivonogov S., Kremenetski K., Nield J., Novenko E., Ryabogina N., Solovieva N., Willis K., Zernitskaya V.* Vegetation of Eurasia from the last glacial maximum to present: Key biogeographic patterns // *Quaternary Science Reviews.* – 2017. – Vol. 157. – P. 80–97.
108. *Bunge A., Toll E.* Bericht über die Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Beitrag Zur Kenntniss des Russischen Reiches etc. Band III. – St. Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1887. – 412 pp.
109. *Chlachula J., Cheprasov M. Y., Novgorodov G. P., Obada T. F., Little E.* The MIS 3–2 environments of the middle Kolyma Basin: implications for the Ice Age peopling of northeast Arctic Siberia // *Boreas.* – 2021. – Vol. 50. – P. 556–581.
110. *Clague J. J., Naesgaard E., Sy A.* Liquefaction features on the Fraser delta: Evidence for prehistoric earthquakes? *Canadian Journal of Earth Science.* – 1992. – Vol. 29. – P. 1734–1745.
111. *Dalton A. S., Margold M., Stokes C. R., Tarasov L., Dyke A. S., Adams R. S., Allard S., Arends H. E., Atkinson N., Attig J. W., Barnett P. J., Barnett R. L., Batterson M., Bernatchez P., Borns H. W., Breckenridge A., Briner J. P., Brouard E., Campbell J. E., Carlson A. E., Clague J. J., Curry B. B., Daigneault R.-A., Dubé-Loubert H., Easterbrook D. J., Franz D. A., Friedrich H. G., Funder S., Gauthier M. S., Gowan A. S., Harris K. L., Héty B., Hooyer T. S., Jennings C. E., Johnson M. D., Kehew A. E., Kelley S. E., Kerr D., King E. L., Kjeldsen K. K., Knaeble A. R., Lajeunesse P., Lakeman T. R., Lamothe M., Larson P., Lavoie M., Loope H. M., Lowell T. V., Lusardi B. A., Manz L., McMartin I., Nixon F. C., Occhietti S., Parkhill M. A., Piper D. J. W., Pronk A. G., Richard P. J. H., Ridge J. C., Ross M., Roy M., Seaman A., Shaw J., Stea R. R., Teller J. T., Thompson W. B., Thorleifson L. H., Utting D. J., Veillette J. J., Ward B. C., Weddle T. K., Wright H. E.* An updated radiocarbon-based ice margin chronology for the last deglaciation of the North American Ice Sheet Complex // *Quaternary Science Reviews.* – 2020. – Vol. 234. – P. 106–223.
112. *Del Bene T. A.* The Anangula Lithic Technological System: an Appraisal of Eastern Aleutian Technology. Doctoral dissertation AAI8211400. – Ann Arbor : University of Connecticut,

1982. – URL: <https://opencommons.uconn.edu/dissertations/AAI8211400/> (Accessed December 1, 2023).
113. *Dixon J.R.* The Gallagher Flint Station, an Early Man Site on the North Slope, Arctic Alaska, and Its Role in Relation to the Bering Land Bridge // *Arctic Anthropology*. – 1975. – Vol. 12 (1). – P. 68–75.
 114. *Dixon J.E.* A Reappraisal of Circumpolar Microrblade Technology / *Westerdahl C.* (ed.) // *A Circumpolar Reappraisal: The Legacy of Gutorm Gjessing (1906–1979)*. BAR Intl Series 2154. – Oxford : Archaeopress, 2010. – P. 77–85.
 115. *Fedje D., McSparran J. B., Mason A.R.* Early holocene archaeology and paleoecology at the Arrow Creek sites in Gwaii Haanas // *Arctic Anthropology*. – 1996. – Vol. 33. – P. 116–142.
 116. *Glushkova O.Y.* Late Pleistocene Glaciations in North-East Asia // *Quaternary Glaciations. Extent and Chronology: A Closer Look*. Vol. 15. – Elsevier, 2011. – P. 865–875.
 117. *Goebel T.* The Chindadn point: A new type fossil for the Paleolithic of Beringia. *Paleoecology and Migrations of the Ancient Men in Northern Asia and America*. Abstracts of the International Symposium. – Krasnoyarsk : Nauka, 1992. – P. 277–279.
 118. *Goebel T.* The Pleistocene colonization of Siberia and peopling of the Americas: an ecological approach // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8. – P. 208–227.
 119. *Graf K.E.* Abandonment of the Siberian mammoth-steppe during the LGM: evidence from the calibration of ¹⁴C-dated archaeological occupations // *Current Research in the Pleistocene*. – 2005. – Vol. 22. – P. 2–5.
 120. *Gusev S.V.* The Early Holocene site of Naivan: the earliest dated site in Chukotka // *University of Oregon Anthropological Papers*. – 2002. – Vol. 59. – P. 111–126.
 121. *Hoffecker J.F.* *A Prehistory of the North: Human Settlement of the Higher Latitudes*. – New Brunswick : Rutgers University Press, 2005. – 225 p.
 122. *Hoffecker J.F., Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Climate, technology and glaciers: The settlement of the Western Hemisphere // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. – 2019. – Vol. 64. – Issue 2. – P. 327–355.
 123. *Hoffecker J.F., Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Beringia and the Settlement of the Western Hemisphere // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. – 2022. – Vol. 67 (3). – P. 882–909.
 124. *Hollesen J., Callanan M., Dawson T., Fenger-Nielsen R., Friesen T.M., Jensen A.M., Markham A., Martens V.V., Pitulko V.V., Rockman M.* Climate change and the deterioration of the Arctic's archaeological and environmental archives // *Antiquity*. – 2018. – Vol. 92 (363). – P. 574–587.
 125. *Hughes A.L.C., Gyllencreutz R., Lohne Ø.S., Mangerud J., Svendsen J.I.* The last Eurasian ice sheets – a chronological database and time-slice reconstruction, DATED-1 // *Boreas*. – 2015. – Vol. 45. – P. 1–45.
 126. *Kahlke R.-D.* The origin of Eurasian Mammoth Faunas (*Mammuthus* – *Coelodonta* Faunal Complex) // *Quaternary Science Reviews*. – 2014. – Vol. 96. – P. 32–49.
 127. *Kanevskiy M., Shur Y., Fortier D., Jorgenson M.T., Stephani E.* Cryostratigraphy of late Pleistocene syngenetic permafrost (yedoma) in northern Alaska, Itkillik River exposure // *Quaternary Research*. – 2011. – Vol. 75. – P. 584–596.
 128. *Kanevskiy M., Shur Y., Strauss J., Jorgenson T., Fortier D., Stephani E., Vasiliev A.* Patterns and rates of riverbank erosion involving ice-rich permafrost (yedoma) in northern Alaska // *Geomorphology*. – 2016. – Vol. 253. – P. 370–384.
 129. *Kaufman D.S., Axford Y.L., Henderson A.C.G., McKay N.P., Oswald W.W., Saenger C., Anderson R.S., Bailey H.L., Clegg B., Gajewski K., Hu F.S., Jones M.C., Massa C., Routson C.C., Werner A., Wooller M.J., Yu Z.* Holocene climate changes in eastern Beringia (NW North America) – A systematic review of multi-proxy evidence // *Quaternary Science Reviews*. – 2016. – Vol. 147. – P. 312–339.
 130. *Kirillova I.K., Shidlovskiy F.K., Titov V.V.* Kastykhtakh mammoth from Taimyr (Russia) // *Quaternary International*. – 2012. – Vol. 276–277. – P. 269–277.
 131. *Kremenetski C.V., Sulerzhitsky L.D., Hantemirov R.* Holocene history of the northern range limits of some trees and shrubs in Russia // *Arctic, Antarctic, and Alpine Research*. – 1998. – Vol. 30. – P. 317–333.

132. Kuzmin Y.V. Comments on Graf, *Journal of Archaeological Science* 36, 2009 “The Good, the Bad, and the Ugly”: evaluating the radiocarbon chronology of the middle and late Upper Paleolithic in the Enisei River valley, south-central Siberia // *Journal of Archaeological Science*. – 2009. – Vol. 36. – P. 2730–2733.
133. Kuzmin Y.V., Keates S.G. Comment on “Colonization of Northern Eurasia by Modern Humans: Radiocarbon Chronology and Environment” by P. M. Dolukhanov, A. M. Shukurov, P. E. Tarasov and G. I. Zaitseva, *Journal of Archaeological Science* 29, 593–606 (2002) // *Journal of Archaeological Science*. – 2004. – Vol. 31. – P. 141–143.
134. Kuzmin Y.V., Kosintsev P.A., Stepanov A.D., Boeskorov G.G., Cruz R.J. Chronology and faunal remains of the Khayrgas Cave (Eastern Siberia, Russia) // *Radiocarbon*. – 2017. – Vol. 59 (2). – P. 575–580.
135. Lambeck K., Rouby H., Purcell A., Sun Y., Sambridge M. Sea level and global ice volumes from the Last Glacial Maximum to the Holocene // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A.* – 2014. – Vol. 111. – P. 15296–15303.
136. Lee E.J., Merriwether D.A., Kasparov A.K., Khartanovich V.I., Nikolskiy P.A., Shidlovskiy F.K., Grovov A.V., Chikisheva T.A., Chasnyk V.G., Timoshin V.B., Pavlova E. Y., Pitulko V.V. A genetic perspective of prehistoric hunter-gatherers in the Siberian Arctic: ancient DNA analysis of human remains from 8000 years ago // *Journal of Archaeological Science : Reports*. – 2018. – Vol. 17. – P. 943–949.
137. Lister A., Bahn P. *Mammoths. Giants of the Ice Age*. – Berkely and Los Angeles : University of California Press, 2007. – 192 p.
138. Livingstone D. *David Livingstone South African papers, 1849–1853*. Van Riebeeck Society Publications Second series 5. – Cape Town : Van Riebeeck Society, 1974. – 298 p.
139. MacDonald G. M., Beilman D. W., Kuzmin Y.V., Orlova L.A., Kremenetski K.V., Shapiro B., Wayne R. K., van Valkenburgh B. Pattern of extinction of the woolly mammoth in Beringia // *Nature Communications*. – 2012. – Vol. 3. – P. 893.
140. MacPhee R., Tikhonov A., Mol D., Marliave C., Plicht H., Greenwood A., Flemming C., Agenbroad L. Radiocarbon Chronologies and Extinction Dynamics of the Late Quaternary Mammalian Megafauna of the Taimyr Peninsula, Russian Federation // *Journal of Archaeological Science*. – 2002. – Vol. 29. – P. 1017–1042.
141. Magne M.P.R. Comparative Analysis of Microblade Cores from Haida Gwaii / Carson R. L., Bona L. D. (eds.) // *Early Human Occupation in British Columbia*. – Vancouver : UBC Press, 1996. – P. 151–158.
142. Makeyev V.M., Ponomareva D.P., Pitulko V.V., Chernova G.M., Solovyeva D.V. Vegetation and climate of New Siberian Islands for the past 15 000 years // *Arctic, Antarctic and Alpine Research*. – 2003. – Vol. 35. – P. 2835.
143. Maschenko E., Tikhonov A., Serdyuk N., Tarasenko K., Cherkinsky A., Gorbunov S., van der Plicht J. The partial carcass of the mammoth “Zhenya” (*Mammuthus primigenius*) from western Taimyr Peninsula, Russia: preliminary analysis and results // *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece*. – 2014. – Special Volume 102. – P. 121–122.
144. Mol D., Tikhonov A., van der Plicht J., Bolshiyarov D. Discoveries of Woolly Mammoth, *Mammuthus primigenius*, and some other Pleistocene mammals on the Taimyr Peninsula // *Russian Journal of Theriology*. – 2003. – Vol. 2. – P. 77–95.
145. Mol D., Tikhonov A.N., van der Plicht J., Kahlke R.D., Debrune R., van Geel B., van G. Reenen, Pals J.P., de Marliave C., Reumer J.W.F. Results of the CERPOLEX/Mammuthus expeditions on the Taimyr Peninsula, Arctic Siberia, Russian Federation // *Quaternary International*. – 2006. – Vol. 142–143. – P. 186–202.
146. Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *Journal of Archaeological Science*. – 2013. – Vol. 40. – P. 4189–4197.

147. *Nikolskiy P.A., Sulerzhitsky L.D., Pitulko V.V.* Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *Quaternary Science Reviews*. 2011. – Vol. 30. – № 17–18.
148. *Pavlova E.Y., Pitulko V.V.* Late Pleistocene and Early Holocene climate changes and human habitation in the arctic Western Beringia based on revision of palaeobotanical data. *Quaternary International*. – 2020. – Vol. 549. – P. 5–25.
149. *Pellatt M.G., Mathewes R.W.* Paleoecology of postglacial tree line fluctuations on the Queen Charlotte Islands, Canada // *Écoscience*. – 1994. – Vol. 1 (1). – P. 71–81.
150. *Pico T., Creveling J.R., Mitrovica J.X.* Sea-level records from the U.S. mid-Atlantic constrain Laurentide Ice Sheet extent during Marine Isotope Stage 3 // *Nature Communications*. – 2017. – Vol. 8. – P. 15–612.
151. *Pisaric M.F.J., Holt C., Szeicz J.M., Karst T., Smol J.P.* Holocene treeline dynamics in the mountains of northeastern British Columbia, Canada, inferred from fossil pollen and stomata // *The Holocene*. – 2003. – Vol. 13. – P. 161–173.
152. *Pitulko V.V.* An Early Holocene Site in the Siberian High Arctic // *Arctic Anthropology*. – 1993. – Vol. 30. – P. 13–21.
153. *Pitulko V.V.* Terminal Pleistocene/Early Holocene Occupation in North East Asia and the Zhokhov Assemblage // *Quaternary Science Reviews*. – 2001. – Vol. 20. – P. 267–275.
154. *Pitulko V.V.* The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia // *Geoarchaeology*. – 2011. – Vol. 26. – P. 5–32.
155. *Pitulko V.V.* The Zhokhov Island Site and Ancient Habitation in the Arctic. – Burnaby B. C. (Canada): Archaeology Press, 2013. – 202 p.
156. *Pitulko V.V.* Potential impacts on the polar heritage record as viewed from frozen sites of East Siberian Arctic // *The Future of Polar Heritage. Environmental challenges in the face of climate change: detection and response*. ICOMOS International Polar Heritage Committee Conference 2014. National Museum of Denmark, May 25–28, 2014. – Copenhagen : National Museum of Denmark; Greenland National Museum & Archive, 2014. – P. 77–79.
157. *Pitulko V.V.* Digging through permafrost in Siberia // *Carver M., Gaydarska B., Monton-Subias S.* (Eds.). *Field Archaeology from Around the World. Ideas and Approaches*. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 111–113.
158. *Pitulko V.V.* Permafrost Digging // *Smith C.* *Encyclopedia of Global Archaeology*. 2nd edition. – Cham : Springer, 2019. – P. 1–29. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_1513-2 (дата обращения: 14.10.2024).
159. *Pitulko V.V.* Cultural layer in the Stone Age sites of Northeastern Siberia // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. – 2021. – Vol. 66 (3). – P. 867–889.
160. *Pitulko V.V., Kasparov A.K.* Archaeological dogs from the Early Holocene Zhokhov site in the Eastern Siberian Arctic // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 2017. – Vol. 13. – P. 491–515.
161. *Pitulko V.V., Makeyev V.M.* Ancient Arctic Hunters // *Nature*. – 1991. – Vol. 349. – No. 6308. – P. 374.
162. *Pitulko V.V., Nikolskiy P.A.* Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *World Archaeology*. – 2012. – Vol. 44. – P. 21–42.
163. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of Stone Age Northeast Asia. – College Station : Texas A&M University Press, 2016. – 334 p.
164. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Colonization of the Eurasian Arctic // *Goldstein M. I., DellaSalla D. A.* (eds). *Encyclopedia of the World's Biomes (Volume 2 Deserts – Life in the Extremes Ice Sheets and Polar Deserts – Ice of Life)*. 1st Edition. – Elsevier, 2020 a. – P. 374–391. – URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.12395-4> (дата обращения: 14.10.2024).
165. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Colonization of the Arctic in the New World / *Goldstein M. I., DellaSalla D. A.* (eds.) // *Encyclopedia of the World's Biomes (Volume 2 Deserts – Life in the Extremes Ice Sheets and Polar Deserts – Ice of Life)*. 1st Edition. – Elsevier, 2020 b. –

- P. 392–408). – URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.12396-6> (дата обращения: 14.10.2024).
166. Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Structural Properties of Syngenetic Ice-Rich Permafrost, as Revealed by Archaeological Investigation of the Yana Site Complex (Arctic East Siberia, Russia): Implications for Quaternary Science // *Frontiers in Earth Science*. – 2022 a. – Vol. 9. – Article 744775.
 167. Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Geoarchaeology, Age and Chronology of the Zhokhov Site // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. – 2022 b. – Т. 67. – Вып. 4. – С. 1253–1295.
 168. Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Ecological Constraints and Drivers for Human Dispersals and Adaptations in the Late Pleistocene and Early Holocene Environments of the East Siberian Arctic // *Quaternary*. – 2023. – Vol. 6. – P. 56.
 169. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Ivanova V.V., Nikolskiy P.A. The Oldest Art of Eurasian Arctic // *Antiquity*. – 2012. – Vol. 86 (333). – P. 642–659.
 170. Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // Graf K. E., C. V. Ketron, Waters M. R. *Paleoamerican Odyssey*. – College Station : Texas A&M University, 2013. – P. 13–44.
 171. Pitulko V.V., Basilyan A.E., Pavlova E.Y. The Berelekh Mammoth Graveyard: New Chronological and Stratigraphical Data from the 2009 field season // *Geoarchaeology*. – 2014. – Vol. 29. – P. 277–299.
 172. Pitulko V., Tikhonov A., Kuper K., Polozov R. Human-inflicted lesion on a 45000-year-old Pleistocene wolf humerus from the Yana River, Arctic Siberia // *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece*. – 2014. – Vol. 102. – P. 156–157.
 173. Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirrmeyer L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth Site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic // *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki*. – 2014. – Vol. 102. – P. 158–159.
 174. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // *World Archaeology*. – 2015. – Vol. 47. – P. 333–389.
 175. Pitulko V.V., Ivanova V.V., Kasparov A.K., Pavlova E.Y. Reconstructing Prey Selection, Hunting Strategy and Seasonality of the Early Holocene frozen site in the Siberian High Arctic: a Case Study on the Zhokhov Site faunal remains, De Long Islands // *Environmental Archaeology*. – 2015. – Vol. 20. – P. 120–157.
 176. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth ‘graveyards’) with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // *Quaternary International*. – 2016. – Vol. 406. – P. 202–217.
 177. Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kuper K.E., Polozov R.N. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45000-year-old mammoth remains // *Science*. – 2016. – Vol. 351. – P. 260–263.
 178. Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // *Quaternary Science Reviews*. – 2017. – Vol. 165. – P. 127–148.
 179. Pitulko V.V., Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Pavlova E.Y., Grebennikov A.V. «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // *Antiquity*. – 2019. – Vol. 93 (367). – P. 28–44.
 180. Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Giryа E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. – 2004. – Vol. 303 (5654). – P. 52–56.
 181. Reasoner M.A., Hickman M. Late Quaternary environmental change in the Lake O’Hara region, Yoho National Park, British Columbia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. – 1989. – Vol. 72. – P. 291–316.

182. Schirromeister L., Siegert C., Kuznetsova T., Kuzmina S., Andreev A.A., Kienas F., Meyer H., Bobrov A.A. Paleoenvironmental and paleoclimatic records from permafrost deposits in the Arctic region of Northern Siberia // *Quaternary International*. – 2002. – Vol. 89. – P. 97–118.
183. Schirromeister L., Siegert C., Kunitzky V.V., Grootes P.M., Erlenkeuser H. Late Quaternary ice-rich permafrost sequences as a paleoenvironmental archive of the Laptev Sea Region in northern Siberia // *Journal of Earth Science*. 2002. – Vol. 91. – P. 154–167.
184. Schwörer C., Gavin D.G., Walker I.R., Hu F.S. Holocene tree line changes in the Canadian Cordillera are controlled by climate and topography // *Journal of Biogeography*. – 2016. – Vol. 44 (5). – P. 1148–1159.
185. Sher A.V., Kuzmina S.A., Kuznetsova T.V., Sulerzhitsky L.D. New insights into the Weichselian environment and climate of the East-Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and mammals // *Quaternary Science Reviews*. – 2005. – Vol. 24. – P. 533–569.
186. Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikol'skiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J. U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. – 2019. – Vol. 570. – P. 182–188.
187. Slobodin S.B. Late Pleistocene and Early Holocene cultures of Beringia: the general and the specific / Goebel T., Buvit I. (ed.) // *From the Yenisei to the Yukon: interpreting lithic assemblage variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*. College Station : Texas A&M University Press, 2011. – P. 91–116.
188. Strauss J., Schirromeister L., Yakshina I. Appendix 3. List of collected mammal bones // *Berichte zur Polar- und Meeresforschung*. – 2011. – Vol. 629. – P. 91–94.
189. Stuiver M., Grootes P.M. GISP2 oxygen isotope ratios // *Quaternary Research*. – 2000. – Vol. 53. – P. 277–284.
190. Sulerzhitsky L.D., Romanenko F.A. The “twilight” of the mammoth fauna in the Asiatic Arctic // *Ambio*. – 1999. – Vol. 28. – P. 251–255.
191. Sulphur K.C., Goldsmith S.A., Galloway J.M., Macumber A., Griffith F., Swindles G.T., Patterson R.T., Falck H., Clark I.D. Holocene fire regimes and treeline migration rates in sub-arctic Canada // *Global and Planetary Change*. – 2016. – Vol. 145. – P. 42–56.
192. Turnbull C.M. *The Mbuti Pygmies. Change and Adaptation*. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1983. – 161 p.
193. Vartanyan S.L., Arslanov K.A., Karhu J., Possnert G., Sulerzhitsky L.D. Collection of radiocarbon dates on the mammoths (*Mammuthus primigenius*) and other genera of Wrangel Island, northeast Siberia, Russia // *Quaternary Research*. – 2008. – Vol. 70. – P. 51–59.
194. Vasil'ev S., Kuzmin Y., Orlova L., Dementiev V. Radiocarbon-Based Chronology of the Paleolithic in Siberia and Its Relevance to the Peopling of the New World // *Radiocarbon*. – 2002. – Vol. 44 (2). – P. 503–530.
195. Veltre D.W., Yesner D.R., Crossen K.J., Graham R.W., Coltrain J.B. Patterns of faunal extinction and paleoclimatic change from mid-Holocene mammoth and polar bear remains, Pribilof Islands, Alaska // *Quaternary Research*. – 2008. – Vol. 70. – P. 40–50.
196. Vereshchagin N.K., Tikhonov A.N. Exterior of the Mammoth // *Cranium*. – 1999. – Vol. 1. – P. 4–45.
197. Vermaire J.C., Cwynar L.C. A revised late-Quaternary vegetation history of the unglaciated southwestern Yukon Territory, Canada, from Antifreeze and Eikland ponds // *Canadian Journal of Earth Sciences*. – 2010. – Vol. 47. – P. 75–88.
198. Waelbroeck C., Labeyrie L., Michel E., Duplessy J.C., McManus J.F., Lambeck K., Balbon E., Labracherie M. Sea-level and deep water temperature changes derived from benthic foraminifera isotopic records // *Quaternary Science Reviews*. – 2002. – Vol. 21. – P. 295–305.

199. Waters M.R., Stafford T.W.Jr., McDonald H.G., Gustafson C., Rasmussen M., Cappellini E., Olsen J.V., Szklarczyk D., Jensen L.J., Gilbert T.P., Willerslev E. Pre-Clovis Mastodon Hunting 13 800 Years Ago at the Manis Site, Washington // *Science*. – 2011. – Vol. 334. – P. 351–353.
200. Wenzel K.E., Shelley P.H. What put the small in the Arctic small tool tradition: Raw material constraints on lithic technology / Andrefsky Jr., W. (ed.) // *Lithic Debitage : Context, Form, Meaning*. – Salt Lake City : University of Utah Press, 2001. – P. 106–125.
201. West F.H. *American Beginnings*. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1996. – 576 p.
202. Wojtal P., Haynes G., Klimowicz J., Sobczyk K., Tarasiuk J., Wroński S., Wilczyński J. The earliest direct evidence of mammoth hunting in Central Europe – The Kraków Spadzista site (Poland) // *Quaternary Science Reviews*. – 2019. – Vol. 213. – P. 162–166.
203. Zimmermann H.H., Raschke E., Epp L.S., Stoof-Leichsenring K.R., Schirmermeister L., Schwamborn G., Herzschuh U. The history of tree and shrub taxa on Bol'shoy Lyakhovsky Island (New Siberian Archipelago) since the last interglacial uncovered by sedimentary ancient DNA and pollen data // *Genes*. – 2017. – No. 8. – P. 273; doi: 10.3390/genes8100273.

КОЛЫМА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА (МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

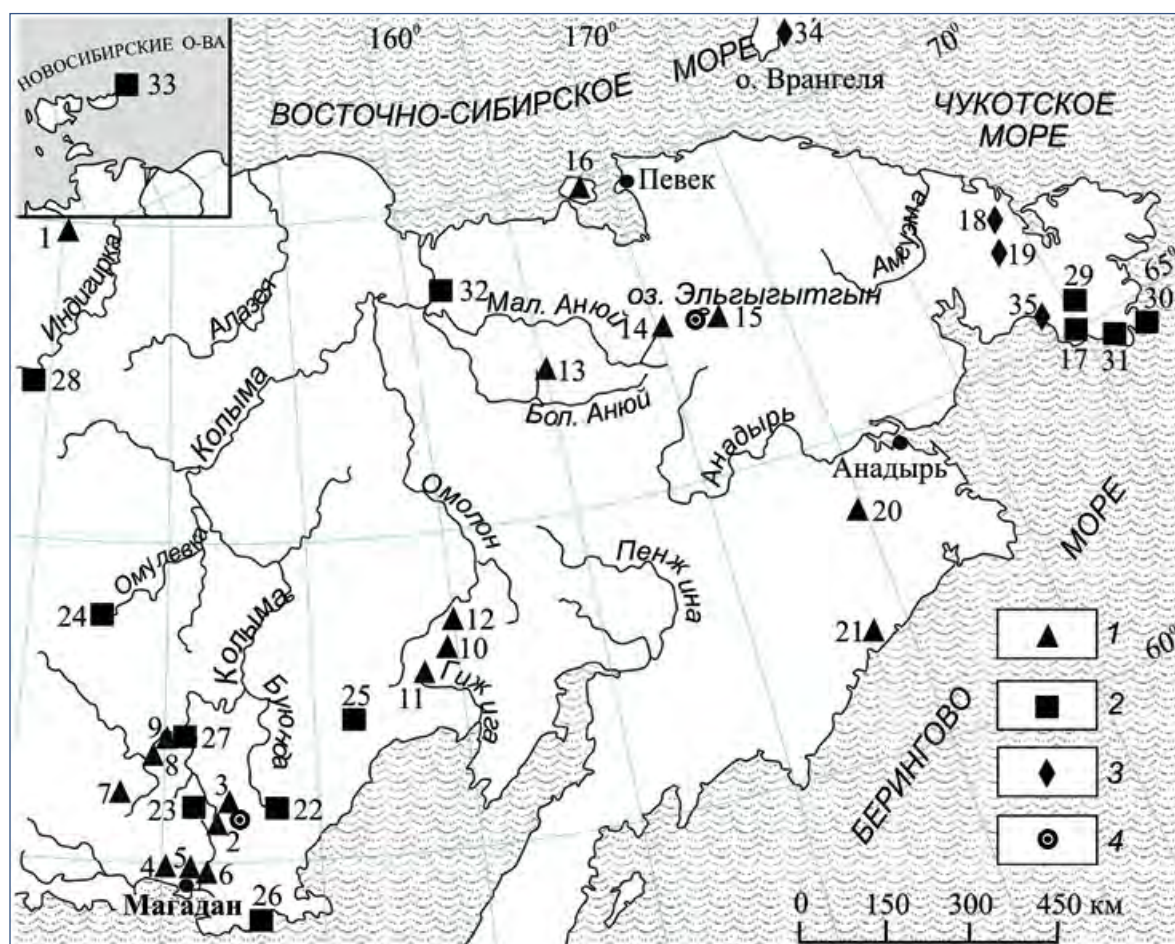
Современные археологические, палеоклиматические и палеогеографические данные позволяют считать, что освоение человеком арктической и субарктической зон Северо-Востока Азии (далее — СВ Азии) происходило не позднее второй половины позднего неоплейстоцена (Питулько, 2006). Время освоения человеком этих территорий и пути, по которым он продвигался, постоянно уточняются, приобретая статус научных фактов (Слободин, 2000; Slobodin, 2011; Слободин, 2015; Питулько, 2022).

Прямых свидетельств присутствия человека в Колымской области в каргинском интерстадиале нет, но данные стоянки Яна возрастом 27 000 С¹⁴ л., расположенной в низовьях соседней с Индигиркой реки Яны (Питулько, 2022), позволяют предположить, что вся Яна-Индигирская-Колымская приморская низменность была заселена не позднее рубежа каргинской и сартанской эпох. Данные палеогеографии показывают, что в это время здесь сложились благоприятные условия для существования человека (Губин и др., 2008; Безусько и др., 2008; Brigham-Grette et al., 2004).

Потенциалом для существования здесь более древних памятников является стоянки Дириг-Юрях и Мунгхарыма (кызылсырская культура) в Якутии, указывающие на заселение палеодолины реки Лена до 61° с.ш., по меньшей мере, 35–150 или даже 200–300 тыс. лет назад, а возможно, раньше (Мочанов, 1992; Ранов, Цейтлин, 1991; Waters et al., 1997; Derevianko et al., 2006; Мочанов, Федосеева, 2013, т. 2; История Якутии, 2020).

В силу большого разнообразия ландшафтных условий территории СВ Азии, освоение её человеком происходило неравномерно. Благоприятные условия сложились в Приморских низменностях, прилегающих к побережью Северного Ледовитого океана. Крупных ледниковых формирований здесь не отмечается даже в Зырянское похолодание (МИС-4) (Brigham-Grette et al., 2004). Субарктические горные территории Колымы и Индигирки, занятые в периоды похолодания ледниками, требовали большего времени для восстановления экосистем после их схода. Здесь дольше сохранялись ландшафтные условия, препятствовавшие преодолению животными и человеком перевалов между речными системами и расселению их в меридиональном и широтном направлениях. Тем не менее ряд памятников этого района, представленных пока только подъёмными материалами, по типологии сопоставляется с древнейшими галечными комплексами Сибири и Монголии возрастом 30–50 тыс. лет (Воробей 1999; Кирьяк, 2005).

В период сартанского похолодания процесс заселения этой территории конкретизировался в пространстве и времени, обретя облик определённых культур. В раннем голоцене смена природных и климатических условий обусловила и изменения в культурных процессах на всём Северо-Востоке Азии, вызвав появление в Колымской области нового, более адаптированного к изменившимся природным условиям, населения (илл. 1).

Илл. 1. Местоположение палеолитических и мезолитических памятников Колымы и Чукотки:
 1 – палеолитические памятники; 2 – мезолитические памятники; 3 – другие; 4 – опорные разрезы.
 1 – Берелёх; 2 – Бол. Хая IV; 3 – Хета; 4 – Усть-Магадавен 1; 5 – Уптар; 6 – Сердяк; 7 – Омчик II;
 8 – Сибердик; 9 – Конго; 10 – Бол. Авлондя; 11 – Дручак-Ветренный; 12 – Б. Эльгахчан I; 13 – Орловка II;
 14 – Тытыльваам IV, Тытыль I, III, IV; 15 – Эльгыгытгын II; 16 – Айон; 17 – Курупка; 18 – Кымынейкей;
 19 – Кымынанонвываам XII, XIII; 20 – Тальяин; 21 – Инаскваам; 22 – Буюнда III; 23 – Уртычук IV, Азамат;
 24 – Уи, Придорожная; 25 – Омсукчан III; 26 – БМА-3; 27 – Конго-78; ИНГ-78; 28 – Юбилейный;
 29 – Челькун IV; 30 – Найван; 31 – Путурак; 32 – Пантелеиха I–VIII; 33 – о-в Жохова

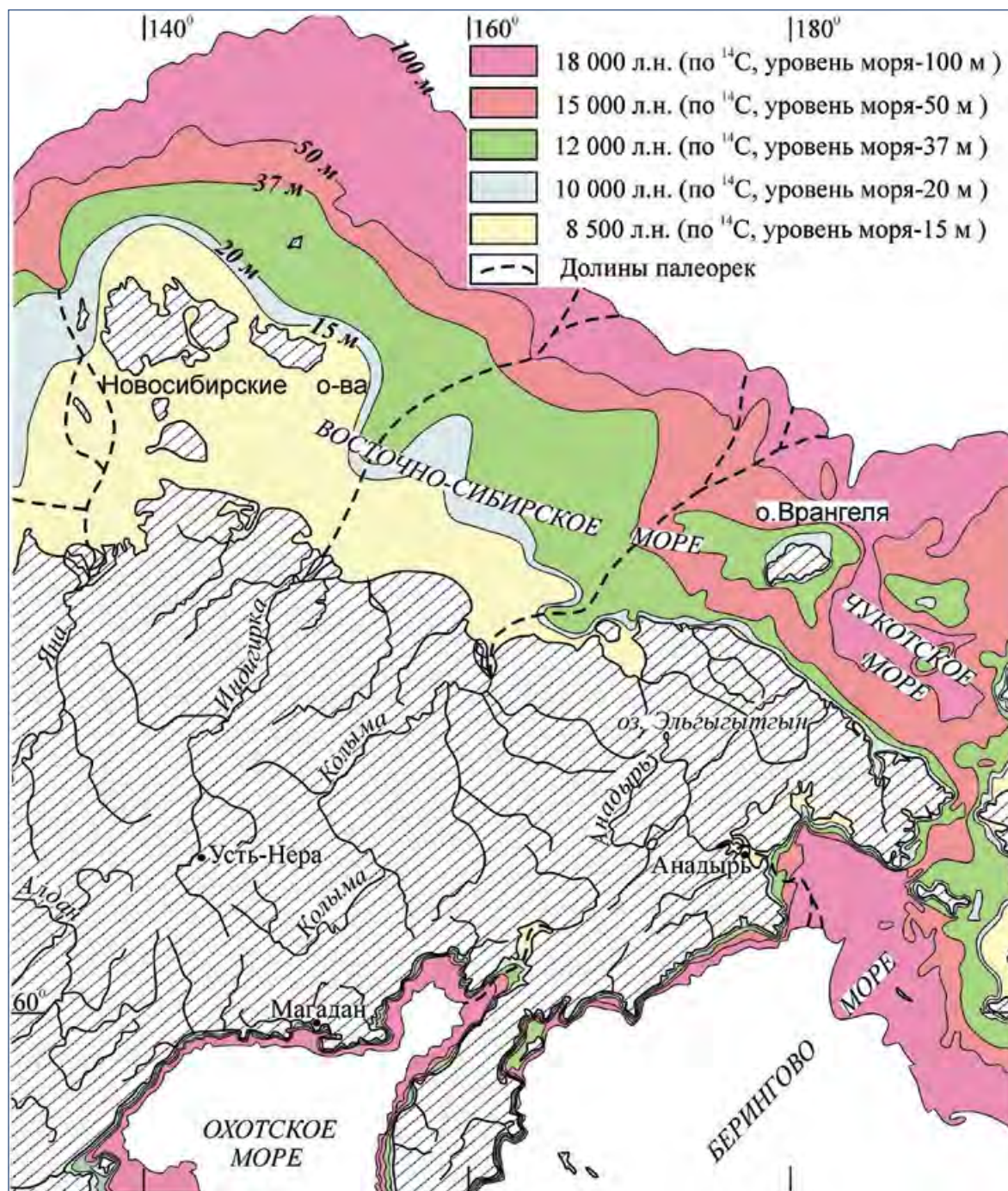
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ КОЛЫМСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЗДНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА (30 000–10 000 л. н.) И РАННЕГО ГОЛОЦЕНА (10 000–6 000 л. н.)

В сартанскую эпоху в результате значительного похолодания климата в регионе началось формирование горно-долинных ледников (Глушкова, 1984). Оледенение носило очаговый характер, т. е. охватывало наиболее высоко поднятые разобщённые хребты и горные массивы. За исключением Черского и Анюйского районов основная масса ледников тяготела к Тихоокеанскому склону Главного водораздела. В высокогорье оледенение носило «сетчатый» или горно-покровный характер. В среднегорных массивах формировались долинные (15–25 км) и каровые ледники. Основная масса ледников была сосредоточена в семи обосо-

бленных ледниковых районах: Черском, Экитыкском, Чукотском, Приохотском, Тайгоносском и Корякском (Глушкова, 1984).

В максимум сартанского оледенения (20–18 тыс. л. н.) понижение уровня Мирового океана составило 100–110 м (илл. 2). В районе Новосибирских островов отступление моря приблизительно 1000 км, в районе о-ва Айон — 640 км. Полоса осушенного шельфа Чукотского моря составляла 120–160 км.

На приморских низменностях в низовьях рр. Яны, Индигирки и Колымы, а также на обширных пространствах осушенного шельфа формировались своео-

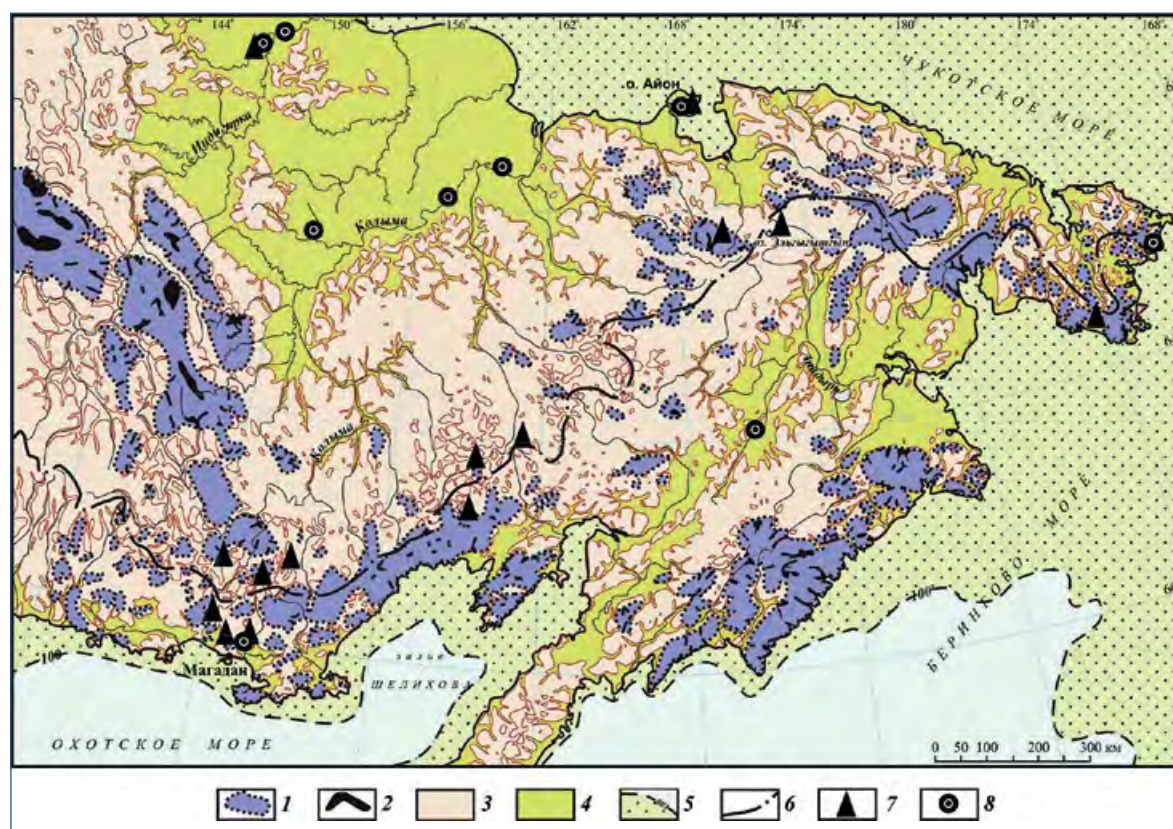

Илл. 2 (по Слободин и др., 2014). Схема изменений уровня океана 18 000 – 8 500 л. н., по C^{14} :
 1 – 18 000 л. н., уровень моря (-100) м; 2 – 15 000 л. н., уровень моря (-50);
 3 – 12 000 л. н., уровень моря (-37) м; 4 – 10 000 л. н., уровень моря (-20) м; 5 – 8 500 л. н.,
 уровень моря (-15) м; 6 – современная суша; 7 – долины палеорек

бразные ландшафты, названные «арктидой» (Томирдиаро, 1978) с характерными тундростепными сообществами и своеобразной фауной. В это время там происходило активное накопление криогенно-эоловых образований едомной серии и шёл рост полигонально-жильных льдов.

В низкогорных массивах за пределами ледниковой зоны на фоне повсеместного распространения вечномёрзлых пород происходит активизация нивальных и криогенных процессов.

Последняя эпоха похолодания напрямую связана с гляциоэвстатическими колебаниями уровня океана и возникновением Берингийского моста суши, оказавшего значительное влияние на эволюцию флоры и фауны, а также на расселение древнего человека (илл. 3). Около 20 тыс. лет назад, в эпоху максимального плейстоценового похолодания на месте Берингова пролива располагалась низменная суша с отметками $-30-50$ м (Свиточ, 2003), с останцовыми массивами островов Св. Лаврентия и Диомида. На поверхности этой суши, так же как и в Колымской низменности, были распространены тундростепные и тундровые ландшафты. Ширина возникавшего континентального моста достигала 2000 км. Горные массивы, особенно в южной половине Чукотского полуострова, были из кустарникового соснового пояса выше границы леса в горах. В это время формируются растительные сообщества близкие современным. На приморских низменностях повышение уровня моря привело к исчезновению арктической тундростепи.

Илл. 3 (по Слободин и др., 2014). Палеогеографическая схема эпохи максимального распространения ледников в МИС-2 (сартанское время) (20 000–18 000 л. н.): 1 – ареалы распространения ледников в высокогорных и среднегорных хребтах и массивах; 2 – отдельные ледники; 3 – нагорья с высотами от 400 м и выше; 4 – равнины и низменности от 0 до 200 м; 5 – граница осушенного шельфа; 6 – линия Тихоокеанско-Арктического водораздела; 7 – археологические памятники; 8 – места находок мамонтовой фауны с определениями C^{14}

В результате потепления в предбореальный и бореальный периоды (C^{14} датировки 9315–8000 л. н. (10510–8880 кал. л. н.)) в зоне современной травянисто-кустарничковой тундры произрастали высокоствольные берёзы, ольховник, крупнокустарниковые *Salix sp.*, возросла влажность. Таким образом, бореальный период рассматривается как термический оптимум голоцена (Слободин и др., 2014).

На Восточной Чукотке возник Анадырский эстуарий, заполнившийся водами Берингова моря. Распространённая сухая травянистая тундра с участками стелющихся форм берёзы и ивы в Нижнеанадырской низменности постепенно заместились поясом кустарников, в т. ч. и ольховника. В центральных районах Чукотки (около оз. Эльгыгытгын) в отложениях торфа речных террас в бореальный период фиксируется широкая экспансия ольховника (C^{14} датировки 9250–8120 л. н. / 10430–9015 кал. л. н.). Присутствие в этих отложениях хвои лиственницы свидетельствует, что 9–8 тыс. л. н. она произрастала в окрестностях озера Эльгыгытгын, что намного севернее её современного ареала. Вблизи полярного круга средние июльские температуры в начале голоцена достигали $13^{\circ}C$, средние температуры января $-15^{\circ}C$, количество осадков в июле составляло 60 мм, что на треть больше современного показателя (Слободин и др., 2014).

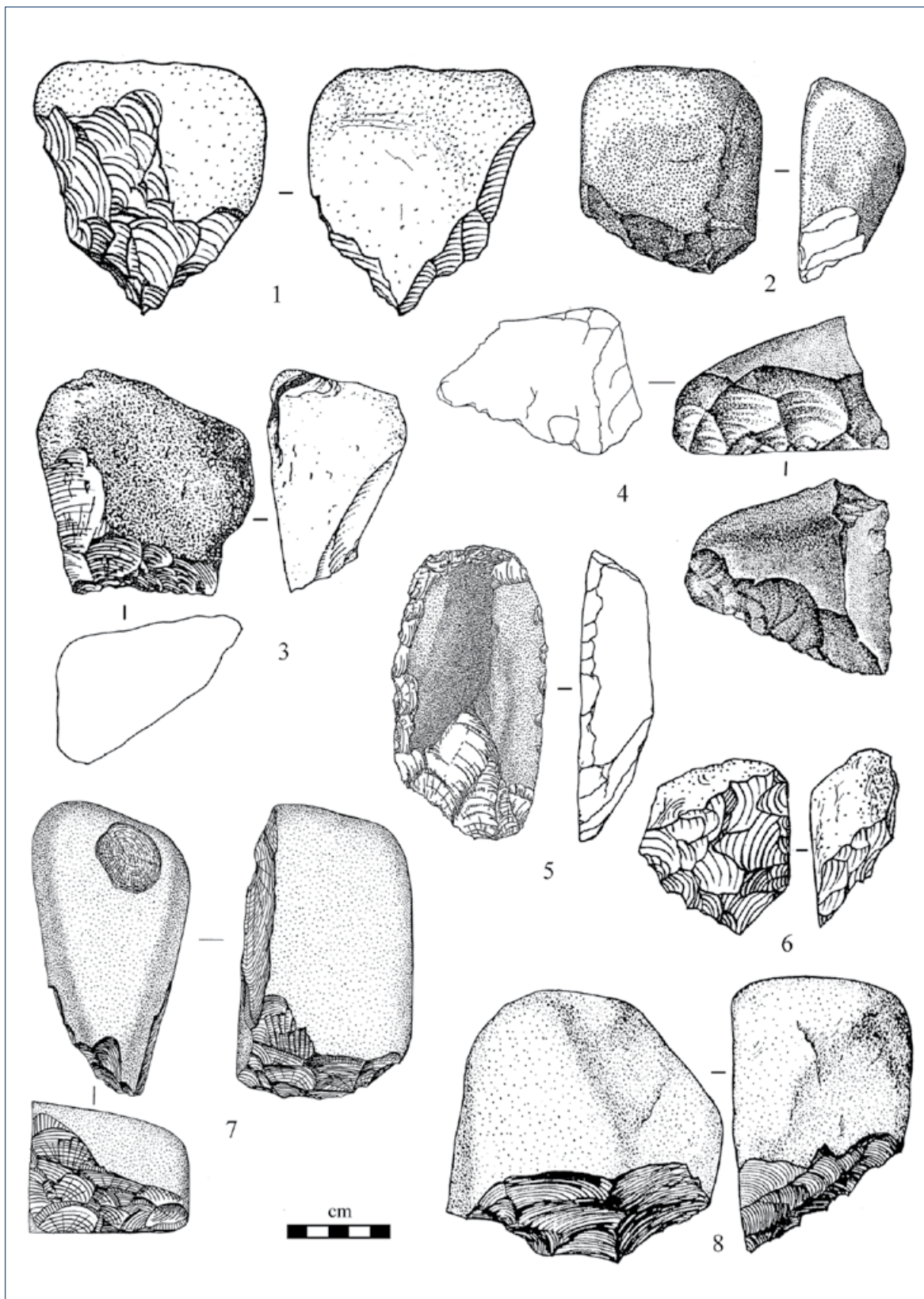
Наиболее древней на Северо-Востоке Азии, предшествующей традициям с бифасиальной обработкой орудий и пластинчатым индустриям, считается **галечная традиция** (Диков, 1996). Поскольку как на Чукотку, так и на Камчатку, попасть эта каменная индустрия могла только через бассейн Колымы, её следует принимать во внимание. К ней сейчас отнесены материалы стоянок Орловка II на Западной Чукотке, Лопатка IV на Камчатке, находки с Восточной Чукотки и с р. Омолон (илл. 4).

Она была теоретически выделена Н. Н. Диковым (1979) в начале 1970-х гг. на основе изучения раннеголоценовых материалов стоянок Сибердик, Конго и сравнения их с дальневосточными галечными индустриями предположительно нижнего палеолита, датированными возрастом до 200 000 лет (Derevianko et al., 2006). В настоящее время характеристика «галечных» комплексов менее определена и делается вывод, что «...можно было говорить лишь об облике инвентаря, а не о его древности» (Деревянко и др., 1994. С. 165).

Проводимые параллели между колымской галечной индустрии и «подобной» в Северной Америке, на реке Фрезер (Диков, 1979), сейчас уже нереальны из-за передатирования последней возрастом 4–6 тыс. л. н. (Haley, 1996). Также и на Аляске, на стоянке Мыс Крузенштерна, комплекс с галечными чопперами (илл. 4, 5), определённый как древнейший, позднее был отнесён к среднему голоцену (Giddings, Anderson, 1986).

Тем не менее вопрос о «галечной индустрии» в палеолите Западной Берингии остается актуальным, особенно после открытия в Якутии стоянки Дириг-Юрях с галечными орудиями (илл. 4, 2), датированной, по разным оценкам, возрастом от 120 тыс. лет и древнее.

Стоянка Орловка II расположена на 120-метровом террасовидном уступе сопки по левому берегу р. Орловки (бассейн р. Бол. Анюй) (Кирьяк, 2005). Поверхность террасы раздернована и, по-видимому, переотложена из-за солифлюкции. В раскопе находки залежали двумя горизонтами: к верхнему тяготеют кремневые микропластинки, к нижнему, до гл. 22 см., галечные орудия (илл. 4, 3). Комплекс галечных орудий включает нуклеусы для снятия пластин, пластинчатые отщепы, чоппер, скребки, резцы. C^{14} датировки для стоянки нет, стратиграфическая ситуация не определена. Приводится широкий круг аналогий с галечными орудиями

Илл. 4. Галечные комплексы Северо-Востока Азии (№ 1-4, 6-8) и Аляски (№ 5). № 1, 6 – Лопатка, № 2 – Диринг-Юрях, № 3 – Орловка II, № 4 – Омолон, № 5 – Мыс Крузенштерна (Аляска), № 7 – Кухтуй, № 8 – Сибердик (приводится по: № 1, 6 – Дикова, 1983; № 2 – Мочанов, 1992; № 3 – Кирьяк, 2005; № 4 – Воробей, 1999; № 5 – рисунок с фотографии приводится по: Giddings, Anderson, 1986; № 8 – Диков, 1979)

палеолита Якутии, Колымы (Сибердик), Монголии, Дальнего Востока, Южной Сибири и Аляски.

Стоянка Лопатка IV расположена на м. Лопатка на Камчатке. Поверхность мыса высотой 8–10 м над уровнем моря покрыта песчаными дюнами. Здесь выявлено скопление разновременных материалов, преимущественно подъёмных (Дикова, 1983). Картирование находок позволило выделить скопление, материалы которого были отнесены к палеолиту (илл. 4, 1, 6). Часть их получена из поверхностного слоя песка. Артефакты изготовлены, в основном, из андезитобазальтовых и кремневых галек и включают галечные нуклеусы для получения отщепов, чоппинги, чопперы, массивные унифасиальные скрёбла и ножи на первичных отщепах и, возможно, найденные в слое наконечники с краевой обработкой на отщепах. Предполагается, что комплекс представляет галечную традицию, характерную для зоны сибирско-монгольского палеолита и свидетельствует о «миграции палеолитического человека в позднем плейстоцене из Азии в Америку по островам Тихого океана» (Дикова, 1983).

На р. Омолон подъёмные галечные изделия (чопперы) (илл. 4, 4) были датированы палеолитом и сопоставлены с древнейшими галечными орудиями Сибири, Вьетнама и Монголии (Воробей, 1999). Выделен галечный комплекс и в Приохотье, в верховьях реки Армань (Воробей, 2009 а).

Связь галечных орудий Колымы с Амуром маркирует чоппер, найденный в Северном Приохотье, в устье р. Кухтуй, в обнажении террасы в 2–3 км от берега моря (илл. 4, 7). Он происходит из слоя, залегающего под 3-метровой толщиной песчано-щебенчатых наносов (исследования А. И. Лебединцева, фонды лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН, Магадан). По своим технико-типологическим характеристикам он аналогичен находкам с Омолона и Амура, а стратиграфическое положение позволяют говорить о его вероятной древности.

Возраст рассмотренных комплексов пока не подкреплён C^{14} датами или стратиграфией стоянок, адекватной их предполагаемому возрасту, и основывается на формально-типологических сопоставлениях. Сам по себе галечный компонент характерен и для стоянок значительно более позднего времени (Слободин, 1999; Воробей 2009 б). Например, стоянка Орловка II формально соответствует критериям «сибердиковской культуры», характеризующейся «сочетанием мелких пластинчатых (микропластинок и конических микронуклеусов. — С. С.) и крупных галечных орудий» (Диков, 1979), хотя общий облик галечной фации материалов вызывает среднепалеолитические ассоциации. Палеолитический комплекс стоянка Лопатка IV также вычленен из материалов, содержащих и изделия неолитического (тарьинского) времени.

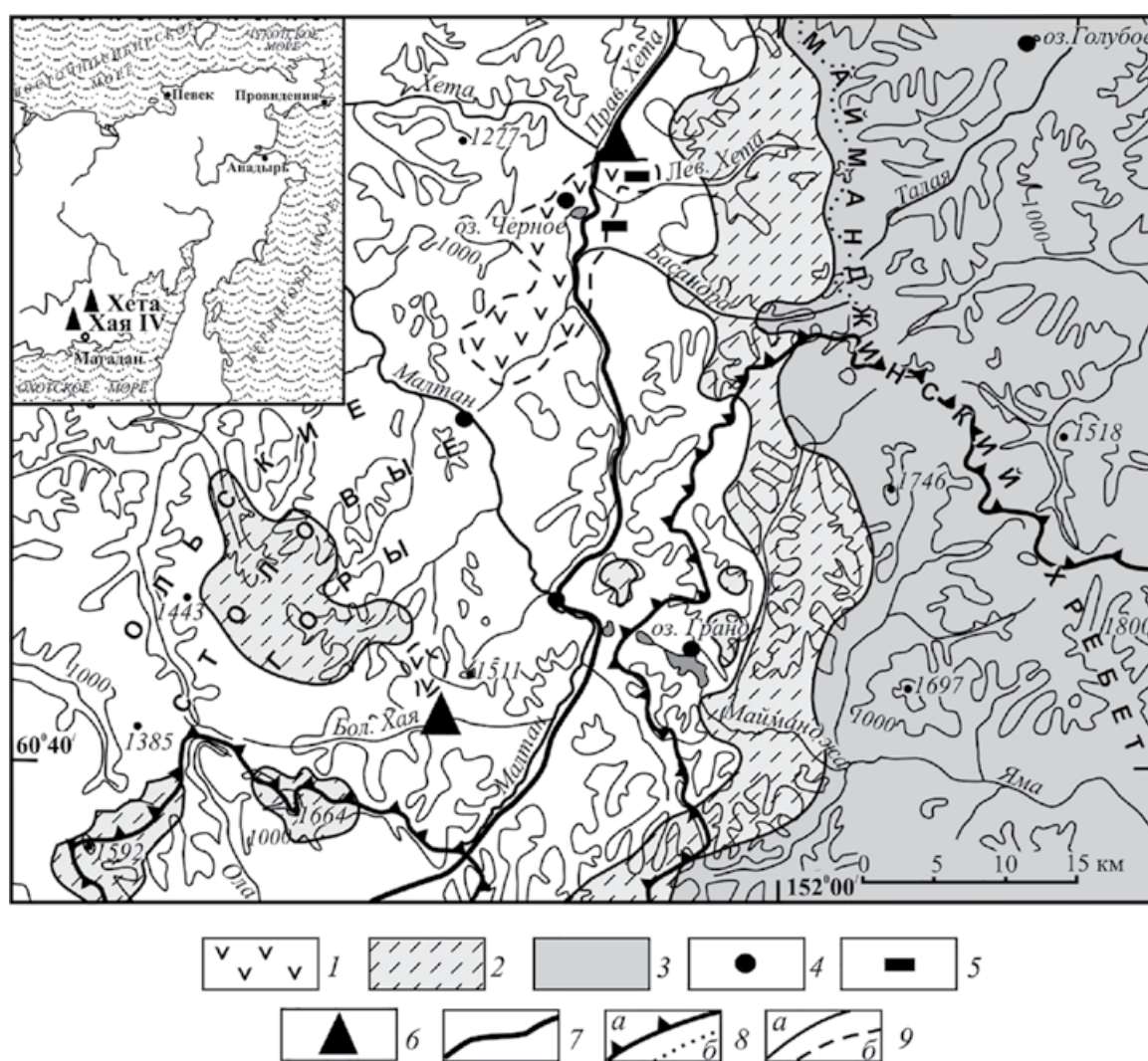
К стадии до наконечников (28–20 тыс. л. н.) отнесены подъёмные материалы стоянок Кымъынанонвываам IX, XII, XIII на Чукотском п-ове (Диков, 1993), среди которых выделены скрёбла и рубила. Они были сопоставлены с орудиями стоянок Дириг-Юрях, Филимошки и Кумары. Следует отметить, что материалы не галечные, а кремнистые, и стоянки расположены на месторождении кремня низкого качества, и, вполне возможно, что эти изделия являются лишь отходами заготовки сырья, вероятно, более позднего времени, чем предполагается.

Как «реликт» галечной палеолитической традиции Западной Берингии рассматриваются материалы раннеголоценовых слоев стоянок Сибердик и Конго (илл. 4, 8). Хотя её палеолитический характер может быть доказан скорее наличием там клиновидного нуклеуса, характерного, по мнению самого Н. Н. Дикова (1979), для дюктайской культуры, чем галечных орудий, которые представлены и в неолитических слоях этой же стоянки.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ БАССЕЙНА РЕКИ КОЛЫМЫ

Реально подтверждённые C^{14} следы присутствия человека в регионе относятся к завершающим этапам позднего неоплейстоцена, началу голоцена. База C^{14} датировок по стоянкам пока мала. На Верхней Колыме и в Северном Приохотье дополнительный контроль над возрастом археологического материала осуществляется по положению прослоев вулканического пепла с возрастом 7650 ± 50 (Мелекесцев и др., 1991).

Датировки со стоянки Ушки I для ранней палеолитической ушковской культуры, следы которой фиксируются в бассейне реки Колымы, уточнены (в том числе и C^{14} датами по древесному углю из раскопок стоянки Ушки I 1982–1989 гг.) до времени 11 300 л. н. (Слободин, 2010). Материалы, аналогичные ранней ушков-

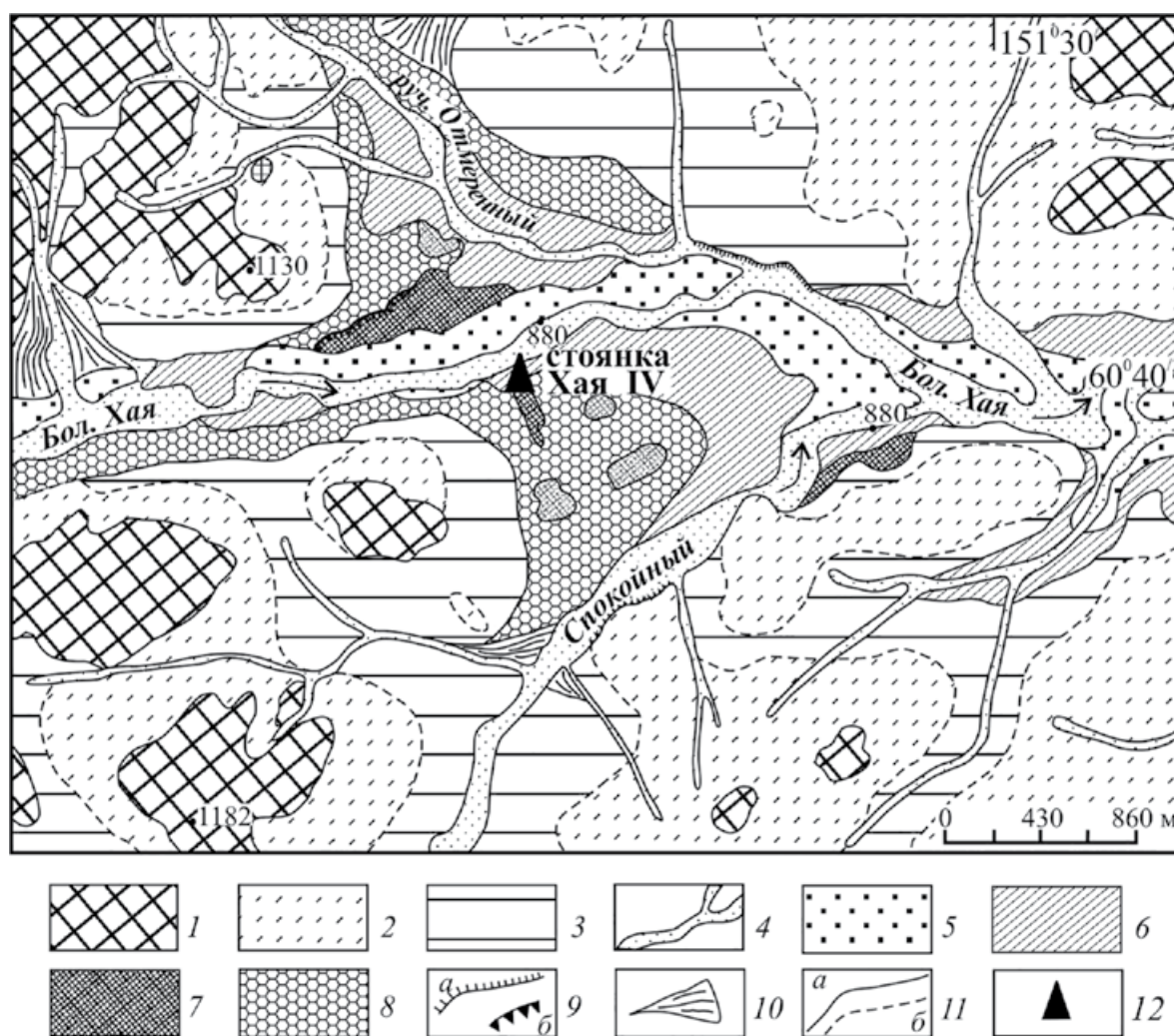

Илл. 5 (по Слободин и др., 2008). Ареалы распространения неоплейстоценовых ледниковых образований на Малтано-Тальско-Ямском междуречье: 1–3 – ареалы ледниковых образований: 1 – среднего неоплейстоцена; 2 – 1-го оледенения позднего неоплейстоцена; 3 – 2-го оледенения позднего неоплейстоцена; 4 – опорные разрезы четвертичных отложений; 5 – разведочные скважины; 6 – местоположение археологических стоянок Хета и Бол. Хая IV; 7 – автодорога; 8 – линии водоразделов: Охотоморско-Колымского (а), Майманджинского (б); 9 – геоморфологические границы: установленные (а), предполагаемые (б)

ской позднепалеолитической культуре, с черешковыми наконечниками ушковского типа (Слободин, 2002 б) выявлены на стоянках Бол. Эльгахчан в долине р. Омолон (Кирьяк, 1993), Омчик II б на Верхней Колыме (Sloboddin, 2010), Сердяк (Слободин, 1999) и Бол. Авлондя (Воробей, 1993) в континентальном Приохотье.

Дата 13 225 л. н. со стоянки Сибердик, как было установлено, не согласуется с палинологическими данными и другими C^{14} датами из слоя (Ложкин, 2008). Новые данные по стоянке Берелёх свидетельствуют о присутствии людей на Яно-Индигирской низменности в период 13 700–11 800 C^{14} л. н. (Питулько и др., 2023).

Учитывая, что на Аляске имеются стоянки, датированные (по древесному углю из культурного слоя) временем $12\,290 \pm 40$ (Beta-209882) (Holmes, 2011), следует считать, что культуры с микропластинчатыми технологиями освоили Северо-Восток Азии по меньшей мере 2–3 тыс. лет раньше этого времени. Чтобы

Илл. 6 (по Слободин и др., 2008). Аэрофотогеоморфологическая схема бассейна среднего течения р. Бол. Хая: I. Денудационный рельеф: 1 – склоны обвально-осыпного сноса; 2 – склоны делювиального сноса; 3 – склоны солифлюкционного сноса и накопления. II. Флювиальный рельеф: 4 – нерасчленённое русло и низкая пойма; 5 – высокая пойма; 6 – первая надпойменная терраса (2–3 м); 7 – вторая надпойменная терраса (9–11 м); 8 – террасоувал. III. Прочие объекты: 9 – уступы аккумулятивных (а), эрозионных (б) террас; 10 – аллювиально-пролювиальные конусы; 11 – геоморфологические границы: установленные (а), предполагаемые (б); 12 – археологическая стоянка

достичь центральных районов Аляски 12 тыс. л. н., человек должен был пересечь Чукотской п-ов не позднее 13–14 тыс. л. н.

Наиболее надёжные данные об освоении людьми горных районов С-В Азии (Охотско-Колымского нагорья) в первой половине сартана представлены безмикроступчатый комплекс стоянки Бол. Хая IV (илл. 1, 5).

Стоянка Бол. Хая IV расположена в юго-восточной части Ольских столовых гор в среднем течении р. Бол. Хая (левый приток р. Малтан протяжённостью 22 км), на её правом берегу с координатами: 60° 41' с. ш., 151° 34' в. д. (илл. 1, 3, 5, 6). Абсолютная высота дна долины реки Бол. Хая в истоках составляет 1260 м. Она имеет короткое, но крутое падение в верховьях и относительно пологую основную часть долины. К устью она снижается до 820 м над у. м. Долина имеет чётковидную форму в плане, обусловленную значительными расширениями (до 1,5 км) в приустьевых частях крупных притоков. Ширина поймы здесь возрастает от 50 до 500 м. Днище заболочено, русло изобилует извилистыми старичными протоками, поросло мелким кустарником и болотной растительностью. Высота обрамляющих долину горных массивов составляет 1200–1400 м. Подножья пологих склонов покрыты густым лиственничником с подлеском из кедрового стланика и кустарничковой берёзки. Вблизи водоразделов крутизна склонов возрастает до 15–20°. Вершины часто представляют собой скальные останцы. Характерны мощные подгорные шлейфы и террасовалы. В днище долины наблюдаются небольшие наледи.

В приустьевых частях ручьёв Отмеренный и Спокойный сохранились фрагменты цокольных аллювиальных террас высотой 2–3 м и 6–11,5 м. Это небольшие ровные останцы площадью 0,2–0,4 кв. км, в уступах которых обнажается коренной цоколь, перекрытый маломощным слоем рыхлых отложений.

Стоянка Бол. Хая IV расположена на одном из таких останцов на поверхности слабо наклонной террасовидной площадки. Учитывая площадь распространения культурных материалов на поверхности террасы, общая площадь стоянки предварительно оценивается в 1000–1500 кв. м.

Микрорельеф поверхности из-за частой сетки мерзлотных полигонов неровно-волнистый. Относительная высота над руслом реки составляет 11,5 м. Её уклон в сторону реки не превышает 1–2°. Со стороны реки терраса ограничена уступом крутизной 12–15°. Бровка террасы заплывшая, прорезанная частыми неглубокими эрозионными ложбинами. Переход к низкой террасе высотой 2–3 м плавный. Эта терраса заболочена, покрыта крупным кочкарником и редкими угнетёнными лиственницами. Ширина её в данном пересечении не превышает 50–70 м. Бровка чёткая, уступ обрывистый. Терраса этого уровня широко распространена по всей долине и сложена косослоистым галечником с прослоями и линзами разнозернистого песка и супеси. Линзы и прослои вулканического пепла в разрезах не установлены.

На стоянке было заложено несколько шурфов глубиной 30–40 см. Наибольшее количество артефактов обнаружено непосредственно под почвенно-растительным слоем до глубины 20–25 см. Реже они встречаются в маломощном слое рыхлых отложений на глубине до 30 см, а также между развалами глыб и обломков в коренном основании до глубины 60 см. Слой рыхлых отложений подвержен интенсивному воздействию криогенных процессов. В результате криотурбации было нарушено первичное залегание отложений, что привело к смешению археологического материала и частичному выходу его на поверхность. Многие артефакты располагаются в осадках либо вертикально, либо круто наклонно. В бортах раскопа вскрываются осадки, обобщённый разрез которых выглядит следующим образом:

— 0,0–0,02 м — почвенно-растительный слой;

- 0,02–0,07 м — серовато-жёлтая супесь с включением мелких остроугольных обломков и единичной плохо окатанной гальки;
- 0,07–0,30 м — угловатые разноразмерные обломки в супесчаном заполнителе, которые подстилаются разноразмерными обломками и уплощёнными глыбами туфов андезитов до 0,4 м в поперечнике. Обломки на дне раскопа за счёт мерзлотных процессов часто развёрнуты острыми гранями вверх. На нижней поверхности большей части обломков присутствует тонкая корочка буро-коричневого цвета (гипс — по заключению минералога, д. г.-м.н. Н. Е. Саввы).

В шурфах под почвенно-растительным слоем на глубине 0,03–0,15 м обнаружены линзы вулканического пепла площадью до 2–4 кв. м. Пепел сильно загрязнён, в линзах присутствуют скопления окатышей красно-бурого цвета, состоящие из супеси, суглинка, дресвы, корешков растений. Цвет пепла в основной массе грязно-серый, но в нём содержатся линзочки чистого белого пепла толщиной 2–4 см, а также большое количество углистых частиц чёрного цвета. В связи с мерзлотными процессами линзы деформированы, пепел затынут в виде отдельных слоёв на глубину до 15 см.

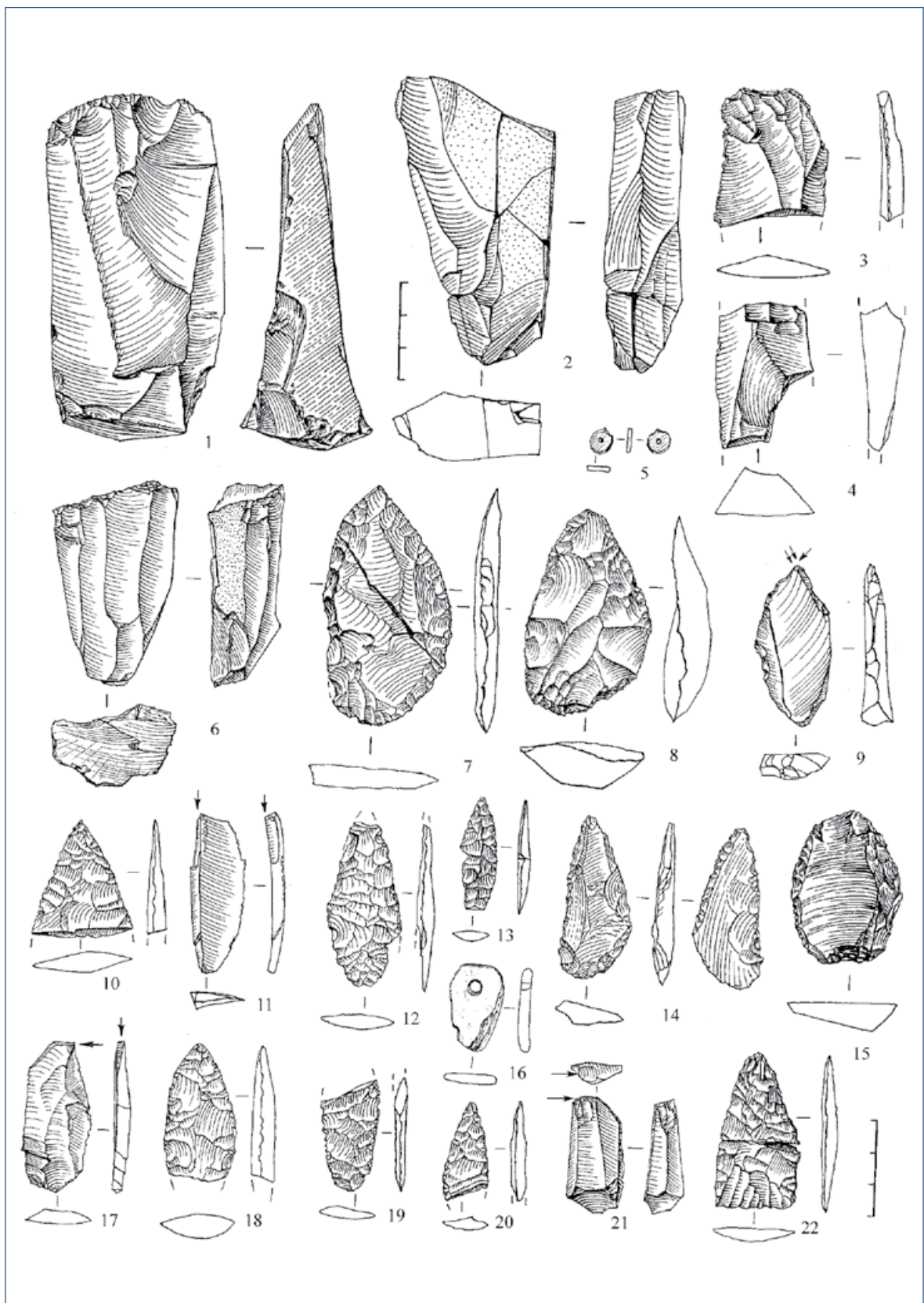
Возраст подпочвенного «эликчанского» пепла в Северном Приохотье определяется примерно в 7600 лет (Popomareva et al., 2004). Поскольку артефакты выявлены под пеплом, по стратиграфическим данным можно сделать вывод только о том, что стоянка Бол. Хая IV имеет возраст, по меньшей мере, древнее 7600 лет.

Предварительные археологические исследования 2001 года на стоянке Бол. Хая IV, ограниченные в основном подъёмными сборами, дали материалы, анализ которых позволил заключить, что *«время начала формирования культурного слоя (стоянки) может быть определено предварительно, ... периодом раннего голоцена. Об этом свидетельствуют микропластинки и отсутствие бифасиальных орудий...»* (Слободин, 2002).

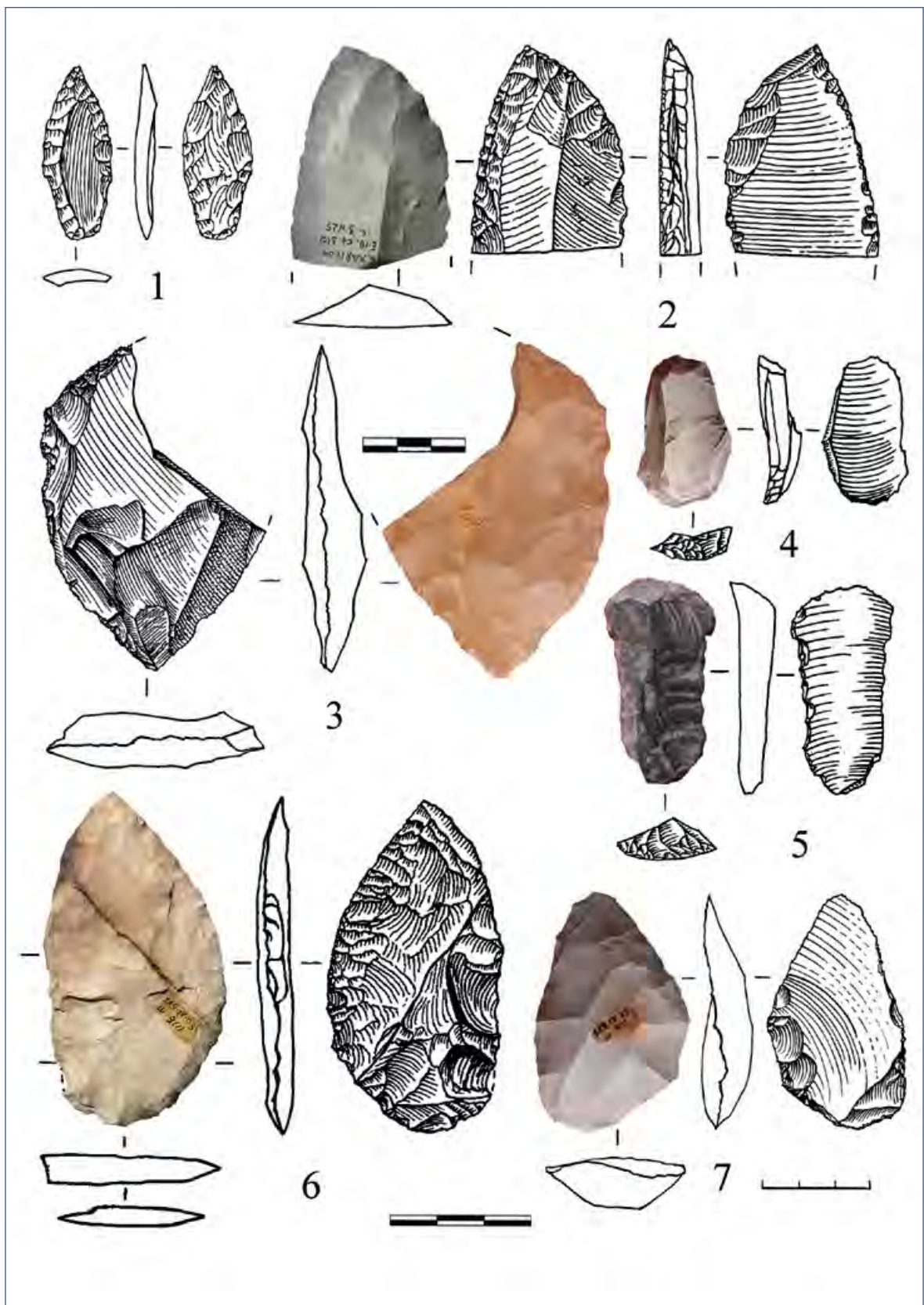
Однако дальнейшие исследования кардинально поменяли наши знания об этой стоянке. Новые материалы изменили представления как о времени появления, так и о культурной принадлежности памятника. Прежде всего, следует отметить, что на стоянке были получены серии бифасиальных орудий выработанной формы, так что ранее высказанное, основанное на подъёмных материалах предположение об их отсутствии на стоянке (Слободин, 2002), снимается. Не подтвердилось и ранее сделанное предположение о существовании на стоянке микропластинчатой индустрии раннеголоценового облика. Найденные на стоянке сегменты «микропластинок» являются, видимо, фрагментами пластинчатых сколов, полученных с подпризматических и торцевых пластинчатых нуклеусов. Микронуклеусов и серийных микропластинок на исследованной в 2003 г. площади стоянки не выявлено. Первичное расщепление представлено монофронтальными одно-двуплощадочными и торцевыми нуклеусами, и ядрищами для получения пластинчатых сколов или пластин.

Полученный из шурфов орудийный комплекс является гомогенным как по использованному для его изготовления материалу, так и по типологии орудий и характеру их обработки. В качестве сырья использовались, как правило, кремнистые породы (опоки) с плитчатой отдельностью, месторождение которых находится вне территории стоянки, на обвальных склонах сопки, а также гальки из русла руч. Спокойный в 0,5 км от стоянки.

Среди находок — нуклеусы и их заготовки, пластины, пластинки, резцы, резчик, наконечники, бифасы и их заготовки, скребки, острия, подвески, галечное рубящее орудие, технические сколы и отщепы (илл. 7, 8).

Илл. 7. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Бол. Хая IV: 1, 2, 6 – нуклеусы; 3, 4 – пластины; 5, 16 – украшения; 7 – бифас; 8 – скребло; 9, 11, 17, 21 – резцы; 10, 12, 13, 18, 19, 20, 22 – наконечники; 14, 15 – скребки

Илл. 8. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Бол. Хая IV

Нуклеусы разделяются на следующие типы: плоские одноплощадочные с широким фасом и узкой, круто скошенной к контрфасу отжимной площадкой, обработанной почти под лезвие, служили для получения пластин и пластинчатых отщепов (илл. 7, 1); торцевые на плитках с несколькими сколами с торца, с частично обработанной или необработанной отжимной площадкой (илл. 7, 2); уплощённые одноплощадочные подпризматической формы с широким выпуклым фронтом, снятиями на торце, и слегка скошенной, обработанной или естественной (без обработки) отжимной площадкой (илл. 7, 6); уплощённые двухплощадочные со среднескошенными, ретушированными отжимными площадками; подпризматические с прямой, обработанной плоской ретушью отжимной площадкой.

В целом для нуклеусов (первичного расщепления) характерно плоскостное раскалывание с целью получения пластинчатых сколов и сколов с параллельными краями. Преобладают плоские одноплощадочные монофронтальные ядрища. Имеются уплощённые подпризматические нуклеусы со снятиями пластинок по широкому фронту с переходом на торец. Ударные площадки либо не подготовлены, либо оформлены одним широким сколом. Общей чертой ударных площадок всех нуклеусов является их незначительная подготовка.

Пластины, пластинки представлены преимущественно фрагментами. Многие обработаны краевой ретушью и имеют следы утилизации (илл. 7, 3, 4; 8, 2). Некоторые из мелких пластинок по своим параметрам вполне подходят под определение микропластинок, но, видимо, были сколоты не с микронуклеусов, а с узких граней некоторых торцевых нуклеусов или при оформлении лезвия угловых резцов. Пластины как заготовки использовались для изготовления концевых скребков, ножей, резцов.

Технические сколы. В большинстве это сколы подправки отжимных площадок нуклеусов, захвативших часть фронта и часть отжимной площадки. Некоторые площадки сколоты целиком, с частью фронта. Имеется несколько ладьевидных сколов. Найдено несколько сколов фронтальной части торцевых (на плитках) нуклеусов, на которых видны негативы микропластинчатых сколов. Имеются сколы краевой подправки бифасов, сколотые через всю широкую плоскость бифаса от края до края.

Бифасы (ножи) представлены плоскими в поперечном сечении изделиями, овально-листовидной, листовидной, ассиметрично-овальной (с обушком) и подтреугольной формы (илл. 7, 7; 8, 3, 6).

Наконечники, вероятно, стрел и дротиков, небольшого размера, имеют бифасиальную обработку, листовидную (с округлым или заострённым основанием), черешковую и подтреугольную (с прямым основанием) форму (илл. 7, 12, 18, 19, 20, 22; 8, 1; 9, 4). Поперечное сечение варьируется от уплощённо-линзовидного до ассиметрично линзовидного (односторонне выпуклое или, даже, подтреугольное) (илл. 7, 13). У двух наконечников отмечается небольшое сужение базальной части. В изготовлении бифасов и наконечников отмечается определённый «архаизм». Наконечник копья представлен тщательно обработанным фрагментом бифасиального острия (илл. 7, 10).

Скребки изготавливались на отщепах и пластинах. Один из скребков (на отщепе), имеет подпрямоугольную форму, сломан по диагонали. Лезвие скребка прямое, обработано крутой ретушью. Другой, каплевидной формы, оформлен по краю чередующейся краевой ретушью (илл. 7, 14).

Скребки концевого типа (в т. ч. двойные) сделаны на пластинах или пластинчатых отщепах (илл. 8, 4, 5). Короткой параллельной ретушью у них обработан

только полукруглый рабочий край. Один концевой скребок высокой формы сделан на отщепе с полностью ретушированной дорсальной поверхностью. Одним экземпляром представлен боковой двойной скребок (илл. 7, 15).

Скрёбла. Угловатое скребло (с носиком и лезвием на конвергентно сходящихся краях) сделано на отщепе с высокой, обработанной спинкой (илл. 7, 8; 8, 7). Со стороны вентрала скребло обработано уплощающей ретушью на участке ударного бугорка. Ещё одно скребло (на отщепе) имеет слегка выпуклое лезвие, оформленное мелкой краевой ретушью по тонкому краю отщепа.

Резцы трёх типов: срединные, угловые и трансверсальные изготовлены на пластинчатых сколах (илл. 7, 9, 11, 17, 21). У резцов трансверсального (поперечного) типа рабочая кромка оформлена на дистальном конце пластин (илл. 7, 17, 21; 9, 8). Резцовый скол слегка «завален» в сторону вентральной плоскости, у рабочей кромки резца имеется небольшая, оформленная ретушью выемка. Продольные края пластины подправлены краевой ретушью. Срединный резец сделан на крупной кремневой плитке, его лезвие образовано несколькими пересекающимися сколами (илл. 7, 9).

Резчик (или провёртка) сделан на плоской, обработанной с обеих сторон широкими сколами, овальной в плане кремневой плитке. Лезвие сильно заполировано от использования.

Острия сделаны на крупных (6 × 7 см), но тонких (толщиной около 1 см) отщепах, с полностью обработанной по всей плоскости уплощающими сколами дорсальной поверхностью. Вентрал не обрабатывался. Острие выделено конвергентно сходящимися, унифасиально ретушированными краями отщепа. Другое остриё (фрагмент) сделано на пластинчатом отщепе, оформлено крутой краевой унифасиальной ретушью.

Украшения представлены плоской прямоугольной отшлифованной подвеской, с односторонне просверленным отверстием у края (илл. 7, 16; 9, 6), и плоскими округлыми маленькими бусинками из мягкого камня (агальматолита) с просверленным отверстием посередине (и их заготовками) (илл. 7, 5; 9, 5). Из агальматолита сделано и изделие непонятного назначения в виде окаменелости «белемнита» (илл. 9, 7).

Рубящее орудие (чоппинг) сделано из крупного округлого обломка сильно обветренной породы, отличной от каменного обломочного материала, входящего в рыхлые отложения стоянки, и от скальной породы в основании террасы. Лезвие орудия оформлено несколькими сколами с обеих сторон заготовки, овальная пятка не обработана.

В комплексе также имеются долотовидные орудия — маленькие, оббитые с обеих сторон плитки кремня подпрямоугольной и овальной формы. Отщепов на стоянке найдено несколько тысяч, многие из них сломаны. Общий вес дебитажа, полученного из шурфов (общей площадью 8 м²), составляет 19,5 кг, т. е. в среднем 2,5 кг на м² (без учёта веса изделий, выделенных в группу орудий).

Культурная принадлежность и возраст этих находок пока точно не определены, хотя ясно, что они характерны для палеолита Северной Азии (Слободин, 2005; Кирьяк, 2005; Слободин и др., 2008; Воробей 2009 б; Лаухин, 2007). В материалах стоянки Бол. Хая IV отмечаются элементы, выделенные на ряде стратифицированных сибирских стоянок, свидетельствующие о вероятной эволюции в технологии обработки камня, определившей переход от скалывания пластинчатых отщепов и пластин с широких поверхностей плоскостных и подпризматических нуклеусов к торцевому расщеплению, а затем к получению микропластинок с торцевых ядрищ.

Илл. 9. Каменные орудия палеолитических комплексов Колымы: 1 – наконечник со стоянки Уптар; 2 – наконечник со стоянки Омчик II; 3 – наконечник со стоянки Сердяк; 4 – наконечник со стоянки Бол. Хая IV. Артефакты со стоянки Бол. Хая IV: 5 – бусы и их заготовки; 6 – подвеска; 7 – изделие в форме белемнита; 8 – трансверсальный резец; 9 – бифронтальный клиновидный нуклеус со стоянки Омчик II а

Прежде всего, об этом на стоянке Бол. Хая IV свидетельствуют изделия, отражающие переход от подпризматической техники получения пластинчатых заготовок с широкими поверхностями нуклеусов к торцевой, который фиксируется на ранних этапах позднего палеолита на стоянке Кара-Бом на Алтае (Деревянко и др., 2002). Не проводя хронологических аналогий, отметим, что на стоянке Бол. Хая IV имеются как плоские, так и торцевые ядрища. Такая же технология

отмечается и для стоянки Усть-Каракол (Горный Алтай), где в позднепалеолитических слоях, датированных второй половиной каргинского интерстадиала, «выделяются параллельные и двуплощадочные одно- и двуплощадочные ядрища параллельного принципа расщепления с одним и двумя фронтами расщепления», торцевые нуклеусы и овальные бифасы (Деревянко и др., 2002. С. 45–47).

Сходные процессы происходили и в средний период верхнего палеолита (25–18 тыс. л.) в Забайкалье, где наряду с подпризматическими нуклеусами появляются и торцевые, с которых начинают скалывать вначале аморфные и короткие, а затем всё более правильные и длинные микроснятия (Константинов, 1994. С. 130–132).

Прослеживаются параллели в технике обработки каменных орудий комплекса стоянки Бол. Хая IV и с палеолитическими материалами ангарской стоянки Усть-Кова возрастом 15–24 тыс. лет (Васильевский и др., 1988). Общими для них является использование населением стоянок подпризматических двуплощадочных и уплощённых со скошенной ударной площадкой нуклеусов, долотовидных орудий, бифасов листовидной и подтреугольной в плане формы, концевых скребков на пластинах, а также характер нанесения ретуши и отсутствие в обоих комплексах клиновидных микронуклеусов.

Сходство в технике первичного расщепления на стоянке Бол. Хая IV можно отметить с изделиями четвёртого культурного комплекса стоянки Абакан на реке Селемдже (бассейн Амура), относящегося к самому раннему комплексу селемджинской палеолитической культуры, датируемому периодом 21–25 тыс. л. н. (Деревянко и др., 1998).

В Якутии на ранних стадиях дюктайской культуры (стоянки Усть-Миль, Эжанцы) фиксируется сочетание крупных галечных подпризматических нуклеусов и слабо выработанных нуклеусов торцевого типа (Мочанов, 1977. С. 52, 56, 223). С якутскими материалами комплекс стоянки Бол. Хая IV сближает, помимо подпризматических пластинчатых нуклеусов и торцевых ядрищ, наличие в комплексе бифасиальных орудий (овальные ножи, листовидные и подтреугольные наконечники копий и дротиков), срединных, угловых и трансверсальных резцов. Однако в материалах стоянок Усть-Миль и Эжанцы представлено торцевое микрорасщепление, отсутствующее на стоянке Бол. Хая IV.

В ближайшем окружении, в Северном Приохотье, аналогии в технике подготовки нуклеусов (уплощённые параллельные ядрища) и бифасов на стоянке Бол. Хая IV имеются на стоянках Усть-Дёлонг (Воробей, 1993) и Дручак-Ветренный (Воробей, 1996 а), хотя на последней стоянке представлено уже и развитое микропластинчатое расщепление, датируемое возрастом 13–14 тыс. л. (Vorobei, 2003).

Отчётливо видны общие черты у комплекса стоянки Бол. Хая IV в технике первичного расщепления и обработки орудий и с материалами 2-го слоя дальневосточной стоянки Устиновка I (Васильевский, Гладышев, 1989). Исследователи датируют этот комплекс возрастом 22 000–14 000 л. н. (Васильевский, Гладышев, 1989. С. 102) или даже более древним — 33 000–30 000 л. н. (Кононенко, 2001. С. 50). Верхней границей этого комплекса сейчас могут служить датированный по C^{14} в пределах 15–16 тыс. лет микропластинчатый (с клиновидными нуклеусами, бифасами и трансверсальными резцами) комплекс стоянки Суворово IV (Крупянка, Табарев, 2001). В целом, согласуется с этим и (OSL) датировка 18,6 тыс. лет, полученная для раннего микропластинчатого комплекса стоянки Устиновка 7 с бифасами, но без микронуклеусов на них (Кононенко, 2001).

На Дальнем Востоке сейчас предполагается существование доустиновского, «пока условного», комплекса средне-сартанского времени, в котором *«есть*

нуклеусы параллельного расщепления, пластины и орудия на пластинах, бифас, “лодкообразные инструменты”. В нем не выявлены микронуклеусы и все, что связано с их оформлением и расщеплением. ...Микролитической техники еще нет или она находится в начальной стадии своего оформления» (Дьяков, 2000. С. 170). Под эти критерии достаточно точно подходит характеристика комплекса стоянки Бол. Хая IV.

Таким образом, все вероятностные аналогии комплекса стоянки Бол. Хая IV просматриваются исключительно с традициями (культурами) и отдельными стоянками рубежа среднего и позднего этапов верхнего палеолита (20–18–16 тыс. л.).

Стоянка Бол. Эльгахчан I находится в предгорьях северного склона Охотско-Колымского нагорья, в верховьях реки Омолон, на 37-метровом приустьевом мысу её правого притока — р. Бол. Эльгахчан (64° 14' 34" с. ш., 161° 06' 07" в. д., абс. отм. 407 м) (Кирияк, 1990; 1993). Палеолитические материалы, представленные каменными изделиями, выявлены на нижней площадке мыса. Пачка рыхлых отложений включает (мощность в см): 1 — дерн (4–14 см); 2 — бурый гумусированный слой (местами отсутствует) (3–22 см); 3 — жёлтая супесь (5–24 см); 4 — зеленоватая супесь (30–50 см.); 5 — пачка супесей мощностью около 50 см; 5 — скальная основа (Кирияк, 1993).

Основная масса находок залегала в слое жёлтой супеси, отдельные предметы встречаются в выше- и нижележащих слоях, до гл. 35 см. С¹⁴ датировок и стратиграфических маркеров, указывающих на относительный возраст находок, нет. В дерновом слое найдены обсидиановые микропластинки, являющиеся поздней примесью с верхней площадки мыса, где имеются неолитические материалы (Кирияк, 1990, 1993).

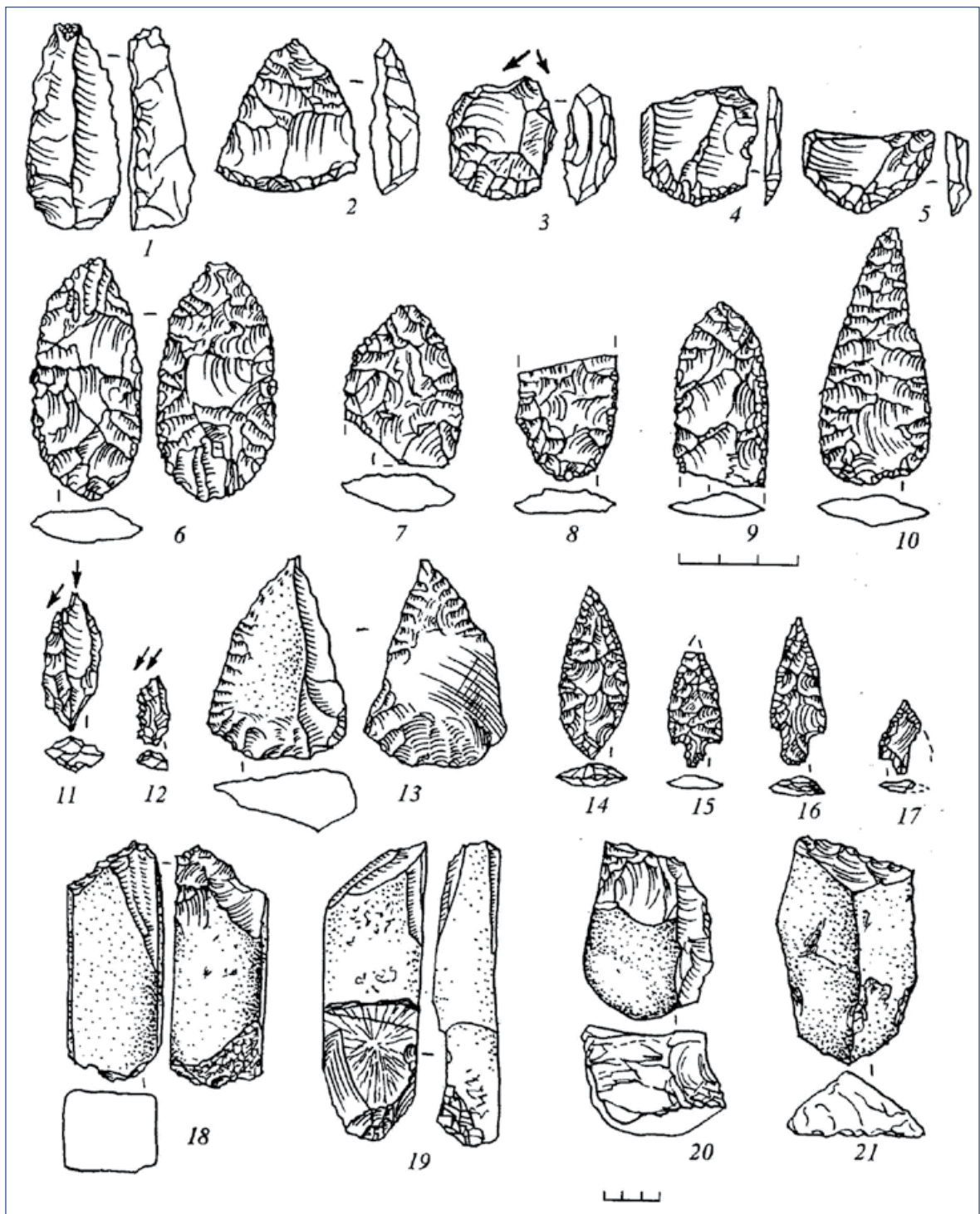
Результаты палинологических исследований отложений стоянки показали, что верхней части культурного слоя (глубина 10–15 см) соответствует голоценовый растительный комплекс «*лиственничных редколесий с березой*» (Титов, 1991). Для основания культурного слоя (глубина 25–30 см) характерен растительный комплекс, типичный для конца позднего плейстоцена (Kiryak, 1996). О возрасте отложений, содержащих находки, указывают следы воздействия на них морозобойных и солифлюкционных процессов, расположивших их в вертикальном положении.

Исследовано 97 м² стоянки, особых закономерностей в расположении материала нет, хотя отмечается концентрация находок в центральной части раскопа (Kiryak, 1996).

Всего на стоянке найдено около 1400 артефактов, в том числе 127 орудий, представленных галечными изделиями, наконечниками, скребками, ножами и резцами. Для комплекса характерна бифасиальная техника обработки орудий со сплошным ретушированием их широких поверхностей, имеются и унифасиально обработанные изделия с краевой ретушью (илл. 10, 1–21).

Среди галечных изделий — чопперы, струги, отбойники и ядрища для получения крупных пластинчатых отщепов — заготовок под орудия (Кирияк, 1990) (илл. 10, 18–21). Пластины в качестве заготовок использовались редко.

Ножи представлены бифасиальными изделиями овальной формы с уплощённо-линзовидным сечением (6 экз.) (илл. 10, 6–10). Скребки (11–12 экз.) концевое типа на пластинчатых отщепах (илл. 10, 1–5). Резцы и резчики представлены единичными изделиями на отщепах, с лезвиями, оформленными одним или несколькими резцовыми сколами (илл. 10, 11–13). В слое найдено несколько черешковых наконечников «ушковского типа» (Слободин, 2002 б). Они сдела-

Илл. 10 (по Кігуак, 1996). Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Бол. Эльгахчан I:
 1-5 – скребки; 6-11 – бифасы; 11, 12 – резцы; 13 – резчик; 14-17 – наконечники;
 18, 19 – нуклеусы отщеповые; 20, 21 – струги

ны на отщепах, имеют треугольное, слегка ассиметричное в плане и уплощённо-линзовидное в сечении перо, чётко выраженные плечики и небольшой черешок прямой или подтреугольной формы (илл. 10, 14–17). Длина их 3–5 см, ширина 1,5–2,3 см.

Основой хозяйства обитателей стоянки была охота на крупных зверей, обитавших в долине реки Омолон, дополняемая рыбной ловлей с помощью ловушек или острог. Галечные изделия составляют существенную по весу и объёму часть

орудийного комплекса и свидетельствуют об активной и относительно долговременной хозяйственной деятельности человека на стоянке.

Комплекс стоянки по своим технико-типологическим характеристикам достаточно гомогенный и хорошо сопоставляется с комплексом VII слоя эпонимного памятника ранней ушковской позднепалеолитической культуры на Камчатке, датируемой возрастом 11 300–14 000 С¹⁴ л. н. (Диков, 1979; Слободин, 2010).

Стоянка Омчик II б обнаружена на небольшом перевале (высотой 879 м. над уровнем моря) правых притоков верховий реки Колымы. Стоянка была разрушена проложенной через него дорогой. На небольшом, прилегающем к дороге участке разрушенной территории были собраны находки, представленные кремневыми, халцедоновыми, хрустальными отщепами и целым черешковым наконечником ушковского типа, сделанным из горного хрусталя (илл. 9, 2; 14, 10). Он имеет уплощённо-линзовидное поперечное сечение, обе поверхности наконечника тщательно обработаны мелкими сколами, выделены «свисающие» плечики и расширенный в основании черешок, как это отмечается для некоторых наконечников из VII слоя стоянки Ушки I (Slobodin, 2010).

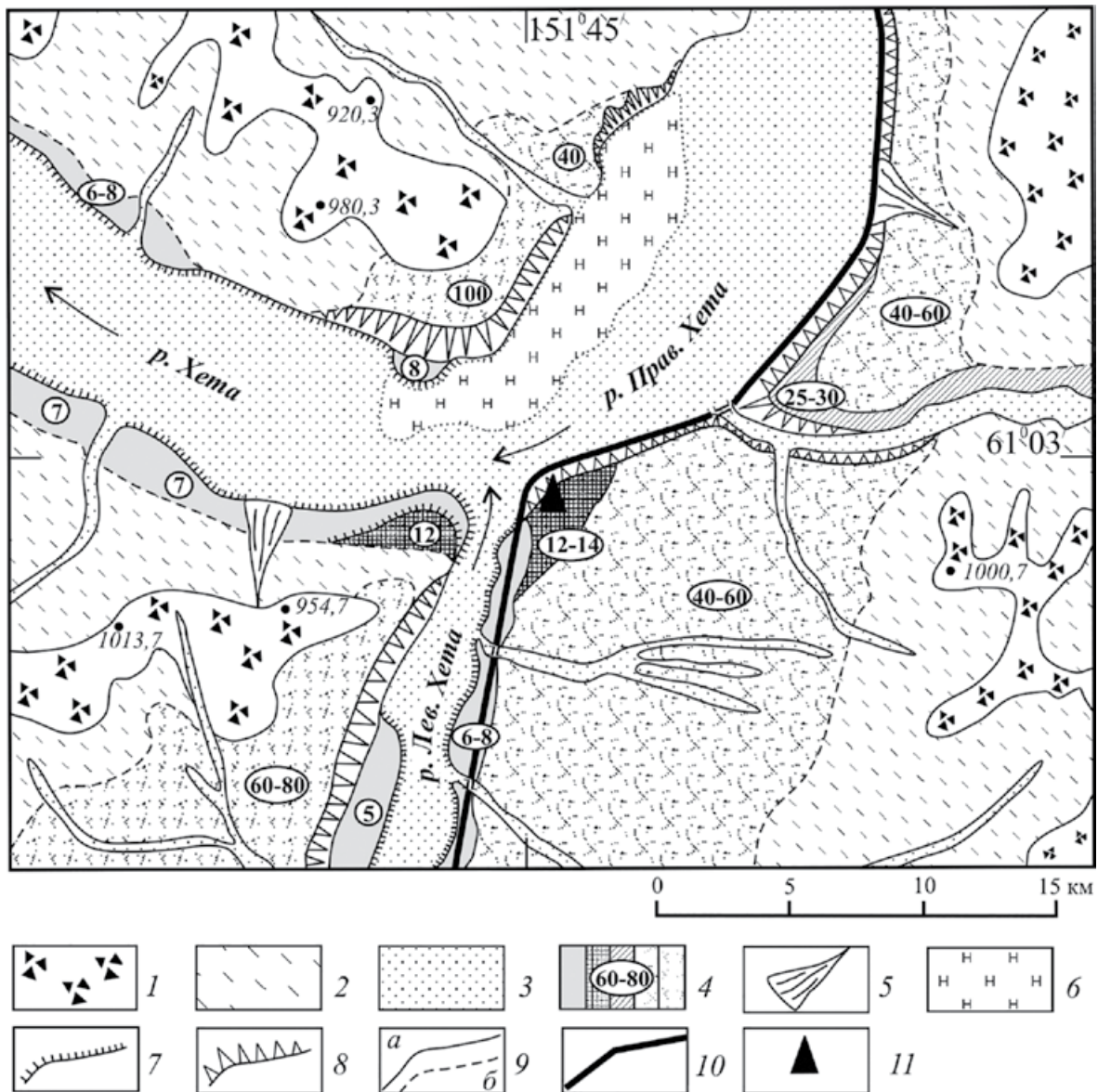
Стоянка Сердык находится в Континентальном Приохотье, на небольшом, вытянутом мысу в долине одноимённой реки — правого притока реки Олы, впадающей в Охотское море (Слободин, 1999). На склоне мыса найдены листовидный и черешковый наконечники, последний — ушковского типа, с «кнопочным» черешком (Диков, 1979. С. 34, рис. 3) и вытянутым жалом (илл. 9, 3). В шурфе на мысу, под прослойкой эликчанского (?) вулканического пепла, имеющего возраст 7600 лет (Ponomareva et al., 2004), найден кремневый отщеп.

Ещё два наконечника, характеризующиеся как «ушковского типа», один с прямым, другой — «кнопочным» черешком, известны со стоянки Бол. Авлондя в Континентальном Приохотье (Воробей, 1993).

Стоянка Хета находится на Охотско-Колымском нагорье, в верховьях реки Хеты (61° 03' с. ш., 151° 46' в. д. абс. выс. 800 м), на цокольной террасе высотой 12–14 м (Слободин, Глушкова, 1992; Слободин и др., 2008) (илл. 1, 3, 5, 11). Стоянка частично разрушена, её изучение показало, что культурные материалы периодов палеолита — неолита залегали по всей толще (мощностью 0,8 м) рыхлых отложений террасы. На сохранившихся участках стоянки установлена её стратиграфия (мощность в см): 1) дёрн — 2–10 см; 2) буро-коричневая супесь — 3–10 см; 3) жёлто-коричневая супесь, насыщенная органикой, включающая линзы и прослойки вулканического пепла — 10–30 см; 4) среднезернистый песок жёлто-коричневого цвета с включением линз жёлтой супеси, гальки и угловатых обломков — 10–20 см; 5) песчано-гравийный галечник — 2–30 см; 6) скала. По химическому составу вулканический пепел из средней части разреза относится к «эликчанскому» типу раннеголоценового возраста. Палеолитические материалами выявлены в основании 3 слоя — в кровле 4 слоя.

Каменный инвентарь нижнего культурного слоя составляет несколько тыс. находок и включает отщепы, микропластинки, нуклеусы, пластины, технические сколы, ножи-бифасы, наконечники стрел, скребки, резцы, подвески (илл. 12, 1–29). Использовалось плитчатое сырьё — кремневые породы, выходы которых имеются на окружающих стоянку сопках, и, в небольшом количестве, халцедон. Все орудия имеют небольшие размеры, что предполагает существовавшую экономию сырья.

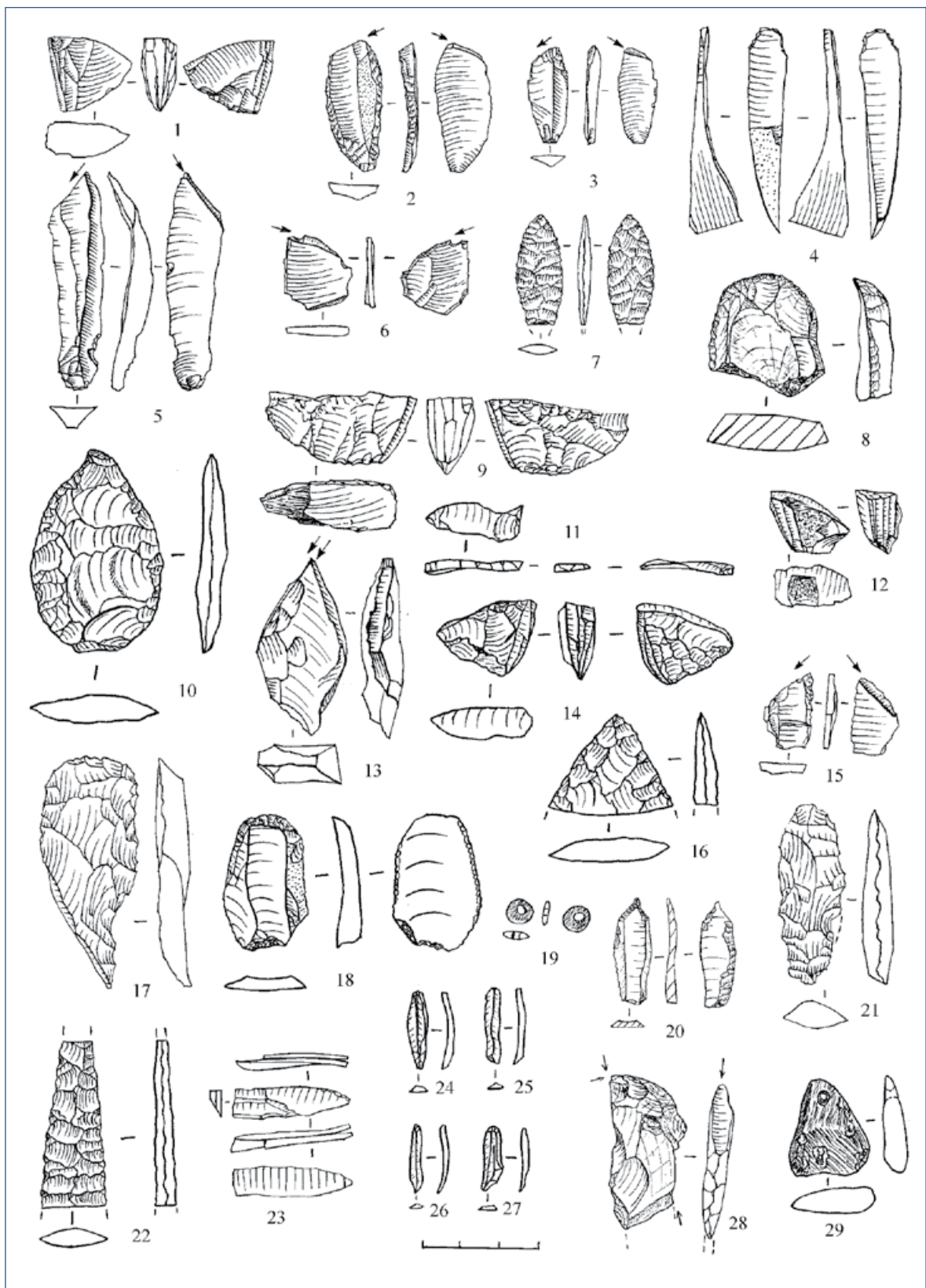
Нуклеусы клиновидного типа выполнены техникой юбетсу, сделаны они на бифасах, имеют киль (илл. 12, 1, 9, 12, 14; 13, 1, 3), отжимные площадки у них оформлялись и подправлялись снятием лыжевидных сколов, несколько из кото-

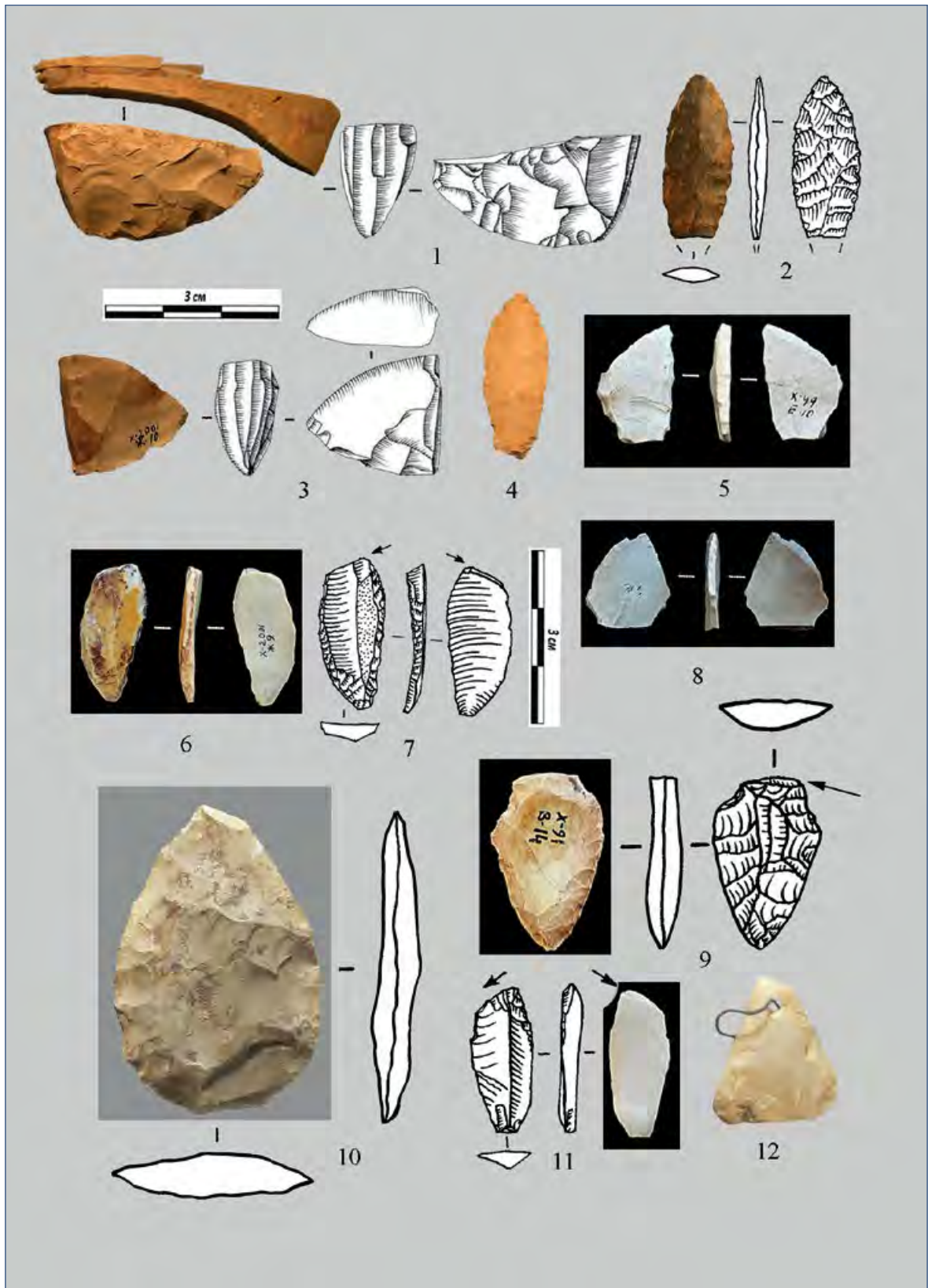
Илл. 11. Геоморфологическая схема района расположения археологического памятника Хета:

I. Денудационный рельеф: 1 – плосковершинные междуречья; 2 – склоны обвально-осыпного сноса и накопления; II. Флювиальный рельеф: 3 – нерасчленённое русло и пойма; 4 – аллювиальные террасы и их высота; III. Прочие объекты: 5 – конусы выноса; 6 – наледы; 7 – уступы аккумулятивных террас; 8 – уступы эрозионных террас; 9 – геоморфологические границы: установленные (а), предполагаемые (б); 10 – автодорога; 11 – археологическая стоянка

рых, апплицирующихся между собой, найдены здесь же (илл. 12, 4, 11, 23; 13, 1). Им по сырью и своим размерам соответствуют микропластинки (илл. 12, 24–27, 14), используемые в качестве вкладышей в костяные и роговые пазовые орудия (ножи и наконечники стрел и копий) (илл. 15). Пластины (илл. 12, 5, 20) скалывали с подпризматических нуклеусов. Бифасы-ножи тонкие, удлинённо-овальной формы (илл. 12, 10, 16, 17, 21; 13, 10). Наконечники стрел и дротиков листовидной формы обработаны уплощающей бифасиальной ретушью (илл. 12, 7, 22; 13, 2, 4). Скребки концевого типа сделаны на пластинах, с частичным ретушированием латералей (илл. 12, 8, 18). Резцы, угловые (илл. 12, 5, 13, 28) и трансверсальные, сделаны на пластинах и отщепах. Трансверсальные резцы классического верхоленского типа ретушированы по латералям и имеют выемку около резцовой кромки (илл. 12, 2, 3, 6, 15; 13, 5–9, 11). Проколка сделана на пластинке с остриём

Илл. 12. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Хета: 1, 9, 12, 14 – клиновидные нуклеусы, 2, 3, 5, 6, 15 – трансверсальные резцы, 4, 11, 23 – лыжевидные сколы, 7, 22 – наконечники, 8, 18 – скребки, 10, 16, 17, 21 – бифасы, 13, 28 – комбинированные резцы, 24–27 – микропластинки, 19, 29 – украшения, 20 – проколка

Илл. 13. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Хета:
 1, 3 – клиновидные нуклеусы с лыжевидными сколами подправки отжимных площадок;
 2, 4 – наконечники; 5–9, 11 – трансверсальные резцы; 10 – бифас; 12 – подвеска

на дистальном конце (илл. 12, 20). Украшения сделаны из агальматолита и представляют собой небольшие отшлифованные бусинки с биконическим отверстием и одну крупную, подтреугольной формы, подвеску (илл. 12, 19, 29; 13, 12).

Технико-типологические характеристики материалов стоянки Хета позволяют отнести её к селемджинско-дюктайско-ушковской (Деревянко и др., 1998. С. 76), и дальневосточной устиновской (Васильевский и др., 1989) позднепалеолитическим традициям. Эти корреляции позволяют датировать нижний комплекс стоянки Хета поздним этапом верхнего палеолита (18–16 – 12 тыс. лет).

Стоянка Дручак-Ветренный (илл. 1, 3) находится на южном, Охотоморском, склоне центральной части Охотско-Колымского водораздела в верховьях р. Гижиги (63° 01' с. ш., 159° 57' в.д., абс. выс. 420 м) (Воробей, 1996 а).

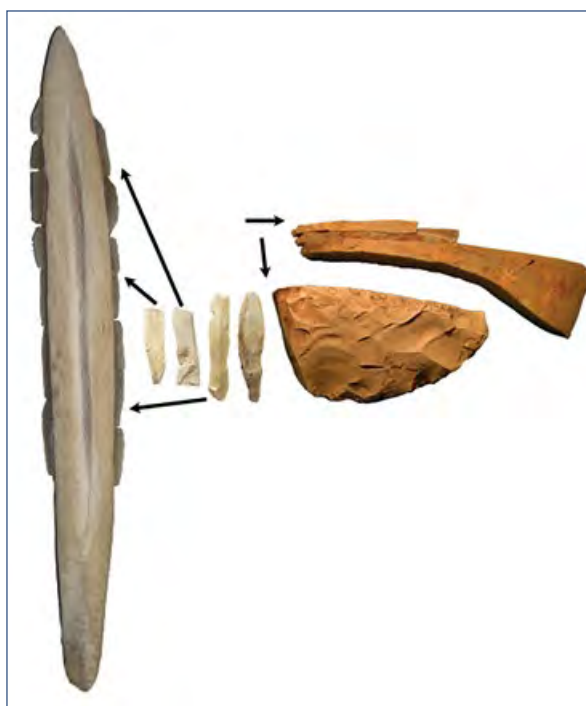
Илл. 14. Каменные изделия со стоянки Дручак-Ветренный (1–7), Магадавен (8) и Омчак II (9–11) (1–7 приводится по: Воробей, 1996)

Стоянка приурочена к цокольной 23 террасе правого борта р. Дручак. Культурные остатки заключены в криогенно деформированной толще покровных супесей на гл. от 2 до 60 см при общей мощности аллювия от 0,1 до 1,6 м. Раскопки на площади 80 м кв. выявили около 25 000 артефактов, включая около 1000 орудий из ороговиковых пород. Отмечаются находки в слое «мелких костных фрагментов», но их связь с артефактами не очевидна.

Первичное расщепление представлено крупными ядрищами (для снятия макро- и мезопластинчатых сколов, длиной до 19 см, с выпуклых и уплощённых поверхностей), и клиновидными микронуклеусами, выполненными в технике юбецу (илл. 14, 3). Ремонтаж нуклеусов с лыжевидными сколами (илл. 14, 3) и значительное количество микропластинок указывают, что изготавливались и использовались они на стоянке. Орудия представлены трансверсальными резцами верхоленского типа (илл. 14, 4, 5), резчиками, выемчатыми орудиями, проколками, скребками и скрёблами (концевых на пластинах и боковых) (илл. 14, 6, 7), бифасами — топором (илл. 14, 1), теслом, заготовками нуклеусов, двумя листовидными наконечниками (илл. 14, 2), киркой и галечными чопперами.

Жилищных или хозяйственных комплексов на стоянке, из-за сильной криотурбации слоя, не выявлено. Древесный уголь из верхнего горизонта супеси дал даты 7790 ± 250 л. н. (Ле-4711), 5120 ± 180 л. н. (Ле-4712), что отражает не возраст культурного слоя, а происходившие на стоянке криотурбационные процессы, приведшие к проникновению «молодого» угля в слой (Воробей, 1996 а). На основе анализа материалов предположено, что появление в Северном Приохотье индустрии стоянки Дручак произошло не позже 13–14 тыс. л. н. (Слободин, 1999, 2000). Морфологические элементы дручакской индустрии сопоставимы с индустриями средней поры позднего палеолита Сибири, Дальнего Востока и Прибайкалья возрастом 15–11 тыс. л. (Vorobei, 2003; Воробей, 2010; 2011).

Многочисленность и разнообразие артефактов говорит о функционировании стоянки в летне-осеннее время, когда были доступны источники каменного

Илл. 15. Использование микропластинок в качестве вкладышей костяных пазовых орудий (костяная основа – реплика)

сырья, и была возможна заготовка лососевых рыб, поднимающихся по реке из Охотского моря в район стоянки. Ландшафт района стоянки не даёт возможности организации в долине реки загонной охоты на оленей, поэтому предполагается существование индивидуальной охоты (Воробей, 1996 а).

Стоянка Омчик II а обнаружена на небольшом перевале (высотой 879 м над уровнем моря) правых притоков верховий реки Колымы, в 50 м от стоянки Омчик II б (илл. 1, 3). Стоянка была разрушена при строительстве проходящей рядом дороги. На её разрушенной поверхности были найдены кремневые и халцедоновые отщепы, несколько орудий и бифронтальный клиновидный нуклеус (илл. 9, 9; 14, 9).

Он сильно сработан, сделан на плоской бифасиальной заготовке из кремня, с выраженным килем и двумя фронтами на узких торцах. Угол схождения отжимной площадки и фронта больше 90%. Отжимная площадка нуклеуса подживлялась короткими сколами с обоих фронтов.

На Камчатке бифронтальные клиновидные нуклеусы широко представлены в слое VI стоянки Ушки I (Диков, 1979), на Чукотке — на стоянке Курупка I (Диков, 1993). Это позволяет замкнуть цепь распространения бифронтальных клиновидных нуклеусов от Приморья до Чукотки и Аляски и позволяет провести определённое районирование всей зоны распространения такого типа клиновидных нуклеусов в Берингии.

В Якутию этот тип клиновидных нуклеусов не распространился, они неизвестны на стоянках дюктайской культуры (Мочанов, 1977), что свидетельствует о более существенном влиянии на Камчатку, Колыму и Чукотку традиций Дальневосточного и Приамурского финального палеолита, а не дюктайской культуры. С Верхней Колымы, Камчатки технологические традиции бифронтальных клиновидных нуклеусов распространились на Чукотку и дальше, на Аляску, что позволяет говорить о существовании в Берингии миграции населения, а не просто сходного в этих регионах развития технологии обработки камня.

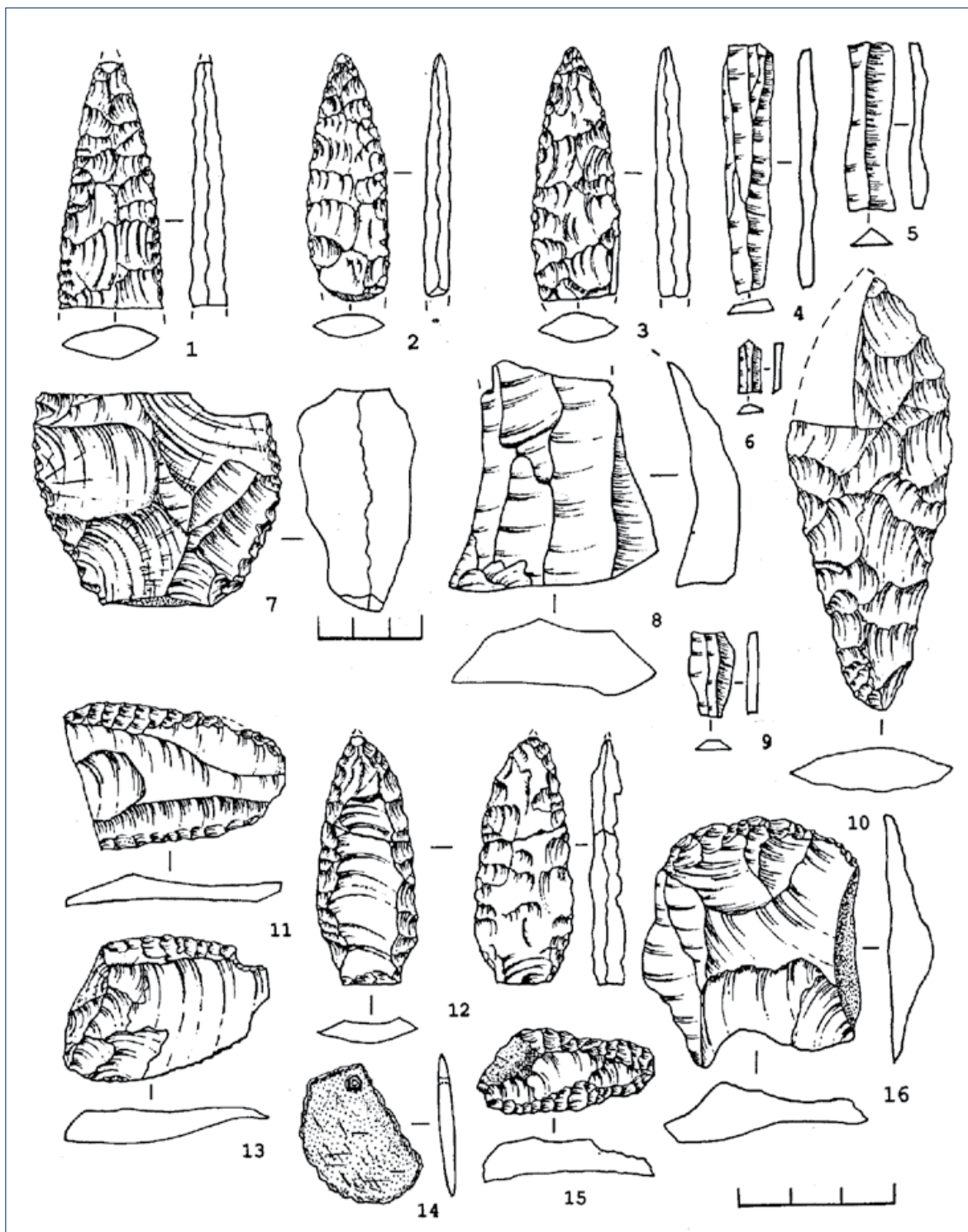
В шурфе, на небольшом участке неразрушенной поверхности стоянки, в маломощном слое рыхлых отложений, залежавших на скальной основе перевала, был найден кремневый клиновидный нуклеус на плоском бифасе с очень узким фронтом на его торце (илл. 14, 11).

Стоянка Уптар находится в долине реки Уптар (бассейн р. Хасын), в 45 км от побережья Охотского моря (59° 53' 57" с. ш., 150° 43' 06" в. д., абс. выс. 144 м) (илл. 1, 3). Она приурочена ко второй надпойменной террасе высотой 4–6 м. Поверхность террасы ровная, хорошо задернованная, поросшая лиственницей и кедровым стлаником (Слободин, 1999).

Исследования на площади около 50 кв. м. показали, что находки залежали на глубине 8–35 см в отложениях рыжей супеси, под слоем прослойки эликчанского вулканического пепла (тефры), выпавшего 7600 С¹⁴ лет назад (Ропомарева et al., 2004), перекрытого сверху маломощным слоем серой супеси и дёрном (Слободин, Кинг, 1996).

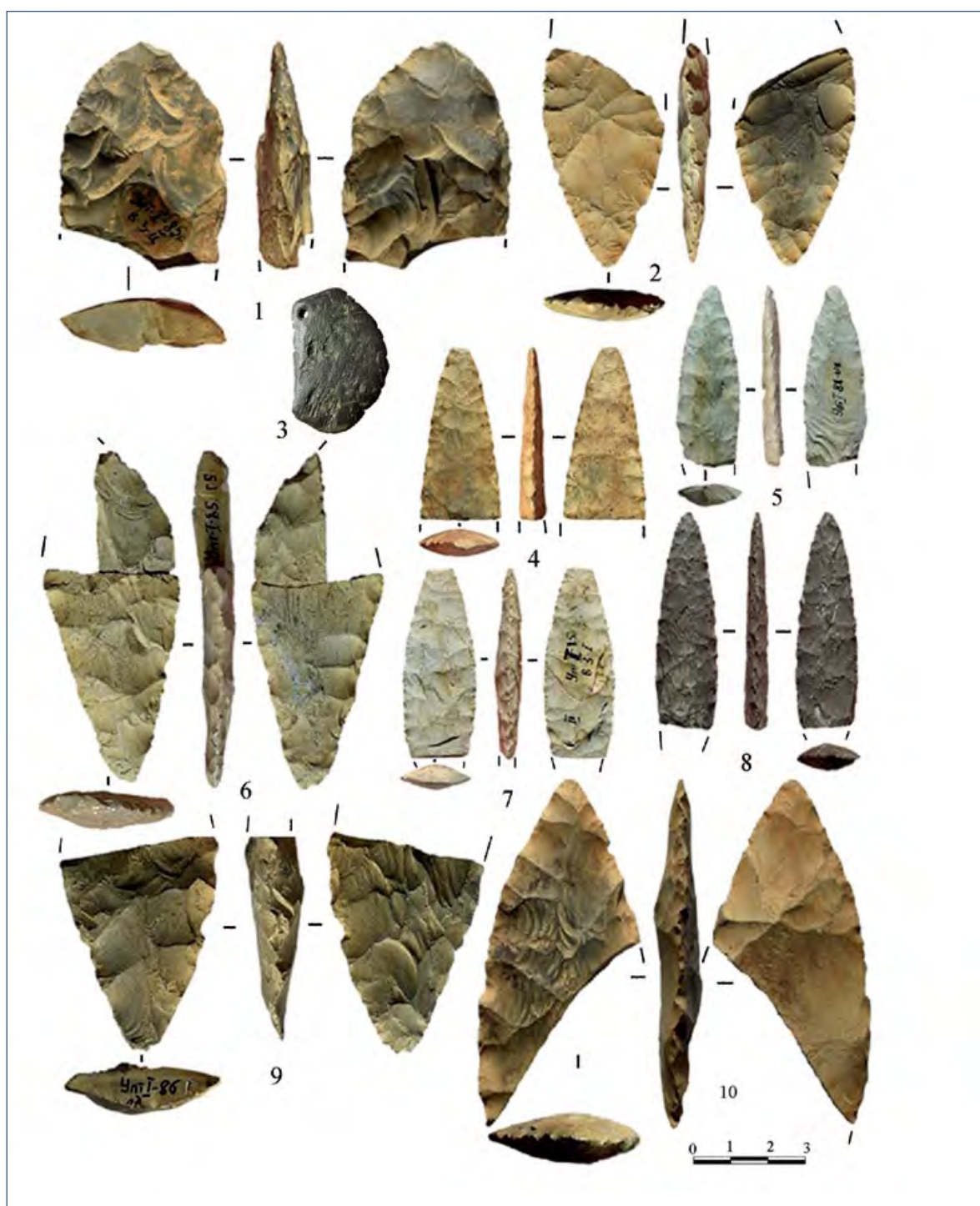
В основании террасы находится грубослоистый галечник с песчано-гравийным заполнителем. С¹⁴ дата 8260 ± 330 (MAG-1262) получена по уголькам из слоя, перекрывающего находки. Патины на их поверхности, следы эоловой корразии указывают, что находки, до того как они были погребены пеплом, продолжительное время пролежали на поверхности террасы и могут иметь позднеплейстоценовый возраст.

Всего найдено несколько тыс. отщепов, 45 орудий, сколы с фронта подпризматических нуклеусов (илл. 16, 8), пластинки и подвеска (илл. 16. 1–16; 17 1–10).

Илл. 16. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Уптар: 1-3, 10, 12 – наконечники; 4-6, 9 – микропластинки; 7 – рубящее орудие; 11, 13, 15, 16 – скребки; 14 – подвеска

Все сделаны из местного сырья — туффита и кремнистых пород. Большая часть орудий (до 85%), составляющих Уптарский комплекс, представлена бифасиально обработанными ножами овальной формы (илл. 17, 1), листовидными наконечниками стрел (?) и дротиков (илл. 16, 1, 2, 3; 17, 4, 5, 7, 8) и наконечниками копий, в том числе, с зауженным насадом (илл. 16, 10; 17, 4, 6, 9, 10). У одного из наконечников на одной из его широких поверхностей нанесен, от основания до острия, длинный продольный скол, характерный для палеоиндейских нако-

Илл. 17. Каменные орудия палеолитического комплекса стоянки Уптар: 1 – нож-бифас; 2, 6, 9, 10 – наконечники копий, дротиков; 4, 5, 7, 8 – наконечники стрел

наконечников Северной Америки (King, Slobodin, 1996) (илл. 9, 1; 16, 12). Скребки (до 10%) концевые и боковые типов (илл. 16, 11, 13, 15, 16). Резчик сделан на отщепе из яшмоида. Заготовками для них служили крупные отщепы. Рубящие орудия представлены оббитыми по краю гальками и топовидным бифасиально обработанным изделием (илл. 16, 7). Микропластинчатые сколы (микропластинки?) единичны (илл. 16, 4, 5, 6, 9), каких-либо микроядрищ (призматических или клиновидных) в комплексе нет. Отшлифованная подвеска из сланцевой пластинки имеет отверстие и серию насечек по краю (илл. 16, 14; 17, 3). Обитатели

стоянки Уптар могли заниматься охотой на лосей и оленей в долине реки и ловлей лососевых во время нереста.

Четких аналогий с известными культурами Северо-Востока Азии комплекс не имеет. Отмечается сходство уптарских наконечников, имеющих зауженный насад, с подобными орудиями в комплексах осиповской палеолитической культуры на Амуре (Слободин, 1999).

Стоянка Сибердик расположена в устье реки Детрин на Верхней Колыме ($61^{\circ} 26' 06''$ с. ш., $149^{\circ} 24' 02''$ в. д., абс. выс. 420 м), на приустьевой террасе высотой 14 м (Диков, 1977; 1979) (илл. 1, 3). Терраса сложена глинистыми сланцами, перекрытыми трёхметровой толщей покровных отложений, в верхней пачке которых выявлены культурные материалы. Фиксируется несколько культурных слоёв, нижний из которых (III) расположен на гл. 0,8–1,0 м в оторфованных, частично смытых и разветвленных супесчаных отложениях.

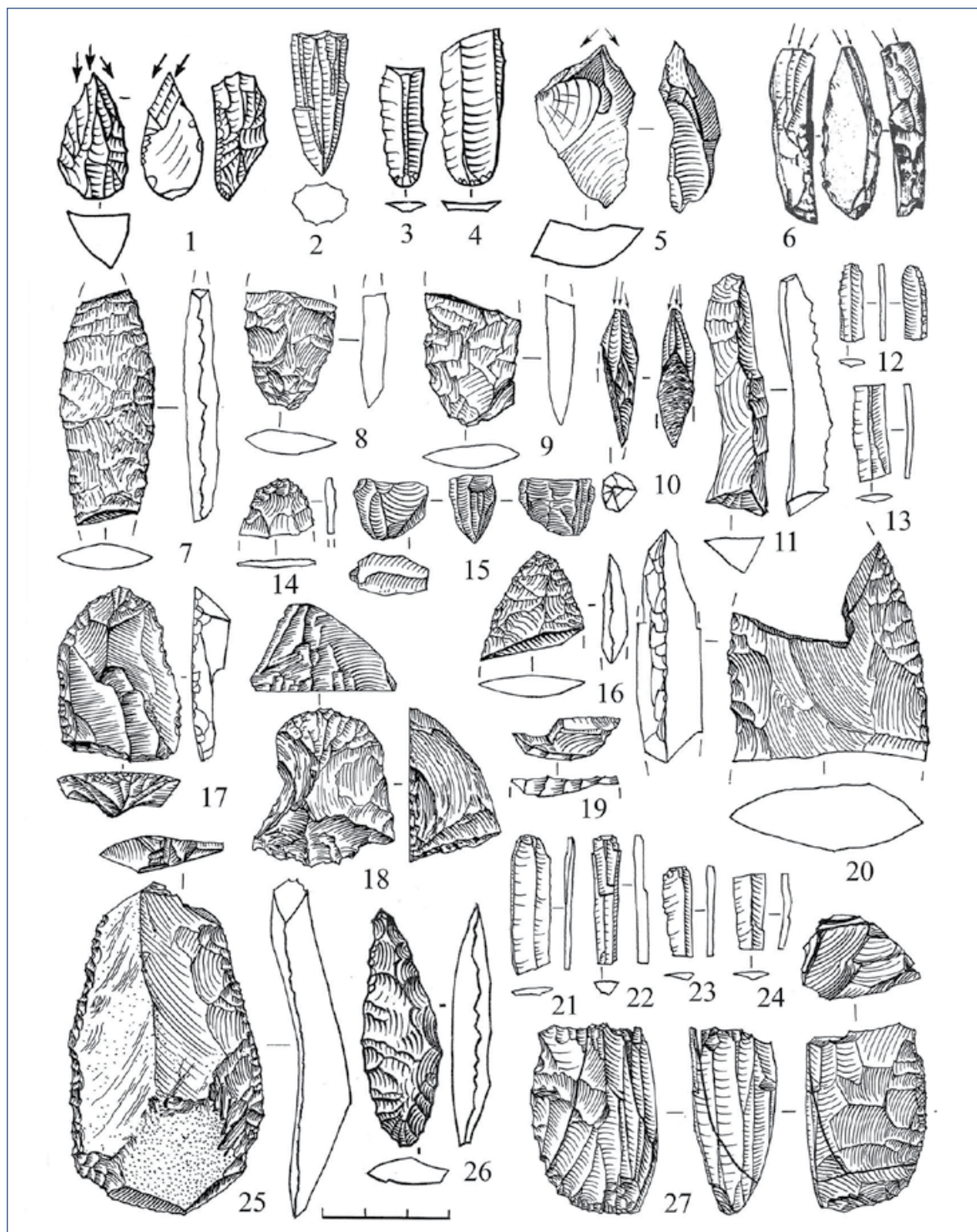
В слое III на площади 800 м² раскопаны производственные и хозяйственные комплексы с очагами, орудиями и остатками костей плохой сохранности (зубы, рога, лопатки) травоядных животных (Диков, 1977). В центре раскопа выделен «ритуальный комплекс» с очагом и расположенными вокруг него находками каменных орудий, обломками костей. Одно из скоплений костей плохой сохранности, которое «сопровождалось пятнами красной охры», своим расположением дало основание предположить, что они являются «остатками погребения человека» (Диков, 1977. С. 218). Специальные исследования костей не проводились, за исключением зубов, которые, по определению Н. К. Верещагина, принадлежат лошади (Диков, 1977). Наличие зубов лошади в III слое стоянки на Колыме противоречит данным, что этот вид вымер в конце плейстоцена, хотя не исключено, что на стоянку были принесены древние зубы. В Якутии, как отмечается, не найдено ни одной кости лошади на археологических стоянках голоценового времени (Мочанов, 1977).

По углю из слоя получены C^{14} даты 7865 ± 310 (МАГ–184), 8020 ± 80 (Крил–250), 8130 ± 100 (МАГ–606), 8480 ± 200 (Крил–249), что позволяет отнести его к бореальному или самому концу предбореального периода голоцена. Палинологические данные стоянки позволили заключить, что в долине р. Детрин в это период господствовал лиственный лес, распространена берёза, в поймах рек произрастали тополь и *Chosenia*, существовали галерейные леса (Ложкин, 2008). По заключению А. В. Ложкина (2008), дата 13225 ± 230 (МАГ–916) не согласуется с палинологическими данными и другими C^{14} датами, полученными из слоя, и может быть исключена.

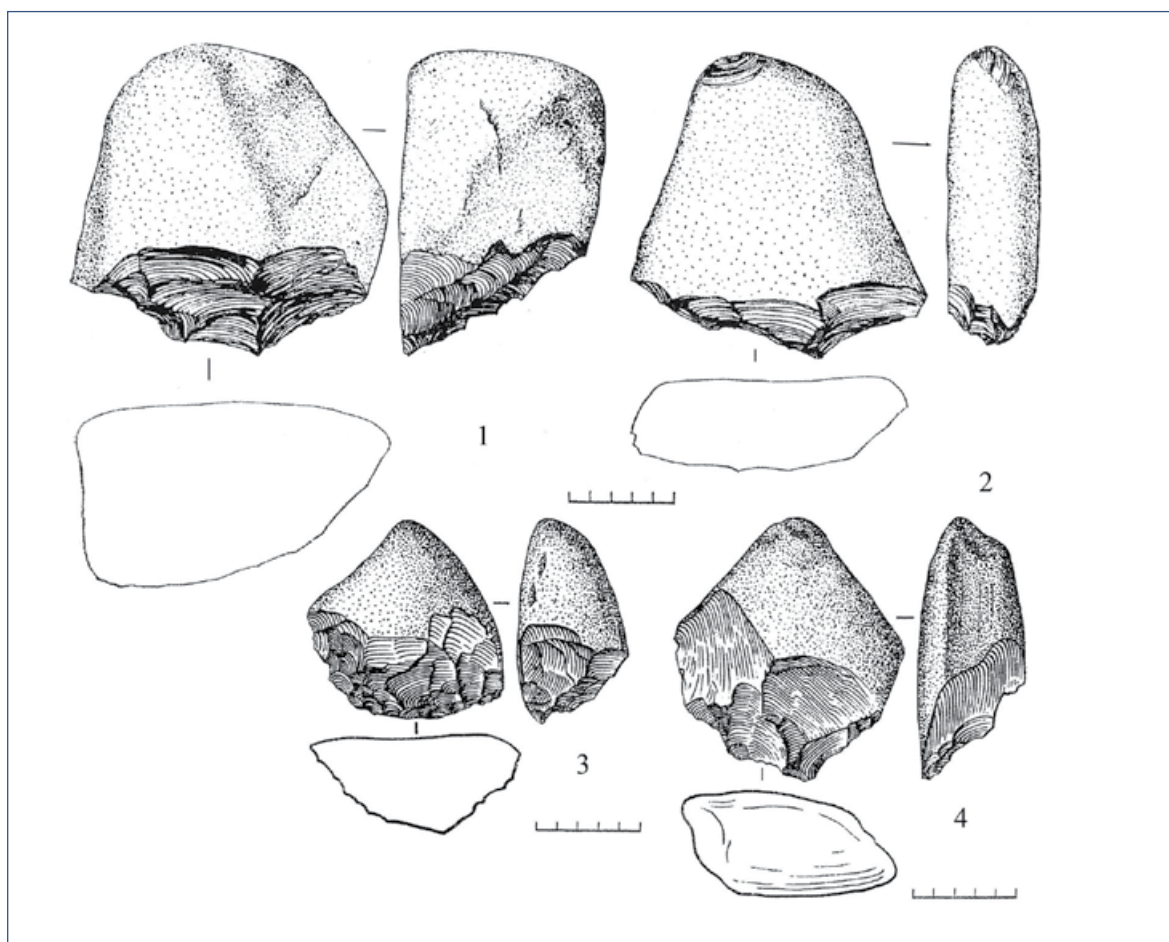
Позднее полученная дата 9700 ± 500 (МАГ–1019) из III слоя стоянки Сибердик (Ложкин, Трумпе, 1990), в соответствии с которой он стал «самым ранним этапом» сибердиковской культуры, была оставлена Н. Н. Диковым без комментариев в обзоре «От палеолита к неолиту на Колыме» (Диков, 1996), хотя это упорядочило бы, в соответствии с его же взглядами, логику развития культур на СВ Азии от палеолитических с клиновидными нуклеусами к мезолитическим с коническими нуклеусами (Диков, 1979. С. 87, 88).

Комплекс орудий из III слоя немногочислен. Он включает галечные орудия (чопперы, струги) (илл. 19, 1, 2), скрёбла, концевые и боковые скребки (илл. 18, 17, 19, 25), ножи-бифасы овальной формы (илл. 18, 20), бифасиально обработанные наконечники листовидной формы (илл. 18, 7–9), фрагмент полиэдрического резца (илл. 18, 10), ретушированные по краю пластинчатые отщепы (илл. 18, 7, 25). Основной формой заготовок для орудий были отщепы, реже пластинчатые отщепы. Микропластинчатое расщепление представлено ножевидными пластин-

ками (илл. 18, 12, 13, 21–24), некоторые из которых ретушированы по краю и клиновидным микронуклеусом (илл. 18, 15), который, по мнению Н. Н. Дикова (1979), придаёт комплексу «палеолитический характер». Наконечники с округлым основанием, линзовидным сечением. Доминируют в орудийном комплексе галечные изделия (чопперы, струги) и скребки. На некоторых производственных площадках представлены только чопперы, наковальни и отщепы.

Илл. 18. Каменный инвентарь со стоянок сиберидовской традиции: 1–5, 26 – Конго; 7–25, 27 – Сибердик. Для сравнения: № 6 – резец со стоянки Усть-Тимптон, сл. IV (№№ 1, 3, 4, 7–14, 16–25 – рис. по коллекции (художник Коршкова Л. Н.); № 2, 5, 15, 26 приводится по: Диков, 1979, 1977 (в «Диков, 1979» №№ 1, 3, 4 даны в зеркальной проекции); № 6 – приводится по: Мочанов, 1977, табл. 59. 7

Илл. 19. Орудия (чопперы) со стоянок: 1, 2 – *Сибердик* (III сл.); 3, 4 – *Конго* (II сл).
 Рис. 1–4 приводится по: Диков, 1979

Характер находок, очаги и площадь распространения материалов указывают, что стоянка *Сибердик* была долговременным, вероятнее всего, сезонным поселением охотников с наземными жилищами, типа чума. Объектами охоты *сибердиковцев* были (по костным останкам) лошади (?), олени (Диков, 1979), вероятно, лоси. Расположение стоянки в долине *Колымы* позволяет предположить занятие рыболовством.

Как единый культурный комплекс со стоянкой *Сибердик* Н. Н. Диков (1979) рассматривает и материалы **стоянки Конго**, расположенной в 47 км от неё, ниже по течению р. *Колымы*, в устье одноимённого ручья. На основе орудийных комплексов III слоя стоянки *Сибердик*, нижнего и верхнего слоёв стоянки *Конго* Н. Н. Диков (1979) выделил *колымскую сибердиковскую культуру* раннеголоценового возраста.

На стоянке выделено два культурных слоя – нижний (II), как самый ранний этап *сибердиковской культуры*, и верхний (I), аналогичный III слою стоянки *Сибердик*, определённый как второй этап этой культуры. Нижний (II) слой включает галечные изделия в виде чопперов (илл. 19, 3, 4), ножевидные пластинки, конический нуклеус, небольшое изделие ладьевидной формы, ретушированные по краю ножевидные пластинки и боковые резцы на массивных пластинчатых отщепках (Диков, 1977, 1979) (илл. 18, 1–5). Для нижнего слоя стоянки *Конго* была получена радиоуглеродная дата 9470 ± 530 (Крил–314).

Более поздний, верхний (I) культурный слой, датированный временем 8655 ± 220 (МАГ–196), 8080 ± 500 (МАГ–406), содержал чопперы, ножевидные

пластины и двусторонне ретушированные наконечники стрел (Диков, 1977, 1979) (илл. 18, 26).

Основываясь на датировках и ряде технико-типологических характеристик (наличию клиновидного нуклеуса, чопперов, датировках), сибердиковская культура была отнесена Н. Н. Диковым (1979) к *«реликтовому (голоценовому) палеолиту, переходящему, вместе с отмиранием техники клиновидных нуклеусов на позднем, третьем этапе сибердиковской культуры в очень слабо пока выраженный мезолит, а может быть, и непосредственно в неолит»*, представленный II слоем стоянки Сибердик.

Гомогенность комплекса III слоя стоянки Сибердик, по ряду признаков, была поставлена под сомнение (Слободин, 1999; Хлобыстин, 1996). В частности, между орудийными комплексами III слоя и неолитического слоя II стоянки имеется большое количество сходных черт. Также наблюдается определённая культурная инверсия, когда на раннем этапе сибердиковской культуры, представленном нижним слоем стоянки Конго с датой 9470 С¹⁴ л. н., микронуклеусы не клиновидные, что присуще палеолиту, а уже конического типа (Диков, 1979) (илл. 18, 2), характеризующие, по определению Н. Н. Дикова (1979), мезолит. Также в комплексе первого этапа этой культуры описан односторонне выпуклый полиэдрический резец ладьевидной формы (илл. 18, 1). Такой же (илл. 18, 6) известен в IV сумнагинском мезолитическом слое стоянки Усть-Тимптон с датой 7000 ± 90 (ЛЕ-895) — 9000 ± 100 (ЛЕ-832) (Мочанов, 1977. С. 152, 159, 165). Поэтому, вероятно, отмечается, что сибердиковская индустрия *«включает и ряд сумнагинских элементов...»* (Воробей, 1996), а в некоторых случаях даже прослеживаются неолитические черты (Слободин, 1999), поскольку такие же резцы известны и на неолитических стоянках Охотско-Колымского нагорья (Хуренджа VII) и Оханджийского археологического района (Момонтай I) (Слободин, 2001).

Классический полиэдрический резец (его верхняя часть), характерный для неолитических комплексов СВ Азии (Диков, 1878; Слободин, 2001; Питулько, 2004; Кирьяк, 1993; 2005), с обработанной по всему периметру головкой, представлен и в нижнем (III) культурном слое стоянки Сибердик (Диков, 1979; 1996).

К третьему этапу отнесён II слой стоянки Сибердик с датой 6300 ± 170 л. н. (Крил-248), включающий микропластинки, конический нуклеус, бифасиальные наконечники листовидной формы, скребки концевые на пластинчатых отщепах, галечные скрёбла, «пластинчатые» ножи, резцы на отщепах и чопперы (Диков, 1979). Проведённый нами анализ коллекции находок позволил выполнить для этого слоя ремонтаж клиновидного нуклеуса (илл. 18, 27), фрагменты которого были описаны как «уплощенно-конический нуклеус» (Диков, 1979. С. 96, рис. 33 б, 5). Всё это осложняет восприятие отложений стоянок Сибердик и Конго как *«...совершенно изолированных несмешанных культурных слоев с характерными культурными комплексами, ... <служащих> ...надежной опорой для хронологической привязки к ним других культурных остатков»* (Диков, 1977. С. 238).

Ещё меньше оснований рассматривать в ряду мезолитических (в качестве заключительного этапа сибердиковской культуры), как это предложено (Диков, 1979. С. 100–104), стоянку Малтан с пока не получившей своего объяснения и подтверждения датой 7490 ± 70 (МАГ-183). Изучение коллекции стоянки (Слободин, 1999) позволило обнаружить следы шлифовки поверхности плоских сланцевых наконечников этого комплекса, что чётко указывает на их поздненеолитический возраст. Присутствие в комплексе конических нуклеусов и фрагментов бифасиальных орудий (Диков, 1979) ясности, в вопрос о его возрасте, не добавляют. Было несколько поспешно считать его *«наиболее хорошо*

исследованным» мезолитическим комплексом «на юге региона» (Орехов, 1996). Более глубокий анализ «малтанского комплекса» приводит к заключению о его несоответствии мезолитическим критериям СВ Азии (Воробей, 1996; Слободин, 1996; 1999; Питулько, 2004). Со временем понимание этого становится очевидным фактом и принимается как status quo (Орехов, 2022). Но при этом механическое перемещение орудийного комплекса, ранее объединённого Н. Н. Диковым в «ранний комплекс малтанской культуры», в ранний неолит СВ Азии, и с той же (7490 ± 7014 С л. н.) датой, как это предлагает А. А. Орехов (2022. С. 47), является очевидной ошибкой.

В. А. Кашин (2003), анализируя стоянку Сибердик, по этому поводу заключает, что «палеолитический облик» отдельных изделий еще не гарантировал действительно палеолитического их возраста». Генезис сибердиковской культуры, объединяющей в себе черты палеолита, мезолита и неолита Северо-Востока Азии, остаётся неясным.

МЕЗОЛИТ

В мезолите Колымы выделяются сумнагинская и уолбинская культуры (традиции). Они распространены по большой территории Северо-Востока Азии, от Якутии до Чукотского полуострова.

Сумнагинская традиция

Из всех известных в бассейне реки Колымы сумнагинских памятников, только стоянки с Верхней Колымы — Буюнда III, Уртычук IV, Хуренджа (Азамат), Бурхала и Запятая (нижний комплекс) представлены стратифицированными, однокомпонентными комплексами, датированными по С¹⁴ (илл. 1, 3). Первые три расположены на Колымском нагорье, в истоках правых притоков Колымы, две остальные — в долине Колымы.

Стоянка Буюнда III расположена на Охотско-Колымском водоразделе, во внутригорной впадине в верховьях р. Буюнды (бассейн р. Колымы) ($60^{\circ} 53' 15.34''$ с. ш., $153^{\circ} 21' 00.2''$ в. д., абс. выс. 830 м) (Слободин, 1999) (илл. 1, 3).

Стоянка приурочена к террасе высотой 5–6 м, на левобережье р. Буюнды (илл. 21). В современном рельефе сохранился лишь незначительный фрагмент террасы этого уровня. Река с постоянно меняющим направление руслом отделила террасу от склона. В результате возник останец, сложенный косослоистым аллювиальным галечником. Поверхность террасы слабо волнистая, задернованная, поросшая кустами кедрового стланика, лиственницей и ягелем. Культурный слой не нарушен, кроме наличия нескольких кротовин. Находки залежали в отложениях террасы на глубине 20–60 см.

Стратиграфия стоянки: 1. 0,0–0,18 м — почвенно-растительный слой; 2. 0,18–0,60 м — серая супесь с прослоями песка и гравия. В верхней и нижней частях горизонта углистые прослои. Слой включает каменные орудия, очаг; 3. 0,60–0,70 м — плотная рыжая супесь с включением гравия и гальки; 4. 0,70–1,20 м — серый галечник в песчаном заполнителе, до глубины 0,7 м идёт пойменная фация аллювия, ниже — русловая (илл. 22).

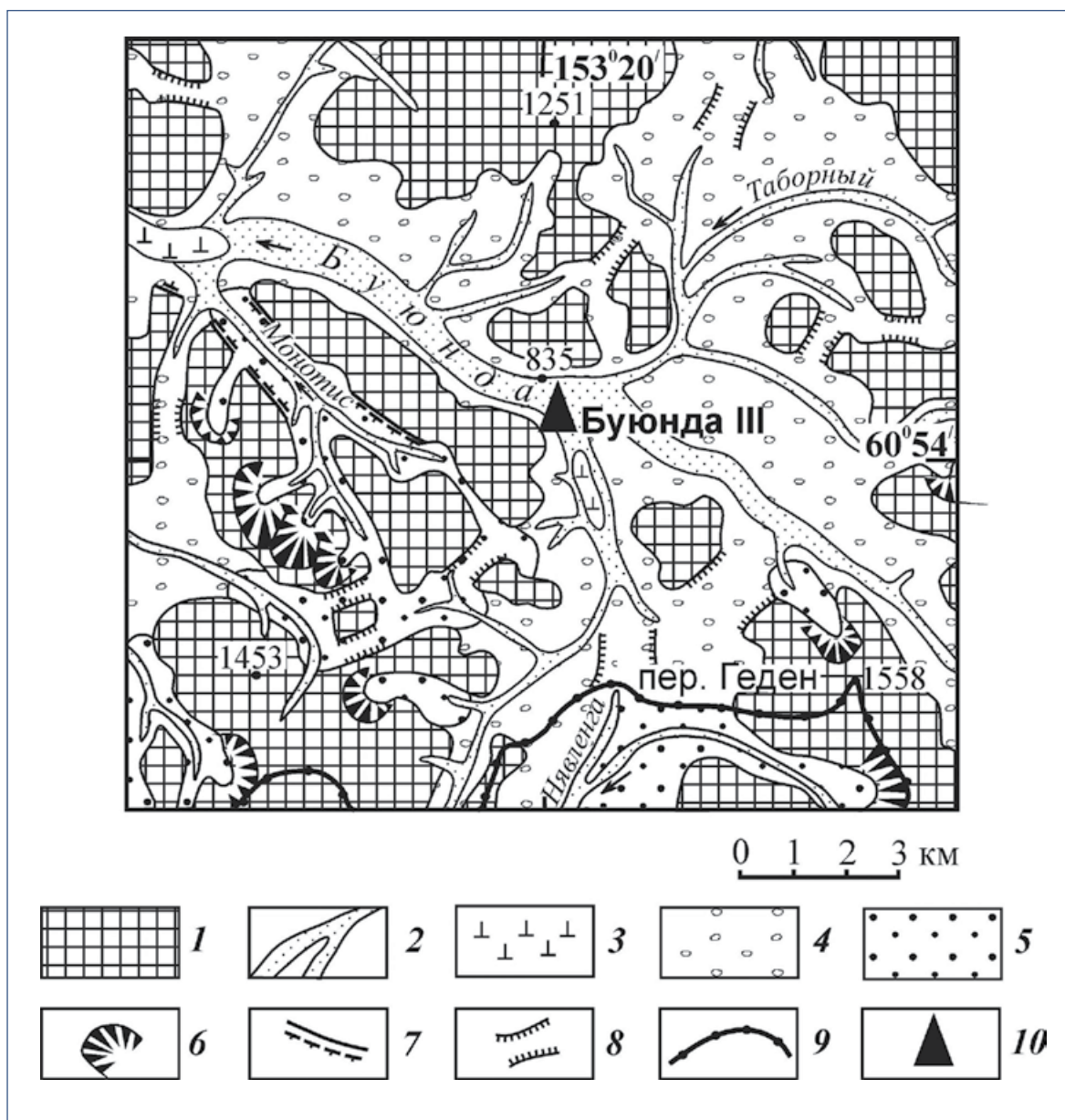
В раскопе выявлен очаг округлой формы, диаметром около 1 м, сложенный из двух десятков речных галек, с мощным слоем углистости (илл. 22). Вокруг него, на расстоянии около 2 м в радиусе, распространялись находки, концентрация

Илл. 20. Каменный инвентарь со стоянок сумгагинской традиции в бассейне р. Колымы: № 1, 4, 5, 10–12, 15, 17, 22–27, 30 – Бурхала; № 2, 7, 8, 13, 16, 20 – Уртычук IV; № 3, 9, 21, 28, 29 – Буюнда; № 6, 14, 18, 19 – Омсукчан III. (№ 1, 2, 6–9, 19 – нуклеусы, 3 – рубящее орудие, 4, 5, 21 – угловые резцы, 10, 12, 22–27 – вкладыши – ретушированные микропластинки, 11 – стамеска, 13, 28 – сколы подправки отжимной площадки нуклеуса (core tablet), 14–16 – концевые скребки, 17 – тесловидное орудие, 18, 29 – ножевидные пластинки, 20 – ребристый скол, 30 – макропластина)

которых, по мере удаления от очага, уменьшается. Находки из очага имеют на своей поверхности следы нагара, копоти и отпечатков травы.

По древесному углю из очага получены даты: 7510 ± 205 л. н. (GX-17065); 7790 ± 190 л. н. (LE-3991); 8135 ± 220 л. н. (GX-17064). По нагару на ножевидной пластинке из очага получена AMS-дата 7620 ± 75 (ETH-17512). Возраст стоянки не моложе конца бореального периода голоцена. В очаге, в слое мощной углистости, был найден обгорелый крупный фрагмент коры берёзы и ножевидная пластинка с нагаром, на котором сохранился отпечаток растения, предположительно, по определению д.б.н. Головневой Л. Б. (Ботанический институт, Санкт-Петербург), семейства *Poaceae* (злаковые) или *Cyperaceae* (осоковые).

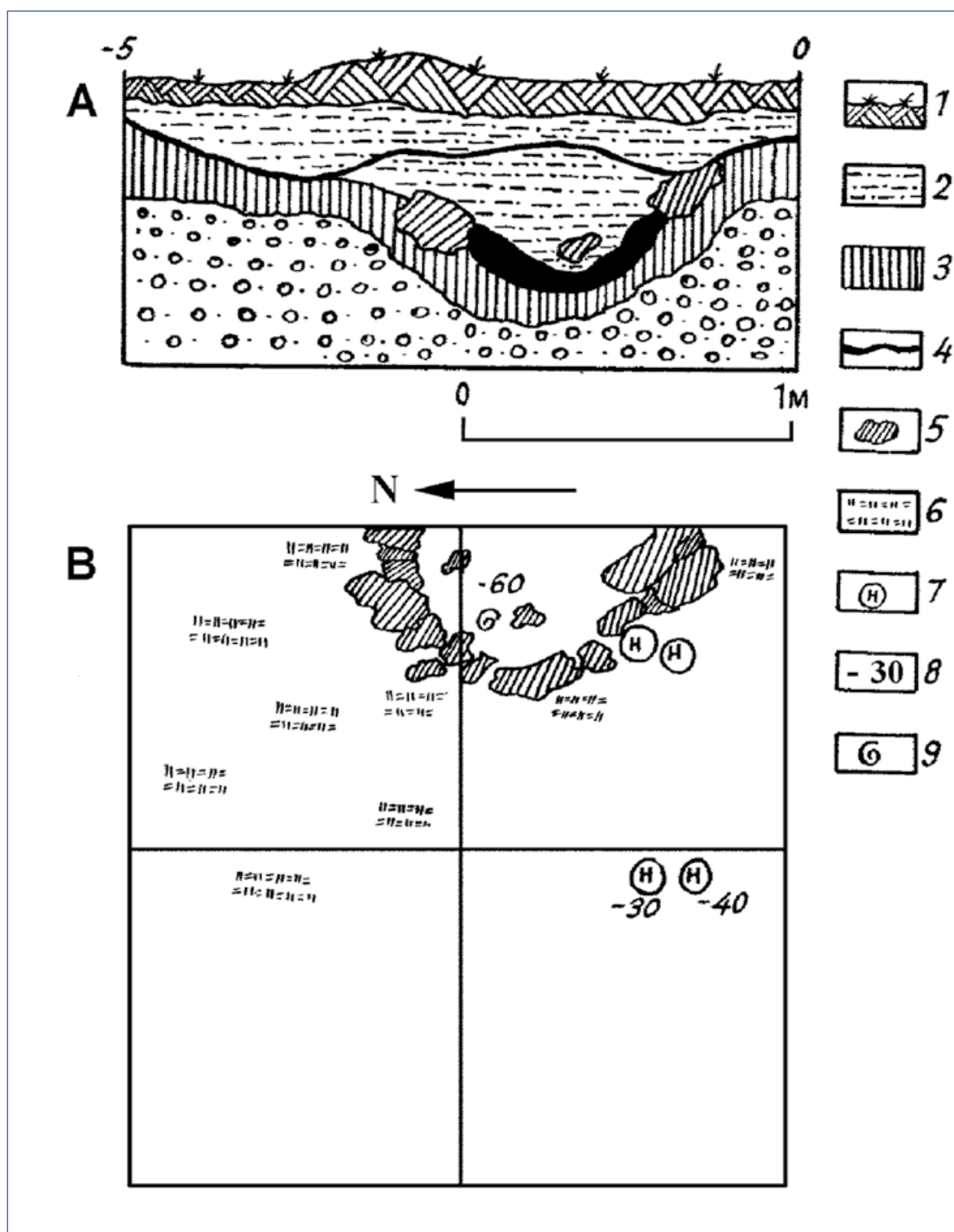

Илл. 21. Схема расположения археологического памятника Буюнда III:

- 1 – склоны горных хребтов и возвышенностей, несущие следы ледниковой обработки;
 2 – ручьи и реки; 3 – крупные наледы; 4 – сартанский ледниковый комплекс; 5 – ледниковые кары;
 6 – плечи трогов; 7 – сквозные долины; 8 – сквозные долины; 9 – линия Охотоморско-Колымского водораздела; 10 – местоположение археологической стоянки

Вокруг очага найдены призматические и конические микронуклеусы, сколы подправки их отжимных площадок, ретушированные по одному или обоим краям микропластинки, двусторонне оббитое рубящее орудие овальной формы, отщепы. На микропластинках и пластинчатых сколах сделаны концевые скребки, угловые резцы и резчики, всего более 150 орудий (илл. 20, 3, 9, 21, 28, 29).

Максимальная глубина площадки фиксируется в центре, у очага — до 60 см от дневной поверхности. По периметру раскопа культурный слой повышается до глубины 20–25 см, что позволяет реконструировать эту жилую конструкцию как полууглублённое жилище. Скорее всего, обитатели стоянки воспользовались естественной западиной в рельефе террасы, соорудив в ней очаг и поставив жилище типа чума.

Илл. 22. Стратиграфический разрез восточной стенки раскопа (А) и план раскопа на стоянке Буюнда III (Б): 1 – дёрн; 2 – серая супесь; 3 – рыжая супесь; 4 – углистая прослойка; 5 – камни; 6 – углистые пятна; 7 – нуклеус; 8 – глубина залегания находок; 9 – обугленная берёзовая кора

Стоянка Уртычук IV находится в истоке руч. Уртычук на Охотско-Колымском нагорье ($60^{\circ} 38' 27''$ с.ш., $151^{\circ} 28' 26''$ в.д., абс. выс. 1015 м) (Слободин, 1999) (илл. 1). Рельеф в районе стоянки среднегорный. Стоянка находится в центральной части перевала. В раскопе ($7,5 \text{ м}^2$) под дёрном, мощностью около 1–2,5 см,

в супесчаных отложениях на глубине 3–20 (22) см выявлен культурный слой, ниже которого идёт скала. Находки концентрируются в южной части раскопа на площади 4,5 м², отсюда, с глубины 10–20 см, по углю из культурного слоя получена дата C¹⁴ 8285 ± 95 (GX-17063). Всего в раскопе найдено 11 призматических нуклеусов и их заготовок, более 1000 микропластинок, несколько сколотых целиком отжимных площадок нуклеусов, 30 краевых ребристых пластин (сколов), концевой скребок на пластине, отщепы (илл. 20, 2, 7, 8, 13, 16, 20). Нуклеусы представлены изделиями на всех стадиях их обработки и использования, от заготовок до полностью истощённых.

Материалы указывают, что это была мастерская и охотничий наблюдательный пункт. На склонах окружающих гор обитатели стоянки добывали кремний для изготовления орудий. На стоянке изготавливали нуклеусы для получения микропластинок и изготовления вкладышевых орудий.

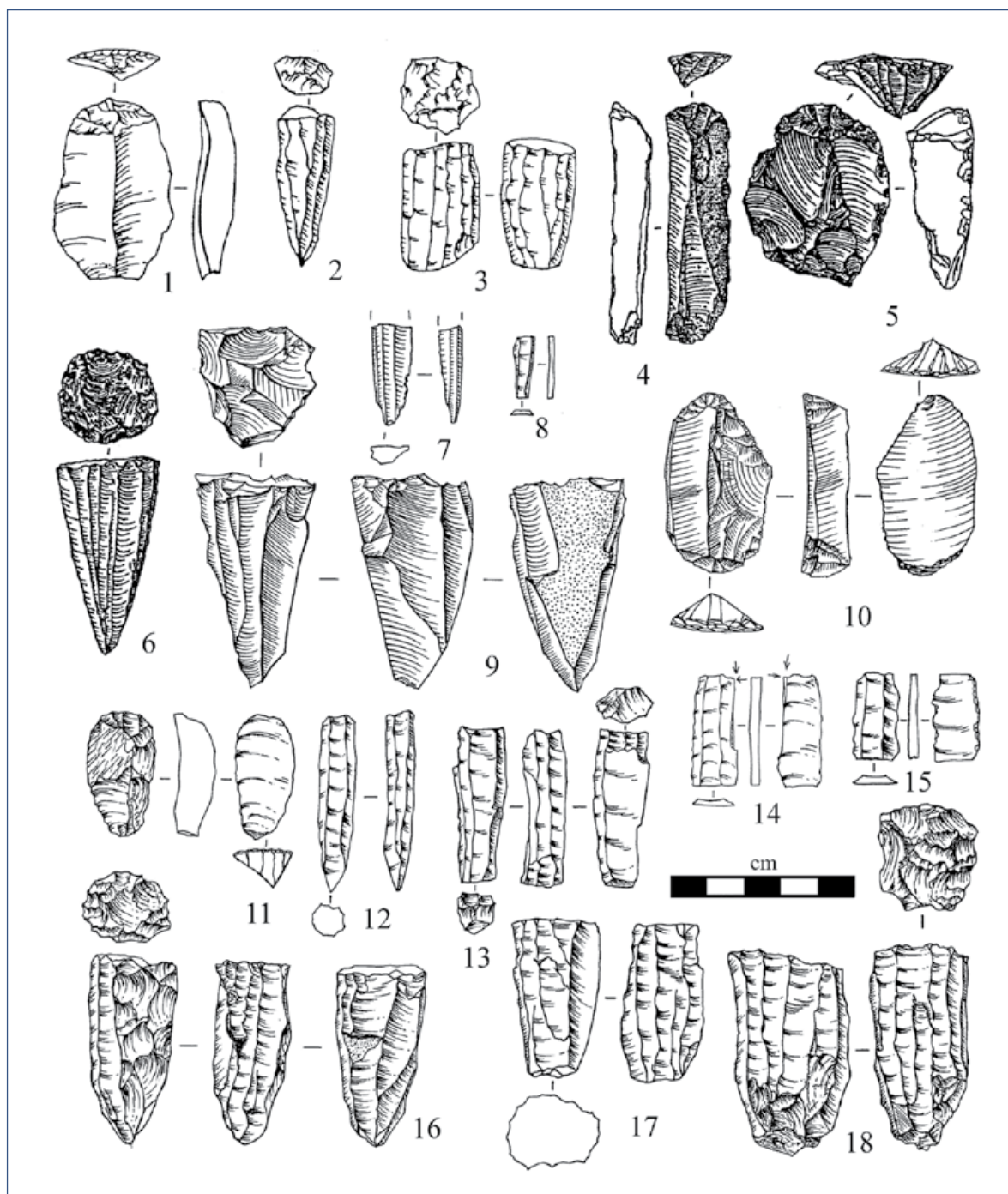
Стоянка Хуренджа (Азамат) находится на Охотско-Колымском нагорье (район Ольского плато), на перевале рек Олы и Хуренжды (60° 40' 59" с. ш., 151° 15' 23" в. д., абс. выс. 1060 м) (илл. 1). Она приурочена к плоской вершине холма, пологие и протяжённые северный и западный склоны которого слабо расчленены, а южный и восточный крутые, местами обрывистые. Поверхность холма волнисто-бугристая, разбита мерзлотными полигонами. Каменистые участки, лишённые растительного покрова, чередуются с небольшими площадками, покрытыми мхом, лишайниками, травянистыми растениями.

В раскопе (2,5 м²) прослежена стратиграфия (мощность в см): 1. слабо развитый дерновый слой — 1–1,5 см; 2. супесь серого цвета с щебёнкой — 10 см; 3. супесь с углистостью и артефактами — 10–15 (до гл. 20–27 см); 4. крупно обломочный материал с пустотами между камнями. По углю из слоя, где углистость локализуется на небольшом участке, с гл. 15–20 см, получена C¹⁴ дата 8780 ± 70 (Beta-156847).

В раскопе найдено более 150 кремневых микропластинок, 7 ребристых сколов и 110 мелких отщепов. Микропластинки шириной 0,3–1,4 см, большинство — шириной 0,5–0,8 см. Почти все они фрагментированы, преобладают срединные сегменты. Сколов первичной обработки нуклеусов мало, микропластинки скалывали с уже подготовленных нуклеусов, что исключает существование здесь мастерской, указывая в пользу охотничьего наблюдательного пункта. Некоторые отщепы и микропластинки имеют следы термического воздействия (растрескивание, отшелушивание), что позволяет уверенно ассоциировать их с возрастом угольков, по которым получена дата.

Стоянка Нерега находится в центральной части Охотско-Колымского нагорья, у северного края Хетинского плато, в верховьях р. Нереги (илл. 1). Она расположена на пологом уступе склона сопки, на спуске с перевала в соседнюю долину реки Мяжит, на высоте около 800 м. Орудийный набор стоянки, помимо многочисленных отщепов, исключительно лаконичен. Он представлен несколькими крупными, подготовленными к эксплуатации коническими нуклеусами, сколами подправки их отжимных площадок, пластинчатыми сколами, микропластинками и выразительным концевым двухлезвийным скребком на пластинчатом сколе (илл. 23, 7, 9, 10). Подобные скребки отмечены и для сумнагинской культуры, найдены на Алдане в IV слое на стоянке Усть-Тимптон (Мочанов, 1977. С. 173–174).

Сопоставление с датированными по C¹⁴ памятниками Верхней Колымы позволяет определить её возраст в рамках 9,3–6,7 тыс. л. н.

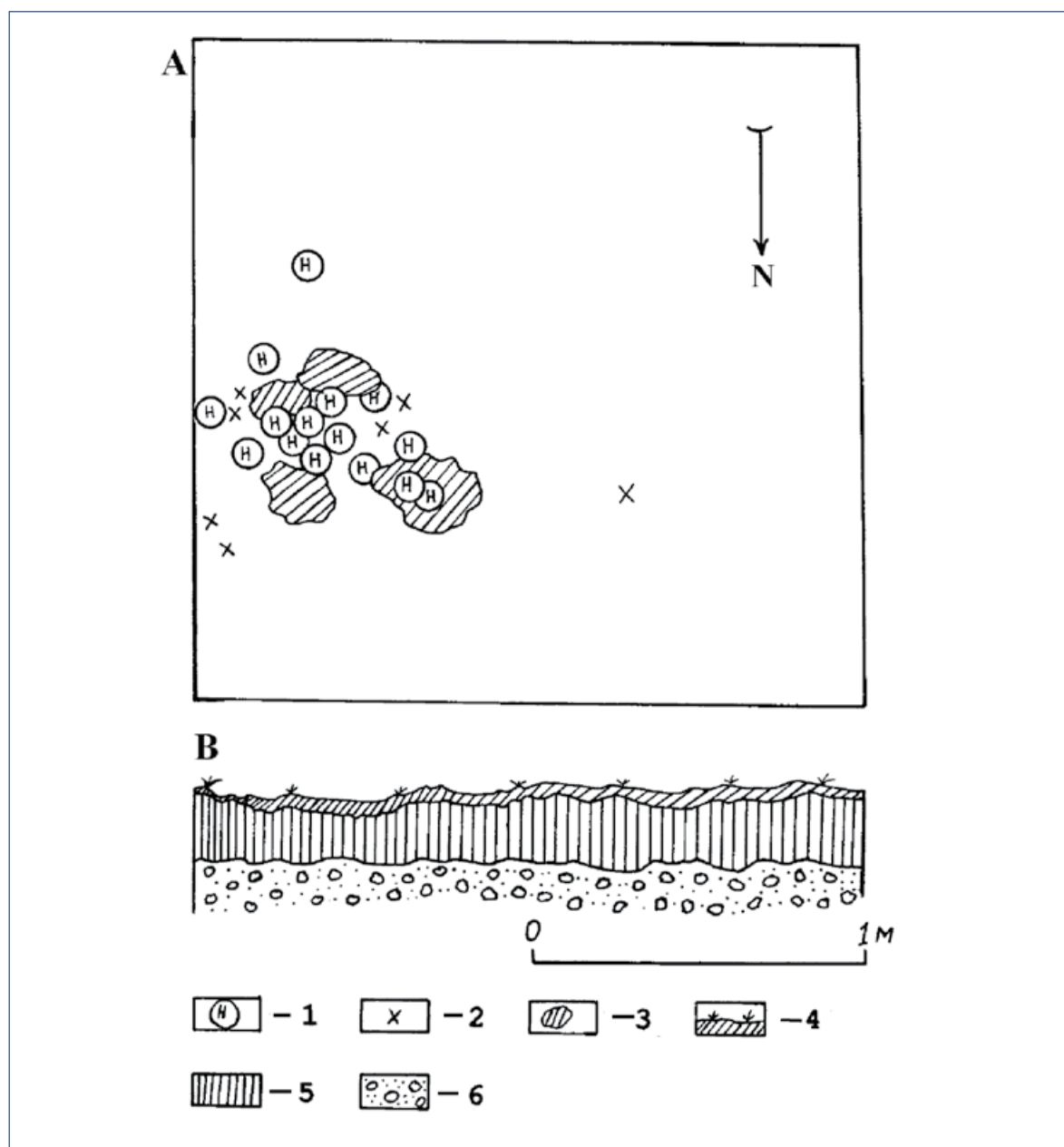
Илл. 23. Каменные изделия со стоянок Пантелеиха I (3), II (1, 2), БМА-3 (4–6), Нерега I (7–10), Джугаджака I (14); Джугаджака I, пункт А («клад нуклеусов») (16–18); Джугаджака I, пункт Б (11, 12, 8), пункт В (13), пункт Д (15). (1, 4, 5, 10, 11 – концевые скребки; 2, 3, 6, 9, 12, 13, 16–18 – конические и призматические нуклеусы; 7, 8, 15 – ножевидные пластинки; 14 – угловой резец)

Стоянка Джугаджака I также находится в центральной части Охотско-Колымского нагорья, в 44 км к востоку (по прямой) от стоянки Буюнда III, в истоке р. Джугаджаки, на берегу оз. Колхозное (илл. 1). Озеро расположено на перевале рек Джугаджаки и Олыни (правый приток р. Арбутлы). На некоторых картах эта река носит название Дюгадяк, что в переводе с эвенского означает «летовка», «летняя стоянка» (Леонтьев, Новикова, 1989).

Стоянка расположена на северо-восточном берегу оз. Колхозное, на высоте около 1000 м над уровнем моря. На поверхности 3–5-метровой террасы, на ме-

сте сезонного стойбища оленеводов, выявлено несколько скоплений каменных изделий, относящихся к различным историческим периодам. Раннеголоценовые материалы мезолитического облика выявлены в пунктах А, Б, В, Д (илл. 23, 8, 11–18). На спуске с террасы к озеру, на небольшом уступе, возвышающемся на 0,5 м над уровнем озера, выявлено отдельное местонахождение, содержащее отщепы и ножевидную пластинку из белого кремня с маргинальным резцовым сколом (илл. 23, 14). На резцовой кромке видны следы сработанности. Исследования орудия при 60-кратном увеличении позволили зафиксировать следы на резцовом лезвии, свидетельствующие об использовании ножевидной пластинки в качестве реза.

Пункт А расположен на террасе, в 96 м от кромки воды озера. Здесь на ровной, немного нарушенной вездеходной колеёй поверхности террасы был найден

Илл. 24. План (А) и стратиграфический разрез (Б) восточной стенки раскопа с «кладом» нуклеусов на стоянке Джугаджака I (пункт А): 1 – нуклеус; 2 – отщеп; 3 – камень; 4 – дёрн; 5 – рыжая супесь; 6 – серая супесь

нуклеус. На месте находки был заложен раскоп площадью 1 м² (илл. 24). В раскопе обнаружено скопление из 15 нуклеусов, подвергшихся разным стадиям обработки — от заготовок до сработанного изделия, и 9 отщепов. Находки залегали в серой супеси до глубины 10 см. Растительный покров на месте раскопок слабый, мощностью меньше 1 см, представлен мхами и лишайниками. Все артефакты сделаны из серого кремня и сильно патинизированы.

Нуклеусы различаются пропорциями, формой и размером, а также способом оформления ударных площадок, расположением рабочих плоскостей, обработкой латералей, отжимных площадок и оснований.

Заготовки представлены 4 экземплярами. Одна из них обработана бессистемными снятиями, но имеет чётко выделенную дугу скалывания, проходящую по всему периметру заготовки. Судя по характеру заломов, заготовка пришла в негодность из-за внутренних дефектов (трещин, каверн, инородных включений), образовавшихся при оформлении отжимной площадки, которую обработали сколами мелких и средних размеров, направленными от краёв к центру. Размеры заготовки 8 × 6,2 × 5,4 см. Две другие заготовки — уплощённые, подпризматической формы, одноплощадные и монофронтальные. У одной фронт скалывания расположен на узкой торцевой стороне. На противоположном фронту торце оформлена дуга скалывания. Опорная площадка плоская. Плоские латерали заготовки обработке не подвергались. У другой заготовки фронт скалывания расположен на широкой плоскости с переходом на торец. Отжимная и опорные площадки скошенные, контрфронт плоский, необработанный.

Большая часть находок представлена подпризматическими и коническими нуклеусами для скалывания пластин и микропластинок (илл. 23, 16–18). Некоторые из них, высотой до 5 см, достаточно сильно истощены (сработаны). Отщепы и фрагменты артефактов представлены единичными экземплярами. Часть отщепов апплицирована с нуклеусами. Морфология отщепов и негативы снятий на нуклеусах позволяют сделать вывод, что отщепы являются отходами регенерации отжимных площадок нуклеусов. На некоторых сколах отмечаются участки фронта скалывания, захваченные при подправке нуклеусов. Отсутствие ножевидных пластинок в этом скоплении может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с набором заготовок и нуклеусов, забытых или оставленных (как «клад», запас) на месте их предварительной обработки. Очевидно, что дорабатывали и использовали нуклеусы в другом месте. Об этом же свидетельствует и малочисленность отщепов и планиграфическая ситуация. Все нуклеусы найдены в плотном скоплении площадью 30 × 30 см, как бы в укрытии между четырьмя крупными камнями. Немаловажно, что все они имеют одинаковую степень патинизации.

В пункте Б, расположенном на террасе в 55 м от кромки озера, были найдены конический, почти полностью сработанный нуклеус из белого, сильно патинизированного кремня (илл. 23, 12), концевой скребок из того же материала (илл. 23, 11), трапециевидная в сечении ножевидная пластинка (илл. 23, 8) и отщепы.

Отжимная площадка нуклеуса прямая, полностью обработана плоскими радиальными сколами. На двухгранной дорсальной поверхности скребка остался участок натуральной (необработанной) поверхности коррадированного кремня и видны следы предыдущих снятий. Лезвие скребка оформлено на дистальном конце пластины, со стороны дорсальной поверхности, и обработано мелкой отжимной крутой краевой ретушью. На вентральной плоскости пластины, у проксимального конца, сохранился ударный бугорок. Сходная степень патинизации находок позволяет предположить одновременность существования и образования

комплекса, а общий облик находок, к нему относящихся, не противоречит имеющимся технико-типологическим стандартам раннеголоценовых культур Северо-Востока Азии.

В пункте В, расположенном примерно в 60 м от кромки воды, на поверхности террасы, в месте нарушения покровных отложений колеей вездехода, найдены призматический нуклеус, изготовленный из зелёного кремня (илл. 23, 13), и ножевидная пластинка из белого кремня. Нуклеус двухплощадный, отжимные площадки ровные, округлые. Видны сколы подправки их плоской регулярной ретушью по периметру от краёв к центру. По всему периметру фронта скалывания нуклеуса отмечается ряд заломов, приведших, видимо, его в негодность.

В пункте Д найден медиальный сегмент ножевидной пластинки с билатеральной ретушью на её вентральной поверхности (илл. 23, 15).

Сопоставление с датированными по С¹⁴ памятниками Верхней Колымы позволяет определить возраст стоянки Джугаджака I в рамках 9,3–6,7 тыс. л. н.

Стоянка Омсукчан III находится на восточном фланге Колымского нагорья (N 62° 06' 11.10, E 155° 40' 05.14, абс. выс. 744 м.), расположена в истоках р. Прав. Омчикчан (левый приток р. Сугой) (илл. 1).

Гомогенный комплекс каменных артефактов залегал на террасе ($h = 2\text{--}2,5$ м) в серой супеси под дёрном на гл. 10–20 см. На окрестных террасах — следы старых стоянок оленеводов — круги камней от яранг и очагов. В культурном слое стоянки (Р-23 м²) найдены отщепы, конические и уплощённые нуклеусы, ребристые сколы, сколы подправки отжимных площадок, отбойник, заготовка тесла, многогранный резец, пластины, микропластинки (в т. ч. ретушированные по краю), концевой скребок на пластинчатом сколе с овально-выпуклым лезвием (илл. 20, 6, 14, 18, 19). ТТХ комплекса соответствуют характеристикам сумнагинской культуры. С¹⁴ возраст стоянки пока не определён.

Стоянка Бурхала расположена в бассейне реки Колымы, на перевале рек Сусуман и Лев. Бурхала — её левых притоков (N 62° 41' 46", E 148° 49' 30"), на высоте около 1030 м над у. м. (илл. 1).

В раскопе (5,5 м²) определена стратиграфия (мощность): 1 — почвенно-растительный слой (1–2 см); 2 — супесь серая (мешана с гумусированной супесью) (5–6,5 см); 3 — линзы углистости в эпигенетических морозобойных трещинах (0–21,5 см); 4 — супесь светло-рыжая с щебёнкой (4–6 см); 5 — суглинок тёмно-рыжий с щебёнкой (условный материк) (более 11 см).

Фиксируется наличие в рыхлых отложениях криогенных процессов, проявившихся в формировании морозобойных трещин, нарушивших культурный слой, и в которых аккумуляровались углистость и каменные изделия (отщепы, микропластинки, орудия) (Зеленская, 2019; 2020).

Каменный инвентарь стоянки, подъёмный и из раскопа, включает отщепы, пластинки (илл. 20, 4, 5, 21–27), уплощённо-конические нуклеусы (3 экз.) (илл. 20, 1) сколы подправки отжимных площадок нуклеусов (2), ребристые сколы (2) и орудия. Первичные отщепы единичны, преобладают мелкие и чешуйки. К орудиям отнесены: пластинки (156), пластины (2 экз.) (илл. 20, 30), ретушированные ножевидные пластинки (вкладыши) (13), концевой скребок на крупной пластине (илл. 20, 15), тесловидное орудие (илл. 20, 11), резцы на пластинках (3), резцовый скол, «долотовидное» орудие (илл. 20, 1, 4, 5, 10, 12, 17, 22–27, 30). Микропластинки с нуклеуса снимались с его выпуклого фронта, оставляя необработанным плоский контронт.

Вкладыши ретушированы по одному (5 экз.) и по обоим краям (8 экз.) с дорсальной и вентральной сторон (илл. 20, 10, 12, 22–27). Их ширина 3–5 мм, длина

до 21 мм (с ремонтом — 31 мм), толщина 1 мм. Различается приостряющая и притупляющая, как правило, унифасиальная ретушь. Последняя — крутая, практически вертикальная, удаляющая утончающуюся кромку продольного края микропластинки, наносилась под углом близким к 90°, делая её более узкой, соответствующей глубине паза костяной обоймы. В одном случае ретушированный край микропластинки (крайней в обойме) скошен на торец для плавного перехода от костяной обоймы орудия к лезвию.

Резцы угловые на ножевидных пластинках, имеют очень специфическую подтеску центральной грани пластинки с её торца для утончения пластинки до 1 мм и соответствия её толщине резцовой кромки (илл. 20, 4, 5).

Долотовидное (?) орудие сделано на небольшом плоском сколе окремелого туфа (илл. 20, 17). Имеет подовальную (грушевидную) форму в плане и уплощённо-линзовидное продольное и поперечное сечение. Обработано бифасиально по краям и полностью по одной плоской поверхности, частично — по другой.

Тесловидное орудие представлено небольшим, переоформленным сколом подправки отжимной площадки нуклеуса (илл. 20, 11). На его дистальном конце, с дорсальной стороны, мелкой стелящейся ретушью оформлено прямое лезвие шириной 8.3 мм, имеющее следы сильной залощённости. Подпрямоугольная форма орудия и прямое лезвие указывают, что оно было предназначено для работы в качестве либо вкладышевого долота, либо стамески для оформления небольшого размера пазов.

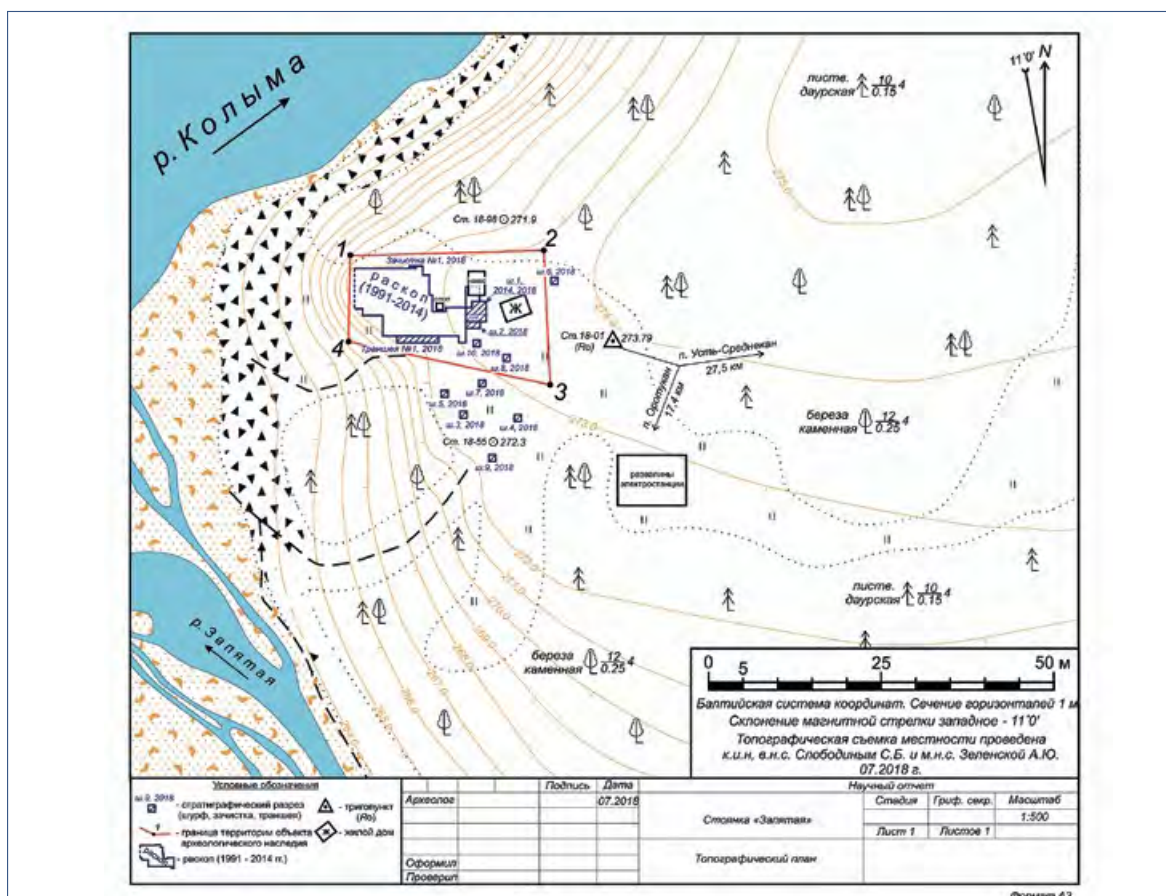
По образцам древесного угля из углистых линз в ассоциации с каменными орудиями получена C^{14} дата — 9300 ± 180 (МАГ-2262). Она уточняет ранее предполагаемый возраст комплекса, определявшийся в пределах «более 7 тыс. л.» (Зеленская, Слободин, 2021). Положение стоянки на перевале и характер находок указывают, что это был охотничий наблюдательный пункт.

Обитатели стоянок Буюнда III, Уртычук, Хуренджа (Азамат) и Бурхала занимались охотой на оленей, проходящих через горные перевалы и пасшихся на склонах сопок. Здесь же находились и источники каменного сырья, используемого ими для изготовления орудий.

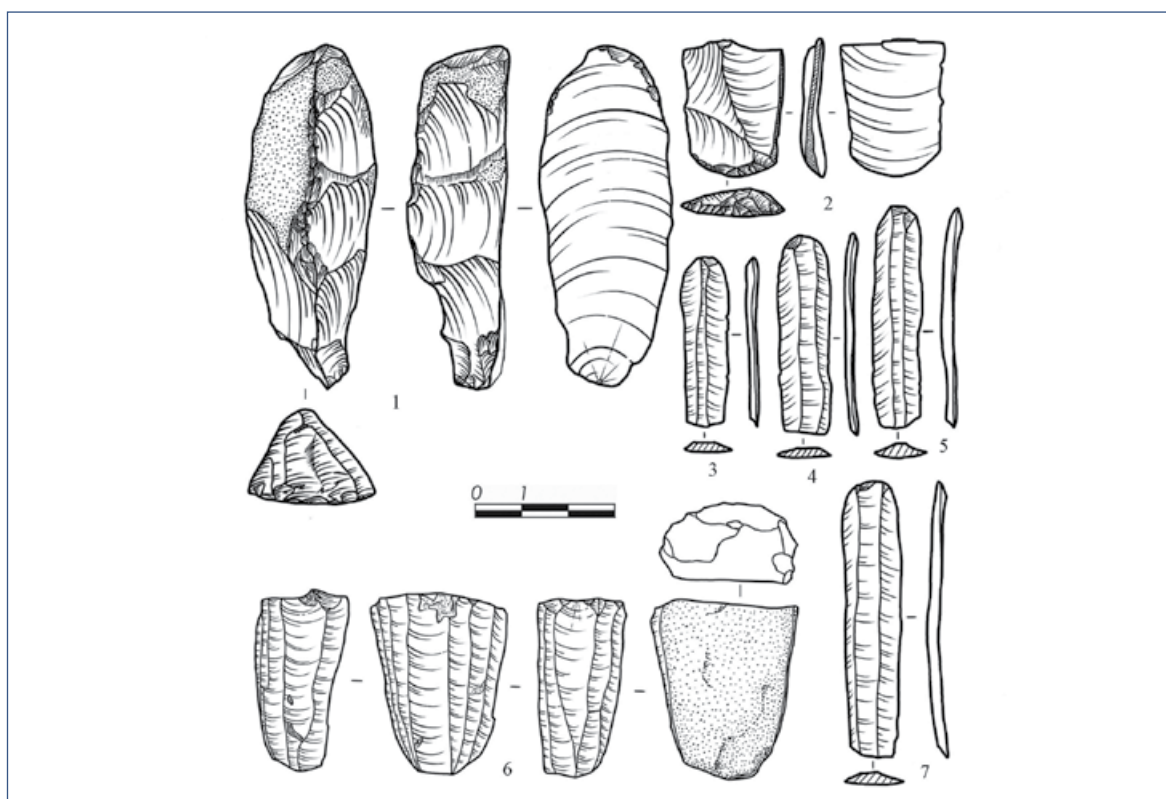
Стоянка Запятая находится на высоком приустьевом мысу р. Запятой, правом притоке Колымы (илл. 1, 25). Культурный слой с находками, ассоциированными с материалами сумнагинской традиции, зафиксирован в 25–30 м от края мыса на глубине до 30–50 см, в переслаивающихся отложениях светлого, рыжеватого суглинка, под слоем с неолитическими артефактами (илл. 27). Он включает микропластинки (илл. 26, 3–5, 7; 28, 2, 3, 5, 6), уплощённые конические нуклеусы (илл. 26, 6; 28, 7), концевые скребки на пластинчатых сколах (илл. 26, 1, 2; 28, 1, 4). По образцам древесного угля из слоя в ассоциации с каменными орудиями получена C^{14} дата — 6795 ± 110 (МАГ-2264), подтверждающая мезолитический возраст находок. На плёсе у устья реки Запятой неоднократно были замечены переплывающие Колыму олени и лоси, что, вероятно, и определило выбор места для стоянки, начиная с раннего голоцена. В устье реки Запятой и на Колыме доступна ловля рыбы ловушками («мордой»), сплетёнными из тальника, что практикуется здесь до настоящего времени.

Орудийный набор стоянок, достоверно датированных периодом 9500–6800 л. н. (10510–7635 кал. л. н.), содержит все основные элементы, присущие сумнагинской традиции, дополненные рядом технологических инноваций и отражающие, вероятно, определённую эволюцию комплекса каменных орудий этой традиции.

Сравнительно-типологический анализ каменных орудий стоянки и C^{14} датировки позволяют определить, что здесь обитали племена, связанные с сумнагин-

Илл. 25. Топоплан стоянки Запятая

Илл. 26. Каменный инвентарь со стоянки Запятая: 1, 2 – концевые скребки; 3–5, 7 – ножевидные пластинки, 6 – нуклеус

ской традицией охотников на оленей и лосей тундровых и таёжных зон Северо-Востока Азии, распространённой там в бореальный период голоцена. Сходными по времени и культурной принадлежности с ними на Северо-Востоке Азии являются стоянки БМА-3, Найван, Ульхум IV, Жоховская.

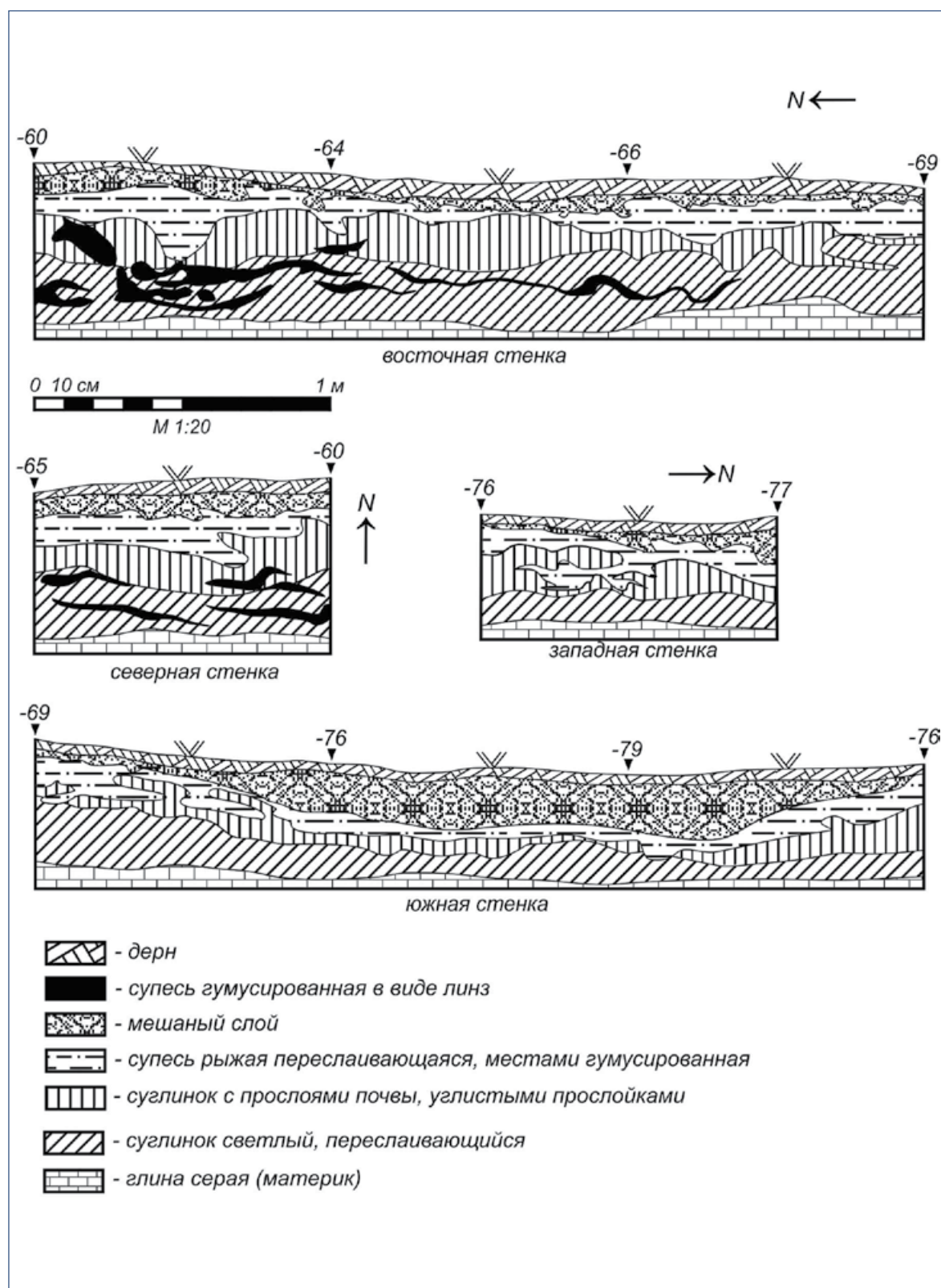

Рис. 27. Стратиграфический разрез восточной стенки раскопа на стоянке Запаятя

Рис. 28. Фотография орудий со стоянки Запятая: 1, 4 – концевые скребки; 2, 3, 5, 7 – ножевидные пластинки, 6 – нуклеус

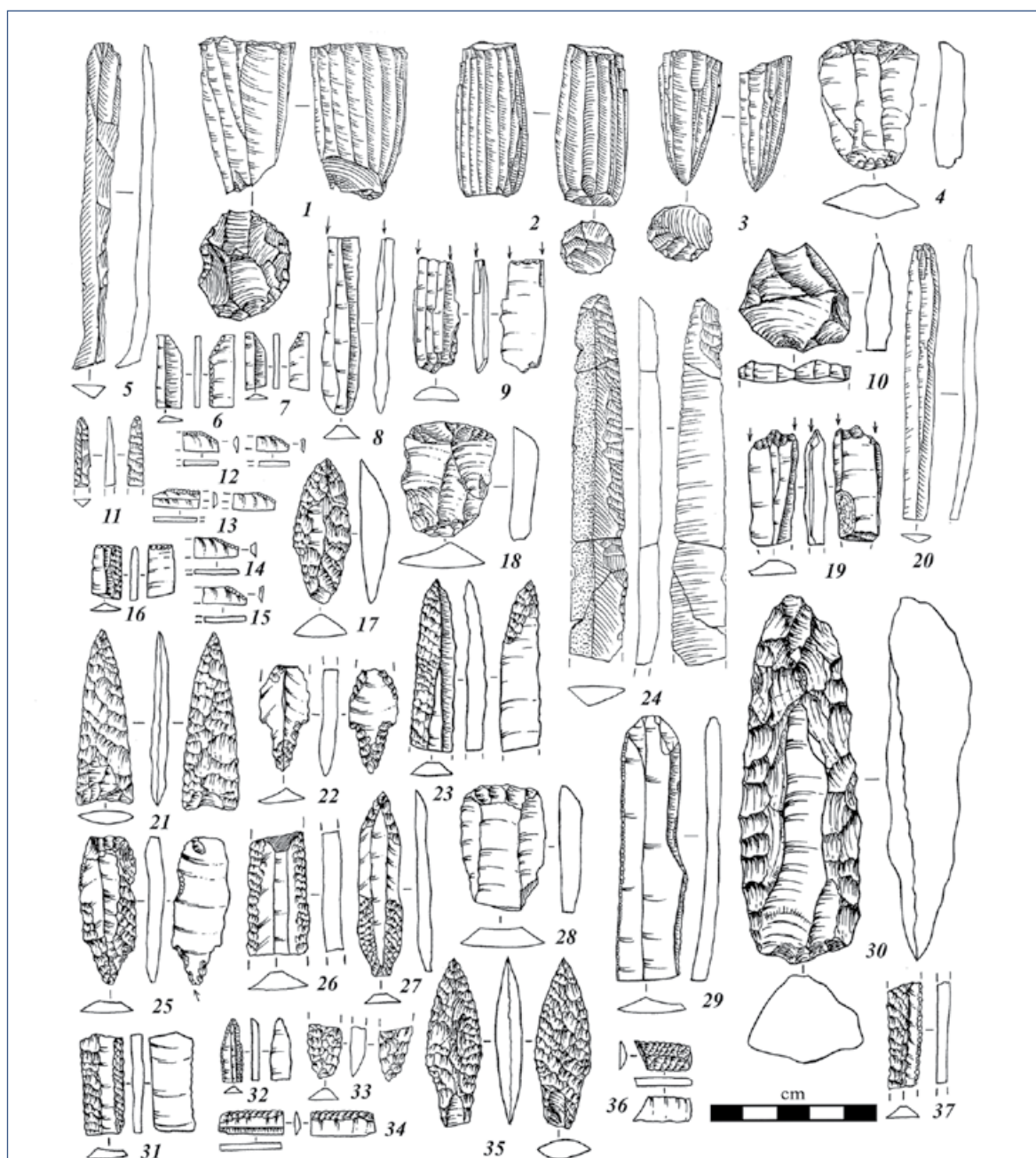
Стоянка БМА-3 находится в заливе Бабушкина, на побережье Охотского моря. Она расположена на морской террасе бухты Малой Астрономической, в устье небольшой реки ($59^{\circ} 06' 49''$ с. ш., $153^{\circ} 19' 01''$ в. д., абс. отм. 12 м) (Воробей, 2007) (илл. 1). На поверхности террасы найдены конические нуклеусы, их заготовки, концевые скребки на пластинах, ретушированные микропластинки, резцы на микропластинках (илл. 23, 4–6). По технико-типологическим характеристикам материалы стоянки соответствуют сумнагинской традиции, ареал которой, таким образом, распространяется до побережья Охотского моря. Возраст стоянки определен в рамках 8,5–7 тыс. л. н.

Уолбинская традиция

Другая раннеголоценовая традиция Колымы и Чукотки, названная «уолбинской» по месту первых найденных А. П. Окладниковым (1946) черешковых пластинчатых наконечников, её маркирующих (илл. 30, 26, 27; 31, 1, 2), выделяется по материалам стоянок, располагающихся в южной части горной цепи Черского

у больших озёр Уи, Момонтай в зоне лиственничного редколесья, на высотах 1000–1100 м над ур. м.; по берегам р. Колымы (Агробаза II, Конго-78, ИНГ-78) и на Западной Чукотке — на оз. Тытыль в истоке р. Мал. Анюй (Верхне тытыльская VI, IV п. 2, 3 и Тытыль IV п. 2) (Кирьяк, 2005; Слободин, 1999; 2014; 2018; Слободин и др., 2014; История Якутии, 2020; Питулько, 2004). Обитатели этих стоянок также занимались преимущественно охотой на таёжных животных, хотя расположение на озерах и по берегам Колымы допускает возможность рыболовства.

Стоянка Уи находится в центральной части хребта Черского на оз. Уи в верховьях рек Омудевки и Момонтай (63° 50' 05" с. ш.; 147° 53' 22" в.д., абс. отм. 1068 м) (илл. 1). Она расположена на пологой 3–4-метровой террасе на северном берегу озера. Озеро Уи и другие озёра массива Оханджа, на левобережье р. Момонтай, имеет подпрудно-ледниковое происхождение и сформировано за счёт вытаивания

Илл. 29. Каменные орудия стоянки Уи (1–37)

крупных глыб льда отмирающего ледника. Моренные холмы обрываются к озеру невысокими уступами.

В раскопе (60 м²) находки (около 10 000 экз.) залежали сразу под маломощным дёрном в бурой супеси до гл. 20 см. По уголькам из скоплений находок были получены С¹⁴ даты — 8810 ± 235 (GX-17067); 8695 ± 100 (GX-17066); 8370 ± 190 (LE-3990); 8310 ± 240 (LE-4652). Останков фауны нет. Многочисленность готовых утилизированных орудий указывает, что это был долговременный жилой и хозяйственный комплекс.

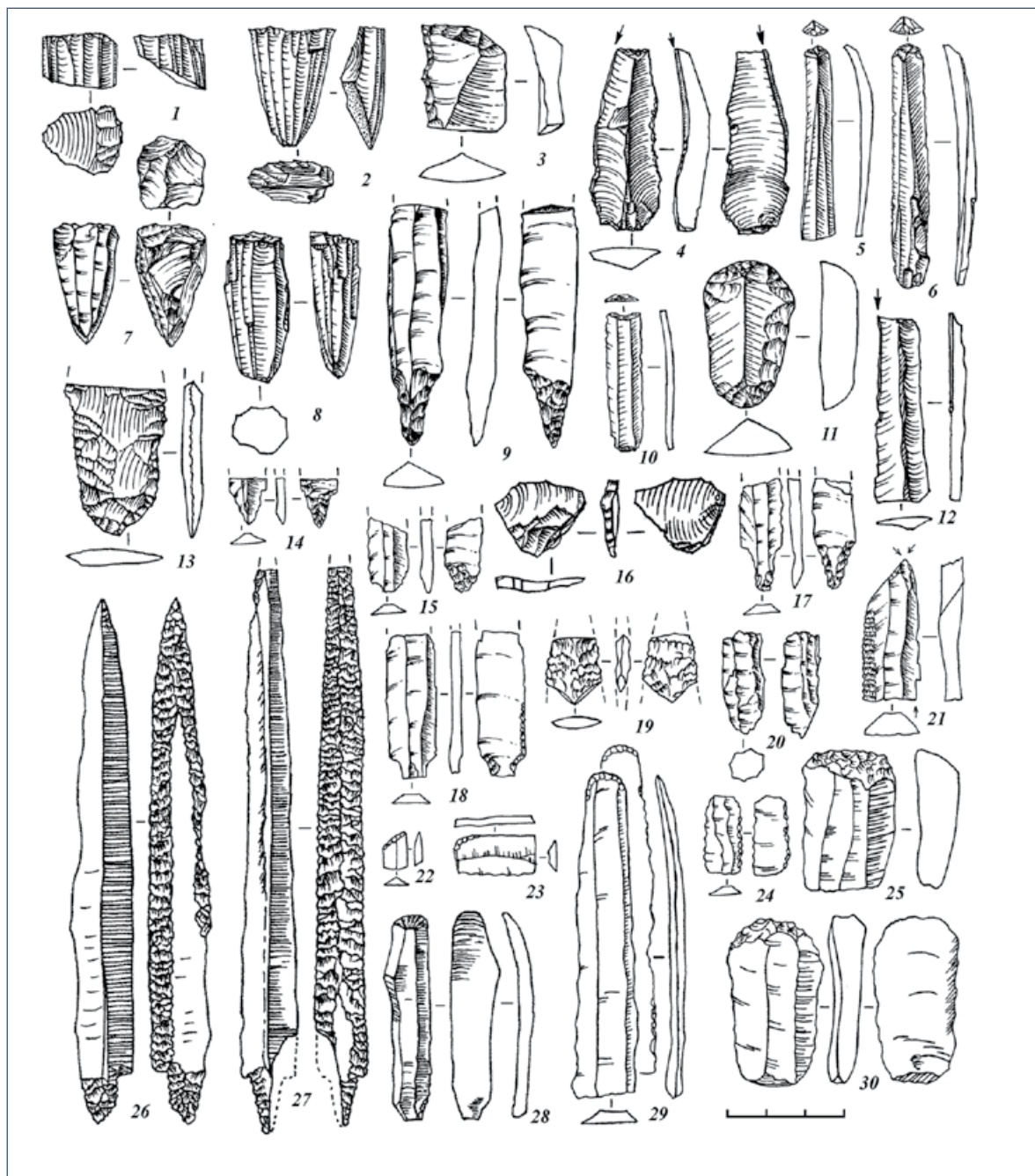
Основой каменной индустрии обитателей стоянки было производство конических и призматических нуклеусов (илл. 29, 1, 2, 3) для получения макро-мезо-пластин и микропластинок (илл. 29, 5, 8, 16, 20, 26, 29, 31, 34), являвшихся заготовками орудий, угловые резцы (илл. 29, 8, 9, 19), проколки (илл. 29, 11, 32), наконечники (илл. 31, 15–18), ножи на пластинах и ретушированные вкладыши (илл. 29, 24, 26, 29, 31, 33, 37). Все найденные на стоянке нуклеусы представлены сильно сработанными экземплярами. Специфической особенностью вкладышей было наличие скошенного ретушью края, создававшего плавный переход от поверхности костяного наконечника к кремневому лезвию (илл. 29, 6, 7, 12–15). Топор без шлифовки, овальной формы с односторонне выпуклым сечением (илл. 29, 30). Концевые скребки сделаны на пластинчатых отщепах и крупных пластинах (илл. 29, 4, 18, 28). Наконечники двух типов: черешковые на пластинах (илл. 29, 22, 23, 25, 27; 32, 1, 2; 31, 15–18) и бифасиально обработанные, треугольной (илл. 29, 21) и листовидной (илл. 29, 35) формы.

Самыми выразительными в комплексе являются сделанные на пластинах черешковые наконечники стрел или дротиков (илл. 32, 1, 2; 31, 15–18). Эти наконечники вкупе с другими орудиями являются культуроопределяющими при выделении специфической уолбинской культуры, распространившейся в раннем голоцене в Якутии, на Колыме, Чукотке и Камчатке. Сырьё для производства каменных орудий было местным, хотя, не исключено, что редкие для этих мест породы камня приносили издалека. Например, найденный на стоянке обсидиан показал близкие по химическому составу показатели обсидиана с северо-камчатского вулкана Иткаваям, расположенного на расстоянии 1200 км от стоянки (Слободин, 2007). Обитатели стоянки занимались охотой на оленей и лосей, вполне вероятно, рыболовством.

На **стоянке Придорожная**, расположенной на оз. Момонтай, пластинчатые черешковые наконечники найдены в компрессионных отложениях с неолитическими изделиями. Они представлены двумя типами: один на ножевидной пластине с выделенными ретушью черешком и остриём и частично ретуширован по краям, другой выполнен на трёхгранной пластине, ретушированный почти полностью (илл. 31, 19, 20). С ними в комплекс входят, очевидно, и крупные ретушированные по краю пластины, пластинки со скошенным краем, концевой скребок и скол отжимной площадки нуклеуса. Одна из дат со стоянки дала возраст 6805 ± 190 (GX-17062).

На **стоянке Агробаза II**, расположенной на высоком берегу р. Колымы, напротив устья р. Тенке, фрагменты пластинчатых черешковых наконечников обнаружены в составе подъёмных материалов, включающих ножевидные пластинки, конический нуклеус и резец на массивной пластине (илл. 30, 14, 15, 17, 20, 21). На расположенной впритык стоянке Агробаза III, из нижнего культурного слоя с микропластинками (видимо, общего для обеих стоянок) получена дата 8220 ± 95 (GX-17060).

Сходные с рассмотренными комплексы подъёмных находок получены и со **стоянок Конго-78 и Инг-78**, расположенных в зоне водохранилища Колымской ГЭС (коллекции поступали в фонды СВКНИИ ДВО РАН в 1978 г.)².

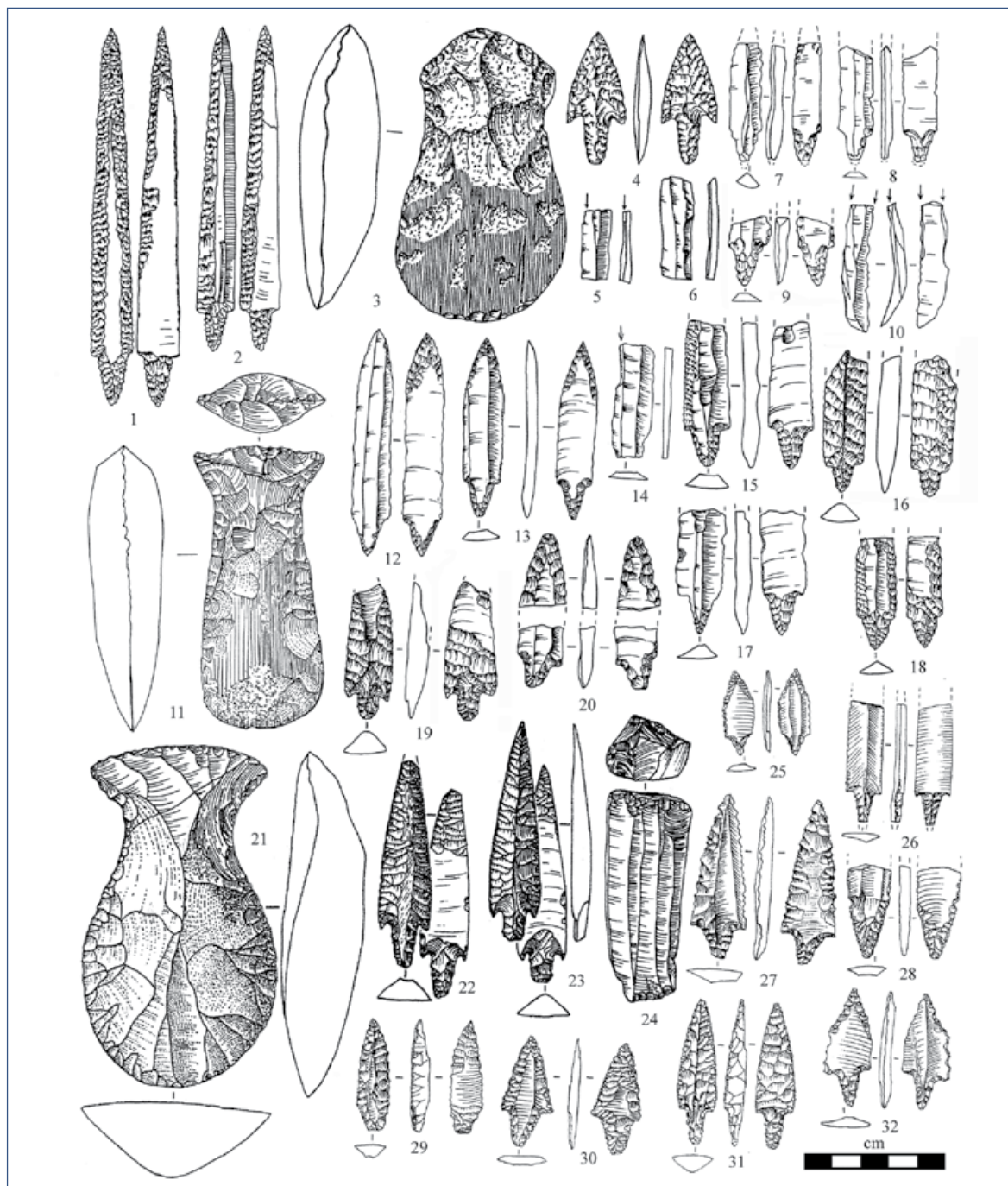

Илл. 30. Каменные орудия стоянок Конго-78 (1, 2, 4, 12, 13, 16), Инг-78 (3, 5-11), Юбилейный (19, 22-25, 29, 30) (Кашин, 1983), Агробаза II (14, 15, 17, 20, 21), Уолба (26-28) (Окладников, 1946)

Они представлены призматическими, коническими, уплощёнными коническими нуклеусами, core tablet, ножевидными пластинками с ретушированными торцами, крупными пластинами, концевыми скребками на отщепе и пластинах, двусторонне обработанными орудиями листовидной и овальной формы, угловыми резцами на ножевидных пластинах, подвеской из просверленной плоской гальки и пластинчатыми черешковыми наконечниками (илл. 30, 1-13, 16; 31, 12-14).

² Стоянки Агробаза, Сибердик, Конго, Конго-78 и Инг-78 в настоящее время затоплены.

Наконечники уолбинского типа сделаны на крупных ножевидных пластинах, имеющих подтрапецевидное поперечное сечение (илл. 31, 12, 13; 33, 1, 2). Краевой ретушью обработаны только острия наконечников и черешки подтреугольной формы, отделённые от пера небольшими «плечиками». На стоянке Конго-78 найдено также линзовидное в поперечном сечении тесло с шейкой (перехватом) и частично пришлифованным лезвием (илл. 31, 11). Подобные тесла со сходным набором орудий (илл. 31, 21–24) возрастом 6200 С¹⁴ л. н. имеются на стоянках Авача 1 и 9 на Камчатке (Пономаренко, 2000).

Илл. 31. Сводная таблица каменных орудий (наконечников и тесел) традиции пластинчатых черешковых наконечников: 1, 2 – Уолба; 3–6 – Амка; 7–10 – Юбилейный; 11, 13 – Инг-78; 12, 14 – Конго-78; 15–18 – Уи; 19, 20 – Придорожная; 21–24 – Авача 1, 9; 25–32 – Верхнетыльская VI (приводится по: 1, 2 – Окладников, 1946; 3–10 – Кашин, 1983, 2003; 21–24 – Пономаренко, 2000; 25–32 – Кирьяк, 2005)

Илл. 32. Пластинчатые черешковые наконечники стоянки Уи (1, 2)

Илл. 33. Пластинчатые черешковые наконечники стоянок Конго-78 (1) и Инг-78 (2)

СИНТЕЗ ДАННЫХ ПЕРВИЧНОГО ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ КОЛЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

Имеющиеся археологические, палеогеографические, палеонтологические и палинологические данные позволяют утверждать, что первоначальное заселение человеком Колымской области происходило путём миграции из более южных и восточных районов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Якутии не позднее начала сартанского стадиала (27 000 л. н.). В течение всего сартана имело место несколько волн миграций, представленных разными культурами.

При анализе проблемы первоначального заселения Колымской области важно учитывать имеющиеся данные из соседних регионов, куда, в силу их географического положения, человек мог попасть только после освоения рассматриваемой территории. Не менее важными являются для обсуждаемой проблемы и технико-типологические сопоставления орудийных комплексов изучаемого региона с комплексами надёжно стратифицированных и датированных по C^{14} памятников, являющихся опорными в региональных культурно-хронологических схемах Восточной Сибири (Якутии, Приморья, Приамурья, Прибайкалья).

Данные со стоянки Яна (янская культура) и Берелёх (её древний компонент, представляющий безмикрoпластинчатую янскую культуру) указывают, что уже 29–18 тыс. л. н. человек достиг 71° с. ш. (Питулько, 2006; Питулько и др., 2009). В условиях тундростепных ландшафтов он занимался охотой на животных мамонтового комплекса — в основном оленей, лошадей, бизонов. Проживал человек в сезонных охотничьих лагерях, некоторые из которых, подобно стоянке Яна, в случае удачной охоты использовались достаточно длительное время.

В субарктических горных районах Колымы к этому времени относят не датированные по C^{14} подъёмные находки галечных орудий с р. Омолон, сопоставляемые по типологии с древнейшими галечными комплексами Сибири и Монголии возрастом 30–50 тыс. лет (Воробей 1999). Более надёжные данные об освоении людьми горных районов Колымы в первой половине сартана получены со стоянки Бол. Хая IV, где имеется безмикрoпластинчатый комплекс, сопоставимый с материалами Восточной Сибири того же и даже более древнего времени (Слободин, 2015). Здесь, в достаточной узкой долине р. Бол. Хая, человека привлекали выходы качественного кремня и, вероятно, возможности охоты на оленей во время сезонных миграций через Охотско-Колымский водораздел. Большая площадь стоянки, обилие каменного материала, украшения указывают на многократное посещение этой стоянки древними охотниками.

О более широком освоении человеком территории Колымской области и Охотско-Колымского нагорья в среднесартанское время свидетельствует ещё пока что слабо изученный эпизод заселения рассматриваемой территории, представленный материалами стоянки Бол. Эльгахчан I, Бол. Авлондя, на Охотско-Колымской нагорье, Омчик II б на Колыме (наконечник сделан из горного хрусталя) (илл. 9, 2) и Сердык в Приохотье (Воробей, 1993; Слободин, 2002; Slobodin 2010), относящейся к ранней ушковской культуре Северо-Востока, безмикрoпластинчатой, бифасиальной, со специфическими для Сибири черешковыми наконечниками ушковского типа. На Камчатке (на стоянке Ушки, сл. VII) она датирована по серии C^{14} дат возрастом до 11 300 л. н. (Слободин, 2010). При любом варианте направления миграции этой культуры на Северо-Востоке Азии она распространяется и по Верхней Колыме. К этой культуре сейчас отнесены материалы пока только нескольких стоянок. На них найдены бифасиальные черешковые нако-

нечники ушковского типа. Судя по небольшим коллекциям этих стоянок и выбору форм рельефа (небольшие мысы, перевалы), это были кратковременные охотничьи лагеря.

О распространении на территории Колымской области и Охотско-Колымского нагорья в среднесартанское время широко распространённой в Сибири и на Дальнем Востоке с начала сартанского периода палеолитической культуры с клиновидными нуклеусами, микропластинками, бифасами и листовидными наконечниками свидетельствуют материалы стоянок Хета, Дручак-В., а также Омчик II, Магадавен I, Бол. Эльгахчан II и др. (Слободин и др., 2014; Воробей, 1996 а). Они имеют много общего, хотя и не идентичны с распространившимися там микропластинчатыми дюктайской, ушковской, берингийской, прибайкальской и селемджинской традициями. Они просуществовали на Северо-Востоке Азии до начала голоцена. Прямых датировок для этих стоянок пока нет, но, учитывая, что в центральных районах Аляски микропластинчатая Берингийская традиция надёжно датирована временем до 12 300 л. н. (Beta-209882) (Holmes, 2008), следует считать, что на Колыме она распространилась, по меньшей мере, на 2–3 тыс. лет ранее, т. е. не позднее 15–16 тыс. л. н. На Камчатке она датируется возрастом около 11 000 С¹⁴ л. н. (Диков, 1979).

Стоянки этого времени представлены временными охотничьими лагерями, расположенными в узких долинах рек, где их обитатели занимались индивидуальной охотой — вероятнее всего, на оленей. На стоянках Дручак-В. и Магадавен I, расположенных на южных склонах Охотско-Колымского нагорья, была возможна добыча лососевых пород рыб во время нереста. Каких-либо планиграфических характеристик на этих стоянках не зафиксировано, но на Камчатке, на стоянке Ушки этой же культуры выявлено долговременное поселение с полууглублёнными жилищами на индивидуальную семью, округлыми очагами, выложенными из камней, а также захоронениями детей,кладами заготовок и готовых изделий и др.

В конце сартанского криохрона деятельность человека на Индигирской низменности отмечена материалами стоянки Берелёх, где он, по одной из гипотез, в период 11 900–11 400 С¹⁴ л. н. занимался только эксплуатацией костеносного горизонта «захоронения мамонтов» сартанского времени (Питулько, 2008), а по другой, уже в период 13 700–11 800 С¹⁴ л. н., возможно, сам участвовал в формировании Берелёхского костища, занимаясь добычей мамонтов (Мочанов, 1977; Питулько и др., 2023). Важным объектом охоты на стоянке Берелёх являлись зайцы, массовой добычей которых в долинах рек в осенний период (более 12 тыс. за зиму) занимались жители Северо-Востока и в историческое время (Херсонский, 1898).

Уже к самому рубежу сартана и раннего голоцена относится, вероятно, и последний из известных для финала плейстоцена эпизод миграции человека в Северное Приохотье, отмеченный материалами небольшой стоянки Уптар с ярко выраженной в орудийном наборе охотничьей ориентацией. В летнее время обитатели стоянки могли заниматься добычей лососевых пород рыб, идущих на нерест в р. Уптар.

В раннем голоцене человек расселился по всей территории Колымы: от Охотско-Колымского нагорья до самых северных окраин побережья Ледовитого океана, остатков Берингии, представленной современными Новосибирскими островами на 72° с. ш. Человек адаптировался к изменившимся природным условиям, освоив все экологические ниши осваиваемой территории — от горных перевалов до приморских низменностей.

В основном, это было население сумнагинской культуры Якутии, которое широко расселилось по Колыме и Чукотке (северу Дальнего Востока). Продвижение этой культуры отмечено датированными по C^{14} стоянками Буюнда III, Уртычук IV, Хуренджа, Омсукан III на Охотско-Колымском водоразделе и Жоховской стоянкой на Новосибирских островах. Спецификой сумнагинских стоянок на Верхней Колыме является их распространение, в основном, на перевалах. Не датированные по C^{14} , но чётко идентифицируемые «чистые» комплексы сумнагинской культуры выявлены также на стоянке БМА-3 на Охотском побережье, на ряде других памятников Верхней Колымы (Слободин, 1999), возможно, на стоянках Пантелеиха I–VIII со смешанными материалами в низовьях Колымы (Мочанов, 1977) (илл. 23, 1–3).

Изменившиеся в голоцене природные условия определили охотничью специализацию населения этого времени в направлении индивидуальной охоты на оленей в тундре и лосей в таёжной зоне. Не исключено, что выходявшее на побережье моря население этой культуры занималось добычей морзверя на лежбищах и рыболовством лососевых во время нереста. На Жоховской стоянке велась добыча в равной пропорции белых медведей и оленей, а также птиц (Питулько, 2022).

Стоянки этой культуры были, в основном, небольшими охотничьими лагерями с переносными жилищами типа яранги и малым количеством находок, представленных мелкими призматическими и коническими нуклеусами, микропластинками, теслами и отщепами, отражающими кочевой образ жизни их обитателей. Только на Жоховской стоянке выявлен большой, вероятно, не раз посещавшийся лагерь с полууглублёнными жилищами типа эскимосских, с деревянными кровлями и настилом; имеются данные, указывающие на наличие у этого населения собак и нарт (Питулько, 2022).

Менее широко, нежели сумнагинская культура, но достаточно определённо в этот период в Колымской области распространяется уолбинская культура, представленная стоянками Уи, Конго-78, Инг-78, Придорожная, Агробаза II на Верхней Колыме (Слободин 1999). В Якутии она известна со стоянки Уолба (илл. 30, 26–28; 31, 1, 2) расположенной в долине реки Лены у полярного круга (Окладников, 1946), и со стоянки Юбилейный (Кашин, 1983) на Верхней Индигирке (илл. 30, 19, 22–25, 29, 30; 31, 7–10). В отличие от населения сумнагинской культуры, население этой культуры селилось в Индигиро-Колымской области по берегам крупных озёр (Уи) и рек (Индигирки и Колымы). Присущие этой культуре очень выразительные пластинчатые черешковые наконечники отражают, видимо, какие-то более далёкие от рассматриваемого района центры их формирования, как предполагается, вплоть до степей Евразии (Окладников, 1950) и Северо-Восточной Европы (Мочанов, 1977. С. 246–248). Для Центральной Якутии эти материалы нехарактерны. С Колымы эта культура распространилась на Чукотку (Кирияк, 2005) и Камчатку, где продолжала существовать до 6200 C^{14} л. н. (Пономаренко, 2000) (илл. 31, 21–32). Уолбинская культура, предвещающая широкое распространение человека по всей территории Колымы и Индигирки в неолите, завершает период первоначального освоения этой территории.

В раннем голоцене Верхней Колымы отмечается ещё один (пока не совсем понятный) кратковременный эпизод появления здесь населения, определённо как сибердиковская культура, представленная стоянками Сибердик и Конго (Диков, 1979). Одна из дат — 13225 ± 230 (МАГ-916) — в ряду других, раннеголоценовых, полученных для III-го слоя стоянки Сибердик, не согласуется с палинологическими данными стоянки и определяется как неверная (Ложкин, 2008). Комплекс орудий этой культуры представлен изделиями, характерными

для палеолита (клиновидный нуклеус, галечные орудия), мезолита (конические нуклеусы) (илл. 18, 2) и неолита (полиэдрический резец) (илл. 18, 10). Генезис сибердиковской культуры, объединяющей в себе черты палеолита, мезолита и неолита Северо-Востока Азии, остается неясным (Слободин, 1999; 2001).

Таким образом, начиная с раннего этапа сартанского интерстадиала (27 000 л. н.), с нарастающей интенсивностью шло заселение человеком арктических и субарктических районов Индигиро-Колымской области, являвшейся в то время глубинным континентальным районом Берингии с ландшафтом тундростепного типа, обильно населённым животными мамонтового комплекса.

В среднем и позднем сартане заселение становится многоэтапным и включает несколько различных миграций населения разных культур из Якутии, Дальнего Востока и Прибайкалья. Помимо освоения открытых ландшафтов низовий рек, идёт интенсивное заселение и горных районов Колымы, Индигирки и Охотско-Колымского нагорья. Освоив эти территории, население продвигалось дальше — на Чукотку, Камчатку и Аляску.

В раннем голоцене происходит коренная ломка природы, изменение растительного, животного мира и, в значительной мере, как ответная реакция на эти изменения — полная смена культур и форм хозяйствования. В термический максимум голоцена лесотундровая зона почти достигала современного побережья Северного Ледовитого океана. Новое население из Якутии и других, более отдалённых районов, приспособленное к проживанию в лесотундровой зоне, распространяется по Колыме, Индигирке и вплоть до окраин разрушающейся Берингии в районе Новосибирских островов, осваивая в условиях угнетенного ландшафта и животного мира все возможные экологические ниши (перевалы, долины рек, крупные озёра, берега рек, озёр и морей). Свидетельств освоения морского (и главное, зверобойного) промысла территорий в раннем голоцене нет, хотя уже отмечается выход населения на побережья Охотского (стоянка МБА-3), Берингова и Восточно-Сибирского морей.

Примерно 6 тыс. л. н. здесь происходит очередная кардинальная смена населения. Раннеголоценовые культуры исчезают, и в среднем голоцене на Колыме и Индигирке распространяются неолитические культуры, на основе которых на Северо-Востоке Азии формируется постоянное население, родственное, по данным антропологических исследований, современным северным этносам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безусько Л. Г., Безусько А. Г., Мосякин С. Л., Губин С. В., Думко И. О. К истории растительности колымской низменности в позднем плейстоцене (по палинологическим данным) // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. — М. : 2008. — С. 243–248.
2. Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. — Новосибирск, 1988. — 225 с.
3. Васильевский Р. С., Гладышев С. А. Верхний палеолит Южного Приморья. — Новосибирск : Наука, 1989. — 184 с.
4. Воробей И. Е. Стоянки в устье Дёлонга // Краевед. зап. МОКМ. — Магадан, 1993. — С. 16–28.
5. Воробей И. Е. Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на севере Дальнего Востока. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996 а. — С. 24–51.
6. Воробей И. Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии. Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996 б. — С. 56–58.

7. Воробей И.Е. О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии севера Дальнего Востока. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — С. 4–15.
8. Воробей И.Е. Об одной разновидности клиновидных микронуклеусов // III Диковские чтения. — Магадан : СВКНИИ, 2004. — С. 332–343.
9. Воробей И.Е. Галечный комплекс в верховьях реки Армань: его природа и возможность хронологической интерпретации // Чтения памяти академика К. В. Симакова. — Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2009 а. — С. 271–272.
10. Воробей И.Е. Несколько замечаний о схеме организации плейстоценовых археологических материалов севера Дальнего Востока // Чтения памяти академика К. В. Симакова. — Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2009 б. — С. 273–274.
11. Воробей И.Е. Микропластинчатое расщепление в позднепалеолитической индустрии стоянки Дручак-В. (Северное Приохотье) // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии : Международный симпозиум. — Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. — С. 185–189.
12. Воробей И.Е. Трансверсальные резцы позднепалеолитической стоянки Дручак-В. (Северное Приохотье) // Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока. — Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. — С. 157–165.
13. Глушкова О.Ю. Морфология и палеогеография позднеплейстоценовых оледенений Северо-Востока СССР // Плейстоценовые оледенения востока Азии. — Магадан : ДВНЦ АН СССР, 1984. — С. 28–42.
14. Глушкова О.Ю., Смирнов В.Н. Новая археологическая стоянка на оз. Эльгыгытгын (Чукотка) // V Диковские чтения : материалы научно-практической конференции. — Магадан : Кордис, 2008. — С. 71–73.
15. Губин С.В., Занина О.Г., Максимович С.В. Растительный и почвенный покровы равнин Северо-Востока Евразии в плейстоцене // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. — М., 2008. — С. 238–242.
16. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. — Новосибирск, 1998. — 336 с.
17. Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. — Новосибирск, 2002. — 170 с.
18. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В. Палеолитоведение. — Новосибирск: Наука, 1994.— 288 с.
19. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. — М. : Наука, 1977. — 391 с.
20. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. — М. : Наука, 1979. — 352 с.
21. Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. — СПб. : Наука, 1993. — 304 с.
22. Диков Н.Н. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю. — Магадан : СВКНИИ, 1996. — С. 13–31.
23. Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. — М. : Наука, 1983. — 232 с.
24. Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка IV). — Владивосток : Дальнаука, 2000. — 228 с.
25. Зеленская А.Ю. Отчет по теме «Археологические разведки в Тенькинском, Сусуманском, Хасынском и Ягоднинском ГО Магаданской области в 2018 г. // Архив ИА РАН, 2019.
26. Зеленская А.Ю. Отчет об археологической разведке на стоянках Иганджа, Неглинка, Малтан, Басандра, Бурхала на территории Тенькинского, Хасынского, Сусуманского и Северо-Эвенского ГО Магаданской области в 2019 г. // Архив ИА РАН, 2020.
27. Зеленская А.Ю., Слободин С.Б. Новые данные по археологии Верхней Колымы // X Крушановские чтения «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке». — Владивосток : Дальнаука, 2021. — С. 249–257.

28. История Якутии / Под ред. Алексеева А. Н. – Новосибирск : Наука, 2020. Т. I. – 536 с.
29. История Чукотки. – М. : Мысль, 1989. – 492 с.
30. *Кашин В.А.* Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск, 1983. – С. 93–102.
31. *Кашин В.А.* Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980-е гг. – Новосибирск : Наука, 2003. – 235 с.
32. *Кашин В.А.* Неолит Средней Колымы. – Новосибирск : Наука, 2013. – 224 с.
33. *Кирьяк М.А.* Стоянка Большой Эльгахчан I (бассейн р. Омолон) аналог палеолитического комплекса VII слоя стоянки Ушки I на Камчатке // Древние памятники севера Дальнего Востока. – Магадан : Наука, 1990. – С. 35–52.
34. *Кирьяк М.А.* Археология западной Чукотки. – М.: Наука. 1993. – 224 с.
35. *Кирьяк М.А., Глушкова О.Ю., Браун Т.А.* Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15) – С. 2–15.
36. *Кирьяк (Дикова) М.А.* Каменный век Чукотки (новые материалы). – Магадан : Кордис, 2005. – 254 с.
37. *Кистенев С.П.* Каменный век бассейна Нижней Колымы : автореф. дисс.... канд. ист. наук. – Якутск, 1990. – 22 с.
38. *Кононенко Н.А.* Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2001 – № 1. – С. 40–59.
39. *Константинов М.В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ-Чита, 1994. – 180 с.
40. *Крупянка А.А., Табаров А.В.* Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск, 2001. – 104 с.
41. *Лаухин С.А.* К проблеме освоения западной части Берингии палеолитическим человеком // Северная Евразия в Антропогене. – Иркутск : ИГУ, 2007. – С. 350–356.
42. *Леонтьев Н.Н., Новикова К.А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан : Кн. изд-во, 1989. – 456 с.
43. *Ложкин А.В.* Опыт реконструкции природной среды при изучении многослойных археологических памятников севера Дальнего Востока // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М., 2008. – С. 253–259.
44. *Ложкин А.В., Трумпле М.А.* Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 176–179.
45. *Мелекесцев И.В., Глушкова О.Ю., Кирьянов В.Ю., Ложкин А.В., Сулержицкий Л.Д.* Происхождение и возраст магаданских вулканических пеплов // ДАН. Е. 317. – 1991. – № 5. – С. 1188–1192.
46. *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск : Наука, 1977. – 264 с.
47. *Мочанов Ю.А.* Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. – Новосибирск : Наука, 1992. – 254 с.
48. *Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Очерки дописьменной истории Якутии. Т. 2. – Якутск : 2013. – 489 с.
49. *Окладников А.П.* Ленские древности. – Якутск, 1946. – Вып. 2. – 186 с.
50. *Окладников А.П.* Ленские древности. Вып. 3. – М. – Л., 1950. – 195 с.
51. *Орехов А.А.* Формы культурно-технологической адаптации переходного периода (мезолита) Северо-Восточной Азии // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток, 1996. – С. 187–192.

52. Орехов А.А. Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 35. — Владивосток, 2022. — С. 34–58.
53. Питулько В.В. Жоховская стоянка. — СПб. : Изд-во «Дм. Буланина», 1998. — 185 с.
54. Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. — М., 2004. — С. 99–145.
55. Питулько В.В. Культурная хронология каменного века Северо-Востока Азии // II Северный археологический конгресс. Доклады. — Ханты-Мансийск, 2006. — С. 306–321.
56. Питулько В.В. Загадки Берелеха // Записки Института истории материальной культуры РАН. — 2008. — № 3. — С. 98–117.
57. Питулько В.В. Расселение и адаптации древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем неоплейстоцене — раннем голоцене : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2022. — 254 с.
58. Питулько В.В., Никольский П.А., Басилян А.Э. Радиоуглеродный возраст Берелехского комплекса объектов // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. — С. 474–478.
59. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Дорожкина М.В., Никольский П.А., Басилян А.Э. Берелёх: полная перезагрузка // Археология Арктики. Вып. VIII. — 2023. — С. 29–82.
60. Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 312 с.
61. Ранов В.А., Цейтлин С.М. Палеолитическая стоянка Дириг глазами геолога и археолога // БКИЧП. — 1991. — № 60. — С. 79–87.
62. Свиточ А.А. Четвертичная геология, палеогеография, морской плейстоцен, соляная тектоника. — М. : РАСХН, 2002. — 650 с.
63. Свиточ А.А. Морской плейстоцен побережий России. — М. : ГЕОС, 2003. — 362 с.
64. Слободин С.Б. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. — Владивосток, 1996. — С. 204–212.
65. Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — 234 с.
66. Слободин С.Б. Перспективы археологических исследований ранних комплексов на Северо-Востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4 (4). — С. 49–60.
67. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. — 202 с.
68. Слободин С.Б. Археологические памятники в долине р. Большая Хая (Охотско-Колымское нагорье) // II Диковские чтения. — 2002 а. — С. 364–370.
69. Слободин С.Б. Черешковые наконечники ушковского типа в Берингии // II Диковские чтения. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002 б. — С. 308–314.
70. Слободин С.Б. Этапы освоения человеком Охотско-Колымского нагорья на рубеже плейстоцена — голоцена // Социогенез в Северной Азии. — Иркутск : ИГТУ, 2005. — С. 158–163.
71. Слободин С.Б. Распространение обсидианового сырья на археологических памятниках Колымы, Камчатки и Чукотки (Северо-Восток России) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. — Тюмень : Вектор Бук, 2007. — С. 136–140.
72. Слободин С.Б. Трансверсальные резцы в культурах Северо-Восточной Азии и Аляски // Чтения памяти акад. К. В. Симакова. — Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2009. — С. 285–286.
73. Слободин С.Б. Новые данные о возрасте VII палеолитического слоя стоянки Ушки I (по результатам С-14 датирования образцов угля из раскопок Н. Н. Дикова) // VI Диковские чтения. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2010. — С. 66–77.
74. Слободин С.Б. Бифронтальные клиновидные нуклеусы в культурах Берингии // Материалы III Всероссийского археологического съезда. — Москва, 2011. — С. 89–90.

75. Слободин С. Б. Типология нуклеусов в комплексах древних культур Северо-Востока Азии // Всероссийская конференция «Геология, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России». – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2011. – С. 233–236.
76. Слободин С. Б. Палеолитическая стоянка на о. Айон (Чукотка) // Чтения памяти академика К. В. Симакова. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2015. – С. 238–241.
77. Слободин С. Б. Культурная динамика на Северо-Востоке Азии в позднем плейстоцене и раннем голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : ИГУ, 2015. – С. 219–229.
78. Слободин С. Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. – 2018. – № 3. – С. 58–74.
79. Слободин С. Б., Глушкова О. Ю. Стоянка Хета – первый стратифицированный верхнепалеолитический комплекс на Колыме // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск, 1992. – С. 225–228.
80. Слободин С. Б., Кинг М. Отложения вулканических пеплов на Верхней Колыме как маркирующие горизонты для датирования археологических памятников // Археология Северной Пасифики. – Владивосток, 1996. – С. 357–364.
81. Слободин С. Б., Глушкова О. Ю., Смирнов В. Н. Археология и палеогеография палеолитических стоянок в бассейне Верхней Колымы // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М., 2008. – С. 222–237.
82. Слободин С. Б., Андерсон П. М., Глушкова О. Ю., Ложкин А. В. Западная Берингия (Северо-Восток Азии) // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : Атлас-монография. – М. : ГЕОС, 2014. – С. 209–257.
83. Слободин С. Ю., Зеленская А. Ю. Стоянка Запятая на Верхней Колыме (результаты исследований 1991–2018 гг.) // Археология Арктики. Вып. VIII. – 2023. – С. 107–174.
84. Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Г., Осипова Л. П. и др. Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов : Проблемы индеанистики. – М., 1988. – С. 19–32.
85. Титов Э. Э. Краткий отчет о результатах геоморфологических исследований на археологических стоянках Эльгахчан-I (бассейн р. Омолон) и Дручак (бассейн р. Гижиги) в 1990–1991 гг. – Магадан, 1991. – 14 с. Фонды МОКМ (без номера).
86. Томирдиаро С. В. Природные процессы и освоение зоны вечной мерзлоты. – М. : Недра, 1978. – 145 с.
87. Херсонский С. О звериных помыслах в Охотской округе Приморского Края // Записки Амурского отдела ИРГО. Т. IV, вып. I. – Хабаровск, 1898. – С. 1–26.
88. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. – СПб. : Изд. «Дм. Буланин». – 341 с.
89. Brigham-Grette J., Lozhkin A. V., Anderson P. M., Glushkova O. Y. Paleoenviromental Counditions in Western Beringia before and during the Last Glacial Maximum // Entering America: north-east Asia and Beringia before the last glacial maximum. – Utah : The University of Utah Press, 2004. – P. 29–61.
90. Derevianko A. P., Zenin V. N., Shewkomud I. Y. Palaeolithic of the Priamurye (Amur river basin) // Archaeology of the Russian Far East: essays in stone age Prehistory. BAR International Series 1540. – Oxford, 2006. – P. 55–73.
91. Dikov N. N. The Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in connection with the problems of peopling of America via Beringia // Traditional cultures of the pacific societies. – Seoul, 1990. – P. 55–66.
92. Giddings J. L., Anderson D. D. Beach Ridge Archeology of Cape Krusenstern. – Washington, DC, 1986. – 386 p.
93. Haley Sh. The Pasika complex revisited // Early human occupation in British Columbia. – UBS Press : Vancouver BC: 1996. – Pp. 51–64.

94. *Holmes Ch. E.* The Taiga period: Holocene archaeology of the northern boreal forest, Alaska // Alaska Journal of Anthropology. – 2008. – № 6 (1–2). – Pp. 69–81.
95. *Holmes Ch. E.* The Beringian and Transitional Periods in Alaska: technology of the East Beringian Tradition as viewed from Swan Point // From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia. – Collage Station, Texas, 2011. – P. 179–191.
96. *King M. L., Slobodin S. B.* A fluted point from the Uptar site, Northeastern Siberia // Science. – 1996. – Vol. 273. – P. 634–636.
97. *Kiryak M. A.* Bolshoi Elgakhchan 1 and 2, Omolon River Basin, Magadan District // American beginnings. – University of Chicago Press, Chicago, 1996. – P. 228–236.
98. *Ponomareva V. V., Kyle P. R., Melekestsev I. V., Rinkleff P. G., Dirksen O. V., Sulerzhitsky L. D., Zaretskaia N. E., Rourke R.* The 7600 (14C) year BP Kurile Lake caldera-forming eruption, Kamchatka, Russia: stratigraphy and field relationships // Journal of volcanology and Geothermal Research. – № 136. – 2004. – P. 199–222.
99. *Slobodin S. B.* On a wedge-shaped core variation in Beringia // Current Research in the Pleistocene, vol. 26. – 2009. – P. 26–28.
100. *Slobodin S. B.* The First Ushki Type Stemmed Point from Upper Kolyma (Western Beringia) // Current research in the Pleistocene. V. 27. – 2010. – P. 36–38.
101. *Slobodin S. B.* Late Pleistocene and Early Holocene Cultures of Beringia: the General and the Specific // From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene / Early Holocene Beringia. Texas A&M University, College Station, Texas. 2011. – Pp. 145–164.
102. *Sikora M., Pitulko V. V., Sousa V. C., ... Slobodin S., et al.* The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – Vol. 570. – P. 182–188.
103. *Vorobei I. E.* Druchak microblade industries of Northeast Asia // Current research in the Pleistocene. – 2003. – V. 11. – P. 81–83.
104. *Waters M., Forman S., Pierson G.* Diring-Yariakh: A lower Paleolithic site in Central Siberia // Science. – 1997. – V. 275. – P. 1281–1284.

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ЧУКОТКИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЧУКОТКИ В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ (30 000–10 000 л. н.)

Наиболее достоверные свидетельства освоения человеком территории Чукотки относятся ко второй половине сартанского интервала, но имеются некоторые материалы, которые позволяют предполагать, что первоначальное заселение этой территории происходило уже в самом начале сартанского или даже в конце каргинского интервала.

На северо-западе Чукотки в районе Анадырского плоскогорья в последние годы было проведено комплексное исследование осадков оз. Эльгыгытгын (Минюк и др., 2003, Матросова, 2009). Анализ спорово-пыльцевых спектров осадков показали изменения растительности и климата Чукотки за последние 350 тыс. лет. Полученные датировки абсолютного возраста (Forman et al., 2007; Jushus et al., 2007) позволили выполнить компьютерную экстраполяцию и сопоставить выделенные пыльцевые зоны с морскими изотопными стадиями (Bradly, 1985).

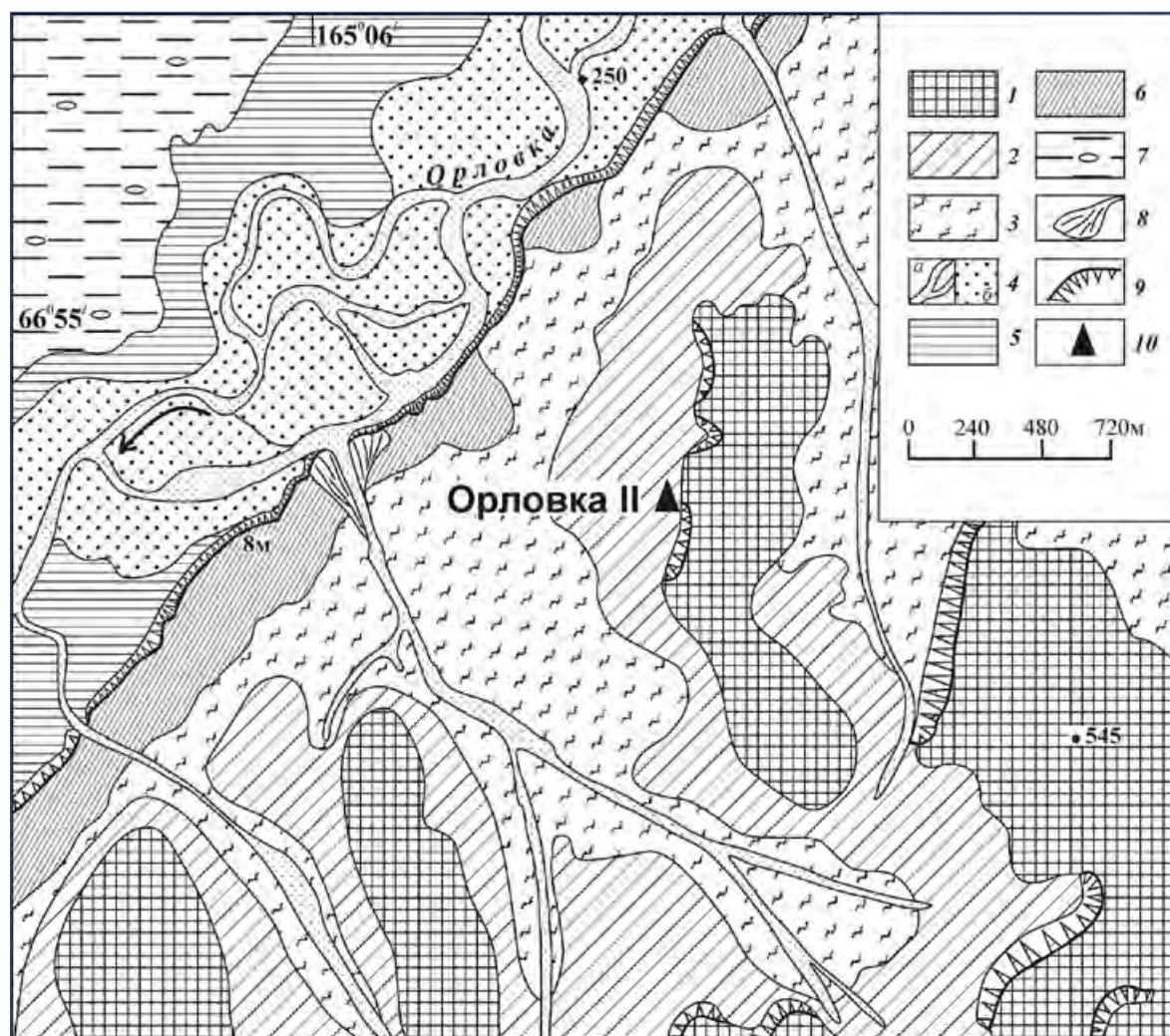
В каргинский интерстадиал МИС-3 (64 000–27 000) уровень Мирового океана повышался. Возможно, в отдельные периоды Берингийский мост суши прекращал свое существование. Предполагается, что около 34 тыс. л. н. (Хопкинс, 1976; Ложкин, 2002) уровень моря находился на 50 м ниже современного.

Палинологические данные показывают, что потепление климата, связанное с каргинским интервалом, в районах континентальной Чукотки было незначительным. Его первая половина характеризовалась неустойчивыми климатическими параметрами. Июльские температуры колебались от +3 до +10° С, количество осадков января изменялось от 18 до 30 мм, количество осадков июля — от 40 до 53 мм (Матросова и др., 2004). Относительное потепление климата в начале каргинского интервала вызвало расширение границ распространения кустарниковой березы и ольховника. В районе озера была развита травянистая тундра со стелющимися формами ивы. Последовавшее вслед за этим похолодание во второй половине каргинского интервала привело к распространению арктических тундр. Поверхности, покрытые растительностью, вероятно, ограничивались небольшими защищёнными возвышенностями. Климат был континентальный с холодной зимой и сухим непродолжительным летом.

Данные C^{14} датирования фауны о. Врангеля свидетельствуют о доступности значительной части континентального шельфа в каргинское время. Остров Врангеля в этот период мог быть отделён от материка небольшим проливом (при понижении уровня моря на 25–30 м), либо, что считается более вероятным (Вартанян, 2007), продолжал сохранять связь с материком. В период 52–33 тыс. л. н. здесь формировались почвы и произрастала травянистая (осока) и древесная растительность (хвойные породы, ольховник) (Вартанян, 2007. С. 86). Находки костей

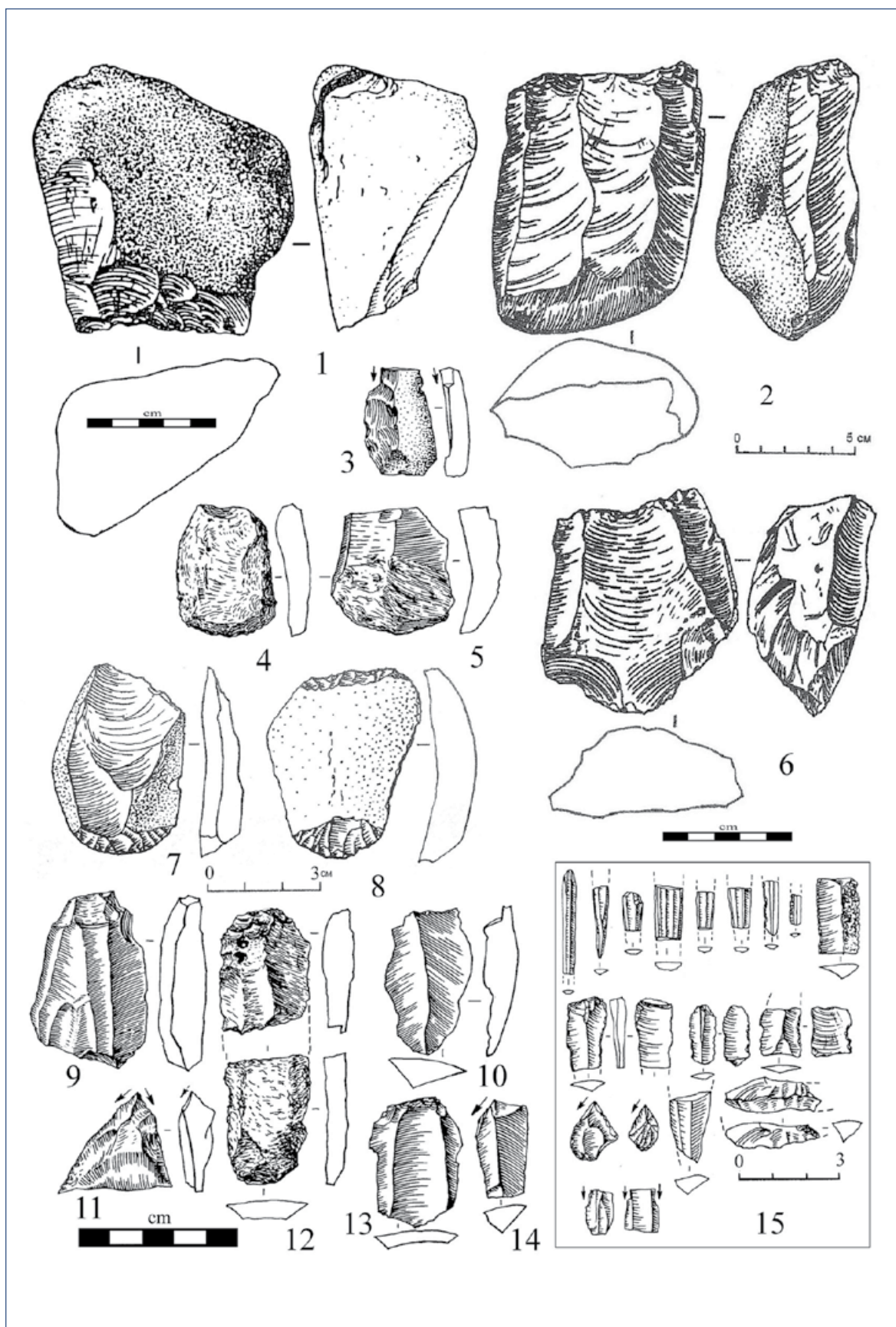
показывают, что 40–29 тыс. л. н. на этой территории расселились мамонт, лошадь, носорог (Вартанян, 2007. С. 112) и другие животные мамонтового комплекса.

На северо-западе Чукотки в качестве наиболее раннего свидетельства освоения территории человеком в верхнем плейстоцене рассматриваются материалы стоянки **Орловка II** (Кирияк, 2005). Найденный на стоянке комплекс галечных орудий не датирован по C^{14} , но по своим технико-типологическим характеристикам был сопоставлен с наиболее ранними галечными комплексами Сибири и Дальнего Востока.

*Илл. 1. Геоморфология стоянки Орловка II (подготовлено Глушковой О.Ю.)
(приводится по: Слободин и др., 2014)*

Стоянка находится в долине реки Бол. Анюй (прав. приток р. Колымы), в нижнем течении её притока — реки Орловки ($66^{\circ} 56' 07''$ с. ш., $165^{\circ} 09' 16''$ в. д.), на высоте около 300 м над уровнем моря (илл. 1). Она расположена на раздернованном уступе склона сопки на высоте 160 м над уровнем реки, в 1 км от её русла. На поверхности склона отмечены следы солифлюкции, нарушившей целостность отложений стоянки. Часть находок (галечные орудия и микропластинки) найдены на поверхности. В раскопе (23 м^2) находки залегали двумя горизонтами до глубины 22 см. Верхний приурочен к гумусированному слою с щебёнкой и гравием, мощностью 7–10 см, нижний — к желтоватой супеси с примесью песка и гравия, мощностью 5–15 см. В основании разреза обнажается скальное основание. К верхнему горизонту тяготеет комплекс кремневых микропластинок (илл. 2, 15).

Илл. 2. Каменные орудия стоянки Орловка II: нижний комплекс – 1–14. Верхний комплекс – 15 (приводится по: Кирьяк, 2005). Верхний масштаб – к №№ 1–3. Средний масштаб – к №№ 4–13, нижний – к № 15

К нижнему — галечные чопперы, нуклеусы для получения пластинчатых сколов и пластин, а также отщепы, пластины, скребло, концевые скребки, резцы, всего 217 находок (илл. 2, 1–14), сделанных из окремнённых пелитов и алевролитов (Кирьяк, 2005). На плане распространение и концентрация находок по вертикали совпадают от поверхности до нижнего слоя. В каждом горизонте выделено по два скопления площадью 6–8 м² и 5–7 м², расположенных точно друг под другом. Наличие углистости в районе скопления крупных галек послужило основанием для предположения о существовании здесь очага и (или) наковальни (Кирьяк, 2005. С. 75).

Расположение стоянки указывает, что это мог быть наблюдательный охотничий пункт, хотя объём и характер находок указывают на достаточно долговременную хозяйственную деятельность. Сырьё в виде крупных галек было принесено с галечных кос р. Орловки. В общей сумме они составляют значительную массу и требуют определённых усилий для их транспортировки на стоянку. Судя по наличию среди орудий скребла и скребков (около 50% орудий), на стоянке обрабатывали шкуры животных. Какими могли быть орудия охоты, исходя из посыла, что это стоянка *«галечной традиции»* (Кирьяк, 2005. С. 76), неясно.

Имеющиеся материалы дают очень мало сведений для определения культурной принадлежности стоянки. Если исключить из контекста орудийного комплекса стоянки Орловка II материалы с микропластинками, то её, предварительно, можно определить как Орловский комплекс традиции галечных орудий периода, предшествующему появлению микропластинчатой технологии, т. е. не моложе 25–30 тыс. л. Если их учитывать, то следует отметить, что ниже по склону сопки от стоянки Орловка II, на речной террасе, находится стоянка Орловка I с микропластинками, призматическим микронуклеусом, определённая как неолитическая (Кирьяк, 2005).

Для стоянки Орловка II приводится широкий круг аналогий как с галечными комплексами предположительно плейстоценового (возрастом 30–35 тыс. л.) периода Монголии, Дальнего Востока, Южной Сибири, так и с отдельными находками плейстоцена Якутии, Аляски и голоцена Колымы (Кирьяк, 2005; Диков, 1996) (см. илл. 4 в разделе «Колыма в эпоху палеолита и мезолита (Магаданская область)»). Но сравнения с одними (Филимошки, Осиновка, Кумары I, II) слабы из-за отсутствия для них обоснованных датировок; с другими (Верхне-Троицкая, Эжанцы, Кокорево I, Сибердик, Конго) — из-за типологического несоответствия орудийных комплексов в целом. Особо подчёркивается сходство материалов стоянки Орловка II с орудиями стоянки Кумары II. Отмечается, что *«почти абсолютной аналогией орловского нуклеуса типа № 1 (подпризматической формы со следами субпараллельного продольного скалывания) являются изделия со стоянки Кумары II»* на Амуре (Кирьяк, 2005). Есть все основания согласиться с таким сопоставлением, если считать Орловский комплекс безмикропластинчатым. Однако возраст стоянки Кумары II до сих пор проблематичен, и, хотя она рассматривается среди ранних комплексов Приамурья (Derevianko et al., 2006), считается, что *«...в данном случае можно было говорить только об облике инвентаря, а не о его древности»* (Деревянко и др., 1994).

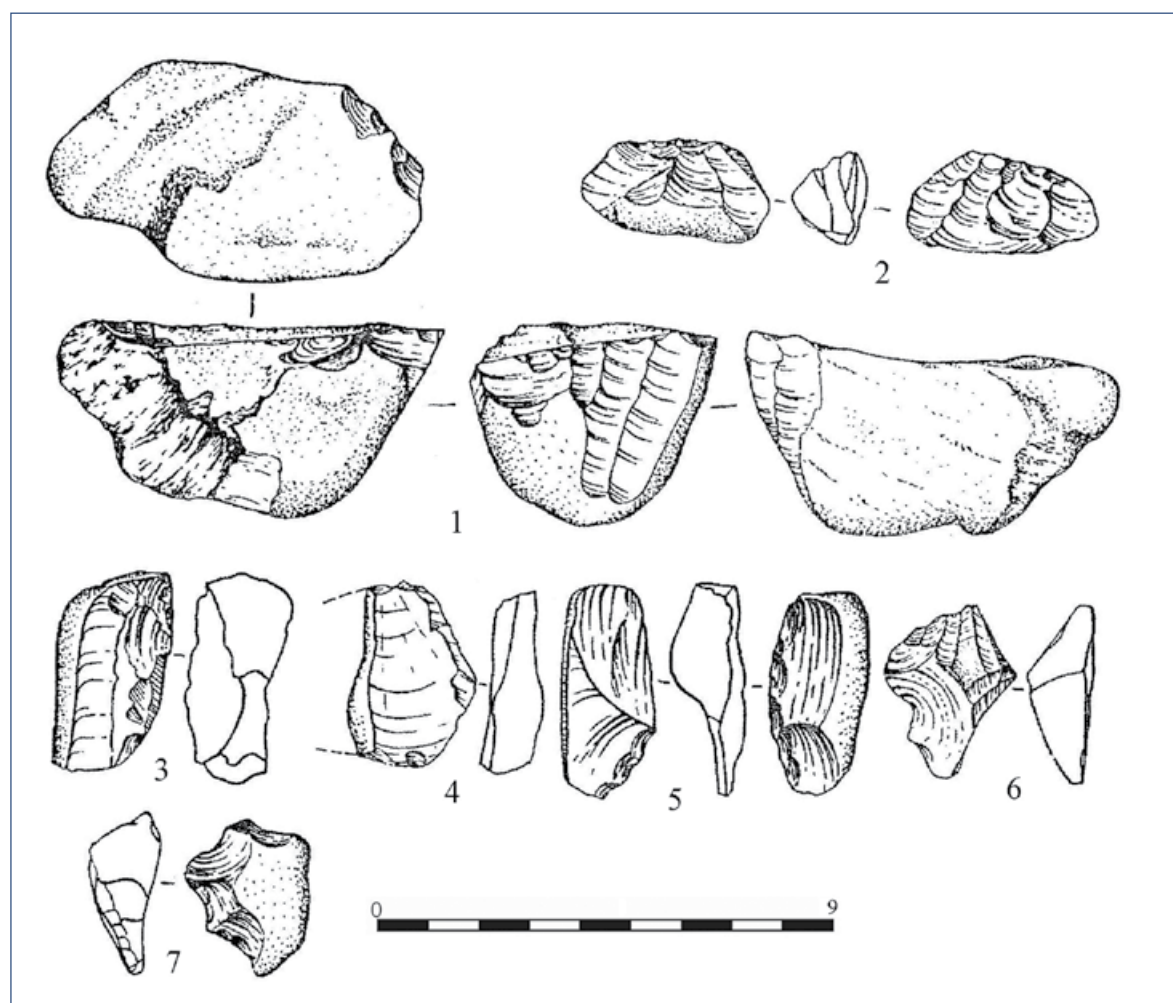
Вопрос о культурной принадлежности и возрасте стоянки Орловка II зависит прежде всего от определения её как одно- или двухкомпонентного памятника. Микропластинки определяют возможный максимум возраста на Чукотке в пределах 14–12 тыс. л., а с учётом того, что на стоянке нет прямых свидетельств присутствия клиновидных нуклеусов, не более 9 тыс. лет. Если же мы имеем дело с двумя различными комплексами, то галечные орудия в данном стратиграфиче-

ском контексте позволяют говорить о вероятной древности нижнего комплекса и о существовании древней галечной традиции на Северо-Востоке Азии, как это предполагал Н. Н. Диков (Диков, 1979).

Другими, как наиболее древними на Чукотке, возрастом 30–35 тыс. л., рассматриваются материалы **стоянок (?) Кымынейкей и Кымынанонвываам XII, XIII** (Диков, 1993). Анализ материалов этих объектов ставит под сомнение возможность датирования их этим возрастом (Slobodin, 1999; Воробей 1999).

На объектах **Кымынанонвываам XII, XIII** (Диков, 1993) на Чукотском полуострове в подъёмном материале найдены рубиловидные «орудия» и отщепы с минимумом краевой обработки, сделанные из трещиноватого яшмоида и кремня. Они были сопоставлены с материалами стоянок Диринг-Юрях, Филимошки, Кумары и датированы возрастом 20–28 тыс. л. (там же). Учитывая, что стоянки находятся на месторождении кремня (яшмоида), и то, что здесь же была найдена микропластинка, а рядом расположены неолитические стоянки, каменный материал, вероятнее всего, имеет более молодой, неолитический возраст (Слободин, 2000).

На объекте **Кымынейкей** находки получены из керна с глубины 33 м, при бурении на г. Кымынейкей в долине р. Ванкарем (Лаухин и др., 1989). Они описаны как отщепы и клиновидный нуклеус (илл. 3) и отнесены к микропластинчатой технологии Северо-Востока Азии. Отложения, слагающие г. Кымынейкей, охарактеризованы как ледниковые. Появление находок в теле морены объяснено перемещением их ледником из долины соседней реки в блоке мерзлой

Илл. 3. Каменные орудия стоянки Кымынейкей: 1–7 (приводится по: Laukhin, Drozdov, 1991. Table 2)

породы и последующим переотложением. Находки были датированы возрастом около 30 тыс. л. н. на основе сопоставления их с материалами стоянок дюктайской культуры Якутии. Из подстилающих морену отложений в Ванкаремской впадине получены даты — 39–40 тыс. лет (Лаухин, 1997. С. 163). Облик «находок» и обстоятельства их обнаружения вызывает сомнение в их искусственном происхождении (Goebel, Slobodin, 1999; Слободин, 2000). Ледниковая интерпретация происхождения горы Кымынейкей была подвергнута критике в работе «Палиностратиграфия и ландшафты кайнозоя Ванкаремской впадины» (Кундышев, 1992).

САРТАНСКИЙ ИНТЕРВАЛ

В сартанскую эпоху в результате значительного похолодания климата в регионе началось формирование горно-долинных ледников (см. илл. 4 в разделе «Колыма в эпоху палеолита и мезолита (Магаданская область)»). Оледенение носило очаговый характер, т. е. охватывало наиболее высоко поднятые, разобъённые хребты и горные массивы. За исключением Анюйского района основная масса ледников тяготела к Тихоокеанскому склону Главного водораздела. В высокогорье оледенение носило «сетчатый» или горно-покровный характер. В среднегорных массивах формировались долинные (15–25 км) и каровые ледники.

Основная масса ледников была сосредоточена в обособленных ледниковых районах: Экитыкском, Чукотском, Корякском (Глушкова, 1984). В максимум сартанского оледенения (20–18 тыс. л. н.) понижение уровня Мирового океана составило 100–110 м. В районе острова Врангеля отступление моря приблизительно 500 км, в районе о-ва Айон — 640 км. Полоса осушенного шельфа Чукотского моря составляла 120–160 км.

На обширных пространствах осушенного шельфа формировались своеобразные ландшафты, названные «арктидой» (Томирдиаро, 1978), с характерными тундростепными сообществами и своеобразной фауной. В это время там происходило активное накопление криогенно-эоловых образований едомной серии и шёл рост полигонально-жильных льдов. В низкогорных массивах за пределами ледниковой зоны на фоне повсеместного распространения вечномёрзлых пород происходит активизация нивальных и криогенных процессов.

Последняя эпоха похолодания напрямую связана с гляциоэвстатическими колебаниями уровня океана и возникновением Берингийского моста суши, оказавшего значительное влияние на эволюцию флоры и фауны, а также на расселение древнего человека. Около 20 тыс. лет назад, в эпоху максимального плейстоценового похолодания на месте Берингова пролива располагалась низменная суша с отметками –30–50 м (Свиточ, 2003), с останцовыми массивами островов Св. Лаврентия и Диомида. На поверхности этой суши были распространены тундростепные и тундровые ландшафты. Ширина возникшего континентального моста достигала 2000 км. Горные массивы, особенно в южной половине Чукотского полуострова, были покрыты каровыми и долинными ледниками. Наиболее крупные из них выходили на осушенный шельф (см. илл. 4 в разделе «Колыма в эпоху палеолита и мезолита (Магаданская область)»).

Около 17 тыс. л. н. началось постепенное затопление шельфов, сопровождавшееся увеличением влажности климата (Свиточ, 2003). Около 15 тыс. л. н., когда уровень моря достиг отметки –52 м, воды Чукотского и Берингова морей почти полностью затопили Берингов пролив и были разделены лишь узким порогом на

глубине –46 м. Полностью пролив был открыт около 14 тыс. л. н., а с 11,5 тыс. л. н., когда уровень моря достиг –20–15 м, началось его нормальное функционирование. С этого периода начался постоянный обогрев побережий и произошло значительное увлажнение и ослабление континентальности климата. Повышение уровня моря и разрушение Берингийского моста привели к постепенной смене ландшафтов, вымиранию и уходу древних животных, приспособленных к условиям тундростепей. Разрушение арктической тундростепи произошло относительно быстро, в течение 10–12 тыс. лет.

На Чукотке в МИС-2 климат был континентальный с низкими январскими температурами и небольшим количеством осадков. В спорово-пыльцевых спектрах этого периода доминирует арктическая тундра с элементами тундростепи. Вегетативный период ксерофитных сообществ (*Artemisia*, Caryophyllaceae, Paraceae, *Selaginella rupestris*) требует, чтобы лето было достаточно тёплым, но коротким и сухим.

В конце сартанского интервала в спектрах выделяется потепление, которое, возможно, сопоставляется с интерстадиалом в Сибири (15000–16000 л. н.) (Кинд, 1974). Климат был теплее современного. Палинологические данные свидетельствуют о весьма существенной перестройке растительного покрова 12300 л. н. В это время, как и в целом по региону, господствовавшие на Чукотке своеобразные тундростепные сообщества были замещены кустарниковой берёзовой тундрой. Подобная смена установлена во всех переходных от плейстоцена к голоцену пыльцевых летописях Западной Берингии около 12500 л. н.

В сартанское время на Чукотке, судя по датированным находкам костей, водились мамонты, лошади, овцебыки, бизоны (Вартанян, 2007; Сулержитский, 1997). Распространение этих животных через Чукотку подтверждается находками этих животных сартанского возраста на Аляске (Guthrie, 1990).

В позднем палеолите, по мнению Н. Н. Дикова (1993), на Чукотке распространилась ранняя позднепалеолитическая ушковская культура с черешковыми наконечниками возрастом 11–12 тыс. лет. Такая возможность поддерживается находками черешковых наконечников на Колыме и в верховьях правого притока Колымы — р. Омолон на стоянке Бол. Эльгахчан (см. раздел по Колыме).

Однако отчётливых свидетельств распространения этой культуры на Чукотке пока не выявлено. Н. Н. Диков (1993 а) отнёс к ней подъёмные материалы стоянок Челкун II и Ульхум, однако форма черешка, пера и характер обработки единичных наконечников (по одному на каждой стоянке) существенно отличаются от классических ушковских. На стоянке Челкун II это просто слабо модифицированный отщеп, поэтому, видимо, стоянка была исключена Н. Н. Диковым (Диков, 1996) из числа палеолитических в последнем обзоре «Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии». Ни по технико-типологическим, ни по стратиграфическим критериям эти недатированные находки не соответствуют предполагаемым критериям ранней ушковской позднепалеолитической культуры (Слободин, 2000; Slobodin, 2002).

Несомненным свидетельством широкого освоения человеком Чукотки в сартанское время является серия стоянок микропластинчатой индустрии с клиновидными нуклеусами и бифасами, связанной с селемджинско-дюктайской и ушковской традициями. Количество их невелико, почти все они представлены подъёмными материалами. Стратиграфическое залегание материала и C^{14} даты имеются только на стоянке Тытыльваам IV. Наиболее информативными, помимо неё, являются стоянки Курупка I, на оз. Эльгыгытгын и Тытыльваам IV на оз. Тытыль; на юге Чукотки — стоянки Тальяин и Инаскваам. В бассейне р. Омолон —

Бол. Эльгахчан II и Кедон. Самая северная стоянка этой традиции отмечена на о. Айон. Верхняя граница существования селемджинско-дюктайской в Якутии и ушковской традиции на Камчатке и Чукотке приходится на самое начало голоцена. Но основное развитие они получают с середины МИС-2. Эта же традиция существовала в центральных районах Аляски и Западной Канаде уже с 12 500 л. н. (Slobodin, 2011). В финале палеолита выделяется «реликтовый (голоценовый) палеолит» (Диков, 1979. С. 97), выразительным памятником которого на Чукотке является стоянка Тытыльваам IV.

Следует учитывать, что специфической общей чертой берингийских комплексов (на Колыме на стоянке Омчик II, на Камчатке — ушковского, на Чукотке на стоянках Курупка и Тальяин) являются бифронтальные клиновидные нуклеусы, отсутствующие в дюктайской культуре и представленные в ряде дальневосточных и приамурских комплексах. На Северо-Востоке верхняя хронологическая граница распространения клиновидных нуклеусов ограничена возрастом 9 тыс. л., на Аляске они существовали до середины голоцена (Slobodin, 2011).

Продвижение этих культур на восток, на Чукотку из бассейна Колымы и Приохотья, где комплексы с клиновидными нуклеусами выявлены на стоянках Хета, Омчак II, Дручак-В., Усть-Магадавен I (Слободин, 1999; Слободин и др., 2014; Воробей 1996; 2008) происходило, очевидно, по долине р. Омолон, где найдены стоянки Бол. Эльгахчан II (Кирьяк, 1993; Kiryak, 1996) и Кедон с микропластинками и клиновидными нуклеусами.

Стоянка Бол. Эльгахчан II находится в предгорьях северного склона Охотско-Колымского нагорья, в верховьях реки Омолон, на правом берегу её правого притока — р. Бол. Эльгахчан, примерно в 600 м от её устья (64° 14' 05" с. ш., 161° 06' 17" в. д., абс. отм. ок. 420 м), где расположена стоянка Бол. Эльгахчан I (Кирьяк, 1993) (см. илл. 4 в разделе «Колыма в эпоху палеолита и мезолита (Магаданская область»)).

На стоянке найдены отщепы, микропластинки, скол подправки отжимной площадки нуклеуса и клиновидный нуклеус, все из чёрного обсидиана. Нуклеус (2,9 × 1,9 × 1,1 см)¹ выполнен на симметричной бифасиальной заготовке с килем и контрфронтом обработанным под лезвие (илл. 6, 7). Скол подправки и микропластинки по материалу и своим параметрам соответствуют этому нуклеусу (Kiryak, 1996. P. 235–236).

Отжимная (ударная) площадка обработана со стороны фронта короткими пластинчатыми снятиями с примыкающим к ней со стороны контрфронта «гребнем» (Кирьяк, 1993; 2005, табл. 113, 15). Скол подправки площадки нуклеуса охарактеризован как «скол подновления гребневидной площадки... клиновидного нуклеуса» (Кирьяк и др. 2003. С. 13). Такая техника обработки нуклеусов на севере Дальнего Востока отмечена для ряда стоянок Ушки (сл. 6), Курупка (Диков, 1979; 1993 а), Тальяин. Для материалов дюктайской культуры (Мочанов, 1977) такой приём оформления клиновидных нуклеусов пока неизвестен. Н. Н. Диков определял их как «хвостатые», «верхнее ребро которых наподобие лезвия, двусторонне обработано ретушью» (Диков, 1979. С. 291, табл. 1), и включил их в группу IV клиновидных нуклеусов, в подгруппу 7 и 8. Особо он подчеркнул их появление в комплексах раннеголоценового V слоя стоянки Ушки I, II, где «...наряду с прежними типами узких и высоких клиновидных нуклеусов (имеются. — С. С.), так же и нового типа с ребром со стороны ударной площадки» (Диков, 1979. С. 78).

¹ Здесь и далее — высота × длина × толщина.

Н. Н. Диков считал, что появление этого элемента в технологии изготовления клиновидных нулеусов, как и другие факторы, в целом, «свидетельствуют о заметном упадке в развитии культуры», и отмечал, что происходит «деградация в технологии» позднего комплекса V слоя ушковской позднепалеолитической микропластинчатой традиции (Диков, 1993 б. С. 35–36), наиболее развитый этап которой представлен в VI слое ушковских стоянок. В частности, он указывал, что «некоторые клиновидные нуклеусы теперь более узкие, с ребром со стороны ударной площадки, обработка орудий становится небрежной» (там же). Но такой приём подготовки отжимной площадки клиновидных нуклеусов хорошо представлен в материалах VI слоя стоянки Ушки I, хотя и не является там преобладающим. Для некоторых же стоянок Чукотки, таких как Тытыльваам IV, Курупка, этот приём оформления отжимной площадки клиновидных нуклеусов является доминирующим. На южном склоне Охотско-Колымского нагорья подобный тип клиновидных нуклеусов, с примыкающим к отжимной площадке (заходящем на неё) ребром, «переходящем к контрфасу», известен на стоянке Ленчик I (Воробей, 2004. С. 335).

Стоянка Кедон находится на Северо-Восточном склоне Кедонского хребта, в верховьях р. Кедон, открыта геологом С. Шведовым в ходе геологической съёмки. Она располагается на террасе, в 2,5 км от его правого берега, между ручьями Мураду и Двухустьевой в Омкучанской впадине (64° 54' 28" с. ш., 159° 02' 56" в. д., абс. отм. ок. 420 м). На поверхности террасы найден клиновидный нуклеус размером 2,9 × 2,2 × 1,1 см из чёрного обсидиана, с ретушированным «гребнем», примыкающим к отжимной площадке, оформленной со стороны фронта короткими пластинчатыми сколами (илл. 6, 1). Он изготовлен на бифасиальной заготовке, имеющей односторонне выпуклое поперечное сечение. Фронт «завален» по одну (выпуклую) плоскость, имеет 5–6 негативов от снятых микропластинок.

Одна из его поверхностей имеет выразительные следы патинизации (корразии): грани фасеток ретуши и от скалывания пластинок сглажены и поверхность «окатана» и «заветрена» под воздействием ветра, солнца, температур и воды (талые воды, дожди), что свидетельствует о его длительной экспозиции на поверхности.

Возраст комплексов, включающих клиновидные нуклеусы с ретушированным «гребнем», примыкающим к отжимной площадке, оформленной со стороны фронта короткими пластинчатыми сколами, определяется датировками, имеющимися для V слоя стоянки Ушки I на Камчатке и Тытыльваам IV на Чукотке. Они находятся в диапазоне 9820 ± 1150 (МАГ-321) — 8645 ± 40 (САМС-96452) и маркируют заключительный (завершающий) этап палеолитической эпохи на севере Дальнего Востока. Орудийный комплекс этого этапа включает, помимо клиновидных нуклеусов, микропластинки, бифасиально обработанные листовидные наконечники, скребки на отщепях, трансверсальные резцы, овальные бифасы.

Наиболее ранними среди палеолитических стоянок Чукотки с микропластинками и клиновидными нуклеусами являются, вероятно, находки на о. Айон в Чаунской губе и на р. Курупке.

Стоянка Айон. Впервые о палеолите Чукотки было сказано в связи с находкой ножевидной микропластинки на о. Айон (Диков, 1971).

В ходе археологических исследований в 1959 и 1972 гг. Н. Н. Диков (Диков, 1961; 1977) выявил на острове Айон стоянки каменного века, расположенные в долине реки Рывеем и на южном берегу острова Айон в районе Малого Чаунского

пролива. Большинство стоянок было отнесено им к неолитическому времени. На них были найдены мелкие каменные орудия из халцедона и кремня, а также фрагменты грубого качества глиняной посуды (Диков, 1961; 1977; 1979).

В 1959 г. на стоянке Первая Рывеевская в глубине острова на берегу реки Рывеем им была найдена микропластинка, ниже которой, в осыпи речного обрыва, были отмечены кости мамонта (Диков, 1977. С. 207). Хотя первоначально Н. Н. Диков отмечал, что кости мамонта «не относятся к культурному горизонту с ножевидной пластинкой» и датировал её неолитом (Диков, 1961. С. 40; 1969. С. 155), позже он высказал предположение, что микропластинка могла быть сколота с клиновидного нуклеуса, имеет финально палеолитический возраст (около 10 тыс. л.) и относится к ушковско-дюктайскому субстрату (Диков, 1971; 1974). На карте, составленной Н. Н. Диковым — «Пути заселения Чукотки и Америки в позднем палеолите» (Диков, 1974. С. 32), стоянка на о. Айон маркировала путь продвижения палеолитического населения Якутии от низовий р. Лены по осушенному арктическому шельфу Берингии на Аляску.

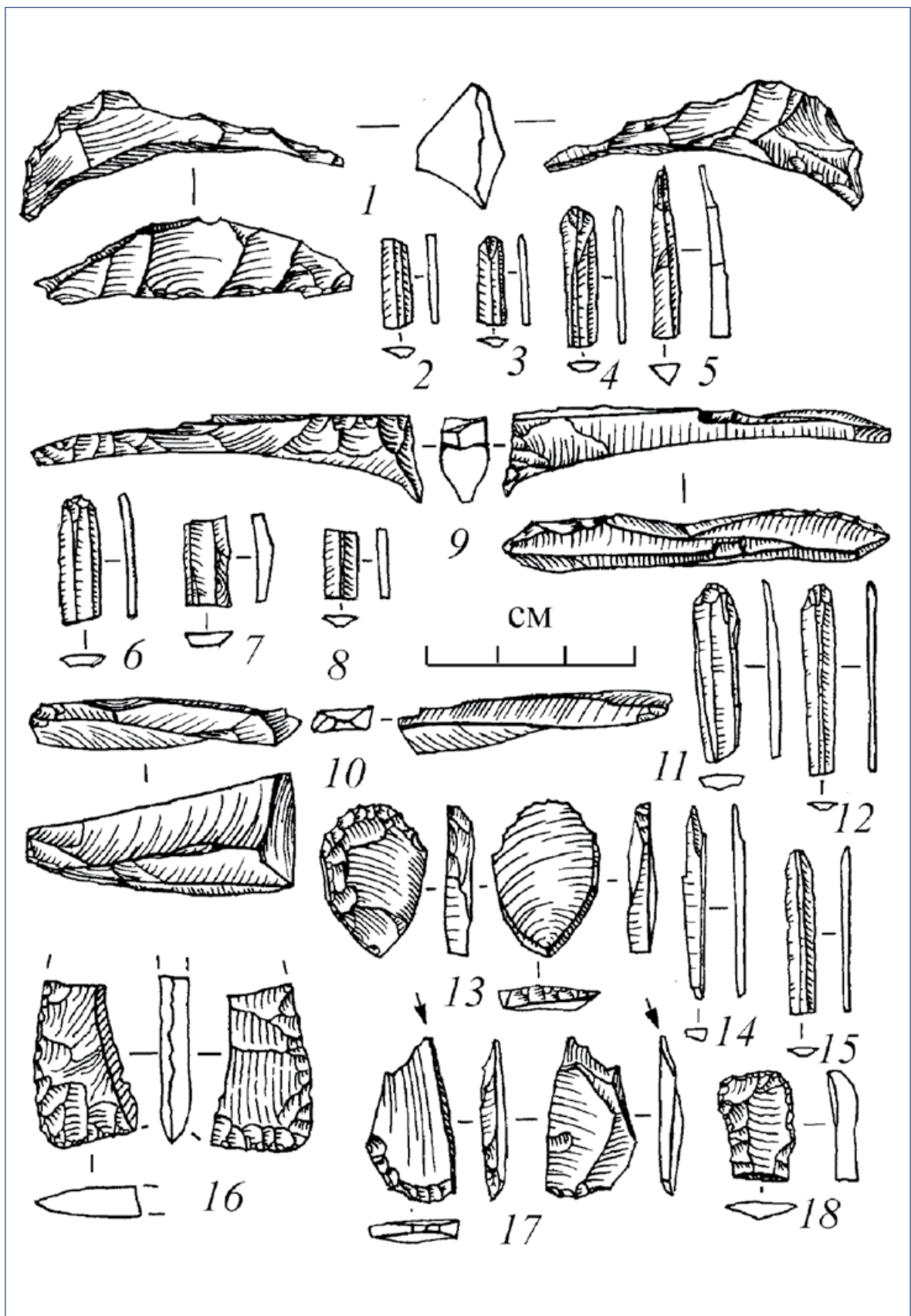
Это мнение было подвергнуто развёрнутой критике (Мочанов, 1977), но без особой надобности, поскольку Н. Н. Диков к тому времени уже не заострял внимание на этой находке-стоянке и не рассматривал её в ряду палеолитических памятников, не указал на карте палеолитических стоянок Северо-Востока Азии, хотя при этом он отнёс к ним значительно более мифологизированную Ю. А. Мочановым (1977) и абсолютно лишённую каких-либо признаков палеолита стоянку Майорыч на Верхней Колыме (Диков, 1977. С. 34, 206–207, рис. 9; 1979; Слободин, 1999; 2000).

Однако последующие исследования хранящихся в фондах СВКНИИ ДВО РАН коллекций археологических материалов, найденных Н. Н. Диковым на стоянках с о. Айон, подтвердили наличие в них палеолитических материалов. Среди этих материалов был выявлен комплекс подъёмных находок со стоянки под шифром «Айон-72», полученный в ходе экспедиции Н. Н. Дикова на о. Айон в 1972 г. Коллекция артефактов стоянки небольшая, но имеет выразительные элементы (лыжевидные сколы) оформления клиновидных нуклеусов юбецоидной техникой, характерной для палеолита. Она не публиковалась и ни разу не упоминалась Н. Н. Диковым в его публикациях.

Её полный шифр — «Айон-72 (у рогов верх. ст.)». На этикетке рукой Н. Н. Дикова написано: «Айон, у рогов верхняя стоянка, (подъёмн.), 23 VIII-72»². Почти все находки зашифрованы. Стоянка имеет достаточно чёткую привязку на местности. Н. Н. Диков описал на о. Айон в долине реки Рывеев несколько неолитических стоянок, найденных в 1972 г. Одна из них — на южном берегу острова «на холме, к востоку от большой погребальной кучи оленьих рогов, на берегу Малого Чаунского пролива», другая — «в 250 м к югу от погребальной кучи оленьих рогов» (Диков, 1977. С. 209). Очевидно, здесь же, недалеко от рогов находилась и стоянка с рассматриваемыми материалами. Её примерные координаты: 69° 48' 47" с. ш., 168° 14' 03" в. д., абс. выс. 10 м (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»).

Коллекция находок включает, кроме микропластинок из кремня, обсидиана и халцедона (илл. 4, 2–5, 6–8, 11, 12, 15), ладьевидный скол оформления (илл. 4, 1) и лыжевидные сколы подправки отжимной площадки клиновидных нуклеусов, оформленных техникой *юбецу* (илл. 4, 9, 10), а также два фрагмента

² В дате указан август, хотя в публикациях говорится об исследованиях на острове «с начала до середины июля 1972 г.» (см.: Диков, 1977. С. 206).

Илл. 4. Каменные изделия со стоянки Аюн-72 на о. Аюн: 1 – ладьевидный скол; 2–5, 6–8, 11, 12, 15 – микропластинки; 9, 10 – лыжевидные сколы; 13 – концевой скребок на фрагменте лыжевидного скола; 14 – халцедоновый резчик (?); 16 – фрагмент бифаса; 17 – угловой резец на отщепе; 18 – фрагмент орудия на ретушированной по краям пластине

небольших бифасиально обработанных орудий (илл. 4, 16), угловой резец на отщепе (илл. 4, 17), концевой скребок, сделанный на фрагменте лыжевидного скола (илл. 4, 13), фрагмент орудия на ретушированной по краям пластине (илл. 4, 18) и халцедоновый резчик (?) (илл. 4, 14).

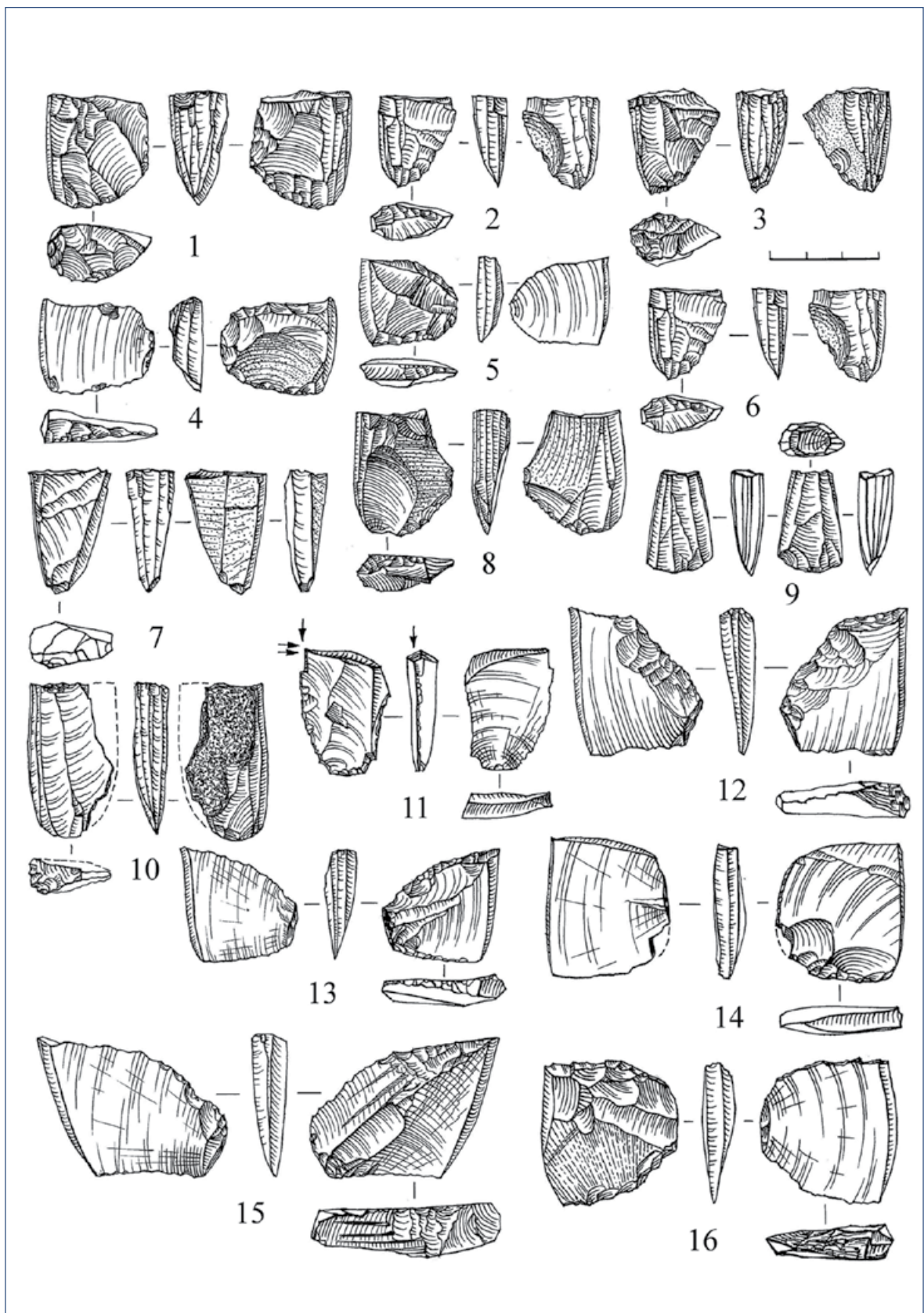
Лыжевидный скол классического юбецоидного типа снят по всей длине отжимной площадки клиновидного нуклеуса — от фронта к контрфронту, сделан из кремня, на дорсале видны следы нескольких предыдущих снятий лыжевидных сколов, боковые плоскости имеют следы ретуширования заготовки нуклеуса.

Лыжевидные сколы, как уже отмечено выше, являются индикаторами изготовления клиновидных нуклеусов техникой юбецу, присущих позднеплейстоценовым дюктайской и ушковской культурам, распространившимся в конце плейстоцена по Северо-Востоку Азии и Аляске. Таким образом, предположение Н. Н. Дикова о наличии палеолитических материалов на о. Айон, сделанное им в 1971 г. на основе найденной в обнажении на реке Рывеем микропластинки, убедительно подтвердилось находками комплекса с позднеплейстоценовой палеолитической юбецоидной технологией изготовления клиновидных нуклеусов, являющихся индикатором палеолита на Северо-Востоке Азии. Раннеголоценовые комплексы «пережиточного» палеолита, известные на Чукотке (Кирьяк, 2005), Камчатке (Диков, 1979), изготавливались уже в иной, неюбецоидной технике, с оформлением отжимной площадки нуклеуса короткими боковыми и фронтальными сколами, с сохранением «ребра» от исходной бифасиальной заготовки.

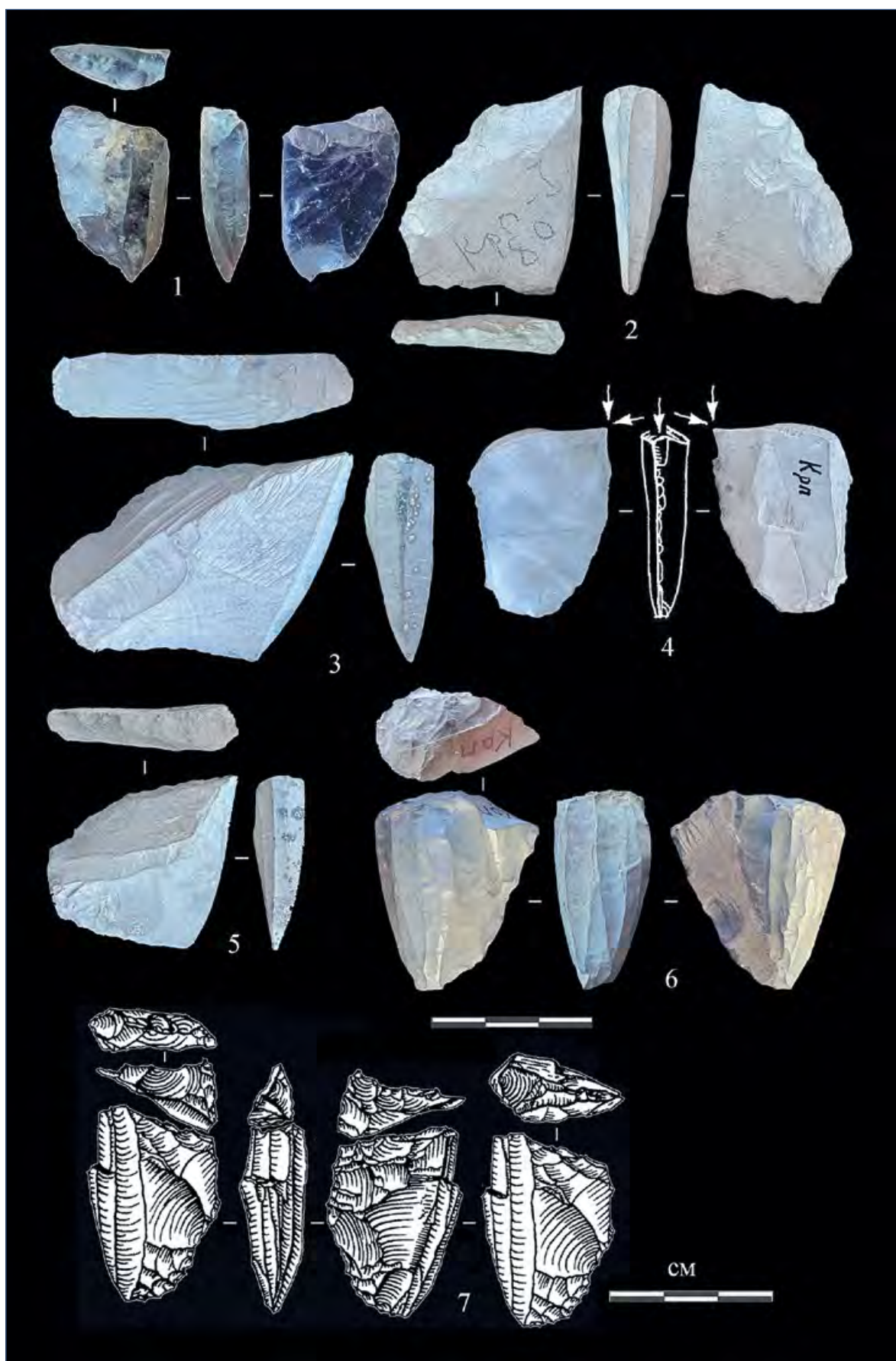
Стоянка Курупка I (Диков, 1993 а; б) находится на Чукотском п-ове в долине реки Курупки, на 20-метровой левобережной террасе водно-ледникового происхождения (64° 54' 25.6" с. ш., 174° 07' 50.2" в. д., абс. выс. 80 м) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»). На развеечных участках террасы был собран многочисленный подъёмный материал, часть находок была получена из 3-х шурфов площадью 2, 4 и 10 м², заложенных на задернованных участках террасы рядом с подъёмными материалами. В первом шурфе, на краю террасы, на глубине 10 см была найдена гладкостенная керамика и кремневые отщепы. Второй шурф значимых находок не дал. В третьем шурфе, заложенном в 50 м к северу от шурфов № 1 и 2, на глубине 15 см, помимо отщепов и микропластинок, найдены торцевой (клиновидный) нуклеус и несколько фрагментов бифасов (Диков, 1993 а).

Комплекс подъёмных находок стоянки включает отщепы, микропластинки, более 20 торцевых, клиновидных, конических и призматических нуклеусов, трансверсальные резцы, фрагменты бифасов, скребки (илл. 5–7). Судя по керамике в шурфе № 1, на стоянке присутствуют неолитические материалы, которые, помимо отщепов, могут включать так же микропластинки, конические и призматические нуклеусы, некоторые из бифасов.

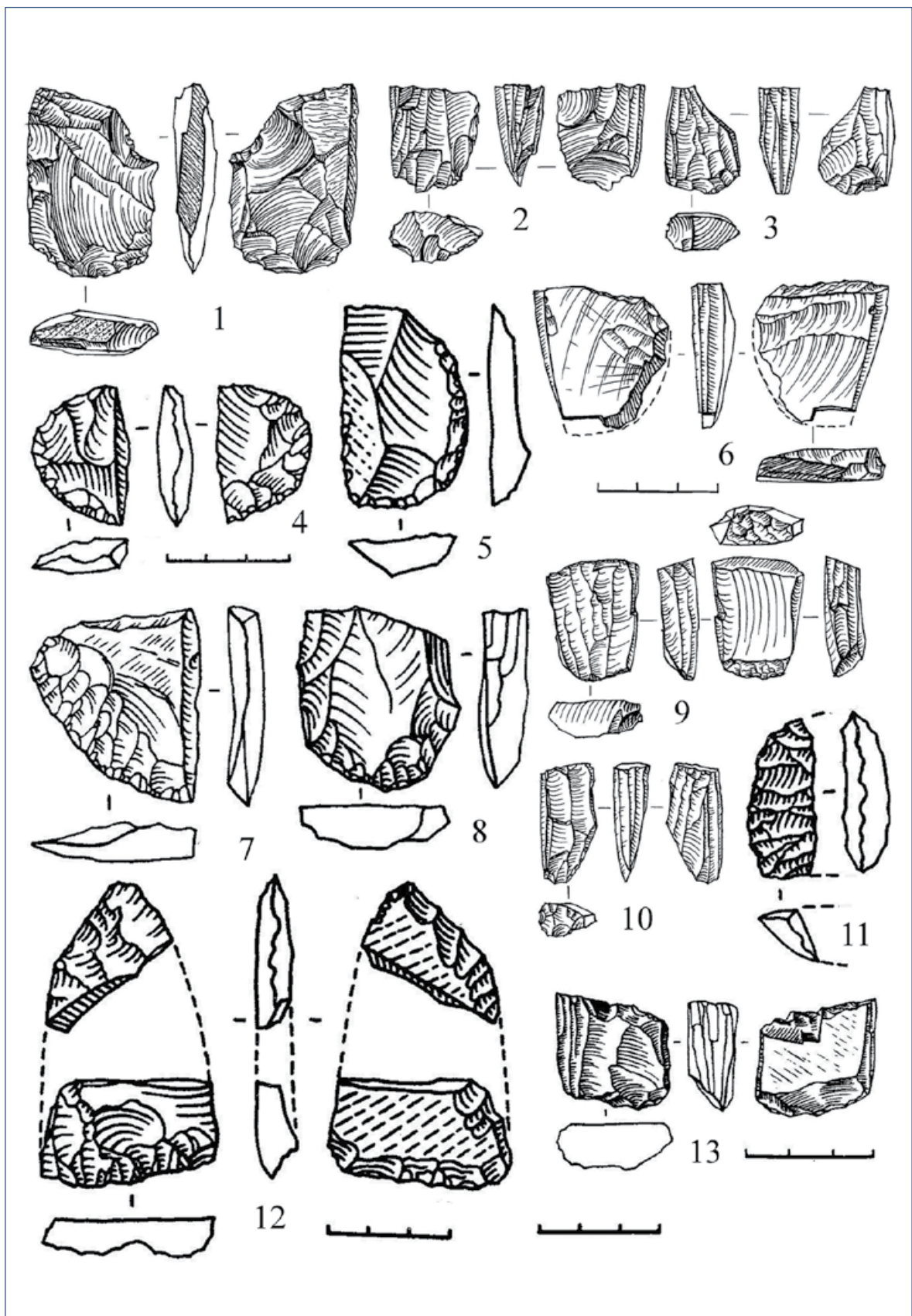
Другая большая группа находок по своим технико-типологическим характеристикам, в соответствии с имеющихся на СВ Азии датированными и стратифицированными материалами ряда опорных стоянок Якутии и Камчатки (Диков, 1979; Мочанов, 1977), была отнесена к позднепалеолитическому комплексу ушковско-дюктайской традиции (Диков, 1993 а, б). Основным маркирующим элементом этого комплекса являются клиновидные нуклеусы. Диков (Диков, 1979), характеризовал верхнеколымскую сибердиковскую культуру палеолитической на основании того, что «*клиновидный нуклеус из слоя III стоянки Сибердик придает первым двум этапам Сибердиковской культуры определенно палеолитический характер*». На стоянке Курупка I они нескольких типов.

Илл. 5. Каменные орудия стоянки Курупка I:
 1-16 – клиновидные нуклеусы, 9 – бифронтальный клиновидный нуклеус

Илл. 6. Каменные орудия стоянок Кедон (1) и Курупка I (2–6), Бол. Эльгахчан II (7).
 (1, 3–7 – клиновидные нуклеусы, 2 – трансверсальный резец)

Илл. 7. Каменные орудия со стоянок Курупка I: 1-3, 6, 9, 10 – клиновидные нуклеусы, 4, 7, 11, 12 – бифасы, 5, 8 – скребки концевые; и Чатамые: 13 – клиновидный нуклеус

Наиболее чётко среди них классифицируется группа клиновидных нуклеусов классического типа (Абрамова, 1986), сделанных на бифасиально³ обработанных заготовках полусегментовидной в плане формы, с ретушированным килем, выпуклым треугольным (в форме клина в плане) фронтом (фасом), с которого снимались микропластинки (илл. 5, 1–3, 6; 6, 6; 7, 3, 10). Основой для них изготовления служили бифасиально обработанные заготовки подовальной в плане формы, с уплощённо-линзовидным или односторонне выпуклым поперечным и продольным сечением. Одна из таких заготовок найдена на стоянке (илл. 7, 1).

Среди нуклеусов этой группы выделяются как соразмерные, треугольной или подпрямоугольной в плане формы, так и короткие, высокой формы. На фронте нуклеусов сохранились негативы 5–8 пластинчатых снятий, некоторые снятия произведены с площадки на боковые стороны нуклеусов (илл. 5, 2, 3, 6). Фиксируются следы подправки карниза. Практически отсутствуют нуклеусы с заломами на фронте, которые препятствовали ли бы их дальнейшей эксплуатации. Отжимная⁴ (ударная) площадка у всех нуклеусов этой группы ровная, практически не скошена, имеет вытянутую каплевидную в плане форму, ретуширована короткими фронтальными и боковыми сколами без снятия лыжевидных сколов.

При этом следует отметить, в целом, полное отсутствие на стоянке клиновидных нуклеусов с «необработанной» отжимной площадкой, оформленной одним сплошным «лыжевидным» сколом в технике «юбецу» (юбетсу), широко представленных на палеолитический стоянках СВ Азии — Ушки, сл. VI, Хета, Дручак-В., в дюктайской культуре. Нет на стоянке и самих лыжевидных сколов или переоформленных из них орудий. На Чукотке «классические» лыжевидные сколы и скребок, изготовленный на таком сколе, известны на стоянке Айон (илл. 4, 9, 10, 13).

Другая крупная группа клиновидных нуклеусов, найденных на стоянке Курупка I, представлена изделиями, сделанными на отщепах, изначально, вероятно, пластинчатых, имеющих вытянутую форму (илл. 5, 4, 5, 12–16; 6, 2, 3, 5; 7, 6). Один из этих нуклеусов найден в шурфе № 3, на гл. 15 см с фрагментами бифасиально обработанных орудий (Диков, 1993. С. 28) (илл. 5, 14).

В археологической литературе СВ Азии они обозначаются как «торцевые» (Диков, 1993. С. 29). Но при этом сохраняется понимание, что все клиновидные нуклеусы являются торцевыми (Абрамова, 1968; 1971) по принципу скалывания микропластинок с их торцевой части.

Фронт у этих нуклеусов оформлен на дистальном конце отщепа, отжимная площадка короткая, оформлена мелкими фронтальными и боковыми сколами. На фронте у нуклеусов фиксируется по 2–4 негатива пластинчатых снятий. Имеются следы зачистки карниза. Широкие боковые стороны заготовки (отщепа) практически не обработаны, сохраняются талон отщепа (в качестве контрфронта) и ударный бугорок. На спинке имеются негативы предыдущих снятий. По одному

³ Классические клиновидные нуклеусы сделаны на бифасиально обработанных заготовках, но если исходная форма заготовки позволяла получить требующуюся форму без её дополнительной модификации, то производилась унифасиальная обработка заготовки, на боковой поверхности которой могли остаться даже участки «галечной корки» (илл. 5, 3).

⁴ Применяется термин как «отжимная площадка», так и «ударная площадка». Диков (1993. С. 29 (монография)) использует термин «ударные площадки». М. П. Аксенов употреблял термин «отжимная площадка» (Аксенов, 1980. С. 47–48). М. А. Кирьяк (1993; 2005), А. Пташинский (2018) пишут «отжимная площадка». Федосеева С., Мочанов Ю. А., Аргунов В., Дьяконов В. и др. в своих работах употребляют термин «отжимная площадка», кроме описания галечных нуклеусов, у которых — «ударная площадка».

(тонкому) краю отщепа мелкой унифасиальной, преимущественно дорсальной, краевой ретушью оформлен киль нуклеуса. На другом, утолщённом краю отщепа оформлена короткая отжимная площадка, переходящая в обработанное краевой унифасиальной дорсальной ретушью ребро (гребень), смыкающееся с контрфронтом. Исключение представляет только нуклеус из шурфа № 3, у которого отжимная площадка не ретуширована и образована одним сплошным сколом, вплоть до контрфронта.

Ещё одна группа нуклеусов, не выделяемая ранее на стоянке (Диков, 1993 а, б), представлена двумя изделиями, обозначенными как бифронтальные клиновидные (илл. 5, 7, 9). Рабочие плоскости этих нуклеусов (клиновидный в плане фронт) расположены на их противоположных торцах. Отжимные площадки ровные, овальной формы в плане. Отмечаются разновидности сочленения отжимной площадки и фронта нуклеусов под острым и тупым углом.

У нуклеуса с тупым углом сочленения площадки и фронта чётко выражен бифасиально ретушированный, заострённый киль, боковые плоскости обработаны пластинчатыми сколами, оба фронта выпуклые, с серией микропластинчатых снятий (илл. 5, 9).

У нуклеуса с острым углом сочленения площадки и фронта киль представлен точечным основанием нуклеуса, одна из боковых плоскостей не обработана, с сохранившейся галечной коркой (илл. 5, 7). Один из фронтов выпуклый, с серией микропластинчатых снятий. Второй плоский, с одним микропластинчатым снятием.

Подобный тип нуклеусов известен в позднеплейстоценовых палеолитических комплексах стоянок Ушки I, сл. VI на Камчатке и Омчик IIa на Колыме (Slobodin, 2009; 2011).

Ещё два нуклеуса представлены изделиями уплощённо-призматического типа, с фронтом на одной из их широких поверхностей и торцах (илл. 7, 9). У них имеется приострённый унифасиально ретушированный киль. У одного отжимная площадка оформлена одним сплошным снятием со стороны одного из торцов, слегка скошена в сторону контрфронта, у другого — мелкими сколами по периметру.

Несколько конических микропластинчатых нуклеусов, имеющих в коллекции орудий со стоянки Курупка I, отнесены к неолитическому комплексу. В надёжно стратифицированных и однокомпонентных комплексах позднего палеолита Камчатки, Якутии, Приохотья (Диков, 1979; Мочанов, 1977; Воробей, 1996; Кирьяк, 2005) конические и призматические микроядрища отсутствуют.

Из других найденных на стоянке подъёмных материалов наибольшей информативностью обладает трансверсальный резец, соответствующий «идеальной модели» в схеме классификации данного типа орудий (Ветров, 1995. С. 32, 33). Он сделан на пластинчатом отщепа, обработан по латералиям мелкой краевой унифасиальной ретушью, с поперечным резцовым сколом на его дистальном конце. Резцовая кромка сформирована трансверсальным винтообразным сколом и продольным сколом по одному из его маргиналов. От торцевых нуклеусов он отличается отсутствием клиновидного фронта, винтообразным негативом резцового скола, большим изгибом поперечного скола, отсутствием аутентичных микропластинчатых снятий на фронте.

Данный тип резцов известен, хотя и в небольших количествах, на большинстве стоянок дюктайской палеолитической культуры (Мочанов, 1977), на стоянках Ушки I (в VI сл.), Дручак-В., Хета (Слободин, 2009; Воробей, 1996). Этот тип резцов вышел из употребления только на заключительном этапе палеолита, что отчётливо проявилось в материалах стоянки Тыгыльваам IV (Кирьяк, 2005).

Остальные находки, представленные в коллекции стоянки — фрагменты бифасиальных орудий, концевые скребки, резцы на отщепах, пока сложно идентифицировать по их культурной принадлежности и возрасту, хотя они и отнесены к палеолитическому комплексу (Диков, 1993 а, б) (илл. 7, 4, 5, 7, 8, 11, 12). Присутствие в комплексе с клиновидными нуклеусами бифасиально обработанных изделий не противоречит имеющимся примерам с других палеолитических стоянок. Однако они характерны как для палеолита, так и для ряда неолитических культур. Так, Н. Н. Диков отнёс к палеолитическому комплексу «скребок ... концевой на широком отщепе (табл. 19. 3)» (илл. 7, 8), но на вентральной поверхности скребка, как это показано в статье Н. Н. Дикова (Диков, 1980. Рис. 9, 2), также имеется обработка рабочего края, что характерно больше для неолитических комплексов (в «Диков, 1993. Табл. 19, 3» эта проекция не дана).

Стоянка Чаатамье I также найдена на Чукотском полуострове, в долине р. Чаатамье, в 5 км севернее стоянки Курупка I (Диков, 1993 а, б) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит – мезолит. Магаданская область (Колыма)»). Помимо отщепов, на поверхности 50-метровой флювиогляциальной террасы найден торцевой клиновидный нуклеус на плитке кремня (илл. 7, 13).

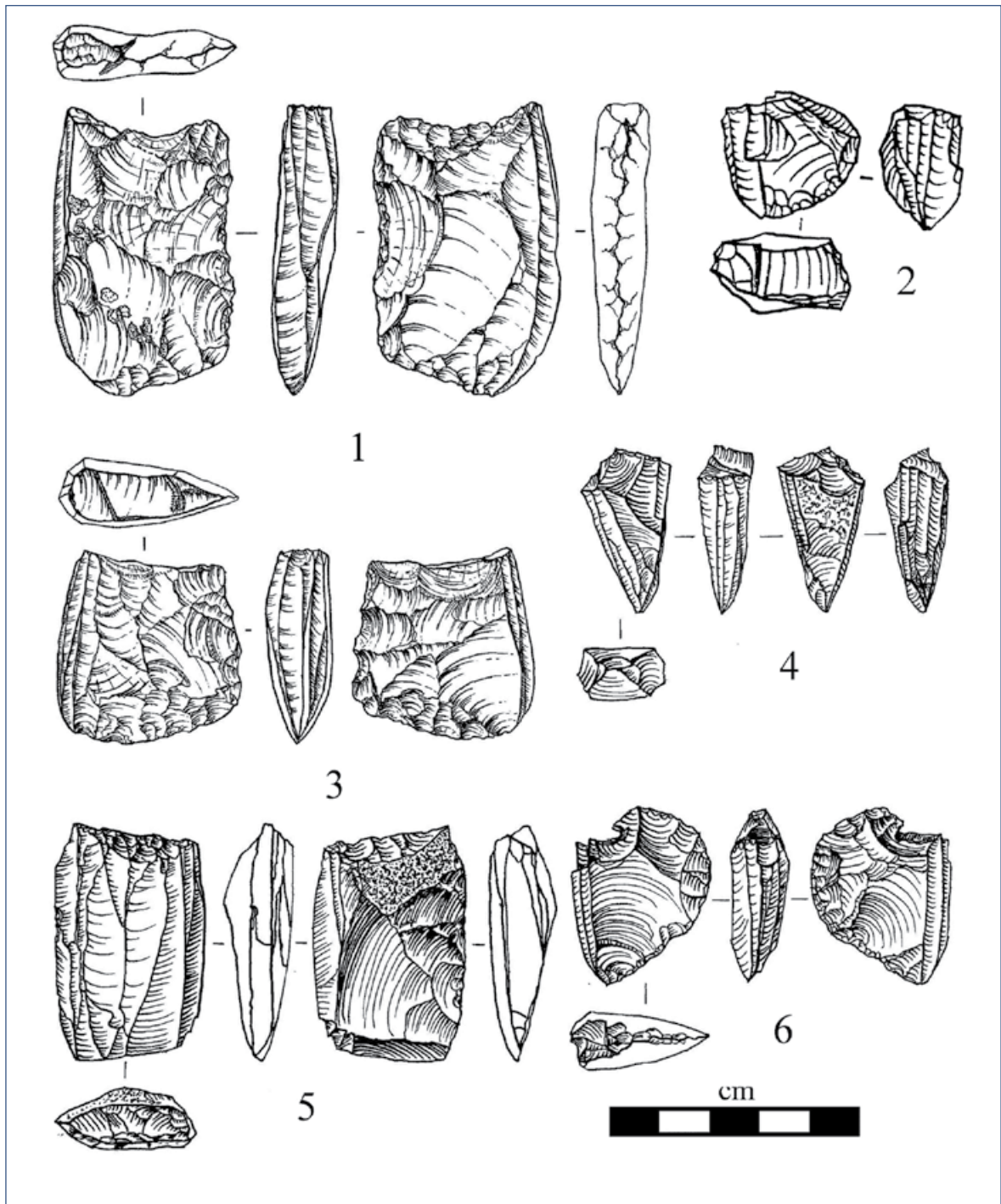
Ещё две стоянки с клиновидными нуклеусами открыты в бассейне реки Анадырь. **Стоянка Эльгыгытгын II** находится в истоках р. Анадырь, на оз. Эльгыгытгын, 100 м севернее устья руч. Лагерный, впадающего в озеро (67° 28' 16" с. ш., 172° 13' 33" в. д., абс. выс. 497 м) (Глушкова, Смирнов, 2008; Слободин и др., 2014).

В устье ручья сформирована небольшая дельта. По обе стороны от русла вдоль берега к узкой полосе пляжа примыкает терраса высотой 4–5 м и шириной 15–30 м. Поверхность террасы плоская, слабо задернованная. Осадки, слагающие террасу, мало отличаются по составу от пляжевых. Это галечно-гравийная слабо сортированная толща, сверху перекрытая крайне маломощным почвенно-растительным слоем. Переход к примыкающему пляжу плавный. Севернее устья руч. Лагерного низкая терраса прислонена ко второй озёрной террасе высотой 10–12 м.

Для ландшафта озера характерно повсеместное распространение криогенных форм рельефа. В долинах крупных ручьёв, а также на поверхности береговых валов и низких озёрных террас распространены редкотравные луга и кустарничково-осоковые моховые тундры. Наиболее широко распространены тундровые пятна, бугры и валики, каменные кольца и сети, морозобойные трещины, эрозионные ложбинки и канавки, солифлюкционные терраски и термокарстовые просадки, овраги и пр. Часто наблюдается суффозия, приводящая к формированию канавного полигонального микрорельефа.

Здесь, на поверхности низкой озёрной террасы, среди разновозрастного (в основном неолитического) подъёмного материала, были найдены два клиновидных нуклеуса, сделанных на бифасиально обработанных широкими сколами заготовках подпрямоугольной в плане формы, с тщательно ретушированными под лезвие килем и контрфронтом (Slobodin, 2001). У одного отжимная площадка вогнутая, оформлена короткими (не более 1,3 см длиной), но глубокими фронтальными сколами, формирующими острый угол сочленения её с плоскостью фронта (илл. 8, 1). К площадке примыкает ребро двусторонне обработанной заготовки, поднимаясь «гребнем» на стыке с контрфронтом. У второго нуклеуса отжимная площадка относительно ровная, оформлялась и подправлялась широкими сплошными сколами, нанесёнными с фронта (илл. 8, 3).

Ещё один нуклеус на этом же местонахождении найден геологом СВКНИИ ДВО РАН П. Минюком. Это сильно уплощённый (толщиной ок. 1,5 см) при-

Илл. 8. Нуклеусы со стоянок Эльгыгытгын II (1, 3, 5), Таяин (4, 6), Инаскваам (2)

зматический нуклеус с рабочим фронтом на одной из его широких поверхностей, покрытой негативами субпараллельных сколов, заходящих и на его торцы (илл. 8, 5). Контрфас нуклеуса обработан широкими сколами, часть поверхности осталась необработанной и покрыта коркой. Основание нуклеуса оформлено одним приостряющим его сколом, не ретушировано. Отжимная площадка скошена к контрфронту, обработана короткими сколами.

Характер подготовки и утилизации нуклеусов, при которой отжимная площадка оформлялась не скалыванием лыжевидных сколов, а короткими фронтальными сколами и с формированием на ней ребра, что наблюдается, например, на материалах стоянок Тытыльваам IV и Ушки (слой V) датированных по C^{14} воз-

растом около 9 тыс. л., позволяет отнести их к заключительному этапу палеолита Северо-Востока Азии. Не исключается возможность и более древнего возраста материалов, поскольку это не противоречит и палеогеографическим данным, по которым даже в период сартанского криохрона оз. Эльгыгытгын и все прилегающее к нему территории были свободны от оледенения.

На юге Чукотки наиболее ранние материалы сартанского времени, относящиеся к позднему палеолиту, выявлены на стоянках Тальяин и Инаскваам.

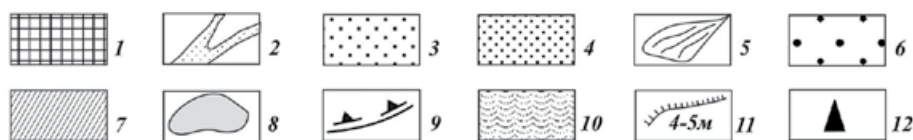
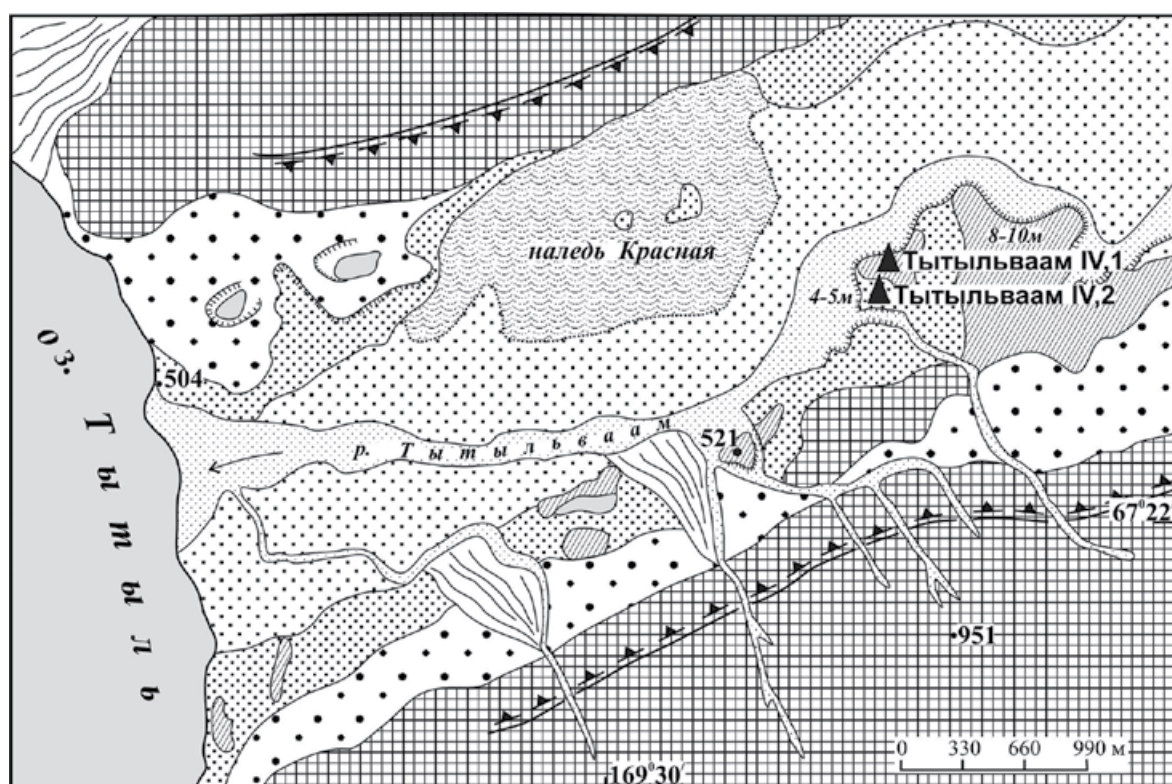
Стоянка Тальяин находится в долине р. Тальяин, притоке р. Великая (впадающей в Анадырский лиман), вблизи устья р. Анадырь (Диков, 1990) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»). На стоянке среди подъёмных материалов найдены два клиновидных нуклеуса. Один сделан на бифасиальной заготовке, с приострѐнным мелкой краевой ретушью килем, переходящим в такой же контрфронт, который плавно закругляясь, в виде гребня, сочленяется с отжимной площадкой, оформленной несколькими короткими продольными фронтальными снятиями (илл. 8, 6).

Второй нуклеус — бифронтального типа, с двумя сходящимися в его основании фронтами (илл. 8, 4). Заготовкой для него, судя по участку корковой поверхности на одной из широких поверхностей, послужила плитка кремня. Площадка угловатая, обработана короткими боковыми и фронтальными сколами. Подобный тип нуклеуса найден на Колыме, Камчатке и Чукотском п-ове (Слободин, 2011).

Стоянка Инаскваам открыта в верховьях р. Инаскваам (бассейн р. Хатырки) ($62^{\circ} 09' 35''$ с. ш., $174^{\circ} 21' 43''$ в. д.; абс. выс. 140 м), в 40 км от побережья Берингова моря (Диков, Колясников, 1979; Диков, 1979) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»). Здесь, на 15 м водно-ледниковой террасе, среди подъёмных материалов были найдены обсидиановый клиновидный нуклеус, фрагмент бифасиально обработанного усечѐнно-листовидного наконечника и крупная ретушированная пластина. Нуклеус сделан на бифасиально подготовленной преформе с ретушированным килем и широким фронтом с 4–5 микропластинчатыми снятиями, на его торцевой плоскости. Отжимная площадка обработана короткими фронтальными сколами поверх ранее снятого сплошного (типа лыжевидного) скола (илл. 8, 2).

Стоянка Тытыльваам IV расположена в приустьевой части реки Тытыльваам, в 10 км от впадения ее в оз. Тытыль ($67^{\circ} 22' 53,4''$ с. ш., $169^{\circ} 32' 13,7''$ в. д.; абс. выс. 530 м), на поверхности водно-ледниковой террасы высотой 4–8 м (Кирыак 2005) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»). Ландшафт окрестностей стоянки тундровый, гористый. Озеро Тытыль возникло в результате подпруживания долины р. Тытлютин конечно-моренным валом (илл. 9). Вал фиксирует границу максимального распространения сартанского ледника, протяжѐнностью около 34 км, состоявшего из нескольких долинных ледников, спускавшихся по долинам рр. Тытлютин, Тытыльваам, Луковая и др. Максимум продвижения сартанских ледников на Чукотке по данным радиоуглеродного датирования отмечен 17–20 тыс. лет назад (Глушкова, 1996). Терраса, где расположена стоянка, слабо задернована, на её поверхности обнажаются галька и валуны; в основании рыхлых отложений лежат галечники с песчано-гравийным заполнителем — остатки перемытой сартанской морены. Выделено два пункта скопления находок (в 75 м друг от друга), разделѐнные ручьем, где были собраны подъёмные находки и проведены раскопки.

В п. 1 на площади 20 м² находки залежали в отложениях гумусированной супеси с гравием на гл. 2–5 см. Они составляют гомогенный комплекс стоянки, включающий отщепы, подпризматические и клиновидные нуклеусы, макро-

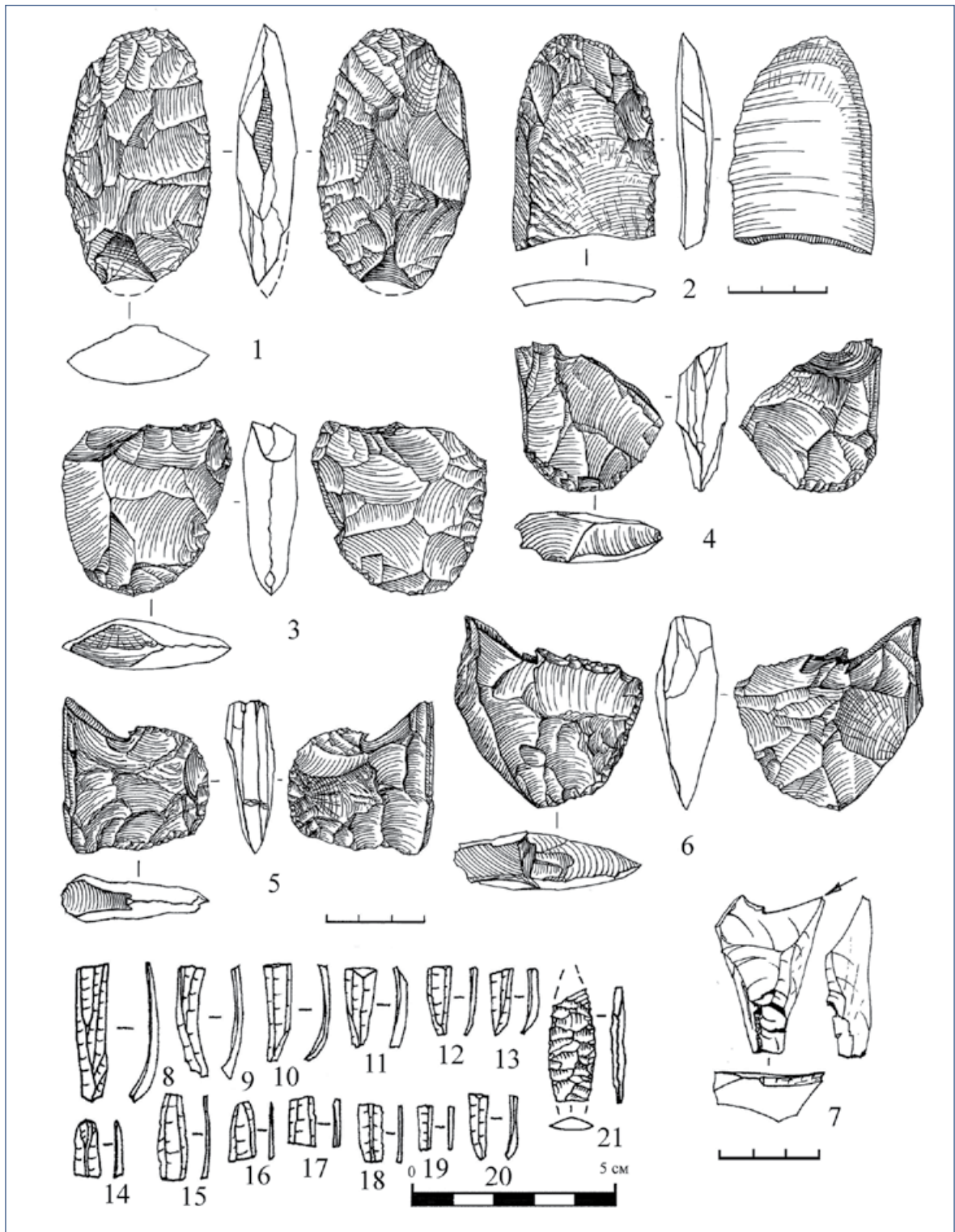
Илл. 9. Геоморфология стоянки Тытыльваам IV
(подготовлено О. Ю. Глушковой) (приводится по: Слободин и др., 2014)

пластины, ножевидные пластинки, концевые и боковые скребки, бифасы-ножи овальной формы, наконечник стрелы, резцы, зубчатые орудия, заготовки бифасов нуклеусов.

В раскопе выявлено 25 крупных галек, которые, как предполагается, были обкладкой лёгкого наземного жилища (Кирьяк, 2005). Скопление находок по центру раскопа приурочено к западине глубиной до 18 см, в которой вместе с орудиями были найдены угольки, давшие C^{14} AMS-датировки 9725 ± 45 (SAMS-80788), 9820 ± 40 (SAMS-80789); 9790 ± 60 (AA-60203).

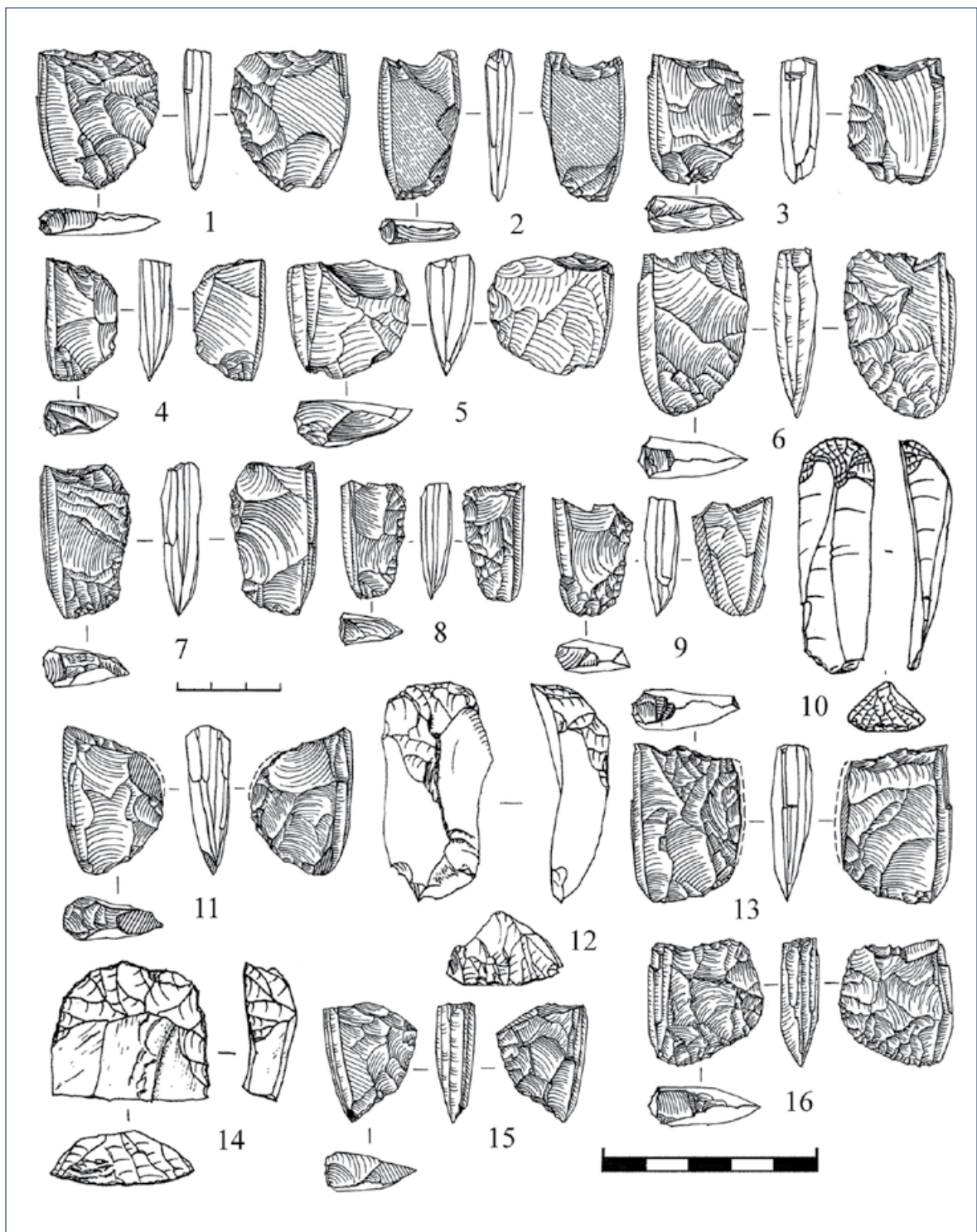
В п. 2 на площади 27 м² находки залежали в отложениях гумусированной супеси на глубине 13–37 см под слоем дёрна и белёсой супеси. Отмечаются следы нарушения культурного слоя морозобойными трещинами и переотложение культурных материалов. По углю из раскопа с гл. 20–25 см получена дата 8645 ± 40 (SAMS-96452).

Анализ материалов показал, что они составляют один культурный комплекс. Здесь найдено более 30 полностью готовых, частично использованных клиновидных нуклеусов, отходов их обработки (ребристые сколы, отщепы подправки отжимных площадок, 56 микропластинок) (илл. 10, 8–20) и их заготовок. Нуклеусы, в большинстве, изготавливались на бифасиально подготовленных, линзовидных в сечении, подовальных в плане преформах с тщательно ретушированными краями (илл. 10, 3, 4). В нескольких случаях использовались плитки кремня (илл. 11, 2). Отжимные площадки нуклеусов оформлялись короткими

Илл. 10. Каменные орудия стоянки Тытыльваам IV п. 1 и 2: – бифас, 2 – скребок, 3, 4 – заготовки нуклеусов, 5, 6 – клиновидные нуклеусы, 7 – резец, 8–20 – микропластинки, 21 – наконечник листовидный (№№ 7–21 – приводится по: Кирьяк, 2005)

фронтальными и боковыми сколами, без снятия лыжевидных сколов, которые отсутствуют и среди находок (илл. 10, 5, 6; илл. 11, 1–9, 11, 13, 16). На многих нуклеусах сохранилось примыкающее к отжимной площадке гребневидное ребро. Лишь в нескольких случаях снятия захватывали всю отжимную площадку (илл. 11, 15), но без серийной последовательности, что отмечается в комплексах,

Илл. 11. Каменные орудия стоянки Тытыльваам IV п. 1 и 2: 1-9, 11, 13, 14-16 – клиновидные нуклеусы, 10, 12, 14 – скребки (№№ 10, 12, 14 – приводится по: Кирьяк, 2005)

где при подправке площадок клиновидных нуклеусов использовалась техника юбетсу, как это фиксируется на стоянках Ушки, Дручак-В., Хета.

Орудия представлены бифасами (илл. 10, 1), концевыми скребками на пластинах и отщепах (илл. 10, 2; 11, 10, 12, 14), резцами на отщепах (илл. 10, 7), мелкими бифасиально обработанными листовидными наконечниками стрел (илл. 10, 21), чопперами. Здесь же найдена маленькая плоская галька со следами заполированности и охры на поверхности.

Набор находок указывает, что это была мастерская, где обитатели стоянки готовились к охоте. Их основным объектом охоты были олени, чьи миграционные пути проходили через озеро и по долине реки Тытыльваам. Так же на склонах близ расположенных гор можно было охотиться на баранов, привлекаемых солонцами.

Технико-типологические характеристики комплекса стоянки Тытыльваам IV (п. 1, 2), включающего клиновидные нуклеусы, бифасы, концевые скребки, листовидные наконечники, указывают на принадлежность её к поздней фазе ушковско-дюктайской традиции позднего палеолита. Это подтверждают и C^{14} датировки стоянки, совпадающие с датами V позднепалеолитического слоя стоянки Ушки I на Камчатке.

МЕЗОЛИТ. ГОЛОЦЕН (10 500–7000 л. н.)

15 000 л. н. началось постепенное раскрытие Берингова пролива, воды Чукотского моря затопили шельф в районе современного пролива Геральд (Свиточ, 2003). Около 11,5 тыс. л. н. уровень моря достиг -20 , -15 м. Контурсы побережья Восточной Чукотки приблизились к современным. Начался постоянный обогрев беринговоморских побережий, и произошло значительное ослабление континентальности климата. В аллереде, по расчётам В. А. Климанова (1995. С. 81–93), на современных побережьях Восточно-Сибирского и Чукотского морей температуры были выше современных на 2–6 градусов. Континентальность климата сохранялась, начался цикл развития термокарста и интенсивное заболачивание территории, вызвавшее исчезновение плейстоценовой фауны. В высокогорье, на беринговоморских склонах некоторых горных массивов сохранялись небольшие долинныи и каровые ледники, формировались каменные глетчеры. Происходило изменение типов ландшафтов, возрастание мощности сезонно-талого слоя, смена ведущих процессов на склонах гор, усиление плоскостного смыва и солифлюкции, развитие термокарста и эрозионной деятельности в долинах.

12 400 л. н. произошло резкое потепление климата на Северо-Востоке Сибири. Климатические условия в раннем голоцене, отвечающие предбореальному и бореальному периодам, были более благоприятные, чем современные. Экспансия лиственницы и крупнокустарниковой растительности типа ольховника. В районах современной арктической тундры на Северной Чукотке верхняя граница леса располагалась на 200–300 м выше современной. Пояс кедрового стланика отсутствовал. Широкое распространение кедровый стланик на Чукотке получил около 7000–6500 л. н. (Ложкин, 2002).

На основе палинологических, карпологических исследований, радиоуглеродного датирования на Чукотке можно выделить 5 этапов изменений растительности и климата в голоцене.

Первый этап голоцена. Около $12\,250 \pm 50$ л. н. происходит значительная перестройка растительного покрова. Травянистая тундра замещается кустарниковой берёзовой тундрой (Шило и др., 2001).

Второй этап голоцена начинается около 9000 л. н. Возможно, интервал 9200–8000 л. н. можно выделить как наиболее тёплый период. Средние температуры июля достигали $+11$ – $12,4$ °С, января -12 – 18 °С. Осадки в июле достигали максимума — 49–60 мм (Матросова, 2004). Древесная растительность достигала берегов оз. Эльгыгытгын. Карпологические данные показывают, что 8000–9000 л. н. ли-

ственница росла по берегам озера (Шило и др., 2008). Лесотундровая растительность достигала о. Айон (датировка 8470 ± 140 л. н.) (Новейшие отложения..., 1980. С. 18, 222).

Третий этап голоцена. Увеличение количество зимних осадков до 30 мм 7000–6500 л. н. (Матросова, 2004; 2008) привело к формированию пояса кедрового стланика. Климат стал влажнее.

Четвертый этап голоцена начался около 5000 л. н. На юге Чукотки кедровый стланик становится основным компонентом растительности (датировка 4640 ± 60) (Ложкин, 1998). Уменьшение летнего количества осадков вызвало сокращение ареала распространения ольховника. Около 3000–2500 л. н. похолодание климата привело к развитию травянистой тундры с кустарниковой берёзкой (датировка 2505 ± 35 л. н.) (Глушкова, 2009).

В начале голоцена на Северо-Востоке формируется несколько культурных традиций (сумнагинская, уолбинская), имеющих родственные связи с культурами Якутии и, вероятно, Приамурья.

Наиболее широко распространяется **сумнагинская** традиция охотников на оленей в тундровой, и лосей в лесных зонах. Орудийный набор стоянок включает мелкие конические и призматические нуклеусы для получения микропластинок, концевые скребки на пластинах, ретушированные микропластинки и оббитые, иногда пришлифованные по лезвию, топоры (Мочанов, 1977). Стоянки этой традиции известны от Новосибирских островов до Охотского побережья, от долины Лены до Колымы и оконечности Чукотского п-ова. На Чукотке выделяется путуракский комплекс, близкий сумнагинскому, с мезопластинами (Диков, 1993 а, б). Обычно комплексы стоянок этой культуры представлены компактными коллекциями, небольшими по объёму и количеству находок. Только на стоянке Жохово, кроме каменных, сохранились в большом количестве костяные и деревянные орудия, кости животных. Время существования культуры — 10–6 тыс. л.

На Западной Чукотке и во внутренних районах Чукотского п-ова известно несколько стоянок сумнагинской традиции. Крупные стоянки расположены на оз. Тытыль (Тытыль I, III, IV), перевале Путурак (Путурак). Датированными по C^{14} являются стоянки Челкун IV, Найван. Комплексы стоянок содержат микропластинки, конические и призматические нуклеусы, концевые скребки.

На оз. Тытыль (западная Чукотка), **на стоянках Тытыль I, III, IV** ($67^{\circ} 17' 45''$ с. ш., $169^{\circ} 15' 50''$ з. д., абс. отм. 499 м) с поверхности террас и неглубоких (до 10 см) раскопов были получены материалы, представленные коническими и призматическими нуклеусами (илл. 12, 1, 6, 7), микропластинками (илл. 12, 20–34), резцами на пластинках (илл. 12, 3, 27–34) и концевыми скребками на пластинах (илл. 12, 2, 4, 5, 9–17) (Кирьяк, 1993; 2005). По своим технико-типологическим характеристикам они могут быть отнесены к сумнагинской культуре раннего голоцена, хотя отличаются от неё более массивными чертами орудий и отсутствием в комплексах пока ещё не найденных там бифасиально обработанных топоров, известных на других колымских и чукотских стоянках этой культуры, таких как Буюнда III, Бурхала, Найван.

Сообщается, что «отличительной особенностью тытыльского комплекса является наличие в нем резцов с диагональным сколом (табл. 28, 5, 6)» (Кирьяк, 1993. С. 26; 2005) (илл. 12, 18 а, 19 а), т. е. трансверсальных резцов. Данная «отличительная особенность» тытыльского комплекса очень примечательна, поскольку трансверсальные резцы присущи палеолитическим комплексам Сибири (включая Дальний Восток, Якутию, Колыму, Камчатку и Приохотье). Они являются со-

Илл. 12. Каменные орудия стоянок Тытль I-III (1 - 34): 1, 6, 7 - нуклеусы, 3, 20-26 - микропластинки; 4, 5, 8, 9, 12-15, 16, 17 - концевые скребки; 18 - пластинчатый скол, 19 - резец угловой (№№ 1-17, 20-34 - приводится по: Кирьяк, 1993, 2005; №№ 18a, 19a - приводится по: Кирьяк 1993 - даны как трансверсальные резцы, №№ 18, 19 - приводится по: Слободин, 2009)

ставной частью классического набора палеолитических комплексов этих регионов — триадой, включающей клиновидные нуклеусы, бифасы и трансверсальные резцы (Васильевский, Гладышев, 1989; Воробей, 1996; Слободин, 1999). Наличие каких-либо из этих элементов на стоянках другой культуры и эпохи позволяет говорить об их культурной или технологической преемственности.

Изучение материалов коллекции стоянки Тытыль II, однако, показало, что одно из рассматриваемых изделий — на табл. 28, 5 (Кирьяк, 1993) — не резец, а ретушированный пластинчатый скол, сломанный, судя по негативу слома, поперёк его оси (илл. 12, 18), тогда как рабочая кромка трансверсальных резцов оформлялись диагональными сколами. Характер сломов отчётливо «читается» на их негативах.

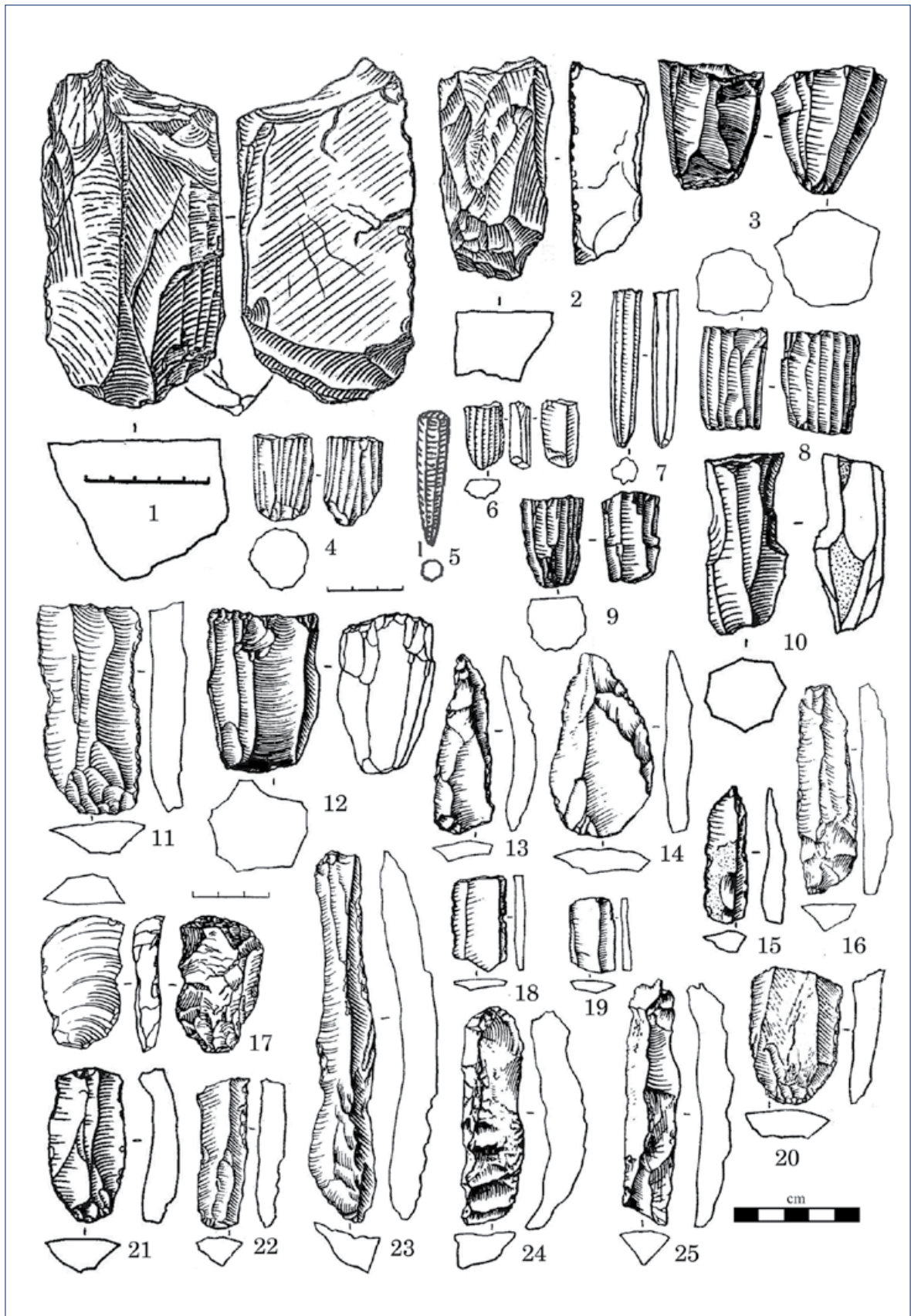
Второй резец (илл. 12, 19 а), также не является трансверсальным. Указанный как диагональный скол — не является таковым, при его рассмотрении чётко виден слом с одной из широких сторон скола на другую, т. е. поперечный. При этом на другом конце этого скола остались незамеченными его бифасиально ретушированный под лезвие край и нанесённый с него продольный резцовый скол. Таким образом, характеризовать его следует как продольный (угловой) резец, сделанный на первичном сколе (спинка покрыта галечной коркой или даже пришлифована). Резцовый скол нанесён от ретушированного под лезвие конца вдоль одного края с подготовленной площадки (илл. 12, 19).

Такие резцы (как с одним, так и двумя резцовыми сколами) весьма характерны для неолита СВ Азии и присутствуют в той же монографии М. А. Кирьяк (Кирьяк, 1993) в материалах стоянки Тытыль IV, отнесённых ею к позднему неолиту (Кирьяк, 1993. С. 49, табл. 57, 6). Аналогии этим резцам имеются на Колыме, на неолитической стоянке Хетагчан III (Слободин, 2001. Рис. 74, 4, 75, 2). Имеются они и в Якутии, на стоянках раннего и среднего неолита (Мочанов, 1969. Табл. 14, 15; 32, 25). Это указывает, что на стоянке Тытыль II, где, кроме мезолитических (?), имеются неолитические материалы, трансверсальных резцов нет.

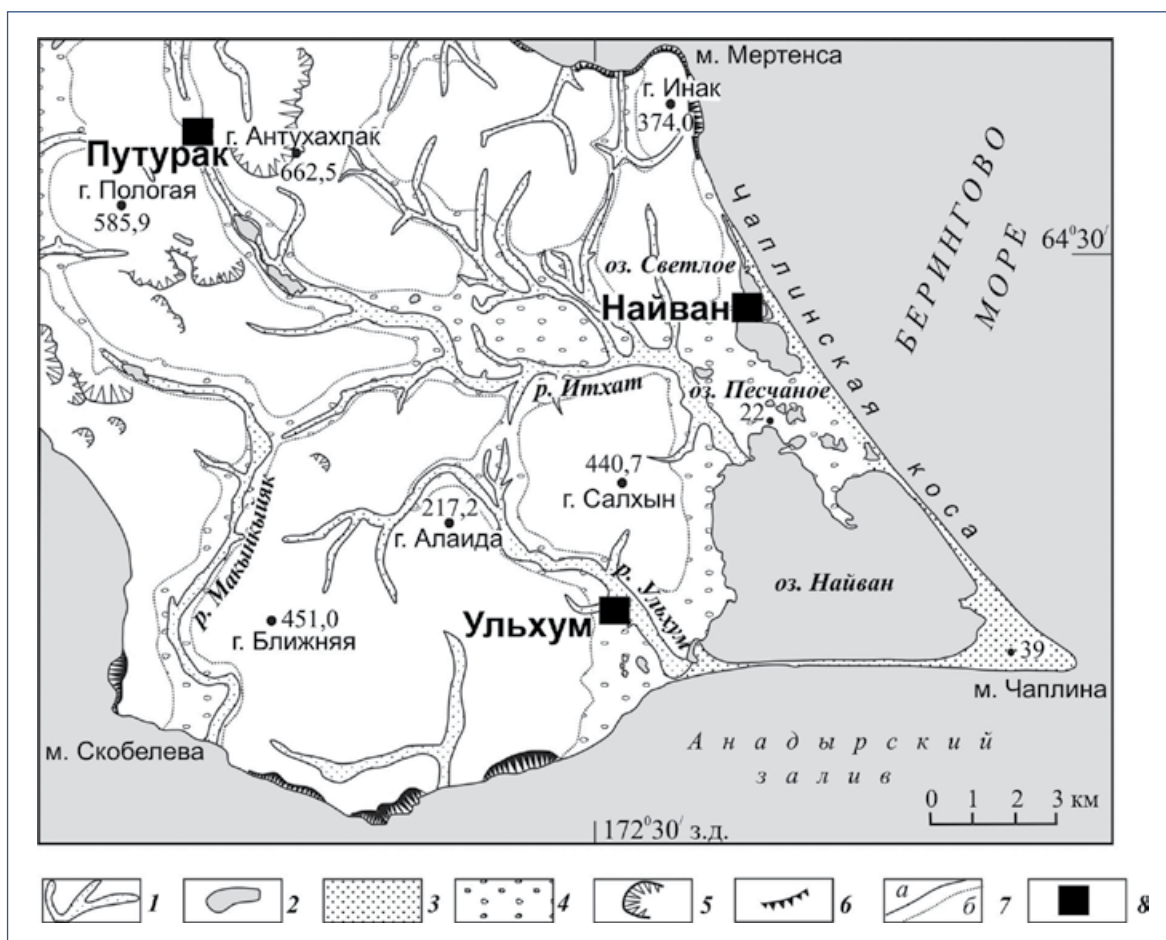
Другой отличительной особенностью Тытыльского комплекса считается наличие в нём «рукояточного скребка» со стоянки Тытыль I (Кирьяк, 1993. С. 26, табл. 24, 4) (илл. 12, 8). В последнем обобщении мезолитических материалов стоянок Тытыль I, III, IV, как и на таблице типичных орудий этого комплекса (Кирьяк, 2005. С. 81–84, табл. на с. 83), тип «рукояточный скребок» не выделяется. Подобная находка со стоянки Тытыль IV, пункт 3, охарактеризована как «экземпляры с периметральным лезвием (табл. 14, 5)» (Кирьяк, 2005. С. 18). Следует отметить и наличие на стоянке Тытыль IV двухлезвийного скребка (Кирьяк, 1993. Табл. 24, 5) (илл. 12, 9). Такой же скребок имеется в материалах колымской мезолитической стоянки Нерега. Двухлезвийный скребок отмечен и в IV сумнагинском слое стоянки Усть-Тимптон на Алдане (Мочанов, 1977. С. 173–174).

Стоянка Путурак находится на п-ове Чукотка, на перевале Путурак между реками Итхат и Ткачен, в 15 км от побережья Берингова моря (64° 30' 59" с. ш., 172° 39' 42" з. д., абс. отм. 207 м) (Диков, 1993 а, б) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»; илл. 14). На развешенной поверхности перевала и из раскопа площадью 28 м² было получено более 10 тыс. артефактов, составляющих единый культурный комплекс. В раскопе материалы залегали в мелкощебенчатом с супесью слое с углистыми пятнами и очагом на глубине до 40–60 см. Большая мощность отложений, нехарактерная для Чукотки, объясняется, видимо, присклоновым положением стоянки, вследствие чего часть материала была погребена склоновыми отложениями, а часть вынесена на поверхность процессами криотурбации. С¹⁴ датировки для стоянки нет, органические материалы также отсутствуют.

Находки представлены исключительно отщепами, призматическими и коническими (карандашевидными) нуклеусами на разных стадиях обработки, от заготовок до почти сработанных (илл. 13, 2–10, 12), ребристыми сколами (илл. 13, 23–25), пластинками (илл. 13, 18, 19, 22), микропластинками, пластинами

Илл. 13. Каменный инвентарь стоянки Путурак (1–20). 1, 2 – заготовки нуклеусов, 3, 4–10, 12 – нуклеусы, 11, 16, 20, 21, 22 – пластины, 13, 14, 15 – пластинчатые сколы, 17 – концевой скребок, 18, 19 – пластинки, 23, 24, 25 – ребристые сколы (1–4, 6–20 – приводится по: Диков, 1993 а, б; 5 – приводится по: Орехов, 2014)

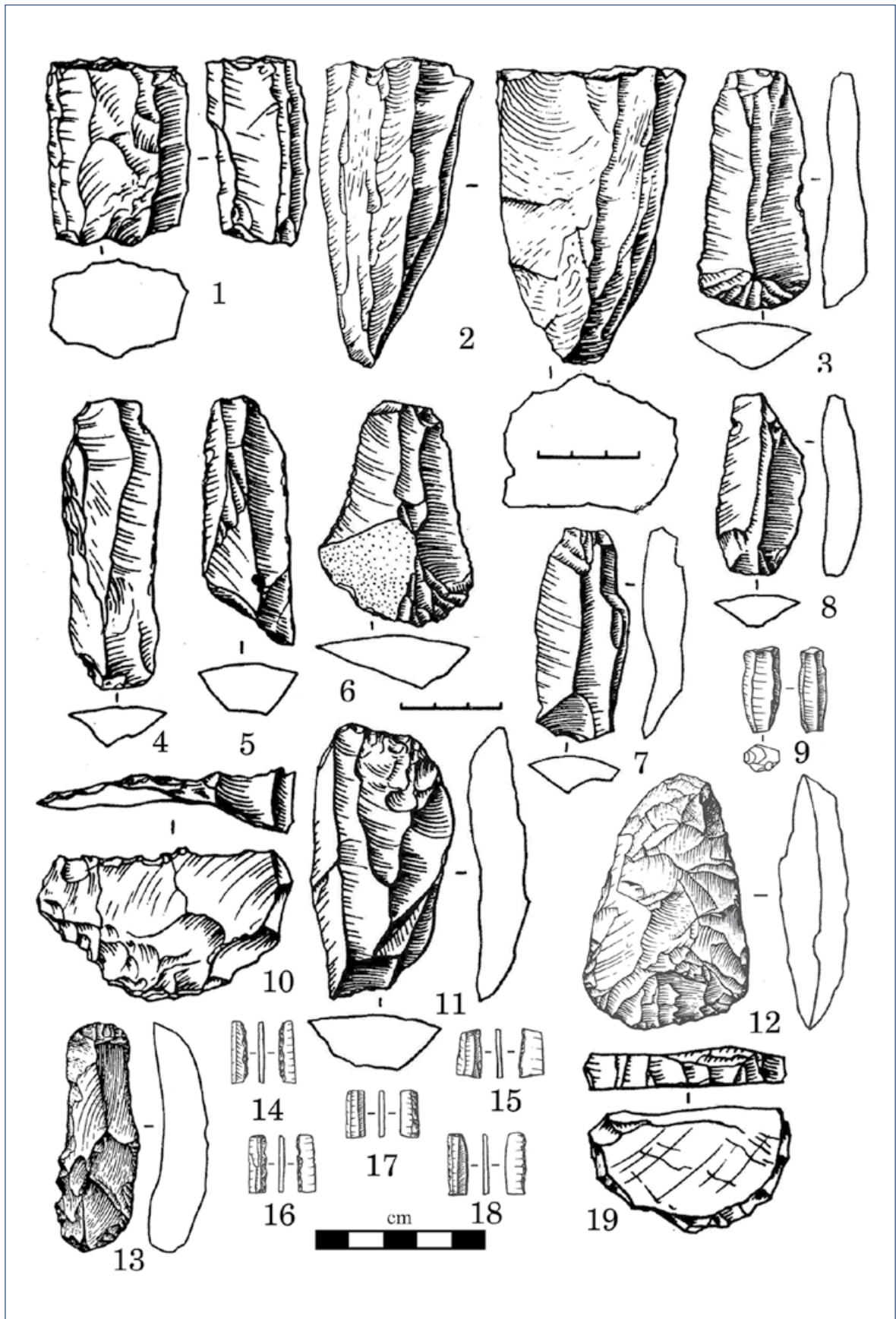

Илл. 14. Геоморфология стоянок Ульхум, Найван, Путурак (подготовлено О.Ю. Глушковой)
(приводится по: Слободин и др., 2014)

и крупными пластинчатыми отщепами (илл. 13, 11, 15, 16, 20–21). Последние особенно многочисленны, некоторые ретушированы по краям и использовались, очевидно, как скребки (илл. 13, 17). Более выразительные образцы концевых скребков представлены на ассоциированной с путуракской культурой стоянке Итхат I а (илл. 15, 3, 6). Гипотеза, что часть пластин с заострённым дистальным концом (илл. 13, 13, 14) использовалась в качестве наконечников стрел (Диков, 1993 а, б), ещё требует своего подтверждения. Н. Н. Диков (1993) на основе этих материалов выделил путуракскую культуру. Своеобразие путуракского комплекса, проявляющееся в «грубости выделки» и отсутствии резцов и скребков (Диков, 1993 а, б), объясняется, очевидно, плохим качеством сырья и характером стоянки, которая была мастерской, где на ранних стадиях подготовки нуклеусов в отход уходило большое количество грубых сколов и пластин.

Анализируя материалы стоянки Путурак и ряда других стоянок, выявленных им вблизи Путуракского перевала и, в целом, на Чукотском полуострове, Н. Н. Диков предложил довольно сложную конструкцию путуракской культуры-традиции (Диков, 1993. С. 148–149; 1993 а. С. 46–52). Следует учитывать, что многие стоянки, включённые им в эту схему, представлены подъёмными материалами, не имеют устойчивой типологии выявленных на них орудий, а C^{14} датировка имеется только для стоянки Челкун IV, отнесенной Н. Н. Диковым к сумнагинской культуре.

Он выделял несколько этапов развития этого культурного формирования: первый, «предпутуракский» этап (стоянки Ткачен, Итхат IА(В), Ульхум), затем,

Илл. 15. Каменный инвентарь стоянок Итхат I а (1–8, 10, 11, 19) и Найван (9, 12–18) (приводится по: Диков, 1993; Гусев, 2002): 1, 2, 9 – нуклеусы, 3, 6, 13 – концевые скребки, 4, 5, 7, 8, 11 – пластины, 10, 19 – пластинки, 12 – тесло, 14–18 – микропластинки

собственно, сама стоянка Путурак со стоянкой Итхат IA(B) (илл. 15, 1–8, 10, 11, 19), представляющие *«путуракскую археологическую культуру или традицию»*, и завершает его схему «послепутуракский» этап (стоянки Челкун IV, Аччен) этой культуры-традиции. На стоянке Итхат I а, так же как и на стоянке Путурак, представлены конические и призматические нуклеусы (илл. 15, 1, 2), крупные пластины (илл. 15, 4, 5, 7, 8, 11), сколы подправки отжимных площадок (илл. 15, 10, 19).

Первый, «предпутуракский» этап, представлен ульхумским комплексом орудий (с клиновидными, призматическими нуклеусами, бифасами), сопоставляемым Н. Н. Диковым (1993. С. 145–149) с поздней ушковской палеолитической, дюктайской и устиновской культурами. По мнению Ю. А. Мочанова (1977), никакой преемственности между дюктайской и сумнагинской культурами нет. Н. Н. Диков (1979. С. 89) предлагал выделить переходную между ними усть-тимптонскую культуру, но это не нашло своего подтверждения.

Второй этап — собственно «путуракская культура» — представлен комплексом орудий стоянок Путурак и Итхат I A?, B?⁵, включающим призматические и конические нуклеусы, резчики из приострѐнных пластин, пластинчатые остроконечники, концевые скребки на пластинах, ретушированные по краям унифасиальные метательные наконечники из пластин, утюжковые орудия (Диков, 1993. С. 148, 149)⁶. Н. Н. Диков, характеризуя комплекс путуракской культуры, делает упор на наличие «унифасиальной грубопластинчатой технологии», представленной большим количеством пластинчатых отщепов и орудий на них.

Но в описании, иллюстрациях и коллекции имеются множественные выразительные примеры и микропластинчатой индустрии с микропризматическими, коническими и даже карандашевидными нуклеусами на разных стадиях сработанности, включая полностью сработанные (Диков, 1993. Табл. 33, 36, 42, 43, 46) (илл. 4, 6, 11). Сообщает Н. Н. Диков (1993. С. 46) и о *«небольшом количестве тонких геометрически правильных ножевидных пластинок... как без обработки, так и с ретушью по краям»*. Именно они и являлись конечной целью всего производственного цикла каменной индустрии стоянки Путурак. В дальнейшем их использовали для производства в качестве лезвий для костяных/роговых вкладышевых орудий. Малое количество микропластинок объясняется их активным использованием и условиями их нахождения на стоянке: они легко теряются в щелёнке. Просеивание или промывка грунта со стоянки не производилось. Раскопки в плохих погодных условиях (сильный дождь и ветер, о которых пишет Н. Н. Диков (1993. С. 47) не способствовали выявлению мелких ножевидных пластинок.

В комплексе орудий обращает на себя внимание «почти полное отсутствие резцов» (Диков, 1993 а. С. 48), малочисленность морфологически слабо оформленных, невыразительных концевых скребков и резчиков, преобладание в описании «заготовок» орудий, изделий с *«псевдорезцовыми сколами»* (Диков, 1993. С. 46).

Большое внимание уделяется пластинам-«остроконечникам», но по ним делается очень осторожное предположение, что *«часть пластин может рассматриваться в качестве метательных наконечников»* (Диков 1993. С. 46), но это

⁵ В публикациях Н. Н. Дикова имеются разночтения в названии стоянок Итхат I A и I B и отнесении их к разным этапам путуракской культуры. В «Диков 1993. С. 149» к ней отнесена стоянка Итхат I B; в «Диков 1993. С. 160» и «Диков 1993 а. С. 48» — стоянка Итхат I A; но везде даны ссылки на иллюстрации с одними же теми орудиями.

⁶ С. Б. Слободину довелось выполнять камеральную обработку и шифровку коллекций стоянки Путурак, что позволило детально ознакомиться с характером материала.

точно не установлено. По крайней мере, среди трасологических определений для находок стоянки Путурак, выполненных Н. А. Кононенко (Диков, 1993. С. 42, 46, рис. 22), наконечники не определены. Всё это указывает на то, что стоянка Путурак является мастерской. И большое количество крупных отщепов хорошо соответствует этому функциональному определению стоянки. Преобладание пластинчатых отщепов, ребристых сколов в виде остроконечников, соответствует характеру производимых на ней изделий — призматических и конических нуклеусов. Их заготовки, крупные нуклеусы на начальной стадии использования, в большом количестве представлены на стоянке. И загадочные «утюжковые» изделия (Диков, 1993. С. 44) (илл. 13, 1, 2), исходя из аналогий на Колыме (Слободин, 1999), являются типичными заготовками призматических нуклеусов. Ребристый скол оформления рабочей поверхности такой заготовки при изготовлении нуклеуса представлен на илл. 13, 23.

Характерной чертой Путурака, что отмечает Н. Н. Диков (1993 а), является *«грубость выделки»*. При этом он отмечает, что Путурак являлся мастерской и в работу *«шёл плохого качества, сравнительно мягкий... кремнистый сланец»*. На наш взгляд, именно этим и объясняется своеобразие Путурака. Заготовки и крупные, на начальной стадии их эксплуатации, призматические нуклеусы, а также скалываемые с них, при подготовке плоскости расщепления, крупные пластины являлись отходами производства или заготовками, доработка которых (пригодных образцов для дальнейшего использования) производилась вне мастерской. Тем не менее наличие крупных пластин на стоянке Путурак и ряде других в Северном Приохотье послужило основанием выделения *«Северо-Восточной мезопластинчатой»* индустрии (Воробей, 1996 б).

Выделение культуры на материалах мастерской, на наш взгляд, требует большей аргументации. Отмечается, что выводы о культурной принадлежности мастерских из-за их *«неполноты»* и *«ограниченности»* могут быть *«неполными или не совсем корректными»* (Орехов, 2014. С. 87).

В заключение описания стоянки Н. Н. Диков оговаривает, что *«на Путураке, возможно, удастся выделить более поздний комплекс... усматриваемый в отдельных, как бы примешанных к преобладающему грубопластинчатому материалу более правильных тонких ножевидных пластинок и в соответствующих им некоторых образцах призматических нуклеусов, <...> свидетельствующих... о становлении уже в недрах путуракской культуры более тонкой мезолитической технологии»* (Диков, 1993. С. 47).

Сходные комплексы меньшего масштаба, отнесённые к сумнагинской культуре, были исследованы нами на стоянках Верхней Колымы, например, Уртычук IV (Слободин, 1999), Бурхала, Запятая (Зеленская, Слободин, 2021). Очевидно, что и Путуракский комплекс принадлежит сумнагинской культуре, к которой Н. Н. Диков, уже без всяких оговорок, отнёс *«послепутуракский» этап*, куда включил стоянки Челкун IV, VIII, Аччен. Они представляют уже не мастерские, количество отщепов небольшое, но типологический и морфологический облик находок идентичен — призматические нуклеусы и их заготовки, микропластинки, ребристые сколы, концевые скребки и резцы на пластинках (Диков, 1993. С. 53, 54, 149). Исключение составляет стоянка Аччен с фрагментом острия унифасиально ретушированного орудия, сделанного на ножевидной пластинке. Наиболее близкой аналогией этому изделию являются пластинчатые черешковые наконечники уолбинской культуры, исследованной М. Кирьяк (2005) на стоянках на оз. Тытыль (Западная Чукотка). Так что вопрос о её культурной принадлежности остаётся открытым.

Во всех перипетиях многоуровневой путуракской культурной конструкции Н. Н. Дикова разобраться непросто. Сложности, возникающие при конструировании из стоянок всех трёх этапов единую, динамично развивающуюся в пространстве и времени упорядоченную путуракскую культурную последовательность, нередко приводят, как это и было предсказано, к возникновению «некоторых логических химер» (Воробей, 1996. С. 56).

Такая ситуация сложилась при попытке анализа путуракской культуры в статье А. А. Орехова (2014). Он пишет: *«Комплекс стоянки-мастерской Путурак характеризуется развитой пластинчатой техникой... призматическими, коническими и пластинчатыми нуклеусами. ... В комплексе представлены пластины и пластинки, унифасиальные ножи, резчики, боковые резцы, остроконечники, ... характерны для комплекса двусторонне (илл. 4, 30) и односторонне (илл. 4, 35) ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым основанием. В комплексе представлены также двусторонне ретушированные овальные скребки (илл. 4, 25, 26) и дисковидный скребок (характерен?) (илл. 4, 34) ... нож-бифас (илл. 4, 31)»* (Орехов, 2014. С. 87).

Прежде всего следует иметь в виду, что в этот комплекс А. А. Орехов включил материалы не только *«стоянки-мастерской Путурак»*, но и целого ряда стоянок всех этапов, представленных выше. И визуальный ряд орудий путуракской культуры, в которой объединились материалы всех этих стоянок (Орехов, 2014. Рис. 4), выглядит так же эклектично, как и приведённый выше их список. Так, например, в иллюстрации орудий скребок на рис. 4, 25 не овальный, а концевой на пластинчатом отщепе. На рис. 4, 29 изображён тот же самый скребок — в «Диков, 1993 а. Рис. 22, 4» и в «1993 б. Рис. 21, 9» он дан в разной прорисовке с разными проекциями, и в последнем случае видно, что вентрал не обработан (рис. 9), так что *«двусторонне ретушированным»*, как определяет его А. А. Орехов (2014. С. 87), он не является. *«Двусторонне ... и односторонне ... ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым основанием»* и нож-бифас не относятся к стоянке Путурак.

Такое вольное изложение фактического материала, смешение комплексов разных стоянок вводит незнакомого с исходным материалом читателя в заблуждение. Н. Н. Диков же чётко классифицировал технологическую и хронологическую позицию путуракской культуры (его *«собственно путуракский»* и *«послепутуракский»* этапы) как мезолит, ранний голоцен. Последний, *«послепутуракский»* этап он связал с сумнагинской культурой. Возраст комплекса был подтверждён и датами с технологически близких, расположенных там же, на Чукотском полуострове, стоянок Челкун IV (8150 л. н.) (Диков, 1993 а, б), а позже — Найван (Гусев, 2006).

Сведение материалов стоянок всех этапов в один комплекс создаёт совершенно непродуктивный культурный конгломерат, не имеющий как практического применения, так и своей позиции в культурно-хронологической схеме СВА. Но если их не смешивать, а рассматривать отдельно друг от друга, то складывается довольно ясная картина культурного развития этого региона на рубеже плейстоцена — голоцена.

Высказанное в контексте этого материала мнение, что *«преобладающей является точка зрения Ю. А. Мочанова (1977) об отсутствии мезолита в классическом его понимании»* (Орехов, 2014. С. 92), противоречит всей сумме проведённых археологических исследований на Северо-Востоке Азии, где «мезолит» прочно вписан в его культурно-хронологическую периодизацию (История Якутии, 2020; Кирьяк, 1993, 2005; Диков, 1979, 1993; Питулько 2022; Slobodin et al., 2017; Хлобыстин, 1998; Мезолит СССР, 1989; Археология, 2006).

А. А. Орехов (2014. С. 92) выстраивает весьма экзотическую для раннего голоцена СВА конструкцию, где *«после переходного периода (от палеолита к неолиту), датируемого около 10–8 тыс. л. н., начинается эпоха раннего неолита около 7–5 тыс. л. н. <и>... ряд памятников и комплексов хронологически и технологически относится к данной эпохе»*. К таким памятникам он относит стоянки Найван, на озёрах Тытыль, Эльгыгытгын, Иони (не указаны №. — С. С., А. З.), о-в Айон (весь остров? — С. С., А. З.), р. Амгуэма, раннеолитические комплексы Западного Берингоморья, Колымы⁷.

Набор стоянок в этой цитате весьма эклектичный, для них отсутствует общий знаменатель. Возраст раннего неолита завышен и не подкреплён конкретными датировками. Разрыв в 1 тыс. лет между мезолитом и неолитом, в предложенных им датировках, никак не аргументирован. Мезолит на Колыме продолжался не *«10–8 тыс. л. н.»*, как считает А. А. Орехов, а, по меньшей мере, 10–6,2 тыс. л. н., что закреплено датой мезолитического сумнагинского комплекса стоянки Запятая, возрастом 6795 ± 110 л. н. (МАГ–2264) и датой 6300 ± 170 (Крил–248) для раннеолитического II слоя стоянки Сибердик (Диков, 1979. С. 96). Единственная датировка для раннего неолита Чукотского полуострова, которую приводит Н. Н. Диков (1993: 121) — это 5700 ± 300 л. н. (МАГ–717) со стоянки Коолень III. И М. Кирьяк (1993. С. 36; 2005. С. 85) определяет возраст раннего неолита Западной Чукотки как IV–III тыс. до н. э. Каких-либо доказательств в подтверждение своего утверждения о возрасте мезолита и раннего неолита на севере Дальнего Востока А. А. Орехов не приводит.

Тем не менее он считает, что *«они соответствуют типологически и технологически раннему неолиту 7–5 тыс. л. н. ...<и> с этим хорошо согласуется возраст “мезолитической микропластинчатой” (содержит и мезопластины) стоянки Челкун IV 8150 ± 450 (МАГ–719) ... и стоянки Найван около 8 тыс. л. н., ...<а также> этому соответствует общий облик выделенных Н. Н. Диковым позднепалеолитических..., мезолитических..., и раннеолитических комплексов...»* (Орехов, 2014. С. 92). Трудно представить, что такое «общий облик» трёх совершенно различных технологически и хронологически эпох, поэтому конструирование такого поликультурного образования, на наш взгляд, является совершенно непродуктивным делом. Исследователь стоянки Найван 1 уже отреагировал на предложенную А. А. Ореховым характеристику стоянки, резонно отметив, что *«...некоторые археологи безосновательно относят её к раннему неолиту (Орехов, 2022. С. 38)»* (Гусев, 2023. Илл. 27).

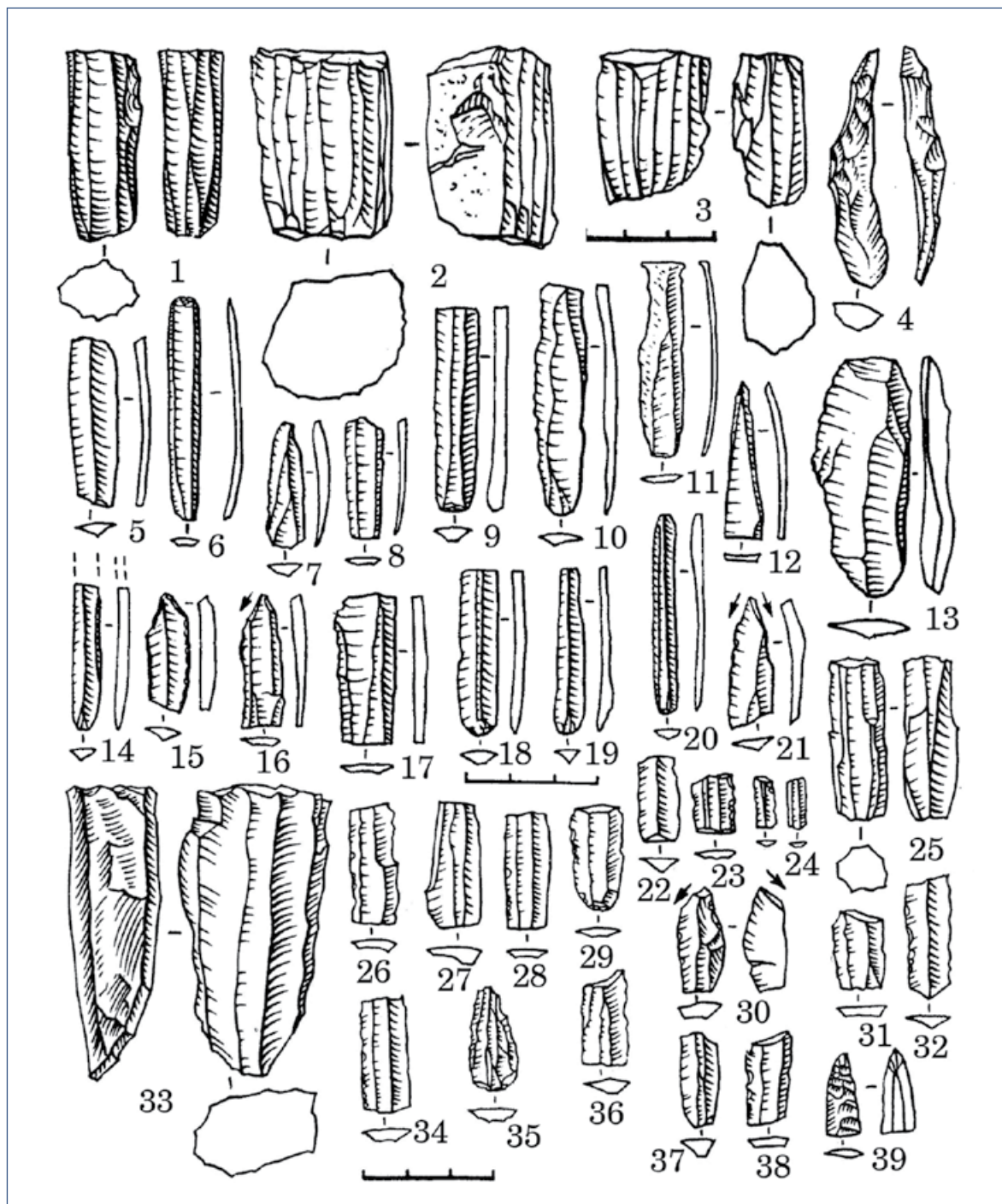
Таким образом, технико-типологические характеристики материалов стоянки Путурак позволяют отнести её к сумнагинской традиции раннеголоценового времени.

Стоянка Челкун IV расположена на Чукотском п-ове, в верхнем течении р. Ионивеем, на её левом берегу в 2-х км ниже устья р. Челкун, ($65^{\circ} 19' 25.13''$ с. ш., $173^{\circ} 50' 36.52''$ з. д., абс. отм. 87 м) (Диков, 1993 а) (илл. 1 раздела «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»). Она приурочена к уступу 8-метровой речной террасы каргинского возраста, между рекой и небольшим озером, на разветвленных участках которой были найдены артефакты.

Раскопки на площади 31 м^2 выявили в серой супеси, подстилаемой галечником, на гл. 0,4 м культурный слой, представленный углистой прослойкой и на-

⁷ Орехов (2014) по Колыме дает ссылку на статью «Слободин, 2010», где описаны материалы средне- и позднеолитических стоянок Колымы. К мезолиту и раннему неолиту они не имеют никакого отношения.

ходками. По уголькам из слоя получена дата: 8150 ± 450 (МАГ-719). Углистость в раскопе имела округлую форму, около 2-х м в диаметре. С её контуром совпадает и площадь распространения артефактов. Также в пределах углистого пятна выявлено два маленьких продолговатых галечных вала (искусственного, по мнению Н. Н. Дикова (1993 а), происхождения), длиной 2,5 и 1 м, шириной 0,5 м и высотой 20–25 см, расположенных друг против друга. Локализация в одних границах углистости и находок позволяет характеризовать эту конструкцию как наземное жилище.

Илл. 16. Каменный инвентарь стоянок Челкун IV (1–21) и Аччен (22–39):
 1–3, 25, 33 – нуклеусы, 4 – ребристый скол, 5–12, 14–24, 26–39 – пластинки, 16, 21, 30 – резцы,
 39 – ретушированная микропластинка (приводится по: Диков, 1993)

Среди находок в раскопе несколько призматических нуклеусов (илл. 16, 1–3), ребристые (краевые) сколы их оформления (илл. 16, 4), 2 резца на микропластинках (илл. 16, 16, 21), 185 микропластинок (илл. 16, 5–12, 14–20), крупные и мелкие отщепы (илл. 16, 13), все из кремня. Подъёмные находки включали призматические двухплощадочные нуклеусы, микропластинки, краевые сколы.

Н. Н. Диков (1993 а) охарактеризовал стоянку как мастерскую. Учитывая зафиксированные элементы жилища, малое количество преформ нуклеусов и отходов их обработки, данный комплекс, в целом, можно рассматривать как хозяйственный, где люди жили некоторое время, здесь же они изготавливали орудия (вкладышевые костяные наконечники, для изготовления которых и производилось скалывание с нуклеусов микропластинок) и делали другие хозяйственные работы. Охотиться в данной местности они могли только на северного оленя.

Технико-типологические характеристики найденного на стоянке комплекса каменных орудий и датировка позволяют отнести её к сумнагинской традиции раннего голоцена.

Стоянка Найван I фиксирует выход сумнагинцев на побережье Берингова моря (Гусев, 2002). Она расположена на Чукотском п-ове, на берегу Берингова пролива, между мысами Чаплина и Мертенса (64° 28' 59" с. ш., 172° 23' 31" в. д. абс. отм. 25 м) (Гусев, 2002) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»).

Стоянка Найван находится на плоской вершине скального останца высотой около 16 м, в районе перемычки между озёрами Песчаное и Светлое, представляющими собой такие же, как и оз. Найван, внутренние лагуны. Ширина Чаплинской косы в районе стоянки составляет 200–300 м (илл. 14).

Раскопками на площади 86 м² в слое светло-коричневой гумусированной супеси с редким включением мелкообломочного слабо окатанного материала, на гл. 37–60 см был выявлен однокомпонентный культурный слой, содержащий комплекс наземных жилищ, с очагами и производственными площадками, насыщенными каменными орудиями вокруг них (илл. 15, 12–18). Жилища округлой формы, диаметром около 3–4 м, с несколькими очагами посередине. Очаги, общим размером около 1 м в диаметре, возможно, использовавшиеся по отдельности в разные эпизоды посещений, состояли из слоя мелкой речной гальки и нескольких крупных неокатанных камней со следами термического воздействия. Стоянка, вероятно, была сезонной, и посещалась, исходя из характера комплекса и природно-климатических условий района, в период лето-осень в течение нескольких лет.

Угольки из очагов дали C¹⁴ даты 7700 ± 500 (Ле–5508), 9000 ± 500 (Ле–5509), 6990 ± 320 (ГИН–10474), 8160 ± 600 (ГИН–10471), 7600 ± 300 (Ле–6235), 7700 ± 300 (Ле–6236) (Гусев, 2006). Разброс датировок и их большая статистическая погрешность связана, вероятно, с использованием плавника. Палинологические характеристики вмещающих культурный слой отложений свидетельствуют, что формировались они в бореальном-атлантическом периодах голоцена (Гусев, 2002).

На стоянке найдено около 3 тыс. артефактов, среди которых призматические микронуклеусы (илл. 15, 9), большое количество микропластинок (в том числе ретушированных по краю) (илл. 15, 14–18), двусторонне обработанное рубящее орудие (топор) овальной формы с линзовидным поперечным сечением (илл. 15, 12), концевые скребки на микропластинках и крупной пластине (илл. 15, 13), а также отщепы — отходы обработки этих орудий. Использовались в основном кремнеземные породы и, незначительно, халцедон и обсидиан. Трасологический

анализ орудий стоянки показал следы их использования для резания, строгания и пиления кости и дерева, резки рыбы и мяса (Гусев, 2002).

Каких-либо костных останков в культурном слое стоянки нет. Характер инвентаря стоянки позволяет реконструировать хозяйство кочевых континентальных охотников на оленей, которые выходят летом в прибрежные тундры, спасаясь от гнуса. Прямых данных об использовании обитателями стоянки морских ресурсов нет. Но при выходе континентальных охотников на морское побережье они могли охотиться и на морских животных, собиравшихся на лежбищах на берегу. Сюда же их мог привлекать и идущий на нерест лосось. Рыболовство, обычно, является сопутствующим охоте видом промысла. В озёрах обитатели стоянки могли ловить рыбу, что косвенно подтверждается и трасологическим анализом некоторых отщепов из раскопок, определённых как «ножи для разделки рыбы». Вероятно, что они занимались так же собирательством (сбор ракушек и яиц птиц) и охотой на перелетных птиц.

В очаге найдены мелкие фрагменты ракушек (мидий), что, принимая во внимание расположение стоянки на побережье Берингова моря, отражает, по мнению С. В. Гусева (2002; 2006), начальную стадию приморской адаптации обитателей стоянки.

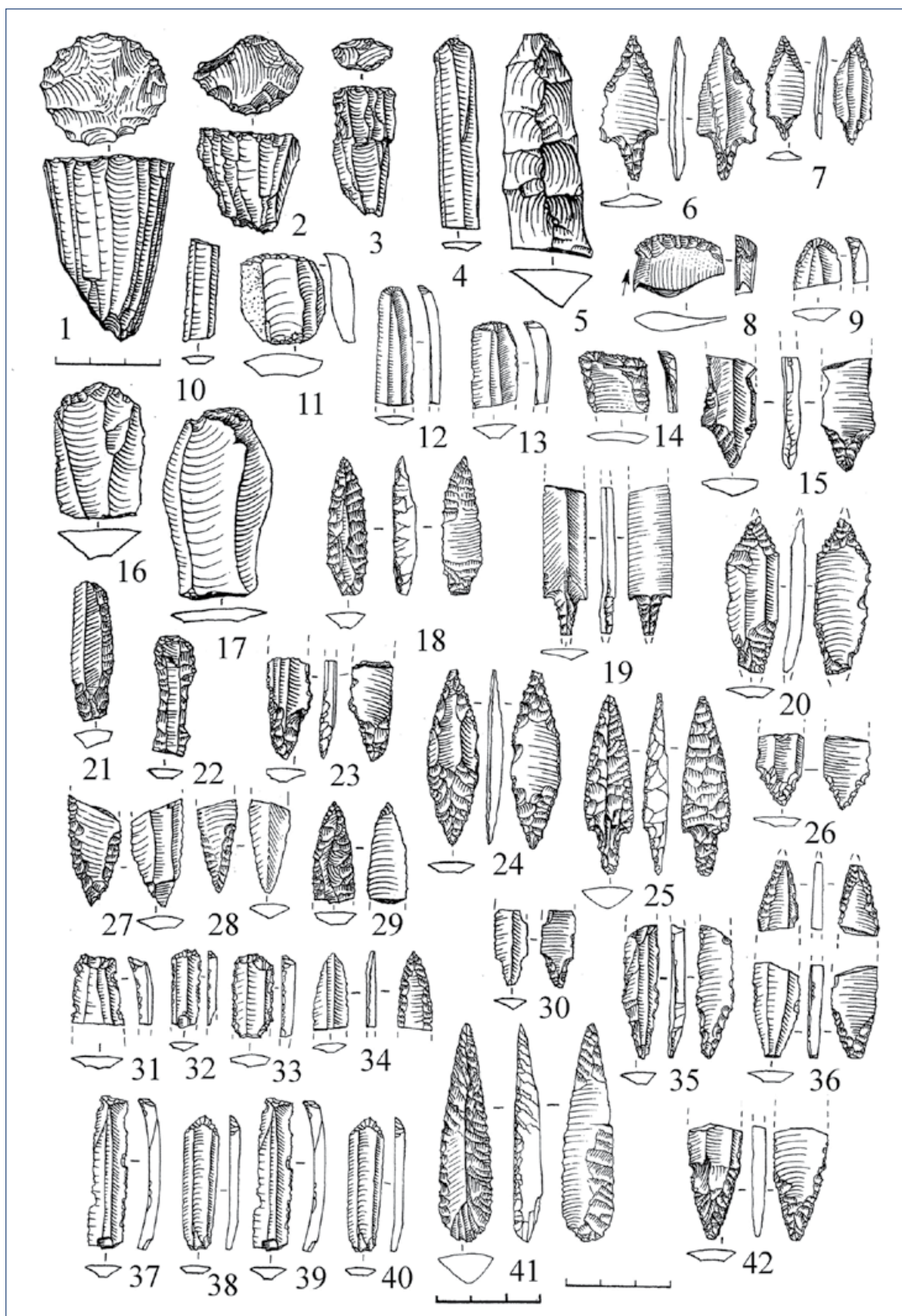
Технико-типологические характеристики комплекса каменных орудий стоянки и её возраст (9–7 тыс. л. н.) соответствуют характеристикам сумнагинской традиции (Мочанов, 1977) распространившейся в это время на Северо-Востоке Азии.

Уолбинская культурная традиция (Слободин, 1999; История Якутии, 2020) выявлена на стоянках в верховьях рек Индигирки, Колымы и на Чукотке. Время существования культуры 8,8–6 тыс. л. по С¹⁴. Ей присущи черешковые пластинчатые наконечники, призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и угловые резцы на пластинах, ретушированные вкладыши, бифасиальные наконечники треугольной формы, ножи на пластинах, оббитые тёсла с пришлифованным лезвием.

С уолбинской культурой связывают распространение на Чукотку в раннем голоцене черешковых пластинчатых наконечников, найденных на стоянках в районе оз. Тытыль (Верхнетытыльская IV, VI, Тытыль IV п. 2, Нижнетытыльская IV п. 3) (Кирьяк, 2005) (см. илл. 1 в разделе «Палеолит — мезолит. Магаданская область (Колыма)»), возможно, и стоянка Аччен (Ликвыленвеем), где помимо конического и призматического нуклеусов (илл. 16, 25, 33) и микропластинок (илл. 16, 23–24, 26–38), найдена заострённая ретушью под остриё наконечника крупная ножевидная пластина (илл. 16, 39). В периодизации археологических культур Чукотки эти материалы фиксируют этап позднего мезолита (Кирьяк, 2005). По аналогии с колымскими стоянками (Слободин, 1999), они датируются ранним голоценом. Орудийный набор стоянок включает, кроме многочисленных серий пластинчатых наконечников, призматические и конические нуклеусы, концевые скребки и, возможно, многофасеточные резцы.

Стоянка Верхнетытыльская VI находится на восточном берегу оз. Тытыль, в 0,5 км южнее устья р. Тытыльваам (67° 21' 30" с. ш., 169° 27' 10" з. д., абс. отм. 507 м) (Кирьяк, 2005). Она приурочена к моренному холму высотой 9–10 м, на развешанной поверхности которого были собраны подъёмные материалы. Культурный слой выявлен в раскопе на площади 24 м² в гумусированной коричневой супеси, перекрытой слоем дёрна, на глубине от 3 до 25 см. Коллекция находок состоит из более 2 тыс. артефактов.

Первичное расщепление представлено коническими и призматическими нуклеусами (илл. 17, 1–3), ребристыми (краевыми) сколами их оформле-

Илл. 17. Каменный инвентарь позднемезолитических (раннеголоценовых) стоянок Чукотки (уолбинский комплекс). Стоянка Верхнетыльская VI (по Кирьяк, 2005): 1-3 – нуклеусы, 4, 10, 21, 22 – пластинки, 5 – ребристый скол, 6, 7, 15, 18-20, 23-30, 34 – 36, 41, 42 – пластинчатые наконечники, 8, 9, 11-14, 31-33, 37-40 – скребки концевые, 16, 17 – пластины

ния (илл. 17, 5), пластинчатыми сколами (илл. 17, 16–17), микропластинками (илл. 17, 4, 10). Комплекс орудий включает изделия, сделанные преимущественно на пластинах — черешковые и листовидные наконечники (илл. 17, 6, 7, 15, 18–20, 23–30, 34–36, 41, 42), концевые скребки (илл. 17, 8, 9, 11–14, 31–33, 37–40), угловые и срединные резцы. Отмечается наличие фрагментов бифасиальных изделий. Тесло представлено заготовкой «с ушками» (Кирьяк, 2005. С. 34, табл. 43, 4).

C^{14} датировки комплекса нет. На основе технико-типологических характеристик материалов стоянки они были сопоставлены с уолбинским комплексом (Слободин, 1999) и датированы раннеголоценовым временем (Кирьяк, 2005. С. 84). Положение стоянки и орудийный набор указывают на охотничью специализацию её обитателей. Основным объектом охоты был северный олень.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в последние годы археологические, палеогеографические, палеонтологические и палинологические данные позволяют считать, что первоначальное заселение человеком Чукотки происходило путём миграции из более южных и восточных районов Восточной Сибири, Дальнего Востока, Колымы и Якутии не позднее середины сартанского стадиала (17 000 л. н.). В течение всего сартана имело место несколько волн миграций, представленных разными культурами.

Возраст самых ранних памятников, составляющих группу «галечных комплексов», предположительно оцениваемый в 20–30 тыс. л. (Диков, 1993 а, б; Кирьяк, 2005; Воробей, 1999), пока остаётся очень слабо подкреплён как естественно-научными данными (стратиграфическим залеганием, радиоуглеродным датированием), так и технико-типологическими характеристиками. Подъёмные находки со стоянок Кымынанонвываам XII, XIII (Диков, 1993 а, б) на Чукотском полуострове очень слабо модифицированы, чтобы можно было сказать что-либо конкретное об их облике и функциональном назначении (Slobodin, 1999; Воробей 1999). Нахождение стоянок с морфологически невыраженными формами нестратифицированных (собранных с поверхности террасы) изделий у месторождения кремня, из которого они сделаны, затрудняет как их культурную, так и хронологическую идентификацию.

Не меньше вопросов вызывают и сенсационные находки из керна скважины с глубины 30 м у горы Кымынейкей. Их передвижение в морене к месту их обнаружения из долины соседней реки и глубина нахождения исключают возможность проведения дополнительных работ для верификации материалов и сделанных по ним выводов (Goebel, Slobodin, 1999).

Стоянка Орловка II, из ряда «галечных комплексов», даёт наиболее релевантный материал для его анализа — имеются чётко выраженные типы нуклеусов и орудий. Однако и тут остаётся нерешённым давно поставленный принципиальный вопрос (Слободин, 2000) о его соотношении с микропластинчатым компонентом, который перекрывает его в планиграфии стоянки.

Судя по материалам стоянки Бол. Эльгахчан в долине реки Омолон, в середине Сартанского оледенения на Чукотку начала распространение ранняя ушковская позднепалеолитическая культура (Кирьяк, 1993). Но другие, отнесённые к ней материалы с Чукотского п-ова (Диков, 1993), не соответствуют характеризующим её критериям (Слободин, 2002).

Со второй половины сартанского криохрона на Чукотку с Колымы и Приохотья распространяются стоянки, относящиеся к дюктайско-ушковской микропла-

стинчатой традиции, что выразительно демонстрирует комплекс с технологией изготовления клиновидных нуклеусов в технике юбетцу и бифасами с расположенного далеко за полярным кругом о. Айон, на найденной там одноимённой стоянке (Слободин, 2015).

Дальнейшая эволюция этой культурной традиции, с некоторыми модификациями в обработке клиновидных нуклеусов, прослеживается на позднепалеолитических стоянках Чукотки — Кедон, Курупка, Инаскваам, Тальяин, Чаатамье, Тытыльваам IV. Прямых датировок плейстоценового возраста для этих стоянок пока нет, но, учитывая, что в центральных районах Аляски микропластинчатая берингийская традиция с клиновидными нуклеусами и юбецовой техникой их обработки надёжно датирована временем 12 300 л. н. (Beta-209882) (Holmes, 2008), следует считать, что на Чукотке она распространилась, по меньшей мере, на 1–2 тыс. лет ранее, т. е. не позднее 14–15 тыс. л. н. На Камчатке, куда она уже попала через Колыму или Приохотье, она датируется возрастом около 11 000 С¹⁴ л. н. (Диков, 1979). Население этой традиции, как показывают С¹⁴ датировки материалов стоянки Тытыльваам IV (9820–8645 л. н.), доживает на Чукотке до начала голоцена.

Однако затем, в раннем голоцене, на Чукотке, как и на Колыме, в Якутии и на Камчатке происходит достаточно резкая смена технико-типологического облика орудийных комплексов стоянок с клиновидными нуклеусами и бифасами на комплексы с коническими и призматическими нуклеусами и орудиями, обработанными исключительно унифасиально. Это достаточно вероятно может свидетельствовать о кардинальной смене культурной традиции и населения, её представляющего.

Орудийные наборы раннеголоценовых мезолитических стоянок Чукотки (Найван, Челкун IV, Тытыль I, II, IV) достаточно близки, по своим технико-типологическим характеристикам, орудийным комплексам раннеголоценовой сумнагинской культуры Якутии и Колымы (Мочанов, 1977; Диков, 1993 а, б; Кирьяк, 1979; Слободин и др., 2014). Возраст их определяется С¹⁴ датами 8150–6990 л. н. со стоянок Найван и Челкун IV. Н. Н. Диков в «Истории Чукотки» отмечал, что «стоянки на оз. Тытыль в верховьях М. Анюя ... — все они с остатками пластинчатой индустрии, технологически близкой сумнагинской мезолитической и более поздним культурам Якутии» (1989. С. 22). И позднее: «...на западе Чукотки <...> сумнагинские комплексы выявлены М. А. Кирьяк (1979, 1989) на оз. Тытыль» (Диков, 1996. С. 22). Но насколько они были близки друг другу, не только в технологии обработки орудий, но и в культурном и этническом отношении, вопрос пока не решённый.

Определённую перспективу в этом вопросе даёт находка черепной коробки человека в низовьях Колымы из палеонтологического местонахождения Дуванный Яр с датой 8770 ± 27 л. н. (Питулько, 2022). Археологического контекста к ней нет, но по дате она может относиться к одной из раннеголоценовых культур Колымы или к какому-нибудь представителю «пережиточной» палеолитической культуры, продолжающей своё существование в раннем голоцене (подобно V слою Ушков или Тытыльваам IV).

Палеогенетические исследования этого черепа показали, что он принадлежит распространившемуся в начале МИС 2 (> 30 тыс. л. н.) из Восточной Азии на Северо-Восток Сибири населению восточноазиатской линии, получившему название «древние палеосибиряки». Для него прослежены генетические связи с коряками, ительменами, чукчами, эскимосами (вплоть до Гренландии), алеутами, древними берингийцами, американскими индейцами, палеоиндейцами и даже

с обитателями пещеры Чертовы Ворота на Дальнем Востоке (Sikora et al., 2019). Это подтверждает ранее сделанные выводы о генетической связи сумнагинского населения с чукчами, алеутами, эскимосами, индейцами Северной Америки (Сукерник и др., 1988).

Стоянка Путурак, на материалах которой выделяется путуракская культура Чукотки (Диков, 1993 а, б), пока не обладает достаточно выраженной спецификой орудийного комплекса, признаётся мастерской, и на данном этапе, до нахождения аналогичных памятников, может рассматриваться как Путуракский комплекс.

Завершается эпоха «позднего мезолита» на Чукотке комплексами ряда стоянок (Верхнетытыльская IV, VI, Тытыль IV п.2), проявляющими технико-типологическое сходство с уолбинской культурой Колымы и Якутии (Кирьяк, 2005; Слободин, 2018; История Якутии, 2020). Наиболее характерным элементом этих комплексов являются черешковые пластинчатые наконечники, в сопровождении конических и призматических нуклеусов. Предлагается рассматривать уолбинскую традицию как позднюю фацию сумнагинской мезолитической культуры (Питулько, 2004). Это вполне возможно, если на стоянках сумнагинской культуры будут найдены пластинчатые черешковые наконечники, что первоначально категорически отрицалось Ю. А. Мочановым (1969), а позже, без каких-либо весомых аргументов, такая возможность рассматривалась как «весьма вероятная» (Мочанов, 1977. С. 246). Однако после этого, через 10 лет исследований, ведущие археологи Якутии А. Н. Алексеев, Н. Н. Кочмар и Н. М. Черосов (1988) в совместной статье отметили, что *«предположение Ю. А. Мочанова (1977) о возможном употреблении наконечников стрел “сумнагинцами” в X–IX тыс. до н. э. до сих пор остается только предположением. В такой ситуации любая действительная находка наконечника стрелы, относящаяся к мезолиту, по праву считалась бы сенсацией в археологии каменного века Якутии»* (Алексеев и др., 1988. С. 7). Ещё через 20 лет к этой теме обратился В. А. Кашин, подтвердивший, что *«по имеющимся на сегодня данным, предположение о наличии у сумнагинцев лука и стрел продолжает оставаться гипотетичным»* (Кашин, 2013. С. 49). В последнем издании «Истории Якутии» также сообщается, что *«технико-типологический анализ сумнагинского инвентаря показал, что для него характерно **отсутствие** (выделено нами. — С. С., А. З.) каких-либо ... наконечников копий и дротиков»* (2020. С. 32).

Примерно 6 тыс. л. н. на Чукотке, как и на Колыме, начинается эпоха раннего неолита, отмеченная появлением в орудийных комплексах стоянок мелких бифасиально обработанных орудий, конических и призматических микронуклеусов, микропластинок, шлифованных орудий и керамики. На Верхней Колыме этот период фиксируется датами 6300–5530 л. н. со стоянки Сибердик (Диков, 1979) и 5210 л. н. со стоянки Хуренджа VIII (Слободин, 2021). На Средней и Нижней Колыме для этого периода, хотя и недатированного по C^{14} , отмечены материалы (как каменные, так и керамические), соотносимые с ранне-неолитической сылахской культурой Якутии (Кистенев, 1990; Кашин, 2013). На самой Чукотке опорным ранне-неолитическим памятником, хотя и без керамики, рассматривается стоянка Коолень III, датированная по C^{14} возрастом 5700 л. н. На их основе на Северо-Востоке Азии формируется палеоазиатское население, родственное, по данным антропологических исследований, чукотскому, корякскому, юкагирскому и эскимосскому этносам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова З.А.* Микронуклеусы в палеолите Енисея // КСИА. 1971. – Вып. 126. – С. 14–21.
2. *Абрамова З.А.* Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. – Л. : Наука, 1986. – С. 11–16.
3. *Аксенов М.П.* Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск : 1980. – С. 45–93.
4. *Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М.* Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. – Якутск : 1988. – С. 5–15.
5. Археология : Учебник / Под редакцией академика РАН В.Л. Янина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 608 с.
6. *Вартанян С.Л.* Остров Врангеля в конце четвертичного периода: геология и палеогеография. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. – 144 с.
7. *Васильевский Р.С., Гладышев С.А.* Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск : Наука, 1989. – 184 с.
8. *Ветров В.М.* Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры (опыт типологии) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С. 30–44.
9. *Воробей И.Е.* Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996 а. – С. 24–51.
10. *Воробей И.Е.* Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии. Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996 б. – С. 56–58.
11. *Воробей И.Е.* О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 4–15.
12. *Воробей И.Е.* Об одной разновидности клиновидных микронуклеусов // III Диковские чтения. – СВКНИИ : Магадан, 2004. – С. 332–343.
13. *Глушкова О.Ю.* Морфология и палеогеография позднеплейстоценовых оледенений Северо-Востока СССР // Плейстоценовые оледенения востока Азии. – Магадан : ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 28–42.
14. *Глушкова О.Ю.* Отражение климатических ритмов в морфологии рельефа Западной Берингии // Четвертичные климаты и растительность Берингии. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 94–114.
15. *Глушкова О.Ю., Смирнов В.Н.* Новая археологическая стоянка на оз. Эльгыгытгын (Чукотка) // V Диковские чтения : материалы научно-практической конференции. – Магадан : Кордис, 2008. – С. 71–73.
16. *Глушкова О.Ю.* Неоплейстоценовые оледенения в горах западной Чукотки // Чтения памяти академика К.В. Симакова. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2009. – С. 55–56.
17. *Губин С.В., Занина О.Г., Максимович С.В.* Растительный и почвенный покровы равнин Северо-Востока Евразии в плейстоцене // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М., 2008. – С. 238–242.
18. *Гусев С.В.* Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский п-ов) // II Диковские чтения. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 356–363.
19. *Гусев С.В.* Исследование раннеголоценовых очагов на стоянке Найван. Восточная Чукотка. Неолит и палеометалл севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 17–21.
20. *Гусев С.В.* Раннеголоценовые приморские стоянки Восточной Чукотки // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 39, 2023. – С. 7–30.
21. *Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В.* Палеолитоведение. – Новосибирск : Наука, 1994. – 288 с.
22. *Диков Н.Н.* Первые археологические исследования на о. Айон // Записки Чукотского краеведческого музея. – Магадан, 1961. – Вып. II. – С. 38–42.

23. *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. – Магадан, 1969. – 256 с.
24. *Диков Н. Н.* Древние культуры Камчатки и Чукотки : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск : 1971. – 48 с.
25. *Диков Н. Н.* Чукотка в каменном веке // Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. – Новосибирск : Наука, 1974. – С. 18–45.
26. *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М. : Наука, 1977. – 391 с.
27. *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
28. *Диков Н. Н.* Первые палеолитические памятники на Чукотском полуострове (стоянки на рр. Челькун и Курупке) // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ, 1980. – С. 5–23.
29. *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб. : Наука, 1993 а. – 304 с.
30. *Диков Н. Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1993 б. – 68 с.
31. *Диков Н. Н.* Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю. – Магадан : СВКНИИ, 1996. – С. 13–31.
32. *Диков Н. Н., Колясников Ю. А.* Первые внутриконтинентальные стоянки палеолита и неолита на юге Чукотки (рр. Иваськваам и Лянлиретваам) // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ, 1979. – С. 20–28.
33. *Дьяков В. И.* Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка IV). – Владивосток : Дальнаука, 2000. – 228 с.
34. *Зеленская А. Ю., Слободин С. Б.* Новые данные по археологии Верхней Колымы // X Крушановские чтения «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке». – Владивосток : Дальнаука, 2021. – С. 249–257.
35. История Чукотки. – М. : Мысль, 1989. – 492 с.
36. История Якутии / Под ред. Алексеева А. Н. – Т. I. – Новосибирск : Наука. 2020. – 536 с.
37. *Кашин В. А.* Неолит Средней Колымы. – Новосибирск : Наука, 2013. – 224 с.
38. *Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. СССР (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 257). – М. : Наука, 1974. – 256 с.
39. *Кирьяк М. А.* Первые мезолитические и неолитические стоянки Западной Чукотки (оз. Тытыль в верховьях Малого Анюя). Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 39–52.
40. *Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки, Среднего и Нижнего Приколымья и некоторые вопросы этногенеза юкагиров : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 19 с.
41. *Кирьяк М. А.* Археология западной Чукотки. – М. : Наука. 1993. – 224 с.
42. *Кирьяк М. А., Глушкова О. Ю., Браун Т. А.* Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 2–15.
43. *Кирьяк (Дикова) М. А.* Каменный век Чукотки (новые материалы). – Магадан : Кордис, 2005. – 254 с.
44. *Кистенев С. П.* Каменный век бассейна Нижней Колымы : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Якутск : 1990. – 22 с.
45. *Климанов В. А.* Климат северной Евразии в аллередском периоде позднеледниковья // Известия АН, сер. географ. 1995, № 5. С. 81–93.
46. *Кундышев А. С.* Палиностратиграфия и ландшафты кайнозоя Ванкаремской впадины (Чукотка). – Владивосток : ДВО АН СССР, 1992. – 131 с.
47. *Лаухин С. А.* Особенности заселения Северной Азии палеолитическим человеком // Человек заселяет планету Земля. – Москва : ИГ РАН, 1997. – С. 156–172.
48. *Лаухин С. А., Дроздов Н. Н., Панычев В. А., Величко С. В.* Возраст последнего оледенения на севере Восточной Чукотки // Известия АН СССР. Серия «Геология». – 1989. – № 3. – С. 136–140.

49. Ложкин А. В. Границы Берингии в позднем плейстоцене и голоцене // Четвертичная палеогеография Берингии. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН. — 2002. — С. 4–12.
50. Ложкин А. В. Опыт реконструкции природной среды при изучении многослойных археологических памятников севера Дальнего Востока // Путь на Север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. — М., 2008. — С. 253–259.
51. Ложкин А. В., Андерсон П. М., Брубейкер Л. Б., Котов А. Н., Котова Л. Н., Прохорова Т. П. Травянистая пыльцевая зона в осадках ледниковых озер Чукотки // Изменение природной среды Чукотки в четвертичный период. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1998. — С. 96–111.
52. Матросова Т. В. Климат и растительность голоцена континентальной Чукотки (по палинологическим данным осадков района озера Эльгыгытгын) // Научная молодежь Северо-Востока России : сб. материалов II Межрегиональной конференции молодых ученых. — Магадан : ООО «Полиарк», 2008. — С. 146–148.
53. Матросова Т. В. Изменение растительности и климата Северной Чукотки за последние 350 тыс. лет (по палинологическим данным осадков оз. Эльгыгытгын) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. — 2009. — № 2. — С. 23–30.
54. Матросова Т. В., Андерсон П. М., Ложкин А. В., Минюк П. С. Климатическая история Чукотки за последние 300 тыс. лет по данным пыльцевой летописи оз. Эльгыгытгын // Климатические летописи в четвертичных осадках Берингии. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. — С. 26–42.
55. Мезолит СССР. 1989 / Под ред. Л. В. Кольцова. — М. : Наука. — 352 с.
56. Минюк П. С., Новачек Н. Р., Глушкова О. Ю., Смирнов В. Н., Бригхем-Гретте Дж. и др. Палеоклиматические данные оз. Эльгыгытгын, Северо-Восток России (комплексные исследования) // Процессы постседиментационного намагничивания и характерные изменения магнитного поля и климата Земли в прошлом. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. — С. 91–135.
57. Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. — М. : Наука, 1969. — 255 с.
58. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. — Новосибирск : Наука, 1977. — 264 с.
59. Новейшие отложения и палеогеография плейстоцена Чукотки / Ред. Каплин П. А. — Москва : Наука, 1980. — 285 с.
60. Орехов А. А. Раннеголоценовая стоянка-мастерская Путурак (Чукотский полуостров) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. — 2014 — № 3. — С. 84–94.
61. Орехов А. А. Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 35. — Владивосток, 2022. — С. 34–58.
62. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. — Новосибирск : Наука, 1974. — 256 с.
63. Питулько В. В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. — М., 2004. — С. 99–145.
64. Питулько В. В. Расселение и адаптации древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем неоплейстоцене — раннем голоцене : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2022. — 254 с.
65. Пташинский А. В. Новые памятники поздней ушковской верхнепалеолитической культуры на Камчатке // Мультидисциплинарные исследования в археологии. — 2018. — № 1. — С. 91–98.
66. Свиточ А. А. Морской плейстоцен побережий России. — М. : ГЕОС, 2003. — 362 с.
67. Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — 234 с.

68. *Слободин С. Б.* Перспективы археологических исследований ранних комплексов на Северо-Востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 49–60.
69. *Слободин С. Б.* Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.
70. *Слободин С. Б.* Черешковые наконечники ушковского типа в Берингии // II Диковские чтения. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 308–314.
71. *Слободин С. Б.* Бифронтальные клиновидные нуклеусы в культурах Берингии // Материалы III Всероссийского археологического съезда. – М., 2011. – С. 89–90.
72. *Слободин С. Б.* Палеолитическая стоянка на о. Айон (Чукотка) // Чтения памяти академика К. В. Симакова. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2015. – С. 238–241.
73. *Слободин С. Б.* Культурная динамика на Северо-Востоке Азии в позднем плейстоцене и раннем голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : ИГУ, 2015. – С. 219–229.
74. *Слободин С. Б.* Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. – 2018. – № 3. – С. 58–74.
75. *Слободин С. Б., Андерсон П. М., Глушкова О. Ю., Ложкин А. В.* Западная Берингия (Северо-Восток Азии) // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : Атлас-монография. – М. : ГЕОС, 2014. – С. 209–257.
76. *Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Г., Осипова Л. П. и др.* Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов: Проблемы индеанистики. – М., 1988. – С. 19–32.
77. *Сулержитский Л. Д.* Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и севера Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. – Москва : ИГ РАН, 1997. – С. 184–200.
78. *Томирдиаро С. В.* Природные процессы и освоение зоны вечной мерзлоты. – М. : Недра, 1978. – 145 с.
79. *Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья. – СПб. : Изд. «Дм. Буланин», 1998. – 341 с.
80. *Хопкинс Д. М.* История уровня моря в Берингии за последние 250 000 лет // Берингия в кайнозое. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 9–27.
81. *Шило Н. А., Ложкин А. В., Андерсон П. М., Белая Б. В., Стеценко Т. В., Глушкова О. Ю., Бригхем-Гретти Дж., Меллес М., Минюк П. С., Новачек Н., Форман С.* Первая непрерывная пыльцевая летопись изменений климата и растительности Берингии за последние 300 тысяч лет // Доклады РАН. – 2001. – Т. 376. – № 2. – С. 231–234.
82. *Bradley R. S.* Quaternary paleoclimatology: methods of paleoclimatic reconstruction. – Boston and London : Allen and Unwin, 1985. – 472 p.
83. *Derevianko A. P., Zenin V. N., Shewkomud I. Y.* Palaeolithic of the Priamurye (Amur river basin) // Archaeology of the Russian Far East: essays in stone age Prehistory. BAR International Series 1540. – Oxford : 2006. – P. 55–73.
84. *Dikov N. N.* The Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in connection with the problems of peopling of America via Beringia // Traditional cultures of the pacific societies. – Seoul, 1990. – P. 55–66.
85. *Forman S. L., Pierson J., Gomez J., Brigham-Grette J. Nowaczyk N. R., Melles M.* Luminescence geochronology for sediments from Lake El'gygytgyn, Northeast Siberia, Russia: constraining the timing of paleoenvironmental events for the past 200 ka // Journal Paleolimnology. – 2007. – № 37. – Pp. 77–88.
86. *Goebel T. E., Slobodin S. B.* The colonization of Western Beringia: technology, ecology, and adaptations // Ice age peoples of North America / Ed. by R. Bonnichson, K. L. Turnmire. – Oregon Univ., Oregon, 1999. – Pp. 104–155.

87. *Guthrie D.R.* Frozen fauna of the mammoth steppe. – Chicago, London, 1990. – 323 p.
88. *Juschus O., Preusser F., Melles M., Radtke U.* Applying SAR-IRSL methodology for dating fine-grained sediments from Lake El'gygytgyn, northeastern Siberia // *Quaternary Geochronology*. – 2007. – № 2. – Pp. 187–194.
89. *Holmes Ch. E.* The Taiga period: Holocene archaeology of the northern boreal forest, Alaska // *Alaska Journal of Anthropology*. 2008. – 6 (1–2), – Pp. 69–81.
90. *Kiryak M.A.* Bolshoi Elgakhchan 1 and 2, Omolon River Basin, Magadan District // *American beginnings*. – University of Chicago Press, Chicago, 1996. – P. 228–236.
91. *Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., ... Slobodin S., et al.* The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. – 2019. – Vol. 570. – P. 182–188.
92. *Slobodin S.* Northeast Asia in the Late Pleistocene and Early Holocene // *World Archaeology*. – 1999. – Vol. 30, No. 3. – Pp. 484–502.
93. *Slobodin S.* Western Beringia at the End of the Ice Age // *Arctic Anthropology*. – 2001. – Vol. 38, No. 2. – Pp. 31–47.
94. *Slobodin S.B.* Late Pleistocene and Early Holocene Cultures of Beringia: the General and the Specific // *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*. – Texas A&M University, College Station, Texas. 2011. – Pp. 145–164.
95. *Slobodin S.B., Anderson P.M., Glushkova O. Yu., Lozhkin A.V.* Western Beringia (North-East of Asia) // *Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*. – London : Academic Press, 2017. – Pp. 239–298.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРЫШЕВ Илья Борисович (15 декабря 1958 г.), старший научный сотрудник Отдела «Морская арктическая комплексная экспедиция и морское наследие России» Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва). Научные интересы — археология и история Арктики. Проводил археологические исследования на Новой Земле, берегах Белого моря, на Соловецких островах, на о. Вайгач, в Большеземельской и Малоземельской тундрах, на Городецком озере, в том числе на Пустозерском городище (Ненецкий автономный округ), на Земле Франца-Иосифа, Тай-

мыре, Ямале, Северной Земле, Сахалине, Камчатке, Карелии, в Архангельской и Магаданской областях и Республике Коми, Южной Якутии. Участвовал в раскопках в Московской области в составе Подмосковной экспедиции Государственного исторического музея, археологических исследованиях Института археологии РАН в Троице-Сергиевой лавре и г. Ярославле.

Имеет более 70 публикаций, в том числе является соавтором 5 монографий из серии «Острова и архипелаги Российской Арктики», автором монографии «Языческие святилища острова Вайгач» (2011 г.), соавтором научно-популярной книги «Полярный лётчик А. Д. Алексеев. Страницы биографии» (2023 г.).

ДЕРЖАВИН Виктор Леонидович (16 апреля 1949 г.), кандидат исторических наук. Место работы — Институт археологии РАН (г. Москва), старший научный сотрудник. Научные интересы — археология и история Арктики. Места археологических исследований — архипелаг Шпицберген.

Основные публикации:

1. *Державин В.Л.* Северо-Восточный проход и экспедиция В.Я. Чичагова. — М. : изд-во «Юлис», 2019. — 76 с.
2. *Державин В.Л., Колесников А.Б.* Археологическая коллекция музея «Помор» на Шпицбергене. Исследования в Арктике Института археологии Российской академии наук : Каталог. — М. : 2020. — 160 с.
3. *Старков В.Ф., Державин В.Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). — М. : Научный мир, 2003. — 179 с.

ЗЕЛЕНСКАЯ Алиса Юрьевна (28 января 1990 г.), научный сотрудник в лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН (Магадан). Научные интересы — археология Северо-Востока Азии. Места археологических исследований — Верхняя Колыма и Приохотье.

Основные публикации:

1. *Зеленская А. Ю.* Костяные изделия Усть-Бельского могильника и некоторые вопросы культурного взаимодействия в неолите на севере Дальнего Востока // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — № 4 (39). — С. 5–15 (ВАК, ERIN PLUS).
2. *Зеленская А. Ю.* Клад каменных заготовок с р. Иганджа на Верхней Колыме: культурно-хронологическая атрибуция через призму неолитических кладов Северо-Востока Азии // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — № 2. — С. 43–53 (ВАК).
3. *Зеленская А. Ю.* Техничко-типологическая и культурно-хронологическая характеристика материалов стоянки Бауман I на Верхней Колыме // Чтения памяти академика К. В. Симаква : материалы докладов Всероссийской научной конференции (Магадан, 22–24 ноября 2015 г.). — Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2015. — С. 224 – 227.
4. *Зеленская А. Ю.* Средний неолит Северо-Востока Азии: историография вопроса // Чтения памяти академика К. В. Симаква : материалы докладов Всероссийской научной конференции (Магадан, 26–28 ноября 2013 г.). — Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2013. — С. 250–252.
5. *Зеленская А. Ю.* Поздненеолитические захоронения Северо-Востока Азии. Обряд и погребальные комплексы. Общее и особенное // Материалы IV Северного Археологического Конгресса. — Ханты-Мансийск, 2015. — С. 74–77.
6. *Зеленская А. Ю.* Анализ костяных изделий со стоянки Усть-Белая, курган 15 и проблема культурного взаимодействия // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сборник научных трудов (Барнаул — Белокуриха, 2–7 октября 2017 г.). — Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2017. — С. 411–412.
7. *Слободин С. Б., Зеленская А. Ю.* Из истории археологических исследований северо-западного побережья Охотского моря (к 90-летию выхода первой публикации по археологии северного побережья Охотского моря В. И. Огородникова) // Вестник НГУ. Выпуск «Археология и этнография». Вып. 5. — 2021. — С. 20–31.
8. *Зеленская А. Ю., Слободин С. Б.* Новые данные по археологии Верхней Колымы // X Крушановские чтения «Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке» : Материалы всероссийской научной конференции (г. Владивосток, 1–3 июня 2021 г.). — Владивосток : Дальнаука, 2021. — С. 249–257.

КАРМАНОВ Виктор Николаевич (14 апреля 1978 г.), кандидат исторических наук. Работает в Институте ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар) в должности ведущего научного сотрудника отдела археологии. Научные интересы — эпоха камня и раннего металла северо-востока Европы. Проводил археологические исследования в Республике Коми и Ненецком АО.

Основные публикации:

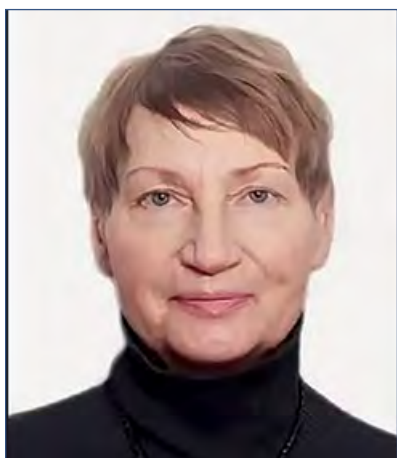
1. Карманов В. Н. Неолит европейского Северо-Востока. — Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2008. — 226 с.
2. Карманов В. Н. Памятники камской культуры в бассейне Вычегды // Археология Волго-Уралья : В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова ; отв. ред. М. Ш. Галимова. — Казань : Изд-во АН РТ, 2021 а. — 444 с.
3. Карманов В. Н. Льяловская культура на европейском Северо-Востоке // Археология Волго-Уралья : В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова ; отв. ред. М. Ш. Галимова. — Казань : Изд-во АН РТ, 2021 б. — 444 с.
4. Выборнов А. А., Лычагина Е. Л., Гусенцова Т. М., Никитин В. В., Ставицкий В. В., Березина Н. С., Карманов В. Н., Морозов В. В. Камская неолитическая культура // Археология Волго-Уралья : В 7 т. Т. 1. Каменный век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова ; отв. ред. М. Ш. Галимова. — Казань : Изд-во АН РТ, 2021. — 444 с.
5. Карманов В. Н., Косинская Л. Л. Чойновтинская культура // Археология Волго-Уралья : В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова ; отв. ред. А. А. Чижевский. — Казань : Изд-во АН РТ, 2021 а. — 728 с.
6. Карманов В. Н., Косинская Л. Л. Чужьяельская культура на европейском Северо-Востоке // Археология Волго-Уралья : В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова ; отв. ред. А. А. Чижевский. — Казань : Изд-во АН РТ, 2021 б. — 728 с.
7. Dolbunova E., Karmanov V. et al. The transmission of pottery technology among prehistoric European hunter-gatherers // Nature Human Behavior. 2022. — URL: <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01491-8> (дата обращения: 29.10.2024).
8. Karmanov V. N., Zaretskaya N. E. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: scopes and limits of a supraregional database // Documenta Praehistorica. XLVIII. 2021. — URL: https://www.researchgate.net/publication/355595838_Radiocarbon_Dating_of_Holocene_Archaeological_Sites_in_the_Far_Northeast_of_Europe_Scopes_and_Limits_of_a_Supraregional_Database (дата обращения: 29.10.2024).

МУРЫГИН Александр Михайлович (27 ноября 1947 г.), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр» Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар). Научные интересы — материальная культура и этногенез древнего финно-угорского и самодийского населения европейского Северо-Востока. Проводил археологические исследования в Республике Коми, Архангельской области, Ненецком автономном округе.

Основные публикации:

1. *Мурыгин А. М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. — М. : Наука, 1992. — 182 с.
2. *Мурыгин А. М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. — Екатеринбург, УрО РАН. 2001. — 151 с.
3. *Мурыгин А. М.* Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I / Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа, ГБУК «ИКИЛМЗ «Пустозерск», Институт ЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН». — Нарьян-Мар — Сыктывкар : ООО «Коми Республиканская типография», 2019. — 96 с.
4. *Мурыгин А. М.* Некоторые вопросы освоения крайнего северо-востока европейской части России в эпоху железа по археологическим данным // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». — № 5 (45). — Сыктывкар : 2020. — С. 17–23.
5. *Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В.* Древнее святилище на реке Море-Ю : каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. / Департамент образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа. — Сыктывкар : Издательская группа «Караван», 2016. — 311 с.
6. *Мурыгин А. М., Астахова И. С.* Шлаки из раскопок археологического памятника — городище Кобылиха (Ненецкий автономный округ) // Вестник геонаук. — 2022. — 3 (327). — С. 31–41.
7. *Murygin A. M.* On the problem of formation the cultures of the Early Iron Age and the Middle Ages of the taiga and tundra zones in the extreme North-East of Europe // 5th International Scientific Conference “Arctic: History and Modernity”. IOP Conf. Series : Earth and Environmental Science 539 (2020) 012010 / IOP Publishing.
8. *Murygin A., Astakhova I.* Experience of Microprobe Research of Archaeological Items from the Excavations of the Yugorskaya Sopka Settlement (Nenets Autonomous Area) / In: Beskopylny, A., Shamtsyan, M., Artiukh, V. (eds) // XV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2022”. INTERAGROMASH 2022. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 574. Springer, Cham. (Опубликовано 5 февраля 2023 г.)

ОКЛАДНИКОВА Елена Алексеевна (13 октября 1951 г.), доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Научные интересы — социальная история, социальная антропология, этнология, музееведение.

Основные публикации:

1. *Окладникова Е.А.* Загадочные личины Азии и Америки. — Новосибирск : Наука, 1979. — 165 с.
2. *Окладникова Е.А.* Петроглифы средней Катуни. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1984. — 110 с.
3. *Окладникова Е.А.* Тропой Когульдея. — Л. : Лениздат, 1990. — 190 с.
4. *Окладникова Е.А.* Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки (Проблема этнокультурных контактов коренного населения Северной Америки и аборигенов Сибири). — СПб. : 1995. — 333 с.
5. *Окладникова Е.А.* Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования : монография. — М. — Берлин : Директ-Медиа, 2014. — 230 с.
6. *Окладникова Е.А.* Трудовая миграция в нарративах жителей Санкт-Петербурга: этнофобии, конфликты, технологии толерантности. — М. : Директ-Медиа, 2015. — 272 с.
7. *Окладникова Е.А.* «Деревенька моя» — образ поселения глазами жителей Лаголовского поселения. — СПб. : L-Print, 2017.
8. *Окладникова Е.А.* Северорусский культурный канон в картине мира современных вологжан // «Ното Eurasicus» в системах исторических и межпоколенных коммуникаций Русского Севера. — СПб. : ООО «Своё издательство», 2022. — С. 112–132.
9. *Авдеев А.Г., Авдеев А.Г., Окладникова Е.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Коршун В.Е.* Владельческие надписи на рукоятках ножей, найденных на берегу залива Симса: чтение, интерпретация, датировка // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 18. — М. : Ин-т археологии РАН, 2022. — С. 280–296.

ОКОРОКОВ Александр Васильевич (22 апреля 1958 г.), доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук, действительный член Русского географического общества, член-корреспондент Международного комитета по подводному культурному наследию, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (г. Москва). Проводил комплексные подводные исследования в составе Морской арктической комплексной экспедиции, работал на Чёрном, Белом, Каспийском, Баренцевом, Азовском, Балтийском морях, акватории арктических островов, внутренних водоёмах России.

Сфера профессиональных интересов — подводная археология, памятниковедение, история российского зарубежья, военная история. К настоящему времени — автор 56 книг и брошюр, более 300 научных и научно-популярных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

Основные публикации:

1. *Окороков А. В.* Материалы по истории деревянного судостроения XVIII–XIX вв. (на основе археологических исследований) / АН СССР, М-во культуры РСФСР, НИИ культуры и др. — М. : НИИК, 1991. — 48 с.
2. *Окороков А. В.* Древнейшие средства передвижения по воде. — Калининград, 1994. — 218 с.
3. *Окороков А. В.* Затонувшие корабли. Затопленные города. — М. : Евразия+, 1996. — 120 с.
4. *Окороков А. В.* История отечественной подводной археологии / Отв. ред. В. Г. Сташевский. — М. : Кнорус, 2008. — 160 с.
5. *Окороков А. В.* Сокровища на дне. — М. : Вече, 2011. — 320 с.
6. *Окороков А. В.* Ока и окское судоходство. — М. : Вече, 2017. — 544 с.
7. *Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. I. Черное и Азовское моря. — М. : Институт Наследия имени Д. С. Лихачёва, 2016. — 440 с.
8. *Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. II. Моря российской части Арктики и Дальнего Востока. — М. : Институт Наследия имени Д. С. Лихачёва, 2018. — 224 с.
9. *Дубровин Г. Е., Окороков А. В., Старков В. Ф., Черносивтов П. Ю.* История северорусского судостроения / Институт археологии РАН, Российский институт культурологии. — СПб. : Алетейя, 2001. — 404 с.

ПИТУЛЬКО Владимир Викторович (9 января 1960 г.), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Научные интересы — археология и палеогеография Арктики. Места археологических исследований в целом — Печорское Заполярье и о. Вайгач, п-ов Ямал, п-ов Таймыр, Восточно-Сибирская Арктика, включая Новосибирские о-ва, Чукотку и о. Врангеля, п-в Аляска; в последние 25 лет — арктическая Восточная Сибирь и Новосибирские о-ва.

Автор и соавтор более 300 научных работ, входит в мировой рейтинг наиболее цитируемых ученых Elsevier Top-2 (с 2023 г.). Лауреат премии Research Excellence Award Russia в области гуманитарных наук (2021 г.).

Основные публикации:

1. *Питулько В.В.* Жоховская стоянка. — СПб. : Изд. «Дм. Буланин», 1998.
2. *Питулько В.В., Павлова Е.Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. — СПб. : Наука, 2010.
3. *Pitulko V.V., Nikolskiy P.A.* Extinction of woolly mammoth in Northeastern Asia and the archaeological record // *World Archaeology*. 2012. Vol. 44. P. 21–42.
4. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Ivanova V.V., Nikolskiy P.A.* The Oldest Art of Eurasian Arctic // *Antiquity*. 2012. Vol. 86 (333). P. 642–659.
5. *Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E.* Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // *Paloamerican Odyssey*. College Station : Texas A&M University, 2013. P. 13–44.
6. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A.* Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // *World Archaeology*. 2015. Vol. 47. P. 333–389.
7. *Pitulko V.V., Ivanova V.V., Kasparov A.K., Pavlova E.Y.* Reconstructing Prey Selection, Hunting Strategy and Seasonality of the Early Holocene frozen site in the Siberian High Arctic: a Case Study on the Zhokhov Site faunal remains, De Long Islands // *Environmental Archaeology*. 2015. Vol. 20. P. 120–157.
8. *Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P.* Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // *Quaternary Science Reviews*. 2017. Vol. 165. P. 127–148.
9. *Pitulko V.V., Pavlova E.Y.* Ecological Constraints and Drivers for Human Dispersals and Adaptations in the Late Pleistocene and Early Holocene Environments of the East Siberian Arctic // *Quaternary*. 2023. Vol. 6. P. 56.

СЛОБОДИН Сергей Борисович (18 ноября 1959 г.), кандидат исторических наук, отличник народного просвещения. Работает в лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН (Магадан) в должности ведущего научного сотрудника. Научные интересы — археология Северо-Востока Азии, Берингии, Аляски, топонимика, этнография, первопроходцы на Северо-Востоке Азии. Места археологических исследований — Верхняя Колыма и Приохотье, Аляска.

Основные публикации:

1. *Слободин С. Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — 246 с.
2. *Слободин С. Б.* Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. — Магадан : СВКНИИ, 2001. — 202 с.
3. *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. — Санкт-Петербург : РАН, Институт истории материальной культуры, 2015. — 448 с.
4. *Слободин С. Б., Андерсон П. М., Глушкова О. Ю., Ложкин А. В.* Западная Берингия (Северо-Восток Азии) // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды : Атлас-монография. — М. : ГЕОС, 2014. — С. 209–257.
5. *Slobodin S. B., Anderson P. M., Glushkova O. Yu., Lozhkin A. V.* Western Beringia (North-East of Asia) // Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment // Academic Press, Elsevier, 2017. P. 650.
6. *Slobodin S., King M.* The Upper Palaeolithic of the Upper Kolyma Region, Northeast Russia // American Beginnings. — Chicago, 1996. — Pp. 236–244.
7. *King M. L., Slobodin S.* A Fluted Point from the Uptar Site, Northeastern // Science, Vol. 273, 1996. — Pp. 634–636.
8. *Slobodin S. B.* Late Pleistocene and Early Holocene Cultures of Beringia: the General and the Specific // From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia, Center for the Study of First Americans, Department of Anthropology, Texas A&M University, College Station. — Texas : 2011. — Pp. 145–164.

Научное издание

Археология Российской Арктики

Том 2

Под общей редакцией
Окорокова Александра Васильевича,
Барышева Ильи Борисовича

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректор: *И. А. Птицын*
Компьютерная вёрстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
info@heritage-institute.ru

Тираж 100 экз. Заказ № 150.
Отпечатано в АО «Т8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия —
www.heritage-institute.ru, раздел «Издания».